ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Исторический факультет

ИСТОРИЯ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Учебник для студентов высших учебных заведений

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2008

УДК 94(470.6)
ББК 63.3(235.7)
И 90

Печатается по решению редакционно-издательского совета Южного федерального университета

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор ***Нарежный А. И.,***
доктор исторических наук, профессор ***Кислицын С. А.***

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор ***Венков А. В.***

Учебник подготовлен и издан в рамках национального проекта «Образование» по «Программе развития федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Южный федеральный университет" на 2007–2010 гг.»

И 90 **История донского казачества:** учебник. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. – 464 с.

ISBN 978-5-9275-0424-4

Учебник «История донского казачества» подготовлен ведущими учеными Южного федерального университета. Учебник раскрывает сложную историю донского казачества с момента его возникновения до настоящего времени. Много внимания уделяется проблемам взаимоотношений казаков с Российским государством, военной службе казаков, участию их в войнах России.

Учебник может быть использован при чтении базового курса «История Дона и Северного Кавказа» и ряда спецкурсов для бакалавров и магистров по проблемам региональной истории.

Предназначен для студентов исторических и гуманитарных факультетов вузов страны.

ISBN 978-5-9275-0424-4 **УДК 94(470.6)**
ББК 63.3(235.7)

© Коллектив авторов, 2008
© Южный федеральный университет, 2008
© Оформление. Макет. Издательство Южного федерального университета, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5
История донского казачества XVI–XVII вв.
как научная проблема. Историография. Источники 5

Часть I
Донское казачество в XVI – начале XVII в. 14
§ 1. Происхождение донского казачества 14
§ 2. Донское казачество в войнах XVI в. 22
§ 3. Донское казачество в годы Смуты в России начала XVII в. 26
§ 4. Казачье население на Дону в XVII в. 35
§ 5. Источники существования донского казачества
и начало хозяйственного освоения Дона 43
§ 6. Демократический строй на Дону в XVI–XVII вв. 52
§ 7. Донское казачество в отношениях с Россией в XVII в. 60
§ 8. Азовское взятие и осадное сидение
Войска Донского (1637–1642 гг.) 67
§ 9. Донское казачество в Разинском восстании (1667–1671 гг.) 74
§ 10. Движение донских старообрядцев в конце XVII в. 82
§ 11. Культура донского казачества XVI–XVII вв. 88
Литература 93

Часть II
Земля Войска Донского в XVIII–XIX вв. 96
§ 1. Территория, границы,
территориально-административное устройство 96
§ 2. Состав и численность казачества. Города и станицы 101
§ 3. Сельское хозяйство, промышленность и торговля
в XVIII – первой половине XIX в. 104
§ 4. Развитие промышленности, торговли,
дорожно-транспортной сети и средств связи 109
§ 5. Организация власти и управления в Земле
Войска Донского в XVIII – 60–70-х годах XIX в.
Центральное и войсковое управление 113
§ 6. Органы местного, дворянского и церковного управления 123
§ 7. Органы центрального и войскового военного управления
Войском Донским в XVIII – 70-х годах XIX в. 135
§ 8. Местное военное управление, полковая организация 149
§ 9. Донское казачество в войнах Российской империи
в период правления императора Петра I –
императрицы Елизаветы Петровны 162

§ 10. Участие донского казачества в войнах, походах и экспедициях России второй половины XVIII в. 185
§ 11. Донское казачество во внешней политике России в начале XIX в. 198
§ 12. Донские казаки в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. 217
§ 13. Донские казаки в войнах России на Кавказе и в Закавказье 226
§ 14. Донское казачество в войнах с Османской империей в середине и во второй половине XIX в. 241
§ 15. Общественно-политическая мысль и борьба на Дону в XVIII–XIX вв. 257
§ 16. Культура донского казачества в XVIII–XIX вв. Физический облик, одежда, семья, пища 266
Литература 293

Часть III
Донские казаки в XX в. 296
§ 1. Донские казаки в русско-японской войне 1904–1905 гг. 296
§ 2. Донское казачество и революция 1905–1907 гг. 301
§ 3. Войско Донское перед Первой мировой войной 307
§ 4. Культура донского казачества в начале XX в. 311
§ 5. Донские казачьи депутаты в 1-й Государственной Думе 318
§ 6. Казачьи депутаты во 2-й, 3-й и 4-й Государственных Думах 321
§ 7. Донские казаки в Первой мировой войне 325
§ 8. Донское казачество и Февральская революция 330
§ 9. Донское казачество в период между Февральской и Октябрьской революциями 335
§ 10. Казачество и Октябрьская революция 340
§ 11. Донская советская республика 346
§ 12. Всевеликое Войско Донское 359
§ 13. Красные казаки 368
§ 14. Донские казаки в поисках «третьего пути» 377
§ 15. Поражение донских казаков в борьбе с большевиками 388
§ 16. Установление советской власти на Дону 398
§ 17. Донские казаки в эмиграции 404
§ 18. Культура казачьей эмиграции в 1921–1941 гг. 413
§ 19. Общественно-политическое и экономическое положение донского казачества в 1920–1930-х гг. 420
§ 20. Донское казачество в Великой Отечественной войне 425
§ 21. Возрождение донского казачества 436
§ 22. Донское казачество на рубеже XX–XXI вв. 443
§ 23. Казачьи органы местного территориального самоуправления на современном этапе 448
§ 24. Культура казачества в постсоветский период 454
Литература 461

ВВЕДЕНИЕ

История донского казачества XVI–XVII вв. как научная проблема. Историография. Источники

Особенностью современной общественной и культурно-исторической ситуации является ярко выраженный интерес к реальности прошлого во всех ее конкретных проявлениях. Определяется это спецификой нынешней эпохи, связанной со сложными и противоречивыми процессами формирования нового российского общества, основанного на началах демократии. Как и во всякую переломную историческую эпоху, в нынешнее время в обществе наблюдается обострение чувства истории, стремление к поиску истоков и корней, выявлению существовавших в прошлом и утраченных традиций, о которых сохранилась глубокая историческая память. В полной мере это касается интереса к прошлому донского казачества, представлявшему собой одно из наиболее ярких проявлений исторической жизни России и ряда соседних стран на протяжении всей истории своего существования. Такой интерес имеет самые разнообразные выражения – от появления новой литературы разного уровня на темы донской истории и культуры до активной деятельности региональных музеев и краеведов, направленной на углубление знаний о прошлом казачества и популяризацию этих знаний. Выражением этого интереса являются попытки воссоздания в новых исторических условиях казачьих структур и со стремлением вписать их в сложившиеся к нашему времени реальности.

Большой общественный интерес к истории донского казачества является важной движущей силой, определяющей стремление к ее познанию. Вместе с тем познание прошлого донского казачества определяется интересами современной исторической науки. Во-первых, связано это с тем, что история донского казачества сама по себе представляет исторический феномен, вне учета роли которого невозможно понять факты, явления и процессы внутренней российской истории и истории международных отношений в большом регионе Причерноморья. Во-вторых, это определяется тем, что в истории донского казачества и, в частности в ранней его истории,

охватывавшей XVI–XVII вв., к настоящему времени существует целый ряд проблем. К ним относится, прежде всего, его происхождение, по поводу которого в исторической науке и в массовом историческом сознании содержатся самые разные, причем порой противоречивые и ненаучные, версии. Дискуссионными в историографии являются вопросы, касающиеся характера и особенности внутреннего строя на Дону, времени и особенности процесса образования Войска Донского, сущности отношений между Доном и Россией и степени суверенитета Дона на разных этапах донской истории того времени. Все больший интерес вызывают за последнее время проблемы военной истории донского казачества и истории его международного положения. По существу, проблемы истории глубоко самобытной донской культуры XVI–XVII вв. в значительной мере еще ждут своего исследователя.

Указанные обстоятельства выдвигают изучение истории донского казачества не только в качестве общественно актуальной, но и перспективной задачей в научном отношении.

Историография донского казачества раннего периода его исторического существования весьма богата и разнообразна.

Первыми историками донского казачества XVI–XVII вв. выступали сами донские казаки. В таких историографических источниках того времени, как донской фольклор, повести об азовском взятии и осадном сидении, а также в отдельных войсковых отписках в Москву казаки выразили взгляды на собственную историю. По представлению казаков, выраженному в этих источниках, они представляли собой сообщество вольных людей. Свое право на Дон и Донскую землю они связывали с пожалованием их царем Иваном Васильевичем за «казанскую службу». В отписке в Москву 1632 г. они подчеркивали вольный характер своей службы, начиная от Ивана Грозного до событий Смутного времени. Казаками было изложено первое развернутое историческое повествование о борьбе Войска Донского за Азов, где свое право на обладание городом они обосновывали идеей греческого наследия, связанного с пребыванием в древности греков в низовьях Дона и общностью вероисповедания с современными им греками.

В русской историографии проблемы истории донского казачества были поставлены в XVIII в. Наибольшее внимание уделялось происхождению казачества, которое В. Н. Татищев и Г. З. Байер относили еще к эпохе раннего средневековья и связывали с пятигорскими черкесами. Первый специальный труд по истории донского казачества был создан во второй половине XVIII в. строителем крепости Святого Димитрия, инженер-генерал-майором А. И. Ригельманом. Основные события донской истории вплоть до подавления Пугачевского восстания он оценивал с позиций монархизма. Большой за-

слугой Ригельмана было освещение им взглядов современного ему казачества на свое прошлое.

Первая половина XIX в. была временем возникновения трудов по истории донского казачества, созданных самими казаками. Для этого имелся ряд предпосылок. Одной из них стало утверждение Н. М. Карамзина о том, что происхождение казаков было «не весьма благородно». Такое утверждение великого российского историографа задевало приобретавшую дворянские права донскую верхушку, стремившуюся к слиянию с российским дворянством. Второй причиной стало появление слоя казачества, получившего образование, выражавшего интерес к донской истории и способного исследовать ее и размышлять над ней. Наконец, этому способствовала такая особенность духовной культуры казачества, как повышенный интерес к своему прошлому.

Первым трудом такого рода стала книга А. Попова «История о Донском войске». Книга вышла неудачной. Другой труд, созданный В. Д. Сухоруковым и названный «Историческое описание Земли войска Донского», представлял собой выдающееся явление не только донской, но и русской историографии. Историк ввел в научный оборот широкий круг источников, которые он опубликовал в виде сносок к своему тексту. Для Сухорукова была характерна определенная идеализация внутреннего строя донского казачества. Сосланный за связь с декабристами на Кавказ, Сухоруков не увидел при жизни издания своей книги. Еще одним интересным явлением ранней донской историографии стал труд есаула Е. Н. Кательникова, посвященный истории его родной станицы Верхне-Курмоярской. По существу, это был первый труд по истории отдельного донского поселения. Труд Кательникова, как и Сухорукова, был издан после смерти автора. В российской историографии наиболее заметным явлением был небольшой труд Н. А. Полевого о взятии казаками Азова и об Азовском осадном сидении.

В русской историографии второй половины XIX – начала XX в. история казачества была глубоко осмыслена в рамках концепций истории России и Дона. Для концепции истории России С. М. Соловьева был характерен взгляд на казачество как на антигосударственный элемент, склонный к грабежам, анархии и смуте. Меры властей, направленные на подавление казачьих бунтов, на подчинение казачества и на закрепление Дона в составе государства, Соловьев полностью одобрял. В историографии конца XIX в. с ее большим интересом к проблемам экономической и социальной истории обращалось особое внимание на факторы, связанные с хозяйственным и социальным развитием русских земель конца XV–XVI в., которые привели к возникновению казачества на Дону. С таких позиций история формирования казачества рассматривалась в трудах В. О. Ключевского, П. А. Соколовского,

Д. И. Багалея. Глубокое исследование движения донских старообрядцев конца XVII в. и огромную работу по публикации архивного фонда «Донские дела» провел В. Г. Дружинин. В начале XX в. в донской историографии были сформированы концепции истории самого донского казачества. В концепции С. Г. Сватикова Войско Донское было представлено в качестве появившегося в середине XVI в. суверенного казачьего государства, независимость которого задавило российское самодержавие при Петре I. В концепции П. П. Сахарова подчеркивался трудовой, промысловый характер первых донских казачьих общин XVI в., которые имели русско-украинское происхождение, включали в себя также представителей других этносов и постепенно превращались в военные общины. Как и Сватиков, Сахаров указывал на существование в XVI–XVII вв. политической самостоятельности казачества, ликвидированной российской монархией. Значительный вклад в изучение донской истории внесли сотрудники созданного в 1839 г. областного Войска Донского статистического комитета А. А. Карасев, Х. И. Попов, А. А. Кириллов, З. И. Щелкунов, С. З. Щелкунов. Большое научное и просветительское значение имел Донской музей, созданный в 1890 г. в Новочеркасске по инициативе Х. И. Попова. По-прежнему большое внимание уделялось проблеме происхождения казачества, при этом В. М. Пудавовым настойчиво проводилась идея происхождения его в раннее средневековье, а Е. П. Савельевым – в глубокой древности. Им утверждалась точка зрения, согласно которой казачество не относится к русскому народу, но составляет особый народ. В историческом сознании казачества эта точка зрения имела прочные позиции.

Продолжением дореволюционной донской историографии явилась казачья эмигрантская историография. Наиболее заметным ее явлением явился фундаментальный труд Сватикова «Россия и Дон», вышедший в свет в 1924 г. в Белграде, в котором воззрение на существование донской государственности до Петра I получило свое законченное выражение. Обстоятельное исследование военной истории Войска Донского, и, прежде всего, борьбы его за Азов, было проведено И. Ф. Быкадоровым. В рамках общего исследования истории донского казачества период XVI–XVII вв. рассматривался в крупных трудах А. А. Гордеева, И. П. Буданова, Г. В. Губарева. В них обосновывались идеи происхождения донского казачества до XVI в., его этнической обособленности от России, в целом характерные для исторического сознания казачества.

Значительное внимание ранней истории донского казачества уделялось в советской историографии. Концепция донской истории, характерная для 20-х – начала 30-х годов, была разработана Н. Л. Янчевским. Выступая с резкой критикой взглядов на историю Дона XVI–XVII вв., сложившихся в дореволюционной историографии, он с привлечением широкого круга источников

обосновывал взгляд на казачество как на наемное войско московского торгового капитала, поставленное для охраны торгового пути по Дону и Волге. Концепция Янчевского была подвергнута критике как односторонняя и тенденциозная. Более взвешенный взгляд на Войско Донское первой половины XVII в. дал С. И. Тхоржевский, подчеркивавший его независимость в то время от России. Значительный интерес вызывала в то время проблема участия донского казачества в народных движениях и, в частности, в Разинском восстании. Этой проблеме были посвящены исследования М. Я. Феноменова, С. И. Тхоржевского, Г. Е. Меерсона, Б. Н. Тихомирова, общий труд по русской истории Н. А. Рожкова, в которых она решалась в контексте распространенной в то время теории торгового капитализма. В целом казачество рассматривалось в этих трудах как явление консервативное и даже реакционное.

Со второй половины 30-х годов в советской историографии донское казачество XVI–XVII вв. стало рассматриваться как историческое явление феодального общества, сформировавшееся в специфических условиях внутреннего и международного положения России. Появились обобщающие работы, в которых содержалась его общая характеристика. Подчеркивалось русское происхождение казачества и обусловленность возникновения его на Дону внутренними противоречиями существовавшего в России того времени феодального общества. Вместе с тем в отдельных работах допускалось наличие у казачества предшественников на Дону в виде русского населения более раннего времени. Это было население Саркела – Белой Вежи, бродники или червленоярцы. В исследованиях второй половины 40-х годов Н. А. Смирнова и А. А. Новосельского давалась общая оценка роли казачества в борьбе России с Османской империей и Крымским ханством, которая признавалась как весьма значительная. По-прежнему большое внимание уделялось истории казачества в крупнейших народных движениях XVII в., происходивших в начале столетия и при С. Разине. Утвердилась концепция крестьянских войн, в рамках которой казачество рассматривалось в качестве организатора, застрельщика и передового борца восставшего народа. Роль казаков в событиях начала XVII в. рассматривалась П. Г. Любомировым, В. Н. Бернадским, И. И. Смирновым, Н. П. Долининым, И. С. Шепелевым. Участие казачества в Разинском восстании оказалось в центре внимания Н. С. Чаева, В. И. Лебедева, И. С. Степанова, Е. В. Чистяковой, В. И. Буганова, А. Н. Сахарова, А. П. Пронштейна, Н. А. Мининкова. Такие стороны экономической истории донского казачества, как торговля и царское жалованье за службу, на основе глубокого анализа архивных материалов изучалось А. А. Но-восельским и В. П. Загоровским.

Предпосылки формирования новых концепций истории донского казачества сложились в поздней советской историографии. В то время был справедливо оценен более значительный эпистемологический потенциал понятия Смуты применительно к событиям начала XVII в. в России и бунта применительно к Разинскому восстанию по сравнению с понятием крестьянской войны. Возвращение историографии того времени к понятию Смуты позволило глубже понять противоречивую роль казачества в бурных событиях того времени. В трудах Р. Г. Скрынникова и А. Л. Станиславского обращалось внимание на активную роль казачества в поддержке самозванцев, на его фактический раскол в период движения к Москве Народного Ополчения К. Минина и князя Д. М. Пожарского, на роль в избрании на престол Михаила Романова. Наряду с понятием Смуты в историографии постсоветского времени было возрождено понимание Разинского восстания как русского бунта. Рассматривая это восстание не как исторически закономерную в условиях феодализма крестьянскую войну, а как феномен русской культуры, В. М. Соловьев по-новому оценил роль в нем казачества. Видел он в нем не организатора антифеодальной борьбы, а носителя народного идеала вольности, в целом разрушительного для общества и государства, образ жизни которого был привлекателен для крестьянства и посадского населения.

Вновь обозначился интерес к военной истории донского казачества XVI–XVII вв. и тесно связанной с ней истории международной роли Войска Донского. Обстоятельное исследование азовского взятия и осадного сидения проведено О. Ю. Куцем. Наиболее крупным исследованием по этой проблеме стал вышедший в свет в 2002 г. труд В. Н. Королева «Босфорская война». Походы донских и запорожских казаков в XVI–XVII вв. на Константинополь и окрестности показаны в нем как явление огромного международного значения, как существенный вклад в антиосманскую борьбу европейских стран. По существу, Королевым был открыт как исключительно перспективный для дальнейшего исследования комплекс вопросов, связанный с сухопутными и морскими походами казачества против Турции и Крыма.

Оживился интерес к проблеме происхождения донского казачества. Определенную связь с этой проблемой В. Н. Королев видел в изучении русского населения турецкого Азова первой половины XVI в., сведения о котором он анализировал на основании турецких источников. Вместе с тем возник целый ряд исторических трудов, в которых обосновывался взгляд на казачество как на особый народ, происходивший в более раннюю эпоху, чем время Ивана Грозного.

Обобщающие исследования по истории донского казачества XVI–XVII вв. были созданы С. И. Рябовым и Н. А. Мининковым. В качестве новых вопросов историографии казачьей истории того

времени Мининковым поставлен вопрос о походах казаков за «зипунами» на Волгу и Каспийское море, о важнейших этапах заселения Дона казаками. Им была поддержана точка зрения С. Г. Сватикова и С. И. Тхоржевского о вассалитете Дона в XVII в. по отношению к русскому царю вплоть до поражения Разинского восстания. Рябовым были прослежены экономические связи Дона с южными русскими уездами во второй половине XVII в. на основе исследования источников, относящихся к коротоякской таможне.

Дальнейшее изучение истории донского казачества XVI–XVII вв. имеет весьма интересные перспективы. Прежде всего, они связаны с расширением источниковой базы за счет документальных материалов из турецких архивов. На необходимость введения их в научный оборот для изучения истории казачества неоднократно указывал В. Н. Королев. Существенные шаги в этом направлении поиска этих источников сделал современный историк казачества и общин казаков-некрасовцев Д. В. Сень. Трудность в их изучении связана с необходимостью их перевода с турецкого языка на основе арабской графики. Из числа проблем ранней истории донского казачества, представляющих научный интерес, выделяются вопросы истории населения и казачьих поселений, экономической истории Дона того времени, военно-морской истории. Не проводилось по существу изучение истории донского казачества этого времени в контексте микроистории, новой биографической истории, интеллектуальной истории. Последнее имеет очевидные перспективы применительно к истории народных выступлений на Дону и, в частности, в период кризиса в отношениях между Доном и Москвой 1630–1632 гг., во время Разинского восстания и движения донских старообрядцев конца XVII в.

История донского казачества XVI–XVII вв. отражена в разнообразных источниках. Первостепенное значение для исследователя имеют письменные источники. Среди письменных источников наиболее значительная информация содержится в материалах приказного делопроизводства. Из фондов Посольского приказа по объему и значимости материалов выделяются фонды: Турецкие дела, Ногайские дела, Донские дела, отчасти Крымские дела и некоторые другие фонды. Публикация фонда Донские дела до 1662 г. осуществлялась с 1898 по 1917 г. под руководством В. Г. Дружинина. Он же опубликовал часть документов этого фонда, относящихся к концу XVII в. Из других указанных фондов немало интересных материалов было опубликовано в подстрочных примечаниях к «Историческому описанию Земли войска Донского» В. Д. Сухорукова. Некоторая часть источников по истории казачества в период Разинского восстания опубликована в 1954–1976 гг. в сборнике документов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Дальнейшая публикация документов приказного дело-

производства по ранней истории донского казачества представляет собой актуальную научную задачу. К разновидностям делопроизводственных документов относятся царские грамоты, войсковые отписки казаков, донесения послов и воевод о положении на Дону, челобитные казаков, материалы, относящиеся к отправке на Дон царского жалованья и др. Все указанные источники имеют особенности содержащейся в них информации. Так, царские грамоты являются первостепенным источником по истории политики русского правительства на Дону. Войсковые отписки свидетельствуют об отношении казачества к тем или иным сторонам этой политики или к происходившим событиям. Интерес к отпискам послов и воевод определяется тем, что они содержат взгляд на положение на Дону со стороны, и, следовательно, они имеет большую степень объективности, чем некоторые сообщения войсковых отписок. Перспективным в отношении изучения личностных аспектов донской истории является изучение казачьих челобитных.

К нарративным источникам относятся сочинения русских авторов, в том числе донских казаков, а также иностранных авторов, посвященных истории донского казачества. Прежде всего, это казачьи повести азовского цикла. В них содержатся сведения о событиях, связанных с борьбой Войска Донского за Азов, о некоторых сторонах внутренней жизни казачества и об отдельных аспектах его культуры. Сведения о донских казаках содержали летописи, дававшие сведения о событиях XVI – начала XVII в. К ним относятся Продолжение Хронографа редакции 1512 г., Александро-Невская, Лебедевская и Никоновская летописи, Новый летописец. Отдельные сведения о донских казаках давали князь А. М. Курбский об участии их во взятии Казани при Иване Грозном, авторы, описывавшие Смутное время в России, особенно А. Палицын, Г. Котошихин, писавший о донских казаках во времена царствования Алексея Михайловича. Из иностранных авторов большой материал о донских казаках содержится в сочинениях, описывавших Смутное время. Это И. Масса, К. Буссов, Ж. Маржерет, П. Петрей и др. Интересный материал о походах «воровских» казаков на Волгу при царе Михаиле Федоровиче приводил А. Олеарий. Специального анализа требуют данные о донских казаках времен Азовского осадного сидения и периода, предшествовавшего восстанию С. Разина, которые содержатся у турецкого автора Эвлии Челеби.

Большое значение имеют историко-географические и, в частности, картографические источники. К ним относятся списки донских казачьих городков и карты с нанесенными на них городками. Изучение этих источников проводили В. Г. Дружинин, П. П. Сахаров, А. И. Агафонов, В. Н. Королев, Н. А. Мининков.

Значительную сложность представляет изучение фольклорных источников, поскольку записывались они в более позднее время, чем содержащиеся в них сюжеты, и содержат поэтому наслоения разных эпох. Сбор и публикация донских казачьих исторических песен начался с XVIII в. Проводили эту работу М. Д. Чулков, В. Д. Сухоруков, А. М. Савельев, П. Г. Никулин, А. И. Пивоваров, А. М. Листопадов. Исторические сюжеты донского фольклора охватывают темы взятия Казани, завоевания Сибири, разные эпизоды Смуты, войну с турками и крымскими татарами и борьбу за Азов, а также Разинское восстание. Наиболее популярные герои донского фольклора XVI–XVII вв. – «грозный царь Иван Васильевич», Ермак Тимофеевич и Степан Тимофеевич Разин. Донской фольклор, посвященный исторической тематике, нуждается в дальнейшем изучении.

Коллектив авторов:

доктор исторических наук, профессор
Агафонов А. И.,

доктор исторических наук, профессор
Венков А. В.,

доктор исторических наук, профессор
Мининков Н. А.,

кандидат исторических наук, доцент
Табунщикова Л. В.,

кандидат исторических наук, доцент
Трапш Н. А.,

доктор исторических наук, профессор
Трут В. П.,

кандидат исторических наук, доцент
Шалак М. Е.

Часть I
ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В XVI – НАЧАЛЕ XVII в.

§ 1. Происхождение донского казачества

Как и многие другие проблемы этногенеза и социогенеза, проблема происхождения казачества отличается некоторыми характерными признаками. К подобным признакам проявляется повышенный общественный интерес. Определяется он тем, что их решение затрагивает определенные стороны массового исторического сознания, поскольку в нем существует устойчивое представление по поводу происхождения этноса, государства или социальной группы, в той или иной степени мифологизированное. Историки же, занимавшиеся подобными проблемами, оказывались под прессом общественного мнения, а иногда и установок со стороны правящих структур.

Это было характерно для историографии проблемы генезиса донского казачества, которая имеет обширную историографию при наличии в ней порой диаметрально противоположных точек зрения.

Взгляды на происхождение казачества на Дону выражались еще в источниках XVI–XVII вв. Казаки связывали свое происхождение с Русским государством и прямо указывали на бегство от социального угнетения, имевшего место в России. «Отбегаем мы ис того государьства Московского из работы вечныя, ис холопства неволнаго, от бояр и от дворян государевых», – отмечалось казаками в «Поэтической» повести об Азовском осадном сидении. Следовательно, казаки связывали свое появление на Дону с бегством в поисках вольности из Московской Руси с ее порядками, основанными на холопстве и крепостничестве. По-иному объяснялось возникновение казачества на Дону в документах, исходивших от московской власти. Еще в 1549 г. в грамоте Ивана Грозного ногайскому князю Юсуфу казаки расценивались как «наши холопи», которые «в нашей земле многое лихо учинили», а затем «убежали в Поле». Подобное объяснение в дальнейшем стало стереотипом. Иногда оно дополнялось утверждением, что бегство этих людей на Дон объяснялось также страхом перед наказанием за преступления, которое ждало их в России. Так было положено начало устойчивому

представлению о разбойном происхождении донского казачества, которое заняло в дальнейшем весьма прочные позиции в историографии. При всем различии между взглядами на происхождение казачества самих казаков и московской власти общим было то, что связывалось это происхождение со временем не более ранним, чем XVI в., и с уходом населения на Дон из России.

В русской историографии XVIII в. гипотезу об образовании донского казачества первым выдвинул В. Н. Татищев. Согласно ей, группа «черкас от Бештау» ушла под давлением Орды с Северного Кавказа и поселилась в 1282 г. под Курском, а затем переселилась на Днепр. Там, в память о прежней родине ими был основан город Черкасы. Из них сформировалось запорожское казачество. В 1569 г. они явились на Дон для борьбы с турками во время турецко-крымского похода на Астрахань, где «построили город Черкаской». Другую часть казачества, согласно Татищеву, составили «мещерские казаки» татарского происхождения. Так была высказана точка зрения, согласно которой происхождение казачества – результат миграции, причем казачество не было связано происхождением с русским народом. Близкую точку зрения высказывал Г. З. Байер, считавший, что «казаков можно было почитать за древний... народ». Со ссылкой на Константина Порфирородного он указывал, что еще в X в. они жили в Кабарде, откуда они «от великого князя Мстислава... в Российское подданство переведены были». На русское происхождение казачества указывал в конце XVIII в. И. Н. Болтин. Он подчеркивал связь образования донского казачества с «мятежами» в России.

Сведения о взглядах самих донских казаков XVIII в. на свое происхождение давал А. И. Ригельман. По его сообщению, часть казачества видела свое происхождение от «некоих вольных людей, а более от Черкасс и Горских народов». О себе такой казак заявлял: «Я, де, не Москаль, но Русской, и то по закону и вере Православной, но не по природе». В то же время он отметил существование среди казаков «некоторых верховых станиц» иного взгляда на происхождение донского казачества. Происходило казачество, по их утверждению, от некого зверобоя, очевидно, русского промысловика, который «с этим промыслом... пробрался на реку Дон». Вокруг него собрались люди «для таковых же промыслов». Этот зверобой «сделался их атаманом», и они «жили свободно, не будучи подвластны или дань платя никому». В обоих версиях подчеркивается связь между происхождением казачества и их вольностью, которая составляла для казаков историческую ценность даже в условиях XVIII в., когда они были полностью подчинены государственной власти. Вместе с тем во второй версии не отрицалась связь между происхождением казачества и русским народом, а также подчеркивался трудовой, промысловый характер первых казачьих общин. Не случайно вторая версия возникла в верховых станицах, где ка-

заки были менее склонны отделять себя от России. Версию происхождения казачества, распространенную в верховых станицах, исследователь этой проблемы П. П. Сахаров оценивал очень высоко, считая, что в ней сохранилась историческая память о реальных процессах прошлого.

Версию «разбойного» происхождения казачества на Дону развивал Н. М. Карамзин, рассматривая предпосылки похода Ермака. Предками донского казачества были, по его утверждению, азовские казаки, «которые в XV в. ужасали всех путешественников в окрестностях Дона», а также беглецы из России, которые «искали дикой вольности в опустевших улусах Орды Батыевой». Несколько по-иному повторял эту версию писатель второй четверти XIX в. В. Броневский, указывавший, что первые казаки – это разбойники, которых изгнал из России Иван Грозный. Точку зрения донской верхушки, стремившейся подчеркнуть древнее и высокое происхождение казачества, высказал в 1814 г. директор Новочеркасской гимназии А. Попов, бездоказательно утверждавший, что предками казачества были амазонки. Значительно более обоснованным было, по мнению изучавшего историографию проблемы происхождения донского казачества П. П. Сахарова, утверждение В. Д. Сухорукова, относившего появление казачества к первой половине XVI в. Однако сотрудник Сухорукова, В. М. Пудавов, считал непосредственными предками донских казаков азовских казаков. Эти казаки, по его утверждению, происходили от славян, которые несли сторожевую службу еще в VIII–X вв. у хазар, а затем 600 лет сохраняли веру, народность и боевой строй. По требованию Ивана III они будто бы были изгнаны из Азова и обосновались между Салом и Цымлой, где занимались скотоводством и грабили азовцев. В начале XVI в. они, как отмечал Пудавов, основали первую общину донских казаков. О русском происхождении донского казачества заявил есаул Е. Н. Кательников.

С концепцией истории России связал проблему происхождения казачества С. М. Соловьев. Возникновение казачества на Дону великий историк объяснял процессом формирования Русского государства, начиная с княжения Ивана III. В таких условиях, отмечал он, из общества выделялись «толпы людей, искавших приволья в степи». Он противопоставлял «богатыря-казака», который «гуляет по широкому полю», «земскому человеку, занимающемуся мирным промыслом». При этом, по его словам, «казак, разумеется, не мог согласовать своих интересов с интересами государства, беспрестанно действовал вопреки последним». По существу, взгляд Соловьева представлял собой вариант версии разбойного происхождения казачества, но в рамках четко сформулированной им общей концепции истории страны.

В 1874 г. академик Е. Ознобишин обосновывал версию новгородского происхождения донского казачества. Им обращалось

внимание на черты сходства между хозяйственным и общественным бытом Великого Новгорода в XII–XV вв. и Войска Донского в XVI–XVIII вв., культурой и некоторыми особенностями языка новгородцев и донцов.

На глубокую связь происхождения казачества с социально-экономическим развитием русских земель в XV–XVI вв. обращалось внимание в русской историографии конца XIX в., придававшей большое историческое значение факторам хозяйственной и общественной жизни. Предпосылки возникновения казачества В. О. Ключевский объяснял распространением отношений найма «людей без определенных занятий и постоянного местожительства». Таких людей на Руси называли казаками. По мере ослабления Орды эти люди стали из пограничных южных городов ходить «с оружием в руках... в степь для рыбного и звериного промысла», а затем «стали оседать артелями в открытой степи в области верхнего Дона». Вместе с тем конкретный ход этого процесса крупнейший русский историк конца XIX в. не показал. Несколько ранее, в 1878 г., П. А. Соколовский, решительно не принимавший выводов С. М. Соловьева о разбойном происхождении казачества, указывал на мирный, промысловый характер первых казачьих общин. Столкновения же с крымцами и ногаями развили у казаков «воинские наклонности». Также Соколовский указывал на социальные мотивы ухода на Дон, определявшие у казаков «ненависть к тем, кто был причиной его невольного выселения с родины в безлюдную пустыню». Однако процесс происхождения казачества им также не был детально прослежен.

Первая глубоко обоснованная по источникам концепция происхождения донского казачества была выдвинута в донской историографии начала XX в. П. П. Сахаровым. Он относил появление казачества на Дону к XVI в. и связывал его с процессами, происходившими на русской южной окраине. Население этих территорий с XV в., по мере ослабления и упадка Орды, выходило в бассейн Дона на промыслы, причем военная обстановка в Поле превращала военные столкновения в один из промыслов. Мирные промысловики превратились в воинов-казаков. По своему этническому происхождению это было население Рязанского княжества, татары и мордва Касимовского ханства и русско-украинское население Северской земли. Возникновение донского казачества носило, таким образом, трудовой, промысловый характер и не было связано с разбоями.

В период первой мировой войны вышел в свет труд донского чиновника Е. П. Савельева, видевшего непосредственных предков казачества в индоевропейском населении евразийских степей в эпоху глубокой древности.

В эмигрантской историографии преобладали взгляды на происхождение донского казачества задолго до XVI в., причем подчеркивалась его этническая обособленность от русского населения.

В ранней советской историографии сформировалась концепция происхождения казачества Н. Л. Янчевского. В нем он видел наемное войско московского торгового капитала, а главным признаком такого его положения он считал выплату казакам царского жалованья. Опираясь на сравнительно-исторический метод, он сопоставлял процессы возникновения конкистадоров в Испании и казачества в России и выделял общие признаки. К ним он относил происхождение их от феодальных дружин. Эти люди, профессиональные военные, оказались необходимы и для испанского завоевания Америки, и для найма их на службу по охране донского и волжского торговых путей торговым капиталом Московского государства. Из них сформировалось казачество, объединенное в Войско Донское.

В советской историографии более позднего времени происхождение казачества связывалось с бегством населения из русских городов и уездов. Это рассматривалось как одна из форм социальной борьбы в феодальном обществе, когда на Дону народ стремился найти вольность и укрыться от угнетения со стороны помещиков и вотчинников, а также феодального государства. При этом подчеркивалось русское происхождение основной части донских казаков при признании этнической пестроты казачества в целом. Указывается также на то, что возникновение его относится ко времени не более раннему, чем XVI в., а предпосылки – ко времени Ивана III. Такая концепция современными идеологами казачьего движения пренебрежительно именуется как «беглохолопская». Между тем, такое пренебрежение идет от слабого знания целых массивов письменных источников по истории казачества XVI–XVII вв., а также состояния историографии этой проблемы.

Вместе с тем в советской историографии предпринимались поиски предков казачества, или, по крайней мере, его предшественников, из числа более древнего населения Дона. Так, В. В. Мавродин указывал на прочность русского заселения Дона еще со времени Киевской Руси. Н. М. Волынкин называл предшественниками казачества бродников и подчеркивал черты их сходства с позднейшими казаками. В позднейшей советской историографии А. А. Шенников указывал на прямую связь между казачеством на Хопре и населением Червленого Яра, известным по митрополичьим грамотам XIV в. Но проследить прямую связь червленоярцев с казаками в XV–XVI вв. он не смог. Уже в постсоветское время В. И. Вареник пытался обосновать факт существования еще в XIV в. целой цепи казачьих поселений по Дону. Проблема происхождения казачества до сих пор остается дискуссионной. Вместе с тем содержанию и смыслу письменных источников наиболее соответствует взгляд на происхождение казачества в эпоху позднего русского средневековья XVI в. за счет выходцев из русских земель и в связи с происходившими процессами.

Проблема генезиса донского казачества тесно связана с вопросом о его исторических предшественниках. Объясняется это сходством образа жизни и элементов культуры разных сообществ, проживавших на Дону, от глубокой древности вплоть до появления в XVI в. казачества. По-видимому, что это несомненное сходство создавало предпосылки для рассмотрения исторических предшественников казачества в качестве его непосредственных и прямых предков. По крайней мере, в числе предков казачества назывались ираноязычные народы древности, германцы-готы, а также славянское население времен Белой Вежи и Червленого Яра.

Сходство образа жизни и элементов культуры и быта определяется тем, что в жизни всех этих сообществ, включая казачество, очень большую роль играла война. Это определило значительную близость их ментальности, основанной на системе ценностей, характерной для воинского средневекового сообщества. Черты общественной и индивидуальной психологии этих сообществ определялись тем, что все они были воинскими сообществами, а каждый их член независимо от места на ступенях социальной иерархии представлял собой прежде всего воина. Воинскому образу жизни соответствовали их общественно-политическая структура, характер поселений, носивших укрепленный характер, отраслевая особенность хозяйства, в котором большое значение имело необходимое для ведения войны коневодство.

Господство с VIII в. до н. э. ираноязычных народов древности в Причерноморье и Приазовье со времени скифов и сарматов было частично нарушено в III в. н. э., когда в регионе произошло распространение готов. Гуннское нашествие IV в. привело к резкому изменению этнического состава населения. Место ираноязычных народов заняли тюркоязычные народы. Обосновавшиеся в Приазовье болгары составили раннее государственное образование Великая Болгария. Распад Великой Болгарии во второй половине VII в. привел к переходу территории Дона и Приазовья под власть Хазарского каганата. Это государство было создано в середине VII в. после распада Западно-Тюркского каганата. Наиболее известным хазарским поселением на Дону был Саркел. Помимо Саркела, по Дону располагались некоторые, менее крупные хазарские поселения. Саркел был этнически пестрым поселением, и часть его населения составляли славяне.

Разгром Хазарии в 965 г. киевским князем Святославом Игоревичем привел к перемещению части русского населения на Дон. На месте Саркела возник русский город Белая Вежа. Однако господствующее положение на территории Дона заняли тюркоязычные печенеги, которых с 30-х годов XI в. вытеснили половцы. В период нашествия монголов половцы были завоеваны. Их земли, включая территорию Дона, вошли в состав созданной в 1243 г. Золотой

Орды. По данным фламандского путешественника В. Рубрука, относившимся к 1257 г., по Дону существовало несколько русских поселений, жители которых выполняли службу по отношению к хану Золотой Орды, которая заключалась в обеспечении переправы через реку. О тюркском составе населения, проживавшего по Дону в конце XIV – первой половине XV в., сообщалось в повести о путешествии митрополита Пимена и его спутников в Константинополь, относившемся к 1385 г., и в сочинении венецианца И. Барбаро, проживавшего в Тане в 1436–1452 гг.

В числе предшественников донского казачества в историографии называют азовских казаков. Приводятся сведения об их службе турецким султанам после овладения крепостью Азов в 1471 г. Османской империей. Со ссылкой на Ногайские и Турецкие дела С. М. Соловьев в качестве своеобразного парадокса указывал на то, что атамана донских казаков, упомянутого в середине XVI в., звали тюркским именем Сары Азман, а атамана азовских казаков, упомянутого в конце этого века, звали Сенька Ложник.

Возникновение казачества на Дону прослеживается с XVI в. по данным письменных источников. Этому способствовал целый комплекс предпосылок. В отечественной историографии, начиная со второй половины XIX в., колонизация окраинных территорий рассматривалась как процесс, игравший в истории России очень большую роль. Частью этого процесса являлась колонизация Дона, а казачество рассматривалось как социальный слой, обеспечивавший его. В историографии утвердилось положение о том, что предпосылки колонизационного процесса связаны с внутренним состоянием в России как в метрополии и проходившими в ней процессами. Важнейшим из таких процессов С. М. Соловьев видел завершение объединения русских земель и укрепление русской государственности. Историография конца XIX в., не отрицая этого, подчеркнула в то же время значимость внутренних социально-экономических процессов. Подчеркивалось также значение внешнеполитических предпосылок, сложившихся в конце XV–XVI вв.

Характеризуя положение южных русских окраин в XVI в., М. Н. Тихомиров в своем исследовании, посвященном исторической географии России того времени, отмечал, что по мере ослабления, упадка и распада Орды сложились предпосылки для продвижения на юг русского населения. Южные лесостепные и степные территории, которые назывались в то время русским населением Полем, привлекали такое продвижение целым рядом обстоятельств. Во-первых, их природные условия были благоприятны для различных видов хозяйственной деятельности. Во-вторых, были несомненны неблагоприятные последствия переселения под давлением половецкого наступления русского населения из Южной Руси в Северо-Восточную Русь, на менее благоприятные для земледельческого хозяйства

территории. Очевидно, что неудивительна для русского земледельческого населения тяга к южным территориям, к их заселению и хозяйственному освоению. Сказывалась, кроме того, тяга к вольности, поскольку уход на Дон позволял избавиться от усиливавшегося в русских землях феодального гнета и крепостничества.

Выходы русских промысловиков в лесостепь и степь, в бассейн Дона, происходили уже с конца XV в. На первых порах эти выходы носили сезонный характер. Глубокой осенью промысловики возвращались на старые места жительства. Существуют гипотезы о том, что промысловики, выходцы из русских земель, встречали на Дону старожилое население вроде червленоярцев на Хопре, в ряды которых они вливались, от которых получали на первых порах поддержку. В рамках таких гипотез такое население рассматривается в качестве казачества. Прямая связь между таким населением и донским казачеством, известным по письменным источникам с XVI в., не доказана.

В условиях, существовавших в то время в Поле, мирные промысловики объединялись одновременно в военные отряды, поскольку существовала необходимость противостояния местным татарам и ногаям. Благодаря этому они могли закрепляться в качестве постоянного населения Дона и становиться казаками, у которых возникали укрепленные поселения, получившие наименования городков. Эти поселения носили военизированный характер. По мнению П. П. Сахарова, было два важнейших пути проникновения на Дон переселенцев. Один из них проходил вниз по Дону из Рязанского княжества, формально независимого до 1521 г., а также из Касимовского ханства. Шли по этому пути рязанские промысловики и служилые люди и служилые касимовские татары, которые в связи с выполнением своих служебных обязанностей на службе московских великих князей и царей нередко ездили вниз по Дону до Азова. Второй путь шел вниз по Северскому Донцу из Северской земли. Шли по нему промысловики и служилые люди, проживавшие в северских княжествах, вошедших в состав Московского государства при Иване III и Василии III. Начиная со второй трети XVI в., по документальным источникам из Ногайских дел, прослеживается поток жалоб ногайских владетелей на действие выходцев из русских земель, которые совершали нападения на ногаев.

Первое сведение о поселении казаков на Дону относится к 1548 г. и содержится в Продолжении Хронографа редакции 1512 г. В ней говорилось об «остроге» на Волго-Донской Переволоке. Находившийся в ней вооруженный отряд во главе с тулянином Истомой Извольским и ставшим известным несколько позже атаманом донских казаков Михаилом Черкашениным разгромили крымское посольство, шедшее в Астраханское ханство. Судя по имени, М. Черкашенин был казаком украинского происхождения. Под 1549 г. в

грамоте ногайского князя Юсуфа содержится сообщение о том, что на Дону появились «город» «в трех и в четырех местах» «холопов» русского царя, во главе которых стоял «нехто Сары Азман». Первое прямое упоминание о донских казаках относится к 1549 г. и содержится в грамоте Ивана Грозного ногайскому князю Юсуфу. В ней сообщалось, что Иван Грозный велел своим казакам, путивльским и донским, крымские улусы воевать и недружбу царю (крымскому хану. – *Н. М.*) делать».

В полной мере о существовании донского казачества, которое прослеживается по письменным источникам, можно говорить со второй трети XVI в. Примерно с середины этого столетия оно становится весьма существенным фактором международной жизни на широком пространстве от Волги до Черного моря.

§ 2. Донское казачество в войнах XVI в.

Это нашло свое выражение в участии донского казачества в разных войнах того времени. Уже в ранний период своей истории донское казачество подразделялось на верховое, занимавшее большую часть Донской земли, и низовое, обосновавшееся ниже Донецких Раздор, у впадения в Дон Северского Донца. В этой связи заметно различие в направленности их боевых усилий. Так, боевые действия верховых казаков были направлены против орды Больших Ногаев. Низовое казачество с самого начала вело борьбу с турецким Азовом и Крымом, причем Азов с самого начала стал центром приложения его боевых усилий.

При учете немногочисленности донских казаков их боевые действия оказались весьма эффективными. Так, один городок, упомянутый в 1548 г. как «острога», оказался в силах прервать связь между Крымским и Астраханским ханством. Это было первым известным по источникам боевым предприятием, в котором принимал участие известный донской атаман второй половины XVI в. М. Черкашенин. Судя по грамоте князя Юсуфа 1549 г., три–четыре городка, место расположения которых в то время точно не известно, были центром действий донских казаков против ногаев. Упоминание об этих казаках в грамоте как о «холопах» русского царя было далеко не точным. Вызвано оно было намерением ногаев побудить русские власти к принятию против этих казаков решительных мер. На деле казачьи отряды на Дону в то время были вполне самостоятельными и о какой-либо власти русского царя над ними говорить не приходилось.

К середине XVI в. у султанского правительства стало возникать беспокойство за судьбу отдаленного Азова. Это выразилось в грамо-

те султана Сулеймана I Кануни крымскому хану Сахиб Гирею I, которая может быть датирована периодом с 1532 по 1551 гг., когда в Крыму царствовал этот хан. Султан решительно требовал от хана оказывать всяческую помощь Азову и сообщал о своем распоряжении бею Кафы выступить на защиту Азова. В грамоте, данной в 1552 г., этот же султан велел новому хану, Девлет Гирею I, организовать против казаков регулярное дежурство боевых судов на Азовском море в период с марта по ноябрь. Следовательно, к этому году относится первое документальное свидетельство о выходах казаков в Азовское море, которое содержится в турецком источнике.

По летописным источникам, содержащим сведения о взятии Казани в 1552 г., об участии казаков в борьбе с Казанью упоминается неоднократно. Однако говорится в них о казаках вообще, без особого выделения донских казаков. В то же время в донском казачьем фольклоре присутствует тема казанского взятия и участия в нем донских казаков. Из документальных источников сведения об участии донских казаков во взятии Казани содержатся в войсковой отписке 1632 г., написанной через 80 лет после событий того времени. Обосновывая свой отказ от принятия присяги на верность царю, которую требовало от Войска Донского правительство царя Михаила Федоровича, казаки указывали, что, в частности под Казанью, они служили «царю Ивану Васильевичу» «не за крестным целованьем». Упоминалось при этом имя атамана Сусара Федорова. Активный участник взятия Казани князь А. М. Курбский в своей «Истории о великом князе московском» упоминал об участии в войне с казанцами выходцев «с Танаиса и с Куалы», в которых можно видеть казаков с Дона и с реки Медведицы. В 1551 г. казаки по приказу русского командования перекрыли «перевозы» к Казани «по Каме и по Волге и по Вятке реке». В 1552 г. казаки атаманов Федора Павлова и Северги «побили на голову» крымских татар, приходивших на помощь казанцам. В ходе решающих боев за Казань казаки участвовали в боях вместе со стрельцами. После взятия Казани, в 1554 г., казаки подавляли восстание на Луговой стороне Волги против русской власти. В 1556 г. 500 казаков атамана Ляпуна Филимонова «и иных атаманов с товарыщи» обеспечили взятие Астрахани и присоединение его к России.

В 1556 г. донские казаки принимали участие в русском наступлении на Крым. На помощь разведывательной экспедиции во главе с Д. Чулковым и И. Мальцевым, выступившей к Перекопу, пошли в поход на Азовское море казаки атамана М. Черкашенина. Они вышли «Миюсом-рекою в море» и прошли «морем под Керець» «на Ширинских князей улусы». Там М. Черкашенин «повоевал и отошел здорово» и прислал в Москву двух крымских языков. Затем казаки этого атамана громили крымские берега у Керчи. Через три года, в 1559 г., казаки М. Черкашенина уже на суше, на Север-

ском Донце, разгромили крымских татар. В 1560 г. донские казаки совместно с крымскими мурзами действовали против Крыма под Перекопом, у Белгорода и Очакова, на Южном Буге и Ингуле. Они «держали крымцев в осаде всю зиму».

Таким образом, казачество, частью которого были донские казаки, сыграло важную роль в присоединении Поволжья. Донские казаки в 50-е годы вели самую активную войну против Азова и Крымского ханства, содействуя России в наступлении на Крым.

Боевая активность донских казаков в 60-е годы была заметно меньшей, чем в предыдущее десятилетие. По-видимому, это можно объяснить как прекращением действий России против Крыма в связи с началом в 1558 г. Ливонской войны, так и с тем, что силы донского казачества были еще не особенно велики. Сведений об участии донских казаков в этой войне немного. В 1559 г., по данным Разрядной книги 1475–1598 гг., казаки, во главе которых стоял атаман Петруша Пронец, воевали «многие места немецкие» и взяли крепость Смельтину.

Первая в истории русско-турецкая война произошла в 1569 г., в разгар Ливонской войны. В ходе ее турецко-крымское войско вышло из Азова вверх по Дону до Переволоки. Турки рассчитывали построить канал между Доном и Волгой и провести по нему боевые суда с тяжелыми орудиями, чтобы с помощью этих орудий вести штурм Астрахани. Сведения о походе вверх по Дону содержит рассказ русского посла С. Мальцева из Ногайских дел, который проделал этот путь в качестве гребца вместе с христианскими пленниками. При движении вверх по Дону, как сообщал Мальцев, турки очень боялись нападения казаков, а гребцы очень надеялись на то, что нападение произойдет. По его словам, для разгрома турок и крымских татар, шедших вверх по Дону, хватило бы двух тысяч казаков. Однако нападения казаков на турок не произошло, поскольку такими силами казаки в то время, по-видимому, не располагали. И вообще, сведений о казачьих поселениях по Дону от Азова до Переволоки Мальцев не сообщал. Не сумев построить канал, турки и крымцы оставили суда с тяжелыми орудиями и пошли по Волге на Астрахань только с легкими орудиями. Они не сумели взять город и вернулись в Азов. По данным польского автора А. Тарановского, в двух милях от Азова казаки нанесли туркам сильный удар. Возможно, что, по данным Крымских дел, казаки организовали мощный взрыв пороха в Азове в ночь на 20 сентября 1569 г., в результате чего «у города стену вырвало, и дворы Деи в городе и люди многие погорели, и наряд, и запас, и люди погорели». Турки утверждали, что город зажгли «русские люди», но не уточняли, о ком идет речь – или о русских пленных, или о приезжавших в город казаках. По предположению историка донского казачества С. М. Маркедонова, казаки, в отличие от пленных, име-

ли в городе свободу передвижения, и им легче было совершить эту серьезную диверсию.

С 70-х годов, когда в условиях начавшегося глубокого кризиса в стране в конце царствования Ивана Грозного усилился приток на Дон населения из русских земель, укрепились ряды казачества. Складывалась цепь казачьих городков по Дону. В таких условиях возросла угроза со стороны казаков Азову. В 1576 г., по словам переведенной на русский язык грамоты султана Мурада III хану Девлет Гирею I, казаки «Азов съездом взяли». Вероятно, взят был не весь город, а азовский пригород Топракалов. Усилившуюся мощь донского казачества русское правительство использовало в конце Ливонской войны. Казаки в 1577 г. были в составе русских войск в Пскове и должны были направиться в Ливонию. В 1581 г., когда польский король Стефан Баторий готовил поход на Псков, где рассчитывал завершить войну, отряды донских казаков успешно действовали против польских войск под Могилевом на Днепре. В числе казачьих атаманов в письме пана Стравинского королю назывались Василий Янов и Ермак Тимофеев. В обороне Пскова, по данным «Повести о прихождении Стефана Батория под град Псков», участвовал атаман М. Черкашенин, который погиб там. Упоминание атамана в этой повести означало признание в России его боевых заслуг.

Таким образом, ослабление боевой активности донского казачества в 60-х годах было кратковременным. С 70-х годов донское казачество вновь стало активным участником боевых действий и проявило себя на заключительной стадии Ливонской войны.

В конце XVI в. боевые усилия казачества были направлены на борьбу с турецким Азовом и Крымом. Этому способствовало усиление позиций донского казачества на Нижнем Дону в начале 90-х годов. В то время у казаков возникли новые городки «блиско Азова, на Маночи, да в Черкаском».

Еще в середине 80-х годов, по данным материалов посольства в Турцию Б. Благово, казаки совершили большой поход под Керчь, где «черкас (адыгов. – *Н. М.*) многих поимали, а иных побили до смерти». Значительно возросли масштабы казачьих походов в 90-х годах. Выходы в море превратились в постоянный промысел. Военные действия на время прерывались в период пребывания в Азове и на Дону русских и турецких послов, но и то не всегда. Так, весной 1592 г., во время пребывания на Дону посла Г. Нащокина и в ходе переговоров с азовцами о мире, из похода под Темрюк вернулись в устье Дона казаки во главе с терским атаманом Никитой Болдырем и атаманом Иваном Носом. Азовцы во главе с азовским пашой Алибеем пытались не допустить казаков в устье Дона, но казаки разбили турок и захватили у них «2 ушкула», а также «княжеский ушкул». Узнав, однако, о проходивших переговорах, казаки решили не мешать этим переговорам и не возвращаться через устье Дона – они

возвратились через Миусский лиман. Еще триста казаков были в 1592 г. на Азовском море с атаманом Василием Жигулиным. Походы казаков были крупными, и в 1593 г. во время переговоров посла Г. Нащокина в Константинополе турецкая сторона в самой резкой форме выражала свое недовольство. Посол Нащокин, как и другие русские посольства, при этом подчеркивал, что казаки вели военные действия против Турции и Крыма на суше и на море совершенно самостоятельно, по причине своей полной независимости от России. Так в значительной мере и было. Однако факты царского жалованья казакам, которое присылалось из Москвы, были известны в Турции и в Крыму. Понимая, что военная активность казачества способствует обострению русско-турецких отношений, русское правительство в 1593–1594 гг. добивалось от донских казаков прекращения военных походов на Турцию и Крым, однако безуспешно. При этом в 1593 г. казаки едва не захватили Азов. Нападение на Азов было вызвано, как отмечал В. Д. Сухоруков, стремлением казаков отомстить туркам за вероломный арест казаков, провожавших послов в Азов, и казнь некоторых из них. Сделали это турки, однако, за недавний поход казаков под Темрюк. И лишь помощь азовцам со стороны орды Малых Ногаев Казыева улуса, располагавшегося на правом берегу Кубани и зависимого от Крымского ханства, не позволила казакам взять Азов.

Таким образом, боевые действия казаков стали к концу XVI в. настолько важным фактором русско-турецких и русско-крымских отношений, что стали постоянной и острой темой дипломатических переговоров между этими государствами.

§ 3. Донское казачество в годы Смуты в России начала XVII в.

На сильнейший внутренний кризис, разразившийся в России с конца XVI в., первым в историографии указал Н. А. Рожков. Им было обращено внимание на его хозяйственную и социальную составляющую. Между тем, этот кризис имел значительно более глубокие основы и носил системный характер. Вызван он был несоответствием социально-экономического уровня развития страны того времени ее политическому состоянию, когда объединение русских земель в единое государство было проведено без наличия необходимых для этого экономических предпосылок. Ускорен был кризис внутренней и внешней политикой, проводившейся в царствование Ивана Грозного. Длительная и тяжелая Ливонская война вела к росту податного обложения населения. Это, в свою очередь, привело к тому, что население стало покидать места своего проживания,

уходя от усиливавшегося податного обложения. К концу царствования Ивана Грозного резко сократились площади обрабатываемых земель, особенно в центральных и северо-западных уездах. В свою очередь, возрастало население южных окраин, куда уходило население из центра страны. К концу XVI в. заметно увеличилась численность донского казачества. В это время уже сложилась целая цепь казачьих городков по Дону, а также по Хопру, Медведице и Северскому Донцу. Отражением роста рядов казачества стали к концу XVI в. большие масштабы боевых действий казаков против Азова, их морские походы на Крым.

Для исторического сознания донского казачества была характерна глубокая память об Иване Грозном, образ которого в донском фольклоре, особенно в сюжетах, связанных со взятием Казани, носит вполне положительный характер. Отношение же их к царю Борису Годунову было совершенно иным, даже несмотря на то, что при этом царе была налажена регулярная присылка на Дон царского жалованья. Со стороны правительства при этом царе также выражалось недоверие по отношению к донским казакам. Так, воеводам города Царева-Борисова, новой крепости на Северском Донце, поставленной в 1600 г., запрещалось допускать казаков в город и предписывалось принимать их вблизи крепости. Среди казаков, как и среди разных слоев населения всей России, было распространено устойчивое мнение о том, что царевич Дмитрий Иванович не погиб. Имя царевича как сына Ивана Грозного пользовалось популярностью среди казаков, которые готовы были поддержать его.

Смута в России началась с вступления в 1604 г. в борьбу за престол Лжедмитрия I, которым был бывший монах московского Чудова монастыря, расстрига Григорий Отрепьев. Крупнейший российский историк Смуты в России С. Ф. Платонов выделил три этапа в ее развитии: династический, социальный и национальный. Первый был связан с развернувшейся в России борьбой на престол, второй – с перерастанием этой борьбы в массовое народное движение, третий – с борьбой против оккупации страны польскими войсками.

Осенью 1604 г. Лжедмитрий I, при активной помощи польских панов и запорожцев, но при отсутствии официальной поддержки со стороны польского королевского правительства, выступил с территории Речи Посполитой в поход на Москву. Его войско стало занимать города в Северской земле. Местное население оказывало ему самую решительную поддержку. На помощь ему стали приходить отряды донских казаков. Однако в январе 1605 г. силы самозванца потерпели жестокое поражение под селом Добрыничи в Северской земле от воевод Бориса Годунова. Казалось бы, положение его стало безнадежным. И в такой ситуации очень важную роль сыграли донские казаки. Донской атаман Андрей Корела со своими казака-

ми занял крепость Кромы, которую царские воеводы так и не смогли взять. Это позволило Лжедмитрию вновь собрать свои силы, тем более, что население Северской земли продолжало оказывать ему поддержку, а царские воеводы развернули войну с местным населением. Весной 1605 г. положение изменилось в пользу самозванца. Армия Бориса Годунова, не получавшая жалованья, разложилась, служилые люди покидали ее. В такой обстановке, в апреле, когда самозванец перешел в наступление, внезапно умер Борис Годунов. Престол оказался в руках его сына Федора Борисовича, который в июне, после захвата Москвы самозванцем, был свергнут и убит. На престоле оказался Лжедмитрий I.

Как справедливо отмечал крупный современный исследователь истории Смутного времени Р. Г. Скрынников, казаки оказали большую поддержку Лжедмитрию. Однако, оказавшись на престоле, он понял, что ему необходима поддержка боярства. В таких условиях сохранение своего казачьего окружения мешало ему сблизиться с московскими боярами. Поэтому он стал избавляться от казаков, щедро награждая их и отпуская на Дон. В своем окружении он хотел оставить лишь атамана Корелу. Однако, по сообщению голландского автора И. Массы, оставившего обстоятельное описание Смуты в России, Корела не стал «царедворцем» и все время проводил в московских кабаках.

В течение своего короткого царствования Лжедмитрий I пользовался очень большой популярностью среди казачества. В историографии начала XX в. историком-марксистом М. Н. Покровским высказывалась даже точка зрения, согласно которой Лжедмитрий I был «казацким царем», впрочем, не поддержанная в историографии последующего времени. По сообщению А. Палицына, казаками преследовались «вси умнии», каждый, кто его «расстригою нарицает». Сам Лжедмитрий рассчитывал на помощь казачества в войне с Турцией, которую он собирался вести. Когда к весне 1606 г. стало ясно, что положение его в Москве стало непрочным, он обратился за помощью к казачеству. На помощь ему в Москву вверх по Волге вышел отряд терских казаков во главе с объявившимся среди них самозванцем, «царевичем Петром», никогда не существовавшим сыном царя Федора Ивановича, которым был муромский посадский человек Илейка Горчаков. Но когда казаки дошли до Свияжска, гонец из Москвы сообщил им, что Лжедмитрий был свергнут и убит. После этого казачий отряд «царевича Петра» повернул назад и пошел вниз по Волге на Дон.

Таким образом, уже на начальном этапе Смуты в России донское казачество активно включилось в развернувшуюся в стране политическую борьбу и активно поддержало самозванца.

Следующий, социальный этап Смуты в России, начался с восстания под предводительством И. Болотникова, ускоренного свер-

жением Лжедмитрия I. Среди населения южных уездов России, а тем более среди донского казачества, этот царь пользовался все еще широкой популярностью, и в нем на юге страны не успели разочароваться так, как это имело место в столице. Вновь, как и в 1604–1605 гг., была выдвинута идея восстановления прав царя Дмитрия Ивановича на престол. При этом распространялся слух о чудесном спасении царя Дмитрия, уже вторичном, на этот раз в Москве. Восстание против правительства царя Василия Ивановича Шуйского, вспыхнувшее в Путивле, возглавили воевода, князь Г. П. Шаховской и бывший холоп князя Телятевского Иван Исаевич Болотников. По данным осведомленного немецкого современника К. Буссова, а также Бельской летописи, донские казаки с самого начала поддержали восстание. Другой осведомленный современник, патриарх Гермоген, говоря о составе повстанческих сил Болотникова, указывал, что «лутшие их промышленники, терские, и яицкие, волские, доньские и путивльские и рыльские атаманы и казаки».

Казаки участвовали во многих сражениях с царскими войсками. Были они и в решающем сражении под Москвой 2 декабря 1606 г., когда силы Болотникова потерпели поражение и не смогли захватить столицу. О расправе с захваченными в плен казаками после этого поражения сообщал свидетель московских событий, голландский купец И. Масса. По его словам, казаков «каждую ночь в Москве водили сотнями, как агнцев на заклание, ставили в ряд и убивали дубиною по голове, словно быков и спускали под лед в реку Яузу». Впрочем, правительство царя Василия Шуйского не только расправлялось с казаками, но и стремилось привлечь их на свою сторону. По данным Бельской летописи, тех казаков, которые под Москвой «здалися за крестным целованьем», «царь... Василей повеле их взятии к Москве и поставить по дворам, повеле им давать кормы и не веле их ничем тронути». Вскоре они были зачислены на царскую службу и стали получать жалованье. На Дон при Василии Шуйском царское жалованье также высылалось «ежелет», или ежегодно.

Из-под Москвы Болотников отступил в Калугу. В феврале 1607 г. повстанческие силы пополнились казаками, прибывшими с самозванцем «царевичем Петром» и занявшими Тулу. Эти казаки, получив сведения о свержении Лжедмитрия I, не пошли в Москву, а повернули на Дон. Там ряды казаков «царевича Петра» пополнились местными казаками. Казачий отряд вышел на помощь восставшим с Дона в Путивль, а затем в Тулу. Благодаря помощи казаков восставшие в конце зимы одержали победу под городом Веневом, а 3 мая 1606 г. – победу при Пчельне. Эта победа позволила соединиться в Туле повстанческим силам Болотникова с казаками «царевича Петра». После этого во главе стотысячного войска против восставших выступил сам царь Василий. Вскоре в

бою при речке Восме, проходившем 6–7 июня 1607 г., царским войскам удалось нанести казакам тяжелое поражение. Новое поражение восставших при речке Вороньей 12–15 июня привело к окружению их в Туле. Среди повстанцев в Туле сидели в осаде казаки. С помощью постройки плотины на реке Упе царским войскам удалось затопить Тулу. Восставшие вынуждены были сдаться. Казачий предводитель «царевич Петр» в январе 1608 г. был повешен в Москве, Болотникова в марте того же года утопили в Каргополе.

С поражением восстания Болотникова идея восстановления на престоле царя Дмитрия Ивановича сохранялась среди широких слоев населения Северской земли и казачества. Массовое народное движение продолжалось, причем в качестве царя Дмитрия Ивановича выступал самозванец с темным прошлым, известный в историографии как Лжедмитрий II. Этого самозванца в качестве своего мужа признала Марина Мнишек, невеста убитого во время свадьбы с ней Лжедмитрия I. Уже с конца 1607 г. донские казаки стали прибывать в Северскую землю. Как сообщалось в Бельской летописи, «донские и волские казаки, и все те, которые в Туле с вором Петрушкою (с «царевичем Петром». – *Н. М.*) сидели, к нему же вору (к Лжедмитрию II. – *Н. М.*) приложилися, не хотячи у царя Василья Ивановича... в покоренье бытии». Польские авторы Мархоцкий и Пясецкий указывали, что зимой 1608 г. один из сподвижников Болотникова, атаман Иван Мартинович Заруцкий, привел в Орел к Лжедмитрию II три тысячи запорожцев и пять тысяч донских казаков. Затем из Калуги к нему пришел отряд донских казаков во главе с атаманом Юрием Беззубцевым.

Летом 1608 г. силы самозванца заняли село Тушино под Москвой. Видное место в Тушинском лагере Лжедмитрия II занимали донские казаки. Польский автор Мархоцкий насчитывал даже в Тушине 15 тысяч донских казаков, что, возможно, является некоторым преувеличением. Донские казаки активно участвовали в боевых действиях против царских войск и проявляли свои высокие боевые качества. Не случайно в конце 1608 г. сторонник Лжедмитрия II, суздальский воевода Ф. Плещеев, просил прислать на помощь ему донских казаков, когда возникла угроза городу со стороны костромичей и галичан, поддерживавших царя Василия Шуйского. Весной 1609 г. отряды донских казаков сражались с царскими войсками под Ярославлем и выдержали десятидневную осаду в Кинешме, но и сами понесли при этом значительные потери.

Находясь в лагере Тушинского Вора, донские казаки отличались не только в боях с царскими войсками, но и в грабежах местного населения. О грабежах казаков в его поместьях во Владимирском, Ярославском и Углицком уездах писал гетману Сапеге касимовский «царь» Ураз-Магмет. По его словам, казаки его «крестьянишек грабят, бьют и мучат, и даней правят, и кормов конских

и людцких правят же». Казачьи грабежи стали одной из важных причин постепенного перехода населения центральных уездов к борьбе с тушинцами, к превращению народного движения, развернувшегося в годы Смуты, в освободительное. Для этого населения приход казачьего отряда означал бедствие не меньшее, чем приход поляков. Ярославский воевода князь Барятинский писал в отписке самозванцу от 15 февраля 1609 г., что «и поляки, и Литва, и казаки в Ярославле и в Ярославском уезде насилство чинят великое, людей грабят и побивают, а меня ни в чем не слушают». Так постепенно казачьими отрядами были перенесены в Замосковный край нравы и обычаи Дикого Поля с постоянной войной и грабежом.

В Тушинском лагере после вторжения в Россию летом 1609 г. и начала осады польскими войсками короля Сигизмунда III Смоленска начался кризис. Успехи русских войск князя М. В. Скопина-Шуйского и неудачная осада силами Лжедмитрия II Троице-Сергиева монастыря ухудшили стратегическое положение тушинского лагеря. В результате Лжедмитрий II вынужден был 29 декабря 1609 г. бежать из Тушина в Калугу. Распад тушинского лагеря вызвал раскол среди казачества. Часть казаков ушла вместе с самозванцем в Калугу, а часть казачества, в частности казаки атамана Заруцкого, перешли на сторону польского короля Сигизмунда III, осаждавшего Смоленск. О глубине внутренних разногласий среди казачества в период после ухода Лжедмитрия II из Тушина в Калугу сообщал участник событий саксонец К. Буссов. По его сведениям, из-под Смоленска в Калугу хотели уйти пятьсот казаков, но их «поляки из лагеря... затоптали конями и убили». С этого времени, отмечал он, «многое казаки» решили прекратить свое участие в развернувшейся в России войне и «ушли снова в Дикое Поле». Дальнейшее усиление раскола среди казачества началось после того, когда, по сведениям польских источников, Заруцкий со своими атаманами начал переговоры с польской стороной об условиях передачи русского престола сыну Сигизмунда, королевичу Владиславу. Сами по себе такие переговоры не противоречили интересам страны, поскольку передача королевичу русского престола могло бы способствовать установлению мира после ряда лет внутренней смуты. Но для части казаков была чужда идея воцарения в Москве представителя иноземной династии и католика. Так, в январе 1610 г. казаки атамана Ю. Беззубцева, стоявшие в Серпухове, не пожелали идти на соединение с королевскими войсками под Смоленск. Они сговорились с жителями города и напали на стоявший в городе польский полк Млоцкого, в состав которого они входили. По данным дневника похода Сигизмунда III в Россию, под Смоленском «несколько тысяч донцов взбунтовались» против атамана Заруцкого и хотели уйти в Калугу к Лжедмитрию II.

Национальный этап Смуты в России начался после вступления в сентябре 1610 г. в Москву польских сил. В таких условиях в Калугу к Лжедмитрию II ушел со своими казаками атаман Заруцкий и находился с ним до его гибели в декабре 1610 г., когда Лжедмитрий был убит татарскими феодалами. Казаки в лагере Лжедмитрия II решительно поддерживали его. По сведениям дневника похода Сигизмунда III, в Калуге «донцы всех оставшихся татар перебили», поскольку в Лжедмитрии II видели своего царя.

Вскоре после гибели Лжедмитрия II у Марины Мнишек родился сын Иван, которого, по сообщению Нового летописца, казаки называли «царевичем и крестиша... честно». В обстановке, когда в Москве утвердилась польская власть, казаки приняли участие в борьбе с ней. Они присоединились к сформированному в Рязани ополчению, ставившему своей задачей освобождение Москвы. Наряду с вождем рязанского дворянства Прокопием Ляпуновым руководителем ополчения стал атаман Заруцкий. В марте 1611 г. ополчение предприняло попытку освобождения столицы, однако сил для этого не хватило, и попытка окончилась неудачей. Город при этом сгорел, а князь Д. М. Пожарский, командовавший ополчением, был ранен в бою. После неудачи в ополчении усилились противоречия между дворянами и казаками. Дворянское руководство ополчения во главе с Ляпуновым стремилось защитить дворянские интересы, что выразилось в принятом 30 июня 1611 г. приговоре. В нем казацкие атаманы полностью отстранялись от власти на местах, которая передавалась в руки дворян. Результатом был открытый конфликт между дворянством и казачеством. По данным Нового летописца, дворяне утопили под Никольским Угрешским монастырем 28 казаков. Польские власти в Москве во главе с полковником К. Гонсевским составили от имени Ляпунова подложную грамоту, в которой призывалось к убийству казаков. Возмущенные казаки собрали 22 июля круг, пригласили на него Ляпунова и убили его.

После убийства Ляпунова ополчение распалось. Дворяне покинули его, и под Москвой образовалось правительство казацких таборов во главе с Заруцким и князем Д. Т. Трубецким. Однако возглавить всенародную борьбу за освобождение страны подмосковное правительство не смогло. Стремление казачьих атаманов передать престол сыну Марины Мнишек встречало решительное возражение дворянства, которое называло его «воренком». Опасалось казацкого царя население центральных и окраинных уездов, непосредственно переживавшее грабежи казаков или слышавшее о них. Такое опасение отразилось в словах из отписки пермичей казанцам от 18 сентября 1618 г.: «А буде казаки учнут выбирати на Московское государство государя по своему изволенью одни, не сослався со всею землею, и нам бы такого государя на государство не хотети». Сре-

ди казачества в подмосковных таборах, не ощущавшего поддержки со стороны других слоев населения страны, усиливались разногласия. Способствовало этому также признание атаманом Заруцким и князем Трубецким в качестве «царя Дмитрия Ивановича» псковского вора Сидорки. В результате прежнее единство подмосковного казачьего лагеря раскололось. Ускорился этот раскол в связи с приближением к Подмосковью созданного осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде народного ополчения во главе с К. Мининым и князем Д. М. Пожарским. Политика руководителей ополчения, направленная на привлечение на свою сторону казаков, постепенно давала определенные результаты. Так, под Угличем казаки атаманов Б. Попова, Ф. Берескина, О. Кухтина и М. Чекушникова «выехали» на бой с войсками ополчения вместе с силами Заруцкого. Однако в дальнейшем казаки этих атаманов присоединились к ополчению, а к июню 1612 г. в составе сил ополчения в Ярославле находился уже целый ряд казачьих отрядов, 17 атаманов которых называлось поименно. Чувствуя, что он теряет поддержку казаков, Заруцкий начал переговоры с гетманом Ходкевичем. Когда стало ясно, что казаки в таборах также не одобряли переговоров с польским гетманом, Заруцкий вместе с Мариной Мнишек и ее сыном и с группой своих сторонников из числа казаков 12 июля 1612 г. бежал из-под Москвы в рязанскую землю. Вместе с тем даже после ухода Заруцкого между ополчением и казаками не было полного доверия. Связано это было с присутствием в ополчении дворянства, с которым у казаков еще в рязанском ополчении были самые резкие разногласия. В ополчении также не были склонны полностью доверять казакам, помня о поддержке ими самозванцев.

Такое взаимное недоверие проявилось 22–24 августа 1612 г., во время боев между ополчением и войсками гетмана Ходкевича. Казаки выжидали исхода дела, и как только 24 августа гетман усилил натиск, они отступили в свои таборы. Как сообщал А. Палицын, после этого он был послан к казакам с призывом оказать помощь ополчению, обещая за это уплату из богатой казны Троицкого монастыря, в котором он состоял келарем. Тогда казаки помогли ополчению и приняли участие в атаке, возглавленной самим К. Мининым. Этот удар имел решающее значение. Гетман Ходкевич был отброшен от стен Москвы и не мог оказать помощь польскому гарнизону, засевшему в Кремле. Вместе с ополчением казаки участвовали в боях за Кремль. По сведениям Пискаревского летописца, атака казаками Китай-города 22 октября позволило ополчению взять его. Польский гарнизон в Кремле, не имея возможности для сопротивления, сдался 26 октября.

Таким образом, в борьбе за Москву казаки приняли активное участие, и помощь их ополчению имела большое значение. Это предопределило их значительную роль на Земском соборе 1613 г.,

когда проходили выборы царя. Первой кандидатурой казаков, среди которых были донские казаки, являлся сын Марины Мнишек. Однако когда они увидели, что собор был настроен решительно против казачьей кандидатуры, они выступили в поддержку Михаила Романова. Это был единственный земский собор, в котором участвовали донские казаки. Поддержка казачества имела большое значение в его избрании, что предопределило в дальнейшем благоприятную по отношению к Дону политику в первые годы царствования Михаила Романова.

После избрания Михаила Романова часть казачьих сил стала возвращаться на Дон. Но отдельные казачьи отряды оставались в центральных и северных уездах, где население очень страдало от их грабежей. Особенно страдало сельское население. Так, по жалобе крестьянина Белозерского уезда С. Жаравина, казаки, явившись в деревню, «отца де ево и ево мучили, огнем жгли, а у отца де ево руки и ноги обсекли, замучили до смерти, и животы де отца ево, лошади и коровы и денги все пограбили, и хлеб лошедьми стравили». С казаками действовали иногда поляки и воровские запорожские черкасы, которые вторглись в Россию в 1618 г., когда происходил поход на Москву королевича Владислава. Как писал в Москву белозерский воевода, в 1618 г. черкасы, литовские люди и казаки «хотят в сход сходитца под Вологдою и к Вологде приступать и под иные государевы городы приходить». Для населения центральных и северных уездов разбойничьи казачьи отряды представляли большую опасность. Поэтому борьба с казачьими разбоями была одной из важнейших задач в первые годы царствования Михаила Романова. В целом к концу второго десятилетия XVII в. с казачьими разбоями было покончено.

Существенную опасность для властей представляло также движение казаков во главе с атаманом Заруцким. Закрепиться в Рязанской земле им не удалось. В апреле 1613 г. они отступили под Воронеж, но потерпели поражение от войск князя Одоевского. В сентябре Заруцкий прибыл в Астрахань, но с ним было лишь не много уральских и терских казаков. Русские власти опасались присоединения к Заруцкому донских казаков и в ряде грамот призывали их к борьбе с Заруцким. Против Заруцкого донские казаки не выступили, но и не поддержали его, при том, что небольшие группы донских казаков готовы были поддержать этого атамана. Отсутствие поддержки с Дона делало положение Заруцкого в Астрахани неустойчивым. 12 мая 1614 г. он бежал на Яик, где его вместе с Мариной и ее сыном захватили стрельцы. Атаман был посажен на кол, трехлетний ребенок повешен, а Марина умерла в тюрьме.

Так завершилось участие донского казачества в бурных событиях Смутного времени в России. На всех ее этапах оно принимало в событиях активное участие, проявило себя в поддержке самозван-

цев, а на последнем этапе оказало помощь ополчению К. Минина и Пожарского. Часть казачества отличалась не только в боях, но и в грабежах населения центральных и северных уездов России. В целом в ходе событий Смуты казачество, в том числе донское, стремилось защищать собственные интересы.

§ 4. Казачье население на Дону в XVII в.

Источники содержат самые разнообразные сведения о численности и размещении казачьего населения на Дону в XVII в., его этнической и социальной принадлежности.

Что касается численности казаков, то сведения о них носят в источниках весьма приблизительный характер. Это не случайно, поскольку строгого учета в Войске Донском того времени не велось, а сами казаки не раз писали в своим отписках в Москву, что «народ у нас не записной, вольный». Состав казачества менялся по существу постоянно. Связано это было с тем, что казачество несло боевые потери, однако в то же время ряды его постоянно пополнялись. Обстоятельства, определявшие рост численности донского казачества, определялись прежде всего характером и особенностями внутреннего состояния в русских городах и уездах и положением разных слоев населения, определявшим причины его ухода на Дон. Также это определялось традициями казачества, свободно принимавшего в то время новых людей в свои ряды.

Сразу после Смуты, в 1614 г., в составе семи «станиц» низового Войска, располагавшегося от Раздор вниз по Дону, насчитывалось 1888 казаков. Несомненно, что общая численность донского казачества этим не ограничивалась. В это число не входили казаки верховых городков, которые на весну приходили на службу в Главное Войско и там «государю служат заодно». Тем более не входили те казаки, которые не приходили в Главное Войско и оставались в своих городках. Сведений об их численности в источниках нет.

О возрастании казачьего населения на Дону после Смуты, в течение второго десятилетия XVII в., свидетельствуют некоторые косвенные данные. К весне 1617 г. Войско Донское располагало весьма большими силами, которые позволили организовать выход в море 700 казаков, которые взяли города Синоп и Трапезунд. В связи с ростом масштабов боевых действий казачества турки в 1618 г. построили на реке Каланче под Азовом для контроля за выходом в устье Дона башню. Ими был засыпан также Мертвый Донец, через который казачьи суда также выходили в море. Зная о росте численности донского казачества, русское правительство требовало от донских казаков выставить «5000–4000 или больше

человек» для войны с Польшей во время похода на Москву королевича Владислава.

К началу 20-х годов численность донского казачества еще более возросла. По данным посла С. Апухтина, в 1621 г. на море с Дона вышло 1300 донских казаков и 400 запорожцев. Когда на Дон в том же году прибыл запорожский посланник с призывом идти на помощь полякам и запорожцам под крепость Хотин в ходе войны с Турцией, на Дону отказались. Отказ они объясняли запорожцам тем, что, по словам казаков, «их тепере на Дон немного, только с семь тысяч судовых и конных... а большое де их войско пошло на море». Эти семь тысяч казаков, по донской традиции, составляли «третчину» для охраны городков. И если семь тысяч казаков составляли примерно треть донского казачества, то общая численность казачьих сил составляла к началу 20-х годов примерно двадцать тысяч. Таким образом, за неполное десятилетие царствования Михаила Романова ряды донского казачества существенно возросли. Связано это было с тем, что русскому правительству постепенно удалось вернуть на Дон те казачьи отряды, которые участвовали в событиях Смутного времени в России и занимались разбоями во внутренних уездах России. Благоприятная по отношению к казачеству политика русского правительства того времени и возможность вести войну против Турции и Крыма делали для этих казаков возвращение на Дон весьма привлекательным.

По сведениям, приведенным в 1625 г. в Москве атаманом Алексеем Старым, «всех де их на Дону и с верхними городки есть с 5000 человек». Сведения эти были приведены, когда в Москве проявилось серьезное недовольство Войском Донским за постоянные походы казаков на Турцию и Крым, когда в Москве стремились поддерживать мирные отношения с этими государствами в условиях подготовки войны с Польшей. Атаман преуменьшал общую численность казачества, показывая, что силы его не столь уж велики и крупномасштабных походов против Турции и Крыма казачество совершать не могло. О росте казачьего населения говорит появление новых городков, по сравнению с концом XVI в.

За период пребывания Войска Донского в Азове сохранилось довольно много сведений о численности донского казачества. Это связано было с тем, что в Москве постоянно интересовались, какими силами располагало казачество и насколько оно способно было защищать Азов. Заинтересованное в удержании казаками города, правительство велело белгородскому и воронежскому воеводам всячески содействовать уходу жителей этих городов, а также служилых черкас в Азов, на помощь казакам, тогда как до того уход на Дон для торговли или к родственникам требовал специального разрешения. В апреле 1638 г. войсковой атаман Михаил Татари-

нов заявил в Посольском приказе, что «донских атаманов и казаков ныне будет з 10 тыс. человек, опричь запорозских черкас, а запорозских черкас у них в Азове и на Дону з 10 тыс. человек». Возможно, что атаман, не желавший допустить какого-либо присутствия в Азове царских ратных людей, стремился создать впечатление, что казаки сами способны удержать Азов, и присылка каких-либо войск из России им не нужна. Однако в связи с боевыми потерями к 1640 г. некоторая часть казаков готова была даже согласиться с приходом им на помощь в Азов русских войск. В сентябре 1640 г., по словам атамана Демьяна Гаврилова, было «людей... в Озове всякого человека тысяч с пять». К весне 1641 г. в Азове было, по словам побывавших в городе людей из русских городов, «атаманов и казаков всех с 1000 человек или больши, да и татар и болдырей с 500 человек», причем эти татары и болдыри также были казаками. По другим сведениям, «в Азове атаманов и казаков и татар и черкас з 2000 человек». К началу Азовского осадного сидения благодаря приходу казаков верховых городков, а также черкас «из Литвы и з Запорог» оказалось «всех людей в Азове тысеч с 5 или 6».

В ходе борьбы за Азов Войско Донское понесло большие потери и было ослаблено. Возникла угроза, что вернувшимся в 1642 г. в Азов туркам удастся «сбить» казаков с низовьев Дона. Чтобы не допустить этого, русские власти в 1646 г. впервые сделали попытку увеличить численность донского казачества за счет направления на службу на Дон, в состав Войска Донского, «вольных охочих людей». В южных городах под общим руководством дворянина Ждана Кондырева было набрано примерно 10 тыс. человек. Из них большая часть бежала с Дона, и в составе казачества закрепилось не более двух с половиной тысяч человек. Больше подобных попыток русские власти не повторяли. Но в 1648 г. на Дон были направлены царские ратные люди во главе с воеводой А. Лазаревым, которые расположились вблизи Черкасского городка.

В 50-е годы ощущалась нехватка людей на Дону. Между тем, после завершения юридического оформления крепостного права в России по Уложению 1649 г., в связи с организацией эффективного сыска беглых в русских уездах, усилилось бегство зависимых людей на Дон. В результате к концу 50-х годов стало заметно увеличение численности казачества на Дону. Косвенным свидетельством этому стали походы «воровских» казаков на Волгу и на Каспийское море. К этим казакам относились новые на Дону люди, которых старые казаки называли «набродом», а в связи с их материальной скудостью – «голытьбой». В 60-х годах, как писал подьячий Посольского приказа Г. Котошихин, бежавший в Швецию в 1664 г., на Дону проживало двадцать тысяч казаков. Таким образом, к началу 60-х годов численность казачества на Дону достигла того уровня, который был в 20-х годах.

После подавления Разинского восстания продолжался рост численности донского казачества. По сведениям исследователей, к периоду рубежа XVII–XVIII вв. она превысила 20 тыс. человек. Так, по данным В. И. Лебедева, она составила 26690 человек. Накануне же Булавинского восстания, по подсчетам Н. С. Чаева и К. М. Бибиковой, на Дону проживало 28570 казаков. Трудности в определении реальной численности казачьего населения связаны также с тем, что приводившиеся в источниках цифровые данные не исходили из учета какого-либо иного казачьего населения, кроме того, которое могло нести военную службу, оставляя за пределами подсчетов все, что относилось к семьям казаков.

При преобладании в целом казаков русского происхождения донское казачество отличалось пестротой этнического состава и разнообразием социального происхождения.

Первые известные по письменным источникам донские казаки, сведения о которых относятся к середине XVI в. – это люди атаманов Михаила Черкашенина, Семена Извольского и Сары Азмана. Черкашенин был путивльским казаком и, судя по имени, имел украинское происхождение, Извольский – тульским служилым человеком. Менее ясно происхождение Сары Азмана, который являлся или касимовским татарином, или турком из Азова.

К концу XVI в. ряды донского казачества возросли, и в них по источникам заметны выходцы из низов русского общества. Так, по данным Карамзинского хронографа, среди казаков были в то время «холопи боярские и всякие воры ерыжные». Среди атаманов было немало представителей служилого сословия. Судя по Рязанской писцовой приправочной книге, среди донских атаманов конца XVI в. были рязанские помещики. Также в то время происходил приток на Дон украинцев-черкас.

После Смутного времени, когда движение русского населения на Дон стало весьма оживленным, происходили некоторые перемены в социальном составе выходцев на Дон по сравнению с XVI в. Так, менее заметны стали выходцы из служилых людей по отечеству. Несравненно более значительное место в рядах донского казачества занимали выходцы из мелких служидых людей разных городов и уездов России, преимущественно южных. Так, о казаке Смирке Мятлеве известно, что до того, как уйти на Дон, он в 1636 г. ушел с Вологды на Верхний Ломов и там «в жилетцкие и служилые люди записался». В том же году он, «взяв с собой казенную пищаль да фунт зелья, да фунт свинцу, сшел с Ломова на Дон». Иван Поленов, бывший сперва яицким, а затем донским казаком, рассказывал в 1640 г., что до своего ухода на Яик он «служил... на Тереке в конных стрельцах». Знатный казак Самойло Лаврентьев, являвшийся одним из предводителей донского старообрядчества и бывший войсковым атаманом в 1686–1687 гг., был

сыном калужского стрельца. Другой видный предводитель донского старообрядчества, сподвижник С. Лаврентьева Кирей Чурносов, был сыном воронежского пятидесятника Матвея Петрова Чурносова, прибывшего на донскую службу в 1646 г. во время набора «вольных охочих людей».

Немалую роль в пополнении рядов донского казачества играли в XVII в. выходцы из социальных низов русского общества. Люди, близкие к низшим слоям населения России, оказывались среди верхушки Войска Донского. Так, братом атамана Исая Мартемьянова, избиравшегося войсковым атаманом, был Алексей Широков, крепостной боярина И. Н. Романова. В 1625 г. он просил отпустить его на Дон для свидания с заболевшим братом-атаманом и получил разрешение на эту поездку. Выходцы из крестьянской и посадской среды были особенно заметны среди рядовой части казачества. Ввиду того, что уход на Дон и вступление в ряды казачества было делом не простым и требовало скорейшим овладением навыками казака как воина и промысловика, были распространены случаи ухода на Дон людей, имевших среди донских казаков родственников или земляков. Так, в 1631 г. шацкий воевода Р. Боборыкин сообщал, что многие жители дворцовых сел Шацкого уезда «съехали при прежних воеводах, и ныне живут на Дону и на Яике, а братья их, и племянники, и дети ныне живут в дворцовых селах и хотят к ним идти на Дон и на Яик». Имелось немало случаев, когда сами казаки подговаривали жителей городов и уездов уходить на Дон. Во время Смоленской войны, в 1633 г., атаман Иван Теслев «подговорил» к уходу к донским казакам «от бояр... и от окольничих и от дворян и ото всяких людей холопей многих». Немало людей, принадлежавших помещикам Тульского, Соловского и Веневского уездов, «подговорил» в 1646 г. к уходу на Дон донской атаман Павел Федоров (Чесночихин). Другой атаман, Иван Катрожный, отказывался выдать этих людей, несмотря на требования воронежского воеводы. Увелчение боевых сил донского казачества происходило и за счет людей, прибывавших на Дон временно, с торговыми целями. Они ходили в походы с казаками, а отдельные из них, вроде козлорвцев Агапки и Першака Пашигоревых, участвовали в защите Азова во время Азовского осадного сидения.

Среди уходивших на Дон людей были не только миряне, но и представители духовенства. Обычно целью их ухода на Дон была торговля. По сообщению воеводы Р. Боборыкина, в 1631 г. для торговли вином, зельем и свинцом уходили на Дон не только крестьяне, но и попы. В 1626 г. вдовый поп из Белгорода Тимофей выехал на Дон «с вином и з запасы». Некоторые из попов, например Семен из Никольской церкви в Валуйке, уходили на Дон «с бедности». Не все священники оставались на Дону. Однако часть их закреп-

лялась, что имело для казаков большое значение, поскольку своих священнослужителей на Дону не хватало.

Среди выходивших на Дон людей преобладали жители южных русских городов и уездов. Некоторую роль в пополнении рядов донского казачества играли пленники, выходцы из Азова, Крыма и других мест. В 1617 г. донковский воевода А. Чебаров сообщал: «А из Азова де Доном... русские ясыри бегают на Дон, в казачье войско». Казак Тимофей Сукин рассказывал в 1638 г. в Москве, что он пришел на Дон из крымского плена. В 1637 г., после взятия Азова, казаки освободили две тысячи «пленных православных крестьян». Часть из них убыла в Россию с послом С. Чириковым, другая же часть осталась на Дону и пополнила ряды Войска Донского. Также ряды донского казачества пополнялись за счет выхода казаков с других казачьих рек, прежде всего с Волги и Яика.

При преобладании в составе Войска Донского русского по происхождению казачества казачье сообщество отличалось этнической пестротой. Весьма многочисленны были на Дону казаки украинского происхождения, прежде всего запорожцы. На Дону, причем по многу лет, жило немало запорожцев, которые в источниках именуются черкасами. Как сообщал в Москве в 1626 г. донской атаман Федор Ханенов, «на Дону черкас бывает много, человек по 500, а иногда и больши, а живут не в одном месте». В том же 1626 г. запорожский полковник Алексей Шафран заявил, что жил на Дону 18 лет, а некоторые запорожцы – по пять-шесть лет, причем как черкасы, так и донские казаки «живут, переходя» то в Запорожье, то на Дон. Приток черкас на Дон усилился накануне азовского взятия 1637 г., в котором они приняли активное участие. В 1638 г. в разных казачьих городках, по сообщению волуйчанина С. Бобырева, было «запорожских черкас добре много». Много запорожцев было и среди защитников Азова в 1641 г., в ходе Азовского осадного сидения. После оставления Войском донским Азова в 1642 г. некоторые обстоятельства осложняли приток запорожцев на Дон. К ним относились такие, как нападения «воровских черкас» на донские казачьи городки, начало войны украинского народа против Польши, а также союз Б. Хмельницкого с Крымом, который на Дону не одобряли. После Переяславской Рады 1654 г. связи между Войском Донским и Запорожской Сечью в полной мере возобновились.

Среди казачества еще с XVI в. был заметен тюркский элемент. Источником его пополнения были пленные, в первую очередь – женщины, становившиеся женами казаков. В «Поэтической» повести об Азовском осадном сидени казаки отвечали туркам: «А жен себе красных, любых, выбираючи, от вас же уводим». Вместе с тем, по мнению историка русского права М. Ф. Владимирского-Буданова, они были не женами, а рабынями казаков. Но дети от

подобных браков становились на Дону казаками и имели нередко прозвища Болдырь или Тума. Такие казаки в источниках назывались нередко донскими татарами.

Примерно с середины XVII в. на Дону стали появляться калмыки. Отношения их с казаками были весьма сложными. Казачьи городки подвергались нападениям калмыков, которые, в свою очередь, также нападали на калмыков. С конца XVII в. начался процесс вхождения калмыков в состав Войска Донского, а в 1685 г. к донскому казачеству было приписано двести калмыцких семей.

Выходцев из стран Западной Европы в составе Войска Донского было очень немного. Двое из них стали очень известны. Одним из них был Андрей Корела, по сведениям С. Г. Сватикова, лифляндский уроженец финского происхождения. Другой известный казак, выходец из европейской страны – Иван «родом немецкия земли», как говорилось о нем в «Исторической» повести об азовском взятии. Он провел удачный подкоп под азовскую стену, благодаря которому казакам удалось взорвать ее и ворваться в город. По мнению И. Ф. Быкадорова, его фамилия Арадов может свидетельствовать о происхождении его из Трансильвании, где находился город Арад. Из западноукраинского Тернополя в составе Речи Посполитой происходил известный атаман Смутного времени Иван Мартинович Заруцкий. Среди донского казачества были также греки. В источниках о событиях, связанных с движением донских старообрядцев конца XVII в., неоднократно упоминается знатный казак Ян Гречин. На наличие грузин среди донских казаков указывал С. Г. Сватиков.

По источникам XVI – начала XVIII в., поселения донских казаков именовались городками. Черкасский – центр Войска Донского с 1644 г. и крупнейший из казачьих городков, иногда назывался городом, что было связано с его размерами и с его ролью на Дону. Иное название казачьих поселений – станица, закрепилось только с XVIII в. Такие разные наименования не случайны. Они отражали хаарктер поселений. Так, городки раннего периода истории казачества подвергались прямой и непосредственной угрозе со стороны противника, выдерживали довольно частые нападения и осады, причем это создавало серьезную помеху хозяйственной деятельности. Это были поселения, носившие, прежде всего, военный характер. Они были укреплены. Так, едва ли случайно в первом упоминании о таком поселении, относившемся к 1548 г. и находившемуся на Переволоке, оно даже названо острогой. О каменных укреплениях в казачьих городках сообщал в 1667 г. проезжавший от Переволоки до Азова турецкий путешественник Эвлия Челеби, а в конце XVII в. – вице-адмирал Корнелий Крюйс. Что же касается позднейшего наименования казачьих поселений в качестве станиц, то связано это с определенным изменением их характера, когда не-

посредственно оборонительное значение их снизилось, когда они в большей степени приобрели значение военно-мобилизационных поселений и возросла в них роль хозяйственной деятельности.

Обобщающие сведения о городках донских казаков конца XVI–XVII в. содержат списки казачьих городков и карты с нанесенными на них городками. Все они дошли до нас от XVII в., однако самые ранние из них содержат сведения, относившиеся к концу предыдущего столетия. В середине XVII в. был составлен дорожник, в котором было упомянуто три десятка донских казачьих городков. Столько же городков было названо в списке, также составленном в середине XVII в., в котором содержится упоминание четырех городков по Хопру и трех по Медведице. В. Н. Королев доказал, что в дорожник вошли сведения, относившиеся к концу XVI в., а П. П. Сахаров сделал аналогичный вывод для списка. По мнению В. Н. Королева, список городков из дорожника был составлен русским посольством 1593 г., а, как указывал П. П. Сахаров, список середины XVII в. был составлен посольством 1594 г. К началу XVII в. относятся сведения о казачьих городках с карт России, составленных голландцами. К ним относились карты 1614 г. Г. Герритса и 1633 г. И. Массы. На них указано 36 одинаково подписанных латиницей городков. На карте Г. Геритса указан источник, на основании которого была составлена его карта (карта была составлена при участии царевича Федора Борисовича Годунова и не дошла до нас). Первым списком, составленным самими донскими казаками, был список, составленный в 1672 г. в Посольском приказе со слов станичного атамана Фрола Минаева. Он включал в себя 48 городков по Дону и был необходим для более точного исчисления царского жалованья. В 1674 г. Войско Донское составило перечень городков, подвергшихся нападению калмыков тайши Аюки. В нем были названы городки по Дону и впервые по Хопру. В 1688 г. появился перечень из десяти городков по Медведице, что было связано с борьбой против донских старообрядцев. Большое количество списков казачьих городков стало появляться при Петре I в свзи с Азовскими походами и строительством азовского флота. Эти списки включали в себя городки по притокам Дона – Хопру, Медведице, Северскому Донцу и по притоку Хопра Бузулуку. В 1703 г. в Амстердаме вышел в свет Атлас реки Дон, составленный вице-адмиралом К. Крюйсом по материалам съемок конца XVII в. Расположение городков в атласе впервые было показано с топографической точностью.

Центром донского казачества во второй половине XVI в. считается городок Раздоры вблизи впадения в Дон Северского Донца. Как убедительно показал В. Н. Королев, в конце XVI в. центром низового Войска Донского был городок, названый в дорожнике середины XVII в. Стыдное Имя и расположенный в низовьях Дона незначительно выше турецкого Азова. По другим источникам, этот

городок именовался «Бодок» или «Эпок», что более соответствует, по-видимому, его действительному названию. После Смутного времени, вплоть до взятия Войском Донским Азова, центром Войска Донского был Монастырский городок, находившийся по Дону немногим ниже Черкасского городка. С июня 1637 по май 1642 г. центром Войска Донского был Азов, а с 1644 г. – Черкасский городок. К крупным городкам относились Маныч, а также городки вблизи Волго-Донской Переволоки, которые пополнялись за счет «воровских» казаков, ходивших за добычей на Волгу и на Каспийское море. Городки выше Переволоки были невелики.

Существенным показателем прочности заселения Дона стало распространение у казаков в XVII в. семейной жизни. В целом, как и запорожское сечевое «товарищество», Войско Донское представляло собой мужское боевое братство. Но вместе с тем, существенная поддержка со стороны правительства Михаила Романова, организовавшего регулярную уплату казакам царского жалованья, способствовало распространению семей у казаков. Не случайно в 1628 г. в одной из царских грамот на Дон казакам говорилось: «Вы... на Дону... живете з женами и з детми». В результате распространения семейной жизни во второй половине XVII в. в источниках упоминаются казаки во втором поколении. Так, видный старшина Родион Осипов был сыном войскового атамана Осипа Колуженина. Сыновьями казаков были известные предводители донских старообрядцев Кирей Чурносов и Павел Чекунов. Сыновьями казака Тимофея Рази были Степан и Фрол Разины. Благодаря распространению семейной жизни на Дону в конце XVII в. стал появляться слой коренного, потомственного казачества.

§ 5. Источники существования донского казачества и начало хозяйственного освоения Дона

«Край войны» – так была названа Донская земля в турецком документе 1552 г. Это название полностью отражало положение в крае, где донские казаки проживали бок о бок со своими более многочисленными соседями, где жизнь была связана с постоянной военной опасностью. Не удивительно, что в таких условиях хозяйственная деятельность на Дону была затруднена. Но большое значение для казаков имела военная добыча.

Добыча была целью любого военного предприятия, проводившегося казаками. Вместе с тем были боевые предприятия, имевшие для казаков более важные цели, чем захват добычи. Как показал В. Н. Королев, к таким предприятиям относились боевые действия донских и запорожских казаков против Османской империи и

Крыма вообще и против турецкой столицы в частности, связаные с дальними морскими походами. На первом плане выступали в них военно-стратегические цели, связанные с историческим противостоянием казачьих сообществ Османской империи. Вместе с тем и в таких похолдах присутствовали мотивы, связанные с захватом добычи. Так, в 1630 г. белгородцы Васька Иванов и Федька Семенов, участвовавшие с донскими казаками в походе на Крым и взятые в плен, говорили русским послам Л. Кологривову и А. Дурову, что казаки вышли с запорожскими черкасами на море «для добычи». В 1621 г. дворянин С. Апухтин, привозивший на Дон царское жалованье, сообщал, что 1300 казаков ходили «з Дону на море на добычю». Захват добычи, прежде всего конский отгон, был целью ряда сухопутных походов донских казаков против их соседей – ногайских татар.

Уже в первых письменных известиях о донских казаках говорилось о захватах ими военной добычи. В 1549 г. ногайский князь Юсуф сообщал, что казаки, проживавшие на Дону в «городах» атамана Сары Азмана, «емлют» ногайских «гостей». Для казаков, обосновавшихся в низовьях Дона, важным источником существования стала добыча, которую они брали у азовцев. В грамоте султана Сулеймана I Кануни ногайскому князю Исмаилу 1551 г. говорилось, что казаки даже «емлют» с Азова «оброк». Уплата азовцами дани казакам превратилась к началу XVII в. в традицию, о которой говорил в 1615 г. визирь Магмет паша: «Преж сего ... азовские люди донским казакам для перемирья давывали по 1000 золотых, да сети. И котлы, и соль». В грамоте 1576 г. Сулеймана I Кануни крымскому хану Девлет Гирею I вообще говорилось, что «казаки деи Азовом жили».

В качестве главной цели походов добыча присутствовала, когда казаки выходили на Волгу и на Каспийское море. Такие походы русским правительством характеризовались как «воровские», а их участники жестоко преследовались как ими, так и персидскими властями. Русские власти неоднократно требовали от Войска Донского запретить подобные походы. В 1627 г., по настоянию русских властей на Войсковом круге был «учинен заказ крепкой» ходить «з Дону на Волгу для воровства». Было при этом принято постановление, что если кто-то из казаков, ходивших на Волгу, «объявитца на Дону, и ему быть кажнену смертью». Однако и после запрета походы продолжались, причем между казаками Войска Донского и «воровской» частью донского казачества существовали прочные связи. В дорожнике середины XVII в., в котором сведения о донских казаках относятся к концу XVI в., говорилось, что ходят «на Волгу и на Яик воровать казаки Клецкого, Кременного, Сиротинского, Стрелчего и Кумшакова городков». Очевидно, что к этому перечню можно добавить другие городки вблизи Переволоки. Ка-

заки Войска Донского этих «воровских» казаков «ссужали зельем и свинцом». И осенью 1669 г., накануне похода С. Разина на Волгу, «многие... донские казаки, ссужая воровских казаков, голутвенных людей, ружьем и платьем,.. отпускали для добычь исполу». Это означало, что после завершения похода и возвращения на Дон «воровские» казаки должны были отдать тем казакам, которые ссужали их всем необходимым для похода, половину добычи. В первой половине XVII в. вся Нижняя и Средняя Волга жили в большой тревоге от казаков. Об этом свидетельствовал немецкий ученый и путешественник А. Олеарий, проезжавший в 1634 г. вниз по Волге от Нижнего Новгорода в Персию на немецком судне.

Ниже Царицына «воровские» казаки попадали в благоприятную для себя обстановку. Волга, Ахтуба и многочисленные протоки с поросшими высоким камышом островами позволяли внезапно появляться перед жертвой и довольно легко скрыться от преследователей. В источниках содержится немало указаний на то, что стрелецкие начальники, которых астраханские воеводы посылали против «воровских» казаков, не находили их, несмотря на тщательный розыск. Объяснялось это в значительной мере тем, что у «воровских» казаков имелись удобные для таких предприятий небольшие суда.

Промысел «воровских» казаков продолжался с весны до осени. На зиму они возвращались на Дон, причем иногда сооружали себе особый городок. Такой городок был в 1629 г. в глухом месте по Дону у «воровских» казаков атамана Ромашки Хохра. Но они не обязательно возвращались на Дон. В 1637 г. астраханские стрельцы разгромили зимовье этих казаков на Кулалинском острове в северной части Каспийского моря. Казаков там стрельцы не застали. По донесению стрелецкого сотника Л. Медведева, они видели там «четыре избы в земле да сарай. Для пресной воды имелись «копани» с вкопанными в них бочками. В сарае стрельцы нашли немало награбленного имущества.

Не всегда «воровские» походы завершались для их участников успешно. Участник экспедиции английских капитанов Т. Бэнистера и Д. Дэкета Л. Плэмтри сообщал, как в 1572 г. персы, «которые очень расположены к англичанам», за разгром английских судов подвергли попавшим к ним в плен казаков «жесточайшим мучениям». Тем не менее, походы продолжались, поскольку добыча в случае удачного похода могла быть достаточно велика и обеспечивала казакам богатство, которое укрепляло его общественный статус воина и удачливого добытчика. В сознании народа отношение к «воровским» казакам заметно отличалось от правительственного. Для народа такой казак был героем, а в русском фольклоре – носителем былинной богатырской традиции.

Добыча, захватывавшаяся в боевых и «воровских» походах, была разнообразной. Большое значение имел для казаков захват

пушек. Высоко ценились восточные ткани. В сухопутных походах казаки отбивали у противника скот. В качестве специфической добычи выступала ясырь, которая на Дону находилась на положении рабов и которой казаки нередко торговали, но некоторых пленных женщин брали замуж. За некоторых пленных казаки получали большой выкуп, который могли, в свою очередь, растратить на выкуп у азовцев своих пленных. Завершались походы «дуваном», или дележом добычи. Это был долгожданный момент для участников походов, когда участники вознаграждались за все тяжкие труды, лишения и опасности, которым они подвергались. Не случайно «дуван» опоэтизирован в народных песнях. В одной из них говорилось, что всем казакам «досталося из казны... по пятьсот рублей», и лишь «одному из них казны-то не досталося, досталося ему да красна девица». Огромное значение войны и добычи в жизни казачества определяло специфику донского сообщества.

Важное значение для казаков имело царское жалованье. Уже с XVI в. стала складываться и утверждаться практика, когда оно стало выдаваться казакам за определенную службу. С традицией пожалованья в историческом сознании казачества стало даже получение от «царя Ивана Васильевича» «славного Тихого Дона» за казанскую службу в 1552 г.

Наиболее ранние сведения из документальных источников о царском жалованье донским казакам относятся к 1570 г., когда правительство поручило казакам атамана Михаила Черкашенина проводить своего посла И. Новосельцева в Турцию от Рыльска до Азова. За эту службу казакама давалось «государево жалованье: деньги и сукна, и селитра, и свинец». Службой, за которую казакам давалось царское жалованье, являлось сопровождение посольств, участие в боевых действиях, доставка разных сведений. Жалованье, таким образом, выплачивалось за конкретную службу. Переход к регулярной ежегодной уплате царского жалованья донским казакам относится к 90-м годам XVI в. Направлялось оно низовым казакам, у которых к тому времени складывалась войсковая организация. При Борисе Годунове жалованье посылалось донским казакам ежегодно. С 1609 по 1612 гг., в связи с бурными событиями Смутного времени, жалованье на Дон не посылалось. С 1613 г. правительство Михаила Романова наладило регулярную посылку донским казакам царского жалованья. Вместе с тем царское жалованье становилось одним из инструментов правительственной политики на Дону. В связи с отдельными периодами ухудшения отношений между Москвой и Доном жалованье иногда не посылалось. Оценивая размеры царского жалованья, осведомленный современник, беглый подьячий Посольского приказа Г. Котошихин, писал, что оно посылается «негораздо по многу и не всегда».

Ассортимент царского жалованья Войску Донскому был разнообразен. Снабжение казаков хлебным запасом шло из южных российских уездов, где для этого существовала государева десятинная пашня. Вино также поставлялось из южных городов, а ответственными за поставку были целовальники из кабаков, питейных и кружечных дворов. Почти ежегодно на Дон отправлялось жалованье сукном и деньгами. Деньги посылались и тогда, когда не посылалось другое жалованье. Так, в 1640–1641 гг., когда была серьезная опасность нападения на идущие по Дону суда с хлебным запасом со стороны татар, посылались только деньги. Большое значение имела присылка военного жалованья – зелья, свинца, селитры, пушек. Что касается судов, то казаки не считали русские суда, присылавшиеся в отдельные годы в качестве жалованья, пригодными для морских походов в той же мере, как для этого подходили струги, которые делались самими казаками.

Встреча царского жалованья, которое привозилось царским послом, представляла собой торжественную церемонию. Происходила она на Войсковом круге. После Азовского осадного сидения, когда Войско Донское ослабло, правительство попыталось перенести церемонию встречи жалованья на посольский стан, чтобы подчеркнуть, что царский посол выше казачьего круга. До поражения Разинского восстания оно не смогло заставить казаков идти на стан, и передача жалованья проходила на нейтральном месте, у часовни. После разгрома восстания передача жалованья казакам стала происходить на посольском стане. Делилось жалованье не среди всех донских казаков. Реально получали его донская верхушка, а также те казаки, которые приходили на службу в Главное Войско.

Особое жалованье получали казаки зиммовых и легких станиц, представлявших собой посольства от Войска Донского в Москву. Включение в состав посольства было для атаманов и казаков почетным поручением, которое давалось за боевые заслуги. Казаки получали жалованье по прибытии в Москву, затем ежедневное содержание, а также особое жалованье на отъезд. Размеры жалованья были велики. В то же время они различались в зависимости от положения, которое занимал казак в составе станицы. Жалованье атамана и есаула станицы было большим, чем у рядовых казаков. За особые заслуги в жалованье атамана и есаула входили ценности, такие как меха соболя и серебряные ковши. Впервые это вошло в практику с 1641 г., когда станица атамана Наума Васильева привезла в Москву весть о победе над турками в ходе Азовского осадного сидения. Тогда атаман получил «ковш серебрян в две гривенки, камку куфтерь десять аршин, тафту добрую, сукно лундыш доброй, сорок соболей и сорок рублев», а есаул – «камку кармазин десять аршин, сукно лундыш доброй, сорок соболей в двадцать пять рублев». В 1671 г., по случаю выдачи в Москву Степана и Фро-

ла Разиных, жалованье соболями получили не только атаманы и есаулы, но и казаки станицы Корнилы Яковлева. Особенно много получил К. Яковлев. На приезде ему дали сорок соболей в тридцать рублей, а на отъезде – пару соболей в десять рублей. Кроме того, ему дали ковш «в полдве гривенки», на изготовление которого был взят «21 ефимок» и «на позолоту 2 золотых червонных».

Для некоторых атаманов и старшин правительство использовало такую форму пожалованья, как поместные дачи. Ее существование определялось тем, что еще в XVI в. среди донских атаманов было немало помещиков. Они служили на Дону и имели поместья во внутренних уездах страны, особенно в южных. Поместные дачи атаманам и казакам, которые «служат старо», узаконило первое ополчение в своем приговоре от 30 июня 1611 г.

После Смуты казачество в большей степени, чем до нее, закрепилось на Дону. Поэтому в источниках содержится немного сведений о том, что атаманы и казаки покидали Дон и оказыались в роли русских помещиков. Судя по выписке о поместных дачах с 1622 по 1646 г. из документов Разрядного приказа, известно, что за эти годы получили поместные оклады 15 атаманов за их заслуги перед государством.

Недостаток жалованья заставлял казаков искать иные способы материального обеспечения. Один из них состоял в обзаведении хозяйством и использовании природных богатств Донской земли.

Дон привлекал выходцев из русских земель не только возможностями вольной жизни и получения добычи, но и природными условиями, благоприятными для занятий разными видами хозяйственной деятельности. На Руси еще давно было известно, как старожилое тюркское население использовало эти возможности. Еще в 1395 г. спутники митрополита Пимена видели огромные стада по обеим сторонам Дона, принадлежавшие татарам. Не только скотоводство, рыболовство и охота, но и земледелие имело место в низовьях Дона. О посевах пшеницы вблизи Азова в XV в. писал И. Барбаро. И даже в XVII в., когда Войско Донское угрожало Азову, азовцы занимались земледелием. Как собщал в 1637 г. русский посол С. Чириков, «...выше Азова вверх по реке по Дону степь пашут верст в пяти и в шестидесяти и больши, и хлеб под Азовом гораздо родитца. А хлеб сеют яровой, ячмень и пшеницу, проса. А против города за рекою за Доном сады».

Постоянная военная опасность сдерживала хозяйственное развитие Дона в XVI–XVII вв. В результате хозяйственное развитие Дона отставало в тот период от уровня, достигнутого в России и на Украине. Некоторые отрасли хозяйства получили у казаков значительное развитие. Прежде всего, это охота и рыболовство. Этому способствовал образ жизни казаков, не расставшихся с оружием,

и характер расселения казкков по берегам Дона и других рек, где в пойменных местах водилась дичь, а в реках – рыба.

Значение донского рыболовства выходило за местные рамки, поскольку донская рыба благодаря своим высоким качествам была известна еще в античном мире. Для русских торговых людей донская рыба также представляла интерес. Но для самих казаков рыба была самым обычным продуктом, который был у них на столе даже тогда, когда ничего другого не было. Так было в Азове зимой 1640–1641 гг. перед приходом к городу турецких войск. Со слов побывавших в то время в Азове валуйчан, «зимою... многие бедные люди ели кобылятину, а иные де кормятца рыбою». Поэтому положение казаков становилось трудным, если рыбный промысел почему-то прекращался.

Не меньшее значение в жизни казаков занимала охота, причем охотиться они могли не только в домашней жизни, но и в походе и при выполнении войсковых поручений. Казаков, занимавшихся охотой в свободное от выполнения служебных обязанностей время, на Дону называли гулебщиками и камышниками. Выход казаков-гулебщиков на охоту начинался с лета, обычно после Петрова дня, когда в Главном войске завершался сбор казаков. Обычно гулебщики находились на промысле всю зиму и весной возвращались в свои городки. Помимо казаков, на Дону находились целые охотничьи ватаги, состоявшие из жителей южных русских городов и уездов.Нередко они охотились вместе с донскими казаками. Если гулебщики охотились в степи и приречных лесах, то камышники не удалялись от рек и сидели в камышах. В отличие от гулебщиков, камышники не выходили на охоту большими группами.

К традиционным отраслям хозяйства казаков относилось скотоводство. Казаки уделяли большое внимание этой отрасли, поскольку от коневодства зависела боевая мощь Войска Донского. Казаки имели много лошадей и ценили их. Источники свидетельствовали, как правило, о значительном количестве скота у казаков. Казаки занимались отгоном лошадей у азовцев, ногаев и татар, но и у них противник угонял скот. Вместе с тем, по неписаному степному закону, запрещалось уничтожать заготовленное на зиму сено. Заготовке сена казаки придавали большое значение и иногда нанимали для этой работы прибывших из России людей. Ездили казаки на сенокос вооруженными. Благодаря заготовкам сена скот в течение зимы стоял у казаков в стойлах, а все остальное время, с весны до осени, скот находился на подножном корму.

На промыслово-скотоводческий характер хозяйства донских казаков указывала словесная формула, нередко употреблявшаяся в войсковых отписках в Москву в XVII в.: «Служим мы ни с поместий, ни с вотчин, с воды да с травы». Что касается земледелия, то сведения о его распространении в хозяйсве казаков относятся

только к концу XVII в., и началось оно с верховых городков, особенно по Хопру.

Дополнением казачьему хозяйству служило ремесло. По сравнению с развитием ремесла в России и на Украине, уровень его развития на Дону был несравненно ниже. Кроме того, на Дону занимались ремеслом не столько казаки, сколько пришлые из русских городов и уездов и временно проживавшие на Дону.

Прежде всего, это относилось к таким мастерам, как сапожники и портные. Особенно много было таких мастеров из Курска и Белгорода. На Дону их привлекала возможность не только заработать деньги своим ремеслом, но и с выгодой их потратить. Так, в 1627 г. курянин Данилка портной-мастер жил на Дону «недель з десять», заработал пять рублей и купил на эти деньги ногайского коня и ногайскую кобылу, которых мог затем за более высокую цену продать в России. Такие мастера были в разных казачьих городках. Не случайно при раскопках Кагальницкого казачьего городка были найдены мужские наперстки. Одежда и обувь делались из материалов, которые казаки добывали на охоте или захватывали в виде добычи при ограблении турецких торговых судов на Черном море или судов персидских купцов-тезиков на Каспийском море. Использовались также сукна, которые посылались на Дон в виде царского жалованья.

Сами казаки также знали разные ремесла. Так при раскопках Кагальницкого казачьего городка было найдено множество деревообрабатывающих инструментов: плотничьих топоров, буравов, резцов по дереву, инструментов для изготовления деревянных ложек. Особенно на высоком уровне стояло донское судостроение. Казачьи струги отличались самым высоким качеством. Одну из причин того, что их струги были лучше тех судов, которые изготовлялись в России, казаки объясняли тем, что они делали суда «в летню пору». В России же их нередко делали «наскоро, в мерзлом и сыром лесу, в зимнюю пору». При подготовке похода изготовление стругов было общевойсковым мероприятием, причем для большого черноморского похода каждая сотня казаков должна была сделать струг. Среди казаков были опытные судостроители. Один из них, Кирилл Петров, был послан в 1660 г. в Козлов для руководства изготовлением боевых судов. Еще одним ремеслом, хорошо известным казакам, было кузнечное дело. Это не случайно, поскольку это было необходимо для судостроения. Следы кузницы в виде зольного овального пятна и овальной глиняной площадки были найдены при раскопках Кагальницкого казачьего городка. Кузница имелась и в зимовище «воровских» казаков на Кулалинском острове. О знании казаками литейного дела свидетельствовала посылка на Дон в составе царского жалованья железа для изготовления пушечных ядер. Об изготовлении пороха свидетельствовала посылка в составе

царского жалованья селитры. Косвенным свидетельством производства пороха было указание французского инженера Г. Боплана о том, что запорожцы делали из селитры «превосходный порох».

Своеобразием отличалось строительное искусство донских казаков. Каменного строительства в целом они не знали и даже подчеркивали, что каменные сооружния чужды казачьему образу жизни. В 1641 г. казаки Черкасского и Манычского городков, не желая идти на защиту Азова, обосновывали это так: «Мы де за камень не хотим умереть, мы де умрем за свом щепки». В период своего пребывания в Азове Войско Донское нанимало для работ по укреплению азовских стен греческих мастеров. Однако объем работ был столь большим, что без участия в них самих казаков отремонтировать стены было невозможно. Жилища казаков в городках назывались куренями и землянками. Курень XVII в. был плетеным и обмазывался глиной. В конце XVII в. куренем называли уже каменный дом.

Немалое значение для казаков имела торговля. По оценке исследователя донской торговли А. А. Новосельского, в XVII в. Дон начинал втягиваться в систему формировавшегося в то время всероссийского рынка. Особенно большое значение для них имела торговля с южными русскими городами и уездами. Идя навстречу пожеланиям казаков, правительство Михаила Романова в 1615 г. предоставило им право беспошлинной торговли в русских землях. От воевод правительство требовало не допускать злоупотреблений в отношении донской торговли. Тем не менее, условия для злоупотреблений сохранялись. Так, для торговой поездки на Дон требовалось воеводское разрешение, или «отпуск», уплата таможенных сборов в Коротояке или Острогожске, осмотр судов на «заставах» для задержания беглых и конфискации «заповедных товаров». Кроме того, само разрешение на торговлю являлось одним из инструментов политики правительства на Дону. В 1630–1631 гг., после убийства казаками царского посланника – дворянина И. Карамышева, а также в 1670 г., когда развернулось Разинское восстание, торговые поездки на Дон полностью запрещались. Сдерживало развитие донской торговли также военная опасность. Для казаков большое значение имел привоз русскими торговыми людьми хлебного запаса и вина, а также оружия и боеприпасов. Своеобразие донской торговле придавала продажа казаками ясыря. Для казаков работорговля была одним из источников денежных поступлений.

Образ жизни казачества предполагал зажиточность значительной его части. Описи «рухляди», изымавшейся в разные годы у арестованных казаков, свидетельствовали о том, что казаки владели значительным имуществом. По сравнению с запорожцами донские казаки, как отмечалось в царской грамоте на Дон 1628 г., «в богатстве». Слой казачьей голытьбы стал заметен примерно с

60-х годов XVII в., накануне Разинского восстания. Развивавшееся с того времени социальное расслоение среди казачества стало одной из важных предпосылок Разинского восстания.

§ 6. Демократический строй на Дону в XVI–XVII вв.

Донские казаки считали себя Войском Донским. Это наименование прочно утвердилось в понятии всех слоев населения России и иноземцев. Оно вошло в документы дипломатической переписки России с Турцией, Крымом, ногаями, калмыками, Польшей, с самими донскими казаками.

По письменным источникам оно известно с конца XVI в. Посол Г. Нащокин сообщал в 1592 г., что 27 мая, когда он следовал вниз по Дону, ему повстречались казаки, «атаман Данилко Колмак с товарыщи», которые «едут с низу из Войска». «В Войске» же, писал он, «сошли» зимой 1591–1592 гг. все казаки из городков выше Переволоки, опасаясь воровских черкас и азовцев. Первой царской грамотой на Дон с упоминанием Войска Донского была грамота от 31 июля 1594 г. В ней сообщалось о присылке «к нашему царскому величеству» казака Пронки «ото всего Войска». Однако формула начального протокола царских грамот на Дон с упоминанием «всего Войска Донского» «нижних и верхних юртов» в XVI в. еще не встречалась. Она появилась в первых грамотах, отправленных от имени царя Михаила Федоровича, и с тех пор прочно закрепилась, превратившись в традиционное обращение к сообществу донских казаков.

Войско Донское представляло собой военно-политическое объединение донского казачества с конца XVI в. В более ранний период истории донского казачества Войска Донского не существовало. Определялось это малочисленностью и разбросанностью казачества, разобщенностью его по разным отрядам со своими атаманами, распространенностью бродячего образа жизни.

Для возникновения Войска Донского во второй половине XVI в. явились предпосылки – увеличение численности казачества, особенно на Нижнем Дону, появление там новых городков, а также обострение борьбы казаков Нижнего Дона с Азовом.

В конце XVI в. образовалось Войско Донское, охватывавшее лишь казаков на Нижнем Дону. Верховые же казаки выше Раздор жили обособленно. Поэтому низовое Войско Донское подчеркивало разницу между собой и верховыми казаками. Оно в 1592 г. выражало недовольство послу Г. Нащокину, что в царской грамоте на Дон казаки, «которые ныне на Дону вверху», названы прежде тех,

«которые на Дону близко Азова». В Войске говорили послу, что «верховые де казаки государевы службы не знают».

Вместе с тем к концу XVI в. стали появляться признаки будущей инкорпорации верховых казаков в Войско Донское. Выражалось это в том, что, как писал Г. Нащокин, некоторые верховые атаманы и казаки ходили на службу «от Верхних Раздоров до низу». В результате связи верховых казаков с Войском Донским становились более прочными.

Смута в целом замедлила дальнейшее объединение всего донского казачества в единое Войско. Это не случайно, поскольку в те бурные годы имел место заметный отток казачества с Дона для участия в развернувшейся в России смуте. Но в то же время в отрядах самозванцев и И. Болотникова, в Тушинском лагере и в казацких таборах в 1611–1612 гг. под Москвой между казаками завязывались новые связи. Они сыграли определенную роль в интеграции всего донского казачества в единую войсковую организацию. Возобновился процесс формирования Войска Донского на завершающем этапе Смуты, а получил свое завершение к 20-м годам.

Причиной его возобновления стало возвращение казачьих отрядов на Дон, начавшееся еще в 1611 г., и ускорившееся при Михаиле Романове. В результате численность казачества стала возрастать. Другой причиной стало обострение борьбы с азовцами, которая в годы Смуты до некоторой степени потеряла свое значеие, но после нее актуальность ее вновь возросла. Этому очень способствовала расправа азовцев с атаманом Матвеем Лисишниковым, происходившая почти что на глазах русских послов П. Мансурова и Г. Самсонова. Для достижения успехов в борьбе с Азовом требовалось объединение сил под главенством наиболее сильных и сплоченных низовых атаманов.

Заинтересованность в объединении казаков в Войско Донское проявляли не только сами казаки, но и правительство Михаила Романова. Прямая выгода состояла в возрастании сопротивления всего казачества Турции и Крыму. Создавались также условия для подчинения общему войсковому центру разрозненных казачьих отрядов, отдельные из которых выходили на Волгу для «воровства».

В 1592 г. правительство попыталось не только ускорить объединение всего казачества в Войско Донское, но и самому возглавить этот процесс. Оно направило «в головы» казакам сына боярского Петра Хрущова. Попытка окончилась полной неудачей. Атаманы заявили послу Г. Нащокину: «Прежлеи сего мы служивали своими головами. И ныне деи ради государю служить своими головами, а не с Петром». Учитывая эту неудачу, правительство Михаила Романова действовало более осторожно. Инициативу в деле объединения казачества оно отдало казакам, а само лишь поддерживало

усилия низовых атаманов, направленные на это. Поддержка эта была, однако, достаточно решительной и твердой.

Выражалась она в том, что в царских грамотах на Дон поощряло объединительный процесс. В грамоте от 18 марта 1614 г. имелось такое обращение к казакам: «И вы б, атаманы и казаки, и все наше Войско нижних и верхних юртов и запольных речек». Аналогичная форма была в грамоте от 30 апреля 1614 г.: «В нижние и в верхние юрты атаманом и казаком и всему великому Войску Смаге Степанову да Епихе Родилову». Тем самым атаманы Нижнего дона поощрялись к дальнейшим шагам по пути формирования Войска на Дону. На ускорение объединения были направлены такие меры, как установление с 1613 г. регулярного царского жалованья Войску Донскому и присылка Войску в 1614 г. царского знамени. В 1615 г. была прислана царская грамота донским казакам, с предоставлением им права на получение царского жалованья и на свободные поездки в русские города и уезды для свиданий с родными и для торговли. Эти меры усилили заинтересованность всего донского казачества во вхождении в единое Войско Донское. И в 1617 г. правительство уже называло казаков в царской грамоте «великим Войском, низовым и верховым».

Некоторая задержка объединительного процесса связана была с событиями на Дону в 1617–1618 гг., названными «смутой» по аналогии с событиями в России в начале XVII в. В Москве были обеспокоены тем, что сторонника Москвы, атамана Смагу Чертенского, казаки «выбили из круга» и «лаели». Еще более нежелательными для правительства были связи донских казаков с запорожскими черкасами, активно участвовавшими в событиях Смуты и в походе 1617 г. королевича Владислава на Москву. Поэтому в те годы на Дон не было прислано царское жалованье. Но к 1619 г. «смута» на Дону была прекращена. Во главе Войска Донского стали атаманы Епифан Родилов и Исай Мартемьянов, а также восстановил свое положение Смага Чертенский, упоминавшийся в 1623 г. как войсковой атаман. Прекращение «смуты» вело к распространению власти Войска Донского на всю территорию Донской земли. К началу 20-х годов Войско Донское признала не только Москва, но и Запорожская Сечь и Польша. Войско не признавало никакой другой власти на Дону и решительно пресекало попытки отдельных атаманов и казаков выйти из его подчинения. Так, осенью 1637 г. в Азове «убили поленьем до смерти и вкинули в дон» запорожского атамана Матьяша. Вызвано это было тем, что он «учал было бунтовать против Войска Донского и просил «города в Азове особного и наряду», где «хотел бы он владеть и жить особо». В январе 1660 г. Войско Донское разгромило городок «воровских» казаков Ригу за попытку, в частности, этих казаков обособиться от Войска. В 1670 г. о своем разрыве с Войском Донским заявил С. Разин.

Но в ситуаци того времени он оказался сильнее Войска Донского, и против него оно ничего не смогло предпринять. Лишь после решающих поражений восставших оно смогло 14 апреля разгромить разинский Кагальницкий городок и захватить предводителя восстания, выдав его по требованию правительства в Москву. Никаких попыток разрыва с Войском Донским не делали ни казаки-старообрядцы во время движения на Дону в 1686–1687 гг., ни казаки во время Булавинского восстания, причем сам Кондратий Булавин погиб войсковым атаманом.

Исторической особеностью донского казачества XVI–XVII вв., резко выделявшей его по сравнению с соседними сообществами и государствами, являлось его демократическое устройство. Вопрос об исторических предпосылках демократии на Дону того времени в полной мере до сих пор не решен. В качестве одной из предпосылок была традиция русской средневековой демократии, которая существовала с начала Руси, а наиболее полное свое развитие получила в вечевом строе Северо-Западной Руси. На казачьих реках имелись все те же основы демократического устройства, что и в более раннее время на русском Северо-Западе. Прежде всего, это наличие в ментальности населения свободы в качестве основополагающей ценностной ориентации. Чтобы быть недостигаемыми для государства, казаки готовы были селиться в непосредственной близости от противника, испытывать постоянную опасность, но осознавать, что свободе это не угрожает. Неслучайно, что с учетом исторических реальностей XVI–XVII вв. родилась известная казацкая поговорка: «Руби меня, турецкая (татарская) сабля, но не тронь меня, боярская плеть».

Демократическое устройство внутренней жизни казачества в XVI–XVII вв. было историческим завоеванием наиболее смелых, решительных, предприимчивых и активных представителей народа, закрепившихся на Дону и других казачьих реках и ставших казаками. В России того времени оно не имело аналогий. Означало оно: всеобщее вооружение народа; наличие народного собрания – Войскового круга – на Дону как высшего органа власти в Войске Донском и кругов в городках и во время походов как высших органов власти. Также это означало выборность всех властей и сменяемость их по воле народа. Наконец, это означало право всех казаков бывать на кругах, высказывать свое мнение и подавать свой голос.

В демократических собществах средневековья главным органом власти являлось народное собрание. В раннесредневековой Руси существовала вечевая форма, которая при суверенитете Новгорода и Пскова превратилась в орган, от которого зависели князья. В казачьих сообществах аналогом вечевых собраний были круги, имевшие в Запорожской Сечи название Рады. Казачьи круги, высшим из которых был на Дону Войсковой Круг, как правило, созывались

по конкретным поводам. Вместе с тем имелась некоторая периодичность в их созыве, когда он собирался на «семик» – 17 мая, после которого казаки организовывали походы, в частности на море. Обычно на таких кругах принимали царских посланников и привозившее ими царское жалованье. На войсковых кругах происходили выборы войсковых атаманов, других должностных лиц Войска Донского, а также зимовых и легких станиц, посылавшихся от Войска Донского в Москву. Демократический характер Войскового Круга и Войска Донского в целом был связан с тем, что на кругах возможно было смещение войсковых атаманов и избрание других лиц. По решению этих кругов проводились все общевойсковые боевые предприятия на суше и на море. В частности, на двух Войсковых кругах в 1637 г. было принято решение о взятии Азова. Поход Войска Донского на разинский Кагальник, который закончился взятием в плен С. Разина, таккже состоялся по решению Войскового Круга, постановившего «над вором Стенькою промысл чинить».

Войсковые круги могли носить весьма бурный характер. Так было в 1617 г., когда «ис круга выбили» Смагу Чертенского. Бурными были круги в Азове накануне Азовского осадного сидения, поскольку к тому времени среди казаков возникли разногласия по вопросу о необходимости просить русское правительство о присылке военной помощи. Бурными были круги с 25 по 27 августа 1671 г., когда на Дон был прислан полковник Г. Косагов для приведения Войска Донского к присяге. Для принятия решения о присяге потребовалось собирать три круга. В 1675 г. решительное сопротивление казаков не позволило провести на Войсковом Круге решение о выдаче в Москву по требованию правительства разинского атамана Сеньку Буянку. Исключительной остротой отличались круги в 1686–1687 гг., когда в Войске Донском шла борьба между казаками – сторонниками Москвы и старообрядцами, отстаивавшими суверенитет Дона.

Созыв и проведение Войскового Круга представляло собой торжественный акт. На круг выносилось знамя. Строго запрещалось появляться в пьяном виде, о чем специально предупреждались казаки «накануне всякого круга». На Дону не было отмечено случаев, подобных тому, что наблюдал посол священной Римской Империи Э. Ляссота в конце XVI в. в Сечи, когда «асаулы... на коло (раду)... иных даже загоняли киями». Это означало, что некоторые казаки не проявляли интереса к раде и не хотели участвовать в ней. По-видимому, такая сцена была не столь уж типична для Сечи. Рада в Сечи, как и Войсковой Круг на Дону, были органами, однотипными по своей сути. Однако в Запорожье роль старшин в конце XVI в. была более значительной, чем на Дону, что являлось следствием более глубокого социального расслоения запорожцев, чем донских казаков в конце XVI – начале XVII в. Не случайно, как отмечал

В. А. Голобуцкий, запорожская серома не всегда участвовала в раде. На Дону подобное явление стало проявляться лишь в конце XVI в., когда социальное расслоение среди казачества и усмление власти войсковой верхушки стало заметным явлением. Тогда появились казаки, не ходившие в круг. Так, казак Федот Мороз Чирской, доверенное лицо войскового атамана Фрола Минаева, смотрел за большим атаманским хозяйством. Он знал, что для него расположение атамана значило больше, чем любые решения кругов, и не ходил на них. Вместе с тем, таким путем складывались с конца XVII в. предпосылки падения политической роли Войскового Круга.

Значимые для казаков отдельных городков решения или для казаков, участвовавших в походах, принимали круги, происходившие в этих городках и во время этих походов.

Во главе Войска Донского стоял выборный войсковой атаман. Выборность войсковых атаманов, как и всех атаманов вообще, составляло одну из основ донской казачьей демократии. Войсковых атаманов избирал Войсковой Круг, атаманы в казачьих городках избирались на кругах, проходивших в этих городках. В случае проведения Войском Донским боевого предприятия его возглавлял атаман, также избиравшийся на Войсковом Круге. Там же избирали атаманов зимовых и легких станиц, направлявшихся от Войска Донского в Москву.

Само слово «атаман», по мнению лингвистов, является древнерусским заимствованием из тюркских языков. Впервые оно отмечено в форме «ватаманъ» в грамоте новгородского князя Андрея Александровича 1294 г. Есть также версия о происхождении этого слова от немецкого «Hauptmann».

Демократический характер войсковых порядков сказывался также в том, что атаманская власть на Дону была сравнительно ограниченной. Как отмечал В. Д. Сухоруков, войсковой атаман «лично не имел особой власти. Он был только блюститель порядка и исполнитель приговоров народных». По словам В. Г. Дружинина, войсковой атаман «особой административной власти... не имел, а был руководителем круга, предлагая ему на обсуждение то или иное решение дела». С. И. Тхоржевский исполнителем постановлений Войскового Круга считал войскового атамана. Вместе с тем, эта точка зрения в целом справедливая, нуждается в определенном уточнении. Как правило, донской войсковой атаман был вовсе не слабой фигурой, в пределах имевшихся у него в соответствии с казачьими традициями полномочий умел действовать весьма решительно.

Таким решительным войсковым атаманом проявил себя Смага Чертенский. В сложной обстановке последних лет Смутного времени он умел удерживать казаков от враждебных по отношению к

московской власти действий наподобие тех, что совершали казаки при Борисе Годунове и Василии Шуйском.

Не раз проявлял решительность Епифан Радилов. В 1618 г. он вынужден был удерживать Войско от нападения на турок, проводивших работы по перекрытию Мертвого Донца от казаков, использовавших эту донскую протоку для выходов в Азовское море. Как раз в то время в Азове находились прибывшие из Константинополя послы П. Мансуров и С. Самсонов. За это время турки засыпали Мертвый Донец, а у гирла Каланча построили сторожевую башню. Атаман опасался, что в случае нападения казаков на турок во время этих работ послам будут чиниться разные притеснения. Вторично он проявил решительность в 1627 г., когда он добился принятия на Войсковом Круге решения о запрете походов «воровских» казаков на Волгу. И хотя этот запрет противоречил интересам многих казаков, он шел на это ради соблюдения общевойсковых интересов, связанных с необходимостью поддержания нормальных отношений с русскими властями.

Не только доблестным воином, но и умелым, опытным политиком показал себя Иван Каторжный. Выбран он был войсковым атаманом в тяжелое для Войска Донского время, когда в 1630 г., после убийства на Дону И. Карамышева, отношения между Доном и Москвой оказались по существу разорваны.., сменив на этом посту Волокиту Фролова, при котором было допущено это убийство, И. Каторжный повел дело к сближению с московскими властями. В 1632 г. ему удалось добиться восстановление отношения с царскими властями ценой прекращения боевых действий казаков против Турции и Крыма на суше и на море. В то же время И. Каторжный, при всей своей лояльности московским властям, сумел проявить необходимую твердость и не допустить принятия Войском Донским присяги на верность царю, которой добивались в Москве. Тем самым Войску Донскому удалось сохранить свою самостоятельность.

В трудном положении оказался в конце 1637 – начале 1638 г. герой азовского взятия, войсковой атаман Михаил Татарин. Ему пришлось столкнуться с неуверенностью части казаков в способности Войска Донского своими силами отстоять Азов и со стремлением их пригласить в город царского воеводу с ратными людьми, или даже уйти из Азова. М. Татарин был твердым сторонником того, чтобы Войско Донское удерживало Азов своими силами. По-видимому, ему удалось убедить большинство казаков о преждевременном обращени к русским властям за военной помощью.

Еще больше решительности и твердости требовалось войсковым атаманам второй половины XVII в. Это не случайно. Положение донского казачества стало более сложным в связи с происходившими в то время процессами социального расслоения в казачьей

среде, а также с постепенно усиливавшимся наступлением царских властей на суверенитет Войска Донского. С большим успехом выполняли в то время свою миссию войсковые атаманы Корнило Яковлев и Фрол Минаев. Оба были представителями нового поколения войсковой верхушки, которая уже по-иному, чем верхушка Войска Донского первой половины XVII в., смотрела на отношения между Доном и Москвой. Едва ли не меньшее внимание, чем боевым походам, это новое поколение уделяло внутреннему обустройству, быту и хозяйству. Это уже были домовитые казаки, готовые ради закрепления положения поступиться в пользу русских властей какой-то частью донской самостоятельности, чтобы получать от них более прочную поддержку, а также награды и жалованье. Не случайно К. Яковлев после разрыва отношений между Войском Донским и Москвой после начала Разинского восстания делал все возможное для их восстановления. Он и другие донские старшины выполнили главные требования правительства, связанные с выдачей в Москву С. Разина и принятием Войском Донским присяги. За ним утвердилась нелестная в глазах значительной части казачества репутация защитника московских интересов. В 1675 г. его даже «бесчестили и бить хотели» за намерение выдать в Москву казака-разинца Сеньку Буянку, а в 1677 г. заставили сложить полномочия войскового атамана. Но до своей смерти в 1680 г. он еще раз успел побывать войсковым атаманом.

Еще более верным царским слугой проявил себя Фрол Минаев. Кратковременный эпизод из его жизни, когда в 1670 г. он был участником Разинского восстания и вместе с Фролом Разиным ходил в поход вверх по Дону, не помешал его карьере. Уже в 1672 г. он был послан в Москву в качестве атамана зимовой станицы, причем в Москве не вспоминали об его участии в восстании. В 1686–1689 гг. он вел решительную борьбу с донскими старообрядцами и добился выдачи наиболее видных их предводителей в Москву. В 1687 г. он ходил походным атаманом на Крым вместе с русскими войсками под командованием князя В. В. Голицына, а в 1695–1696 гг. он был участником Азовских походов Петра I. Во главе Войска Донского он стоял вплоть до своей смерти в 1700 г.

Срок пребывания войсковым атаманом не ограничивался. Проявлением демократизма донских порядков было то, что после своего ухода бывший войсковой атаман формально переходил на положение рядового казака. Вместе с тем, такие люди ввиду их опыта и заслуг пользовались большим влиянием в Войске. Войсковым атаманом необходимо было постоянно находиться в Войске. В случае их ухода в поход или отъезда в Москву в качестве атамана зимовой станицы на его место избирался другой знатный казак. Начиная с К. Яковлева, стала складываться традиция, по которой после своего возвращения в Войско прежний войсковой атаман вновь за-

нимал свой пост. Это свидетельствовало о возрастании авторитета и значимости должности войскового атамана к концу XVII в.

В таком воинском сообществе, как донское казачество, войсковой атаман выступал прежде всего боевым предводителем. Он был гарантом соблюдения обычаев и традиций Войска Донского и войскового права. Важной его функцией было представительство. Он представлял Войско Донское в его сношениях с Москвой, с соседями-азовцами, с калмыками и разными ордами, с Запорожской Сечью. На его имя приходили царские грамоты Войску Донскому, и от его имени посылались на имя царя войсковые отписки в Москву. Кроме того, он выступал как символ Войска Донского и его суверенитета, причем в таком качестве выступал и бывший войсковой атаман. Не случайно лишь с огромным трудом правительству удалось добиться в марте 1688 г. выдачи в Москву бывшего войскового атамана Самойлы Лаврентьева, обвинявшегося в расколе. Знаком атаманской власти служила насека. На ее древке делались насечки ножом в зависимости от числа лет, проведенных атаманом на посту. Впрочем, такие насечки могли делаться на терновой палке во время ее роста, причем со временем они зарастали.

В качестве помощника войскового атамана выступал войсковой есаул. Слово заимствовано из татарского языка в XV в. и восходит к монгольскому слову, означавшему «начальник» или урядник», где корень слова «яс», «яса» – закон, порядок. В обычное время войсковые есаулыособой власти не имели и были обязаны созывать казаков на Войсковой Круг. Но в случае отсутствия войскового атамана роль войскового есаула возрастала. Должность войскового есаула считалась на Дону почетной.

Более важную роль играл войсковой дьяк, в руках которого была переписка Войска Донского. Самым известным из них был Федор Иванов Порошин, который считается автором повести об Азовском осадном сидении («Поэтической»). При нем находился подьячий, возможно, не один.

Аналогично к общевойсковому было устройство органов власти в городках, где также были свои атаманы и есаулы.

Демократическое устройство Войска Донского способствовало сохранению самостоятельности и суверенитета Войска в его отношениях с русскими властями.

§ 7. Донское казачество в отношениях с Россией в XVII в.

Первые сведения о привлечении на службу донских казаков русским правительством относятся к 1549 г. В тот год Иван Грозный призывал ногаев к борьбе с Крымом и указывал: «... яз ныне для

наши дружбы велел казакам своим путивльским и донским крымские улусы воевати и недружбу царю делати». В грамоте 1551 г. ногайскому князю Исмаилу султанат Сулеймана I Кануни о казаках, которые «Казань... ныне воюют» и действуют против Азова, говорилось как о казаках «царя Ивана». Конечно, далеко не все казаки состояли на службе русского царя. Но, тем не менее, доля правды в словах турецкой грамоты имелась. На царской службе под Казанью состояли казаки. Отражением этого в историческом сознании донского казачества стала связь между этой службой и поселением казаков на Дону. В донском фольклоре говорилось о пожаловании казакам «реки Дон» Иваном Грозным за казанскую службу.

В версии об этом пожаловании отразилось представление о значении царского жалованья за службу, а также представление казаков о своем праве поселения на Дону, связанном с феодальной традицией земельного пожалования за службу.

Более регулярный характер приняли отношения между русскими властями и донскими казаками с 70-х годов. Этому способствовали рост численности донского казачества и развивавшиеся отношения с Османской империей после войны 1569 г. В связи с этим русскому правительству потребовалась служба донских казаков по сопровождению русских и турецких посольств. Нормы этих отношений власти стремились установить в царских грамотах донским казакам 1570 и 1571 гг. Одна из этих норм, связанная с уплатой царского жалованья за службу, утвердилась. Что касается другого принципа, предполагавшего подчинение казачьих отрядов царским посланникам, то она так и не стала реальностью. Позиции царского правительства на Дону были для этого еще слабы.

В конце XVI в. правительство стремилось усилить свое влияние на Дону. В 1592 г. оно попыталось поставить своего представителя во главе казачества и послало на Дон «в головы» к казакам сына боярского П. Хрущева. Однако казаки, у которых уже в то время на Нижнем Дону, вблизи Азова, стла формироваться войсковая организация, отказались принимать его. В следующем, 1593 г., правительство, стремившееся к поддержанию мирных отношений с Турцией, в грамоте на Дон угрожало казакам за их постоянные нападения на Азов: «Пошлем на вас Доном большую свою рать и поставить велим город на Раздорех». Однако на Дону не испугались этой угрозы, поскольку осознавали невозможность ее осуществления.

При Борисе Годунове отношения между донскими казаками и русским правительством были весьма плохими. Власти опасались казаков. Когда в 1600 г. на Северском Донце была основана крепость Царев-Борисов, местным воеводам запретили впускать казаков в крепость и велели принимать их за городом. Память о времени царствования Бориса Годунова, как неблагоприятном для казаков, сохранилась на Дону. Неслучайно в царской грамоте 1625 г.

власти напоминали казакам, что при царе Борисе «невольно было вам не токмо к Москве проехать и в украинные городы к родимцом своим притти, и купить, и продать везде заказано, и сверх того во всех городех вас имали и в тюрьмы сажали».

Неудивительно, что после появления в Польше самозванца донские казаки оказали ему полную поддержку. Объяснялось это также тем, что среди казаков существовало положительное отношение к Ивану Грозному, которое они готовы были перенести на его сына, царевича Дмитрия Ивановича, в роли которого выступал Лжедмитрий I. Помощь донских казаков для самозванца имела большое значение, а сам он всячески демонсмтрировал свое расположение к ним. Поэтому после свержения Лжедмитрия I, которое произошло в мае 1606 г., донские казаки выступили в поддержку И. Болотникова. Они пополнили ряды казачьего самозванца «царевича Петра», состоявшие из терских казаков. Они поддерживали Болотникова вплоть до поражения восстания в октябре 1607 г. в Туле. При Василии Шуйском отношения между Москвой и Доном напоминали отношения при Борисе Годунове. Поэтому донские казаки поддержали Лжедмитрия II столь же охотно, как и предыдущего самозванца. В Тушинском лагере охотно принимали донских казаков, но старались поставить их под свой контроль.

После распада Тушинского лагеря в конце 1609 г. часть казаков ушла с самозванцем в Калугу. Но некоторую часть казаков увел с собой в польский лагерь атаман Иван Заруцкий. Некоторая часть казаков стала присоединяться к русскому освободительному движению. Это вызвало беспокойство поляков и части русских тушинцев, участвовавших в переговорах по поводу передачи русского престола королевичу Владиславу. В договоре, заключенном 4 (14) февраля 1611 г., о казаках было сказано: «На Волге, на Дону, на Яике, и на Тереке казаков есть ли надобе, албо не надобе,.. о том будет речит господарь его милость з бояры и думными людьми».

Первое ополчение, сформированное в Рязани, и второе, или народное, ополчение стремились привлечь на свою сторону казаков. Однако глубокие противоречия между дворянской и казачьей частями привели в июне 1611 г. к распаду ополчения после убийства казаками дворянского предводителя П. Ляпунова. В связи со значительной ролью дворянства во втором ополчении значительная часть казаков испытывала к нему недоверие. В июле 1612 г. из подмосковных казачьих таборов эта часть во главе с атаманом И. Заруцким ушла на юг. Но часть казаков предводителям ополчения К. Минину и князю Д. Пожарскому удалось привлечь на свою сторону. Казаки сыграли важную роль в освобождении Москвы в августе и октябре 1612 г., а в 1613 г. решительно выступили на зем-

ском соборе в пользу избрания на престол Михаила Федоровича Романова.

В результате политика правительства Михаила Романова по отношению к Дону была на первых порах очень благоприятной. С 1613 г. была установлена регулярная присылка казакам царского жалованья, а в 1614 г. на Дон было послано царское знамя. К сентябрю 1615 г. на Дон была направлена царская грамота, устанавливавшая основы взаимоотношений между донскими казаками и Россией. Правительство обязалось жаловать казаков за службу и свободно пропускать их в русские города и уезды для свиданий с родственниками и торговли, при этом им была разрешена беспошлинная торговля. Обязанности донских казаков были выражены в грамоте неопределенно и заключались в их службе царю. Такие отношения напоминали средневековый сюзеренитет-вассалитет при большой самостоятельности вассала, когда казаки даже не приносили присягу верности русскому царю как сюзерену. В 1618 г. условия этой грамоты были подтверждены. Кроме того, московское правительство способствовало объединению всего донского казачества в Войско Донское.

В 20-х годах в отношениях между Москвой и Доном возникли серьезные трудности. Связаны они были, во-первых, с тем, что казаки осуществляли «воровские» походы на Волгу, с которыми войсковая верхушка по существу не вела борьбы. Еще более тяжелые последствия для этих отношений имели боевые действия Войска Донского против Турции и Крыма на море и на суше. Эти походы противоречили внешнеполитическим интересам русских властей. Они боялись ухудшения своих отношений с Турцией и Крымом в условиях подготовки войны с Польшей за возвращение Смоленска. Под давлением правительства Войско Донское на круге 1627 г. запретило походы на Волгу и установило новую норму войскового права, предусматривавшую смертную казнь за такие походы. Но добиться прекращения походов против Турции и Крыма правитеьству оказалось значительно труднее. Этому не помогли аресты в Москве двух донских станиц, Алексея Старого (1625 г.) и Наума Васильева (1630 г.). В 1630 г., после убийства на Дону царского посланника И. Карамышева, произошел разрыв отношений между Москвой и Доном.

Очень скоро обе стороны убедились, что конфликт им не выгоден. Для Москвы значительно сузились возможности влияния на казачество, казаки же лишились столь необходимой для них правительственной поддержки. Поэтому были сделаны шаги к восстановлению взаимных отношений. В 1630 г. Войско Донское избрало нового войскового атамана Ивана Каторжного вместо Волокиты Фролова, при котором эти отношения были разорваны. Кроме того, казаками, были прекращены всякие боевые дейтвия против Тур-

ции и Крыма. В 1632 г. правительство восстановило отношения с Доном, а арестованную станицу атамана Н. Васильева отправило на службу на театр военных действий начавшейся в тот год войны с Польшей. Власти пытались привести донских казаков к присяге, но не смогли сделать этого. Присяга, принятая в Москве казаками станиц атаманов Богдана Конисского и Тимофея Лебяжьей Шеи, не стала примером для Войска Донского.

Война показала, что прекращение военных действий казаков против Турции и Крыма только ухудшила положение России. Нападения из Крыма во время Смоленской войны на южную окраину России стали одной из важных причин неудачи этой войны для России. После войны правительство уже не добивалось также активно прекращения военных действий Войска Донского, хотя и не поощряло их. Вновь, как и в первые годы царствования Михаила Романова, политика правительства стала очень благоприятной по отношению к Дону. Это составило одну из предпосылок успешного взятия Войском Донским Азова в 1637 г.

О независимости Войска Донского свидетельствовало то, что казаки взяли Азов без всякого уведомления московского правительства. В грамоте от сентября 1637 г. московские власти выразили недовольство этим. В грамоте в связи с убийством на Дону турецкого посла Фомы Кантакузина указывалось казакам на недопустимость убийства послов. Но недовольство было ыражено в очень мягкой форме. В грамоте выражалась готовность Москвы всячески поддерживать казаков в Азове. В следующем, 1638 г., в Москве убедились, что России выгодно пребывание казаков в Азове. Нападения на южную русскую ораину со стороны крымцев и ногаев почти прекратились, поскольку Азов играл роль центра в организации таких нападений. Правительство использовало благоприятную ситуацию для укрепления обороны южной окраины и строительства Белгородской черты. За годы пребывания казаков в Азове жалованье на Дон посылалось в значительно больших размерах, чем это было раньше. Оно стремилось, чтобы казаки как можно дольше оставалось в Азове, поскольку, пользуясь благоприятными последствиями этого, оно само оставалось в стороне от конфликта с Османской империей. Неслучайно поэтому в Москве готовы были всячески поддерживать казаков, но не желали самим втягиваться в конфликт и посылать на помощь Войску Донскому своих ратных людей. И когда незадолго до Азовского осадного сидения среди казаков стало усиливаться неверие в возможность своими силами отстоять Азов и стремление к приглашению к участию в защите города царских ратных людей, у правительства это стало вызывать большое беспокойство.

В конце октября 1641 г. в Москву прибыла станица атамана Н. Васильева с вестью о победе казаков над турками. Со станицей

была послана войсковая отписка с просьбой к царю «на то место», где был Азов, «прислать своего государева воеводу с ратными людьми». И если ратных людей не будет, то казаки предупреждали, что покинут «то место» «после Рождества Христова вскоре». Правительство оказалось перед выбором. В 1642 г. был созван земский собор, перед которым был поставлен вопрос о принятии у казаков Азова и о войне с Турцией. Собор высказался за принятие Азова, но выяснив, что азовская крепость была очень сильно разрушена, не решился начинать войну за Азов. Войску Донскому было указано покинуть Азов, причем в противном случае правительство грозило прекратить ему всякую помощь.

Борьба за Азов значительно ослабила Войско Донское. Правительство оказало казакам в это время значительное содействие, которое помогло им остаться на Нижнем Дону. В 1646 г. первый и последний раз в истории русские власти сделали попытку увеличить численность донского казачества за счет посылки на Дон «вольных охочих людей». Учитывая, что из них на Дону осталась лишь незначительная часть, в 1648 г. власти разместили недалеко от Черкасского городка полк русских ратных людей во главе с воеводой А. Лазаревым. Но, помогая казакам, власти приняли меры для укрепления своих позиций на Дону. Это стало особенно заметно при царе Алексее Михайловиче, когда монархия в России значительно усилилась. В 1646 г. от казаков потребовали подчиняться воеводам С. Пожарскому и Ж. Кондыреву в ходе действий против Крыма. Также потребовали, чтобы царское жалованье не вручалось казакам на Войсковом Круге, а чтобы казаки шли за ним на стан к посланнику, признавая тем самым царского посланника более высокой стороной, чем Круг. Казаки отказались выполнять требования правительства, которые шли вразрез с принципами независимости Дона. Но правительство настойчиво стояло на своем. Обе стороны нашли выход. Царское жалованье стало вручаться казакам на нейтральном месте, возле часовни. Со второй половины XVII в., когда после принятия Уложения 1649 г. во внутренних уездах стал более эффективно действовать сыск беглых крестьян и поэтому усилилось их бегство на Дон, вопрос о приеме беглых принимал в отношениях между Москвой и Доном все более важное значение. В 1666 г. власти впервые потребовали от Войска Донского выдать беглых. Речь шла о крестьянах из дворцовых сел Шацкого уезда, поселившихся в казачьих гордках по Хопру. Поскольку право невыдачи «с реки» составляло одну из основ донского суверенитета, то казаки отказались выдавать их.

С началом похода С. Разина на Волгу в мае 1670 г. правительство порвало свои отношения с Войском Донским. Причиной недовольства было то, что казаки не вели борьбу с восставшими, по существу потворствовали им, что в конечном счете привело к захвату

ими власти на Дону. Сказалось также то, что после потери Войском Донским власти на Дону с ним можно было уже не считаться. Поэтому в 1670 г. на Дон не было послано царское жалованье. Свое крайнее недовольство казаками правительство еще раз выразило в ноябре 1670 г., когда арестовало и сослало в Архангельск станицу Ивана Аверкиева, прибывшую в Москву для решения вопроса о присылке царского жалованья. Новой станице во главе с атаманом Родионом Колуженином было сказано, что «нынешнее кровопролитие учинилось все вашим нерадением». От казаков потребовали «чинить промысел» над разинцами и «поимав тех воров, Стеньку и Фролка, прислать к Москве, а иным бы пущим завотчикам учинить каз по войсковому праву». Лишь после этого в Москве обещали «простить» казаков. Власти требовали нарушить неписанное право невыдачи людей с Дона, которое они и так никогда не признавали, и тем самым хотели создать условия для дальнейшего ограничения донской самостоятельности.

После захвата С. и Ф. Разиных Войско Донское выслало их со станицей, которую возглавил войсковой атаман К. Яковлев. Это должно было подчеркнуть, что казачество готово полностью подчиняться русскому правительству. Правительство оценило это, и станицы атаманов К. Яковлева и М. Самаренина были щедро пожалованы, причем за выдачу С. Разина получили даже соболей. Вскоре, в августе 1670 г., казаки были приведены к присяге. Церемония, которую проводил полковник Г. Косагов, прошла с большим трудом. Многие «казаки, молотчие люди» отказывались целовать крест и говорили, что они «служить ради верно и без крестного целованья». Пришлось собирать три круга. И лишь на третьем круге «приговорили... великому государю обещание учинить пред светлым Евангелием всем Войском, а если кто к тому обещанью не пойдет, и того по войсковому праву казнить смертью, а животы их грабить». Эта акция означала прекращение отношений сюзеренитета-вассалитета между Москвой и Доном и конец донского суверенитета. Войско Донское с этого времени вошло в состав России на правах широкой внутренней автономии с правом выбора атаманов и сохранения Войскового Круга как ысшего органа власти на Дону, но при верховной власти русского царя.

После подавления Разинского восстания правительство настойчиво добивалось выдачи в Москву отдельных видных казаков, участников Разинского восстания. Верхушка Войска Донского во главе с К. Яковлевым готова была выполнять все эти требования. Это вызвало глубокое недовольство казачьей голытьбы. В 1672 г. на Дону был казнен казак Иван Карамышев, заявивший К. Яковлеву и старшинам, что они де, голутва, не зарекаютца их... опять трехнуть». Когда в 1675 г. стал вопрос о выдаче в Москву по требованию правительства С. Буянки, некоторые казаки обвинили

К. Яковлева в том, что он «повадился... их к Москве возить, бутто азовских ясырей, связав», а других старшин в том, что они «берут ковши и соболи, а Дон тем разоряют». В результате К. Яковлеву пришлось оставить пост войскового атамана.

В 1676 г. Войско Донское присягнуло новому царю Федору Алексеевичу. Это был первый случай, когда донские казаки присягали царю при его вступлении на престол. Вскоре, в 1682 г., такая же присяга была принесена царям Петру Алексеевичу и Ивану Алексеевичу. Когда в 1683 г. на Дону начались волнения под влиянием беглых старообрядцев во главе с бывшим елецким кузнецом Кузьмой Косым, правительство потребовало выдачи К. Косого в Москву, но войсковые власти не решились это сделать, учитывая популярность его срели казаков. Когда в 1687 г. произошло новое выступление казаков и прибывших на Дон с русских городов и уездов старообрядцев, правительство стало решительно поддерживать Войско Донское, которое вело с ними борьбу. Оно добилось выдачи в Москву предводителей донских старообрядцев из числа видных атаманов и казаков, а также К. Косого. Некоторые из них в мае 1688 г. были казнены в Москве, прежде всего главные предводители движения, бывший войсковой атаман самойло Лаврентьев и его друг Кирей Чурносов, а также К. Косой. Другие участники движения были сосланы. Поражение донских старообрядцев привело к дальнейшему усилению позиций на Дону русского правительства и той части донской верхушки во главе с войсковым атаманом Ф. Минаевым, которая готова была полностью подчиниться Москве.

§ 8. Азовское взятие и осадное сидение Войска Донского (1637–1642 гг.)

Временем основания Азова, старейшего города на Нижнем Дону, является 1068 г. С 1471 г. город вошел в состав Османской империи. Город под властью турок стал организующим центром нападений на южную русскую окраину. Город также был центром работорговли, где в качестве рабов были пленные, которых брали в южных русских уездах во время походов на них ногаев и крымских татар. Для донских казаков, особенно располагавшихся на Нижнем Дону, турецкий Азов был, судя по письменным источникам, важнейшим объектом их нападений уже с середины XVI в. Наиболее успешное нападение казаков на Азов было в 1576 г., когда ими был взят азовский пригород Топракалов.

Временное отвлечение от борьбы с Азовом в годы Смуты казаки переживали с трудом. Как писали они в Москву в своей отписке 1613 г., «у нас, холопей твоих, тои лучшей зипун был во вся

дни под Азов, да на море ходили, а ныне, государь, и перевозы не наши, коли с Азовом мирными быти». С окончанием Смуты в России борьба казаков с Азовом возобновилась. Крупнейшим нападением казаков на Азов в 20-х годах были действия 1625 г. Перед этим было нападение на казаков азовцев, когда они сожгли пять казачьих городков. Сперва казаки взяли приступом башню на Каланче. Затем 4500 казаков ходили на Азов и взяли наугольную башню. Однако «в те деи поры башня завалилась и им помешала, а атамана их Епиху Радилова ранили». Это позволило туркам отбить казаков от Азова. Весной 1626 г. состоялся новый крупный поход донских и запорожских казаков под Азов. Казакам удалось разломать некоторые башни на крепости. Преодоление кризиса в отношениях с русским правительством в 1632 г. способствовало активизации действий казаков против Азова. В 1634 г. они совершили два похода. Особенно успешный был второй поход, в октябре, когда они «городовую стену саженей в двенадцать выбили из снаряду, а иные черкасы были в городе». Этот поход представлял собой серьезную попытку взятия города.

На фоне активизации действий Войска Донского против Азова постепенно менялась общая ситуация. В 1634 г. под натиском калмыков началось передвижение орды Больших Ногаев от Волги на правый берег Дона, к Перекопу. Для южных русских уездов такое передвижение создавало определенную угрозу. Русские власти поручали Войску Донскому удерживать ногаев под Астраханью и на левом берегу Дона, но казаки не смогли предотвратить откочевку ногаев в сторону Крыма. Для Войска Донского такая откочевка была выгодна. Она ослабляла позиции Азова, лишавшегося прикрытия со стороны ногаев. Ослабление Азова ощущалось и казаками, и самими азовцами. Наблюдатели отмечали, что «из Азову многие люди на Дон переезжают татаровя и з женами для тесноты, а опасаютца иманья Озову». Казаки же рассуждали о благоприятных последствиях взятия ими Азова и говорили «всем Войском... есть ли де бы государь велел нам Озов взять, крестьянские деи бы крови и порабощенье унялось, и Крым де был весь под государевую рукою, а ногаи де были с нами в миру».

О взятии Азова казаки приняли решение без всякого уведомления московских властей. Войсковой Круг в Монастырском городке, состоявшийся 9 апреля 1637 г., принял решение о взятии города. Под предводительством войскового атамана Михаила Татарина Войско Донское начало 21 апреля осаду Азова. Походное войско собралось очень быстро, всего за две недели. На помощь донским казакам прибыли запорожцы. По сведениям «Исторической» повести об азовском взятии, паоходное войско состояло из четырех полков во главе с полковниками и есаулами. Вокруг стен города был вырыт ров и подведены плетеные туры, в которые насыпалась земля.

Туры были поставлены на расстояние брошенного рукой камня от стен города. Начались бои, которые шли «день и нощь».

Через неделю, 28 апреля, на Дон прибыл с царским жалованьем посол С. Чириков. С ним прибыл атаман Иван Каторжный с казаками. Прибывшая в составе жалованья пороховая казна была немедленно отправлена под Азов, так как имевшийся у них порох казаки «исхарчили».

Во время осады Азова в Монастырском городке находился со своей свитой турецкий посол Фома Кантакузин. Выведав у Войска Донского «приступную думу», он пытался предупредить о ней азовцев, а также турецкие власти в Тамани и Керчи. Но казакам удалось захватить двух человек, отправленных для этого послом. Казаки не поверили, что нои были посланы для рыбной ловли, поскольку они «рыбных сетей... у томиных людей... не нашли». За попытку предупредить турок посол и его люди 5 июня были казнены по приговору Войскового Круга.

Взятие Азова произошло благодаря подкопу под крепостную стену под руководством казака Ивана Арадова. Первый подкоп был неудачен. Второй, проведеный под самую стену, привел 16 июня в 4 часа утра к разрушению стены. Казаки бросились напролом. С другой стороны донские казаки вместе с запорожцами лезли на стену. Целый день шла «сеча велия и самопальное стреляние», после чего азовцы побежали в сторону реки Кагальник. Казаки нагнали их и «всех в степи... под меч подклониша».

Азов был взят и стал главным городом Войска Донского. Казаки получили прямой выход в Азовское море.

Взятие Азова Войском Донским имело не только большое значение. Оно было неожиданным и для турок, и для царских властей в Москве, и для европейских стран, и для шахской Персии, которая вела постоянную войну с Османской империей. Русское правительство очень скоро уяснило выгоду для себя от пребывания Войска Донского в Азове и оказывало казакам усиленную экономическую поддержку. Вместе с тем разрушения крепости были велики. Для ремонта азовских укреплений Войско Донское наняло греческих мастеров, которые «заделоли» проломы в стенах.

С взятием Азова казаки получили выход в море. По словам Эвлии Челеби, летом 1637 г. они действовали на 150 чайках, «жгли и опустошали города» на турецком побережье. В Азове ожидали прихода турок. Но к осени 1637 г. стало ясно, что до следующего лета ждать турок не приходится. Вследствие этого среди казаков упала воинская дисциплина. Они, как отмечали свидетели, «живут просто и оплошливо и пьют безпрестани, и караулов де у них по городу и отъезжих застав ни на какую сторону нет».

От азовских дел Турция была отвлечена войной с Персией. Борьбу за Азов должен был вести новый крымский хан Бехадыр

Гирей, сменивший казненного по приказу султана Мурада IV хана Инайет Гирея, обвиненного в том, что он допустил взятие казаками Азова. Весной 1638 г. посланник Бехадыр Гирея с четырьмястами крымскими татарами явился под Азов и передал требование хана покинуть Азов. Войско Донское же готовилось в Азове к новым боевым действиям. Казаки заявили крымскому посланнику, что хотят и могут «прибавить к себе город Темрюк, да и Табань, да и Керчь, да и, буде нам Бог даст, Кафу вашу». В этой связи перед Турцией возникла задача защиты своих приморских городов. Для этого турки выдвинули флот к Керченскому проливу. Казаки знали об этом. Для того чтобы пробиться к морю и выйти к Кафе и другим турецким городам, Войско в середине июля 1638 г. отправило большую экспедицию, состоявшую из полутора – двух тысяч казаков на 25–30 стругах. Под Таманью на берегу казаки вступили в бой с турками, который длился весь день – казаки сумели пробиться в Черное море. Но далее они вынуждены были уйти в Адахунский лиман, через который в то время Кубань впадала в Черное море. Причины ухода в источниках даются по-разному: в одном случае объясняется бурей на море и необходимостью для казаков укрыть свой флот; в другом – последствием сражения с турецкими каторгами под командованием флотоводца Пияле-аги, насчитывавшим 40 каторг. Опытный военачальник, Пияле-ага понял, что казаки оказались в трудном положении. Он заблокировал каторгами выход из лимана. Но до прибытия на помощь ему крымского хана он не решился вступить с казаками в бой. Он завел с казаками переговоры и даже торговлю, когда «покупали казаки у турских людей табак». Казаки, вступая в переговоры и в торговлю, также надеялись выждать благоприятный момент и вырваться из лимана, который превратился для них в западню. Но затяжка оказалась в пользу турок. Они дождались, когда к ним «безвесно» «степью» подошел «крымский царь с крымскими и с нагайскими ратными людьми и с черкасы». Чтобы не допустить ухода казаков и закрыть выход со всех сторон, хан вступил в переговоры с казаками. По данным «Особой повести об Азове», хан предложил казакам совместный поход на кизылбашского шаха. Он принес им шерть «по своей вере», и «войско ево окаянной шерсти повериша». Пока велись переговоры, турки продолжали укреплять выход из лимана в море «каменными кучами», а крымцы перегородили выход из лимана в Кубань «чегенем». Кроме того, у выхода из лимана в море стоял турецкий город Кизилташ, где также находились турецкие ратные люди. В такой обстановке, по некоторым данным, запорожские черкасы, выходившие в поход с донскии казаками, «видя, то им детца негде, убояся, учали переметыватца к царю и к туркам». Донские же казаки, «покиня струги свои», попытались «степью врознь» пробиться и уйти на Дон. Они приняли единственно верное

решение – пройти незамеченными небольшими группами «по лесом и по камышем». Однако проскочить незамеченными мало кому удалось. Большая часть казаков была перебита или попала в плен. В Азов пришло «только тридцать человек, да после того иные по человеку и по два». Потери казаков были тяжелы, а поражение – серьезным. После него казаки уже не могли ставить задачу взятия турецких городов на Таманском полуострове и в Крыму.

Организовать поход на Азов турки в 1638 г. не могли. Они были заняты войной с Персией за Багдад. После взятия Багдада в декабре 1638 г. султан Мурад IV назначил поход на Азов на 1640 г.

В мае 1639 г. «на взморье у Дону» появился большой корабль, на котором было 60 казаков, участвовавших в сражении при Адахунском лимане. Они попали в плен и были проданы на торговый корабль, прибывший в Тамань из Козлева. Когда корабль вышел из Тамани в Темрюк, казаки-гребцы дождались, когда турки «уснули», перебили турок и «подняв паруса, побежали к Азову». Когда корабль прибыл в Азов, казаки «приговорили... взяти в Войско» это судно со всеми пушами и пищалями, а «живот, который в корабле», приговорили отдать тем казакам, которые «на корабле прибежали». В целом за весну–осень 1639 г. Войско Донское совершило ряд походов на море.

Приход турок к Азову ожидался в 1640 г. В это время в Персии решили поддержать Войско Донское. Шах Сефи I направил в Азов своего посланника с предложением своего жалованья «за... службу». Посланник прибыл в Азов в январе 1640 г. Однако казаки не решились принять шахское жалованье, опасаясь недовольства Москвы. Но в марте 1640 г. умер султан Мурад IV. На престол вступил Ибрагим I. Об этом Войско Донское узнало весной, когда послало казаков «под Крым и под Азов для языков». Однако османский флот в то же время не допустил широкомасштабного действия казаков на Черном море против анатолийского побережья. Но побережье Крыма было защищено от казаков значительно меньше.

Среди самих казаков постепенно усиливались настроения в пользу приглашения в Азов царских ратных людей. В то же время часть казаков по-прежнему готовы были самостоятельно защищать Азов и не допускать русские вооруженные силы, что неизбежно привело бы к ограничению донского суверенитета. Эти настроения выражал в Москве атаман Дементий Гаврилов, но просил «по весне рано» прислать «денежные и хлебные запасы». Приход турецких сил Войско Донское ожидало в 1641 г.

С наступлением весны 1641 г. Войско Донское стремилось разведать обстановку и получить сведения о приходе противника. Для этого посылалось несколько морских и сухопутных экспедиций. Взятые казаками языки утверждали, что готовы к походу на Азов «каторг... больших беломорских 100, кораблей больших 80, малого морского

90 судов, 200 кораблей больших с порохом и с ядры». Было привезено 100 стенобитных пушек с ядрами «весом в пол-пуда и в пуд, и в 30 гривенок». Для не очень крепких азовских стен, в которых «многие места деланы камень с землею», такая артиллерия представляла серьезную угрозу. Общее командование турецкими силами осуществлял силистрийско-очаковский наместник Дели Хусейн-паша. На должности командующего флотом – капудан-паши – был Сиявуш-паша, а его заместителем – победитель казаков при Адахуне Пияле-ага. Среди народов, которые были в турецко-крымском войске, пленные называли «воинских людей турския и крымския земля... и малой нагай со всеми мурзами и со всеми черными людьми». «Поэтическая» повесть об Азовском осадном сидении называла греков, сербов, можар (мадьяр), арнаутов (молдаван), немцев и др. Из примерно 240 тысяч человек, прибывших к Азову, в осаде непосредственно участвовало незначительное меньшинство. Из крымских татар принимали участие в осаде лишь крымские стрельцы, сеймены, подчиненные непосредственно хану Бехадыр Гирею. Они все погибли, нарвавшись на казачий подкоп. Крымцы, по их собственным словам, были «не городоимцы». Тем не менее, большие силы, пришедшие под Азов, позволили надежно блокировать крепость. Кроме того, они угрожали соседним с Азовом казачьим городкам, и прежде всего крупному Черкасскому городку. Сила противника произвела большое впечатление на казаков. Неслучайно в «Поэтической» повести говорилось: «Ни в каких странах ратных таких людей не видали мы и не слыхано про такую рать от веку».

Силы противника под Азовом развернулись 24 июня. В первые дни осады, как описано в «Поэтической» повести, турки шли на решительный приступ. Они несли большие потери, но заставили казаков покинуть пригород Азова Топракалов. Разрушительной стрельбе и бешеному натиску казаки противопоставили умелое ведение подкопной войны и проведение вылазок. В частности, в Топракалове казаки заложили «зелье», и как только турки вошли в этот пригород, казаки взорвали его и «турских людей тем подкопом побили тысячи с три и больши».

Не добившись успеха и понеся потери, турки решили вступить с казаками в переговоры. Сведения о них нашли отражение в «Поэтической» повести. Как сообщал ее автор, войсковой дьяк Ф. Порошин, турки «просят у нас пустова места азовского, а дают за нево выкупу на всяково молотца по 300 тарелей серебра чистово, да по 200 золотых червонных арапьских». Как он писал, казаки узнали об этом, когда «бусорманы догадалися – к нам на стрелах почали ерлыки метать». Все сведения в источниках о переговорах представляли собой пересказ неясных слухов. Достоверным можно признать лишь сам факт их ведения. Для казаков они нужны были ради передышки, для турок – чтобы выиграть время, дож-

даться полкрепления и начать новый натиск. Переговоры велись конфиденциально, поскольку обе стороны не были заинтересованы в их огласке. Казаки не могли допустить падения боевого духа, а турки не хотели, чтобы о них узнал султан. Ему нужна была решительная побед, а не переговоры с казаками и уступки им.

После непродолжительных переговоров, турки, получив подкрепление, повели новое наступление на город. После обстрела десятитысячные отряды янычар, сменяя друг друга, день и ночь шли на приступ. Это был самый тяжелый, критический период осадного сидения. Прекратить атаки заставили турок большие потери, а особенно вылазка казаков, когда «явно бусурманов побили... больши 6000». Кроме того, как отмечал Эвлия, возникла угроза бунта янычар, с чем турецкому командованию приходилось считаться.

С прекращением турецких атак положение казаков в Азове стало значительно легче. Уже во второй половине августа стало ясно, что казаки смогут удержать Азов. Стал возможен даже выезд из города и въезд в него. В Азов стали проникать казаки, приходившие на помощь осажденным из других городков. Противник же оказался в тяжелом положении. Боевой дух турок был подорван бесплодными атаками и тяжелыми потерями. Кроме того, начались раздоры между турецкими пашами и ханом Бехадыр Гиреем. Они «учались в большой ссоре и во брани» и писали друг на друга султану.

26 сентября турецко-крымское войско ушло из-под Азова. Азовское осадное сидение окончилось полной победой казаков. Войско Донское нанесло противнику большие потери. У всех, кто наблюдал отступление турецко-крымского войска, складывалось впечатление, что это войско постигла катастрофа. Один из свидетелей обратил внимание на то, что из 700 человек, прибывших под Азов на одной из каторг, «в живых остался лишь один человек раненой, а то все побиты». Но казакам стало ясно, что на следующий год отсидеться в Азове после понесенных потерь и разрушений крепости будет невозможно. Сразу после ухода турок Войско Донское послало в Москву зимовую станицу во главе с атаманом Н. Васильевым. Есаул зимовой станицы Федор Порошин написал в Москве повесть об Азовском осадном сидении («Поэтическую»), содержавшую просьбу к царю принять Азов.

Для решения вопроса об Азове был созван земский собор, работавший с 3 по 13 января 1642 г. Собор высказался за принятие Азова и за оказание помощи Войску Донскому. Но правительство, когда конкретно узнало о больших разрушениях крепости, не решилось принимать Азов. Поэтому в грамоте на Дон 30 апреля оно указало казакам уйти из Азова. 28 мая казаки приняли в городе царского посла М. Засецкого, после чего ушли из города. Войско Донское обосновалось на Махине острове, в старинном городке, известном из дорожника середины XVII в. как Стыдное Имя. Турки

же поставили в Азове гарнизон, насчитывавший 26 тысяч человек. Выше Азова, на протоке Каланча, турки поставили две башни, а между ними протянули цепь. Кроме того, они начали строительство крепости Лютик на Мертвом Донце. Турки готовились выбить казаков с Нижнего Дона. В 1643 г. они разгромили низовые городки Монастырский, Черкасский и Маныч. Войско Донское вынуждено было уйти значительно выше по Дону, в городок Раздоры. Но в 1644 г. казакам удалось вернуться в Черкасский городок.

Борьба Войска Донского за Азов в 1637–1642 гг. свидетельствовала о том, что донское казачество стало крупной военно-политической силой, способной вести борьбу с Османской империей и участвовать в общеевропейской борьбе с турецкой экспансией.

§ 9. Донское казачество в Разинском восстании (1667–1671 гг.)

Разинское восстание было крупнейшим из народных движений в России XVII в., охватившее огромную территорию страны. Донское казачество сыграло в нем исключительно важную роль – выступило в качестве организатора и выдвинуло предводителя восстания Степана Тимофеевича Разина. Среди множества предпосылок восстания большое значение имели события, которые сложились на Дону и относились к казачеству. Связано это было с изменениями, которые происходили на Дону со второй половины XVII в. Принятие в 1649 г. Уложения имело в качестве последствия усиление бегства на Дон крепостных людей. На Дону они становились казаками. Однако их имущественная несостоятельность, отличавшая их от старожилых казаков, дала повод для того, чтобы их называли голытьбой, или голутвенными казаками, а также набродом по причине их ухода из внутренней России и недавнего появления на земле Войска Донского. В связи с этим усиливались внутренние противоречия среди казачества, но уже по принципу его социального расслоения.

Традиционным источником существования донского казачества были военные походы. Но после возвращения в Азов турки значительно укрепили выход с Дона в Азовское море, и для казаков выход в море стал затруднен. В такой обстановке усилилось стремление донской голытьбы к походам на Волгу, которые по традиции считались «воровскими». Еще в 1627 г. в войсковое право была введена норма, согласно которой такие походы ставились вне закона, а их участники подлежали смертной казни. Однако, поскольку походы на Волгу донской голытьбы были выгодны не только ей самой, но и многим казакам, они продолжались. Вопрос о походах

казаков на Волгу неизбежно обострял отношения между всем казачеством и московскими властями: он усиливал стремление казачества к защите своей самостоятельности по отношению к Русскому государству.

Для современой российской историографии характерно стремление подчеркнуть особенности участия донского казачества в Разинском восстании и специфику побудительных мотивов для этого. Это совершено справедливо. Вместе с тем для объединения казачества в ходе восстания с теми слоями городского и сельского населения России, которые приняли в нем участие, для превращения С. Разина из казачьего повстанческого атамана в предводителя восставшего народа страны имелись основания. Во-первых, связаны они с тем, что защита казаками-разинцами традиционных донских вольностей имело значение не только для казачества. Вольности, которыми располагало Войско Донское, имели значение для народа всей страны, поскольку уход на Дон вел к приобретению вольного казачьего статуса. В России существовало мнение, что «Доном от всяческих бед освобождаютца», которое выражал Г. Котошихин. Вместе с тем для казачества отношение населения русских городов и уездов к крепостному праву было вовсе не чуждо. Сами казаки признавали свою близость к народу России, поскольку, как отмечал автор «Поэтической» повести об Азовском осадном сидении Ф. Порошин, казаками были те, кто уходил на Дон «из работы вечныя, ис холопства неволнаго, от бояр и от дворян государевых». Кроме того, некоторые казаки имели в качестве крепостных своих родственников, которых не могли легально увести с собой на Дон. Подобный случай отражен в деле 1687 г., когда казак Иван Афанасьев просил разрешение вывести на Дон дочь Прасковью, которая «живет на Новом Сколе и шатаетца меж двор». На челобитной казака была наложена резолюция: разрешение может быть получено лишь в том случае, если «та ево дочь подлинно вольная и ни у кого и ничем не укреплена». На самих казаков крепостное право не распространялось. Правительство не раз разъясняло это, но все-таки требовало от атаманов и казаков, чтобы они»таких новоприходцов новых казаков к Москве не присылали для ссоры» на случай, если нового казака узнает его прежний господин и потребует его выдачи. Возвращение казака прежнему помещику в таком случае нельзя было полностью исключать. В 1669 г. такая опасность нависла над казаком Романом Пуговченковым, когда его прежний владелец, елецкий помещик Е. Бехтеев, потребовал его выдачи, а правительство удовлетворило его челобитную при очной ставке с казаком. В 1672 г. казак Агейко Феоктистов, «который был на Дону в казакех и з Дону приехал на Воронеж для жены своей», был назван, по своему прежнему состоянию, крестьянином Троицкого Борщева монастыря. Казаков не могло не беспокоить стремление

правительства распространить на землю донских казаков нормы сыска и выдачи беглых, когда в 1666 г. последовал запрет казакам предоставлять убежище крестьянам шацких дворцовых сел. Имелись, таким образом, серьезные причины для того, чтобы вопрос о крепостном праве, первостепенный для народа России, вовсе не был чужд донским казакам. В этой связи, при признании у казаков в Разинском восстании особых, специфических интересов, есть основание видеть у них общие интересы с теми слоями населения русских городов и уездов, которые участвовали в нем.

С. Разин родился примерно в 1630 г. в семье казака Тимофея Рази. Крестным его отцом был К. Яковлев, долгие годы бывший войсковым атаманом. Следовательно, С. Разин относился к знатным казакам. В 1652 г. он ходил на богомолье в Соловецкий монастырь и имел, таким образом, возможность познакомиться с внутренней жизнью народа России. В 1658 г. он был в Москве с составе зимовой станицы атамана Н. Васильева. Он успел зарекомендовать себя как опытный казачий дипломат и в 1661 г. был отправлен к калмыцким тайшам для переговоров о совместном походе на крымского хана. В 1663 г. он во главе отряда донских казаков совместно с запорожцами и калмыками ходил под Перекоп, где была одержана победа и взята большая добыча. Однако в дальнейшем он сблизился с казачьей голытьбой.

Предвестником восстания был поход донской голытьбы в 1666 г. к Воронежу и Туле под предводительством атамана Василия Уса. Казаки стремились наняться на царскую службу, но они не были приняты. Им пришлось уходить на Дон. К казакам присоединилась некоторая часть местных крестьян. Чтобы уйти с казаками, им пришлось увести с собой принадлежавших их помещикам коней. Возвращение казаков В. Уса еще более обострило положение в Войске Донском.

Это проявилось весной 1667 г., когда начался поход большого отряда донской голытьбы на Волгу. Возглавил казаков С. Разин. Поход отличался своими масштабами. Первоначально в Паншином городке на Волго-Донской Переволоке собралось 600–800 казаков, и их число быстро росло.

Предприятие началось как обычный поход казаков «за зипунами». Выйдя с Дона на Волгу через реки Иловлю и Камышенку, казаки разгромили суда патриарха и московского гостя В. Шорина. Ярыжных людей и колодников с этих судов они приняли к себе.

Но очень скоро он стал приобретать признаки казачьего восстания. Под Астраханью казаки разгромили отряд стрельцов, посланный для перекрытия им выхода в Каспийское море. Затем они взяли Яицкий городок. Взятие правительственной крепости означало, что поход казаков С. Разина «за зипунами» переросло в восстание.

Зиму 1667–1668 гг. казаки С. Разина провели в Яицком городке. Успехи С. Разина вызывали стремление казаков присоединиться к нему. За это время к Разину присоединились несколько отрядов донской голытьбы во главе с атаманами Сережкой Кривым, Алешкой Пропокиным, и ожидался приход отряда атамана Алеши Каторжного. Весной казаки вышли в Каспийское море к владениям персидского шаха. В устье Куры разинцы соединились с несколькими казачьими отрядами. Вблизи города Решт произошло сражение казаков с войском шаха Сулеймана. После сражения начались переговоры, в которые вступили казаки ради получения места для зимовки. Во время переговоров прибыл посол царя с грамотой, где сообщалось о выходе в море больших сил «воровских» казаков и предлагалось, чтобы персы «побивали бы их везде и смертию уморяли без пощады». После этого шахские власти прервали переговоры. По приказу шаха, казаков, участвовавших в переговорах, перековали, а одного «затравили собаками». Срыв переговоров заставил казаков искать место для зимовки самим. Они разорили город Фарабат, где находился потешный двор шаха, и выбрали место для зимовки вблизи этого города на полуострове Миян-Кале, где стали укрепленным городком. Условия для зимовки были тяжелые, немало казаков заболело и умерло. Весной 1669 г. разинцы двинулись к туркменскому побережью, а затем пытались разбить лагерь на острове Свином около Баку. Там казаки подверглись нападению большого персидского флота. Воспользовавшись ошибкой командующего персидским флотом, сцепившего цепью свои суда, разинцы пустили на дно флагманский корабль противника, который потянул за собой остальные суда.

Но и после этого положение разинцев оставалось опасным, поэтому они направились к Астрахани. Слухи об успехах Разина широко распространялись по Дону и по всей России. На Дону это вызвало брожение среди казаков. Это вызвало также недовольство русских властей. Под их нажимом войсковым атаманом вместо К. Яковлева был избран М. Самаренин. Ожидая казаков С. Разина. правительство отправило в Поволжье дополнительные силы и требовало не пропускать их. Когда разинцы подошли к Астрахани, воевода князь И. Прозоровский выслал против них черыре тысячи стрельцов во главе с князем С. Львовым. Казаки, не имея сил для борьбы с ними, ушли в море. Тогда С. Львов, выполняя план правительства, не желавшего допустить ухода казаков С. Разина в море, вступил с ними в переговоры. Как отмечал свидетель, голландец Л. Фабрициус, правительство готово было «простить» С. Разина, если он «утихомирится и вернется на Дон». В ходе переговоров казаки добились того, что воевода обязался с почетом принять их и пропустить на Дон. Казаки, в свою очередь, обязывались отдать захваченные ими в боях пушки и сдать пленных. На самом деле

казакам удалось уклониться от сдачи легких орудий, пленных и рухляди, добытых в Персии. Встреча в Астрахани была очень торжественной. Богатые восточные одежды казаков и их щедрость оказали очень большое впечатление на народ. Слава о С. Разине и его казаках шла по всему Поволжью. В народном воображении атаман наделялся сверхъестественными качествами, причем распространялся слух, что не брали его ни пуля, ни сабля. По существу, слава о С. Разине и его казаках стала важнейшим последствием этого похода, благодаря которому он мог вести успешную борьбу уже в самой России. Кроме того, поход способствовал образованию вокруг атамана казачьего ядра, которое в последствии стало во главе всех повстанческих сил в стране.

В ноябре 1669 г. казаки С. Разина вернулись на Дон. Между Кагальником и Ведерниковым Разин устроил укрепленный городок. В отличие от казачьих отрядов, ходивших в обычные походы «за зипунами», отряд С. Разина не был распущен на зиму по своим городкам. Популярность повстанческого атамана на Дону все более возрастала. Стремясь разведать его намерения, Войско Донское направило в Кагальник видного старшину Фрола Минаева. С. Разин «ему, Фролу, всякие поносные слова говорил, и хотел его посадить в воду, и отпустил к Войску в Черкасский городок». Другой старшина, Родион Колуженин, посланный вслед за Ф. Минаевым, говорил С. Разину, чтобы он «служил великому государю, а воровства никакого не заводил». Зимой 1670 г. С. Разин явился в Черкасский, где сам созвал круг, «к атаману Корнилу Яковлеву с ножем метался», а после круга «учинил атаманом и казаком всякое разорение в Черкаском».

Правительство было серьезно обеспокоено ситуацией на Дону. В апреле 1670 г. в Войско Донское был направлен царский посланник Г. Евдокимов, чтобы разведать обстановку и укпепить связь с войсковой верхушкой, которую в Москве считали единственной силой, способной противостоять разинам на Дону. На Войсковой Круг 12 апреля явился со своими казаками С. Разин. Он обвинил Г. Евдокимова в том, что он «приехал де к ним лазутчиком» и «посадил его в воду в Дон реку». Тогда же С. Разин заявил войсковому атаману К. Яковлеву: «Ты де владей своим войском, а я де владею своим войском». Это означало раскол казачества на сторонников и противников С. Разина, а также поражение старшин, потерявших свою власть на Дону. Восстание на Дону победило, и тем самым создались предпосылки для распространения его на соседние южные уезды государства, а в перспективе – на перерастание казачьего восстания в крестьянскую войну. При этом, однако, С. Разин не был избран войсковым атаманом, и власть его противоречила нормам войскового права. Войсковым таманом оставался К. Яковлев, а из Черкасского городка продолжали

рассылаться войсковые грамоты по городкам с призывом к борьбе с татарами и азовцами.

После победы Разина на Дону перед восставшими встал вопрос о дальнейших действиях. В конце апреля в Паншинском городке состоялся круг, на котором были только казаки из числа сторонников С. Разина. На круге атаман заявил о походе на Волгу и на Русь, «чтоб им из Московского государства вывесть изменников бояр и думных людей и в городех воевод и приказных людей», а также «черным людем дать свободу».

В ответ на успехи разинцев правительство организовало продовольственную блокаду Дона и разослало указы воеводам южных городов о запрещении торговли с казаками. Не было послано на Дон также царское жалованье за 1670 г. Кроме того, были усилены гарнизоны южных городов. Но все это не могло предотвратить успехи С. Разина, занявшего в течение лета все Нижнее Поволжье и в сентябре начавшего осаду Симбирска. Под воздействием донских атаманов и казаков происходили восстания в русских городах и уездах. Казаки пользовались исключительно большой популярностью в народе, причем восставшие посадские люди и крестьяне называли себя атаманами и казаками, собирались на круги. Современный историк разинского восстания В. М. Соловьев обращает внимание на то, что фактически между внутренней жизнью донского казачества и населения русских городов и уездов не было ничего общего. Объединение его с казаками было вызвано особыми условиями восстания, принявшего масштабы крестьянской войны.

С 4 сентября главные силы С. Разина начали осаду Симбирска. И если в Нижнем Поволжье повстанцы легко занимали все города, то Симбирск был сильной крепостью на засечной черте. В течение сентября разинцы осаждали город. К 1 октября на помощь осажденному в Симбирске князю И. Милославского подошли войска князя Ю. Барятинского. Но и в таких условиях 3 октября восставшие организовали последний штурм симбирского кремля. Но силы были не равны. Кроме того, воевода Ю. Барятинский послал в обход повстанцев полковника Чубарова. Возникла угроза потери разинцами стоявших на Волге стругов. Сам С. Разин получил ранение. Его в бессознательном состоянии отправили на Дон. Бои за Симбирск окончились 4 октября полным поражением восставших.

Поражение разинцев резко изммениило характер событий. Правительство перешло в наступление. Ухудшилось положение восставших на Дону, где старшины во главе с К. Яковлевым стали делать попытки восстановления своей власти. В ноябре, когда С. Разин был еще на излечении в Царицыне, старшины захватили разинский Кагальник, вяли «некоторых товарыщей ево, Стенькиных старшин» и «по своему войсковому праву в Когольнику указ им учинили». После этого С. Разин послал на Черкасский сильный

отряд казаков-повстанцев во главе с атаманом Яковом Гавриловым. В Черкасском ни у старшин, ни у Я. Гаврилова не имелось сил для достижения победы, и обе стороны «боялись друг друга». Но во второй половине ноября в Черкасский прибыл С. Разин и восстановил свою власть на Дону. В первый день после прибытия повстанческого предводителя встреча его со старшинами носила подчеркнуто мирный характер. Даже до Азова дошли слухи, что он пил со старшинами, одарил К. Яковлева рысьей шубой, а Р. Колуженина – серебряным котлом. Но на другой день, когда С. Разин увидел, что сила на его стороне, его поведение в Черкасском резко изменилось. Как сообщал позже Р. Колуженин, он стал «говорить войску всякие розвратные слова», призывая всех казаков стать на его сторону. Под влиянием его слов некоторые из казаков «хотели убить ночью» старшин. После этого С. Разин уехал в Кагальник, считая, что власть его на Дону полностью восстановилась. Но при этом он оставил в Черкасском Я. Гаврилова, поставив перед ним задачу убить старшин и «стать в войску первым атаманом... до ево Стенькина приходу». Это свидетельствовало о том, что С. Разин стал больше, чем в апреле, уделять внимание взятию не только фактической, но и формальной власти на Дону. Однако осуществить задуманное ему не удалось. Накануне Николина дня осеннего старшины убили Я. Гаврилова и его казаков, что явилось серьезным поражением разинцев в Черкасском.

С сообщением о событиях в Черкасском старшины отправили в Москву в самом конце 1670 г. станицу атамана Р. Колуженина. Правительство убедилось, что старшины стали представлять на Дону серьезную силу и сделало шаг на пути восстановления своих отношений с ними. Станица была принята, но не в Посольском приказе, где обычно принимались донские станицы, а в приказе Казанского дворца, который ведал подавлением восстания. Там от казаков потребовали вести борьбу с восставшими и «прислать к Москве» С. Разина и его брата Фрола. На Дону между тем продолжалась борьба. После Крещения, 6 января 1671 г., С. Разин подошел к Черкасскому. Но в столицу Войска Донского его уже не пустили, а сил для ее захвата у него уже не хватало, несмотря на наличие тридцати пушек. С черкасских стен «по его воровскому собранью стреляли ис пушек», и черкасская артиллерия была сильнее разинской. Однако приход С. Разина напугал старшин. Они направили отписку в Москву, где сообщали о нехватке у них сил для борьбы с разинцами. По существу это означало просьбу прислать на Дон царских ратных людей во главе с воеводой. Это свидетельствовало, что для борьбы с казаками С. Разина верхушка Войска Донского готова была пойти даже на ограничение донского суверенитета, к чему неизбежно вело присутствие на Дону русских войск. Но эти опасения были преувеличенными. К весне 1671 г.

повстанческие силы на Дону значительно ослабли. Это позволило 9 апреля начать «всем войском» во главе с К. Яковлевым поход на разинский Кагальник. Городок был взят и сожжен 14 апреля, а С. Разин взят в плен. Вскоре был захвачен и Ф. Разин.

Повстанческого атамана и его брата доставили в Черкасский, где «заковали в кандалы и отдали беречь за крепкую сторожу», а 24 апреля большая станица из 76 казаков во главе с войсковым атаманом К. Яковлевым и атаманом М. Самарениным повезла их в Москву. Столь представительный состав станицы должен был показать полную лояльность Войска Донского русским властям. После этого правительство тут же разрешило казакам торговлю по Севрескому Донцу, столь необходимую для низовых донских городков. Но на торговлю по Дону сохранялся запрет, поскольку, по оценке властей, «в верхних городках донские казаки от воровства и измены не обратились». Была, кроме того, освобождена из ссылки станица атамана Ивана Аверкиева, сосланую еще в декабре 1669 г. в Холмогоры.

Приезд станицы К. Яковлева в Москву 2 июня представлял собой, по сообщению иностранного свидетеля, «торжественную публичную церемонию». Перед телегой, в которой везли самого С. Разина, ехал К. Яковлев со знаменем. Станицу сопровождал солдатский отряд из шестисот человек. Церемония должна была продемонстрировать мощь самодержавия и полное подчинение донского казачества, которое разрывало со своим бунтарским прошлым и полностью переходило на сторону властей. Со 2 по 6 июня в приказе Тайных дел шли допросы С. и Ф. Разиных. Их вели бояре на основе десяти вопросов, составленных царем. Вопросы показывали, что власти интересовались прежде всего о возможных связях С. Разина с бывшим патриархом Никоном и с полунезависимым кабардинским князем К. М. Черкасским. Также вызывал интерес вопрос о возможной измене в царских войсках, в частности о том, кто сообщал восставшим о передвижении сил князя Ю. Долгорукого. Кроме того, царя интересовали некоторые малосущественные детали, например о шубе, подаренной С. Разиным астраханскому воеводе князю И. Прозоровскому после захвата 22 июня 1670 г. Астрахани.

Ни существенные подробности хода восстания, ни причины участия в нем донских казаков и успехов восставших царя, судя по его вопросам, не интересовали. Все это не могло не снижать ценности следственной работы бояр. Иностранные современники отмечали, что на следствии С. Разин держался мужественно и его допрос мало что дал следствию. Причиной своего выступления он назвал убийство брата Ивана по приказу князя Ю. Долгорукого за самовольный уход со своим отрядом в 1655 г. с театра военных действий из-под Киева во время войны с Польшей. Следственное дело С. Разина не сохранилось. 6 июня 1671 г. при большом стечении народа С. Разин был казнен в Москве на Красной площади.

Актом, закреплявшим победу царских властей над восставшим народом и над казаками-повстанцами, было приведение к присяге Войска Донского. Оно состоялось 25–27 августа 1671 г. и означало ликвидацию суверенитета Войска Донского и включение его в состав государства.

Последним эпизодом восстания была Астрахань, где повстанческими руководство было в значительной мере в руках донских казаков во главе с атаманами Федором Шелудяком и Василием Усом. Еще в мае 1671 г. астраханские повстанцы во главе с Ф. Шелудяком дошли вверх по Волге до Симбирска, что свидетельствовало о непрочности успехов властей в борьбе с восстанием. К концу августа к Астрахани подошли силы князя И. Милославского. Атаман Ф. Шелудяк начал переговоры с воеводой. Он добивался, чтобы в городе не преследовали повстанцев, а для себя просил «государской милостивой указ учинить тайно». 27 октября царские войска вступили в Астрахань, но при воеводе И. Милославском повстанцев не преследовали. Но в июле 1672 г. для суда и расправы был прислан новый воевода, князь Я. Одоевский и Шелудяк с зачинщиками были повешены.

В Разинском восстании донские казаки сыграли выдающуюся роль. Это было одновременно выступление донского казачества за свою вольность, и борьба народа России против крепостничества. Донское казачество выступило в качестве организатора восстания, дало ему предводителя и многих атаманов. В историческую память донского казачества и народов России С. Разин вошел как герой, с которым связывалось стремление к вольности.

§ 10. Движение донских старообрядцев в конце XVII в.

Церковная реформа в России, проводившаяся правительством царя Алексея Михайловича в 50-х годах при патриархе Никоне, привела к расколу русского общества. Значительная его часть не приняла реформированной церкви. К ней относились представители разных общественных слоев: высшей знати, посадского и крестьянского населения. Не приняла реформу и большая часть казачества. Это не случайно. Для общественно-исторического сознания казачества были характерны консерватизм и тяга к закрепленной временем традиции. Кроме того, церковная реформа проводилась московской властью. Для казачества в этой связи сохранение старого церковного обряда имело не только религиозное, но и большое политическое значение. Оно представляло собой новую форму борь-

бы за сохранение своей обособленности от Московского государства в условиях, когда после поражения Разинского восстания в Москве стремились к закреплению своей власти на Дону, к дальнейшему ограничению его исторически сложившейся самостоятельности. Как оказалось во второй половине XVII в., обособленность Дона и следы прежней политической самостоятельности казачества имели значение не только для них самих, но и для всех тех, кто подверглся в России угнетению и религиозно-политическим преследованиям.

До Разинского восстания старообрядчество в казачьей среде не находило заметного проявления. Не было заметно старообрядческих мотивов в период участия казачества в восстании. Напротив, среди участников восстания пользовался определенной популярностью бывший и опальный патриарх Никон, которого старообрядцы, в том числе наиболее видный из расколоучителей протопоп Аввакум, счиали своим главным врагом. Так, разинцы утверждали, что с ними по Волге шел струг, обитый черным бархатом, на котором якобы с ними находился Никон.

Положение стало меняться после церковного собора 1666 г., низложившего Никона, но в то же время значительно усилившего преследования за старообрядчество. Также оно изменилось после Разинского восстания, когда на Дон стали уходить от преследований видные старообрядцы. Среди казаков они находили сочувственное отношение. Некоторые из казаков становились их духовными сыновьями или переходили в основанные ими пустыни на Чиру, Калитве и в других местах. Много старообрядцев из русских городов оказалось в глухих отдаленных местах по реке Медведице, где к середине 80-х годов у них было 17 поселений и проживало до двух тысяч человек. К ним шли новые люди. Встревоженное возникновением на Медведице крупного старообрядческого пристанища, правительство в грамоте на Дон от 14 июля 1686 г. потребовало от Войска Донского «те их пристанища и крепости пожечь и разорить». Но когда большинство казачества сочувствовало старообрядцам, выполнить это требование было невозможно. Их предводителем был Кузьма Ларионов Косой, по происхождению елецкий кузнец, который «научился расколу» в Соловецком монастыре. Как говорилось в старообрядческом письме 1686 г., от гонений на веру «светлая Россия потемнела», но «мрачный Дон воссиял и преподобными отцами наполнился», принимая гонимых в России расколоучителей.

Все более заметной силой становились старообрядцы в самом Войске Донском. Когда в 1683 г. на Дону появился «малоумный» чернец Оська, имевший с собой «письмо воровское», правительство потребовало выдачи его в Москву вместе с жившими на Медведице старообрядцами Кузьмой Косым и Косткой Леонтьевым. Казаки-старообрядцы решительно выступили против этого. Видный казак

Павел Чекунов заявил в связи с этим: «Для чего де их к Москве посылать, и без них де на Москве много мяса». В то же время на Дону было немало казаков и старшин, готовых принять новые порядки реформированной церкви. Для них сохранение отношений с русскими властями и получение царского жалованья имело большее значение, чем религиозная традиция и даже историческая самостоятельность Войска Донского. Во главе таких казаков стоял войсковой атаман Фрол Минаев. В то же время среди казаков-старообрядцев выдвинулись авторитетные предводители. Особое место среди них занимали Самойло Лаврентьев и Кирей Чурносов. Первый из них был видным боевым предводителем, второй – не только военным предводителем, но и организатором борьбы казачества за вольность Дона, способным выдвигать идеи, связанные с укреплеинем донской самостоятельности и церковной автономии Дона. Известны также П. Чекунов, Пахом Сергеев. В 1687 г. на вопрос, заданный после его возвращения из Москвы: «как де на Москве крестятца», отвечал: «сложа левой руки три пальца, и заднее у себя подтер, так де на Москве патриарх велит креститься». Это был Лека Белогородец, считавшийся «службою» «выше» войскового атамана.

Донское старообрядчество включало в себя разнородные элементы. Одну его часть составляли казаки, другую составляли старообрядцы, прибывшие на Дон из России.

Обострение внутренней борьбы на Дону произошло в 1686 г. После отъезда Ф. Минаева в Москву во главе зимовой станицы войсковым атаманом был избран С. Лаврентьев. Само по себе это означало крупный успех казаков-старообрядцев. Для укрепления своих позиций они стали добиваться замены попов-никониан старообрядческими священниками, выходя, таким образом, за пределы компетенции войсковых властей. Это было возможно вследствие неразвитости церковной организации на Дону. После утверждения старообрядческого попа Самойлы старшины-старообрядцы «приговорили» с великого поста 1687 г. «по старым книгам служить» в Черкасском. Они велели без разрешения церковных властей «в Чиру церковь святить», и говорили попам: «Не слушайте вы, батьки, патриархов». Л. Белогородец одного из дьяконов-никониан «драл... за волосы». Наиболее известный из предводителей донского старообрядчества К. Чурносов выдвигал идею церковной автономии Дона и выборов «особого патриарха или епископа». В политическом отношении донские старообрядцы стояли за самостоятельность Дона.

Осознавая в то же время наличие в казачьей среде серьезной оппозиции, К. Чурносов принимал меры для укрепления позиций донских старообрядцев. В начале 1687 г. он выехал в верховые городки, где установил прочную связь с местными казаками-старообрядцами и заключил союз с влиятельным калмыцким тай-

шой Чаганом. На Пасху, 27 марта, он возвратился в Черкасск. На Войсковом Круге, куда прибыло много казаков-старообрядцев из верховых городков, развернулась острая борьба. Противники старообрядцев, которых было меньше, держались сплоченно и решительно. Имея в виду верховых старообрядцев, их противник, казак Василий Инжиров заявил на Круге, что он «с половины реки Дону от Пяти Изб до Семи Корокор не нашел ни одного доброго человека». Тогда «расколщики» «хотели побить» В. Инжирова и «иных добрых людей». Войсковой Круг перерос в уличные столкновения. В. Инжирова, Фому Голодного и Михаила Шадру «ухоронили» в Рыковской станице, где им пришлось два дня отсиживаться, «в клети запершись», «с ружьем». Через два дня Круг установил мир среди казаков и решил «никого между собою расколниками не попрекать».

Ф. Минаев в начале июня вернулся на Дон. Однако серьезно влиять на войсковые дела он не мог, поскольку имел приказ идти походным атаманом донских казаков на Крым вместе с русской армией князя В. В. Голицына. Этот поход представлял общевойсковые интересы, хотя казаки-старообрядцы не были сторонниками войны с Крымом. Так, К. Чурносов заявлял: «Не для чегно нам идти на крымского., у нас де свои горше Крыму Надобно де прежде тут очиститьца, тогда де уж на Крым итить. И лучше де ныне крымской, нежели наши цари на Москве». А по словам П. Сергеева, «если роззорят Крым, то де и досталь им житья не будет», имея в виду укрепление позиций России как предпосылку дальнейшего ее наступления на донских казаков. К. Чурносов называл при этом царей «иродами», а «государскую силу – голиядскою». Это свидетельствовало о значительных сдвигах в общественно-историческом сознании казачества, о глубине осознания частью его своих особых политических интересов. Однако переход от слов к делу оказался не прост даже для К. Чурносова. Вместе с другими казаками-старообрядцами он пошел в поход на Крым под командованием атамана Ф. Минаева в качестве походного полковника.

Когда походное войско вышло на войну с Крымом, оживились старообрядцы на Медведице во главе с К. Косым. К ним присоединилось много казаков из верховых городков. Это усилило размежевание среди казачества, о силе которого свидетельствуют слова одного из казаков, сказанные брату, звавшего его к К. Косому: «Кабы был у меня нож, я б де тело твое ножем изрезал и кровию твоею руки вымыл». Так возникли предпосылки возникновения первой в истори казачества братоубийственной войны.

Узнав о сборах на Медведице, С. Лаврентьев и старшины-старообрядцы для укрепления своего положения и ослабления влияния противников на колеблющихся казаков 7 июля пригласили К. Косого в Войско. Он вскоре прибыл и с 500–600 вооруженными каза-

ками и медведицкими старообрядцами и разбил лагерь около Черкасского. В Войске К. Косой стал излагать свое учение, согласно которому после Никона на Руси наступило «антихристово царство». Но в ближайшее пятилетие, по словам Косого, ожидается второе пришествие Христа, и наступит «воздаяние» «мучителям кровавым». К этому часу «все братья» должны быть готовы к борьбе, после чего установится царство Божие «во веки веков». Возглавить борьбу должен был новый Мессия, «царь Михаил», упоминавшийся в Ветхом Завете (К. Косой, возможно, имел в виду самого себя). Донские старшины-старообрядцы восприняли это учение с недоверием. И даже убежденный старообрядец поп Самойло заявил, что так, как говорил К. Косой, «о скончании века святии апостолы и пророцы не написали». Как только поп сказал это, «Самойло Лаврентьев и старшина, и казаки, взяв его, Куземку, повели из избы и приковали у церкви на чепи».

Имелось несколько причин недоверия донских старообрядцев К. Косому. Он не удовлетворял казачество как проповедник, не затронув в своей речи то, что непосредственно волновало казаков и касалось отношений между Москвой и Доном. Кроме того, они увидели, что К. Косой не только расколоучитель, но и предводитель, претендовавший на главенство во всем старообрядческом движении на Дону. Но донская старообрядческая верхушка не могла терпеть безвестного пришельца во главе того дела, которое она считала своим, казачьим и видела во главе движения на Дону только казака. Но арестовав К. Косого, донские старообрядцы ослабили свои позиции.

В разгар этих событий в Черкасский вернулось походное войско. Ф. Минаев тут же, по войсковому праву, занял место войскового атамана. Он созвал Войсковой Круг и провел решение о выдаче К. Косого в Москву. Допросы Косого показали причастность к движению старообрядцев ряда донских старшин. Правительство потребовало выдачи в Москву попа Самойлы и С. Лаврентьева. Однако выдаче бывшего войскового атамана казаки решительно воспротивились.

В ноябре 1687 г. в Черкасском случился сильный пожар, и город выгорел дотла. Войско било челом о помощи и послало в Москву станицу во главе с К. Чурносовым. Состав станицы был неоднородным, в ней были и казаки-старообрядцы, и их противники во главе с есаулом станицы Яковом Черным. Накануне отъезда К. Чурносов решительно отказался вести в Москву С. Лаврентьева. Он заявил Я. Черному, считавшему, что нужно выполнять это требование властей: «Ты де повадился русских языков возить, а я де не повезу». Своим же единомышленникам он откровенно говорил, что следует «приговоря к себе и иные орды, возмутить всем государством и идти к Москве». Следовательно, он считал, что донские

старообрядцы могли бы добиться своих целей лишь при перерастании донского движения в общероссийское, что свидетельствовало о широте его политического мышления.

Правительство было очень недовольно тем, что К. Чурносов не привез попа Самойлу и С. Лаврентьева, и 2 января 1688 г. послало новую грамоту с требованием их выдачи. Войско вынуждено было выдать попа, но попытки Ф. Минаева добиться выдачи бывшего войскового атамана встречали решительное сопротивление казаков. К. Чурносов же даже из Москвы оказывал влияние на своих сторонников, посылая им письма. Тогда Ф. Минаев и его сторонники поняли, что без ареста К. Чурносова им невозможно будет одолеть своих противников на Дону. На него было отправлено в Москву четыре изветных письма с обвинением в расколе. Кроме того, знатный казак Ян Гречин писал князю В. В. Голицыну о событиях 1686–1688 гг. на Дону, что «сие есть о вере дело великое», и, «чтоб не учинили мятежу в государстве», следовало бы покончить с «мятежниками» на Дону. После этого встревоженное правительство арестовало 5 марта К. Чурносова и других станичников, обвинявшихся в расколе. Это позволило добиться выдачи С. Лаврентьева, как постановил 7 апреля Войсковой Круг, и привести Войско Донское к присяге. На допросах под пытками К. Чурносов держался стойко, не дал следствию новых сведений и отрицал все обвинения. 10 мая в Москве были казнены предводители донского старообрядчества К. Чурносов, С. Лаврентьев, П. Чекунов и Л. Белогородец, а также поп Самойло. Остальных казаков-старообрядцев разослали по сибирским городам.

Расправа с предводителями нанесла сильнейший удар старообрядческому движению. Часть казаков стала отходить от него, но в ряде верховых городков продолжалась борьба, принявшая исключительно ожесточенный характер. Каратели из отряда старшины Осипа Михайлова, не желавшие присягать царям, казаков били «до смерти дрючьями». Спасаясь от преследований, часть казаков-старообрядцев уходила на Медведицу, а часть за пределы Войска Донского на Куму. На Медведице О. Михайлов осадил Заполянский городок. Старообрядцы также действовали активно. Они осаждали городок Сиротин на Дону, затем взяли городок Евтерев на Медведице и уничтожили все население, а затем в близлежащем Островском городке перебили 90 жителей. Но сила была на стороне казаков, верных правительству. В апреле 1689 г. с помощью царских ратных людей казаки О. Михайлова взяли Заполянский городок, а его защитников «вырубили и выжгли и разорили без остатку».

Движение донских старообрядцев завершилось. Некоторые из них бежали и нашли пристанище на Кубани, во владениях крымского хана, а также в Кабарде и Дагестане. Это было крупнейшее в России движение старообрядцев за свою самостоятельность от мос-

ковских властей и имело в большей степени политический, чем религиозный характер. Поражение донскихъ старообрядцев создало благоприятные условия для дальнейшего подчинения Дона русскому правительству.

§ 11. Культура донского казачества XVI–XVII вв.

Характер и особенности своеобразной культуры донского казачества XVI–XVII вв. определялись образом жизни казака того времени как воина и промысловика. Вместе с тем эта культура сложилась и развивалась в тесной связи и под воздействием культуры других исторических сообществ.

К таким сообществам относилось ираноязычное в древности и тюркоязычное в средневековье население Дона и Приазовья, которое вело, как и позднейшее казачество, воинский и промысловый образ жизни. В этой связи культура донского казачества представляла продолжение традиционной культуры, сформировавшейся в регионе.

Следует иметь в виду, что традиционная культура воинских сообществ сформировалась прежде всего как культура общественных и межличностных отношений в воинской среде. Такой характер отношений сложился в культуре как сообществ, занимавших Донскую землю в древности и в средние века, так и донского казачества.

Образ жизни имеет определяющее значение в формировании системы ценностей индивида и общества, общественной и индивидуальной психологии и ментальности. От сообществ, занимавших ранее территорию Дона, казакам перешло признание таких ценностей, как боевая доблесть, воинская удаль и удачливость в получении добычи, как такое общественное устройство, при котором верхушку общества составляло воинство.

Что касается демократических ценностей, которые были несомненны для донских казаков, то утверждение их на Дону произошло более сложным путем. С одной стороны, они существовали среди азовских казаков, по преимуществу татар, о многостороннем влиянии которых на донских казаков указывал Р. Г. Скрынников. К этому влиянию относились, в частности, демократические традиции выборности предводителей. С другой, это были демократические ценности и традиции русского средневековья, которые получили свое наиболее полное и законченное выражение в вечевом строе Новгорода и Пскова. О влиянии на донское казачество новгородских традиций обращалось внимание в историографии, причем это касалось прежде всего культуры вечевого строя. Особо

подчеркивалась близость между вечевым строем в городах русского Северо-Запада и Войсковым Кругом на Дону.

Для такого типично воинского сообщества, как донское казачество, война являлась главным делом и смыслом существования, а воинская культура выступала как определяющая сторона его культуры. Войсковая организация казачества, высокая боевая мобильность Войска Донского и способность вести военные действия в самых разных условиях была результатом восприятия воинской культуры степных сообществ, проживавших на Дону в более ранние эпохи. В самом деле, приемы конного боя, способность совершать длительные переходы и действовать как конной массой, так и незначительными силами, а также высокий уровень боевой выучки означали для казаков как продолжение глубокой воинской традиции, исторически сложившейся в крае. Более независимой от традиции выступала столь яркая сторона боевой истории Войска Донского, как умение вести войну на море, что было глубоко изучено за последние годы В. Н. Королевым. Это явилось не только историческим достижением казачества, но и вкладом его в многовековую культуру большого степного региона.

В несравненно большей степени с русской культурой эпохи позднего средневековья связана духовная культура донского казачества. Многообразные связи с русским фольклором имеет донской фольклор. Письменная культура Войска Донского связана с культурой, сложившейся в России. Так, деловое письмо донских казаков, формой выражения которого явились войсковые отписки в Москву, тесно связаны с традицией русского приказного письма с некоторыми элементами, характерными для казачьей речевой традиции. Письменная литература донского казачества, представленная повестями азовского цикла, имеет черты сходства с русской средневековой воинской литературой. В историческом сознании донского казачества отложились некоторые важнейшие факты и события русской истории, а также образы исторических личностей, вошедших в русскую историческую память. В свою очередь, выдающиеся исторические личности из казачьей среды, к которым из донских казаков относился прежде всего С. Разин, прочно вошли в русскую историческую память.

Основанная на культуре русского средневековья и начала нового времени, культура донского казачества объединила и синтезировала достижения сообществ, проживавших на Дону в древности и в средние века. Вместе с тем исключительная способность казачества к активным действиям, имевшим большое историческое значение, несопоставимое с его малочисленностью, привело к формированию казачьим сообществом собственной оригинальной культуры.

К материальной культуре донского казачества относится культура материального производства и казачьего быта.

В материальном производстве, развивавшемся на Дону, четко различались отрасли, которыми занимались казаки и люди, приходившие в казачьи городки для заработка главным образом из России, преимущественно из южных городов и уездов. Заметно, что пришлые люди были сосредоточены на занятиях теми отраслями ремесла, которые имели для казаков потребительское значение. Это были известные по источникам сапожники и портные, а также греческие мастера, строители, специалисты по ремонту каменных крепостей. Что касается казаков, то они занимались теми отраслями ремесла, которые имели непосредственное отношение к военным действиям. Прежде всего, это было судостроение. В XVII в. очевидно, что лучшими судостроителями в России были донские казаки. Не случайно изготовлявшиеся донскими казаками струги имели очень высокие мореходные и боевые качества, о чем свидетельствовали морские походы казаков, а донских специалистов по судостроению приглашали в русские города.

Культура быта проявляется прежде всего в умении общества организовать основы жизнедеятельности в форме поселения и жилища. Донские казаки в полной мере проявляли это искусство. Их поселения-городки и жилища-курени были очень хорошо приспособлены к природным условиям Дона, но с учетом столь существенного фактора, как постоянная военная опасность. Поэтому казаки выбирали места для своих городков, которые назывались «крепкими», или труднодоступными для противника. В то же время они выбирали такие места, которые позволяли жителям городков заниматься скотоводством, прежде всего коневодством, а в конце XVII в. в верховых городках, прежде всего на Хопре, земледелием.

Об уровне культуры быта свидетельствовало также умение приспособиться к неординарным ситуациям. В казачьих городках к таким ситуациям были готовы в полной мере. Они были способны быстро восстановить жилища, которые были «неказисты», и в целом городки, если они уничтожались противником. Положение стало меняться в конце XVII в., когда верхушка донского казачества стала иметь, во всяком случае в Черкасском, каменные дома наподобие дома, в котором погиб в 1708 г. атаман Кондратий Булавин.

В целом материальная и бытовая культура донского казачества обеспечивала приспособление его к специфическим условиям, определявшимся военной повседневностью и особенностями природы Дона.

Ярким выражением духовной культуры является фольклор. Донской казачий фольклор XVI–XVII вв. отразил историческую память казачества и особенности его исторического сознания. В основе фольклорных сюжетов лежали крупные события донской и российской истории. Среди них были такие, как взятие Казани при Иване Грозном и участие в нем донских казаков, поход Ерма-

ка, некоторые события Смутного времени начала XVII в., борьба Войска Донского за Азов, участие казаков в Разинском восстании и др. Сюжеты донского фольклора содержат свидетельства весьма глубоких исторических познаний казачества. В то же время об особенностях общественно-исторического сознания донского сообщества наглядно выражает оценочная сторона исторического фольклора. В качестве основополагающей исторической ценности донского казачества выступала традиционная казачья вольность, которая получила в исторических песнях поэтическое выражение. Не случайно историческое воображение и поэтический талант казачества создал героические образы атаманов Ермака и Степана Разина и представил их живыми носителями казачьего идеала вольности. Другой исторической ценностью донского казачества, нашедшей отражение в фольклоре, была защита родного Дона и независимость от турок, пытавшихся утвердиться на его территории и «сбить» казаков с низовьев реки. Это отразилось в сюжетах фольклора, посвященных азовскому взятию и обороне Азова, в которых содержанием фольклорного повествования является боевая доблесть казаков и успехи в борьбе за Азов, достигнутые Войском Донским. Нередко выражение этой ценности имела ярко выраженный религиозный оттенок. В произведениях донского фольклора нередко подчеркивалось, что противником донских казаков являются «басурманы», и это соответствовало такому довольно распространенному формуляру письменных источников, исходивших от Войска Донского, как «турские и крымские басурманы». С борьбой против своих традиционных турецких и крымских противников казаки связывали такое яркое выражение своей боевой удали и доблести, являвшейся ценностью всякого воинского сообщества, как получение военной добычи. Поэтому не случайно, что тема добычи и ее дележа среди казаков в произведениях донского фольклора весьма распространена.

Об уровне исторического мышления казачества свидетельствует умение обосновать ими историческую концепцию. Такая концепция, обосновывавшая право донских казаков на взятие Азова, была дана казаками в «Исторической» повести об азовском взятии. Это право казаки связывали с тем, что будто бы ранее Азовом владели греки, которые являются православными христианами. Затем Азов оказался в руках мусульман. Поэтому взятие Азова являлось восстановлением права православного христианского мира на владение городом. Для этой концепции характерны типичные признаки средневековой историографии. В ней есть след исторической реальности, связанные с тем, что в древности греки действительно проживали в низовьях Дона. Но, как и в других средневековых исторических концепциях, в ней имеются натяжки и исторические неточности. Так, в древности, когда греки были в

низовьях Дона, они были не православными христианами, а язычниками. И, кроме того, Азова в то время не существовало. Следовательно, обоснование казаками своего исторического права на Азов представляло собой типичную натяжку, основанную на некорректных исторических посылках. Но такими качествами отличались и другие средневековые исторические концепции, и, в частности, происхождение рода великих князей владимирских от римского кесаря Августа, или теория «Москва – Третий Рим».

Особенностью письменной культуры донского казачества была значительная близость по содержанию и языку донского делового письма и литературных произведений донских казаков. Свое наглядное проявление она нашла в казачьих повестях, посвященных азовским событиям. Исследователи не раз отмечали близость к языку такого документального источника, как донские войсковые отписки в Москву, «Исторической» повести, посвященной взятию Азова. Исследователь этой повести А. Н. Робинсон указывал в этой связи на существование донского канцелярского языка, выраженного в этой повести. Его характерная черта в том, что язык, принятый в повседневном обиходе казачьей среды, сочетался с языковыми традициями делового письма, сложившегося в московских приказах и выраженного в документах делопроизводства. Менее выражены следы канцелярского письма в «Поэтической» повести, посвященной Азовскому осадному сидению. Написанная войсковым дьяком Федором Порошиным в конце 1641 г. в Москве, повесть была рассчитана на русское общество, в котором писатель-казак стремился распространить идею необходимости присоединения Азова к России. Она была рассчитана на эмоциональное восприятие русского читателя. Литературное мастерство автора заключалось в том, что подробное и по существу документальное повествование о событиях под Азовом он сумел совместить с яркой и запоминающейся подачей этих событий, дающей представление о подвиге Войска Донского. Еще ближе к жанру литературного произведения, сочетающего в себе повествование об исторической реальности с участием в нем вымышленного героя, имелось в «Сказочной» повести об азовском взятии и осадном сидении. На фоне реальных событий борьбы за Азов первый вымышленный герой донской литературы есаул Иван Зыбин совершал боевые подвиги и героически погиб. Также это первое на Дону произведение, содержащее тему гибели героя, которого оплакивала жена. В этом проявилось влияние на переживавшую в конце XVII в. период своего становления донскую литературу переводной литературы, содержавшей тему рыцарской любви, столь характерную для литературы западноевропейского средневековья, а отчасти для русской средневековой литературы. Вместе с тем на трактовке в казачьей повести этой темы сказалось влияние донской специфики, когда вдовой есаула,

горько оплакивавшей погибшего мужа, была турчанка. В этом сказалось отражение весьма типичной для семейной жизни донского казачества ситуации. Впрочем, «Сказочная» повесть была написана значительно позже азовских событий, в 80-х годах XVII в., когда события частично утратили актуальность, но появились условия для их художественного осмысления.

Казачество отличалось не только историческими знаниями и своеобразием исторического мышления, но и широтой географического кругозора. Казакам был досконально известен не Дон и окружающие территории вплоть до Черного моря и предгорьев Кавказа, а также Россия. По крайней мере, походы на богомолье в Соловецкий монастырь и отдельные случаи ссылки на Белоозеро и в Холмогоры давали возможность узнать страну в целом, вплоть до Белого моря. Военные действия, а также случаи плена позволяли казакам увидеть, Кавказ, Черное, Средиземное и Каспийское море, побережье Османской империи вместе с крупнейшим городом Ближнего Востока – Константинополем, а также каспийское побережье Персии. В этих странах они бывали в ходе боевых действий. Еще более расширялся географический кругозор донского казачества в результате того, что отдельные казаки попадали в плен, а затем благодаря своим личным качествам умели уйти из плена. В результате на Дону имели сведения о Средиземном море, о внутренних территориях Османской империи и Персии. Благодаря самым тесным связям с запорожцами на Дону знали Речь Посполитую, а также страны Западной Европы.

В целом по своему общему уровню культура донского казачества XVI–XVII вв. соответствовала своему времени, а казачье сообщество имело более широкий кругозор, чем значительная часть русского населения.

Литература

Агафонов А. И. История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). – Ростов н/Д, 2001.

Алекберли М. А. Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI – первой половине XVII в. – Саратов, 1961.

Астапенко М. П. Подвиг дивный... – Ростов н/Д, 1991.

Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах россии в XVII, XVIII и первой четверти XIX в. – Элиста, 1960.

Буданов И. П. Дон и Москва. – Париж, 1954–1957. – Кн. 1–5.

Бурдей Г. Д. Русско-турецкая война 1569 года. – Саратов, 1962.

Быкадоров И. Ф. Донское Войско в борьбе за выход в море (1546–1646 гг.). – Париж, 1937.

Быкадоров И. Ф. История казачества. – Прага, 1930. – Т. 1.

Голобуцкий В. А. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. – Киев, 1962.

Долинин Н. П. Подмосковные полки (казацкие таборы) в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. – Харьков, 1958.

Загоровский В. П. Белгородская черта. – Воронеж, 1986.

Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. – М., 1974.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988.

История УССР. – Киев, 1983. – Т. 3.

Карамзин Н. М. История Государства Российского: в 4 кн. – М., 1988–1989. – Кн. 1–4.

Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. – М., 1975.

Королев В. Н. Босфорская война. – Ростов н/Д, 2002.

[Краснов П. Н.] Картины былого Тихого Дона: в 2 т. – М., 1992.

Куц О. Ю. Азовская оборона 1641 г.: источники и ход событий // Очерки феодальной России. – М., СПб., 2006. – Вып. 10. С. 111–177.

Лунин Б. В. Азовская эпопея 1637–1641 годов. – Ростов н/Д, 1988.

Лунин Б. В. Очерки истории Подонья-Приазовья: в 2 кн. – Ростов н/Д, 1951.

Мавродин В. В. Русское мореходство на южных морях с древнейших времен до XVI в. включительно. – Симферополь, 1955.

Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). – Ростов н/Д, 1998.

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. – М., Л., 1948.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. – М., 1934.

Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII в. – М., 1955.

Очерки истории СССР. XVII в. – М., 1955.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском госдуарстве XVI–XVII веков. – М., 1937.

Попов А. История о Донском войске: в 2 кн. – Харьков, 1814–1816.

Попов М. Я. Азовское сидение. – М., 1961.

Пудавов В. М. История Войска Донского и таробытность начал казачества. – Новочеркасск, 1890.

Ригельман А. И. История о донских казаках. – Ростов н/Д, 1992.

Рябов С. И. Донская земля в XVII веке. – Волгоград, 1992.

Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. – Ростов н/Д, 1983.

Сахаров А. Н. Степан Разин (хроника XVII века). – М., 1973.

Сахаров П. П. К вопросу о происхождении донского казачества и о первых подвигах донцов в защиту родины и веры на службе у первого русского царя Ивана Васильевича Грозного // Донсакие областные ведомости. – 1910, 1911.

Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». – М., 1988.

Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв.: в 2 т. – М., 1946.

Соловьев В. М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. – М., 1994.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 18 кн. Кн. 3. – М., 1989; кн. 4. – М., 1989; кн. 5. – М., 1990; кн. 6. – М., 1991.

Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. – М., 1990.

Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670–1671 гг. Восстание Степана Разина. – М., 1966. – Т. 1.

Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского. – Ростов н/Д, 2001.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. – М., 1962.

Тхоржевский С. И. Донское войско в первой половине XVII в. // Русское прошлое. – Птгр., 1923. – № 3.

Тхоржевский С. И. Стенька Разин. Исторический очерк. – Птгр., 1923.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. – М., 1978.

Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его время. – М., 1988.

Щелкунов С. Донские атаманы первой половины XVII в. // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. – Новочеркасск, 1915. – Вып. 13. – С. 114–159.

Янчевский Н. Л. Колониальная политика торгового капитала Московского государства в XVI–XVII веках. – Ростов н/Д, 1930.

Часть II
ЗЕМЛЯ ВОЙСКА ДОНСКОГО В XVIII–XIX вв.

§ 1. Территория, границы, территориально-административное устройство

В результате Азовских походов усилилось присутствие Московского правительства в восточном Приазовье и Земле войска Донского. Под руководством воеводы боярина А. С. Шеина началась реконструкция Азова, а также укрепление старых и строительство новых крепостей – форт Петровский, Троицкая (в Таганроге), Никонов, Сергиев (Сергиевская), Лютик, Каменный Затон и др. В них размещались гарнизоны русской регулярной армии, командование передавалось комендантам и обер-комендантам. 18 декабря 1708 г. Азов стал центром Азовской губернии. Земля донских казаков, наряду с Воронежским краем, вошла в ее состав. В июне 1710 г. царь Петр I назначил первым губернатором (генерал-губернатором) Азовской губернии генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина. Фактически, в начале XVIII в. территория, которую занимали донские казаки, была включена в состав Российского государства. Крепости и гарнизоны закрывали выход донским казакам в Азовское и Черное моря, а строившаяся линия укреплений превращалась в южную границу России.

В отличие от центральных губерний страны, где сформировались административно-территориальные границы губерний и уездов, Земля войска Донского таковых не имела. Земли, завоеванные казаками и находившиеся в их пользовании, считались собственностью станиц и Войска. Многочисленные споры за землю донских казаков с запорожскими казаками, крымскими татарами, кочевниками степного Предкавказья, Московским государством и Османской империей решались военным путем или в процессе переговоров. Перед правительством стояла сложнейшая задача – определить границы и правовой статус казачьих земель.

После заключения Константинопольского мирного договора (1700 г.) началось установление государственной границы между Россией и Османской империей, которое продолжалось с успехами

и неудачами до конца XVIII в. В результате русско-турецких войн второй половины XVIII в. и по условиям Кючук-Кайнарджийского (1774 г.) и Ясского (1791 г.) мирных договоров Приазовье и Северное Причерноморье от Днестра до Таманского полуострова вошли в состав Российской империи. Эти земли получили название Новороссия (Новороссийский край). Здесь в различные годы в результате многочисленных административно-территориальных преобразований создавались новые губернии – Бессарабская, Таврическая, Николаевская, Херсонская, Екатеринославская, Ставропольская, Земля Войска Донского, Земля войска Черноморского. Установление границ Земли Войска Донского являлось составной частью политики самодержавия по присоединению, заселению и хозяйственному освоению новых земель. Но планы российского правительства встречали сопротивление со стороны Османской империи и ее вассалов, наталкивались на социальные протесты казачества и крестьянства, а также экономические трудности.

Укрепление позиций самодержавия в Подонье-Приазовье, а также неопределенность границ и правового статуса войсковых и станичных земель открывали широкие возможности правительству вмешиваться в землевладение и землепользование донского казачества. К началу XVIII в. на Дону и его притоках существовало 125 казачьих городков, на территории которых казаки осуществляли военные, административно-хозяйственные и судебные функции. С развитием скотоводства и земледелия, формированием хуторского хозяйства казачьи поселения постепенно превращались из укреплений военно-административного типа в сельскохозяйственные – станицы. Земли, принадлежавшие станицам, закреплялись обычным правом и войсковыми грамотами. Между Войском и станицами не существовало никаких промежуточных звеньев, а Земля Войска Донского не подразделялась на уезды и волости. Исторически, в процессе колонизации и освоения края, сформировалось этногеографическое разделение казачьих поселений и казаков на верховых и низовых, что оказывало влияние на формирование административно-территориальных образований и их названия.

Массовая крестьянская колонизация Подонья-Приазовья порождала острейшие конфликты, между Войском Донским и правительством, а также внутри Войска Донского. В станицах и хуторах старшины и казаки прятали беглых и новопришлых людей, которые занимались скотоводством, земледелием и промыслами. В 1703 г. царь Петр I направил в Войско Донское стольников М. Ф. Пушкина и М. Н. Кологривова с целью определить количество казачьих городков, провести перепись казаков и определить численность зашедших после 1695 г. на Дон русских людей и малороссиян. Спустя год последовало запрещение казакам основывать хутора без разрешения Войскового Круга или правительства, от-

ныне казакам, чтобы создавать хутора, следовало являться в Войско. Вскоре вспыхнул спор между Изюмским слободским полком и казаками за земли на р. Бахмут. Это послужило одной из причин Булавинского восстания 1707–1708 гг. После его подавления Войско Донское лишилось более одного миллиона десятин земли по левым притокам Северского Донца, среднему течению Дона, Хопру, Бузулуку, Медведице и Иловле. Земли отошли Бахмутской провинции и вновь образованному Богучарскому уезду Воронежской губернии.

Ожесточенные споры разгорелись между Запорожским и Донским казачьим войсками за земли в северном и северо-западном Приазовье. Ватаги запорожских и донских казаков занимались здесь промысловым рыболовством, поэтому каждое Войско считало приазовские степи своими. Неоднократные попытки правительства решить конфликт мирным путем и провести размежевание завершались неудачами. Противостояние между запорожскими и донскими казаками было настолько сильным, что часто выливалось в вооруженные столкновения. Правительство прибегло к помощи регулярной армии. 31 августа 1744 г. императрица Елизавета Петровна обязала Военную коллегию разобраться в конфликте. Она в свою очередь возложила размежевание земель на коменданта Аннинской крепости бригадира П. П. Вырубова, затем на генерал-лейтенанта Карла фон Штофеля и подполковника Санкт-Петербургского пехотного полка Якова Биаса. Размежевание, проведенное в 1746 г., установило границу между Донским и Запорожским войсками по р. Кальмиус, прежним (1714 г.) рубежам между Россией и Оттоманской Портой. Окончательно спорные территории вошли в состав Земли Войска Донского после ликвидации в 1775 г. Запорожской Сечи.

Но не всегда земельные споры решались в пользу донского казачества. В течение XVIII в. при строительстве многочисленных крепостей, форштадтов, таможен, верфей и форпостов на Нижнем Дону и в Приазовье правительство изымало земли у Войска Донского и передавало их гарнизонам, работникам и жителям укреплений. Значительные земли на Верхнем Дону отошли от Войска Донского гарнизону Царицынской укрепленной линии, созданной в 1730 г., и Волжскому казачьему войску с установлением границы по р. Иловле и задонским степям.

Государству требовалось официально оформить и закрепить за собой донские земли, что давало правовые основания распоряжаться ими в своих интересах. Важным шагом на этом пути становится Генеральное межевание Российской империи. Однако установление границ Земли Войска Донского сдерживалось военно-политическими противоречиями между Россией и Турцией. Северное Причерноморье, Приазовье и степное Предкавказье в течение почти всего XVIII в. оставались «краем войны». На этой территории велись боевые действия, ногайские и калмыцкие орды постоянно напада-

ли на донские казачьи городки. Начавшееся в 1766 г. Генеральное межевание и установление границ Земли Войска Донского под руководством обер-квартирмейстера генерал-майора А. И. Медера и дивизионного квартирмейстера поручика Н. Ефимьева растянулось на два десятилетия.

10 октября 1786 г. Г. А. Потемкин представил на утверждение Екатерине II составленную карту Земли Войска Донского с описанием ее границ. На ней императрица в левом верхнем углу написала: «Быть посему». Карта имела обширное сопровождение, в котором содержались предшествовавшие и действовавшие нормативно-правовые акты, описывались условия, приемы и принципы межеваний, указывались казачьи городки, почтовые тракты и станции, расстояния между ними. В 1793 г. с высочайшей жалованной грамотой карта, «вмещающая все те земли, на которые донские казаки от древних времен простирали свои права», поступила в Войсковое Гражданское правительство. Отныне верховным собственником земли объявлялось государство, оно могло распоряжаться ею по своему усмотрению, Войско Донское получало земли в «вечное владение». В ходе последующих межеваний 1794–1795 гг. под начальством генерал-майора С. И. Бердяева уточнялись спорные территории и границы Донского края, которые окончательно были утверждены в 1800 г.

В 1803–1817 гг. император Александр I пожаловал войску Донскому земли по рекам Ее, Эльбузде, Кагальнику, Чубуру и Чубурке до границ Азовского моря, в 1812 г. – леса Глухие и Дерезоватые с дачей «Леонтьевский буерак», в 1817 г. – земли между реками Ей и Эльбуздой. Указом от 19 ноября 1817 г. император Александр I закрепил «навечно» за Войском занимаемые земли, а также подтвердил «неприкосновенность всей окружности его владений». При восшествии на престол российские императоры удостоверяли Высочайшими грамотами незыблемые права казачества на земли Войска Донского.

В 1870 г. в связи с празднованием 300-летия Войска Донского название Земли Войска Донского было изменено на Область Войска Донского.

В 1887 г. в состав Области Войска Донского вошли Ростовский уезд с городами Ростов, Нахичевань, посад Азов и другими населенными пунктами, а также Таганрогское градоначальство с г. Таганрог, но без Мариупольского уезда. Территория Донской области составляла 144640 кв. верст и делилась на 9 округов: Черкасский, Донецкий, Первый Донской, Второй Донской, Ростовский, Сальский, Таганрогский, Усть-Медведицкий и Хоперский. В таком виде с небольшими изменениями и дополнениями территория и границы Области Войска Донского просуществовали до Октябрьской революции и Гражданской войны.

Не менее сложно протекал процесс установления и оформления внутренних границ округов Земли Войска Донского. Ограничение в начале XVIII в. созыва и деятельности войсковых кругов, запрещение выборов и назначение от правительства войсковых атаманов оказало огромное влияние на политическое развитие края. Существовавшая ранее «канцелярия войсковых дел», которой руководили войсковые атаманы, превратилась в 30–40-е годы XVIII в. в постоянно действующий орган управления – «Войсковую канцелярию». Войсковой атаман и Войсковая канцелярия не могли самостоятельно и быстро справиться со всеми политическими, экономическими, военными и социальными проблемами на огромной территории Войска Донского. Станичные атаманы и круги решали вопросы в пределах «станичного присуда» – станичных земель. Дела, выходившие за пределы их компетенции, отсылались в Войско. Назрела объективная необходимость административно-территориального разделения края, создания промежуточных учреждений между Войском и станицами, определение их компетенции.

Правительство понимало, что отдельными, даже очень крупными экспедициями в Землю Войска Донского не решить проблему сыска и возвращения беглых. События начала XVIII в. (Булавинский бунт и движение некрасовцев) показали бесперспективность подобного пути, оно возложило эту деятельность на войскового атамана и Войсковую администрацию. Вначале сложился институт «нарочных старшин», как орган по сыску беглых в Земле Войска Донского. Но он не имел четко определенных полномочий и административно-географических границ деятельности. К середине XVIII в. «нарочные старшины» и приданные им команды, помимо сыска беглых, занимались спорными вопросами землеустройства между станицами, рассматривали военные, гражданские и уголовные дела, проводили в жизнь решения войскового атамана и Войсковой канцелярии. Свои полномочия они распространяли не только на казачьи городки, но и на вновь создававшиеся станицы, хутора, слободы и слободки войсковых старшин и богатых казаков, крестьянские поселения. В 1743 г. Земля Войска Донского была разделена на шесть районов, охватывавшие исторически сложившиеся места казачьих поселений по Медведице, Хопру, Бузулуку, Северскому Донцу, Иловле, Среднему и Нижнему течению Дона. В Усть-Медведицкой, Урюпинской, Каменской, Черкасском городке и других станицах размещались «нарочные старшины» с командами.

После разгрома крестьянского движения под предводительством Е. И. Пугачева (1773–1775 гг.) правительство учредило сыскные начальства, границы которых не совпадали с границами ранее созданных округов. Нарочные старшины и их команды превратились в администрацию сыскных начальств. Функции последних постоянно расширялись, они ведали военными, административными, судебными, финансовыми делами, следили за сбором подуш-

ной подати, раскладкой и исполнением земских повинностей, объявляли и проводили в жизнь решения Войскового Гражданского правительства. Полномочия сыскных начальств закреплялись войсковым (обычным) правом и подтверждались имперским законодательством, они стали постоянно действующими административно-территориальными учреждениями. Число сыскных начальств менялось в зависимости от решаемых политических, военных и социальных задач – от 4 в 1783 г. до 11 к 1797 г. Это приводило к дублированию и параллелизму их деятельности, нарушению связей с Войсковым Гражданским правительством и войсковым атаманом. Назрела объективная необходимость четко установить количество административно-территориальных образований и их границы.

В 1802 г. император Александр I издал указ об устройстве казачьих войск Донского, Уральского и Черноморского. В Земле Войска Донского учреждались Черкасский, Первый Донской, Второй Донской, Усть-Медведицкий, Хоперский, Донецкий, Миусский округа и Калмыцкое кочевье. Калмыцкое кочевье было образовано из причисленных в 1798 г. к Войску Донскому Дербетовых калмыков. Сыскные начальства преобразовывались в органы окружного управления и одновременно наделялись правами первой инстанции уездного и земского суда. Предполагалось, что вскоре будут определены территории и границы округов. Однако международное и внутриполитическое положение страны не позволили приступить к решению этой задачи. Они были установлены в 1819–1822 гг. во время межевания Земли Войска Донского под руководством генерал-майора И. Ф. Богдановича.

Сложившаяся и законодательно оформленная к началу XIX в. Земля Войска Донского являлась одним из обширнейших административно-территориальных образований на юго-восточных окраинах Российской империи. По данным «Краткого Топографического описания», составленного в 1806 г. и представленного министру финансов кн. П. В. Лопухину, «Земля войска Донского граничила к северу частью с Екатеринославскою губерниею, Слободско-Украинскою, Воронежскою и Саратовскою, к югу – с Таврическою и Кавказскою, к востоку – частью с Саратовскою и Астраханскою, и к западу – с Екатеринославскою губерниями; длину имеет от Кавказской губернии до таковой же Саратовской 510 верст, а поперечнику от Екатеринославской до Астраханской губернии 415 верст».

§ 2. Состав и численность казачества. Города и станицы

Военно-политические успехи России в Северном Причерноморье и степном Предкавказье способствовали заселению и хозяйственному освоению окраин страны, в том числе Земли Войска

Донского. В XVIII в. колонизация Донского края осуществлялась крестьянами, стрельцами, солдатами, служилыми, мастеровыми и работными людьми, торговцами и казаками, лицами духовного звания, преимущественно из близлежащих районов Слободской Украины, Воронежской, Тамбовской, Белгородской и Саратовской губерний. Здесь они могли получить свободу и записаться в казачество. В 1704–1706 гг. на Дону и его притоках проживало в 125 казачьих городках 26690 человек. В ходе и после разгрома Булавинского восстания правительственные войска уничтожили около одной трети поселений, только к 1768 г., по данным А. И. Ригельмана, число казачьих станиц достигло 111 (вместе с 11 станицами г. Черкасска). К началу XIX в. их количество не изменилось, к ним прибавилось 40 слобод, населенных российскими и малороссийскими крестьянами.

Число дворянских, казачьих и крестьянских хуторов, зимовников, загонов, базов, рыбоспетных станов, ловель, пчельников и других небольших хозяйственных заведений, где постоянно проживало население, а также укрывались «новопришлые люди», точно не известно. В 1764 г. насчитывалось около 200 хуторов в нижнедонских станицах. В первой половине XIX в. число помещичьих хозяйств увеличилось на Задонской стороне в 10 раз, в Донецком округе – 4,5 раза, Миусском – 2,5 раза. Отрывочные сведения о числе хуторов дают представление об общем направлении развития хуторско-промыслового хозяйства на Дону, но не раскрывают всей картины.

В 1804 г. общая численность населения, по данным годового отчета войскового атамана М. И. Платова, составляла 342630 человек, из них 216533 человека являлись казаками. Несмотря на увеличение населения Земли Войска Донского более чем в 10 раз, она оставалась слабозаселенной и малоосвоенной. В 1822 г. в результате межевания под руководством генерал-майора И. Ф. Богдановича была определена территория края – 14 203 204 десятин. В 1858 г. Донская земля, по данным академика К. И. Арсеньева, из 50 губерний Российской империи занимала 43-е место по степени заселенности и 44-е место по численности населения. В 1846 г. на одну квадратную милю Донской земли приходилось 240 человек.

В представлениях крестьян Земля Войска Донского и в первой половине XIX в. оставалась заветным местом, где можно было укрыться от крепостнической кабалы и перейти в казачье сословие. Массовые переселения на Дон казаков и крестьян продолжались из Украины, а также побеги крепостных из соседних губерний России – Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и др. Крестьяне самовольно поселялись на войсковых и станичных землях, занимали их под хутора и поселки, хлебопашество и сенокосы. Многие хутора обустраивались, превращались в слободы, слободки и поселки. В 1859 г., как отмечал Н. И. Краснов, в крае

насчитывалось 2392 населенных мест, в том числе г. Новочеркасск, 110 казачьих станиц и 1662 хуторов, 13 калмыцких улусов, 128 крестьянских слобод и 521 поселков. Число слобод увеличилось по сравнению с началом столетия более чем в 3 раза. Захваты войсковых и станичных земель приводили к многочисленным ожесточенным столкновениям казаков с переселенцами. Однако попытки казаков и Войсковой канцелярии помешать переселению часто оказывались безуспешными, так как в рабочей силе были заинтересованы прежде всего старшины, многие представители войсковой администрации и зажиточные казаки.

В течение первой половины XIX в. правительство принимала многочисленные указы о сыске беглых, запрещении лицам неказачьего сословия селиться и приобретать землю, крепостных и недвижимость в собственность в Земле Войска Донского. Эта политика была закреплена десятью указами 1801–1816 гг., «Положением об управлении войском Донским» 1835 г., решениями Военного Совета Военного министерства 1840, 1847 и 1858 гг.

Заселение и хозяйственное освоение Земли Войска Донского осуществлялось и за счет внутренней миграции – переселения казаков из северных округов в Задонскую степь и по трактам на Кавказскую линию, создания многочисленных хуторов, новых станиц – Махинской, Кагальницкой, Егорлыкской и других. Важную роль в этом процессе играли обращения в казачье сословие малороссиян, записанных за станицами, отпущенных на волю крепостных крестьян, военнопленных и переселенных с Кавказа горцев, татар и калмыков. В результате естественного прироста, миграционной политики правительства и народной колонизации к 1858 г. (10-я ревизия) численность казачества увеличилась в 2,6 раза и крестьянства в 3 раза, что составляло, соответственно, обоего пола 580 036 человек и 315 462 человек. Рост численности казачества происходил преимущественно в старообжитых станицах, в то время как крестьянство расселялось в создававшихся старшинами, помещиками и богатыми казаками хуторах, слободах и поселках.

После отмены крепостного права заселение Донской земли происходило еще более быстрыми темпами. 29 января 1868 г. императорским указом снимались все ограничения на куплю-продажу земли и недвижимости в казачьих областях Российской империи. 29 апреля император Александр II подписал указ «О дозволении русским подданным невойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих». Вскоре последовало разрешение правительства иностранным колонистам создавать в Восточном Приазовье хозяйства и покупать землю. С 1858 г. до 1897 г. численность населения Области Войска Донского выросла с учетом вновь присоединенных территорий, городов Ростова-на-Дону, Нахичевани-на-Дону, Таганрога, посада Азов и других населенных мест в 2,6 раза, и со-

ставляла 2242755 человек обоего пола, из них лиц войскового сословия 512515 мужского пола и 509571 женского пола. Численность населения в Области Войска Донского во второй половине XIX – начале XX в. (1858–1914 гг.), по данным Е. В. Фурса, увеличилась в 4 раза, в то время как в Европейской России – в 2 раза. Широкая колонизация Донского края размывала патриархальные устои казачьего сообщества, усиливала борьбу за землю между казачеством и новопришлыми людьми – иногородними, коренными крестьянами и переселенцами, казачеством и коренными крестьянами, обостряла социальные противоречия.

«Демографический взрыв» изменил коренным образом этническую, конфессиональную и социальную картину Области Войска Донского. К концу XIX в. в крае проживали представители более 40 наций и народов Российской империи, различные по численности, национальному и конфессиональному составу группы иностранных колонистов. По итогам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на территории Области Войска Донского великорусское население составляло 68 %, малороссийское – 28,1 %, армяне и евреи – 1,6 %, калмыки и татары – 2,3 %, другие национальности и иностранные колонисты – 1,6 %. Область Войска Донского превратилась в одну из самых многонациональных и поликонфессиональных территорий Российского государства.

Необходимо подчеркнуть, что многочисленные национальные и конфессиональные группы населения мирно сосуществовали в Области Войска Донского, способствовали экономическому подъему края, развитию городов, превращению их в крупные центры промышленности и культуры. Новочеркасск, оставаясь политическим и административным центром Области Войска Донского, все более уступал свои позиции городам Ростов-на-Дону, Таганрог, Нахичевань, Александровск-Грушевский. Буржуазия, мещанство и пролетариат донских городов играли важную роль в жизни края.

§ 3. Сельское хозяйство, промышленность и торговля в XVIII – первой половине XIX в.

Благоприятные природные условия – почти везде ровная степь с преобладанием черноземов, река Дон, протекавшая на протяжении 780 верст, ее крупные и мелкие притоки, а также более 150 речек, проточек, ериков, многочисленные озера и лиманы открывали населению края широкие возможности для занятий скотоводством, земледелием, ремеслами и торговлей. По качеству почвы донские степи относились к плодороднейшим губерниям Российской империи. Как подчеркивалось в «Кратком Топографическом описании»,

«земли столь плодородны, что, требуя меньшего труда на свое возделывание, награждали вдвое большим плодом». Но из-за резкоконтинентального климата Земля Войска Донского, как и многие территории юго-востока страны, относилась к зоне рискованного земледелия.

В регионе имелись значительные резервы для земледелия. Из 14 203 204 десятин земли считались пригодными для хлебопашества более 12 млн десятин, остальные земли, включая реки, озера, леса, дороги и т. д., числились среднеудобными и неудобными. Под пашнями находилось лишь 16,2 %, пастбищами и сенокосами – 63,7 %, лесами – 2,8 %, считались невозделанными – 17,3 %.

В XVII в. попытки казаков и бежавших на Дон крестьян заниматься земледелием встречали резкое сопротивление и осуждение со стороны Войска. В 1690 г. Войсковой Круг по настоянию войскового атамана Василия Фролова принял решение, запрещавшее казакам под страхом «смерти и грабежа» заниматься хлебопашеством. Но остановить этот процесс не удалось. В XVIII – первой половине XIX столетия в условиях «демографического взрыва» население края могло выжить только за счет перехода от захватнических форм существования к производительному хозяйству. В Земле Войска Донского сложились две основные тенденции. Переселенцы, не перешедшие в казачество, занимались хозяйственной деятельностью, уделом казачества оставались военные походы и грабежи. Военные трофеи, захваченные казаками у противника в войнах и походах, использовались преимущественно для собственного обеспечения и продовольствия на службе, ремонта и закупки оружия, амуниции, фуража для лошадей. Охота, рыболовство и бортничество не являлись постоянными и устойчивыми источниками существования.

Падение значения добычи в жизни казачества в результате запрета выходов «за зипунами» в Черное и Каспийское моря, нехватка на всех казаков царского жалованья, массовая народная и правительственная колонизация края, подталкивали население к занятиям земледелием, скотоводством, торгово-предпринимательской деятельностью.

Однако развитие земледелия на Дону сдерживалось природными, социальными и экономическими факторами. Донские степи представляли собой целинные земли, столетиями не обрабатывавшиеся плугом, сохой и бороной. Казаки, не занимавшиеся в предшествовавший период хлебопашеством, заимствовали сельскохозяйственные орудия и земледельческий опыт у переселившихся на Дон великороссийских и малороссийских крестьян, приспосабливали их к местным природно-климатическим условиям, создавали свой аграрный календарь.

В этих обстоятельствах важную роль играла казачья община. Она наряду с военными, политическими и судебными функция-

ми, расширяла свои полномочия. Община брала на себя решение хозяйственных, социальных, конфессиональных и культурно-просветительских задач – размежевание земель между станицами, наделение казаков землей для хлебопашества, скотоводства и сенокосов, приобретение скота, инвентаря и посевного материала, забота о сиротах, вдовах и раненых, строительство храмов, открытие и содержание школ и училищ и т. д. Их успешная реализация зависела от стабильного развития края и наличия постоянных источников доходов.

При отсутствии больших средств и значительного количества тяглового скота казакам приходилось «спрягаться» (работать совместно. – *А. А.*) для вспашки и обработки почвы, посевов и уборки зерновых. Общинное землевладение сочеталось с индивидуальной формой землепользования, артельные и общинные формы ведения трудовой деятельности становятся повседневными в жизни казачества.

Превращение земельного надела в источник существования и отправления казаков на службу повысило значение земли в жизни Войска Донского, всего населения края. Правительство и Войско Донское были заинтересованы в сословной замкнутости казачества, которая обеспечивала экономические условия его сохранения как крупной военной силы в составе Российской империи. Этим во многом объясняется ограничение доступа в казачество переселявшихся на Дон крестьян, записывание последних за станицами. Вольное казачье землевладение и землепользование становится служилым. Во второй половине XVIII в. в российском правительстве сложилось устойчивое мнение о том, что в случае выхода всех дееспособных казаков на войну, на Дону некому будет пахать и обрабатывать землю, собирать урожай, пасти скот, поддерживать благосостояние края, в том числе казачества. Правительство видело решение проблемы в отделении казачества от крестьянства, сохранении их сословной замкнутости, превращении новопришлых людей в крепостное податное и производительное население.

Не следует забывать и о климатических условиях, оказывавших влияние на переход казачества к производящему хозяйству. С начала XI столетия и почти до конца XVIII в. Европа переживала «малый ледниковый период» – вымерзание зерновых и огородных культур, вымокание посевов после продолжительных дождей, массовый голод, эпидемии и вымирание населения. В середине XVII в. (1637–1642 гг., 1666–1667 гг.) зимы в Подонье-Приазовье были настолько холодными, писал турецкий дипломат и путешественник Эвлия Челеби, что река Танаис (Дон) промерзала до дна, птицы застывали налету и падали на землю. Подобные зимы и многолетние засухи, нашествия саранчи нередко случались в Земле Войска Донского в XVIII–XIX вв. Поэтому экстенсивное скотоводство

и овцеводство долгое время господствовали в экономике Донского края. С 80-х годов XVIII в. начинается заметное потепление климата. К этому времени сформировался и накопился земледельческий опыт, численность населения в станицах выросла настолько, что позволяло заниматься военной службой, производящим хозяйством и его охраной, определился на основе обычного и имперского права статус казачьих земель, произошли качественные изменения в развитии Земли Войска Донского – хлебопашество стало превращаться в ведущую отрасль казачьего хозяйства.

Основными земледельческими орудиями в казачьих хозяйствах были плуги обыкновенные или малороссийские тяжелые (сабаны), использовались также в некоторых районах соха и борона. Землю пахали поверхностно, один – реже два раза в год. После четырехлетнего использования ее оставляли в залежи на 7–8 лет. Для обработки почвы употребляли рало и каменные катки. В XVIII в. господствовала залежная система земледелия, которую сменила в 20–30-х годах XIX в. переложная система. Озимые культуры сеяли в августе–сентябре, яровые в марте–апреле. Плотность посевов на 1 десятину пашни составляла около одной четверти, в то время как в центральных губерниях России – почти две четверти. При средней урожайности сам 4–5 хлеба хватало не только на собственное потребление, но и на продажу. Хлеб убирали в основном косой, молотили зерно цепами или возами с наложенной тяжестью, катками и лошадьми. Высевали рожь, пшеницу (арнаутку и гарновку), просо, ячмень, овес, лен и другие культуры.

В первой половине XIX в., при всей рутинности земледелия, отмечается некоторый прогресс. Технические усовершенствования затрагивали, прежде всего, процесс уборки и обработки зерна, затем вспашки и возделывания почвы. Именно эти операции легче всего подвергались влиянию рынка. В 30-х годах в некоторых хозяйствах помещиков и зажиточных казаков появились английские плуги, немецкие бороны и катки, веялки, сортировки, конные шотландские молотилки, пригодные для самых твердых сортов пшеницы. Зерно, обработанное с их помощью, было чище и ценилось на 2–3 рубля дороже, чем обмолоченное на токах. Использовалась также сельскохозяйственная техника отечественных заводов – О. Шумана, Ф. Шнейдорфа, Г. А. Потемкина, братьев Н. и И. Бутеноп.

В результате расширения пашни и посевных площадей, увеличения массы труда, занятого в земледелии, валовые сборы зерновых культур выросли на 46,5 % и составляли в среднем в предреформенное десятилетие 1883752 четвертей. Излишки хлеба вывозились в порты Азовского и Черного морей, оттуда в страны Средиземноморья.

Важной отраслью сельского хозяйства края являлось скотоводство. Благоприятный климат, обилие пастбищ, лугов и водопоев

позволяли, перегоняя скот с места на место, содержать его значительную часть года на подножном корму и заготавливать большой запас сена на зиму. Большую роль в жизни казачества играло коневодство, лошади требовались для кавалерии, обозов и выполнения различных хозяйственных работ. На Дону преобладали донская, персидская и калмыцкая породы. Донские лошади отличались легкостью, резвостью, быстротой, использовались в донской и регулярной кавалерии, продавались за границу.

Особенно большую роль играло скотоводство в хозяйственной жизни Донского края в XVIII – начале XIX в. Неоднократно в отчетах войсковых атаманов отмечалось, что на Дону «вообще все имеют заводы лошадей и рогатого скота», «сие заводы составляют здесь главное занятие жителей, обо от него они получают способ содержания себя и отправления на службу». В действительности, помещики и зажиточные казаки владели заводами лошадей и рогатого скота. Лучших лошадей поставляли заводы графа М. И. Платова, генерал-майора Х. П. Кирсанова, графа В. В. Орлова-Денисова, генералов Иловайских, Харитонова, Кузнецова, Орлова и Саринова. В продажу поступало около 20 % конского поголовья.

Наряду с коневодством важное место в жизни казачества занимало животноводство. На Дону разводили такие породы крупного рогатого скота, как калмыцкая, венгерская, малороссийская, отличавшиеся большой выносливостью и неприхотливостью к пище. В 20-х годах получают распространение голландские породы крупного рогатого скота, заимствованные у меннонитов Таврической и Екатеринославской губерний.

Основными центрами донского овцеводства являлись задонские степи на реках Сал и Маныч, а также степи, примыкавшие к Астраханской губернии и Калмыцкому кочевью. В Земле Войска Донского разводили овец грубошерстных пород – русскую, калмыцкую, крымскую и волошскую, тонкорунное овцеводство не получило распространение. С ранней весны до поздней осени овцы содержались на открытых пастбищах, в холодную погоду – в примитивных кошарах.

В товарной продукции казачьих хозяйств большое значение имело виноградарство. Оно получило распространение в нагорной части Среднего и Нижнего Дона – на территории Первого и Второго Донских округов. Центрами донского виноградарства считались станицы Цимлянская, Раздорская, Кочетовская, Мелиховская, Кумшацкая, Золотовская и Нижнечирская. Казаки производили и продавали около 90 % винограда и более 60 % виноградного вина. Прибыль от виноградарства и виноградного вина составляла одну из важнейших статей бюджета Войска Донского.

Садоводство, бахчеводство и огородничество носили в казачьих хозяйствах подсобный характер. Фруктовые сады тянулись узкой

полосой по правому берегу Дона и его притокам – Тузлов, Аксай и Мертвый Донец от Новочеркасска до Азовского моря. В каждой станице возле домов казаков росли фруктовые деревья и кустарники, которые «без малого присмотра почти ежегодно давали обильный урожай плодов и ягод».

§ 4. Развитие промышленности, торговли, дорожно-транспортной сети и средств связи

Земля Донская в XVIII – первой половине XIX в. оставалась аграрным районом, в котором в первую очередь развивались отрасли хозяйства, связанные с обработкой продуктов земледелия, скотоводства, рыболовства, полезных ископаемых, а также возникла добывающая промышленность. Ремесленное производство было давно известно на Дону. Еще в XVШ в. среди казаков встречались овчары, мельники, «кровецы» – портные, чеботари, ковали. С развитием мануфактурного производства и началом промышленного переворота в центральных губерниях России приток ремесленников значительно усилился в Землю Войска Донского. В г. Новочеркасске, станицах и слободах они создавали различные предприятия, занимались торгово-предпринимательской деятельностью. Самыми распространенными промыслами считались портняжный, сапожный и кузнечный. В 1860 г., по данным административного учета, в крае насчитывалось 3136 ремесленников, что не превышало 1 % населения.

Наряду с мелкими ремесленными мастерскими на Дону получили распространение заведения по переработке продуктов животноводства, растительного сырья и полезных ископаемых – салотопенные, свечные, шерстомойные, рыбоспетные, крахмальные, винокуренные, канатные, табачные, кирпичные, колокольные и многочисленные предприятия смешанного типа. Большинство заведений по форме экономической организации представляли собой предприятия мелкотоварного и капиталистического производства. Они широко использовали наемный труд, преимущественно крестьян-отходников, работали на заказ и на рынок. Существовали и заводы в помещичьих имениях – сахарные, винокуренные, кирпичные и другие, на них применялся труд крепостных.

Большое значение в жизни казачества имело рыболовство. Оно получило широкое распространение на Нижнем Дону и в прилегающих к Азовскому морю местах. Для казачества беспошлинный лов рыбы являлся правом-привилегией, закрепленным в правительственных актах. На долю низовых станиц Елизаветовской, Гни-

ловской, Сретенской, Аксайской, Старочеркасской и Манычской приходилось 98 % всей выловленной и 99 % проданной рыбы за пределы войска Донского. Среднегодовые уловы рыбы значительно колебались от 3779390 пуд. в начале века до 748350 пуд. накануне отмены крепостного права в стране. Резкое снижение улова объясняется, во-первых, политикой правительства, направленной на недопущение крестьян и иногородних к рыбопромысловой деятельности и закреплением ее за казачеством; во-вторых, большой вред наносил хищнический лов рыбы, особенно во время весенней путины.

Добывающая промышленность была представлена соляными промыслами и разработками угля. Казаки ломали соль на Манычском и Грузском озерах, ее беспошлинно продавали как в пределах Земли Войска Донского, так и в соседних губерниях. Ежегодно на Манычских озерах добывалось от 800 тыс. до 2 млн пудов соли. По месту добычи пуд соли стоил 10–18 коп., в розничной торговле ее стоимость достигала 70 коп., а в неурожайные годы до 1,5 руб. Соляные промыслы были заметным источников доходов для казаков некоторых станиц, они позволяли им собираться на службу без помощи Войска.

В XVШ в. на Дону были обнаружены залежи каменного угля, но его масштабная разведка началась только в 40-х годах XIX в. Из выявленных 500 месторождений угля считались признанными к открытой разработке только 130.

Наиболее крупные месторождения антрацита, пласты которого достигали поверхности земли, находились в юрте станицы Грушевской. Здесь в 30-х годах возникли первые горные выработки в виде штолен, направленных по наклону пласта. Они принадлежали казакам и давали около 50 тыс. пудов угля в год. В 1863 г. на Грушевском руднике насчитывалось 747 угленосных участков, на которых было построено 256 шахт, но только 59 из них действовали и добывали около 5,3 млн пудов угля в год. За тридцать лет резко изменились технология и способы добычи угля. Полозовые шахты вытеснялись шахтами вертикального типа, достигавшими глубины 40 саженей. На них применялись крепления, внутренние откатки, наружные подъемные устройства, воду отливали и поднимали на поверхность антрацит бадьями. Уголь, добытый в Земле Войска Донского, поступал на Луганский, Севастопольский и Керченский казенные заводы, на продажу для отопления домов в Новочеркасск, Ростов, Таганрог и Нахичевань. Попытки продавать его в Москве потерпели неудачу из-за дороговизны доставки.

Заселение и хозяйственное освоение Земли Войска Донского, развитие и рост товарности сельского хозяйства и промышленности, потребность населения в привозных товарах способствовали расширению внутренней и внешней торговли края, вовлечению его в систему всероссийского рынка.

В связи с промышленным переворотом, значительно выросли потребности фабрик, заводов и мануфактур в сырье, которое они получали с юга. В свою очередь они сбывали туда свою продукцию. Южная Россия превращалась в район торгового зернового хозяйства. Одновременно на обширных и слабо освоенных землях развивалось скотоводство, поэтому Земля Войска Донского в обмен на товары центрально-русской промышленности предлагала в основном скот, хлеб, рыбу и виноградное вино.

Ведущей формой товарного обмена в первой половине XIX в. становится ярмарочная торговля. В 1860 г. в крае насчитывалось 187 ярмарок, оборот которых составлял свыше 6,7 млн рублей. Ярмарки организовывались преимущественно в станицах и слободах, они функционировали от 1 до 7 дней и приурочивались к религиозным праздникам. Крупнейшими ярмарками в Земле Войска Донского считались торгово-промышленная и зерновая – Урюпинская, рыбная и солевая – Гниловская, лесная – Аксайская. Доминирующее положение на других ярмарках занимала торговля продуктами сельского хозяйства – пшеница, скот, сало, шерсть, льняное семя, виноград и виноградное вино, рыба.

Другую группу товаров составляли промышленные изделия, поступавшие из центральных губерний и Сибири – «красный и мелочный товар», железо, деготь, юфть, фаянс, соль, лес. Здесь же торговцы скупали зерно и скот, отправляли их в центральные губернии России.

Наряду с ярмарочной в Новочеркасске, станицах и слободах Дона существовали и развивались постоянные формы торговли – магазины, лавки, лабазы и склады. Появились и первые торговые дома казаков Планидиных, Устиновых, братьев Сербиновых, Мухиных, Парамоновых, а также «Товарищества» дворян Иловайских, Рутченковых, Карповых, казаков Кошкиных и др. Они занимались торговлей, производством и кредитом.

Участие казачества во внешней торговле было значительно скромнее, чем во внутренней. Обязательная военная служба, военно-сословный уклад жизни не позволяли им активно участвовать во внешнеторговых операциях. К тому же казаки не имели права отлучаться без разрешения начальства за пределы края, тем более за границу. Их участие во внешней торговле ограничивалось преимущественно поставками зерна за границу через Азово-черноморские порты, куплей-продажей импортных товаров, которые поступали из Европы, стран Ближнего Востока и Балканского полуострова.

С целью развития торговли и обеспечения казачества обмундированием, снаряжением, вооружением и товарами первой необходимости в 1804 г. правительство разрешило открыть «Общество донских торговых казаков» численностью 500 человек. Они освобождались от военной службы с внесением ежегодно в войсковой

доход определенной денежной суммы. Вскоре была создана «Сотня мастеровых», казаки которой занимались ремонтом амуниции, снаряжения и оружия.

Важным показателем развития торговли и связи является состояние дорожно-транспортной сети и средств доставки. Главной транспортной артерией, которая соединяла край с центральными районами страны, Уралом и Сибирью, оставалась река Дон. До середины XVIII в. не существовало дорожно-транспортной и почтовой сети, которая связывала воедино г. Черкасск со всеми станицами, станицы между собой, Землю Войска Донского с Москвой и С.-Петербургом. Посольские дороги, сложившиеся в XVI–XVII вв. – «сухая» из Москвы на Царев-Борисов, Харьков, Изюм и Азов, и «водная» – от Москвы до Воронежа и по Дону до Азова, не обеспечивали растущие политические, военные и экономические потребности края и государства. В период правления Анны Иоанновны в 1735 г. от Тулы до крепости Св. Анны в южном направлении через Землю Войска Донского учреждаются почтовые тракты и строятся почтовые станции. На территории края обслуживание станций и почтовая гоньба возлагалась на казаков, имеющих своих лошадей. Это засчитывалось им за военную службу. Казанский, Задонский и Мариупольский тракты, станции на них в Земле Войска Донского находились в плохом состоянии, казаки не были заинтересованы в отправлении почтовой повинности, а с первыми сильными дождями с ноября до конца марта дороги становились непроезжими. В 1823 г. с торгов на откупное содержание взял почтовые станции бахмутский помещик Золотарев. Казаки освободились от почтовой повинности. Обслуживание станций и трактов незначительно улучшилось.

В конце XVIII начале – XIX в. сложился крупный сухопутный торговый путь – «Донской скотопрогонный тракт», который делился в Земле Войска Донского на три ветви, связывая Петербург и Москву с Астраханью, Кавказской линией и Крымом. Действовала и старая караванная дорога: от Азова в Астрахань через станицу Пятиизбянскую и Переволоку, между Доном и Волгой, в районе станицы Качалинской и посада Дубовский. В 1859 г. началось строительство Волго-Донской, а вскоре и Владикавказской железной дороги, которые заметно улучшили торгово-предпринимательскую конъюнктуру на юго-восточных окраинах страны.

Таким образом, в первой половине XIX в. завершается определение границ и территории Войска Донского, его округов. Земля Донская навечно закрепляется за казачеством, которое превратилось в замкнутое служилое сословие. В результате широкой колонизации южных окраин России продолжается массовое заселение и хозяйственное освоение Донской земли, значительно увеличивая численность населения края.

Дальнейшее развитие получают сельское хозяйство и промышленность. В сельскохозяйственном производстве ведущее место занимает хлебопашество, оно превращается в основной источник существования и снаряжения казачества на службу. Большое значение имеют экстенсивное скотоводство, рыболовство, а также виноградарство и садоводство. Бахчеводство и огородничество носят подсобный характер.

В становлении и развитии местной промышленности большое значение имели переселения ремесленников и торговцев на Дон. Они приносили свою промышленную культуру, создавали многочисленные торгово-промышленные предприятия, преимущественно связанные с обработкой продукции земледелия и скотоводства стала развиваться добывающая промышленность.

Развитие внутренней и внешней торговли сопровождалось расширением ярмарочной и других форм торговли, способствовало их специализации, повышению товарооборотов, росту торговых перевозок и дорожно-транспортной сети, увеличению количества и грузоподъемности средств доставки.

Участие казачества в торгово-предпринимательской деятельности ограничивалось политикой правительства, военно-сословным укладом его жизни.

§ 5. Организация власти и управления в Земле Войска Донского в XVIII – 60–70-х годах XIX в. Центральное и войсковое управление

До начала XVIII в. казачество пользовалось значительными политическими, военными, экономическими, социальными и конфессиональными льготами и преимуществами, по сравнению с другими слоями населения страны. Отношения между Войском Донским и Московским государством строились на принципах вассалитета-сюзеренитета, на условиях служб и пожалований. Войско Донское находилось в ведении Посольского приказа, но после разгрома восстания под руководством К. А. Булавина правительство повело решительное наступление на демократические институты и суверенитет казачества. Северная война, сложная международная и внутриполитическая обстановка требовали от российского правительства мобилизации и концентрации людских, продовольственных и военных ресурсов, создания, развития и унификации армии и флота, бюрократизации государственного аппарата. Необходимо было прекратить побеги служилых людей, крепостных крестьян, ограничить переселения различных категорий духовенства, рас-

кольников, торговцев и ремесленников на окраины страны, в том числе в Землю Войска Донского.

Казачество, зарекомендовавшее себя во второй половине XVI–XVII в. как хорошо подготовленное, мобильное, имевшее боевые навыки и традиции, самодостаточное и умевшее выживать в тяжелых природно-климатических условиях население, требовалось правительству. Но в то же время требовалось казачество послушное, готовое по первому призыву выступать и решать возложенные на него задачи. В 1716 г., в контексте проводимых в стране реформ, Войско Донское было передано из Посольского приказа в ведение Правительствующего Сената, в 1719 г. его, наряду с другими казачьими войсками – Терским и Яицким, поручили Коллегии иностранных дел, а в 1721 г. вверили Военной коллегии. Отныне правительство рассматривало донское казачество, как одну из групп российского населения, сохранявшую определенные права и привилегии. Казакам навсегда запрещались международная деятельность и межгосударственные контакты, выходить в Черное и Каспийское моря в походы «за зипунами», они потеряли право убежища – «с Дона выдачи нет», обязаны были служить только православному царю и Российской империи.

Вторая половина XVII – начало XVIII в. показали Московскому правительству значение атаманской власти на Дону и роли личности, состоявшей на данной должности. От этого зависела не только лояльность казачества к Москве, но и спокойствие в Земле Войска Донского и на южных окраинах Российского государства, в Азово-Черноморском и Каспийском бассейне. Правительство многократно пыталось влиять на выборы войсковых атаманов, но подчинить казачью стихию не удавалось.

После разгрома Булавинского восстания, царь Петр I казнил в 1709 г. войскового атамана И. Г. Зерщикова и замешанных с ним войсковых старшин, отменил выборность войсковых атаманов, пожаловал в бессменные войсковые атаманы Петра Емельянова, сына Рамазанова, «по смерть его». Попытки Войска вернуться к демократической процедуре выборов войскового атамана не дали положительных результатов. Царь не утвердил избранных войсковыми кругами Максима Кумшацкого в 1715 г., Максима Фролова в 1716 г. Петр I отдал предпочтение «по выбору всего Войска» в 1718 г. Василию Фролову (сыну Фрола Минаева – активного участника Азовских походов 1695–1696 гг.), назначил его «без права переизбрания на кругу» войсковым атаманом.

После смерти Василия Фролова (1723 г.) Войсковой Круг избрал войсковым атаманом Ивана Матвеевича Краснощекова. Активный участник Северной войны, соратник Петра I и герой Персидского (Низового) 1722–1723 гг. похода, И. М. Краснощеков пользовался непререкаемым авторитетом на Дону. Но император не утвердил

его в атаманской должности, пожаловал войсковым атаманом старшину Андрея Лопатина. С этого времени должность войскового атамана всемилостивейше жаловалась старшинам Войска Донского и именовалась войсковой наказной (наказный) атаман. Правительство, войсковые наказные атаманы и старшины стремились возвысить значение и авторитет этой должности. В 1738 г. должность войскового атамана была введена вновь как высочайшее пожалование императрицы Анны Иоанновны Д. Е. Ефремову за «приведение калмыков под высокую руку Российской государыни» и заслуги Войска Донского в русско-турецкой войне 1735–1739 гг.

Войсковые старшины, занимая эту должность, быстро приобретали армейские штаб-офицерские и генеральские чины – полковника, бригадира, генерал-майора, генерал-поручика, генерал-лейтенанта, генерала от кавалерии. С середины XVIII в. на должность войскового атамана претендовали войсковые старшины в чине не ниже армейского полковника или бригадира, а с 1776 г. – генерал-майора регулярной российской армии.

Отменив выборность войсковых атаманов, правительству не удалось окончательно ликвидировать демократические институты казачества. Войсковые круги сохранились не только в его памяти, но и надолго в реальной жизни. В период обострения социальных противоречий и крупных военных конфликтов войсковой старшина и казачество обращались к войсковым кругам, старались найти в их решениях поддержку своей политике или действиям. Так было во время Ефремовского бунта, движения под руководством Е. И. Пугачева, побега 5 донских казачьих полков с Кавказской линии в 1792 г., восстания Верхнедонских станиц в 1792–1794 гг., в связи с выходом казаков в Индийский поход в 1801 г., накануне сбора и отправления казачьего ополчения на Отечественную войну 1812 г. и т. д.

С созданием в начале XVIII в. постоянных органов власти и управления, возвышением Войсковой канцелярии и роли старшин падает значение войсковых кругов в жизни казачества. Они все реже созываются, из их компетенции изъяты прием в казачество, выборы походных атаманов, войсковых полковников, старшин, есаулов и сотников, избрание атаманов зимовых и легких станиц, и т. д. В 1835 г. правительство установило сроки и периодичность сбора войсковых кругов – 4 раза в год: 1 января, в этот день казаки в старину избирали войсковых атаманов, есаулов и старшин; 9 мая – в день Св. Николая Чудотворца, когда Войску Донскому император Николай I пожаловал саблю покойного императора Александра I; 30 августа – в день тезоименитства покойного императора Александра Павловича и ныне здравствующего наследника престола цесаревича Александра Николаевича; 2 октября – в день назначения наследника престола цесаревича Александра Николае-

вича атаманом всех казачьих войск и шефом Донского Атаманского полка.

В эти дни при большом стечении народа, после окончания в храме Божественной литургии, выносились в круг, высочайшие грамоты, знамена, бунчуки, пернач, булава, насеки и другие войсковые регалии, здесь зачитывались полученные царские грамоты, освящались полученные знамена, проводился благодарственный молебен. По сложившейся традиции, войсковые регалии обносили вокруг Войсковой канцелярии, соборов и церквей Черкасска (позже Новочеркасска) и возвращали в Войсковую канцелярию как хранилище регалий. Праздник завершался ружейной и пушечной пальбой, показательными выступлениями казаков, обильным застольем на открытом воздухе.

Войсковые атаманы, не зависевшие от демократических институтов казачества, использовали свою должность для личного обогащения и укрепления своего положения. Усилившийся произвол атаманов отца и сына Данилы Ефремовича и Степана Даниловича Ефремовых, а также борьба различных старшинских группировок за атаманскую булаву вынудили правительство обратить внимание на состояние дел в крае. В результате почти восьмилетнего разбирательства и суда правительство установило многочисленные преступления С. Д. Ефремова – от неповиновения царской власти и нарушения права внешних сношений до укрывательства беглых, захватов войсковых земель и вымогательства многочисленных взяток от казаков. Суд в Петербурге приговорил войскового атамана С. Д. Ефремова к смертной казни, но 14 марта 1773 г. императрица Екатерина II заменила ее вечной ссылкой в г. Пернов. Так она «отблагодарила» за оказанные услуги С. Ефремова и казаков во время государственного переворота и захвата власти в 1762 г.

Назначенные на должность войскового атамана В. А. Машлыкин (1772–1773 гг.) и С. Н. Сулин (1773–1775 гг.) были храбрыми воинами, но посредственными администраторами. В. А. Машлыкин не сумел предотвратить в 1772 г. волнения среди казаков в связи с формированием и отправкой полков для поселения в Азовскую крепость, распространявшимися слухами об обращении казаков «в регулярство». С. Н. Сулин не проявлял должной активности по предотвращению брожения среди казаков в период Пугачевского бунта и поимки самозванца.

Правительство давно понимало необходимость реорганизации органов власти и управления в Земле Войска Донского. На высочайшее имя и в Уложенную комиссию (1767 г.) поступали многочисленные проекты и наказы о преобразованиях казачьих войск. Предложения войскового атамана С. Д. Ефремова, войскового дьяка Ивана Янова, наказы депутатов от других казачьих войск, представителей царской администрации не устраивали правительство

по различным причинам. К тому же начавшаяся в 1768 г. русско-турецкая война, а затем и крестьянское движение под предводительством Е. Пугачева надолго отложили вопрос о реформировании казачьих войск.

30 июля 1774 г. генерал-аншеф, начальник легкой кавалерии и всех иррегулярных войск Российской империи кн. Г. А. Потемкин, создал специальную комиссию из войсковых старшин для составления предложений по реорганизации органов власти и управления в Земле Войска Донского. 14 февраля 1775 г. кн. Г. А. Потемкин подал на Высочайшее имя доклад о преобразованиях в Войске Донском. Прежде всего, Г. А. Потемкин предлагал ограничить власть войсковых атаманов и поставить их под контроль правительства. Для этого следовало изменить существовавший порядок управления – разделить военную и гражданскую власти, для ведения земских дел создать специальное учреждение Войсковое Гражданское правительство. Его члены – войсковой атаман (председатель) и двое постоянно присутствующих (непременных) назначаются высочайшей властью, четыре других чиновника – избираются Войском ежегодно «из надежных и проверенных в делах старшин». Для предупреждения «поползновений к корыстолюбию» чиновникам назначалось жалованье «по высочайшему конфирмованному расписанию». Войсковое Гражданское правительство обязано было заниматься хозяйственными делами и всем тем, «что подлежит рассмотрению гражданского суда», т. е. ему принадлежала и судебная власть.

Кн. Г. А. Потемкин особо подчеркивал, что деятельность войскового атамана и Войскового Гражданского правительства должна осуществляться только на основе имперского законодательства, высочайших указов, указов и распоряжений Военной коллегии и Правительствующего Сената. 15 февраля 1775 г. Екатерина II утвердила доклад Г. А. Потемкина, не внеся ни одной поправки. Одновременно императрица назначила войсковым наказным атаманом А. И. Иловайского, активного участника подавления Пугачевского бунта и поимки самозванца. Она пожаловала новому войсковому наказному атаману чин полковника (вскоре – войскового атамана и чин генерал-майора) российской регулярной армии, а также войсковые регалии – бунчук, пернач и трость.

Учреждение Войскового Гражданского правительства в Земле Войска Донского не ослабило борьбу между старшинскими группировками. На смену Ефремовым, Колпаковым, Сулиным, Машлыкиным, Кумшацким и иным старшинским родам пришли к власти Иловайские, Мартыновы, Орловы, Денисовы, Платовы, Себряковы, Луковкины и др. Представители этих семей назначались в непременные члены и избирались в Войсковое Гражданское правительство, возглавляли Войсковой суд и предлагались на должности погодных судей (на один год). Преимущественно из их среды выхо-

дили походные атаманы, командиры казачьих полков, начальники Донской казачьей лейб-команды для службы в Петербурге при императорском дворе и Гатчинской казачьей команды при дворе наследника престола, цесаревиче Павле Петровиче. Власть открывала широкие возможности не только для получения должностей, чинов и наград, но, прежде всего, позволяла старшинам безнаказанно захватывать войсковые и станичные земли, населять их крепостными крестьянами и новопришлыми людьми, добиваться признания за собой прав и привилегий российского дворянства.

К концу XVШ в. вся власть на Дону безраздельно принадлежала войсковому атаману и старшинской верхушке. Войсковое Гражданское правительство состояло их родственников генерал-майора Д. М. Мартынова. Уволенный в чине полковника из армии в 1774 г. на Дон, Д. М. Мартынов передал свой полк под командование сыну Андрею, и в 1775 г. назначается Г. А. Потемкиным Войсковым судьей и получает чин генерал-майора. Пользуясь поддержкой светлейшего князя, он в течение двух десятилетий являлся бессменным Войсковым судьей. При нем в среде чиновников расцвела круговая порука, а все увеличивавшийся произвол по отношению к рядовой массе казачества оставался безнаказанным. Д. М. Мартынов и его окружение, сконцентрировав власть в своих руках в Земле Войска Донского, начали действовать вразрез государственным интересам. Прежде всего, широкое расхищение войсковых и станичных земель подрывало экономические основы содержания, снаряжения и выхода казаков на службу. Д. М. Мартынов, его родственники, члены Войскового Гражданского правительства, став богатейшими людьми края, стремились подчинить себе и военную власть на Дону, оказывать влияние на деятельность войскового атамана А. И. Иловайского.

Не имея возможности противостоять самовластию старшин, войсковой атаман А. И. Иловайский 1 апреля 1797 г. обратился к Президенту Военной коллегии генерал-фельдмаршалу графу Н. И. Салтыкову с просьбой изменить порядок управления, существовавший более двадцати лет в Земле Войска Донского. Его просьба не осталась без внимания правительства. По мнению Президента Военной коллегии, Войсковое Гражданское правительство не справлялось с возложенными на него задачами. Оно не сумело предотвратить и подавить крупные волнения донских казаков в 1792–1794 гг., его члены активно участвовали в расхищении войсковых и станичных земель, укрывательстве беглых, нарушении российского законодательства и местных обычаев, прав и привилегий казачества.

В числе первых манифестов о преобразовании органов власти и управления в Российской империи император Павел I издал указ 6 июля 1797 г. о ликвидации в Земле Войска Донского Войскового

гражданского правительства и восстановлении Войсковой канцелярии. В ней должны присутствовать по древнему обычаю войсковой атаман со старшинами.

Войсковая канцелярия оставалась по военным делам в ведомстве Военной коллегии, гражданские и уголовные дела рассматривались в соответствующих коллегиях и в Сенате. В июне 1800 г. Павел I учредил в Земле Войска Донского прокуратуру, назначил на эту должность прокурора из Архангельска коллежского асессора А. Л. Миклашевича, а также определил в Войско Донское специальных представителей для наблюдения за исполнением законов. Спустя три месяца в Войсковой канцелярии были учреждены экспедиции для дел криминальных, гражданских и тяжбенных, казенных, межевых, для полиции в г. Черкасске и сыскное начальство, соответствующее земскому суду. Войсковая канцелярия и подчиненные ей экспедиции обязывались вести все делопроизводство на основе имперского законодательства. Предполагалось, что эти преобразования будут способствовать ограничению власти войскового атамана и старшин.

Выполнению экспедициями своих функций, аналогичных функциям департаментов в губерниях, препятствовали значительные особенности и традиции войсковой организации власти на Дону. В руках войскового, соответственно, и станичных атаманов сосредоточивалось военное и гражданское управление, а также уголовное делопроизводство. Большое влияние на их деятельность оказывали органы казачьего самоуправления – войсковой и станичные круги, права и привилегии, военный состав казачества, нормы обычного права. Окружные сыскные начальства, действуя на правах земской полиции, не могли возбуждать иски по закону об уездных судах, так как эти функции принадлежали экспедициям. Сосредоточение законодательной и исполнительной власти в руках войсковых атаманов с полным подчинением им Войсковой канцелярии, несмотря на ряд ограничений, приводило к крупным злоупотреблениям в войсковом управлении.

Созданная в 1802 г. министерская система в Российской империи направлялась на усиление самодержавной власти, бюрократизацию органов центрального и местного управления, унификацию деятельности государственного аппарата. По отношению к Войску Донскому правительство стремилось привести его управление «в единообразие с прочими обывателями Российской империи». В 1802 г. император Александр I издал указ об устройстве войск Донского, Уральского и Черноморского, согласно которому Войсковая канцелярия преобразовывалась по примеру Гражданского правительства 1775 г. По военной части она оставалась в подчинении Военной коллегии, а по гражданской – в ведомстве Правительствующего Сената. Из состава Войсковой канцелярии исключались

представители царской администрации, но сохранялась должность прокурора, который «не имел повелительной власти». Существовавшие ранее экспедиции заменялись одной полицейской экспедицией, «в виде управы благочиния под точным и единственным ведомством войскового атамана». Сыскные начальства наделялись правами первой инстанции уездного и земского суда, они могли начинать уголовные и гражданские дела, приговоры и решения которых разрешалось обжаловать в Войсковой канцелярии. По указу 1802 г. в выборах в Войсковую канцелярию участвовали только войсковые чиновники, простые казаки этим правом не пользовались.

Правительство понимало половинчатость реформ органов власти и управления в крае, их несовершенство и неповоротливость. Поэтому спустя два года оно вновь вернулось к преобразованиям Войсковой канцелярии, разделив ее на три экспедиции – Военную, Гражданскую и Экономическую. Первая занималась составлением списков служилых и отставных казаков, комплектованием полков и откомандированием казаков на службу, т. е. всем, что принадлежало походной Атаманской канцелярии. Она также наделялась правами ведения уголовных и политических дел донских старшин и чиновников. Вторая – вела дела уголовные, тяжбенные, следственные, крепостные, межевые и земской полиции. В ведении третьей находились все денежные дела по Войску, различные сборы, приходы и расходы, подряды, откупа, оброчные статьи и денежные отчеты. Военную экспедицию возглавлял войсковой атаман, двумя другими руководили войсковые чиновники, назначаемые и утверждаемые правительством. Положение и права сыскных начальств оставались такими же, как они были определены указом 1802 г.

Одновременно по военной части Войско Донское подчинялось Военному министерству, по части внутреннего благоустройства и порядка – Министерству внутренних дел, расходования казенных сумм – Министерству финансов, по судебной части – Министерству юстиции и т. д. Расчленение управления между различными министерствами, его бюрократизация ограничивали власть войскового атамана и его приближенных старшин и чиновников, но вместе с тем не устраняли питательной почвы для злоупотреблений и притеснений рядового казачества. Без решения вопросов о землевладении и землепользовании казачества, дворянства и крестьянства, о политическом и правовом статусе донского дворянства, о правах и привилегиях казачества, его роли и месте в вооруженных силах Российской империи правительство не могло окончательно подчинить Войско Донское своей власти.

В 1804 г. император Александр I потребовал от Сената собрать сведения о положении в Земле Войска Донского и произошедших в ней изменениях. Он предложил создать такое «Положение», в котором утверждалось бы исключительное право дворян на занимаемые

земли, допустив при этом в управлении войском Донским некоторые исключения их общих правил о губерниях. Правительствующий Сенат создал специальный комитет для рассмотрения дел о войске Донском, практически приступив к коренным преобразованиям в крае. Однако их осуществлению помешали сложное международное положение России и многочисленные войны в начале XIX в., в которых активное участие принимали донские казаки.

Тем не менее, правительство постоянно следило за социальными, экономическими и политическими процессами, протекавшими в крае, стремилось их контролировать. В 1809 г. военный министр А. А. Аракчеев вновь подал доклад в Сенат, в котором предлагал создать и утвердить «Положение об управлении казачьих и линейных войск», но из-за отсутствия средств оно не было реализовано. С целью ограничить захваты дворянами и чиновниками войсковых и станичных земель, произвол и олигархическое правление старшин правительство издавало многочисленные указы, затрагивавшие различные стороны жизни населения Донского края. В 1810 г. Сенат пересмотрел порядок ведения гражданских дел в Земле Войска Донского, в 1815 г. восстановил присутственные места. Одновременно правительство запретило записывать в казачьи полки лиц, не принадлежавших Войску Донскому, а также в 1816 г. донским дворянам и чиновникам покупать и переводить в Землю Войска Донского из центральных и других губерний страны крепостных крестьян и т. д.

В XVIII – первой половине XIX в. войсковые органы власти и управления формировались и развивались на основе российского законодательства. В то же время на уровне местного управления – округов, станиц и хуторов сохранялись многочисленные архаические черты и нормы обычного права. В 1818 г. войсковой атаман А. К. Денисов возбудил вопрос об открытии в Войске Донском комиссии для создания новых инструкций донским казачьим полкам. Правительство охотно согласилось. Однако цели и интересы правительства, с одной стороны, войскового атамана и поддерживавших его старшин – с другой, не совпадали. А. К. Денисов хотел ограничиться заменой старых законов и инструкций новыми, не затрагивая экономических и политических основ существования Войска Донского. Правительство стремилось коренным образом преобразовать сложившуюся систему землевладения и землепользования, органы власти и управления, военную организацию казачества, т. е. провести мероприятия, которые предполагалось осуществить еще в начале века.

В мае 1819 г. император Александр I издал манифест о создании Донского комитета, началась его деятельность под руководством войскового атамана А. К. Денисова. В состав Донского комитета правительство ввело двух человек – от Военного министер-

ства генерал-адъютанта кн. А. И. Чернышева и от Министерства юстиции В. И. Болгарского. С их помощью намечалось в течение года создать и завершить Положение об управлении Войском Донским. Однако острейшая борьба, развернувшаяся между представителями центральной власти, с одной стороны, и войсковыми атаманами (вначале А. К. Денисовым, затем А. В. Иловайским) – с другой, затянули работу комитета. К 1824 г. был составлен проект положения и передан императору Александру I на рассмотрение и высочайшее утверждение. Последовавшие вскоре события (смерть Александра I в ноябре 1825 г. в Таганроге, восстание и следствие по делу декабристов) отвлекли внимание правительства от преобразований на Дону. К тому же председатель Донского комитета генерал-адъютант А. И. Чернышев стал активным членом Тайного следственного комитета по делу декабристов, а затем военным министром Российской империи.

Чтобы укрепить свои позиции в казачьих войсках, император Николай I ликвидировал в 1827 г. должности войсковых атаманов, назначив вначале шефом, а затем войсковым атаманом всех казачьих войск Российской империи наследника престола. Сохранялась должность наказного атамана, права и обязанности которого определялись манифестом от 16 февраля 1828 г. «О власти и образе действия войскового и наказного атаманов по управлению войском Донским до утверждения проекта войскового положения». Наказной атаман подчинялся войсковому атаману, в случае отсутствия в Войске, смерти или увольнения последнего он пользовался всей полнотой власти и выполнял его обязанности. Войсковой атаман являлся начальником Войска и председателем Войсковой канцелярии. Степень зависимости от войскового атамана мест и чинов, принадлежавших к составу управления и к разным в Войске установлениям, определялась проектом «Положения об управлении войском Донским». Он должен «неусыпно» наблюдать за правильным исполнением законов, установленных порядков и дарованных Войску привилегий и преимуществ.

26 мая 1835 г. император Николай I утвердил «Положение об управлении войском Донским». Этот документ окончательно закреплял звание войскового атамана за наследником престола, войсковой наказной атаман являлся непосредственным начальником Войска, он наделялся также правами военного генерал-губернатора, «управляющего и гражданской частью». При войсковом атамане действовали Атаманская канцелярия, войсковые адъютанты и войсковые есаулы. Власть в Войске Донском разделялась на военную и гражданскую. Военная экспедиция заменялась Войсковым дежурством, им командовал начальник в чине не ниже генерал-майора, который подчинялся войсковому атаману.

Для военного управления в Войске Донском создавались четыре округа, состоявших в ведении окружных генералов. Окружные генералы назначались на должности Военным министерством по рекомендациям войскового атамана, Областного и окружных дворянских собраний. Войсковой атаман осуществлял военное руководство, опираясь на Войсковое дежурство, которое в свою очередь руководило окружными дежурствами. Созданные военные округа и дежурства стали промежуточной ступенью в системе военного управления между Войском и станицами.

Военно-судебную власть в Войске осуществляли военно-судные комиссии, состоявшие при Войсковом дежурстве и полках. Председателем войсковой военно-судной комиссии являлся войсковой наказной атаман, в его отсутствие – начальник Войскового дежурства. В полках председательствовали полковые командиры.

В гражданском отношении Земля Войска Донского разделялась на семь округов, подчиненных сыскным начальствам. Калмыцкое кочевье, ранее управлявшееся штаб- и обер-офицером с казачьей командой, присланной из Войска, получало статус округа. В Калмыцком кочевье образовывалось Калмыцкое правление, его возглавляли пристав (председатель) и два депутата на правах асессоров. Здесь же учреждался суд, в него входили судья и два заседателя. По «Положению об управлении войском Донским» 1835 г., образованные семь округов и Калмыцкое кочевье, подчинявшиеся сыскным начальствам и правлению, оставались промежуточной ступенькой в системе гражданского управления.

Гражданские дела сосредоточивались в Войсковом правлении, оно создавалось вместо Войсковой канцелярии, его председателем являлся войсковой атаман. Войсковое правление образовывалось в составе четырех экспедиций – исполнительной, хозяйственной, поземельной, казенных доходов и питейных сборов со счетным отделением. В правление входил старший член в штаб-офицерских или генеральских чинах. Он наделялся полномочиями вице-губернатора, председателем казенной палаты и палаты государственных имуществ. Ему помогали четыре асессора в штаб-офицерских чинах.

Одновременно учреждался Войсковой суд и при округах – окружные суды, сохранялась должность Войскового прокурора, который назначался верховной властью.

§ 6. Органы местного, дворянского и церковного управления

Промежуточным звеном между Войсковой канцелярией и местными органами власти и управления являлись окружные сыскные начальства, число которых во второй половине XVIII в. колебалось

от 4 до 11, а в начале XIX в. после административно-территориального межевания было образовано 7 начальств. В 1797 г. войсковой атаман В. П. Орлов определил круг вопросов, которыми должны были заниматься окружные сыскные начальства. В их функции входили сыск беглых крепостных и возвращение их владельцам, криминальные, поземельные и тяжбенные дела, разбор жалоб и исков на сумму свыше 50 руб., проведение воинских команд и полков через территорию начальства, наблюдение за сохранностью мостов и почтовых трактов, взыскание пошлин на право торговли и производство работ и т. д.

Должности сыскных начальников являлись выборными, на них отбирались «люди достойные», заслужившие доверие войскового атамана и представителей царской власти на Дону. В результате сужения круга лиц, которые могли претендовать на должности, казаки отстранялись от участия в управлении. В первой половине XIX в. данная практика организации власти и управления закреплялась законом.

Деятельность сыскных начальств распространялась только на территорию своих округов, но в случае необходимости их компетенция могла быть расширена с разрешения Войсковой канцелярии или дела передавались на рассмотрение одной из ее экспедиций. С 1817 г. члены сыскных начальств назначались Войсковой канцелярией (по рекомендациям окружных дворянских собраний) на 3 года из отставных генералов и штаб-офицеров.

Местные органы власти и управления состояли из станичных и слободских правлений, станичных и слободских судов. В XVIII в. казачьи городки, являвшиеся, прежде всего, центрами военной и политической жизни казачества, с развитием земледелия и скотоводства превращаются в поселения сельскохозяйственного типа – станицы. На пространстве станичного юрта, куда входили станичные земли и принадлежавшие станице хутора и поселения, управление осуществлялось станичным кругом и избранными на нем станичным атаманом и 1–2 есаулами. Атаман и есаулы являлись проводниками и исполнителями решений и приговоров станичных кругов.

Наступление правительства на демократические институты казачества затронуло и местное управление. В 40-х годах XVIII в. в зависимости от величины станицы при станичных атаманах формируется совет в составе 4–10 человек. В него входили наиболее уважаемые, заслуженные и богатые жители станицы. Их называли «стариками», они избирались станичным кругом, вели станичное делопроизводство, совместно с атаманом принимали решения и свидетельствовали (подписывали) принятые атаманом постановления, организовывали оборону станиц, следили за выходом казаков на службу, разбирали ссоры между казаками, представительство-

вали при земельных и иных спорах между станицами, станицами и Войском и т. д.

«Нарочные старшины», назначавшиеся правительством и войсковым атаманом для сыска беглых крепостных и новопришлых людей, могли успешно осуществлять свою деятельность, только опираясь на помощь станичных органов власти и управления. Атаман и «старики» обязывались помогать «нарочным старшинам», но для осуществления своих функций им предоставлялись властные полномочия, которые постоянно расширялись. Так как станичные круги не могли оперативно реагировать на требования времени, создаются постоянно действующие органы – станичные правления, они наряду с управленческими функциями взяли на себя властные и судебные полномочия. Через подбор кандидатов, регулирование состава и численности станичных правлений правительство и войсковая администрация усиливали свое влияние на станичные правления и жизнь станицы, стремились превратить органы казачьего самоуправления в органы исполнительной власти Войскового Гражданского правительства.

Казачье движение в Верхнедонских станицах в 1792–1794 гг. со всей очевидностью показало правительству и войсковой администрации необходимость установления контроля над органами казачьего самоуправления. Первую попытку коренным образом изменить существовавшую систему казачьего самоуправления предпринял генерал-поручик кн. Ф. Ф. Щербатов. Он, один из начальников карательной экспедиции, действовавшей при подавлении казачьих волнений в 1792–1794 гг., предложил Президенту Военной коллегии генерал-фельдмаршалу Н. И. Салтыкову и войсковому атаману генерал-аншефу А. И. Иловайскому отменить выборность органов станичного управления и ввести их назначение войсковой властью. План, подготовленный кн. Ф. Ф. Щербатовым, не был утвержден императрицей Екатериной II, но инициативу взяли на себя донские старшины.

В 1795 г. войсковой судья генерал-майор Д. М. Мартынов учредил своей властью, по аналогии с окружными сыскными начальствами в бунтовавших Верхнедонских станицах, станичные начальства. Он отменил станичные круги и назначил на должности атаманов, есаулов, «стариков» и писарей, судей и их помощников, угодных войсковой власти старшин и казаков. Все попытки казаков оказать сопротивление назначенным станичным начальникам решительно пресекались войсковой властью. Станичные начальства просуществовали недолго и были отменены в 1797 г. императором Павлом I в связи с ликвидацией Войскового Гражданского правительства и восстановлением Войсковой канцелярии. Но политика правительства, направленная на установление контроля над органами казачьего самоуправления, не была забыта.

Большое значение для жизни рядового казачества имели «Наставление к действию станичных правлений» войскового атамана В. П. Орлова в 1797 г. и дополнения к нему в 1810 и 1818 гг. войсковых атаманов М. И. Платова, А. К. Денисова. Эти документы регламентировали численность кандидатов для избрания на должности атаманов, стариков, судей и писарей в различных по величине станицах, определяли сроки и процедуру выборов на станичных кругах, обязанности каждого из выборных лиц и станичных правлений, их ответственность перед станичным кругом и т. д.

В начале XIX в. они избирались на станичных кругах (сходах) на 3 года. Станичное правление возглавлял атаман из «рачительных и грамотных» казаков, нередко из отставных офицеров, проживавших в станице, ему помогали 2–4 старика. Дела, превышавшие полномочия атамана, решались на собрании общины (станичном круге), а не подвластные отсылались в Войско. На станичных кругах присутствовали по одному мужчине от каждого дома, он имел право голоса. Остальные совершеннолетние члены семьи присутствовали на сходе, но правом голоса не обладали. Решение принималось большинством голосов. К участию в станичном круге не допускались «пенные» казаки – порочные (судимые, оштрафованные), телесно наказанные. Община прощала их, если им удавалось отличиться храбростью в каком-либо трудном военном деле.

Станичное правление представляло исполнительную власть на пространстве юрта станицы. В его обязанности входило охрана имущества и юртовых границ, прав жителей на поземельные довольствия, улучшение и умножение общественных выгод, пресечение обид и стеснений со стороны сильного, ведение точных именных списков и очередности выхода казаков на службу, штрафных и других книг.

Постепенная унификация внутреннего устройства Войска Донского с губернской администрацией сопровождалась ограничением созыва и деятельности станичных кругов, что вело к отстранению казачества от участия в местном управлении. «Положение» об управлении Войском Донским 1835 г. закрепило складывавшуюся практику созыва общих и частных сборов (кругов). Первые созывались 3 раза в год, вторые ежемесячно. Полные станичные круги решали вопросы, относившиеся к жизни всех жителей станицы и ее юрта, частные – для обсуждения гражданско-правовых вопросов, например назначение опекунов к имениям, смотрителей станичных табунов и запасных хлебных магазинов, определение исправительных мер для провинившихся казаков – наказание розгами, содержание «на хлебе и воде», назначение штрафов, отработок, издержек и т. д.

Станичное управление одновременно представляло собой и низшую судебную инстанцию – станичный суд, который в первой по-

ловине XIX в. претерпел значительные изменения. До середины XVШ в. суд станичного круга являлся первой, а суд войскового круга высшей инстанцией. После создания сыскных начальств возникла промежуточная организация между Войском и станицами, обладавшая военными, административными, судебными, полицейскими и финансовыми полномочиями. В ведение сыскных начальств отошли некоторые судебные функции станиц, в частности рассмотрение важных уголовных и политических дел и вынесение по ним приговоров. Согласно «Наставлению станичному управлению» 1797 г. войскового атамана В. П. Орлова определялись состав и численность станичных судов. Станичный суд возглавлял судья и два помощника, избиравшиеся погодно. Их процессуальная деятельность опиралась на имперское законодательство и нормы обычного права. Она ограничивалась преимущественно гражданско-правовой сферой, а также рассмотрением незначительного круга уголовных преступлений, важные уголовные дела поступали в сыскные начальства.

По «Положению об управлении войском Донским» 1835 г. в ведении станичного суда находились дела о неповиновении детей родителям, о ссорах в семьях и с соседями, о лености, пьянстве, буйстве, потраве чужого хлеба и сена, повреждении садов, краже на сумму не более 20 руб. и др. Он же определял и наказание – розгами и палками, денежный штраф в пользу станицы, арест, исправительные работы, безочередная служба и т. д.

«Положение» определило права и обязанности войсковых и окружных органов власти и управления, почти не затронуло систему местного самоуправления. Не были четко обозначены границы власти и подчинения станичных атаманов и станичных обществ Войсковому правлению и Войсковому дежурству, окружным органам власти и управления.

Большую роль в жизни казачества продолжали играть нормы обычного права, которыми руководствовались в повседневной практике станичные правления и станичные суды. В XVIII – первой половине XIX в. в Земле Войска Донского существовали неофициальные народные суды – самосуд за воровство и конокрадство, суд общины, где разбирались ссоры казаков и мелкое воровство, суд поселкового атамана и стариков, выяснявший обиды, ссоры, драки, потравы, старался примирить казаков и третейский суд. Интересны способы доказательств, приводимые на судах при разбирательстве дел – божба, клятва на кресте, целование дула заряженного ружья, снятие со стены иконы и ее целование, присяга «на ружнице», «общая правда» – обход с иконой в руках старой земельной границы и т. д.

Таким образом, в XVIII – первой половине XIX в. правительству в результате многочисленных реформ удалось установить контроль

за деятельностью органов власти и управления на Дону, определить их место в системе российской власти. Унификация войскового, окружных и станичных органов власти и управления с губернскими учреждениями отражала также процесс превращения края в одну из многочисленных административно-территориальных единиц Российского государства. С этого времени делопроизводство осуществлялось только на основе имперских законов, нормы войскового и обычного права регулировали лишь незначительные сферы жизни и деятельности казачества.

Отмена крепостного права в России коренным образом изменила социальное и экономическое положение значительной части населения Земли Войска Донского – крестьянства. Определение его поземельных владений и правового статуса затрагивало экономические, военные и политические интересы казачества. Рассмотрение крестьянского вопроса в правительстве, губернских комиссиях, в том числе Новочеркасском «Комитете по подготовке проекта Положения об устройстве быта донских помещичьих крестьян», всколыхнуло Российскую империю и Землю Войска Донского. Обсуждалось не только будущее крестьянства, но и настоящее Положение, и завтрашний день казачества. В Военном министерстве, комиссиях и комитетах, на страницах газет и журналов высказывались самые противоположные точки зрения – от сохранения и укрепления сословной замкнутости казачества до ликвидации его как сословия и превращения в одну из категорий населения – свободных поселян или государственных крестьян. Последнее направление военной политики подтверждалось положительным опытом реформирования армий европейских государств, в частности Австро-Венгерской империи. Хорватские воинские части, формировавшиеся примерно на тех же принципах, что и казачьи войска России, были полностью упразднены в середине 50-х – начале 60-х годов XIX в. На них распространялись все требования, предъявляемые к современным буржуазным армиям в комплектовании, управлении, обучении, прохождении службы, подготовке офицерского корпуса, чинопроизводстве, ведении боя и т. д. Российское правительство избрало свой путь.

Либеральные реформы 60–70-х годов XIX в. императора Александра II не обошли стороной Землю Войска Донского. Курс правительства на европеизацию России предполагал постепенный переход к созданию всесословных органов власти и управления, отмену ограничений в политической жизни и экономической деятельности, уравнение всех сословий Российской империи в правах и состояниях. Донские крестьяне в результате отмены крепостного права и проведения земельной реформы получили землю. На Дону, наряду с войсковой казачьей и дворянской земельной собственностью, сформировался новый вид земельной собственности – кре-

стьянской. Новые собственники-крестьяне быстро набирали силу. Они скупали, арендовали, брали в заклад и на откуп дворянские и казачьи земли, и к 90-м годам XIX в. в крестьянской собственности, землевладении и землепользовании находилось из 144640 кв. верст земли около 30 %.

Отмена крепостного права потребовала изменений в гражданском и военном управлении Войска Донского. В 50-е годы XIX в. стало очевидно, что принятое в 1835 г. «Положение об управлении Войском Донским» не поспевало за реальной жизнью, не соответствовало требованиям времени. Как отмечалось выше, наряду с крестьянским, обсуждался и решался казачий вопрос. В 1856 г. войсковой наказной атаман генерал-адъютант М. Г. Хомутов ходатайствовал о создании специального комитета для приведения в систему изданных после 1835 г. законов, внесения дополнений в «Положение об управлении войском Донским». Правительство, рассмотрев ходатайство М. Г. Хомутова, посчитало, что подобные изменения и дополнения необходимы для других казачьих войск. Оно решило создать Временные войсковые комитеты для разработки новых «Положений». В 1860 г. такой комитет учреждается в войске Донском, он подготовил Проект преобразований гражданского и военного управления в крае. Для пересмотра казачьих законоположений, обсуждения и обобщения предложений при Военном министерстве создается в 1865 г. Временный комитет.

До того как правительство приняло новое Положение об управлении Донского войска, оно императорскими указами и частными законами старалось подправить и улучшить систему войскового и местного управления. В 1865–1870 гг. изменялись наименование, состав и структура Войскового правления. В 1870 г. Земля Войска Донского переименована в Область Войска Донского, соответственно, Войсковые органы стали Областными. Областное правление состояло из общего присутствия и канцелярии. В состав правления вошли чертежная, типография, архив и другие учреждения. Возглавлял Областное правление войсковой наказной атаман (председатель), его заместитель по гражданской части наделялся правами вице-губернатора, ему помогали три советника (старшие члены правления). Областному правлению подчинялись окружные полицейские управления (бывшие сыскные начальства), полиция г. Новочеркасска, финансовое управление, казенная и контрольные палаты, Областное и окружные казначейства на правах губернских и уездных казначейств. Как и в предыдущее время, по гражданской части органы Областного управления и власти подчинялись соответствующим министерствам – Полиции, Юстиции, Финансов, Народного просвещения и т. д.

Одним из шагов реформирования местного управления явились преобразования станичного управления на началах, установлен-

ных для крестьянского населения Положением 19 февраля 1861 г. 13–25 мая 1870 г. император Александр II утвердил «Положение об общественном управлении в казачьих войсках», которое с учетом особенностей и традиций каждого казачьего войска стало проводиться в жизнь. В Области войска Донского казачье общественное управление охватывало станицы, хутора и поселки, другие населенные пункты, входившие в состав станичного общества (бывшего юрта). Станичное управление составляли: станичный сход; станичный атаман со станичным правлением; станичный суд. Поселковое управление составляли поселковый сход и поселковый атаман в населенных местах, имевших не менее 30 дворов.

Станичный сход представляли все домохозяева или доверенные лица, по одному представителю не менее чем от трех человек. Наряду с вопросами волостного и сельского схода к предметам ве́дения станичного схода относились: предоставление казакам льгот по различным случаям; проверка списков военнослужащих и очередей выхода на полевую, внутреннюю по Войску и полицейскую службу; полицейские и общественные дела в пределах станичного общества; распоряжение станичными капиталами и земельным фондом; формирование станичного бюджета и установление новых налогов; вынесение наказаний, за исключением телесных – штрафов, издержек, содержание под стражей до семи дней и т. д.

Станичное правление состояло из станичного атамана и 4–10 помощников, в зависимости от величины станицы и станичного общества, численности населения. В компетенцию станичного правления входили, прежде всего, военные и гражданские дела станичного общества – учет военнослужащих, выставление казаков на службу, материальная помощь неимущим казакам, вдовам и сиротам, контроль над хранением оружия, первоначальное военное и гражданское обучение, проведение смотров, раскладка земских повинностей, хозяйственные и земельные вопросы и т. д. Хозяйственная и социальная деятельность станичных правлений и строилась в соответствии со Сводом уставов о благоустройстве в казачьих селениях, прилагавшихся к Положению об общественном управлении в казачьих войсках 1870 г., и на основе законов и правил, изложенных в Своде особенных учреждений губернских. Иначе говоря, на основе имперского законодательства.

Станичный суд включал судью и 2–5 помощников, один из них являлся заместителем. Суд рассматривал гражданские и незначительные уголовные дела, а также административно-территориальные споры между субъектами станичного сообщества.

Органы местного управления пользовались широкой самостоятельностью в социальных и хозяйственных вопросах, но при этом за ними усиливался контроль со стороны окружных начальств и войскового атамана. Причем войсковому атаману предоставлялось

исключительное право в отрешении от должностей станичных атаманов и членов правлений, станичных судей и их помощников.

Одновременно с реформами местного казачьего самоуправления проводилась земская реформа. Согласно Положению о губернских и земских учреждениях 1864 г. земские учреждения предлагалось ввести в 34 губерниях России, в том числе Земле войска Донского. Для этой цели в Новочеркасске 14 января 1867 г. открылся Временный комитет под председательством войскового атамана генерала от кавалерии графа П. Х. Граббе. Комитет составил Проект и внес его 29 октября на рассмотрение Главного управления Иррегулярных войск. Однако Проект не был принят, многие его положения противоречили действовавшему в Российской империи законодательству и Положению о губернских и земских учреждениях 1864 г. Донской Временный комитет считал, что казачье самоуправление в значительной степени решало задачи, поставленные в Положении 1864 г. Еще до проведения земской реформы в стране казаки обладали многими учреждениями, которые только предполагалось ввести. Донской комитет предлагал сохранить преимущества и привилегии казачества и лишь незначительно изменить казачье самоуправление с учетом проживания в крае крестьянства и других сословий.

После длительного и сложного обсуждения Проекта о применении земских учреждений в Области войска Донского различными Комиссиями и Комитетами, в Государственном Совете император Александр II утвердил его 1(13) июня 1875 г. В 1876 г. Проект начал проводиться в жизнь.

Введение земских учреждений в Области войска Донского встретило противодействие со стороны казачества, которое считало, что правительство хочет его «окрестьянить». К тому же возникли разные трудности в раскладке земских повинностей и несении их различными сословиями, формировании бюджета и расходовании денег, в выборе гласных по куриям, защите интересов различных сословий и социальных групп населения. В крае сложилась сильная оппозиция земским учреждениям, противниками выступали казачество и чиновничество, многие представители промышленности и торговли, сторонниками оставались бывшие помещики, лица свободных профессий и крестьяне. Результатом острых дискуссий в Военном министерстве, Комитете министров и местных комиссиях явился указ императора Александра III от 20 марта 1882 г. о закрытии земских учреждений в Области войска Донского.

Пожалование некоторым старшинам штаб-офицерских чинов с предоставлением патентов, начавшееся в 1738 г., завершилось в 1798 г. уравнением казачьих чинов с чинами регулярной армии, которое они рассматривали как признание правительства за всеми донскими казачьими офицерами прав на дворянство. Но самодер-

жавие заметно отличало «новое» донское дворянство, не предоставив ему всех прав и привилегий великороссийского дворянства, и не признало его коллективной принадлежности к высшему сословию в государстве. На неоднократные обращения войскового атамана М. И. Платова открыть в Войске Донском дворянское депутатское собрание, разрешить избирать войскового и окружных дворянских депутатов на правах губернского и уездных предводителей дворянства правительство отвечало отказом.

После указа 1798 г. численность донского дворянства увеличилась к 1818 г. более, чем в 10 раз и насчитывала 2629 душ мужского пола. Дворяне, составляя менее 1 % населения края, сосредоточили к 1819 г. в своих руках 4,5 млн дес. (32,1 %) наиболее удобной для сельскохозяйственного производства земли. Обладая большими экономическими возможностями, донское дворянство требовало от правительства и войсковой администрации закрепления за ними политических прав и привилегий великороссийского дворянства.

Вскоре такая возможность представилась. Донское казачество возвратилось с Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов в ореоле славы и всеобщего почитания. Этим воспользовался войсковой атаман М. И. Платов, рассчитывая, что правительство не решится упразднить созданные в крае дворянские сословные организации. В 1816 г. в Новочеркасске состоялось собрание донских дворян, на котором он выступил с речью о роли дворянства в жизни края и о вкладе донского казачества в разгром наполеоновских войск. После этого избрали на должность Войскового (Областного) дворянского депутата героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора Дмитрия Ефимовича Кутейникова.

В следующем году в отчете правительству о состоянии войска Донского М. И. Платов указал на созданные дворянские организации, в надежде, что оно одобрит сделанный шаг. Однако Сенат не утвердил выбор войскового атамана, но и не ликвидировал дворянские депутатские собрания. Правительство рассматривало экономически и политически окрепшее донское дворянство как свою социальную опору и впоследствии стало поощрять деятельность Войскового и окружных дворянских депутатов. Так, в 1826 г. вместе с войсковым атаманом А. В. Иловайским на правах губернского предводителя дворянства на коронации Николая I в Москве присутствовал войсковой дворянский депутат генерал-майор О. В. Иловайский.

По «Положению об управлении Войском Донским» дворянству разрешалось создавать войсковое и окружные дворянские депутатские собрания, выбирать депутатов. В 1856 г. донские дворянские организации и дворянские депутаты были полностью уравнены в правах с губернскими и уездными предводителями дворянства.

Включение земли донских казаков в состав Российского государства в начале XVIII в. и ограничение деятельности войскового

круга коснулись и духовной жизни казачества. В XVI–XVII вв. не существовало в Земле Войска Донского епархий, оно канонически подчинялось главе Русской православной церкви. Священники избирались или назначались войсковым кругом преимущественно из казачьего сословия. Войсковой круг определял священников в приходы, следил за отправлением служб, в случае неудовлетворительного их исполнения отстранял их от службы и даже лишал духовного сана. Войсковой круг поддерживал отношения по духовным делам с Московской Патриархией, принимал или отсылал обратно, назначаемых в Войско священнослужителей, получал из Патриархии Священные книги и оклады для них, колокола и медь для колоколов, кресты, иконы, церковную утварь.

Во второй половине XVII – начале XVIII в. социальные протесты на Дону сопровождались религиозными выступлениями казачества, прежде всего старообрядцев, против официальной церкви и государства. Несмотря на то, что большое число старообрядцев после разгрома Булавинского движения было казнено, сослано на каторгу, ушли за Кубань, немалое количество приверженцев старой веры остались в Земле Войска Донского. Важнейшим шагом по установлению контроля над духовной жизнью казачества явился указ 18 марта 1718 г. царя Петра I о передаче церковного управление в Земле Войска Донского из Патриархии в епархию Воронежскую и Елецкую. В результате широкого строительства церквей, соборов и монастырей, создания новых приходов и причтов, усилилось влияние христианства на население края, началась активная миссионерская деятельность по обращению старообрядцев, представителей других конфессий в ортодоксальное православие. К концу XVIII в. в Земле Войска Донского находилось 183 храма. В 1903 г. насчитывалось 43 благочиния, которым подчинялось более 600 храмов, 4 монастыря (2 мужских и 2 женских), 923 церковные школы, 485 церковно-приходских попечительств, Духовная семинария, 2 духовных училища (Новочеркасское и Усть-Медведицкое) и епархиальное женское училище.

В течение XVIII в. шла напряженная борьба за власть в церковных делах между войсковыми атаманами, с одной стороны, митрополитами и архиепископами Воронежской и Елецкой епархии – с другой. Она особенно обострилась в период управления Войском войсковыми атаманами Д. Е. и С. Д. Ефремовыми. Воронежские архиепископы не могли самостоятельно назначать священнослужителей, осматривать старые и строить новые духовные заведения, помогать прихожанам, ограничивалась их миссионерская деятельность. Но при поддержке правительства, они сломили сопротивление атаманов. В 1762 г. в Земле Войска Донского учреждаются Черкасское, Хоперское и Усть-Медведицкое духовные управления, которые подразделялись на духовные консистории и духовные бла-

гочиния. Во главе Духовных управлений назначались архиереи и диаконы из Воронежа, имевшие духовное образование и опыт службы.

Так как Воронежские владыки не имели возможности часто бывать в Земле Войска Донского, направлять и контролировать духовную жизнь населения, указом императора Николая I и по решению Святейшего Синода 5 апреля 1829 г. учреждается в Новочеркасске самостоятельная кафедра, получившая наименование «Новочеркасская и Георгиевская». По статусу она являлась епархией 2-го класса, во главе которой стояли архиепископы и митрополиты. Первым архиереем назначается епископ Афанасий, через год возведенный в сан архиепископа. В ведении Донского владыки находились приходы и благочиния Земли Войска Донского, Ставропольской губернии, отчасти Терского, Кавказского Линейного и Черноморского казачьих войск. Как считал Донской краевед и историк церкви А. А. Кириллов, создание Новочеркасской и Георгиевской епархии обусловливалось несколькими причинами: прежде всего, необходимостью усиления борьбы с раскольниками и распространения православия «на язычествующее и магометанское население», создания духовного центра на юге России «для должного духовного влияния и надзора за подданными».

Но решать духовные задачи на такой огромной территории также было очень сложно. В 1842 г. Новочеркасская и Георгиевская епархия разделяется на Кавказскую, Донскую и Новочеркасскую епархии, последняя ограничивалась Землей Войска Донского. В 1871 г. в составе Донской и Новочеркасской епархии открывается Аксайское викариатство, во главе которой назначались епископы. Аксайские викарии являлись первыми помощниками (заместителями) архиепископов и митрополитов Донских и Новочеркасских, во время их выезда за пределы Области войска Донского исполняли обязанности главы Донской церкви.

Епархия Донская и Новочеркасская подчинялась обер-прокурору Св. Синода. Через 2-е отделение его канцелярии осуществлялось ведение церковных дел в Области войска Донского – о правах и обязанностях лиц духовного звания, церковном имуществе, православной религии и раскольниках, иноверцах и лицах других исповеданий, устройстве архиерейских домов, соборов и церквей, монастырей, открытии духовных учебных заведений, вступлении в духовное звание и выходе из него, а также решались другие церковные вопросы.

§ 7. Органы центрального и войскового военного управления Войском Донским в XVIII – 70-х годах XIX в.

Включение казачества в начале XVIII в. в состав вооруженных сил Российской империи и активное привлечение его к пограничной, сторожевой, охранной и полицейской службе, участие в войнах и походах требовали определенной унификации военной организации и управления, снаряжения, снабжения, чинопроизводства, награждения и т. д. До начала XVIII в. донские казаки участвовали в боевых походах и войнах преимущественно против своих ближайших соседей – Азова, крымских татар, ногайцев, калмыков и горцев. В 1702 г. царь Петр I потребовал от войскового атамана Фрола Минаева, чтобы казачьи полки направлялись на театр военных действий в Прибалтику, формировались не менее трех сотенного состава, с донским полковником (войсковым старшиной), есаулами, хорунжими и сотниками, писарями и обозными, всего 350 человек. На период боевых действий царь приказал снабжать казаков порохом и провиантом, казачьих лошадей по нормам полков регулярной кавалерии или солдат крепостных гарнизонов. Он также подтвердил, что добыча, захваченная казаками в бою, является, за исключением военнопленных, пороха, пушек и ружей, их собственностью. Она используется на собственное потребление, закупку провианта, одежды и снаряжения, содержания и замену лошадей и т. д. При смене казачьих полков и по окончании войны войско Донское получало жалованье «с большею прибавкою».

В Северной войне участвовало, по данным А. И. Ригельмана, 2000 казаков, они распределялись по корпусам А. Д. Меншикова, Б. П. Шереметева, Ф. М. Апраксина и при царской особе. Общее командование осуществляли походные атаманы В. Фролов, М. Фролов, Е. Петров, Л. Поздеев и другие. В оперативном отношении они подчинялись начальникам корпусов и дивизий.

В первое время своей деятельности Военная коллегия не имела специального центрального органа для управления казачьими войсками, в том числе, войском Донским. Вначале казачьи дела сосредоточивались в особом отделении, получившем название «Казачье повытье», затем «Казачья экспедиция». Дела разрешались Высочайше утверждавшимися докладами Военной коллегии, важные дела по гражданской части передавались в Правительствующий Сенат. В период правления императрицы Анны Иоанновны «Казачья» экспедиция» превратилась постоянно действующий орган, через который осуществлялось казачье делопроизводство. Помимо Военной коллегии военное и гражданское управление войском Донским реализовалось через губернаторов и генерал-губернаторов.

В конце XVШ в. в результате реформ военного управления в Российской империи, проведенных начальником легкой кавалерии и всех иррегулярных войск фельдмаршалом кн. Г. А. Потемкиным, войско Донское оставалось в высшем военном и гражданском управлении императрицы Екатерины II и в подчинении Военной коллегии. Через Военную Коллегию на Дон присылались императорские, Сенатские и Военной коллегии указы, высочайшие повеления и ордера. Военная коллегия определяла сроки мобилизации и выхода полков с Дона, их маршруты, направляла провиантские команды, которые сопровождали полки к месту постоянной или временной дислокации. Она, по представлению войскового атамана, осуществляла присвоение штаб-офицерских чинов командирам полков и старшинам, которые несли за пределами края действительную, а также внутреннюю по Войску службу по военному и гражданскому управлению. Из Военной коллегии на Дон, как в прежние времена, присылались знамена, бунчуки, войсковые регалии, а также царское жалованье – порох, свинец, хлеб, зелье и т. д., которое в 1808 г. было заменено денежным жалованьем.

В Казачью экспедицию Военной коллегии из Войска поступали списки служилых и отставных генералов, штаб и обер-офицеров, старшин и казаков, списки и сведения о вооружении и снаряжении казачьих полков, донской конной артиллерии. В эпоху Павла I высшее военное управление войском Донским не изменилось.

С созданием министерской системы в России в 1802 г. высшее военное руководство вооруженными силами страны сосредоточивалось в Военном министерстве. В то же время Военная коллегия сохранялась, но в виде исполнительного органа при военном министре. Она наряду с Военным министерством продолжала осуществлять управление войском Донским. Опыт войн России с наполеоновской Францией, Османской империей, Персией и Швецией в первое десятилетие XIX в. показал необходимость коренной перестройки управления войсками. В мае 1812 г. император Александр I утвердил «Учреждение об управлении Большой действующей армией», разработанное генерал-адъютантом кн. П. М. Волконским. Согласно этому документу Военная коллегия упразднялась, все ее функции и делопроизводство подчинялись Военному министерству. «Учреждение» легло также в основу создания штабной службы и содействовало улучшению управления частями и подразделениями Российской армии.

Военное министерство состояло из семи департаментов, из которых Инспекторский департамент ведал военными делами Войска Донского. Остальными вопросами жизни казачества – хозяйственными, финансовыми, полицейскими, судебными и другими занимались соответствовавшие министерства – Внутренних дел, Финансов, Юстиции и т. д. В 1815 г. создается Главный штаб Воен-

ного министерства, ему подчиняется военный министр. Функции военного управления войском Донским отошли начальнику штаба и осуществлялись через Строевой и Инспекторский департаменты. Военному министру остались интендантские дела. Так продолжалось до 1832 г., когда император Николай I, по предложению военного министра кн. А. И. Чернышева, утвердил проект преобразования Военного министерства. Главой военного ведомства становился военный министр, должность начальника Главного штаба на период мирного времени упразднялась, все управление Войском Донским сосредоточивалось в Военном министерстве. Спустя год оно было передано в Департамент Военных поселений Военного министерства.

Поражение России в Крымской войне и отмена крепостного права потребовали кардинальных изменений в военном управлении и военной организации в армии и на флоте.Решение казачьего вопроса совпало с реорганизациями Военного министерства в 1857 и 1867 гг., проведением Военной реформы 1864 г. Департамент Военных поселений, который осуществлял непосредственное управление казачьими войсками, был преобразован в Управление казачьих иррегулярных войск (переименованный в Главное управление иррегулярных войск в 1867 г.).

Войсковое военное управление сосредоточивалось в Войсковой канцелярии под начальством войскового атамана, оно располагалось в столице войска Донского г. Черкасске, с 1805 г. Новочеркасске. До середины XVIII в. в составе Войсковой канцелярии не существовало специальных департаментов или экспедиций, которые ведали вопросами военной организации и военного управления войском Донским. Они распределялись между членами канцелярии, Атаманской походной канцелярией, походными атаманами и полковыми командирами, общее начальство осуществлял войсковой атаман. Отсутствовали и промежуточные органы военного управления между Войском и станицами. Войсковая канцелярия напрямую рассылала в станицы грамоты, предписания и распоряжения о формировании и выставлении казачьих полков на службу, выборе начальников полков, есаулов и сотников, проведении военных мероприятий по защите станиц от нападений крымцев, азовцев, ногайцев и калмыков, обеспечении казаков и полков, лошадьми, оружием, порохом и т. д. С появлением института «нарочных старшин» полномочия по военному управлению между Войском и станицами распространяются на них, они становятся учреждениями, непосредственно осуществлявшими военное управление над станицами.

После создания в 1775 г. Войскового Гражданского правительства военное управление в Войске осуществлялось войсковым атаманом на основании указов, посылавшихся верховным военным

правительством и указов кн. Г. А. Потемкина. При войсковом атамане сохранялась его походная канцелярия, а также создавалась военная канцелярия, они реализовали постоянное и оперативное управление Войском.

К началу XIX в. деятельность войскового атамана и Войсковой канцелярии по военному управлению находилась под полным контролем правительства и осуществлялась на основе имперского законодательства, указов и распоряжений Военной коллегии. Опираясь на поддержку правительства, войсковой атаман и старшины укрепили свое положение в Войске, ограничили влияние на военное управление выборных органов – войскового и станичных кругов. В последней четверти XVШ в. войсковой атаман назначал командиров полков. Они, в свою очередь, определяли сотников и хорунжих, которых ранее избирали на войсковом и станичных кругах при выходе на службу полков с Дона. Старшие члены Войсковой канцелярии и непременные судьи, в ведении которых находились вопросы мобилизации, снабжения, снаряжения, вооружения и военного обучения казаков и старшин, прихода и расхода войсковых сумм (военного капитала), назначались правительством и не могли быть смещены войсковым атаманом, войсковым кругом или собранием донских старшин.

При войсковом атамане действовала Атаманская походная канцелярия, через которую он при выезде из Новочеркасска осуществлял оперативное управление казачьими полками, связь с правительственными учреждениями, взаимодействие с командующими, а также частями и подразделениями регулярной армии. Во время объездов Земли войска Донского войсковой атаман совершал смотры казачьих полков, отправлявшихся с Дона и возвращавшихся со службы, находившихся в летних лагерях, разбирал жалобы казаков и чиновников, следил за работой сыскных старшин в округах, которые также занимались вопросами формирования и отправления казачьих полков на службу.

Безусловно, основная тяжесть по учету, комплектованию, снаряжению, вооружению и обучению казаков, формированию полков и отправлению их на службу лежала на станичных правлениях. Они являлись низовым и основным звеном в военной организации Войска Донского.

Войсковой атаман обладал широкими полномочиями по военному управлению. Он, после получения Высочайших указов и указов Военной коллегии, определял сроки и места сбора, выхода казачьих полков на службу, направление полков к армиям, корпусам и дивизиям, на службу пограничную, в столицы, Кавказскую линию, внутреннюю (по Войску), в рабочие полки для строительства Новочеркасска, объявлял сбор ополчения. Войсковой атаман являлся председателем военного войскового суда, под его руково-

дством проводились разведка и контрразведка, распределение и использование военного капитала, от него зависело чинопроизводство, назначение генералов и офицеров в полки, и т. д. С целью ограничения произвола старшин и чиновников в 1818 г. войсковой атаман А. К. Денисов впервые утвердил правила для составления нарядов и списков казаков при выходе полков с Дона. Списки генералов, штаб и обер-офицеров, урядников и писарей составлялись в Войсковой канцелярии, списки казаков подготавливались станичными правлениями и утверждались на станичных сборах.

Созданный в 1819 г. комитет для разработки «Положения об управлении войском Донским» уделил большое внимание вопросам военного управления, материального обеспечения офицеров и казаков. Утверждение в 1827 г. войсковым атаманом всех казачьих войск наследника российского престола не внесло принципиальных изменений в военное управление Войском Донским и полномочий войскового атамана. В правилах «О власти и образе действия войскового и наказного атаманов по управлению войском Донским», утвержденных императором Николаем I в 1828 г., четко определялись права и обязанности войскового атамана и чиновников Войсковой канцелярии по военному управлению. В развитие этого документа в 1829 г. войсковому наказному атаману предоставили по военно-судным делам права командира отдельного корпуса, он являлся председателем созданной комиссии военного суда. В 1833 г. при войсковом атамане Войска Донского учреждена должность начальника штаба, наделенного правами его заместителя.

«Положение об управлении войском Донским» 1835 г. разделило управление войском Донским на гражданское и военное. Войсковой наказной атаман наделялся правами военного губернатора, «управляющего и гражданской частью». Военное руководство осуществлялось через Войсковое дежурство Войсковой канцелярии и начальника штаба, назначавшегося императором. Войсковое дежурство составляли начальник штаба Войска Донского, войсковой дежурный штаб-офицер, три старших адъютанта из штаб или обер-офицеров. В Войсковом дежурстве сосредоточивались узаконения по военной части, приказы и распоряжения войскового атамана и начальника штаба, содержались именные списки генералов и офицеров, расписания полков и рот донской конной артиллерии с указанием их дислокации, годовые отчеты и ежемесячные рапорты о состоянии войска Донского, списки награжденных российскими и иностранными орденами и т. д.

Важной частью военного управления являлась созданная при Войсковом дежурстве «Комиссия военного суда». Она состояла из презуса, четырех асессоров и аудитора. Все члены Комиссии избирались из служащих чиновников по общим выборам на три года. Военно-судная власть, ранее находившаяся безраздельно в руках

войскового атамана, передавалась в комиссии при окружных дежурствах и полках.

В военном управлении Земля Войска Донского разделялась на 4 военных округа, которыми руководили окружные дежурства под командованием окружных генералов. Окружные генералы назначались в должности по представлениям войскового атамана и общим выборам чиновников к должностям из служащих или отставных генерал-майоров на три года. В состав окружного дежурства входили также старший адъютант, его помощник и канцелярия. Окружные дежурства являлись промежуточным звеном между Войсковым дежурством и станицами. В их обязанности входило составление ежегодных списков казаков и «малолетков», проведение осмотров казаков и офицеров при выходе на службу, во время нахождения на льготе и при возвращении с полевой службы, обучение казаков и офицеров военному делу, распределение нарядов по станицам, обеспечение явки казаков на призывные пункты, формирование полков и обеспечение их войсковыми суммами и довольствием.

Низшей ступенью военного управление являлось станичное правление, которое подчинялось окружным дежурствам и окружным генералам. Станичный атаман и его помощники проводили перепись казаков и офицеров, проживавших в юрте станицы, вели очередные списки, обеспечивали наряды на полевую и внутреннюю службу, хранили документы, связанные с отправлением военной повинности казаков, следили за сбережением казаками оружия, формы и амуниции.

Военная служба являлась тяжелым бременем для казачества, ее успешное исполнение зависело от хозяйственного положения дома, чина на военной службе и других условий. Материальное обеспечение казаков, офицеров и генералов войска Донского складывалось из различных компонентов – жалованье, добыча (военные трофеи), земельный надел, права и привилегии, торгово-предпринимательская деятельность, жалованье на полевой службе, владение собственными имениями и крепостными, высочайшие пожалования, другие источники.

В XVIII–XIX вв. донское казачество продолжало, как и в предшествовавший период, получать жалованье от российского правительства. В 1710 г. царь Петр I утвердил окладное жалованье войску Донскому 17142 руб. деньгами, 7 тыс. четвертей провианта, 250 пудов пороха, 150 пудов свинца, что почти в полтора раза больше, чем казаки получали в XVII в. Бударами (барками) оно отправлялось в Черкасск. В особых случаях правительство делало «наддачи» – дополнительное жалованье. Казаки получали «наддачи» не только во время войн, но и за подавление холерных бунтов, крестьянских и городских движений, восстаний народов Поволжья. Так, в 1779 г. в знак признательности за поимку «вора

и самозванца Пугачева» кн. Г. А. Потемкин исходатайствовал прибавление к войсковому окладу 3 тыс. рублей и 3 тыс. четвертей провианта.

В связи с быстрым развитием хлебопашества в Земле Войска Донского натуральное хлебное жалованье Войску, присылавшееся из Москвы и С.-Петербурга, потеряло свое значение как необходимое условие продовольственной безопасности. В 1808 г. император Александр I заменил его денежным, окладное жалованье казаков увеличилось до 21311 рублей 60 копеек.

Прямые военные потери казачества (убитыми) и косвенные (ранеными и больными) в результате его активного участия в войнах России начала XIX в. составляли 25–30 % списочного состава. Призрение раненых, вдов, сирот, стариков и больных осуществлялось за счет войсковых капиталов, которых постоянно не хватало. В 1809 г. войсковой атаман генерал от кавалерии М. И. Платов добился от правительства на эти цели ежегодной прибавки к войсковому годовому окладу 20 тыс. рублей. В 1822 г. Военное министерство отменило ежегодные натуральные поставки провианта Войску Донскому в размере 10 тыс. четвертей, заменив их денежными выплатами в сумме 90 тыс. руб. С 1832 г. жалованье Войску Донскому (войсковой оклад) составляло ежегодно 131311 руб. 60 копеек, а также 250 пудов пороха и 150 пудов свинца. Вино, сукно и прочие поставки упразднялись. В 1859 г. жалованье казачьих полков было уравнено с легкокавалерийскими полками, донские гвардейские полки и батареи получали жалованье наравне с гвардейскими регулярными войсками.

Большое значение в жизни казачества имела добыча (военные трофеи), захваченная во время походов в составе русских войск против татар, крымцев, ногайцев, участия в войнах Московского государства в XVII–XVIII вв. Захваченную добычу – продовольствие, деньги, лошади и фураж – правительство оставляло казакам как награду за успешно проведенные операции, военнопленные передавались под охрану государства, а военные трофеи – пушки, оружие, порох и амуниция – в казну. В частности, очень богатую награду казаки получили в 1696 г. Царь Петр I пожаловал донских казаков за разгром 20 мая турецкого флота (они уничтожили 3 больших, 10 малых судов, захватили много пленных, 700 пик, 600 кривых турецких сабель, 400 турецких пищалей и мушкетов, 800 тюков сукна, много провизии, пороха, свинца, гранат и бомб) всей денежной и прочей добычей, кроме военных припасов. Два месяца спустя турки сдались, а казаки, воодушевленные победой, ворвались в Азов и в течение двух дней грабили все подряд, что долго и безуспешно пытались предотвратить регулярные войска. Таким образом донские казаки поступали в XVIII и XIX вв., многочисленные примеры дают материалы по истории Семилетней, русско-турецких, Отечественной войны 1812 г. и заграничных по-

ходов русской армии 1813–1814 гг., русско–иранской, Кавказской, русско-турецкой 1878–1879 гг. и других войн.

Военная добыча (трофеи) являлась не постоянным источником существования и отправления казаками военной службы даже в период войн и походов. На все время службы казаки обязаны были содержать себя «на собственный кошт» – иметь собственную одежду, оружие и 2 лошадей – одну строевую, другую вьючную. Это ложилось тяжелым бременем на казаков, вызывало постоянные обращения к правительству обеспечивать их окладами по штатам кавалерийских полков. В 1754 г. правительство удовлетворило их просьбы, Сенат определил размер жалованья атаманам и казакам на время полевой службы. Казачьим полкам, командированным за пределы Земли Войска Донского более чем на 100 верст, сверх войскового оклада выдавалось в год: походным атаманам по 200 рублей, полковым по 100, есаулам, хорунжим, квартирмейстерам и полковым писарям по 18, писарям обозным, казакам и калмыкам по 12 рублей. Кроме того, на зимние месяцы им выдавались фуражные деньги, соответственно чину, на 12, 8, 3 и 2 лошадей.

При императоре Павле I сохранялись денежное довольствие казаков на военной службе, фураж для строевой лошади и для вьючной лошади в размере 75 рублей.

В 1802 г. Военное министерство установило офицерам и генералам, казакам Войска Донского денежное довольствие на время действительной полевой и внутренней по войску службы. Причем денежное довольствие, деньги на фураж и «прогоны» (поездки, командировки) выдавались по штатам кавалерийских полков регулярной армии только в случае их командирования от места жительства на 100 и более верст. Отменялся двойной комплект лошадей, но дача на фураж для 2-й лошади сохранилась, под названием вьючной или ремонтной лошади.

В период Смуты и военно-политических кризисов начала XVII в. Московское правительство материально поддерживало донских атаманов, жаловало им земли и крестьян в центральных уездах страны. Эта практика была направлена и на привлечение атаманов на свою сторону, и на пополнение господствовавшего класса. Но очень быстро земельные пожалования прекратились. Возобновились они в новых социально-экономических и политических условиях развития Российской империи и Войска Донского во второй половине XVIII в.

Пожалования земли и крестьян осуществлялись донским старшинам, генералам и офицерам как в пределах Войска, так и в центральных и других губерниях страны. В 1790 г. по представлению генерал-фельдмаршала кн. Г. А. Потемкина войсковой старшина Иван Исаев «за храбростью и раны» получил в Мариупольском уезде Екатеринославской губернии 600 десятин земли, на которые пе-

реселил приписных крестьян. В 1791 г. светлейший князь Таврический подарил М. И. Платову в Херсонской губернии на р. Куяльник 9 тыс. десятин земли, его брату – 3 тыс. десятин. В 1795 г. генерал-лейтенанту Ф. П. Денисову императрица Екатерина II пожаловала в вечное и потомственное владение земли и 1200 крепостных в Минской губернии, а в 1799 г. император Павел I подтвердил указ матери и возвел его в графское достоинство. В 1797 г. император пожаловал своему любимцу подполковнику Войска Донского Е. О. Грузинову земли и крестьян в Московской и Тамбовской губерниях. Он также произвел бывшего гатчинца в командоры Мальтийского ордена и выделил под его начало несколько «состоящих в Петербургской губернии селений». За участие в подавлении польского восстания генерал-лейтенанту В. А. Сысоеву император Николай I в 1831 г. пожаловал 3 тыс. десятин земли в Ставропольской губернии. Примеры эти не единичны. Последнее обстоятельство создавало условия для выхода из Войска, приобретения ими всех прав и состояний российского дворянства. Земельные пожалования носили единичный характер и обеспечивали генералитет и штаб-офицеров Войска Донского, для всего казачьего сословия основными источниками существования оставались хозяйственная и торгово-предпринимательская деятельность.

Превращение к середине XVIII в. земледелия в один из основных источников существования казачества сопровождалось расхищением атаманами, старшинами и богатыми казаками войсковых и станичных земель. Они стремились использовать свой авторитет и власть, чтобы юридически закрепить за собой захваченные земли как награду за заслуги перед императором и государством, а также получать земли и крестьян за пределами Земли Войска Донского. Одним из возможных путей реализации своих интересов они видели в пожаловании старшинам офицерских и генеральских чинов регулярной армии, что открывало доступ во дворянство, давало право по существовавшим законам на владение землей и крепостными крестьянами.

Видимость законности захватам войсковых и станичных земель придавала Войсковая канцелярия, которая оформляла их как решение или пожалование Войска за заслуги атаманов и старшин или их отцов. В 1747 г. Войско «пожаловало» войсковому атаману Д. Ефремову пустопорожний юрт Черногаевского городка, уничтоженного за участие в Булавинском восстании. Войсковой старшина Сидор Себряков (минуя Войско, иначе он не получил бы земли), находясь в 1761 г. в Петербурге, обратился к императору Петру III с просьбой передать ему во владение юрт Кобылянского городка, опустошенного кн. В. В. Долгоруким в 1708 г. по приказу царя Петра I. Смерть 24 сентября 1761 г. Сидора Себрякова приостановила решение этого вопроса, но уже 24 мая 1762 г. император Петр III, в нарушение су-

ществовавших в Войске Донском земельных порядков, пожаловал в «вечное и потомственное владение» его сыну Михаилу Себрякову юрт Кобылянской станицы. Развернувшаяся борьба между Войском, пытавшимся отстоять войсковые земли, и Себряковыми, не дала положительных результатов. За нарушение императорского указа Войско было оштрафовано на 10 тысяч рублей, а после долгих разбирательств правительство в 1804 г. окончательно закрепило за Себряковым свыше 40 тысяч десятин земли, из которых 34583 десятин считались удобными для хлебопашества. Примеру М. Себрякова следовали и другие войсковые старшины, получив офицерские и генеральские чины, они стремились легализовать и закрепить за собой захваченные войсковые земли и поселенных на них крестьян. В 1822 г. донские дворяне и чиновники, составляя менее 1 % населения Донского края, сосредоточили в своих руках 4,5 млн десятин земли (32,1 %). В 1835 г. правительство закрепило в собственность захваченные войсковые и станичные земли, поселенных на них крестьян за дворянами и чиновниками, ограничив их продажу лицам невойскового сословия.

В 1802 г. правительство прекратило в центральных и малороссийских губерниях страны раздачу земель и крестьян в собственность, предоставляя имения в пожизненную аренду. В Войске Донском служили не только дворяне и чиновники, имевшие землю и крепостных. Значительную группу составляли беспоместные чиновники, для которых военное жалованье являлось единственным источником содержания себя и семьи. По «Положению об управлении войском Донским» 1835 г. беспоместные чиновники наделялись из войсковых земель в пожизненное владение участками согласно чинам: генералам – 1500, штаб-офицерам – 400, обер-офицерам – 200 десятин земли. Правом получения участка пользовались все беспоместные чиновники и те, кто владел землей меньше, чем положено по чину. Им разрешалось приобретать земельные наделы в собственность в полном или половинном размере. Чиновники, отказавшиеся от пожизненных участков и проживавшие в станицах, наделялись землями из станичного фонда: генералы – 6 паев, штаб-офицеры – 4 пая, обер-офицеры – 2 пая (1 пай – 30 десятин земли).

С целью прекратить переход войсковых и станичных земель в собственность в 1858 г. Военное министерство изменило правила наделения землями беспоместных чиновников. Вводились срочные участки (владельческие дачи), предоставлявшиеся чиновникам в пользование по чинам: генералам – 8 участков, полковникам, получившим с выходом в отставку генерал-майорский чин – 4, штаб-офицерам – 2, обер-офицерам – 1 (1 участок – 200 десятин земли). Донские дворяне и поместные чиновники долго и безуспешно добивались снятия ограничений с собственных земель и владельческих

участков. В 1868 г. их борьба увенчалась успехом, такой закон был принят. В 1870 г., в связи с празднованием 300-летия Войска Донского срочные (временного пользования) участки закреплялись в собственность без всех ограничений.

Важнейшим источником существования, снаряжения и выхода казаков на службу являлся земельный надел. Вольная заимка земли, господствовавшая в начале XVIII в. на Дону, очень быстро привела к сокращению свободных для хозяйственной деятельности земель вблизи от станиц, а вскоре и вокруг старшинских и казачьих хуторов за их пределами. Массовое расхищение войсковых и станичных земель, поселение на них беглых крепостных, малороссиян и «новопришлых людей разных сословий и состояний» привели к сокращению казачьего землевладения и землепользования, нарастанию противоречий между Войском и станицами, старшинами и казаками. В течение XVIII в. правительство и Войско пытались многочисленными частными актами, указами и правилами регулировать землевладение и землепользование в Земле Войска Донского, но реальных результатов не добились. Не смогла противостоять захватам земель старшинами и богатыми казаками и казачья община.

Комиссии, присылавшиеся Военной коллегией на Дон, под начальством генерала от кавалерии И. И. Репина и генерал-майора кн. В. Н. Горчакова, представлявшие в правительство правдивую информацию о положении дел в Земле Войска Донского, были скомпрометированы донскими чиновниками подлогами, взятками и ложными обвинениями. Не остались в стороне Войсковая канцелярия и войсковой атаман генерал-майор М. И. Платов. С целью повлиять на обсуждение записки кн. В. Н. Горчакова в Сенате и ввести его в заблуждение, они 11 мая 1802 г. и 14 мая 1803 г. направили в правительство ложную информацию о состоянии землевладения и землепользования на Дону. Войсковая канцелярия и атаман доказывали, что захваты войсковых и станичных земель дворянами и чиновниками не приносят утеснений и убытков казакам. Станицы имеют не менее 60 десятин на каждую душу, а утверждения кн. В. Н. Горчакова о неправильном распределении земель, несправедливы. В действительности, в значительной части станиц в начале XIX в., по данным комитета, созданного для разработки Положения об управлении Войском Донским, на одного казака старше 19 лет приходилось 10,8 и даже 6 десятин земли. Такой земельный надел не обеспечивал экономические условия жизни казачества и снаряжения его на службу, что противоречило государственной политике, направленной на превращение казачества в военное служилое сословие.

«Положение об управлении войском Донским» 1835 г. определило по числу душ в станице размер казачьего пая в 30 десятин земли или разными участками, равными по количеству и качест-

ву земли. «Положение» лишь на время ослабило борьбу за землю и социальные противоречия в крае. К 1861 г. в результате роста численности казачьего и крестьянского населения многие станицы не могли за счет станичного фонда обеспечить всех казаков паем в 30 десятин. Они вынуждены были привлекать войсковые запасные земли, арендовать земли у донских помещиков и чиновников.

В превращении казачества в замкнутое служилое сословие, в обеспечении его исправного выхода на службу играли огромную роль права и привилегии. Важнейшими из них являлись личная свобода (от крепостнической кабалы, государственных податей и повинностей, призыва в рекруты), общее владение землей, военный уклад жизни и образ службы, отличное от российских губерний административно-политическое устройство, особый характер пользования землей за службу, право беспошлинной торговли, рыбной ловли на Нижнем Дону и Азовском море, владение Манычскими соляными озерами и беспошлинная добыча и продажа соли, свободное винокурение в пределах Земли войска Донского, получение царского жалованья за службу.

В 1738 г. Императрица Анна Иоанновна пожаловала походного атамана донских казачьих полков И. М. Краснощекова чином бригадира российской регулярной армии. Это награждение положило начало формированию офицерского корпуса в Войске Донском.

Активное участие казачества в войнах России способствовало тому, что на казачьи полки стали распространяться те же принципы управления и чинопроизводства, которые существовали в регулярной российской армии. В 1763 г. императрица Екатерина II пожаловала войсковым старшинам и походным полковникам право иметь адъютантов, которых называли наказными есаулами. 31 декабря 1765 г. Военная коллегия императорским указом определила, что при производстве в чины должны выбираться достойные, заслуженные и неподозрительные старшины и казаки. «По порядку из десятников в сотники, из сотников в есаулы, из есаулов в старшины, из старшин в войсковые старшины по общему приговору таких, кому можно без сомнения поручить команду». При этом подчеркивалось, что производство в чины, особенно старшинские, не разрешается без высочайшего соизволения.

По предложению Г. А. Потемкина, в 1775 г. правительство отменило «за ослушание» наказания войсковых старшин и лишение их армейских офицерских чинов, предоставив это право Войсковой канцелярии, указав, что с ними необходимо поступать соответственно офицерскому званию и налагать штрафы. В этом же году по инициативе Г. А. Потемкина право присвоения казачьих офицерских чинов было изъято у командиров полков и предоставлено только войсковому атаману. Эти мероприятия явились важным шагом на пути включения донских старшин в офицерский корпус

русской регулярной армии, признания за ними армейских чинов. Фактически, к середине XVIII в. в войсковой системе чинопроизводства звание старшины превратилось в должность и военный чин, стало жалованным.

К старшинским чинам правительство относило чины есаула, войскового и походного есаула, старшины, войскового и походного старшины, полковника, войскового и походного полковника. Каждому чину соответствовал определенный круг полномочий и обязанностей. Принадлежность к старшине как социальной корпорации становится наследственным правом, открывала широкие возможности при занятии должностей, чинопроизводстве и возведении в дворянское достоинство. Войсковые старшины командовали полками, из их среды жаловались в войсковые наказные и походные атаманы, назначались непременные судьи, старшие члены Войсковой канцелярии и Войскового гражданского правительства, они возглавляли сыскные начальства и т. д.

В системе войскового чинопроизводства старшины заняли высшую ступень, однако они не собирались довольствоваться только войсковыми чинами. Они получали чины регулярной армии, которые в составе войсковых чинов занимали незначительный удельный вес, но имели большое значение для получения прав и привилегий российского дворянства. Очень скоро многие старшины почувствовали выгоды армейского чинопроизводства: часто оно сопровождалось приобретением прав потомственного дворянства, открывало возможности для быстрого продвижения по службе, позволяло использовать свое положение для захвата войсковых и станичных земель, заселения их крестьянами; предоставляло детям новых дворян преимущества в получении образования, чинов и должностей.

К 1798 г. в Войске Донском сложилась четкая система чинов и чинопроизводства, имевшая свои особенности, но приближавшаяся к таковой в регулярной армии – казак, десятник, пятидесятник, урядник, хорунжий, сотник, есаул, старшина, войсковой старшина и войсковой полковник, последний по своему статусу не равнялся полковнику регулярной армии. Войсковые звания были постоянными, а также присваивались на время походов в соответствии с занимаемой должностью, например «зауряд» есаул, походный есаул, старшина и полковник, наказной есаул, старшина и полковник.

Широкое награждение старшин чинами регулярной российской армии, проводившееся в последней трети XVIII в., привело к тому, что в составе старшины как социальной корпорации всего Донского офицерского корпуса образовалась значительная прослойка, получившая название чиновников. К 1798 г. в войске Донском, по данным А. П. Пронштейна, числилось 206 служилых и отставных генералов, штаб-офицеров и войсковых старшин, а вместе с обер-офицерами 1898 человек.

Указом императора Павла I от 22 сентября 1798 г. «за ревность и службу Войска Донского» и «в знак признательности» казачьи чины приравнивались к штаб и обер-офицерским чинам регулярной российской армии – чин войскового старшины к чину майора, есаула – ротмистру, сотника – поручику, хорунжего – корнету. В развитие этого указа в 1799–1800 гг. правительство установило выдавать донским чиновникам во время командировок за пределы Земли Войска Донского более чем на сто верст жалованье такое же, как и чинам армейских полков, а также провиант и фураж. Указы императора Павла I приблизили войсковое чинопроизводство к таковому в регулярной армии, но его не заменили, войсковые казачьи чины и звания сохранились.

В 1802 г. император Александр I предоставил войсковому атаману М. И. Платову, командирам корпусов и армий присваивать офицерские чины в казачьих войсках, но «с утверждением от правительства». В 1809 г. правительство ограничило права войсковых атаманов казачьих войск на пожалования штаб-офицерскими чинами. Их пожалование, как и генеральских чинов, стало прерогативой императора. За войсковыми атаманами, начальниками корпусов и армий сохранялось право представления к штаб-офицерским, присвоения обер-офицерских и войсковых чинов с утверждением от правительства.

Кроме «высочайших пожалований» и «производства в чины» пополнение офицерского корпуса в первой половине XIX в. происходило за счет присвоения войсковых и армейских офицерских чинов рядовым казакам «при наличии вакансий в полках» за подвиги, а также через десять и (с 1816 г.) двадцать лет беспорочной службы. Другим источником пополнения офицерского корпуса являлось получение высшего образования. Молодым казакам, окончившим Московский, Харьковский и Казанский университеты и другие высшие заведения страны, присваивали по прибытии в войско на действительную военную и гражданскую службу первый офицерский чин. Выпускники высших учебных заведений чаще всего записывались в гвардейские части, оставлялись на должностях офицеров по особым поручениям при войсковых атаманах, начальниках штабов, старших членов Войсковой канцелярии.

Огромную роль в определении и повышении статуса войсковых старшин и казачьих офицеров играли награждения российскими и иностранными орденами, почетными знаками и личным оружием. Кавалеры российских и иностранных орденов имели, согласно существовавшим законам, преимущества при занятии должностей по военной и гражданской службе, в чинопроизводстве, в материальном и денежном довольствии, льготы и компенсации при увольнении со службы и в пенсионном обеспечении.

На рубеже веков в составе великороссийского дворянства произошли значительные количественные и качественные изменения – оно пополнилось выходцами из среды казачества. Казачье дворянство преобладало в составе дворянства на южных окраинах Российской империи, прежде всего в степном Предкавказье. Удельный вес военно-служилого дворянства постоянно возрастал, к 1812 г. на Дону числилось 400 дворянских родов, за годы Отечественной войны и заграничных походов они увеличилась до 800, а в начале XX в. числилось в Области Войска Донского 2328 дворянских родов. Следует также учитывать, что в первой половине XIX в. на две трети российская кавалерия состояла из донских казаков, это сказывалось на качественном составе офицерского корпуса, тактике, военном искусстве и управлении данным родом войск.

§ 8. Местное военное управление, полковая организация

В XVI–XVII вв. Дикое поле, где сложилось донское и запорожское казачество, современники называли «край войны». Даже после создания Моздокской, а затем Кавказской укрепленной линий во второй половине XVIII в. донские станицы неоднократно подвергались нападениям со стороны калмыков и ногайцев. Противостоять внешней агрессии, а также отстаивать свою независимость от Московского государства Войско могло, только имея хорошее вооружение, снаряжение, припасы, военную организацию. Большим спросом у казаков пользовались порох, селитра и зелье, употреблявшиеся для пушек и пищалей. Не случайно, в составе жалованья Войску Донскому военные припасы и оружие составляли большой удельный вес.

Выгоды, получаемые Российским государством от служб казачества, вынуждали правительство и в XVIII в. снабжать казаков порохом, зельем, селитрой, свинцом, пушками и ядрами. Правительство систематически снабжало казаков из Приказа артиллерии боевыми припасами во время Северной и последующих войн. 16 февраля 1738 г. оно пожаловало казакам для отражения нападений на городки от закубанских татар и ногайцев 67 чугунных пушек. Пушки, ядра и дробь поступили в июне из Воронежской губернии в казачьи городки, которые находились в опасности. Одновременно из Азова и нижнедонских городков в г. Павловск Воронежской губернии были отправлены фальконеты, стоявшие до этого времени на вооружении. В начале русско-турецкой войны (1769 г.)

правительство отлило и отослало в войско Донское 24 медные пушки с лафетами. В этом же году Военная коллегия направила в Войско Донское 4 трехфунтовые пушки с ящиками и лафетами, вместо взятых у Войска Донского 4 пушек на вооружение Донской флотилии под командованием вице-адмирала А. Н. Синявина.

В результате постоянного участия казачества в войнах значительная часть из 30 донских пушек, имевшихся на вооружении в Войске, была повреждена. К концу XVIII в. не хватало зарядных ящиков, орудийная прислуга – «пушкари» не имели навыков меткой и быстрой стрельбы. 24 сентября 1797 г. войсковой атаман В. П. Орлов подал на высочайшее имя рапорт с просьбой восстановить Донскую войсковую конную артиллерию. Ответ пришел очень быстро. 20 октября император Павел I приказал воссоздать конную артиллерию, прислать в Войско Донское из стоявшей под Азовом дивизии артиллерии-генерал-майора М. И. Мордвинова 1 офицера и 12 канониров, а также артиллерийского офицера из Петербурга для обучения личного состава. Донская войсковая артиллерия была возрождена в составе 2 конно-артиллерийских рот 12 орудийного состава.

Во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. войско Донское выставило около 20 тысяч казаков, значительная часть которых не могла обеспечить себя огнестрельным оружием. По указу императрицы Анны Иоанновны из арсеналов Остзейских гарнизонов (Риги и Ревеля) казакам выделили 3133 шведских карабина, которые вскоре поступили на вооружение. Подобные пожалования практиковались и в последующие годы, в частности в период русско-турецких войн и Отечественной войны 1812 г.

Не меньшим разнообразием к концу XVШ в. отличалось казачье холодное колюще-режущее и огнестрельное оружие, так как значительная часть его была захвачена во время войн и походов. Казаки обладали турецким, персидским, арабским, венгерским, польским, русским и другого происхождения холодным колюще-режущим и огнестрельным оружием. Его постоянно не хватало, часто передавалось от отца к сыну, являлось семейным достоянием. Важную роль в вооружении казаков играли пики – русские уланские и гусарские. Пика подбиралась «по руке» – по весу и по длине, имела кованный железный наконечник. Атаку казаков «в дротики» не выдерживали ни польские уланы, ни закованные в броню австрийские кирасиры, они несли ощутимые потери.

Наряду с холодным, донские казаки были вооружены огнестрельным оружием – преимущественно кавказскими ружьями с кремневыми замками и бороздковым огнивом, а также азиатскими пистолетами. Перевооружение русской армии в первой половине XIX в. коснулось и Войска Донского, прежде всего огнестрельного оружия. На вооружение поступали кавалерийские короткие шту-

цер-нарезные ружья, втрое превосходившие по дальности стрельбы кавказские ружья, но уступавшие им в скорострельности. Одновременно пистолеты азиатского типа заменялись русскими пистолетами образца 1803 г. В XVIII в. казаки, старшины, офицеры и генералы Войска Донского имели на вооружении по два и более пистолетов. Они широко использовались в ближнем кавалерийском и пешем бою, в разведке, при несении аванпостной и сторожевой службы. В 1802 г. право иметь пистолеты правительство предоставило только генералам, офицерам и старшинам, казаки имели на вооружении ружье, саблю, пику, кинжал или специальный нож. В период военных действий казаки, игнорируя требования правительства, широко использовали в боях отечественные и трофейные пистолеты различных типов.

Значительные изменения произошли в казачьем вооружении в период царствования императора Николая I. Разнообразные казачьи сабли сменили стандартные шашки образца 1838 г., одинаковой длины и небольшой кривизны. Старые пики были заменены новыми образца 1839 г., они окрашивались в черный цвет и имели железный четырехгранный с продольными бороздками наконечник. Вместо кремневых ружей и пистолетов на вооружение поступили казачьи капсульные винтовки и пистолеты. В 1856 г. казаки Войска Донского получили нарезное оружие – немецкие винтовки Г. К. Таннера (ганноверского подданного) и русского оружейника А. Е. Чернолихова (уроженца Области Войска Донского), которые по своим огнестрельным и техническим показателям не уступали европейским образцам. Винтовки закупались за счет войсковых сумм, хранились в войсковом арсенале и выдавались казакам на период несения полевой и внутренней по войску службы, войны или походов.

До начала XVIII в. комплектование, снаряжение, вооружение, снабжение, чинопроизводство казаков и старшин находилось в ведении войскового и станичных кругов. Казаки не несли постоянной военной службы и не имели постоянных мест дислокации, после участия в военных походах и войнах Московского государства полки возвращались на Дон и распускались по станицам. С развитием вооружения, тактики и стратегии русской армии, расширением театра военных действий, присоединения новых территорий донские казачьи полки стали привлекаться не только для несения военной, но и пограничной, внутренней и сторожевой службы. С середины XVIII в. Войско Донское выставляло полки для участия в походах и войнах, несения службы в крепостях, переселяло казаков на создававшиеся укрепленные линии – Царицынскую, Моздокскую, Кавказскую, Уральскую, направляло полки на усиление формировавшихся Волгского, Астраханского, Терского, Черноморского, Кавказского линейного, Екатеринославского и других казачьих войск, отдельных иррегулярных полков и команд.

К началу XIX в. донские казаки охраняли границу с Польшей и Австрией, располагались полки в Молдавии, на Кавказской линии, в Петербурге и Москве. На полевой и внутренней по Войску службе одновременно находилось 60–65 полков, что составляло две трети российской кавалерии. В 1802 г. император Александр I установил полный штат Войска Донского в составе 80 казачьих полков. Они дислоцировались в Финляндии, во внутренних губерниях и на Кавказской линии. Более того, 45 казачьих полков находилось на Западной границе. В зависимости от стратегических и военно-оперативных задач, намечаемых и решаемых правительством, численность казачьих полков в различных регионах Российской империи и в составе армий изменялась значительно. В начале XIX в. таковым считалось западное направление, после завершения Отечественной войны и заграничных походов – Кавказ и Закавказье, затем Польша, Балканы, Северное Причерноморье и Приазовье и т. д. В 1856 г., по данным Н. И. Краснова, 84 донских казачьих полка и 14 батарей находились в составе Действующей армии – на Западной границе, в Молдавии, Крыму, по берегам Азовского моря, Отдельном Кавказском корпусе, Финляндии, Эстляндии и Лифляндии, г. Новочеркасске.

Особенности уклада жизни казачества и военной организации, разбросанность и разобщенность на огромной территории Российской империи донских казачьих полков во время несения службы, взаимодействие с частями и подразделениями регулярной армии в мирное и военное время требовали хорошо отлаженной системы управления, организации, мобилизации, снабжения, вооружения и снаряжения казачьих войск. До 30-х годов XIX в. в Войске Донском не существовало штабной службы как самостоятельного структурного подразделения, а при полках не действовала квартирмейстерская часть. Эти функции выполняли Военная экспедиция Войсковой канцелярии, Атаманская походная канцелярия, походные атаманы казачьих полков на местах дислокации и их канцелярии, первые заместители командиров полков. В 1802 г. при установлении штатов казачьих полков в состав каждого их них вводился квартирмейстер. В 1833 г. при войсковом атамане Войска Донского устанавливается должность начальника штаба, наделенного правами его заместителя, в 1835 г. учреждается Войсковое дежурство. Создание и развитие штабной службы позволило улучшить управление полками, успешнее проводить мобилизационно-организационные мероприятия, обучение казаков и подготовку офицерских кадров.

Сложной задачей, с которой постоянно сталкивалось Войско Донское, являлось комплектование казачьих полков. До начала XVIII в. не существовало четкой нормативно-правовой основы, по которой осуществлялось их формирование, все решали обычное право и традиции. Войсковые атаманы, исполняя волю Войскового Круга, рассылали в городки грамоты. В них предписывалось ка-

закам являться в Главное войско в г. Черкасск или в указанные места сбора. На войну или в поход выходило почти все дееспособное казачье мужское население, за исключением оставленных для охраны городков, семей, имущества и скота.

С начала XVIII в. военная служба для казачества стала обязательной. Она решала, по мнению правительства, не только военные, но и социально-политические задачи. При отсутствии развитых форм хозяйственной деятельности она заменяла такие источники существования, как походы за зипунами, облегчала распределение годового окладного жалования Войску. Многочисленные «раскомандирования» позволяли лучше управлять казачеством и контролировать его положение за пределами Земли Войска Донского, ослабляли социальные противоречия на Дону. Передав войско Донское в управление Военной коллегии, правительство взяло под контроль формирование и комплектование полков, обучение, снаряжение и чинопроизводство казаков, старшин и офицеров. Обязательное составление списков малолетков, служилых и отставных казаков и старшин под контролем войсковых атаманов и Военной коллегии, введенное в 20-х годах XVIII в., не давало возможности уклониться от военной службы. Но нередко в Войске Донском богатые казаки часто избегали действительной службы, нанимали вместо себя бедных казаков и новопришлых людей.

Дети казаков, урядников, офицеров и священнослужителей, не состоявшие в духовном звании, достигшие 17-летнего возраста привлекались к отбытию станичных повинностей, а с 19 лет записывались казаками в «малолетки» и принимали присягу «на верность службы». После присяги они записывались в станичные очередные списки и по достижении 21 года командировались на действительную службу в составе полевых полков и рот донской конной артиллерии. За год–два до выхода на службу они были обязаны обзавестись строевой лошадью, оружием, амуницией и формой. Если казаки не имели возможности обеспечить себя всем необходимым, их снаряжали на службу за счет станичных обществ или войскового капитала. В то же время правительство не определило сроки службы казаков, как неоднократно отмечалось в различных приказах и распоряжениях, «они должны служить столько, как мочно будет». Это означало 25–35 лет.

В начале XVIII в. царские грамоты Войску Донскому с предложением выступить в поход или на войну, сменились Высочайшими указами о командировании полков в корпуса и армии, крепости, укрепленные линии и казачьи войска для участия в боевых действиях, несения пограничной, охранной, гарнизонной, полицейской и другой службы. Войсковые атаманы, получив Высочайший указ, рассылали приказы по городкам (станицам) о формировании полков и направлении их на службу. Формировались полки по город-

кам (станицам) и принадлежавшим им хуторам – верхнедонские, среднедонские и нижнедонские. Полк комплектовался казаками одной или нескольких ближайших станиц и хуторов по очереди, которая состояла из двух смен. Традиционно выход и смена казачьих полков происходили в мае–сентябре для служивших на Кавказской линии и в Грузии через два года, в Москве и Петербурге – через три года. В дальнейшем был установлен 4-летний срок смены всех полков. Сформированные полки собирались в указанные места (преимущественно в окружные станицы), здесь проверялись состав и численность полков, состояние здоровья казаков, вооружение и снаряжение, обеспеченность строевыми и вьючными лошадьми, выдавались продовольственные и фуражные деньги. К полкам прикомандировывались проводники (регулярной армии офицеры квартирмейстерской части, позже Генерального штаба). Полки под командованием походного атамана отправлялись указанными маршрутами к местам дислокации. От 1 до 2 месяцев полки двигались к месту расположения части, это время до 60-х годов XIX в. не включалось в срок службы.

В 1819 г. все казаки мужского пола были разделены на 4 разряда: 1) несовершеннолетние, не достигшие 19 лет; 2) юноши, достигшие 19 лет (в это время присягают на верность службы, вносятся в списки, остаются дома в течение 2 лет до тех пор, пока не призываются на службу или не переходят в разряд настоящих служилых казаков); 3) служилые казаки – все, кто несет действительную службу, по очереди; 4) отставные, кто по выслуге лет или болезни получил отставку. Таким образом, основные принципы военной организации казачества, сложившиеся в XVШ – начале XIX в., были закреплены императорскими указами, постановлениями и решениями Правительствующего Сената и Военной коллегии (позже Военного министерства).

Состав и численность полка, сроки службы определялись целями и задачами, которые предстояло решать казакам, например, для сопровождения арестантов, удержания кордонов, сыска беглых привлекались полки второй очереди численностью 300–350 казаков, для выполнения боевых операций – полки первой очереди полного комплекта численностью 550, позже 860 человек. В 1802 г. император Александр I установил численность казачьего полка 578 человек, срок службы для казаков 30 лет, их них 25 лет полевой и 5 лет внутренней; для офицеров, соответственно, 20 и 5 лет, полный штат войска Донского – 80 полков.

Опыт участия казачества в войнах России первой трети XIX в. подсказывал, что следовало усилить боеспособность казачьих полков. Для этого необходимо уменьшить штат Донского Войска, с одной стороны, но увеличить численность полков – с другой. По «Положению об управлении войском Донским» 1835 г. устанавли-

вался новый штат Донского Войска, в нем, не считая гвардейских частей и рот конной артиллерии, должны состоять 54 полка, численностью 876 человек каждый. Полкам и сотням полков присваивались номера как частям регулярной кавалерии, но в переписке сохранялись и фамилии командиров полков. В 1856 г. комплект казачьих полков увеличен до 64. В этом же году срок службы в Лейб-гвардии и Атаманском полках казаков сокращен до 25 лет, офицеров до 22 лет. В 1857 г. в связи с ростом численности казачьего населения и для облегчения казачьей службы было принято решение распределять казаков не на две, а на три и более очередей.

Ко времени проведения военной реформы в России в середине 60-х годов XIX в. в Войске Донском накопились значительные проблемы в отбывании казаками и офицерами военной службы. На них в своей записке на имя войскового наказного атамана указывал военный министр генерал-адъютант Д. А. Милютин: отсутствие определенного порядка комплектования строевых частей; излишек служилого состава против штатов военного времени; слишком короткие сроки действительной службы – 3,5 года вместо 5 лет; много молодых казаков не бывших на действительной службе; ранний возраст (19 лет), когда казаки начинают службу; отсутствие очереди для офицеров; большое число казаков, находившихся на внутренней службе по Войску и т. д.

При проведении реформ в Области Войска Донского правительство считало своей главной задачей максимальное стирание различий в гражданском быту между казачеством и другим населением, при сохранении особенностей военного устройства, войскового хозяйства и войсковой администрации. В то же время Военное министерство учитывало значительные отличия в сроках и объеме несения военной службы казаками и неказачьим населением страны. Фактически, заимствовав некоторые элементы строительства современных европейских армий, Военное министерство пыталось реализовать их на российской почве, приспособить к военному устройству, гражданскому укладу жизни, правам и привилегиям казачества. Высочайшими указами 1863–1864 гг. срок службы казаков был определен в 15 лет полевой и 7 лет внутренней.

В 1865 г. император Александр II присвоил войсковому наказному атаману генерал-адъютанту П. Х. Граббе обязанности командующего военным округом, а также права генерал-губернатора и звание войскового атамана. В 1866 г. переименованы: должность войскового атамана в войскового наказного атамана с оставлением всех ранее предоставленных прав и обязанностей; войсковое дежурство в Войсковой штаб; военные округа в отделы; окружные генералы и окружные дежурства, соответственно, в атаманов отделов и управления отделов.

При обсуждении казачьего вопроса во Временном комитете неоднократно высказывались суждения, что после отмены крепостного права в России единственное сословие, которое не получило реальной свободы, было казачество. Оно, связанное обязательствами военной службы, правами и привилегиями, запрещениями выхода из военного сословия и перехода в другие социальные группы населения, фактически оставалось крепостным. Разрешение лицам невойскового сословия селиться на казачьих землях, приобретать землю и недвижимость, ставили казачество в неравные по сравнению со вчерашними крепостными крестьянами и представителями других сословий политические, правовые и экономические условия. Император Александр II и Военное министерство пошли на беспрецедентный шаг. 21 апреля 1869 г. освободили офицеров и чиновников Войска Донского (в том числе других казачьих войск) от обязательной службы и предоставили лицам казачьего сословия права выхода из этого сословия. На них распространялись общие правила определения на службу и увольнения в отставку, принятые для регулярной армии. Этот указ оказал огромное влияние на размывание казачьего сословия, уравнивание его с другими сословиями Российской империи в правах и состояниях.

В 60-е годы XIX в. разгорелась большая дискуссия о принципах мобилизации, формирования и условиях выхода казаков на службу. Некоторые казачьи войска предлагали путем жеребьевки формировать казачьи полки, лицам войскового сословия, не желавшим служить, вносить деньги в войсковой капитал и освобождаться от службы, разрешить обмен очередями и наем вместо себя на службу, позволить выход из казачьего сословия и т. д. Донские депутаты во Временном комитете составили Особое мнение, представили его военному министру Д. А. Милютину и императору Александру II. Оно с некоторыми поправками и изменениями легло в основу правил военной службы всех казачьих войск.

14 октября 1874 г. император Александр II утвердил новое «Положение о военной службе казаков Донского войска», согласно которому все войсковое население без различия, за исключением священнослужителей, обязано нести военную повинность. Казаки должны отбывать службу с собственным снаряжением и на своих лошадях. Срок службы определялся в 20 лет, призыв начинался в 19 лет. С 18 до 21 года казаки числились в приготовительном разряде, от 21 до 33 лет – в строевом, с 33 до 38 лет – в запасе, после чего увольнялись в отставку. Находясь в строевом разряде, казаки обязывались 4 года служить в строевых частях, 8 лет находиться на льготе. В военное время из льготных казаков формировались полки 2-й и 3-й очереди. В случае чрезвычайного положения или войны, казаки, находившиеся на льготе, должны быть готовы в любую минуту выйти с оружием, снаряжением и лошадьми на службу.

В мирное время Войско Донское выставляло на службу 20 армейских конных полков 6-сотенного состава, 7 армейских конно-артиллерийских батарей 6-орудийного состава, лейб-гвардии сводный казачий полк 4-эскадронного состава, лейб-гвардии Донскую е. и. высочества конно-артиллерийскую батарею 4-рудийного состава. В военное время число казачьих полков и конно-артиллерийских батарей увеличивалось втрое, при необходимости формировалось всеобщее казачье ополчение.

Изменения коснулись и донских гвардейских частей. В 1872 г. лейб-гвардии казачьему полку присвоено звание полка Его Величества, Донской гвардейской батарее Его Императорского Высочества наследника цесаревича. В 1859 г. Атаманский полк получил права молодой гвардии, в 1878 г. одновременно с гвардейской батареей, права старой гвардии. Для гвардейских частей, как и для армейских полков, устанавливались 3 очереди, которые позволяли производить через каждые три года замену 1/3 казачьего полка или батареи.

Длительное время казачий полк являлся высшей самостоятельной тактической единицей, который придавался дивизиям, корпусам и армиям. При этом они оставались в подчинении донских походных атаманов. В 1869 г. донские казачьи полки во всех военных округах, за исключением Варшавского, подчинялись командирам дивизий, а из четырех полков (№ 15, 16, 17, 18) сформировалась отдельная Донская казачья дивизия. Фактически, ликвидировался институт походных атаманов, вводилось централизованное управление казачьими частями.

В 1870 г. на все казачьи войска распространялся Дисциплинарный Устав, который действовал в регулярной армии. Одновременно изменилась компетенция и деятельность военно-судной части Войска Донского. Подсудности военных судов подлежали лица казачьего сословия, совершившие преступления на военной службе, противоправные деяния находившихся на льготе, ушедших в отставку рассматривались гражданским судом. Эти изменения и другие дополнения закреплялись в новом Военно-судебном уставе Войска Донского 1873 г.

В 1875 г. издано Положение об управлении военными отделами. Оно определяло права и обязанности атаманов отделов и подчиненных им чиновников.

Большое значение в военной организации войска Донского занимало военное обучение казаков и офицеров, их подготовка к службе. По сложившейся на Дону традиции военное обучение молодых казаков начиналось в станице, с малых лет они обучались навыкам владения конем, пикой и саблей, стрелять из пистолета и ружья. Их обучением занимались отставные или находившиеся на льготе казаки и офицеры под контролем станичных правлений. Они в обя-

зательном порядке участвовали в ежегодных состязаниях и смотрах, где на виду всей станицы, в присутствии правления, окружных начальников и нередко войскового атамана, показывали свое искусство. За успехи в военной подготовке молодые казаки могли получить в награду строевого коня, саблю, пику, ружье, амуницию или форму.

Наряду с военной подготовкой в станицах, она осуществлялась в полках, когда молодые казаки, не достигшие призывного возраста, вступали на действительную службу и наравне со всеми несли ее тяготы. К времени выхода казаков на полевую службу они владели навыками рукопашного боя, знали основные тактические приемы несения разведывательной, аванпостной и сторожевой службы. Военная подготовка и обучение казаков и офицеров продолжалась в полках на действительной службе, а также при выходе на льготу во время ежегодных весенних или осенних сборов.

«Положение об управлении войском Донским» 1835 г. закрепило сложившиеся традиции военной подготовки казаков и офицеров, а «Правила для состава и построения казачьих полков» 1838 г. фактически являвшиеся первым казачьим строевым уставом, стали важным шагом в сближении строевой и военной подготовки полков казачьей и регулярной кавалерии. В этом же году в Новочеркасске был сформирован первый учебный казачий полк, подчинявшийся непосредственно войсковому атаману. «Кадр полка» – казаки, с отличием закончившие двухлетнее обучение или получившие благодарность от начальства, имели отсрочку от призыва на действительную службу, а в последующем могли служить инструкторами и наставниками в полках.

Дальнейшим шагом по пути сближения военного обучения и несения службы казачьих и регулярных войск явились «Краткие правила строевой службы для иррегулярных войск», составленные в 1841 г. генерал-адъютантом А. Х. Бенкендорфом и утвержденные царем. В 1846 г. они были значительно дополнены войсковым атаманом генерал-лейтенантом М. Г. Хомутовым. В «Краткие правила» внесли также многочисленные изменения из «Правил пехотной службы», разработанных Военным министерством, и ввели в войске Донском в 1848 г. Итоговым документом законотворческой деятельности правительства в этом направлении явился «Воинский устав о строевой службе конных полков казачьих войск», утвержденный императором Александром II в 1860 г.

В XVIII – начале XIX в. в военной подготовке казаков, старшин, офицеров и генералов преобладало, по данным формулярных списков, домашнее образование. Многие представители донской аристократии понимали необходимость систематического военного и гражданского обучения. С 70-х годов XVIII в. они направляли на «войсковой кошт» своих детей в Пажеский, Сухопутный Шля-

хетский, Артиллерийский и Инженерный корпуса, Московский императорский университет. Значение и авторитет образования в российской армии и на флоте резко повысились после указа императора Павла I, запретившего в 1799 г. присваивать неграмотным дворянам и другим лицам офицерские чины.

В первой половине XIX в. большой популярностью среди детей штаб и обер-офицеров пользовались 2-й Московский кадетский, Артиллерийский и Инженерный корпуса, Харьковский и Московский императорские университеты, Московское училище землеведения. С 1832 г. для войсковых чиновников предоставлялись места для обучения в Николаевской Академии генерального штаба.

До появления в Земле Войска Донского специализированных военных училищ в офицеры направлялись выпускники Усть-Медведицкой и Новочеркасской мужских гимназий после дополнительного обучения в Донском учебном полку. В 1866 г. он был преобразован на новых началах, его главной задачей стала подготовка урядников для Войска Донского. В 1869 г. в Новочеркасске открылось казачье урядничье училище, переименованное в 1871 г. в казачье юнкерское училище. С 1875 г. все казаки, без различия сословий, могли получать после окончания юнкерского училища офицерский чин. Для подготовки казачьих детей к получению офицерского чина в 1883 г. в столице Области Войска Донского г. Новочеркасске учреждается Донской кадетский корпус, переименованный вскоре в Донской императора Александра III кадетский корпус. В конце XIX – начале XX в. военные учебные заведения Войска Донского считались одними из лучших в Российской империи.

Особенности хозяйства и быта, военной организации донского казачества определяли принципы и приемы управления полками в местах постоянной дислокации в мирное и военное время. До 60-х годов XIX в. высшей тактической единицей в Войске Донском являлась бригада, формировавшаяся из 3–4 полков. Казачьи бригады и полки дислоцировались в качестве самостоятельных подразделений при армиях, корпусах и дивизиях регулярной армии, подчиняясь командующим армиями и отдельных корпусов. При отсутствии до 1835 г. штабных учреждений функции управления и связи, финансирования, размещения и снабжения, разведки и контрразведки возлагались на помощников командиров полков по квартирмейстерской части и офицеров по особым поручениям. Помощником командира полка был следующий за ним по званию, чаще всего начальник первой сотни. При их участии командиры полков и бригад решали вопросы дислокации, квартирования, обеспечения провиантом и фуражом, комплектования подразделений (замена раненых, больных и убитых), выбраковки и поставки лошадей, ремонта вооружения и снаряжения и т. д. Через них же поддерживалась связь с частями регулярной армии.

Со стороны вышестоящих органов военного управления информация в казачьи полки и бригады передавалась офицерами для особых поручений, которые представляли квартирмейстерскую часть свиты е. и. в., а с 1815 г. – Генеральный штаб.

С расширением театра военных действий и увеличением одновременно занятых в боевых операциях различных родов войск – артиллерии, пехоты, кавалерии и инженерных войск управление во время боя превращалось в одну из сложнейших задач, от решения которой часто зависел успех операции или сражения. Войско Донское в первой половине XIX в. широко опиралось на боевые традиции XVII–XVIII вв., а также использовало опыт кавалерии регулярной российской и иностранных армий, тактику и приемы борьбы с горцами на Кавказе. Связь осуществлялась через вестовых и ординарцев, которые передавали известия, донесения, приказы, команды и распоряжения. В них содержалась информация о противнике – его появлении и перемещении, численности и составе, о необходимости ответных действий, нахождении и расположении своих частей, о численности пленных, о количестве захваченных орудий противника и т. д.

В XVIII –XIX вв. Войско Донское продолжало совершенствовать и развивать свое боевое искусство. Наиболее распространенными тактическими приемами казаков в бою были «лава», «вентерь», «клин», «завеса» и «карусель». «Лава» – это подвижный, бесформенный, развернутый или сомкнутый по фронту строй казаков, она широко применялась во время атаки противника с целью остановить его движение, опрокинуть и преследовать до полного разгрома. Во время атаки «лавой» часто выделялся «клин», в хвосте которого ставились 2–3 сотни доброконных казаков. Удар направлялся на наиболее уязвимые порядки противника, доброконные казаки выносились вперед, рассекали его на части и охватывали с тыла, а затем совместно с подоспевшими товарищами, кружась «каруселью» вокруг его обособленных частей, уничтожали или захватывали в плен. «Вентерь» использовался казаками для заманивания противника в засаду, особенно в арьергардных боях, как неоднократно происходило в Отечественной войне 1812 г. и в крупных сражениях. «Завеса» применялась казаками для того, чтобы ввести противника в заблуждение при отступлении, заманить его и подставить под огонь артиллерии, губительный ружейный огонь пехоты или своих товарищей.

Во время военных кампаний, охраны границ и на Кавказской линии прекрасно зарекомендовала себя казачья аванпостная и сторожевая служба. Казачьи пикеты отличались по способу содержания от передовой стражи регулярной армии. В военное время выставлялась тройная цепь охранения; вначале выдвигались пикеты, от которых вперед выходили часовые, сзади пикетов выставлялись

заставы, связь поддерживалась разъездами, состоявшими в зависимости от обстановки из 3–6 человек. В случае появления превосходящих сил противника часовые отходили и оповещали пикеты, в свою очередь пикеты извещали заставы. Дежурный офицер заставы, убедившись в появлении противника, посылал известие в полк, а с подошедшими казаками прилагал все усилия, чтобы захватить «языка», ввести в заблуждение противника и заманить его в ловушку.

Во время боя большую роль в управлении сотней, полком или бригадой играли звуковая, голосовая и знаковая связь. Определенная последовательность и количество выстрелов из пушки, винтовки и пистолета, голосовая и знаковая команды означали начало и конец атаки, отходы, маневры, перестроения, подтягивание и введение в бой резервов, преследование противника или предупреждение о приближении его резервов. По примеру армейской кавалерии в 1802 г. в штаты казачьих полков введены трубачи, они должны были знать и уметь передавать звуковые команды по управлению полком.

В условиях широко масштабного боя имели важное значение знаковые команды, большинство из которых являлись «домашними заготовками». Перед боем командир полка или бригады на совещании обговаривал сигналы и действия командиров полков, сотен и эскадронов. Знаковые команды подавались пиками, саблями, знаменами на длинном древке или атаманским бунчуком, они служили своеобразным маяком, к ним были обращены взоры казаков и офицеров сотни и полка. По знаковым командам определялось местонахождение командира, движение сотни или полка, изменение обстановки, необходимость перегруппировки или других действий.

Боевой опыт войска Донского обобщила и закрепила полковая инструкция 1835 г., которая фактически стала первым казачьим боевым уставом.

Унификация военного и гражданского управления Войска Донского коснулась и формы одежды. Еще в последней четверти XVIII в. казаки одевались в самую разнообразную одежду, в которой сочетались русские, турецкие, персидские и татарские стили. Единую форму одежды имели только лейб-гвардии казачья команда, служившая в охране императрицы Екатерины II, и Атаманский полк. В 1800 г. указом императора Павла I вводится единая форма одежды для казаков и офицеров Войска Донского. При этом подчеркивалась ее обязательность ношения, а также отмечались покрой, цвет, размеры, нашивки и проч. В дальнейшем неоднократно менялись покрой, цвет, соотношение цветов в мундире и на головном уборе, размеры галунов, петлиц, шитья, но в качестве образца считался мундир покроя 1800–1801 гг.

Таким образом, к 70-м годам XIX в. Войско Донское представляло собой крупную силу в составе вооруженных сил Российской империи. Многочисленные мероприятия правительства, направленные на унификацию вооружения, снаряжения, форму одежды, военной организации, способствовали сближению управления казачьих и регулярных войск, превращению казачества в замкнутое служилое сословие. Вместе с тем в военной организации Войска Донского сохранялись многочисленные особенности, прежде всего в допризывной подготовке, проведении мобилизации и прохождении казаками службы, чинопроизводстве и награждении, материальном обеспечении и денежном довольствии.

§ 9. Донское казачество в войнах Российской империи в период правления императора Петра I – императрицы Елизаветы Петровны

Неудачные походы на Крым послужили одной из причин отстранения от власти царевны Софьи Алексеевны и подорвали престиж ее фаворита боярина кн. В. В. Голицына. Южнорусские границы оставались не защищенными от набегов крымских татар и вторжений турецкой армии. Ликвидация опасности со стороны Османской империи, ее вассалов легла на плечи молодого царя Петра Алексеевича. В конце 1694 г. русское правительство заключило мирные договоры с польским королем и австрийским императором и начало подготовку к походу на Азов. В «Записках» известного дипломата и государственного деятеля Ивана Афанасьевича Желябужского отмечалось, что к Белгороду были предварительно отправлены войска и продовольствие. Царь и его окружение покинули 28 апреля 1695 г. Москву. 18 июня Петр Алексеевич прибыл к Азову, а спустя 11 дней началась осада города.

В это время Азов представлял мощную крепость с тремя оградами: наружной в виде земляного вала четырехугольной формы, со рвом и палисадами, средней – каменной стены с бастионами и внутреннего каменного замка. В трех верстах выше Азова на обоих берегах турки возвели две каменные башни – «каланчи» с пушками; между ними через реку Дон протянули три железные цепи. На северной протоке Дона, Мертвом Донце, они построили каменный замок Лютик.

В первом Азовском походе 1695 г. донские казаки во главе с войсковым атаманом Фролом Минаевым участвовали в осаде и неудачном 5 августа штурме города. Во время осады Азова казаки проплывали мимо города на небольших лодках, высаживались в

устье Дона и блокировали его со стороны моря, проникали лазутчиками в крепость и вели переговоры с турками о капитуляции гарнизона.

В силу неподготовленности осады и штурма крепости, отсутствия общего оперативного руководства и взаимодействия между русскими армиями и родами войск, невозможности перекрыть поставки продовольствия и вооружения в Азов по морю, царь принял 2 октября решение, оставив порох и артиллерию в Черкасске, снять осаду и отступить. В Черкасске и во вновь построенной напротив Азова Сергиевской крепости расположились на зиму русские войска под командованием воеводы А. Ржевского. Государь вернулся в Москву.

Столица донского казачества, отмечал сподвижник царя Петра I Корнелий Иванович Крюйс, имела удачное расположение – на острове среди Дона. Фортификационные сооружения Черкасска «изрядно укреплены бастионами и башнями старинной формы с 80 пушками», численность гарнизона «от 7 до 8 тысяч храбрых человек, конных, пеших и матросов, которые говорят по российски, турецки и казацки». Донские казаки, подчеркивал К. И. Крюйс, вооружены луками, стрелами, саблями и винтовками, «которыми очень скоро и метко стреляют». Пушек казаки не имели, они пользовались только захваченными орудиями с турецких кораблей и галер.

Следующий год оказался для русской армии удачным. 9 мая 1696 г. царь Петр I прибыл в Черкасск. К этому времени донская казачья флотилия во главе с походным атаманом Леонтием Поздеевым провела поиск в Азовском море и обнаружила 2 турецких корабля, направлявшихся к Азову. Казаки, несмотря на превосходящие силы противника, напали на них и, прорубив на уровне воды бока в судах, потопили их со всем экипажем и грузом. 15 мая началась осада Азова. Походный атаман Леонтий Поздеев также сообщил царю о местонахождении других турецких кораблей, стоявших на рейде возле Азова. Русская флотилия, состоявшая из 40 казачьих лодок и 9 галер под командованием Петра I, вышла 20 мая по ерику Прямая Кутерьма в море. Из-за мелководья галеры не могли подойти близко к турецким кораблям, поэтому вся тяжесть сражения легла на плечи казаков. Они первыми напали на турецкие суда, захватили и подожгли их. В результате сражения погибло 2 тысячи янычар и турецких моряков, казаки уничтожили 3 больших и 10 малых судов, пленили свыше 300 турок. Казаки захватили 50 тысяч червонных, 700 пик, 600 кривых турецких сабель, 400 турецких пищалей и мушкетов, 800 тюков сукна, 70 медных пушек, много провизии, пороха, свинца, 4 тысячи гранат и 300 бомб.

Учитывая неудачи первого похода, Петр I сосредоточил командование в одних руках, обеспечил хорошую инженерную и артил-

лерийскую подготовку осады, создал и оснастил 20 галер, 20 галеасов и 4 брандеры. В результате разгрома турецкого флота турки и татары, осажденные в Азове, потеряли надежду и решимость на успех, они начали переговоры. Два месяца спустя крепость сдалась. Казаки, воодушевленные победой, ворвались в город и стали его грабить, что долго и безуспешно пытались предотвратить регулярные войска.

Царь Петр I щедро пожаловал донских казаков. Войсковой атаман Фрол Минаев получил жалованную золотую монету в 6 червонцев, инкрустированную драгоценными камнями пищаль, кафтан с золотыми застежками на собольих пупках, деньги, серебряный ковш и другие награды. Казакам, по сложившейся в Российском государстве традиции, были пожалованы золотые монеты и оставлена большая часть добычи – червонные, сукно, провиант и порох (за исключением пушек и военного снаряжения), захваченной на кораблях, в Азове и в сражениях со степными татарами. Перед отъездом в Москву царь Петр I оставил в Азове гарнизон под командованием кн. Львова, передал город и новую построенную крепость Сергиевскую казакам под охрану и поручил им в случае войны оборонять их от нападений татар и турок.

Взятие Азова не означало окончания борьбы казаков с крымцами и татарами. В течение последующих четырех лет казаки под командованием походного атамана Е. Петрова и войскового атамана Ф. Минаева отражали многочисленные нападения турок и крымцев на Азов, ногайцев и калмыков на казачьи городки. Заключение в 1700 г. Константинопольского мирного договора на время приостановило открытые широкомасштабные боевые действия между Россией и Турцией.

Северная война. 1700–1721 гг. С началом Северной войны по указанию Петра I в Лифляндию в корпус Б. П. Шереметева прибыли казачьи полки во главе с походным атаманом донским полковником Максимом Фроловым. Казаки прикрывали левый фланг группировки войск под командованием царя Петра I. Вскоре русские войска осадили Нарву. Подошедшие к крепости в начале ноября 1700 г. на помощь гарнизону шведские войска под командованием короля Карла XII, 18 ноября атаковали русские позиции. Русские войска потерпели поражение, оставив шведам всю артиллерию, обоз и много военного снаряжения и продовольствия. Немногочисленные русские полки отступили от Нарвы, казаки спаслись, переплыв реку Нарову.

После поражения под Нарвой донские казаки не оставались без дела. Они своими набегами от Печорского монастыря в Ливонию «немалую також шкоду учинили, и многих (шведов. – *А. А.*) побивали, и в полон брали». Казаки беспокоили неприятеля частыми кавалерийскими набегами, а 29 декабря 1701 г. у местечка

Эресфер (неподалеку от Дерпта. – *А. А.*), войска под командованием Б. П. Шереметева разгромили шведский 8-тысячный отряд генерала В. А. Шлиппенбаха. Донские казаки в составе передовых русских частей уничтожили шведский авангард, совместно с русскими войсками разбили основные силы противника, а затем почти в течение четырех часов преследовали рассеянные и отступавшие части неприятеля. За победу в этом сражении Петр I произвел Б. П. Шереметева в фельдмаршалы и наградил первым российским орденом, учрежденным 10 марта 1699 г. – орденом Св. Апостола Андрея Первозванного. Одновременно «поручик от бомбардир» А. Д. Меншиков по поручению Петра I передал Б. П. Шереметеву портрет царя, осыпанный бриллиантами.

Это событие имело огромное значение для России – первая крупная победа над шведскими войсками. Для массовых награждений солдат и офицеров русской армии по указанию царя отчеканили из золота и серебра, помимо «золотых», по размеру полтины медаль. Отныне каждая крупная победа русских войск на суше и на море сопровождалась изготовлением новых наградных медалей размером в рубль, полтину, полуполтину и четвертак и вручалась солдатам, матросам, офицерам, генералам и адмиралам русской армии. События Северной войны также запечатлены в многочисленных памятных золотых и серебряных медалях.

17 июля 1702 г. под Гумельсгофом фельдмаршал Б. П. Шереметев вновь одержал победу над шведскими войсками под командованием В. А. Шлиппенбаха. В августе того же года корпус генерал-адмирала Ф. М. Апраксина действовал в районе Новгорода и Ладоги против корпуса генерала А. Кронъюрта и нанес ему поражение на р. Ижоре. Русские войска овладели крепостями Нотебург (Шлиссельбург, Орешек), Ниеншанц, в 1703 г. были взяты Ям и Копорье, а в 1704 г. – Дерпт, Ивангород и Нарва. Царь Петр I высоко оценил действия донских казаков. Они получили денежное жалованье «с прибавкою», а Максим Фролов «против братии» – золотые и жалованье с «многою прибавкою».

В 1705 г. донские казаки участвовали в Лифляндском походе для оказания помощи польскому королю Августу II. В середине января 1706 г. Карл XII неожиданно перешел Неман, а 2(12) февраля 1706 г. при Фрауштадте польское войско Августа II (в составе его находилось около 6 тысяч русских солдат и офицеров под командованием генерала И. М. Шуленбурга) потерпело поражение от шведского генерала К. Г. Реншильда. Русские части, стоявшие на польско-литовской границе в районе Гродно, вынуждены были отойти на Волынь и Киев. Донские полки успешно сражались в арьергардных боях в Галиции и Украине.

Карл XII, захватив Польшу, оставил в городах гарнизоны, вместе со своими войсками ушел в Саксонию. На помощь Августу II

царь Петр I послал корпус под командованием генерал-майора графа А. Д. Меншикова, он начал наступление и вытеснение шведов из Польши. Из Саксонии навстречу русским войскам выступил шведский отряд (7 тысяч шведов и 20 тысяч поляков – сторонников шведского ставленника Станислава Лещинского) во главе с генералом А. А. Мардерфельтом. К 18 октября 1706 г. под Калишем шведские войска А. А. Мардерфельта закрепились за рекой Просна. Казаки находились в авангарде и прикрывали фланги русской армии. Благодаря их бдительности было установлено расположение шведских войск. А. Д. Меншиков провел обходной маневр, прижал отряд А. А. Мардерфельта спиной к реке и отрезал путь к отступлению, все окрестные дороги контролировали казаки. В результате кровопролитного сражения шведы были разбиты, генерал А. А. Мардерфельт и остатки его армии сдались в плен.

Царь Петр I щедро наградил А. Д. Меншикова, пожаловал его князем Ижорским и подарил «лично сочиненную» трость, украшенную бриллиантами. Казаки и солдаты были пожалованы по старому обычаю деньгами (рублевиками) и «золотыми».

В конце августа 1707 г. Карл XII покинул Саксонию и с боями быстро продвигался через Польшу на Смоленск с целью захвата Москвы. Из-за сильного сопротивления русских войск шведский король вскоре был вынужден отказаться от попытки пробиться на Москву и повернул войска на Украину. На помощь ему направлялся корпус генерала А. Л. Левенгаупта с продовольствием и военным снаряжением. Русское командование решило не допустить соединения шведских войск и разгромить корпус А. Л. Левенгаупта. 19–20 сентября 1708 г. корпус А. Л. Левенгаупта после боев с русским авангардом закрепился у деревни Лесной. Донские казаки во главе с Максимом Фроловым несли аванпостную, разведывательную и сторожевую службу. 28 сентября русские войска двумя колоннами атаковали главные силы шведов, в ходе ожесточенного боя и неоднократных контратак противник был «сбит с поля», потеряв восемь орудий и несколько десятков знамен, отошел в свой лагерь. Более половины шведского корпуса погибло. Чтобы спасти остатки разгромленного корпуса, ночью А. Л. Левенгаупт начал отступление в направлении городка Пропойска на реке Сож, которое вскоре превратилось в бегство. В преследовании неприятеля донские казаки показали свои лучшие боевые качества, они вместе с калмыками захватили недалеко от Пропойска свыше 2 тысяч подвод с провиантом, большое количество боеприпасов, 17 пушек и 44 знамени. Генерал А. Л. Левенгаупт привел к шведскому королю около 6 тысяч изнуренных и деморализованных солдат, без артиллерии и провианта.

Потерпев поражение у деревни Лесной, шведский король Карл XII не оставлял надежды пробиться на Москву с юга. Для

этого стремился захватить Слободскую Украину и Харьков. В течение зимы 1708–1709 гг. ему не удалось осуществить намеченные планы. Путь продвижению шведских войск преграждала крепость Полтава, в которой находился немногочисленный гарнизон. В начале апреля 1709 г. шведская армия осадила город, благодаря героизму и мужеству солдат и офицеров гарнизона под командованием коменданта полковника А. С. Келина и жителей города удалось отбить первые натиски противника.

Защита Полтавы дала возможность русским войскам под командованием Петра I занять выгодное стратегическое положение, реализовать свои тактические преимущества. В короткие сроки удалось создать сеть инженерных укреплений – редутов, выгодно расположить артиллерию и пехоту, накануне сражения скрыть от неприятеля кавалерию и резервы. Перед русскими войсками находился сильный противник, он обладал стремительным натиском в атаке и контратаке, высокой маневренностью и взаимодействием частей и различных родов войск, имел хорошо обученный офицерский корпус, профессионально подготовленных солдат.

Большая роль в подготовке сражения отводилась донским казакам под командованием войскового атамана М. Фролова. На их плечи легла разведка, аванпостная и сторожевая служба. Казаки рассыпались по близлежащим дорогам и скрывались в засаде в лесу возле села Будищи и деревни Решетиловки, готовые преградить путь к отступлению и преследованию противника.

Накануне Полтавского сражения в ночь с 25 на 26 июня шведский король объезжал свой лагерь и затем решил осмотреть русские позиции. В перелеске король и его свита наткнулись на казачий разъезд. Он «стоял неосторожно», «некоторые из оного казаки сидели при огне». Карл XII заметил «нерасторопность» разъезда, со своим сопровождением тихо приблизился к нему, сошел с лошади и застрелил одного из казаков. Сидевшие возле огня казаки вскочили и начали стрелять из фузей в короля и сопровождавших его офицеров. В перестрелке Карл XII был тяжело ранен навылет в ногу.

27 июня 1709 г. около 2 часов ночи казаки заметили движение в шведском лагере, кавалерийские полки стремительно следовали к русским позициям. Навстречу им выдвинулась русская кавалерия под командованием А. Д. Меншикова. В результате упорного кавалерийского боя шведская конница была опрокинута и отошла в укрытие за свою пехоту. Чтобы русская конница не попала под огонь пехоты противника, царь приказал А. Д. Меншикову возвратиться. Казаки, бывшие в арьергарде, имитировали отступление, использовали свой излюбленный прием «вентерь». Они вывели шведов, увлеченных погоней, под перекрестный огонь русской пехоты и артиллерии. Шведы, неся огромные потери, прорвались

сквозь русские редуты, но их порядок был расстроен, нарушилось управление воинскими частями.

Петр I решил атаковать, ввел главные силы русской армии в бой. Началось Полтавское сражение. К 11 часам противник был сломлен и начал отходить по правому берегу р. Ворксла к Днепру. В преследование противника включились казаки. На следующий день они в составе отряда А. Д. Меншикова окружили бежавшие от Полтавы шведские войска под командованием генерала А. Л. Левенгаупта и 29 июня у села Переволочны принудили их сдаться.

Полтавское сражение явилось решающим сражением Северной войны, оно определило перелом и исход войны. Военное могущество Швеции было сломлено на суше, она не могла оправиться от понесенного поражения.

Отдохнув после Полтавского сражения, русская армия под командованием Б. П. Шереметева направилась в Лифляндию для осады Риги. В ее составе находилось свыше 2 тысяч донских казаков во главе с войсковым атаманом М. Фроловым. Одновременно в составе отряда А. Д. Меншикова, направившегося в Польшу против Станислава Лещинского и шведского корпуса под командованием генерала Крассова, выступили донские казаки во главе с войсковыми старшинами В. Поздеевым и Е. Петровым.

Осада Риги осенью–зимой 1709–1710 гг. не принесла успеха русской армии. Шведы сумели подготовить город к осаде, создали запасы продовольствия и вооружения. Только весной развернулись боевые действия с новой силой. Донские казаки под Ригой перехватывали вражеских фуражиров и фельдъегерей, разведывали обстановку вокруг осажденного города, несли аванпостную и сторожевую службу. Осада Риги затянулась, среди осажденных начались голод и чума. Русские войска подвергли город массированной бомбардировке, 4 июля 1710 г. шведский гарнизон капитулировал. К осени того же года Эстляндия, Лифляндия и Карелия были освобождены от шведских войск.

В ноябре 1710 г. Османская империя объявила войну России. В начавшейся войне Турция рассчитывала вернуть крепость Азов и земли южной Украины и Восточного Приазовья, отошедшие к России по Константинопольскому мирному договору 1700 г. Для взятия Азова в Константинополе готовилась мощная турецкая флотилия, состоявшая из 18 линейных кораблей, 21 галеры, 100 плоскодонных судов, 100 галиотов и 100 шлюпок. Русское правительство, чтобы не допустить вторжения турецких войск на территорию государства, разработало план наступательных действий. Генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину поручалось с частью войск и флотом при поддержке донских казаков защищать Азов. Земли южной России и Украины прикрывал корпус генерал-аншефа И. И. Бутурлина, для борьбы с кубанскими татарами выдвигался корпус

под командованием казанского губернатора П. М. Апраксина. Корпус фельдмаршала Б. П. Шереметева, в составе которого находились донские казаки, 11 февраля 1711 г. выступил от Риги на Волынь. Из-за бездорожья и распутицы только к началу мая удалось завершить мобилизационные мероприятия и перегруппировку войск.

Медленное передвижение русских войск и нераспорядительность Б. П. Шереметева привели к тому, что ко времени соединения русских войск под командованием Петра I, Б. П. Шереметева и молдавского князя господаря Д. Кантемира в районе г. Яссы турецкие войска и крымские татары захватили все важнейшие переправы на Дунае и реке Прут, контролировали стратегическую ситуацию в регионе. В результате многочисленных боев турецкие войска окружили в лагере русские войска, но взять его штурмом не удалось. Начались мирные переговоры, которые завершились подписанием Прутского договора, согласно которому Россия отдавала Турции крепости Азов, Таганрог, Лютик, Каменный затон и земли Восточного Приазовья. Спустя два года условия Прутского мира получили подтверждение в Адрианопольском мирном договоре.

Северная война продолжалась. Из-за разногласий в действиях союзников Петр I принял решение основной удар против шведских войск направить в Финляндии. Сюда в начале 1713 г. был переведен из Померании корпус А. Д. Меншикова, здесь находились корпуса Ф. М. Апраксина и М. М. Голицына. На помощь им с Дона направился тысячный отряд казаков во главе с войсковым походным атаманом Василием Фроловым. В течение лета 1713–весны 1714 г. они в составе русской армии участвовали в овладении городами Гельсингфорс и Або, в разгроме под городом Пялкяне шведского корпуса генерала К. Г. Армфельда и в Вазской баталии (под деревней Лаппола у г. Вазы. – *А. А.*). Кампания 1713–1714 гг. завершилась освобождением всей южной Финляндии от шведских войск. Эти события были отмечены наградными и памятными медалями, которыми казаков не жаловали. «За подвиги и службы» они получили похвальное царское слово и денежное вознаграждение. В 1720 г. царь Петр Алексеевич пожаловал свой портрет, украшенный бриллиантами на Андреевской ленте для ношения на шее войсковому атаману В. Фролову за подавление Булавинского бунта и участие в сражениях. Год спустя солдаты, офицеры и генералы регулярной армии, а также казаки получили по случаю окончания Северной войны серебряные медали «В память Ништадтского мира». Носилась медаль на Андреевской ленте.

В продолжение Северной войны донские казаки под командованием войсковых атаманов Петра Рамазанова, Максима Фролова, Василия Фролова, походных атаманов И. М. Краснощекова, войскового полковника Д. Е. Ефремова и других войсковых старшин

действовали в составе русских войск в Финляндии, на польско-литовской границе, несли аванпостную и сторожевую службу на подступах к Петербургу и в самой столице.

Россия завоевала выход в Балтийское море, но оставалась отрезанной от выхода в Европу через Азовское и Черное моря. В то же время, владея северным побережьем Каспийского моря от Терека до Яика, она в восточной политике оставалась зависимой от персидского шаха, хивинского и калмыцкого ханов, туркменов-кочевников. Чтобы обезопасить судоходство по Волге и Каспийскому мору, установить непосредственные отношения с Индией, сделать Россию посредницей в торговых связях между востоком и западом, царь Петр I поставил задачу овладеть важнейшими торговыми пунктами Прикаспья и удобными гаванями Каспийского моря.

К июлю 1722 г. на нижней Волге и в Прикаспье русское правительство сосредоточило большие морские и сухопутные силы. Каспийская флотилия состояла из 80 судов и множества лодок, пехота и конница насчитывали около 50 тысяч воинов, в их числе 4 тысячи 300 донских и 12 тысяч украинских казаков, свыше 4 тысяч союзных калмыков. Иррегулярными войсками командовал походный атаман войсковой старшина И. М. Краснощеков, помогал ему полковник Д. Е. Ефремов. Персидский поход возглавил император Петр I. 13 мая 1722 г. он выехал из Москвы в сопровождении П. А. Толстого, Ф. М. Апраксина и других военных и государственных деятелей. В июле начались военные действия. Русская армия без боя прошла Тарки и Буйнаки, но 19 августа ее атаковал на реке Инчке-Аус 10-тысячный отряд султана утемышского Махмута. Против войск султана Петр I послал тысячу донских казаков и калмыков под командованием И. М. Краснощекова. Они опрокинули неприятеля и, преследуя его на расстоянии 20 верст, сожгли несколько деревень. По приказу царя отряд И. М. Краснощекова разорил также Хайтацкую и Утемышскую области, в том числе резиденцию султана – город Утемыш. По мере расширения военных действий увеличивалась и численность донских казаков в составе русских войск. В конце 1722 – начале 1723 г. в войне с Персией участвовало 9 тысяч казаков. В результате активных боевых действий русской армии в Восточном Закавказье и флота на Каспийском море в 1723 г. Петербургским договором Россия закрепила за собой западный и южный берега Каспия.

В русско-польской войне 1733–1735 гг., «за польское наследство», столкнулись интересы Франции, с одной стороны, и коалиции Россия, Австрия и Саксония – с другой. Поводом для войны послужили выборы короля на польский престол. Кандидатами были С. Лещинский (ставленник Франции) и Август Саксонский (ставленник союзников). Под нажимом Франции сейм восстановил королем С. Лещинского. Учитывая, что его дочь являлась с 1725 г.

женой французского короля Людовика XV, это коренным образом меняло соотношение сил и политическую карту Европы.

Коалиция начала войну. В сентябре 1733 г. русские войска под командованием генерал-фельдмаршала П. П. Ласси вступили в Варшаву, С. Лещинский был смещен. Часть польской шляхты избрала королем Польши Августа Саксонского (Августа III). Нелегитимность выборов привела к двухлетней войне. В составе корпуса П. П. Ласси (вскоре его сменил генерал-фельдмаршал Б. Х. Миних) в войне участвовало 2000 донских казаков под командованием походного атамана войскового старшины Тихона Воронина. Казаки отличились при взятии Варшавы, при осаде и штурме Гданьска в феврале–июне 1734 г., в сражении при местечке Височин между русскими и польскими войсками 19(30) апреля 1734 г., в Рейнском походе летом 1735 г. Победа коалиции вынудила Францию признать королем Польши Августа Саксонского (Августа III). Варшавский сейм 1736 г. подтвердил его права на престол. Правление Августа III (умер в 1763 г.) привело к политической деградации Речи Посполитой и, как следствие, ее разделам.

Потеря Россией Азова во время неудачного Прутского похода постоянно волновала царя Петра I. После завершения Персидского (Низового) похода император намеревался начать борьбу за возвращение Азова, завоевание и присоединение Крыма и Северного Причерноморья. Но его преждевременная смерть не позволила России решить эту задачу.

В начале 30-х годов XVIII в. в Европе сложился союз против Османской империи. Российская империя совместно с Австрией начала войну против Османской империи, чтобы прекратить набеги крымских татар на южные уезды России и земли Нижней Австрии. Турция также стремилась укрепить свои позиции в Северном Причерноморье и Приазовье, в придунайских княжествах и на Балканском полуострове. Поддерживаемая Францией, Турция рассчитывала, что Россия не сумеет быстро перебросить войска на юг с театра русско-польской войны (1733–1735 гг.).

Боевые действия развернулись весной 1736 г. По Высочайшему указу войско Донское обязывалось направить в действующую армию 12 тысяч казаков, но выставило лишь 9 тысяч, потому как остальные казаки, писал войсковой наказной атаман И. И. Фролов в Военную коллегию, оказались «безконные и безружные». 2 апреля 1737 г., по указу императрицы Анны Иоанновны, из арсеналов Остзейских гарнизонов (Риги и Ревеля) казакам выделили 3133 шведских карабинов, которые вскоре поступили на вооружение. Казачьи полки под начальством походного атамана И. М. Краснощекова (около 3 тысяч казаков) входили в Донскую армию генерал-фельдмаршала П. П. Ласси (28 тысяч человек), под начальством походного атамана Д. Е. Ефремова (около 5 тысяч казаков) в

Днепровскую армию генерал-фельдмаршала Б. Х. Миниха (62 тысячи человек). Остальные полки отражали нападения закубанских татар и ногайцев.

В конце марта Донская армия и казаки захватили Каланчинские башни и крепость Лютик, подошли к Азову и при поддержке Донской (Азовской) военной флотилии под командованием вице-адмирала П. П. Бредаля начали осаду. В апреле Днепровская армия Б. Х. Миниха двинулась в Крым, 20 (31) мая захватила штурмом перекопские укрепления, 17(28) июня заняла столицу Крымского ханства Бахчисарай. В сражении за Бахчисарай донские казаки встретились в открытом бою с турецкой и татарской конницей и ее разгромили. Почти одновременно, 19 (30) июня войска фельдмаршала П. П. Ласси овладели Азовом. Для того чтобы удержать город, следовало обезопасить его со стороны моря.

После Азовских походов и разгрома Булавинского восстания правительство отобрало у казаков все лодки, на которых они ранее выходили в походы против крымского хана и Османской империи в Азовское и Черное моря. По условиям Прутского мирного договора Азовская флотилия, созданная Петром I, была уничтожена. Сформированная к началу войны Донская (Азовская) военная флотилия была малочисленна и не могла решать крупные стратегические задачи. 9 и 14 сентября 1736 г. последовали Высочайшие указы войсковому наказному атаману И. Фролову о неотложной постройке казаками 100 и более судов, «таких, которые прежде были до взятия Азова». Предполагалось, что они будут использованы в военной кампании будущего года в составе флотилии вице-адмирала П. П. Бредаля. 28–29 июня 1737 г. Донская (Азовская) флотилия под командованием вице-адмирала П. П. Бредаля попала в сильный шторм у Федотовой косы в Азовском море. Из 217 судов погибло 170, уцелели 47 судов. Экипажи удалось спасти, пушки, амуницию и провиант переместить на берег. По приказу генерал-фельдмаршала П. П. Ласси остатки Донской (Азовской) флотилии отошли к Азову для защиты города.

В верхнедонских городках и южных уездах Воронежской губернии развернулось сооружение казачьих судов из местного и сплавлявшегося по Волге леса. К концу 1737 г. 118 гребных судов были построены, оснащены, а в январе 1738 г. команды укомплектованы 3000 донскими казаками. После гибели Донской (Азовской) флотилии в июне 1737 г. активные действия на море не проводились. В апреле – июне 1738 г. флотилия вице-адмирала П. П. Бредаля перевозила казаков и продовольствие для армии П. П. Ласси, блокировала северо-западное побережье Азовского моря от высадки турецких десантов, проводила разведку неприятельских судов. 7 июня турецкий флот в составе 16 судов заблокировал Донскую (Азовскую) флотилию у Федотовой косы. В течение последующей

недели неоднократные попытки прорвать блокаду, перетащить русские суда по прорытым каналам через косу и вернуться в Азов, оказались безуспешными. Огонь судовой турецкой артиллерии, убыль воды и начавшийся шторм вынудили русское командование принять тяжелое решение: часть казаков высадить на берег и направить в г. Геническ на соединение с армией П. П. Ласси, 25 лодок разрубить и утопить.

Казаки, погрузив на оставшиеся суда пушки и продовольствие, сняв мачты с судов, на веслах выдвинулись 15 июня под прикрытием ночи к г. Геническу. Не доплыв 12–15 миль до города, Донская (Азовская) флотилия была встречена превосходящими силами противника. По приказу вице-адмирала П. П. Бредаля казаки приткнули суда к берегу, выгрузили продовольствие и пушки, устроили на высоком морском берегу артиллерийскую батарею. Это позволило казакам 16–18 июня успешно отразить попытки турок высадить десант и уничтожить суда. Тогда турки избрали другую тактику. Занимая господствующее положение на море, они почти в течение месяца блокировали все пути отступления Донской (Азовской) флотилии к Азову. По приказу генерал-фельдмаршала П. П. Ласси были присланы на поддержку Донской (Азовской) флотилии 3000 донских казаков и калмыков, но они не смогли оказать серьезной помощи. Артиллерийские дуэли, длившиеся часами, не наносили противникам никакого ущерба. 19 июня вице-адмирал П. П. Бредаль покинул по состоянию здоровья флотилию, на его место был назначен капитан Д. Толбухин. Казаки Донской (Азовской) флотилии подчинялись бригадиру Лукину.

Русское командование, видя невозможность Донской (Азовской) флотилии выйти в море и вернуться в Азов, приняло решение сжечь все суда, отправить сухим путем в Азов артиллерию, порох, ядра, амуницию и провиант. 18 августа казаки вернулись в Азов. Это была последняя крупная военная морская кампания донских казаков. 15 октября 1739 г., в связи с заключением мира между Россией и Турцией, Донская (Азовская) флотилия была упразднена. Морские офицеры и моряки направлены на Балтийский флот, а казаки вновь пересели на лошадей, вернулись в свои дома и полки.

Успехи русских войск оказались непрочными. Большие потери личного состава (около 30 тысяч солдат и офицеров), нехватка воды, продовольствия, фуража, начавшаяся эпидемия холеры, а затем и чума, заставили русские войска под командованием Б. Х. Миниха покинуть в конце августа 1736 г. Крым и отойти в Малороссию. Русская армия расположилась на зимние квартиры под защитой Украинской укрепленной линии Бахмут–Изюм–Кременчуг. Донские казачьи полки под командованием И. М. Краснощекова и Д. Е. Ефремова совершили в ноябре – декабре крупные успешные походы против кубанских татар и ногайцев, которые действовали в тылу

русской армии и нападали на донские казачьи городки. Они были разгромлены и отброшены за р. Кубань.

Кампания 1737 г. началась весной и была удачной для русской армии. Днепровская армия Б. Х. Миниха 2(13) июля овладела крепостью Очаков. В нее первыми ворвались донские казаки и гусары. Донская армия П. П. Ласси выступила в мае из Азова, с помощью Донской (Азовской) флотилии переплыла через Генический пролив на Арбатскую стрелку, форсировала Сиваш и в июле вступила в Крым. Донские казаки действовали в авангарде русских армий, сыграли решающую роль в разгроме войск хана Фетхи-Гирея на р. Салгир, в сражениях 12, 14 и 15 июля при Карасубазаре, при взятии Очакова. Неудачи прошедшего года не были правильно оценены и проанализированы русским командованием. Нехватка воды, продовольствия и фуража, массовые заболевания вновь заставили русские войска покинуть Крым, а из-за эпидемии чумы – крепости Очаков и Кинбурн. Не меньшей бедой для русской армии являлись обозы. На одного обер-офицера приходилось до 10, штаб-офицера до 40 телег и повозок, требовавшие охраны, обслуги, фуража и продовольствия. Из-за медлительности и неповоротливости обозов, как отмечалось в воспоминаниях современников, русская армия проходила в день 5–8 верст, обозы постоянно подвергались нападениям татарской и турецкой конницы.

В 1738 г. казачьи полки использовались преимущественно для аванпостной и сторожевой службы, отражения набегов крымских татар и ногайцев, защиты донских городков. В августе татары напали на Быстрянский городок, разорили и сожгли его, затем обложили Каргальский городок. Возглавивший в это время войско Донское войсковой атаман Д. Е. Ефремов, собрал и сформировал в полки оставшихся от походов казаков, разбил отряды под предводительством Касай-мурзы и отогнал их за Кубань. Предпринятые татарами набеги на донские городки казаки успешно отразили.

В 1739 г. Днепровская армия Б. Х. Миниха действовала удачно, она 17(28) августа разгромила укрепленный лагерь Вели-паши, овладела городами Хотин и Яссы. Казаки под начальством И. М. Краснощекова в сражении у Ставучан (вблизи Хотина) ворвались в числе первых в лагерь Вели-паши, захватили его обоз. В сентябре изменилось военно-стратегическое и международное положение, Австрия, потерпев несколько поражений, заключила с Османской империей сепаратный мирный договор, Швеция начала угрожать новой войной. 18(29) сентября Российская империя заключила Белградский мирный договор, по которому возвратила себе Азов, но без права его укреплять. Донские казачьи полки начали возвращаться домой. За подвиги, совершенные в войне с турками, императрица Анна Иоанновна пожаловала войсковому старшине И. М. Краснощекову чин армейского бригадира, золотую

медаль с императорским изображением, украшенную алмазами. Войско Донское получило годовое окладное жалованье с большой прибавкою, «чтоб никто в даче той обижен не был».

24 июля (4 августа) 1741 г. Швеция объявила войну России. Она рассчитывала, что ей удастся вернуть утраченные в Северной войне восточные территории и ограничить влияние России в Балтийском регионе. В русско-шведской войне 1741–1743 гг. приняло участие около 6 тысяч казаков под командованием походного атамана бригадира И. М. Краснощекова. Они входили в 20-тысячный корпус генерал-фельдмаршала П. П. Ласси, который располагался в районе г. Выборга. 21 августа (1 сентября) 10-тысячный русский корпус выдвинулся к городу Вильманстранд под командованием П. П. Ласси. 23 августа (3 сентября) осада крепости началась с артиллерийской дуэли, затем пехотные полки пошли на штурм. Казаки и калмыки окружили город и не позволили шведским драгунам оказать помощь осажденным. В этот же день город был захвачен. В течение двух дней русские войска разграбили город и полностью его разрушили, затем вывезли жителей в Россию, а войска отвели назад к Выборгу на зимние квартиры. На шведской территории остались только донские казаки и калмыки, которые в течение последующих месяцев ограничивались незначительными стычками со шведскими драгунами.

Пока русские войска зимовали в Финляндии, в Петербурге произошел государственный переворот, на престол взошла Елизавета Петровна. Начались долгие и сложные переговоры о мире со Швецией, которые не увенчались успехом. В это время казаки под командованием И. М. Краснощекова опустошали шведские территории. В июне 1742 г. русские войска без боя заняли г. Фридрихсгам, казаки преследовали шведские войска, отступавшие к г. Гельсингфорсу. 11 (22) августа русские войска подошли к Гельсингфорсу, казаки и калмыки под командованием И. М. Краснощекова зашли в тыл к шведам, отрезав путь к отступлению на г. Або. 12 (23) августа во время осады и сражения за Гельсингфорс казачий разъезд во главе с И. М. Краснощековым, проводивший разведку, попал в засаду. Сотня шведских драгун под командованием майора Шумана окружила казаков, в ожесточенном бою раненый И. М. Краснощеков попал в плен к шведам и погиб. 24 августа (4 сентября) Гельсингфорс капитулировал, вскоре был занят г. Або. Донские казаки и калмыки по приказу генерал-фельдмаршала Ласси блокировали южное и восточное побережье Финляндии от г. Або до г. Фридрихсгама, не допуская высадки шведских десантов. Начавшиеся в г. Або переговоры о мире были прерваны весной 1743 г. Шведский флот потерпел поражение на море. 7(18) августа был подписан Абосский мирный трактат, по которому России отошла часть Финляндии до

р. Кюммене. Войско Донское за участие в русско-шведской войне было пожаловано знаменем.

Семилетняя война 1756–1763 гг. В середине XVIII в. политическая карта Европы представляла собой лоскутное полотно, состоявшее из различных союзов и многосторонних коалиций, непрочных и постоянно менявшихся. Они держались на основе различных военно-политических, матримониальных, экономических и иных связей и договоров. На фоне англо-французского соперничества в Европе сложились две противоборствующие военно-политические группировки: 1) Россия, Австрия, Франция, Швеция и Саксония; 2) Пруссия, Англия и некоторые северогерманские государства (Ганновер, Гессен-Кассель, Брауншвейг-Волфенбюттель и др.). Каждая коалиция и состоявшие в них государства преследовали свои цели, стремились получить, прежде всего, для себя экономические и политические выгоды, территориальные приобретения. В Прибалтике наибольшую опасность для России представляла быстро набиравшая силы агрессивная Пруссия. При Фридрихе II Великом Прусское королевство превратилось в одно из крупных государств Европы. Оно обладало хорошо вооруженной, обученной и подвижной 150-тысячной армией, а вместе с союзниками силы этой коалиции достигали почти 200 тысяч солдат и офицеров. Англия оказывала финансовую поддержку.

Антипрусская коалиция обладала вдвое большей армией, но не была готова к войне. Понимая неизбежность войны с Пруссией, русское правительство сформировало и разместило к 1756 г. в Лифляндии и на границе с Польшей войска под командованием генерал-фельдмаршала графа С. Ф. Апраксина. На вооружение русской артиллерии поступили 69 «шуваловских» пушек – единорогов и гаубиц. Они по мощности и дальнобойности превосходили современные европейские орудия. По высочайшему указу от 20 октября 1755 г. с Дона были направлены в Прибалтику 3 тысяч казаков под начальством походного атамана генерал-майора Д. Е. Ефремова, вскоре за ними пошли казачьи полки под начальством походного атамана бригадира Ф. И. Краснощекова.

К началу мая 1757 г. русская армия (70 тысяч) под командованием С. Ф. Апраксина сосредоточилась в Лифляндии. В ее составе находились полки Ефремова, Краснощекова, Пушкарева, Кирсанова, Амвросия Луковкина, Попова, Сидора Себрякова, Андрея Дячкина, Туроверова, Перфильева, Ребрикова, Ивана Машлыкина, Петра Орлова, Поздеева, Попова 2-го и др. Всего 16 тысяч донских казаков под общим начальством походных атаманов генерал-майора Д. Е. Ефремова и бригадира Ф. И. Краснощекова. На казаков возлагалась задача вести разведку, нести аванпостную и сторожевую службу, преследовать противника, при осаде крепостей блокировать и не допускать к ним разведчиков, фуражиров,

провиантмейстеров противника, сопровождать пленных, военные трофеи и т. д. 18 мая русская армия выступила из Риги и Митавы к Неману. Из армии С. Ф. Апраксина был выделен Отдельный корпус (20 тысяч) под командованием генерал-аншефа В. В. Фермора, ему придавались полки А. Луковкина, А. С. Дячкина, Кирсанова, Поздеева и И. Машлыкина. Отдельный корпус первым вступил в Восточную Пруссию, осадил и захватил 24 июня (5 июля) город-крепость Мемель.

Армия генерал-фельдмаршала С. Ф. Апраксина двигалась к Ковно, где к ней на соединение в начале июня подошли дивизия генерал-майора графа П. А. Румянцева и корпус генерал-аншефа барона Ю. Г. фон Ливена. Армия продолжала движение к реке Прегель (приток Немана). 19 (30) августа донские казаки отличились в сражении при Гросс-Егерсдорфе. Сражение начали немецкие гренадеры корпуса генерал-фельдмаршала Г. фон Левальда. Они атаковали русские войска, не успевшие полностью построить боевые порядки, но безуспешно. 11 пехотных полков построились в каре и отчаянно отбивались, другие находились на марше. На помощь гренадерам подошла тяжелая прусская конница под командованием принца Карла-Вильгельма Фердинанда Брауншвейгского. Развернутые в цепи и готовые вступить в бой, немецкие драгуны были атакованы донскими казаками полка Сидора Себрякова. Казаки применили «вентерь», заманили драгун в ловушку. Имитировав атаку, казаки начали отступать. Немецкая конница погналась за казаками, но они неожиданно рассеялись. Драгуны оказались перед лицом русской пехоты, построенной в каре, за которым были спрятаны 40 пушек. Пехотный строй разомкнулся и навстречу немецким кавалеристам раздались выстрелы тяжелой артиллерии. Шуваловские орудия – единороги и гаубицы – стреляли через головы русских войск. Залпы картечью смели первые ряды конницы, расстроили ее боевые порядки. К артиллерии подключилась русская пехота, выстрелы сотен ружей привели в полное замешательство прусскую кавалерию, она начала отступать. Казаки и русская кавалерия преследовали противника до тех пор, пока полностью его не рассеяли на поле боя. Захваченные казаками и калмыками «разных наций пленные» подтвердили, что прусская армия насчитывала от 36 до 40 тысяч солдат и офицеров. Противник потерял всю полевую и полковую артиллерию – 29 пушек, 600 пленных, около 300 дезертиров.

Победа под Гросс-Егерсдорфом открывала возможности наступать на Кенигсберг, но русская армия под командованием фельдмаршала С. Ф. Апраксина простояла в течение недели на поле боя, а затем отошла назад, за Тильзит, на зимние квартиры. В ноябре 1757 г. С. Ф. Апраксин был смещен, обвинен в измене и осужден. Действительной причиной смещения фельдмаршала являлось его

участие в придворных интригах по случаю тяжелой болезни и предполагаемой скорой кончины императрицы Елизаветы Петровны.

Под командованием нового главнокомандующего генерал-аншефа графа В. В. Фермора военная кампания 1758 г. началась для русской армии успешно. 2(13) января русские войска заняли Тильзит, 11(22) января – Кенигсберг. В составе колонн генерал-майора П. А. Румянцева и генерал-поручика П. С. Салтыкова казаки первыми вошли в Кенигсберг, по приказу П. А. Румянцева взяли город под охрану и не допустили его разграбления. Зимой 1758 г. казаки совершали многочисленные рейды на территории Восточной Пруссии, 28 февраля (11 марта) в составе корпуса П. А. Румянцева захватили г. Мариенвердер, в июне форсировали Вислу и вступили в Померанию. Восточная Пруссия была включена в состав Российской империи. За Померанский поход генерал-майор Д. Е. Ефремов был пожалован 22 января 1759 г. императрицей Елизаветой Петровной чином тайного советника.

Летом 1758 г. русская армия под командованием В. В. Фермора начала наступление в землях юго-восточной Померании и Бранденбурга. С 4(15) июля они в течение месяца безуспешно блокировали крепость Кюстрин, на помощь осажденным выступил из Богемии 15-тысячный корпус под командованием Фридриха II. Войска короля, 10(21) августа соединившись в районе Франкфурта с 18-тысячным корпусом генерал-фельдмаршала Ф. А. фон Дона, начали угрожать коммуникациям русских войск и заставили их снять осаду Кюстрина. 14(25) августа в сражении при Цорндорфе донские казаки под командованием бригадира Ф. И. Краснощекова «всемерно содействовали блистательной победе русских войск». Прусские гренадеры начали атаку, но встретили решительный отпор со стороны русской пехоты. Ей удалось выдержать натиск, перестроиться, атаковать и прорвать оборону противника. В образовавшийся прорыв ворвались казаки И. Ф. Краснощекова и регулярная кавалерия. Они захватили 26 немецких орудий, но в это время во фланг им нанесли удар 60 эскадронов (около 5000 всадников) прусских гусар под командованием генерал-лейтенанта Ф. В. Зейдлица.

Казаки вновь применили «вентерь», заманили прусских гусар под огонь русской артиллерии. В помощь В. Ф. Зейдлицу король Фридрих II направил пехоту со своего правого фланга. Казалось, что победа предрешена. Русская пехота и кавалерия выдержали энергичный натиск прусских гусар и пехоты, и в момент наивысшего напряжения сил в сражение снова вступили донские казаки. Прусские батальоны и кавалерия дрогнули и начали отступать, казаки захватили в плен батальон пехоты. Прусский король пытался остановить свои бегущие части, но безуспешно. Гусары Ф. В. Зейдлица перегруппировавшись, стали активно атаковать,

что спасло прусского короля от плена и позволило отвести войска с поля сражения к г. Кюстрин. Русские отошли к г. Ландсбергу. В этом сражении русские войска захватили 8 знамен, 2 штандарта, 26 пушек, большое количество зарядных ящиков и бомб («которые тотчас употреблены по неприятелю»), взяли в плен 951 солдат, офицеров и дезертиров.

В кампании 1759 г. русские войска возглавил новый главнокомандующий, пожалованный генерал-аншефом за сражение при Цорндорфе, граф П. С. Салтыков. Умный, осторожный, умевший поддерживать хорошие отношения со своими сослуживцами, П. С. Салтыков старался избегать ненужных сражений, стремился усилить свою армию союзниками и действовать совместно с ними против прусских войск. Его личные качества и военная политика дали положительные результаты. Донские казаки полка А. Луковкина, несшие аванпостную и разведывательную службу, вступили 5–8 (16–19) июля в сражение при дер. Гарау и Гур с прусскими гусарами под командованием генерал-лейтенанта Г. И. фон Цитена 1-го и разгромили их.

12 (23) июля 1759 г. прусский генерал-лейтенант К. Г. Ведель напал на русские войска при деревне Пальциг, несмотря на невыгодное для себя положение. Русские войска находились на равнине и занимали одновременно господствовавшие высоты. Стремительный натиск прусских войск вначале расстроил ряды русской пехоты и кавалерии. Русская артиллерия открыла ураганный огонь, который нанес прусским пехотным бригадам и кавалерии большие потери. Одновременно П. С. Салтыков направил казаков под начальством Ф. И. Краснощекова и регулярную кавалерию в тыл прусским войскам. Зажатые между болотами и высотами, войска генерала К. Г. Веделя были опрокинуты, понесли тяжелые потери и бежали. Казаки преследовали противника до тех пор, «пока ночь им в ожиданном успехе препятствовала». Они захватили 14 пушек, 4 знамени, 3 штандарта, взяли в плен 1200 солдат и 16 офицеров, погибло 4220. Потери русских войск: погибли – 1 генерал, 983 солдат и офицеров, ранены 4800. «Кавалерия и лехкое войско, – отмечал в реляции П. С. Салтыков императрице Елизавете Петровне, – то есть гусары и казаки расторопностью и смелостию высочайшей вашего императорского величества милости заслужили».

24 июля (3 августа) во Франкфурте на Одере войска П. С. Салтыкова соединились со вспомогательным 18-тысячным австрийским корпусом под командованием генерал-лейтенанта барона Г. Э. фон Лаудона. Взятие Франкфурта открывало дорогу в Саксонию и угрожало Берлину.

Фридрих II направил свои войска (около 50 тысяч) тремя колоннами к д. Кунерсдорф, предполагая напасть с тыла на объеди-

ненные русско-австрийские войска под командованием П. С. Салтыкова. Казачья разведка обнаружила движение прусских колонн и предупредила главнокомандующего. П. С. Салтыков принял меры – приказал выкопать окопы, соединить их ходами сообщения, на высотах и в укрытиях расставил тяжелую артиллерию. Центр (П. А. Румянцев), правый (В. В. Фермор) и левый (генерал-поручик кн. А. М. Голицын) фланги объединяла отлаженная система связи. Выдвинутому вперед отряду русских войск было поручено командовать генерал-поручику А. Н. Вильбуа, австрийский корпус располагался сзади правого фланга. Донские казачьи полки, состоявшие при армии, находились под командованием генерал-майора Д. Е. Ефремова и бригадира Ф. И. Краснощекова при дивизии кн. А. М. Голицына. Прикрывали ее тыл и фланги. Численность объединенных русско-австрийских сил составляла около 70 тысяч человек.

1(12) августа произошло сражение при Кунерсдорфе. В отличие от предшествовавших боевых действий, когда сражение начинали кавалерия или пехота, прусский король, подойдя к позициям союзников, открыл мощный артиллерийских огонь по левому флангу А. М. Голицына. Многие русские орудия, лафеты к ним, зарядные ящики с бомбами были повреждены. Не успела умолкнуть 100-пушечная артиллерийская канонада, в атаку пошли гренадеры. Они преодолели сопротивление русской пехоты, ворвались в окопы, захватили 70 пушек и принудили к отступлению левый фланг русских войск. На помощь генерал-поручику кн. А. М. Голицыну главнокомандующий направил дивизию генерал-майора П. И. Панина. Русские солдаты выбили из окопов прусских гренадеров и закрепились на прежних рубежах. В это же время русская и австрийская кавалерия под командованием П. А. Румянцева и Г. Э. Лаудона ударили во фланги прусских эскадронов, опрокинули их, заставили отступить под защиту своей пехоты. В кавалерийской колонне П. А. Румянцева находились полки: 3 кирасирских, 2 драгунских, чугуевский казацкий, а также поступили под его командование все донские казачьи полки.

Прусский король изменил тактику. Главный удар он направил на господствовавшие высоты, в случае их захвата открывалась возможность провести колонны в тыл русско-австрийских войск, изменить ход сражения. Атакующих прусских гренадеров и кавалеристов встретили огнем русские батареи под командованием генерал-майора Магнуса Иоганна (Максима Васильевича) Берга, разбили и рассеяли их. Одновременно во фланг прусских войск были направлены колонны генерал-поручика А. Н. Вильбуа и генерал-поручика кн. В. М. Долгорукого, обратили их в бегство, отняли у неприятеля захваченные русские орудия и захватили много прусских пушек.

Все попытки Фридриха II остановить отступление своих войск не увенчались успехом. Главнокомандующий П. С. Салтыков поручил преследовать неприятеля генерал-майору Г. К. Г. Тотлебену (назначив его командиром всех легких войск) и австрийскому генерал-лейтенанту Г. Э. Лаудону. Преследуя неприятеля до Одера, казаки захватили 1 знамя, 10 пушек, 351 солдат и офицеров, 268 кирасирских и гусарских лошадей. Отличились казачьи полки и их командиры бригадир Краснощеков, полковники Попов, Дячкин и Лукин.

Трофеями русской армии стали 26 знамен, 2 штандарта, 172 пушки разного калибра и гаубиц, множество военных снарядов и более 10 тысяч ружей. В плен взято 4542 человека, в том числе 44 штаб- и обер-офицеров, а также 2055 дезертиров. Погибло 7627 прусских солдат и офицеров. Австрийцы приобрели 5 знамен, 6 пушек, 252 пленных и 345 беглых солдат. Русские войска потеряли убитыми 13 тысяч человек, в том числе 3 генерала, 3 бригадира, 474 штаб- и обер-офицеров.

Победа при Кунерсдорфе открывала русским войскам путь на Берлин. Но генерал-лейтенант Г. Э. Лаудон отказался помогать П. С. Салтыкову, а главнокомандующий не решился самостоятельно наступать на Берлин. Австрийские войска отошли в Саксонию, русские – в Познань, там же остановились на зимних квартирах.

Кампания 1760 г. началась с бесплодных маневров, маршей и контрмаршей обеих армий. Русские войска должны были соединиться с корпусом Г. Э. Лаудона вблизи г. Бреславля, но когда они подошли к городу, там вместо австрийских находились прусские войска. Убедившись в бессмысленности и бесполезности соединения с австрийскими войсками, П. С. Салтыков, по предложению Петербурга, направляет русские войска на Берлин. Для этой цели выделяется корпус под командованием генерал-поручика З. Г. Чернышева, дивизия генерал-поручика П. И. Панина, подвижной отряд генерал-майора Г. К. Г. Тотлебена, в него входят все донские казачьи и чугуевский полки, а также полки регулярной легкой кавалерии.

24 сентября (5 октября) русские войска и австро-саксонский корпус под командованием фельдцейхмейстера графа Ф.-М. Ласси подошли к Берлину. У стен города полк молдавских гусар полковника И. М. Подгоричани и казаки под командованием Ф. И. Краснощекова атаковали прусский арьергард, состоявший из полка и батальона пехоты, 300 егерей и 6 эскадронов конницы, и обратили его в бегство. В ночь на 28 сентября (9 октября) прусский гарнизон оставил Берлин, на рассвете в него вошли русские войска. 20-тысячный Берлинский гарнизон отступал к Потсдаму, на их преследование и уничтожение были направлены подвижной отряд Г. К. Г. Тотлебена и дивизия П. И. Панина. Корпус З. Г. Чернышева оставался в Берлине. Донские казаки под командованием Ф. И. Краснощекова

догнали главные силы противника, окружили и заблокировали его в Потсдаме.

Однако не долго казаки и русские войска находились в Берлине. Узнав о приближении 70-тысячной прусской армии, они по приказанию нового главнокомандующего генерал-фельдмаршала графа А. Б. Бутурлина 1 (12) октября оставили Берлин. Перед уходом З. Г. Чернышев забрал королевскую казну; казаки, по его приказу, уничтожили все войсковые хлебные магазины, арсенал, склады оружия, пушечный и литейный заводы. В королевском дворце казаки захватили одежду Фридриха Великого – мундир из синего сукна с красными обшлагами, с серебряным аксельбантом и шитой звездой ордена Черного Орла, перчатки и белье. Эти вещи казаки сдали З. Г. Чернышеву, они хранились в Артиллерийском историческом музее, в Петропавловской крепости г. С.-Петербурга.

В течение весны–лета 1761 г. король Фридрих II маневрировал между русскими и австрийскими войсками, серьезных сражений не предпринимал. Союзные войска более чем вдвое превышали численность прусских войск, но они располагались в Верхней Саксонии, в районах Познани, Глаца, Мариенвердера, Хойнице, в северо-западной Померании осаждали крепость Кольберг. Основная тяжесть кампании 1761 г. легла на корпус П. А. Румянцева, в его составе находились казачьи полки под командованием бригадира Ф. И. Краснощекова.

При содействии русской эскадры под командованием вице-адмирала А. И. Полянского (40 судов) и шведской эскадры (14 судов, фрегат и несколько вспомогательных судов) союзники в августе начали осаду Кольберга. Гарнизон крепости оказал сильное сопротивление, ему помогал корпус принца Вюртембергского (Карла II Евгения), расположившийся перед крепостью под защитой артиллерии, флангами упиравшийся в реку и болота.

Длительная осада Кольберга русскими войсками представляла угрозу и для самого корпуса П. А. Румянцева. С тыла ему угрожал прусский корпус под командованием генерал-поручика Ф. А. фон Платена, двигавшийся через Польшу к Кольбергу. Разделив часть своих войск на небольшие отряды, прусский генерал организовал партизанское движение. Его отряды вместе с местными жителями нападали на русские обозы, войсковые хлебные магазины, оружейные склады, фуражиров. Основные силы быстро продвигались к крепости на помощь осажденным. Для противодействия корпусу Платена генерал-поручик П. А. Румянцев создал подвижные отряды из легкой кавалерии, куда входили 2 полка гусар, 400 казаков полка войскового старшины И. Машлыкина, 2 батальона охотников, 2 батальона гренадеров под командованием полковника Опочина, а также отряды под командованием генерал-майора

М. И. Берга и полковника Шетнева (Щетнева). В их состав входили казачьи полки под начальством Ф. И. Краснощекова.

В отряде генерал-майора М. И. Берга служил подполковник А. В. Суворов. Он обратил на себя внимание П. А. Румянцева и главнокомандующего генерал-фельдмаршала А. Б. Бутурлина во время сражений при Бреславле, Швейднице и Рейхенбахе, в поражении корпуса генерал-майора И. фон Кноблоха, захвате г. Ландсберга. Причем в захвате г. Ландсберга сыграли решающую роль казаки полка Туроверова. Они ночью переплыли реку, на рассвете ворвались в город, сожгли мосты и ожидали поддержки со стороны регулярных войск. Не дождавшись помощи, казаки покинули город.

Под командование А. В. Суворова выделили 3 гусарских и 4 казачьих полка, которые должны были преследовать отряды и корпус Платена. Отряд А. В. Суворова, не имевший обозов, быстро продвигался через Регенсвальд к Кольбергу, он опередил корпус Платена. Под г. Фридбергом отряд А. В. Суворова нанес фланговый удар по прусскому корпусу, опрокинул его, захватил в плен 200 драгун и гусар. В октябре под Старгардом разгромил пехотный батальон, разбил авангард Платена под командованием полковника Де ла Мот-Курбиера, рассеял и уничтожил два полка прусской кавалерии под Глогау и неожиданным броском под огнем противника ворвался в город. Смелые действия казаков и гусар отряда А. В. Суворова вынудили отступить корпус Платена. Все дальнейшие попытки прусского генерала подвести к крепости продовольствие и вооружение русские войска отбивали с большими потерями для противника.

Защитники Кольберга продолжали сопротивление. 14 ноября, ночью войска принца Вюртембергского совершили невозможное. Не имея плавсредств, они навели из подручных материалов на наклонных быках мосты, по мостам шли пехота и артиллерия, вплавь, посадив на каждую лошадь дополнительно по гренадеру, через затопленный брод, указанный немецким крестьянином, вышли из окружения. Посланные в преследование драгуны под командованием полковника К. фон Девица не догнали противника, только казаки Ф. И. Краснощекова преследовали его до г. Трептова, захватили и уничтожили одну пушку, находившиеся при ней зарядные ящики и амуницию. Сильные морозы, отсутствие боевых запасов, продовольствия, болезни, вынудили 5(16) декабря гарнизон крепости капитулировать.

Смерть императрицы Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.), восшествие на престол императора Петра III коренным образом изменили характер и направление войны. Новый император возвратил Пруссии без каких-либо компенсаций завоеванные русскими войсками территории, 24 апреля (5 мая) заключил с Фридрихом II союзный русско-прусский договор. Корпус З. Г. Чер-

нышева, в который вошли донские казачьи полки, совместно с прусскими войсками начали боевые действия против Австрии в Силезии, осадили и захватили г. Швейдниц, войска Фридриха II заняли почти всю Саксонию. Одновременно Россия готовилась к войне против Дании из-за Шлезвига. Дворцовый переворот 28 июня (9 июля) 1762 г., убийство Петра III, положил конец новой внешней политике. Императрица Екатерина II не стала начинать войну против Пруссии, она не хотела ее полного ослабления и усиления Австрии.

За подвиги в кампании против Пруссии бригадир Ф. И. Краснощеков пожалован чином генерал-майора, войсковые старшины А. Луковкин, Кирсанов, А. Дячкин, И. Машлыкин – в казацкие полковники. За сражение у Франкфурта на Одере (вблизи д. Кунерсдорф) императрица Елизавета Петровна наградила 8 полковников войска Донского золотыми медалями. Известна и сохранилась в Государственном Эрмитаже золотая медаль в 50 червонцев, пожалованная войсковому полковнику Ивану Машлыкину. На лицевой стороне медали поясной портрет императрицы Елизаветы Петровны, на ее обратной стороне – рисунок воина, на поле боя водружающего знамя. Вдали за спиной воина силуэт города Франкфурта на Одере, сверху по кругу надпись: «Победителю», внизу в обрезе в две строчки – «над прусаками. Авг. 1. Д. 1759». Подобная медаль, принадлежавшая неизвестному лицу, находится в Ростовском областном музее краеведения. Войску Донскому императрица Екатерина II пожаловала в 1764 г. новое знамя.

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. не улучшила отношения с Крымским ханством и Османской империей, Россия не добилась свободного мореплавания по Черному морю. Крымские и кубанские татары, ногайцы, продолжали нападать на южнорусские и украинские земли. Правительство Екатерины II приняло решение начать наступательную войну против Турции и Крымского ханства. Ближайшей задачей ставилось овладение побережьем Крымского полуострова, строительство нескольких крепостей и портов, отправление в Средиземное море эскадры кораблей с экипажами и десантом для того, чтобы поднять на борьбу православные народы против Турции.

В октябре 1768 г. Османская империя развязала открытую войну против России. Крымские татары на широком фронте перешли границу и напали на Елисаветградскую провинцию, двинулись к Бахмуту и Волчьим Водам.

§ 10. Участие донского казачества в войнах, походах и экспедициях России второй половины XVIII в.

В войне участвовало 22 тысячи донских казаков под командованием походных атаманов Михаила Поздеева, Тимофея Грекова, Дмитрия Мартынова 2-го и Никифора Сулина. В 1-ю армию генерал-аншефа А. М. Голицына вошли 7 тысяч казаков, во 2-ю армию генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева – 10 тысяч казаков, остальные вошли в Обсервационную армию генерал-аншефа П. И. Олица. В это же время около 9 тысяч казаков в Польше воевали против конфедератов в корпусе генерал-поручика А. В. Суворова, один полк находился в крепости Св. Димитрия Ростовского. Небольшая часть казаков совместно с калмыками под начальством походного атамана войскового старшины А. И. Иловайского в армии генерал-поручика И. Ф. де Медема сдерживала натиск ногайцев и кубанских татар на Кавказе.

В марте 1769 г. генерал-поручик М. И. Берг занял с гарнизонным батальоном и донским казачьим полком Я. Ханжонкова Азов и Таганрог, к началу апреля они были отстроены и превращены в неприступные крепости. Кампания 1769 г. протекала вяло, русская армия осадила Хотин, затем отошла и простояла в бездействии до июля месяца. За неумелое ведение летней кампании А. М. Голицын был отстранен, на его место назначен П. А. Румянцев. 2-й армией командование было поручено генерал-аншефу П. И. Панину. В русско-турецкой войне казаки осуществляли не только вспомогательные функции – действовали в разведке и на коммуникациях противника, они участвовали в крупнейших сражениях у Рябой Могилы, на реках Кагул и Ларге, завоевании Крыма, взятии крепостей Рущук, Силистрия и Шумла, неоднократно проявляя чудеса мужества и героизма. Так, 18 июля 1770 г. казаки полка Иловайского разбили конницу турецкого визиря, а его самого чуть не взяли в плен. Казаков, возвратившихся в лагерь с победой, встречали с музыкой, барабанным боем и криками «ура».

Русско-турецкая война 1787–1791 гг. Итоги русско-турецкой войны 1768–1774 гг., подтвержденные Кючук-Кайнарджийским мирным договором, не устраивали Османскую империю. Российское государство, закрепившись в Северном Причерноморье, стремилось проникнуть за Дунай на Балканы, присоединить Крым, чтобы окончательно покончить с набегами татар на южнорусские земли, утвердиться в степном Предкавказье. Присоединение Крыма в 1783 г. и северо-западной Кубани, признание Грузией покровительства Российской империи в 1783 г., подтвержденное Георгиевским трактатом, обострили русско-турецкие отношения. Турция и Россия готовились к войне. Турецкий султан собирался вернуть

Крым, Екатерина II предполагала расширить границы империи на Кавказе. Турция, поддерживаемая Англией и Францией, 13 августа 1787 г. объявила войну России. Турецкое командование располагало армией около 200 тысяч и сильным флотом, намечало овладеть Кинбурном, Херсоном, а затем и Крымом, рассчитывало одновременно развернуть боевые действия на Северном Кавказе. Россия сосредоточила две армии: генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина (82 тысячи) с целью овладения Очаковом и выходом в дальнейшем к Дунаю на соединение с союзными австрийскими войсками и генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева (37 тысяч), расположенная в Подолии, для содействия 1-й армии. Оборона Крыма и Кавказа возлагалась на отдельный корпус и Черноморский флот под командованием контр-адмирала М. И. Войновича. Для отвлечения противника русское командование направило против мощной турецкой крепости Анапа под командованием генерал-аншефа П. А. Текелли корпус, в его составе находилось 27 донских казачьих полков во главе с войсковым атаманом А. И. Иловайским.

Первый мощный удар турки направили против крепости Кинбурн. Ее стратегическое положение – напротив крепости Очаков, позволяло держать под обстрелом коммуникации в Днепровско-Бугском лимане, контролировать подступы к западному берегу Крыма. В ночь 14 сентября 1787 г. отряд турок численностью около 700 человек высадился на Кинбурнской косе, пытаясь захватить плацдарм. Они были разбиты подоспевшими полками казаков и отрядом пехоты. 1 октября при поддержке артиллерии флота турки вновь высадили на Кинбурнской косе десант численностью свыше 5 тысяч янычар. Узкая Кинбурнская коса насквозь простреливалась картечью с турецких кораблей, русские войска несли большие потери, не могли провести перегруппировку и получить подкрепление.

В этих условиях генерал-поручик А. В. Суворов принял решение: не позволить турецкому десанту закрепиться на Кинбурнской косе, нанести внезапный удар по врагу и опрокинуть его в море. С первыми сигнальными выстрелами крепостной артиллерии Кинбурна донские казачьи полки под командованием Ф. П. Орлова, И. И. Исаева, находившиеся на флангах, 12 полков регулярной конницы и семь полков пехоты стремительно двинулись в атаку. Навстречу им поднялись янычары. Расстояние в двести шагов противники преодолели очень быстро. Затихла стрельба турецкой корабельной и русской крепостной артиллерии – боялись подстрелить и убить своих солдат. Исход сражения решался в ближнем бою и в рукопашной схватке.

«Она (баталия. – *А. А.*), – писал 2 октября 1787 г. А. В. Суворов в рапорте генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину, – была кровопролитна, дрались мы через пятнадцать сделанных ими перекопов,

рукопашный бой обновлялся три раза, действие началось в 3 часа пополудни и продолжалось до полуночи беспрестанно, доколе мы их не потоптали до их эстакад на черте косы самого мыса в воду и потом возвратились к Кинбурну с победою... Кинбурнская коса покрыта турецкими мертвыми телами. Пленный Ахмет сказал, что их было около 5000 человек...» Во время сражения хорунжии Яков Ожогин, Архип Рубцов, Клим Пристанский, казаки Ефим Турченков, Анкундин Харламов и Нестор Рекунов захватили неприятельские знамена. За выдающиеся подвиги в сражении они, а также донские полковники Орлов, Исаев и премьер-майор Сычов, хорунжий Даниил Ерыженский, есаулы Иван Исаев, Евстигней Крюков, сотники Никифор Черкесов и Фрол Зацепилин были представлены к наградам. В представлении к награждению А. В. Суворов особо отметил умелые действия и руководство донскими казачьими полками войскового атамана А. И. Иловайского и его племянника П. Д. Иловайского.

Выдающимися событиями русско-турецкой войны явились взятие в 1788 г. Очакова, в 1790 г. Измаила и сражение в 1791 г. при Мачине.

Очаков представлял сильную военно-морскую крепость и главную базу турецкого флота в Северном Причерноморье. Отсюда турецкие войска могли одновременно развертывать наступление на южную Украину и Крым. Османская империя, владея Очаковом, продолжала господствовать на Черном море, беспрепятственно снабжала свои сухопутные войска, находившиеся в Крыму и районах боевых действий. Для взятия Очакова Г. А. Потемкин сформировал Екатеринославскую армию, в которую вошли полки М. И. Платова, И. И. Исаева и др. Накануне штурма крепости запорожские и донские казаки захватили без единого выстрела укрепления на р. Березани, сожгли в Хаджибее склады, откуда поставлялось продовольствие в Очаков. На рассвете 6 декабря 1788 г. русские войска шестью колоннами с востока и запада двинулись к Очакову, начался штурм крепости. Ожесточенный бой завязался на подходе, а затем у стен крепости. Казаки под командованием М. И. Платова вместе с регулярными войсками нанесли сокрушительный удар туркам на правом фланге, ворвались в город и быстро продвинулись к центру, к цитадели. Завершили атаку солдаты штыковым ударом. Менее чем за два часа мощная турецкая крепость была взята русскими войсками. Трофеи были огромными – противник потерял 310 пушек и мортир, более 180 знамен, много холодного и огнестрельного оружия, а также одежды и драгоценностей. Один из героев этого сражения М. И. Платов получил благодарность в приказе по армии и первый орден Св. Георгия Победоносца 4-й степени, спустя год ему был пожалован чин бригадира.

За кампанию под Очаковом участникам штурма крепости Екатерина II пожаловала ордена, чины и медали, были учреждены

специальная серебряная медаль для награждения нижних чинов и казаков, а также впервые золотая крестообразная медаль для награждения офицеров, не получивших орденов Св. Георгия и Св. Владимира. Серебряная овальная медаль на лицевой стороне имела крупное изображение вензеля Екатерины II под императорской короной, по обе стороны помещены пальмовая и лавровая ветви, связанные внизу лентой. На обратной стороне надпись в девять строк: «За храбрость, оказанную при взятье Очакова декабря 6 дня. 1788». Золотой крест с овальными концами представлял нечто среднее между офицерским орденом и видоизмененной крестообразной медалью. На лицевой стороне по середине креста в овальной рамке надпись: «За службу и храбрость», на обратной надпись в рамке: «Очаков взят 6 декабря 1788».

11 декабря 1790 г. русские войска овладели крепостью Измаил. 4–5-ю штурмовые колонны составляли в пешем строю донские казаки под командованием бригадиров М. И. Платова и В. П. Орлова, они действовали в составе группы генерал-поручика А. Н. Самойлова. Казаки во главе с В. П. Орловым овладели бастионом и батареей, казаки М. И. Платова первыми ворвались на крепостные стены и проникли в город. В результате ожесточенного сражения Измаил был взят. Казаки бились с противником храбро, не уступали регулярным войскам. По случаю взятия Измаила Екатерина II учредила серебряную медаль и золотой крест, сходные по форме с очаковскими медалью и крестом. На лицевой стороне медали было крупное изображение вензеля Екатерины II под императорской короной, на обратной надпись в восемь строк: «За отменную храбрость при взятье Измаила декабря 11. 1790». На лицевой стороне креста в овале надпись: «За отменную храбрость», на обратной надпись в овале в четыре строки: «Измаил взят Декабря 11. 1790».

Взятие Измаила предрешило исход русско-турецкой войны, но впереди русские войска и донских казаков ожидали не менее кровопролитные сражения за Дунаем – в Исакче, Бабадаге, Браилове, Мачине и Гирсово. В этих сражениях казаки и их командиры заслужили самые лестные отзывы и похвалы А. В. Суворова и начальников корпусов Н. В. Репнина, М. И. Кутузова и других командиров. За сражение при Мачине и «разбитии многочисленной турецкой армии» секунд-майоры И. Краснов, С. Греков, А. и Н. Иловайские, С. Мешков, А. Греков, С. Себряков, премьер-майор В. Себряков, капитан И. Карпов и другие офицеры и старшины войска Донского были награждены золотыми в 30 червонцев медалями с профилем императрицы на лицевой стороне, персональными надписями, на другой. За русско-турецкую войну 1787–1791 гг. императрица Екатерина II пожаловала донским генералам и офицерам ордена Св. Георгия 3-й степени: генерал-майору Ф. П. Денисову, бригадиру В. П. Орлову, бригадиру М. И. Платову; 4-й степени: подполковнику В. П. Орлову,

подполковнику И. И. Исаеву, полковнику Я. Н. Мешкову, полковнику Н. П. Кульбакову, полковнику М. И. Платову, подполковнику И. Е. Грекову, подполковнику П. Д. Иловайскому 2-му, премьер-майору Н. Л. Астахову, премьер-майору А. К. Денисову, подполковнику Д. Е. Грекову 1-му, полковнику А. Д. Мартынову (за выслугу 20 лет и взятие Очакова).

На восточном (Кавказском) побережье Черного моря русская армия взяла крепость Анапу, а флот под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова разгромил вблизи Варны у мыса Калиакрия турецкий флот. Османская империя потерпела окончательное поражение и подписала в 1791 г. Ясский мир.

Русско-шведская война 1788–1790 гг. К концу правления императрицы Екатерины II отношения между Российской империей и Шведским королевством оставались напряженными. Шведский король Густав III, придя в 1772 г. к власти, как и Екатерина II, в результате военного переворота, усилил свое влияние, ограничил полномочия сейма. Он начал проводить враждебную политику по отношению к России, стремился вернуть утраченные в результате Северной (1700–1721 гг.) и русско-шведской (1741–1743 гг.) войн территории, пересмотреть условия Ништадтского и Абосского мирных договоров. Его идеалом являлась внешняя политика короля Густава II Адольфа, выдающегося полководца, значительно расширившего территорию Швеции в первой трети XVII в. в ходе войн с Россией, Данией, Польшей, а также Тридцатилетней войны.

Границы к северо-западу от С.-Петербурга были слабо укреплены, в случае войны небольшие гарнизоны и крепости не сдержали бы наступление шведской армии. Россия в это время не могла собрать и перебросить на предстоящий театр военных действий большое количество войск. В Северном Причерноморье и степном Предкавказье продолжалась русско-турецкая война (1787–1791 гг.). 21 июня 1788 г. шведские войска, переодетые в русскую форму, спровоцировали нападение на финскую таможню в г. Саволаксе, затем перешли границу на р. Кюммене – началась война. Для отражения противника на суше был сформирован 14-тысячный корпус под командованием генерал-поручика графа В. П. Мусина-Пушкина, на море – эскадра под начальством адмирала С. К. Грейга (с весны 1789 г. – под начальством адмирала В. Я. Чичагова). В боевых действиях против шведов в составе корпуса В. П. Мусина-Пушкина находился Конвойный лейб-гвардии казачий эскадрон и Донской казачий полк генерал-майора Леонова, и прибывший весной 1789 г. полк Поздеева. В кампании 1788 г. отличились лейб-казаки при деревне Утти, Пунгисальмского перевоза, и г. Гекфорса. Они не только сдержали наступление противника, но и разгромили их авангарды, захватили пушки и несколько сот пленных.

В апреле 1789 г. на театр военных действий бал назначен командовать казачьими и кавалерийскими полками генерал-майор Федор Петрович Денисов, уроженец Донского края. Весной в результате многочисленных поисков и стычек с противником инициатива постепенно перешла русской армии. В майских сражениях при деревне Кири, р. Кюммене и г. Сан-Михеле отличился отряд под командованием генерал-майора И. И. Михельсона, в его составе находились донские казаки под командованием походного атамана Ф. П. Денисова. В последнем сражении Ф. П. Денисов был тяжело ранен в ногу, а затем в руку. Отъехав немного в сторону, Ф. П. Денисов приказал лекарю извлечь пулю из руки, остался на позиции и управлял огнем батареи. В этом же бою проявили мужество и героизм донской полковник С. С. Ефремов и поручик Федор [Степанович] Денисов.

В летне-осенней кампании 1789 г. казаки проявили мужество и героизм. 21 августа, форсировав вплавь р. Кюммене, они выдвинулись к г. Аборфорсу. В результате ожесточенного сражения егеря и спешенные казаки захватили 73 орудия, много съестных и артиллерийских припасов, 60 пленных. Осенью между генералами И. И. Михельсоном и Ф. П. Денисовым начались разногласия по поводу перспективы военной кампании. Ф. П. Денисов выступал за активное ведение и перенос боевых действий на территорию противника, а осторожный И. И. Михельсон не поддерживал его инициативы. Ф. П. Денисов начал действовать самостоятельно. Генерал-майор И. И. Михельсон сказался больным и отбыл из армии, его сменил генерал-аншеф граф И. П. Салтыков.

В кампании 1790 г. донские казаки отличились в сражениях при д. Тайкалы, Маттилы, Тогокоти, Кайпиасу. Они разгромили многочисленные шведские отряды, захватили пушки, обозы и пленных. 22 апреля при кирке Валкиала эскадрон лейб-казаков, две сотни полка Леонова, 2 батальона гренадер и Тобольский пехотный полк во главе с Ф. П. Денисовым атаковали 7-тысячный шведский отряд под командованием короля Густава III, уничтожили более 150 солдат и офицеров противника, захватили весь королевский обоз. В этом сражении отличились донской полковник Василий Тимофеевич Денисов, капитан Андрей Слюсарев, есаул Леонтий Ежов и поручик Трифон Долгов. 27 июня при д. Тогокоти казаки после 4-часового ожесточенного боя окружили и уничтожили шведский отряд из 350 пехотинцев и 70 драгун.

Успехи русских войск на суше и море усилили сепаратистские выступления в Финляндии и брожения в Швеции против короля Густава III. Сложная внутриполитическая обстановка в стране и военные поражения заставили короля подписать 3 августа 1790 г. Верельский мирный договор. 15 августа в Петербурге торжественно объявлено о заключении мира. Войска, участвовавшие в сражениях,

получили многочисленные награды. Казаки были удостоены серебряных медалей, памятных жетонов по случаю заключения мира, а также жалованы деньгами, штаб- и обер-офицерам получили чины и ордена. Генерал-майору Ф. П. Денисову императрица пожаловала орден Св. Георгия 3-й степени, саблю, украшенную драгоценными камнями, стоимостью свыше 2 тысяч рублей, 500 душ крепостных крестьян.

Подавление восстания в Польше и пленение Т. Костюшко. 1794 г. Победы Российской империи в войнах против Швеции и Османской империи в начале 90-х годов XVIII в. не принесли покоя на Европейский континент. Огонь пушек сменила официальная и тайная дипломатия. В 1792 г. между Россией и Пруссией был заключен союзный договор, его секретные статьи предусматривали совместную борьбу против Речи Посполитой, ее государственное ослабление и вытеснение на периферию европейской и мировой политики. Опубликованный 14 мая 1792 г. в г. Тарговица Акт союза польских магнатов (Тарговицкий акт) во главе с маршалом С. Щ. Потоцким и гетманом С. Ржевуским, перечеркивал принятую 3 мая 1791 г. Польскую Конституцию, все реформы и достижения Четырехлетнего сейма, направленные на укрепление государственности. Результатом тайной дипломатии явился Второй раздел Речи Посполитой в 1793 г., ее значительные национальные территории отошли Пруссии, а также Минская, Волынская и Киевская земли приобрела Россия.

В начале марта 1794 г. польский генерал-лейтенант А. Ю. Мадалинский отказался распустить свою конную бригаду, начал военные действия против России и Пруссии. С целью ликвидации восстания генерал-лейтенант И. А. Игельстром, командовавший русскими войсками в Польше, направил отряд донского походного атамана генерал-майора Ф. П. Денисова. 24 марта в бою под Рацлавицами Т. Костюшко разбил русские войска, которые потеряли 4 знамени и 12 орудий, а также убитыми 500 солдат и офицеров. Корпус Ф. П. Денисова отступил к Кракову.

В 3 часа утра 6 (17) апреля 1794 г. в Варшаве вспыхнуло восстание. Повстанцы напали на русские караулы, захватили арсенал, магазины, раздали оружие народу. Из 8 тысяч солдат и офицеров, казаков русского гарнизона погибло 2200 и 260 взято в плен (по другим сведениям около 4 тысяч). Восстание вскоре распространилось по всей Польше и 9(20) апреля перекинулось в Литву, где в г. Вильно погибла большая часть русского гарнизона, был арестован его начальник генерал-майор Н. Д. Арсеньев, захвачены в плен 60 офицеров и 600 солдат. Донские казачьи полки сумели организованно и быстро выйти из Варшавы и прикрыть отступление русских войск из столицы Польши к г. Ловичу. Здесь остатки армии генерала И. А. Игельстрома соединились с прусскими войсками.

Мятеж возглавил генерал Т. Костюшко, участник борьбы за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг. Вскоре он был

провозглашен генералиссимусом и диктатором с неограниченными полномочиями. Первые победы над русскими войсками воодушевили поляков, стала быстро формироваться массовая армия, ее численность достигла 70 тысяч человек.

Донские казачьи полки В. П. Орлова, И. Грекова, А. А. Иловайского, Н. Л. Астахова, П. М. Денисова и А. К. Денисова сдерживали в арьергардных боях наступление польских войск. Особенно они отличились в сражениях с польскими повстанцами 29 апреля под г. Полонцом, 24 мая при мызе Биржа, 26 мая при г. Щекоцине. В кавалерийском сражении при г. Щекоцине донские казаки на виду офицеров прусского короля Фридриха-Вильгельма II разгромили корпус польских улан, захватили 27 знамен, 16 пушек и 1300 пленных. В сражении отличились полки А. К. Денисова, премьер-майоров И. Янова и Н. В. Иловайского. В ходе летней кампании русские, прусские и австрийские войска нанесли поражение польским повстанцам в Литве, под Краковом, Сандомиром и Люблином.

К началу сентября в район восстания подошел под командованием генерал-фельдмаршала А. В. Суворова 10-тысячный корпус, в его составе находились казачьи полки под начальством походного атамана полковника И. И. Исаева. Казаки участвовали в штурме и взятии 4 сентября г. Кобрина, 7 сентября под Крупицами (район Брест-Литовского) в разгроме польского корпуса генерал-майора Кароля Сераковского. Поляки потеряли убитыми и ранеными 5000 человек, взяты в плен 7000 человек, захвачена вся артиллерия.

В сражении при Мацейовицами 28–29 сентября (10 октября) Т. Костюшко решил атаковать корпус А. В. Суворова и подошедшую к нему бригаду генерал-майора И. Е. Ферзена. Т. Костюшко занимал выгодное положение, его корпус господствовал на высотах и контролировал дороги, по численности артиллерии не уступал противнику. Узнав о приближении войск А. В. Суворова и И. Е. Ферзена, Т. Костюшко отдал приказ дивизионному генералу кн. К. Понинскому, находившемуся в 40 км. за Мацейовицами, идти к нему на соединение. Донские казаки перехватили польского курьера и русское командование узнало о планах Т. Костюшко. В ходе начавшегося сражения Т. Костюшко вновь послал нарочного к генералу К. Понинскому, но его дивизия, даже при максимальной поспешности, не смогла во время прийти на помощь. Корпус Т. Костюшко был почти полностью уничтожен, а сам главнокомандующий ранен и захвачен в плен донскими казаками полка А. К. Денисова.

Генерал-фельдмаршал А. В. Суворов, подчинив себе подошедшие части генерал-майоров И. Е. Ферзена и В. Х. Дерфельдена, направил войска к Варшаве. Попытки польских и литовских повстанцев под командованием генерал-лейтенанта Станислава Мокроновского задержать продвижение русских войск оказались безуспешными. 11(23) октября при местечке Кобылке донские каза-

ки совместно с русской регулярной кавалерией атаковали окопы противника, выбили его из укреплений и обратили в бегство. При местечке Кобылка русские войска захватили всю польскую артиллерию (9 орудий), знамя, королевского генерал-адъютанта Бышевского, 1073 пленных солдат и офицеров.

18 октября корпус А. В. Суворова подошел к Праге (предместью Варшавы). Его защищало 20000 инсургентов под командованием генерал-лейтенанта кн. Юзефа Зайончека. На взятие Праги А. В. Суворов направил 7 колонн, одну из которых возглавлял генерал-майор Ф. П. Денисов. 24 октября мощный артиллерийский обстрел разрушил укрепления, а затем яростные и кровопролитные атаки на предместья Варшавы завершили польскую кампанию. Во время штурма Праги полк майора П. О. Грузинова захватил батарею противника, отличились также полки И. К. Краснова и П. М. Грекова. На следующий день русские войска вошли в Варшаву. Из 20000 поляков, защищавших Прагу, убито и ранено 8000, утонуло в Висле 2000, взято в плен 9000 солдат, офицеров и генералов. Остатки польских войск разбежались.

А. В. Суворов послал генерал-майора Ф. П. Денисова с казачьими полками преследовать 27-тысячный польский корпус генерал-лейтенанта графа Фомы Ваврженкого, отступавшего к Австрийской границе. Казаки быстро догнали поляков вблизи г. Опочина и готовы были вступить в бой. Походный атаман Ф. П. Денисов объявил своим офицерам, что он поедет с одним казаком на переговоры с генералом. Подъехав к дому Ф. Ваврженкого, Ф. П. Денисов назвался парламентером и предложил генералу сдаться. Ф. Ваврженский, окруженный своими адъютантами, приказал выгнать незваного гостя. Ф. П. Денисов представился и открыл плащ, под которым на груди сияли орденские звезды. Польский генерал и офицеры растерялись, чем воспользовался донской атаман. Вместе с казаком он схватил Ф. Ваврженкого за шиворот, затолкнул в карету, стоявшую возле дома, и умчался в расположение казачьих полков. Генерал-лейтенант граф Ф. Ваврженский спустя годы не мог внятно объяснить, как Ф. П. Денисову с одним казаком удалось захватить его в плен.

За польскую кампанию походный атаман генерал-майор Ф. П. Денисов был удостоен чина генерал-лейтенанта, звезды ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия.

За подавление польского мятежа императрица Екатерина II пожаловала участникам боевых действий золотой офицерский крест на Георгиевской ленте. Им награждали офицеров, которые не получили по каким-либо причинам ордена Св. Владимира или Св. Георгия. Для нижних чинов и казаков императрица учредила серебряную медаль на Александровской ленте.

Персидский (Дербентский) поход 1796 г. По Решетскому мирному договору 1732 г. правительство императрицы Анны Иоанновны

отказалось от территорий в Восточном Закавказье, которые были присоединены к России в ходе Персидского похода 1722–1723 гг. императора Петра I. Иранские войска Ага Мохаммеда-хана, поддерживавшиеся Великобританией, вторглись в 1795 г. в Карабах, Азербайджан и Грузию, подвергли их страшному разорению. Императрица Екатерина II, выполняя свои обязательства по Георгиевскому трактату 1783 г. и в целях отражения иранского нашествия, направила русские войска в Закавказье. Начался Персидский поход под командованием генерал-аншефа графа В. А. Зубова. 18 апреля 1796 г. из Кизляра выступил 13-тысячный русский корпус, в составе которого находились донские казачьи и все иррегулярные полки под начальством походного атамана генерал-майора М. И. Платова. 2 мая они осадили, а 10 мая штурмом овладели Дербентом, 15 июня русские войска без боя заняли Кубу и Баку, к концу осени вышли в район слияния рек Куры и Аракса. Войска готовились к дальнейшему наступлению вглубь Ирана. Но в связи со смертью 6 ноября императрицы Екатерины II и восшествием на престол императора Павла I изменилась внешняя политика Российской империи. Войска под командованием генерал-аншефа В. А. Зубова были отозваны из Закавказья. Персидский поход завершился, но территориальные и политические притязания противоборствовавших сторон остались. «За отличные действия при штурме и овладении крепостью Дербентом», за Персидский поход М. И. Платов был пожалован императрицей Екатериной II золотой саблей, украшенной алмазами, с надписью «За храбрость».

Голландская экспедиция 1799 г. После смерти Великой Екатерины европейское направление внешней политики Российской империи неоднократно менялось под влиянием не только объективных причин, но и личных симпатий и антипатий нового императора Павла I. В 1799 г. Россия в союзе с Англией выступает против Французской республики и ее союзницы Голландии – Батавской республики. Под видом восстановления штатгальтерства в Оранском доме Англия стремилась укрепить свое положение на европейском континенте и в колониальном мире, Россия надеялась поддержать законную династию. В состав союзной армии под командованием герцога Йоркского входил российский корпус под начальством генерал-лейтенанта И. И. Германа численностью 16 тысяч солдат и офицеров, при 60 орудиях полковой и полевой артиллерии. В дивизии генерал-лейтенанта П. Н. Жеребцова находились 4 офицера (штаб-ротмистр Гуров, поручик Давыдов, корнеты Грузинов 4-й и Филиппов) и 60 казаков лейб-казачьего полка. После опасного и изнурительного плавания русские войска в начале сентября прибыли в Северную Голландию к месту сбора.

8 сентября, удачно начавшееся сражение для англо-российских войск возле г. Бергена, завершилось полным поражением из-за не-

подготовленности войск, несогласованности действий союзных частей и их командиров. В этом сражении отличился поручик лейб-гвардии казачьего полка Давыдов, он спас знамя русского пехотного полка и представил его генерал-майору И. Н. Эссену. Последующие сражения при Бакуме, Кастрикуме, Гельдере и Алькмаре не дали преимуществ ни одной из сторон. Вскоре стала сказываться нехватка денег, продовольствия, вооружения и фуража. Герцог Йоркский заключил конвенцию с французским главнокомандующим – военные действия прекратились. 25 мая 1800 г. началось возвращение русских войск на родину, с ними, вынужденно оставив почти всех строевых лошадей в Голландии, вернулись и донские лейб-казаки.

Итальянский и Швейцарский походы А. В. Суворова. 1798–1799 гг. Одновременно с участием в боевых действиях в Голландии, донские казаки воевали на Апеннинском полуострове и в Центральной Европе. В Итальянском и Швейцарском походах А. В. Суворова казаки были единственной кавалерией. Российское командование считало, что на сложной и пересеченной местности казаки действуют лучше, чем регулярная кавалерия. В конце августа 1798 г. в Брест-Литовском сосредоточился 18-тысячный экспедиционный корпус генерала от инфантерии А. Г. Розенберга, которого император Павел I направил в Италию на помощь австрийцам. В составе корпуса находились донские казачьи полки Молчанова, Денисова 5-го, Сычова 2-го, Грекова 8-го, Поздеева 6-го и Семерникова, всего 2390 человек. Походным атаманом казачьих полков, отправленных в поход, император назначил генерал-майора Андриана (Адриана) Карповича Денисова.

К весне 1799 г. обстановка в Северной Италии сложилась не в пользу антифранцузской коалиции. Австрийские войска, действовавшие в Италии, терпели серьезные поражения и были отброшены к востоку за реку Адду. Сложилась угроза полного разгрома Австрии. По просьбе императора Священной Римской империи Франца II и предложению российского императора Павла I во главе коалиции в Италии союзники назначили А. В. Суворова. 4 апреля 1799 г. фельдмаршал А. В. Суворов прибыл в г. Валеджио, куда 7 апреля подошла российская дивизия генерал-лейтенанта Я. И. Повало-Швейковского. В нее входили казачьи полки Грекова 8-го, Поздеева 6-го, Денисова 5-го и Молчанова под командованием А. К. Денисова.

10 (21) апреля союзные войска под командованием А. В. Суворова выступили против французов, во главе колонн, осуществляя разведку, двигались казаки. 11 (22) апреля союзные войска взяли город Брешиа (Бреша). В составе авангарда П. И. Багратиона отличился полк Поздеева 6-го, за что его командир был пожалован в полковники. 12 (23) апреля полк Грекова 8-го с частью полка А. К. Денисова, преследуя французов от Полацолло к Бергамо,

ворвались вслед за отступающим противником в город. Неожиданное появление казаков в Бергамо парализовало сопротивление неприятеля. Казаки захватили город, взяли в плен до 130 человек. В городской цитадели они нашли знамя, 19 осадных орудий, много ружей и военных запасов. Потери составили 2 убитых, ранено 2 офицера и 14 казаков.

16 (27) апреля в сражении при р. Адда казачьи полки А. К. Денисова, Грекова 8-го и Молчанова первыми форсировали вплавь реку, прорвали оборону противника и, поддерживая австрийские части фельдмаршала-лейтенанта барона П. К. Отта и генерал-квартирмейстера маркиза И. Г. Шателера, разгромили французскую 14-ю линейную полубригаду полковника Ж. К. Моро в районе Треццо, Инцаго и Ваприо. Вечером того же дня казаки полка Молчанова, преследуя отступающего противника, первыми вступили в Милан. На следующий день подошли основные силы союзников под командованием А. В. Суворова.

Не всегда успех сопутствовал войскам союзников, 30 апреля при г. Басиньяна они потерпели поражение. В этом сражении казачий полк Семерникова и две роты пехоты под командованием майора Тыртова отражали атаки французской кавалерии, которая пыталась обойти правый фланг русских войск.

5 мая в сражении при Маренго казачьи полки Молчанова и Грекова под командованием А. К. Денисова разгромили полубригаду французской пехоты, загнали ее в реку Танаро, где утонуло свыше 500 человек. Только 78 человек, бросив оружие, сдались.

В течение мая союзнические войска освободили от французов города Валенса (8 мая) и Турин (15 мая), стремительно продвигались к реке Тидон. Здесь 4(15) июня австрийский корпус фельдмаршала-лейтенанта П. К. Отта был атакован и окружен превосходящими силами Неаполитанской французской армии под командованием дивизионного генерала Э. Ж.-А. Макдональда. В критический момент 4 казачьих полка (Грекова 8-го, Поздеева 6-го, Молчанова и Семерникова) были направлены А. В. Суворовым против правого и левого флангов и в тыл противника. В этом сражении донские казаки вновь столкнулись с польскими уланами дивизии генерал-лейтенанта Я. Х. Домбровского. Под натиском казаков полков Грекова 8-го и Поздеева 6-го и австрийских гренадеров дивизия Я. Х. Домбровского начала отходить, вскоре отступление превратилось в бегство. Казачьи полки Молчанова и Семерникова, действовавшие в авангарде дивизии генерал-майора кн. А. И. Горчакова, охватили правый фланг и вышли в тыл противника. Казаки врезались в ряды французов, пехота и кавалерия стала рассыпаться. Французская полубригада, спешившая на помощь Э. Ж-А. Макдональду, была также рассеяна.

Трехдневное сражение на р. Треббия 6–8 (17–19) июня началось с атаки казачьих полков Грекова 8-го и Поздеева 6-го на позиции польской дивизии генерал-лейтенанта Я. Х. Домбровского. В результате упорного и ожесточенного боя польская кавалерия и пехота были опрокинуты и бежали. Только командиру дивизии и небольшому отряду удалось спастись, остальных захватили в плен и перебили. Развернулось кровопролитное сражение, в него включились союзная пехота и артиллерия. В течение последующих дней союзные войска преследовали, рассеивали и захватывали в плен разгромленные части Макдональда. В преследовании противника и захвате пленных, как отмечал А. В. Суворов, казакам не было равных.

К середине июля союзные войска под командованием А. В. Суворова освободили почти всю Северную Италию. К концу июля четыре казачьих полка были в авангарде П. И. Багратиона у г. Нови, два – в корпусе А. Г. Розенберга у г. Брешиа, по одному – в австрийских корпусах фельдмаршала-лейтенанта К. В. Кейма в г. Пьемонте и генерал-майора графа И. Кленау при г. Сарзана.

4 (15) августа казаки участвовали в сражение при г. Нови (область Пьемонт) с французской армией под командованием бригадного генерала Б. К. Жубера. Бой продолжался 15 часов, французская армия потеряла около 13 тыс. солдат и офицеров, погиб и ее военачальник. Победа при Нови не позволила А. В. Суворову развить стратегический успех, окончательно разгромить французов в Северной Италии. По настоянию австрийских генералов преследование противника ограничилось пределами поля боя. Участие донских казаков и походного атамана в боевых действиях описывается в его воспоминаниях, но они, к сожалению, не содержат их полного описания. За это сражение А. К. Денисов был награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

16(27) августа фельдмаршал А. В. Суворов получил приказ выступить с русскими войсками в Швейцарию на соединение с корпусом генерал-лейтенанта А. М. Римского-Корсакова. 4 (15) сентября русские войска прибыли в г. Таверно, где надеялись получить продовольствие, боеприпасы и мулов для перевозки снаряжения. Однако австрийцы не выполнили обещания, не обеспечили русскую армию всем необходимым для дальнейшего похода. Так как в русской армии лошади были преимущественно в казачьих полках, А. В. Суворов принял решение спешить казаков и использовать их лошадей для транспортировки вьюков. Для этой цели казаки отдали 1500 лошадей, а сами в пешем строю в авангарде колонн, боевом оцеплении, разведке, прикрывая обозы, выступили в горы.

Казаки вместе с пехотой атаковали укрепления перевала Сен-Готард, в авангарде корпуса А. Г. Розенберга 14 сентября штурмовали Чертов мост, помогали строить переправы, поддерживали свою

пехоту огнем. Одновременно 14–15 сентября происходило тяжелое сражение под Цюрихом. Из-за предательства австрийского командования корпус генерал-лейтенанта А. М. Римского-Корсакова был разбит французскими войсками под командованием дивизионного генерала А. Массены.

19–20 сентября казачьи полки Поздеева, Курнакова и Денисова в арьергарде А. Г. Розенберга отбивали атаки французов в Муттенской долине. Затем, несмотря на численное превосходство противника, перешли в наступление и разгромили его. Казаки гнали отступающих французов до г. Швица. Французы потеряли более 5 тысяч солдат и офицеров, в том числе 1200 пленными. В этом сражении отличился также полковник Греков, захвативший в плен французского полковника Э. Лакура, шефа 108-й линейной полубригады.

20 сентября А. В. Суворов с авангардом П. И. Багратиона и дивизией Я. И. Повало-Швейковского с тяжелыми боями пробились к г. Гларису. Оттуда перешли гору Паникс и 26 сентября вышли к г. Иланцу, где соединились с австрийскими частями. 9 октября все русские войска вышли из окружения, объединились под общим командованием А. В. Суворова и расположились лагерем в г. Линдау. В составе объединенной армии насчитывалось 10 казачьих полков под командование А. К. Денисова (Астахова, Грекова, Денисова, Семерникова, Поздеева 2-го, Молчанова, Курнакова, Сычова, Кумчатского (Кумшацкого) и Поздеева 1-го). Пробыв на зимних квартирах до 14 января 1800 г. в Богемии, русская армия двинулась двумя колоннами в Россию. Все казачьи полки были распределены по корпусам.

За участие в Итальянском и Швейцарском походах войско Донское получило знамя с надписью: «Верноподданному войску Донскому, за оказанные заслуги в продолжение кампании против французов 1799 года». Войсковой атаман Василий Петрович Орлов отдал приказ по Войску – не употреблять прибывшие с А. К. Денисовым из похода казаков ни в какие службы в течение целого года. Однако казакам не пришлось отдыхать.

§ 11. Донское казачество во внешней политике России в начале XIX в.

Российская империя вступила в новый XIX в. уверенно и твердо укрепившись от Балтийского моря на западе до Тихого океана на востоке, от Белого моря на севере до Кавказских гор и Черного моря на юге. Государство не воевало, казалось, что после больших и

малых войн и многочисленных походов второй половины XVIII в. наступил долгожданный мир. Непродолжительная передышка не принесла облегчения донским казакам. Они охраняли западные границы России, несли кордонную службу на Кавказской линии и службу внутренней стражи в Петербурге и Москве.

Своими действиями император Павел I показывал, что его главное желание – установить прочный и долгий мир, успокоить страну, улучшить хозяйство и быт своих подданных. Но неискушенный во внешнеполитических делах, связанный предшествовавшими договорами и обязательствами, император не сумел преодолеть лабиринты дипломатии, до конца освободиться от влияния Пруссии, Австрии, Англии, Франции и других европейских государств. 1 октября 1800 г. Англия захватила о. Мальту и отказалась признать протекторат России над орденом Св. Иоанна Иерусалимского, а императора – его магистром. Последовал разрыв дипломатических отношений России с Англией и сближение ее с Францией. В плане реализации российско-французских договоренностей император Павел I направил 12 января 1801 г. донских казаков в поход к Оренбургу, чтобы они через Хиву и Бухару достигли Индии и напали на английские учреждения. На Дону было объявлено поголовное ополчение и 41 казачий полк общей численностью 22 тысяч человек две роты конной артиллерии под командованием войскового походного атамана М. И. Платова, недавно освобожденного из Петропавловской крепости, выступили в поход. Почти за три месяца казаки прошли более 700 верст. 23 марта 1801 г. в с. Мечетном Саратовской губернии они получили известие о смерти императора Павла I и рескрипт императора Александра I о возвращении домой.

Участие донского казачества в войнах с Францией 1805–1807 гг. В начале XIX в. отношения между Россией и Францией оставались напряженными. Франко-английское соперничество в Северной Америке, Восточном Средиземноморье, юго-восточной Азии, активная внешняя политика Наполеона Бонапарта в Европе встречали сопротивление со стороны со стороны многих европейских государств. В 1805 г. сложилась 3-я антифранцузская коалиция (Австрия, Англия, Неаполитанское королевство, Россия и Швеция). Боевые действия развернулись на суше и на море, причем на европейском театре военных действий главными направлениями являлись южное (Итальянское), центральное (Бавария) и северное (Прибалтийские немецкие княжества и Пруссия). В начале 1805 г. в составе Российской армии находилось 14 донских казачьих полков, они дислоцировались на Кавказской линии, Западной границе, в Петербурге, во внутренних губерниях страны. В конце июля 1805 г. войсковой атаман М. И. Платов получил приказ от военного министра генерала от нфантерии С. К. Вязмитинова о формировании и направлении в действующую армию 30 казачьих полков и 2 роты конной

артиллерии. Практически, все полки направлялись на Западную границу в Подольскую, Волынскую, Северную, Литовскую и Молдавскую армии, десантный и резервный корпуса. Предполагалось, что 40–45 донских казачьих полков соберутся в составе указанных армий ко времени их выхода за пределы России на помощь австрийским войскам. Однако события развивались по другому сценарию. 27 августа Австрийская Дунайская армия под командованием генерал-фельдмаршала К. Л. фон Макка, не дождавшись подхода русских войск, вторглась в Баварию. В середине сентября полки выступили с Дона и внутренних губерний к армиям, но к этому времени в Европе начались широкомасштабные военные действия. В начале сентября Подольская армия (50 тыс. человек) под командованием генерала от инфантерии М. И. Кутузова, в которой находились 6 казачьих полков под начальством походного атамана полковника А. Е. Грекова, вышла через Галицию на соединение с австрийскими войсками.

Но границу Российской империи вместе с М. И. Кутузовым перешли только 3 казачьих полка – войскового старшины Д. М. Киселева 2-го, подполковника А. Г. Сысоева 1-го, подполковника В. Е. Ханженкова. Союзное командование считало, что разведку, аванпостную, сторожевую службу, защиту армий лучше обеспечит австрийская легкая кавалерия. Казачьи полки остались на границе. Не имея плана согласованных действий, 50-тысячная австрийская армия под командованием генерал-фельдмаршала К. Л. фон Макка была окружена французскими войсками под Ульмом, потерпела поражение и 8 (20) октября капитулировала. В это время русская армия М. И. Кутузова находилась в районе Браунау, в 220–230 км от Ульма. Русская армия осталась один на один перед лицом вчетверо превосходившего противника. М. И. Кутузов принял решение отвести свои войска на восток, надеясь на помощь русских войск, двигавшихся под командованием генерала от инфантерии графа Ф. Ф. Буксгевдена и стоявших в ожидании на границе.

Войска Наполеона стремительно двигались к русской армии, охватывая ее с флангов и прижимая к Дунаю, император направил ей в тыл корпус под командованием маршала Франции А. К. Мортье. Для защиты русской армии М. И. Кутузов выделил 5-тысячный арьергард под командованием генерал-майора П. И. Багратиона, в него вошли казачьи полки А. Г. Сысоева и В. Е. Ханженкова. В упорных боях при Ламбахе и Амштеттене (19 и 24 октября) арьергард отразил пятикратно превосходившие его силы французского авангарда под командованием маршала Франции И. Мюрата. 29 октября дивизии генерал-майора М. А. Милорадовича и генерал-лейтенанта Д. С. Дохтурова разгромили при Кремсе (Дюренштейне) корпус маршала А. К. Мортье. Русские войска, переправившиеся на левый берег Дуная, получили временную передышку и двигались от Кремса к Цнайму.

31 октября Наполеон захватил Вену, переправил войска через Дунай, направил вслед и во фланг русской армии 30-тысячный авангард в составе корпусов маршалов И. Мюрата и Ж. Ланна. Казачья разведка донесла Кутузову о приближении противника. Главнокомандующий выслал навстречу французской армии арьергард П. И. Багратиона, придав ему казачьи полки В. Е. Ханженкова и А. Г. Сысоева. Ночью, совершив переход к д. Шенграбен, отряд П. И. Багратиона преградил путь французскому авангарду. На рассвете 2 ноября И. Мюрат увидел перед собой русские войска, но не рискнул вступить в бой, а решил дождаться подхода основных сил под командованием Наполеона. Одновременно И. Мюрат и М. И. Кутузов начали сложные переговоры о перемирии, стремясь, обмануть друг друга. Пока И. Мюрат обсуждал этот вопрос с Наполеоном, М. И. Кутузов вывел войска из «Цнаймского мешка». Когда маршал Франции понял, что его обманули, он 4 ноября обрушил всю мощь 30-тысячного корпуса на 5-ти тысячный арьергард П. И. Багратиона, стремясь сломить его и догнать отошедшие к Ольмюцу русские войска. Накануне сражения расположение русских войск покинул австрийский отряд (2 полка венгерских гусар и полк пехоты) под командованием генерал-майора графа И. Ностица и генерал-майора М. Кингмайера, которых И. Мюрат обманул, сказав, что между воюющими сторонами заключено перемирие.

Французские войска наступали на арьергард П. И. Багратиона тремя колоннами – в центре отряд И. Мюрата, по флангам маршалов Ж. Ланна и Ж. де Дье Сульта. П. И. Багратион умело расположил 4 полка и 2 батальона пехоты, 2 роты артиллерии, по флангам казачьи полки и два полка гусар. Они в течение дня не только выдержали натиск французских войск, но и неоднократно ходили в контратаки, захватили знамя, взяли в плен 3 офицеров и 50 солдат. «Оставленный на неминуемую гибель для спасения русской армии», как писал позже М. И. Кутузов императору Александру I, арьергард П. И. Багратиона, поредевший почти наполовину, вырвался из окружения и на марше соединился с корпусом главнокомандующего. Казаки прикрывали отход отряда П. И. Багратиона.

10 ноября к русским войскам под командованием М. И. Кутузова примкнули в районе г. Ольмюца австрийские части, а 12 ноября прибыл из России корпус генерала от инфантерии графа Ф. Ф. Буксгевдена. Теперь в объединенной российско-австрийской армии находилось 86 тысяч человек, в том числе 8 донских казачьих полков – полковника П. М. Гордеева 1-го, подполковника П. Г. Денисова 14-го, подполковника А. И. Исаева 3-го, подполковника В. Е. Ханженкова 1-го, подполковника А. Г. Сысоева 1-го, войскового старшины Д. М. Киселева 2-го, войскового старшины Малахова 1-го, войскового старшины Ф. Ф. Мелентьева 3-го. В составе корпуса Ф. Ф. Буксгевдена подошли также 2 эскадрона лейб-гвардии казачьего полка под командованием

полковника П. А. Чернозубова 5-го. 13 ноября в Ольмюце в присутствии российского императора Александра I и австрийского императора Франца I войска объединились и расквартировались в городе и его предместьях.

Высочайшим приказом 15 ноября 1805 г. император Александр I учредил коллективные награды – Георгиевские знамена и штандарты, и пожаловал их полкам, участвовавшим в сражении при Шенграбене. Донские казачьи полки А. Г. Сысоева и В. Е. Ханженкова получили Георгиевские знамена с надписью: «За подвиги при Шенграбене 4 ноября 1805 года, в сражении 5-тысячного корпуса с неприятелем, из 30 тысяч состоявшим». Знамена были изготовлены и присланы в войско Донское в 1807 г. К этому времени полки А. Г. Сысоева и В. Е. Ханженкова пришли на Дон и были распущены на льготу, Георгиевские знамена, после долгой переписки Войсковой канцелярии с Военным министерством, оставлены на хранение в канцелярии. При формировании полка В. А. Сысоева, награду его отца (А. Г. Сысоева) – Георгиевское знамя, вручили сыну, знамя полка В. Е. Ханженкова осталось на хранении в Военной экспедиции Войсковой канцелярии.

В битве при Аустерлице 20 ноября 1805 г. донские казачьи полки не проявили себя так же, как при Шенграбене. Вся тяжесть сражения легла на плечи регулярной пехоты, артиллерии и кавалерии. Ко времени подхода русско-австрийских войск французские войска занимали при Аустерлице господствовавшие высоты и контролировали коммуникации. Опираясь на данные разведки, Наполеон разгадал план начальника штаба союзных войск, австрийского генерал-квартирмейстера барона Ф. К. фон Вейротера, навязал русско-австрийским войскам свою стратегию и тактику сражения. Французские войска рассекли русско-австрийский фронт надвое, окружили и значительную часть войск разгромили и взяли в плен. От полного окружения и разгрома русских войск, находившихся на левом фланге союзной позиции, спасла контратака Кавалергардского полка генерал-майора Н. И. Депрерадовича и двух эскадронов Лейб-гвардии казачьего полка под начальством полковника П. А. Чернозубова 5-го, пехотного батальона Измайловского полка. Они захватили мост через Раусницкий ручей, что позволило российской гвардейской пехоте под командованием генерал-лейтенанта Д. С. Дохтурова без больших потерь переправиться на другой берег ручья, избежать окружения и разгрома. За этот подвиг полковник П. А. Чернозубов 5-й был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, другие казачьи офицеры – орденами Св. Анны 3-й степени.

В хаосе отступления союзных войск император Александр I был покинут свитой и чуть не попал в плен французам. Положение спасли Лейб-казаки, они окружили императора и вывели его с поля боя. В неразберихе отступления потерялся и обоз российско-

го императора, на его поиски был направлен полк подполковника И. И. Андрианова 2-го. Казаки нашли обоз в горах по течению реки Мархи и спасли от разграбления местными жителями. Подполковник И. И. Андрианов 2-й получил в награду Высочайшее благоволение и золотую табакерку, украшенную бриллиантами.

Русско-австрийская армия потерпела сокрушительное поражение под Аустерлицем. Союзники потеряли убитыми, ранеными и пленными треть своей армии (27 тысяч человек, из них 21 тысяча русские), 180 пушек, 40 знамен. В бою был ранен и главнокомандующий М. И. Кутузов. Потери французов составили 12 тысяч солдат и офицеров.

В кампании 1806–1807 гг. (4-я антифранцузская коалиция) приняли участие 16 донских казачьих полков и рота донской конной артиллерии (8 тысяч казаков и офицеров) под командованием войскового атамана генерал-лейтенанта М. И. Платова.

Парижский мирный договор 20 июля 1806 г. не разрешил противоречий между союзной коалицией и Францией. Русское правительство отказалось его ратифицировать. Пруссия подверглась нападению французских войск, в сражении под Иеной и Ауэрштедтом 2(14) октября прусско-саксонские войска потерпели сокрушительное поражение. 12(24) октября Наполеон занял Берлин, а 16(28) ноября – Варшаву. Нахождение в Польше 200-тысячной наполеоновской армии затрагивало интересы Российской империи, грозило нарушением ее западных границ. По указу Александра I в Польшу в конце ноября вошла русская армия (160 тысяч человек) под командованием фельдмаршала М. Ф. Каменского. Донские казачьи полки Иловайского 9-го, Иловайского 10-го, Грекова 18-го, Ефремова 3-го, Киселева 2-го и другие, двигавшиеся в авангарде русской армии, вели разведку, обеспечивали ее охрану, участвовали в многочисленных стычках с французскими разъездами возле м. Чарново, Голымина, Закрючена.

11(23) декабря главнокомандующий М. В. Каменский, разделив армию на три колонны под командованием генерала от кавалерии Л. Л. Беннигсена, генерала от инфантерии графа Ф. Ф. Буксгевдена и генерал-лейтенанта Ф. В. Остермана-Толстого, отдал приказ о наступлении. Первые крупные столкновения с корпусами маршалов Франции Л. Н. Даву, Ж. Ланна, Ш. Ф. Ожеро и Ж. де Дье Сульта не принесли успехов ни одной из армий. Фельдмаршал М. Ф. Каменский изменил диспозицию русских войск. 12(24) декабря французские войска, переправившись через Вислу, решили окружить и разгромить русские войска.

14(26) декабря французские войска, возглавляемые Наполеоном, направились к Пултуску, чтобы захватить переправы через реку Нарев и отрезать отступление русской армии из Польши. Казачья разведка своевременно донесла главнокомандующему М. Ф. Камен-

скому о передвижении французских войск, что позволило организованно встретить противника. Русская армия, построенная в три линии, прикрывала город и мосты, в ее авангарде находился отряд генерал-майора К. Ф. Багговута, в котором состояли 10 батальонов пехоты, 2 эскадрона драгун, 10 донских казачьих полков (600 сабель) и рота конной артиллерии. Французская армия решительно атаковала и с большими потерями отходила на исходные позиции. В течение дня и до поздней ночи казаки производили поиски, блокировали корпус Ж. Ланна, не позволяли объединиться с главными силами французской армии. Начавшаяся оттепель сковывала маневрирование армий, подход резервов, подвоз продовольствия и вооружения. Умолкали пушечные канонады и ружейные выстрелы, но это не уменьшало ожесточения схватки. «Русские солдаты, офицеры и казаки, – как впоследствии вспоминал адъютант бригадного генерала Ж. П. Ожеро и маршала Ж. Ланна капитан Ж. Б. Марбо, – сражались молча и с особым ожесточением. Мы дрались с призраками, которые не знали страха, боли и не просили пощады». Корпус маршала Франции Ж. Ланна, понесший большие потери, ночью отступил на исходные позиции. Главные силы французской армии больше не предпринимали активных действий. Русская армия отошла за реку Нарев, французы – на зимние квартиры за Вислу. Каждая армия не считала себя побежденной, готовились к новому сражению.

4(16) января 1807 г. русская армия под командованием недавно награжденного орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-й степени, назначенного вместо фельдмаршала М. В. Каменского генерала от кавалерии Л. Л. Беннигсена, выступила из района Бялы в Восточную Пруссию, чтобы не допустить занятия французами Кенигсберга и Пиллау. Получив сведения о действиях русской армии, Наполеон стянул свои основные силы в район Плоцка и перешел с ними в наступление в северном направлении. Он стремился отрезать Л. Л. Беннигсену пути отхода в Россию, прижать русскую армию к Висле и уничтожить. Планы французского императора стали известны русскому командованию. Во время аванпостной службы казаки перехватили французского курьера, посланного от маршала Л. А. Бертье к маршалу Ж. Б.-Ж. Бернардоту с распоряжениями Наполеона. Л. Л. Беннигсен начал отход к прусской границе, отступление русской армии прикрывал арьергард П. И. Багратиона, в котором находилось 12 казачьих полков. В результате сложных маневров обеих армий к 26 января (7 февраля) они подошли к Прейсиш-Эйлау. В составе русских войск (70–72 тысячи солдат и офицеров, при 400 орудиях) находилось 4000 казаков под командованием войскового атамана генерал-лейтенанта М. И. Платова.

26 января (7 февраля) Наполеон, не дожидаясь подхода корпусов маршалов М. Нея и Л. Н. Даву, нанес своими основными сила-

ми удар по арьергарду П. И. Багратиона, вытеснил русские войска из д. Прейсиш-Эйлау. 27 января (8 февраля) состоялось генеральное сражение. Оно по ожесточенности, численности потерь обеих армий и бессмысленности результата не имело равных. Спустя годы Наполеон писал, что среди всех военных кампаний, которые он провел, сражение при Прейсиш-Эйлау считается вторым, после Бородинской битвы. Во время генерального сражения казаки не только прикрывали фланги русских войск, но и неоднократно ходили в контратаки. В середине дня, во время очередной контратаки, казаки ворвались в Прейсиш-Эйлау и вплотную подошли к ставке Наполеона, которая находилась на местном кладбище. В начавшемся смятении только выдержка и распорядительность Наполеона остановила отступление французских войск, удержала их на позициях. Вскоре в сражение вступили подошедшие корпуса маршалов Л. Н. Даву, М. Нея и конница И. Мюрата, Наполеон перехватил инициативу.

Французским войскам удалось потеснить русские корпуса и перерезать дорогу к отступлению. Казалось, судьба сражения решена. В этот сложный момент русская армия лишилась общего командования, Л. Л. Беннигсен покинул поле боя, выехал за помощью в прусский корпус генерал-лейтенанта А. В. фон Лестока (14 тысяч человек). Инициативу взял на себя генерал-майор артиллерии А. И. Кутайсов. Он перевел с правого фланга значительную часть артиллерии, пехоту, кавалерию и казаков. В результате ожесточенной контратаки русские войска вернули утраченные позиции, подошедший прусский корпус генерал-лейтенанта А. В. фон Лестока закрепил успех. Казаки полка Д. М. Киселева 2-го захватили в плен 400 французских солдат. Инициатива перешла в руки русского командования, но удача вновь сопутствовала французскому императору. Л. Л. Беннигсен не продолжил наступление и не довершил разгром наполеоновских войск. Маршал Франции Ж. Б.-Ж. Бернадот (с 1810 г. наследный принц, с 1818 г. король Швеции под именем Карла XIV Юхана) в своих мемуарах писал, что 27 января «никогда счастье более не благоприятствовало Наполеону, как под Эйлау. Ударь Беннигсен ввечеру, он взял бы, по крайней мере, 150 орудий, под которыми лошади были убиты». К полуночи кровопролитное сражение, которое современники называли «битвой упущенных возможностей», завершилось. На следующий день Л. Л. Беннигсен, не вступая в новое сражение, начал отводить войска к Кенигсбергу. Казаки составили арьергард русской армии.

В сражении противники потеряли убитыми до половины списочного состава частей и подразделений, французская армия – 23 тысячи человек, русская армия – 26 тысяч человек. Каждая сторона приписывала себе победу. Император Александр I учредил для офицеров и генералов участников сражения наградной золотой крест с надписью «Победа при Прейсиш-Эйлау 27 генв. 1807 г.».

После сражения при Прейсиш-Эйлау донские казаки получили широкую международную известность. Они прославились в кампании 1807 г. в сражениях при г. Гейльсберге, Гутштадте, с. Крюково, дер. Малте, г. Альтенсбурге, с. Коте, г. Гранау и других населенных местах. Командиры донских казачьих полков полковник Д. Е. Кутейников 2-й, подполковник С. Д. Иловайский 8-й, войсковые старшины Т. Д. Греков 18-й, О. В. Иловайский 10-й, В. И. Ефремов 3-й, В. А. Сысоев 3-й, командир Атаманского полка майор С. Ф. Балабин 2-й, полковник Лейб-гвардии казачьего полка граф В. В. Орлов-Денисов награждены орденами Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Войсковой атаман, начальник передовых постов, генерал-лейтенант М. И. Платов был пожалован 11 ноября 1807 г. орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-й степени.

После сражения при Гейльсберге 29 мая (10) июня 1807 г. русские войска отошли к Фридланду. В сражении при Фридланде 2(14) июня донские казачьи полки сражались против конницы маршалов М. Нея, И. Мюрата, знаменитых драгун дивизионного генерала маркиза М. В. Латур-Мобура, везде обращали их бегство. Но судьба сражения решалась не в кавалерийских атаках и контратаках, а в сражениях пехоты и, особенно, артиллерии. Русские войска заняли невыгодную позицию, что позволило французской артиллерии широко вести огонь картечью, наносивший большой урон пехоте и кавалерии. Во «Фридландской мышеловке», так сражение называл Наполеон, русские войска потеряли до 25 тысяч убитыми, раненными, утонувшими в р. Алле, практически всю артиллерию. Столь сокрушительного поражения русская армия не знала с начала XVIII в., с Нарвской баталии.

Русская армия отошла за Неман на свою территорию, Наполеон добился своей цели – разгромил Пруссию. Наполеон предложил российскому императору заключить мирный договор, на что Александр I согласился. Россия не имела возможностей продолжать войну с Францией, одновременно участвуя в русско-турецкой и русско-иранской войнах. 13(25) июня состоялась встреча Наполеона с Александром I в Тильзите, 26 июня (8 июля) был подписан тяжелый для России Тильзитский мир. Общие потери русской армии в войнах с Францией в 1805–1807 гг. составили 84 тысячи человек убитыми. За участие в русско-французских кампаниях 1805–1807 гг. войско Донское получило в 1811 г. Георгиевское знамя.

Русско-турецкая война 1806–1812 гг. В начале XIX в. отношения между Российской империей и Османской империей оставались напряженными. Турция надеялась возвратить свои бывшие владения, утраченные в Северном Причерноморье и степном Предкавказье в XVIII в., а также захватить Грузию. Внешнеполити-

ческое положение России было сложным. В 1804 г. началась русско-иранская война, неудачные кампании в 1805, 1806 и 1807 гг. русско-прусско-австрийских войск против наполеоновской армии в Европе (поражения антифранцузской коалиции под Аустерлицем, при Иене и Ауэрштадте, при Фридланде, рассматривались правительством Турции как проявление слабости России. В это же время начались антироссийские восстания горцев Дагестана и Чечни, вылившиеся в многолетнюю Кавказскую войну.

Турция, подстрекаемая французскими дипломатами, перешла к активным действиям. Она в одностороннем порядке нарушила русско-турецкий договор о проливах Босфор и Дарданеллы – запретила свободный проход русских военных и торговых судов через проливы, а также открыто вмешалась в политическую борьбу в Молдавии и Валахии. Русское правительство, опасаясь захвата Дунайских княжеств французскими войсками, действовавшими на Балканах, 21 ноября 1806 г. приказало генералу И. И. Михельсону с 40-тысячной Молдавской армией переправиться через Днестр и занять княжества. К концу года военная операция успешно завершилась. 18 декабря 1806 г. Османская империя объявила войну России.

Главные боевые действия развернулись на Дунае, в междуречье от Днестра до Моравы, где расположились многочисленные турецкие гарнизоны. Силы русской армии оказались распыленными между различными крепостями, что осложняло управление войсками, доставку вооружения и снаряжения, резервов, снабжение продовольствием и фуражом. Турецкое командование решило воспользоваться неблагоприятной для русских войск военно-оперативной обстановкой и предполагало их уничтожить в результате последовательных сражений. Но как только широко развернулись боевые действия, турецкая армия вынуждена была распылить свои силы. Теперь исход кампании и войны в целом зависел от военного искусства полководцев, хорошо организованной разведки, умения быстро перемещать и накапливать войска на направлениях главного удара, слаженного взаимодействия пехоты, артиллерии и кавалерии, снабжения армии, поддержки мирного населения.

Южный театр военный действий был хорошо известен донским казакам. Здесь они воевали в русско-турецких войнах 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. Многие командиры казачьих полков начинали свою службу в последнюю русско-турецкую войну казаками, служили сотниками, есаулами и войсковыми старшинами, в офицерских чинах российской армии.

В составе Дунайской армии находилось в начале войны 16 казачьих полков, что составляло 59 % всей кавалерии генерала И. И. Михельсона. К 1809 г. численность Дунайской армии была увеличена до 80 тысяч, а количество донских казачьих полков в ее составе до 23. Одновременно боевые действия развернулись в

Закавказье. В армии под командованием генерал-аншефа И. В. Гудовича состояло 26, а к концу войны 34 донских казачьих полка.

Донские казаки принимали активное участие во всех крупных сражениях русско-турецкой войны, несли аванпостную, сторожевую, разведывательную, почтовую, связную и другие службы. Наиболее ярко они проявили себя в сражениях при Обилешти (2.06.1807), Гирсовом, Силистрии, селении Малайница (Манайлаки), Троянском вале, Рассевате, Шумле (12.06.1810), осаде Батина (26.08.1811) и под Рущуком (22.06.1811).

3(15) марта 1807 г. донские казаки в составе корпуса под командованием генерал-майора К. И. Мейндорфа участвовали в разгроме турецкого гарнизона около Измаила, но генерал не закрепил свой успех. Он не решился штурмовать крепость. 5(17) марта генерал-лейтенант М. А. Милорадович разгромил отряд рущукского сераскера при Турбате, а 6(18) марта отбил вылазку турецкого отряда из Журжи, но не рискнул атаковать крепость. Война приобретала затяжной характер.

Вокруг своего лагеря при Обилешти турки воздвигли мощные укрепления, которые окружили несколькими линиями траншей. Русское командование понимало, что взять «с ходу» (после ночного марша) турецкий лагерь не удастся, и готовилось к длительному штурму. Генерал-лейтенант М. А. Милорадович направил донских казаков в разведку, от которых он вскоре получил сведения о расположении турок. На рассвете 2 июня 1807 г. русские войска приблизились к турецкому лагерю на расстояние около 3 верст и перестроились в боевой порядок. В центре первой линии были поставлены пять каре пехоты для отражения атак турецкой конницы, во второй – развернутые роты егерей как резерв первой линии. В интервалах между пехотными каре расположилась артиллерия. Гусары и казаки стали на флангах, равняясь на вторую линию пехоты. В таком порядке корпус М. А. Милорадовича медленно приближался к турецким позициям.

Предупреждая атаку русских войск, турецкий командующий Али-паша направил на русские каре свою конницу. Она устремилась на центр и левый фланг русского отряда. Русская артиллерия густыми картечными залпами и пехота отразили турецкую атаку. Постоянно перестраиваясь, турецкая конница неоднократно атаковала, но каждый раз, встречаемая мощным огнем артиллерии и пехоты, откатывалась назад. Русские войска подошли вплотную к турецким окопам и после короткой перестрелки бросились в штыки. Русскую пехоту поддержали донские казаки и гусары. После отчаянного сопротивления, меняя несколько раз боевые позиции, турки обратились в бегство. Казаки и гусары долго преследовали бегущих. В этом бою турецкие войска потеряли свыше 3000 человек, русские – около 300. Полное поражение отряда Али-паши произвело

сильное впечатление на турецкое командование. Великий визирь, переправившийся через Дунай у Калараша, вернулся на правый берег.

В 1809 г. произошло сражение под Мачином и Гирсовом. При подходе к Силистрии необходимо было овладеть Мачином и Гирсовом. Оставшиеся на левом берегу Дуная войска предназначались для овладения Браиловом и Измаилом. 9-я пехотная дивизия генерала Е. И. Маркова после трехдневной бомбардировки овладела 18 августа Мачином. 4 дня спустя кавалерийский корпус М. И. Платова принудил к сдаче гарнизон города Гирсова. В конце августа у Гирсова были сосредоточены войска генералов Е. И. Маркова, М. И. Платова и Милорадовича, всего около 25 тысяч.

В середине сентября 1809 г. началась осада Силистрии. Русские войска обложили крепость с суши и по Дунаю. Вокруг крепости на расстоянии более 100 верст развернулась густая завеса казачьей разведки. Вскоре стало известно, что на выручку гарнизону Силистрии спешит со своей 30-тысячной армией великий визирь. 17 сентября авангард турецкой армии занял город Туртукай и выдвинулся по направлению к крепости. 20-тысячный корпус под командованием генерала от инфантерии П. И. Багратиона оказался перед угрозой окружения. В Силистрии находился 12-тысячный гарнизон, который мог быть деблокирован войсками великого визиря. П. И. Багратион решил, не снимая осады крепости, направить против войск великого визиря казачий корпус под командованием М. И. Платова. Одновременно из корпуса генерал-лейтенанта А. Ф. Ланжерона был выделен особый отряд генерал-майора принца Макленбургского (Карла Августа Христиана), который занял позиции на левом берегу Дуная у селения Ольтеницы, угрожая левому флангу приближавшейся к крепости армии великого визиря. Передислокация русских войск осталась для турецкой армии незамеченной. 24 сентября турецкие войска беспечно подходили к Силистрии и попали в засаду, устроенную М. И. Платовым у селения Татарицы. В результате мощной и стремительной атаки казаков и гусаров авангард великого визиря был разгромлен и бежал. За отличия в делах против турок на Дунае 29 сентября 1809 г. войсковой атаман М. И. Платов был удостоен чина генерала от кавалерии.

21 мая 1810 г. русские войска взяли крепость Базарджик. Кроме отдельных наград, по ходатайству Главнокомандующего, всем офицерам, участвовавшим в бою, был дан особый золотой Базарджикский крест для ношения на Георгиевской ленте, всем нижним чинам – серебряные медали.

24 августа 1810 г. началась осада Батина. План главнокомандующего Н. М. Каменского 2-го состоял в том, чтобы фронтальной атакой частью своих сил привлечь внимание турок к их фронту, после чего главный удар нанести в правый фланг противника и прижать турок к обрывистому берегу Дуная. Были назначены две

группы: правая – колонны генерал-майора Ф. П. Уварова и генерал-майора П. Д. Иловайского 2-го под начальством генерала от инфантерии С. М. Каменского 1-го для атаки на фронт, и левая – колонны Волкова, генерал-майора Я. П. Кульнева и генерал-майора И. В. Сабанеева под непосредственным начальством главнокомандующего графа Н. М. Каменского 2-го для удара на правый фланг турок. Накануне боя правая группа расположилась в двух с половиной верстах к востоку от с. Батин, а левая – в четырех верстах к югу.

Для прикрытия правой группы от действий турецкой Дунайской флотилии к месту боя подплыла русская флотилия и на берегу была установлена 4-орудийная батарея. Связь между группами русских войск поддерживала многочисленная конница казаков. Они же ставили густую завесу впереди фронта наших войск. Энергично веденная графом Каменским разведка выяснила, что в Батинском укрепленном лагере сосредоточены отборные турецкие войска, что новые подкрепления на днях ожидаются из Разграда. При таких обстоятельствах нельзя было терять время, и главнокомандующий решил немедленно атаковать врага.

Утром 26 августа под прикрытием конницы началось наступление русских войск. Правая группа (Каменский 1-й) была нацелена на выдающееся укрепление турок № 3, фланкировавшее свои огнем подступы к соседним турецким укреплениям. Огонь 18 орудий подготовил атаку. Пехота и конница колонны генерал-майора П. Д. Иловайского 2-го одновременно бросились на укрепление и овладели им. При этом, как и в бою под Рымником, 2 казачьих полка, опередив свою пехоту, ворвались в неприятельское укрепление. Врезавшись клином в самый центр врага, войска правой группы, распространяясь в обе стороны, быстро овладели соседними укреплениями. Таким образом, к 10 часам утра весь левый фланг турецкой позиции был захвачен русскими войсками. Во время этого боя генерал-майор П. Д. Иловайский 2-й был ранен в плечо, пуля осталась в лопатке, врачи не смогли ее извлечь. Он скончался через месяц в Бухаресте. За сражение при Рассевато получил орден Св. Георгия 3-й степени.

В это время левое крыло русской армии вело упорный бой на правом фланге турок. Для облегчения атаки в тыл неприятеля была направлена конница под командованием генерал-майора Я. П. Кульнева. Переправившись через Батинский ручей, Кульнев разбил турецкую конницу и овладел при содействии прибывших к нему 2 полков пехоты береговым укреплением, служившим как бы редутом для всей турецкой позиции. После этого одновременно с войсками Каменского 1-го пехота Кульнева ворвалась в с. Батин. Здесь боем руководил граф де Бальмен. 50-тысячный турецкий корпус Юсуф-паши был разгромлен под Батином, 15(27) сентября капитулировали Рущук и Журжа.

В марте 1811 г. вместо заболевшего Н. М. Каменского был назначен главнокомандующим Дунайской армии М. И. Кутузов.

Большое значение имела оборона Рущука 19 июня 1811 г. под командованием М. И. Кутузова. Турки находились в 2 днях от крепости Рущук. Позиция русской армии находилась в четырех–пяти верстах к югу от крепости Рущук по обе стороны Разградской дороги. Фронт позиции обозначался фронтом высот, отлого спускавшихся на левый фланг и круто ниспадавших в овраг, окаймлявший правый фланг русской армии. 15-тысячная русская армия располагалась таким образом: 9 пехотных каре стали в шахматном порядке, 5 в первой и 4 во второй линии; артиллерия в интервалах. Многочисленная конница – до 40 эскадронов и 13 сотен составили третью линию боевого порядка. В Рущуке для обороны крепости было оставлено 6 батальонов пехоты.

Утром 22 июня турки подошли к русским позициям. Вперед вылетела турецкая конница и понеслась на левый фланг и центр русской обороны. Залпы картечи остановили эту атаку. Отхлынув назад, турецкая конница перестроилась и вновь устремилась на правый фланг русских позиций. Выдвинув вперед 37-й егерский полк, М. И. Кутузов приказал егерям рассыпаться и занять окраину оврага. Турецкая конница понеслась во фланг и тыл егерям. Тогда из третьей линии на выручку егерям подошли казаки и Лифляндский драгунский полк. Под их ударами турецкая конница обратилась в бегство. Артиллерия и пехота турецкого главнокомандующего Ахмет-паши поддержали свою конницу, но сражение было проиграно.

Русские войска, едва успев полностью восстановить порядок, как вновь подверглись атаке 10-тысячной турецкой конницы, преимущественно анатолийцев, из резерва визиря. Они окружили каре левого фланга, прорвали их строй и помчались к крепости. Турки надеялись с ходу захватить крепость, застав ее гарнизон врасплох. Гарнизон был готов к отражению атаки и встретил турецкую конницу артиллерийским и ружейным огнем.

М. И. Кутузов, собрав русскую конницу, направил ее в тыл и во фланг анатолийцев, на помощь русской коннице побежали егеря. Грозная масса анатолийцев была рассеяна и помчалась на юг, устилая поле трупами людей и лошадей. Разгром конницы так сильно подействовал на турецкую армию, что визирь Ахмет-паша уже не пытался повторить атаку.

Разгромив армию Ахмет-паши, М. И. Кутузов, опасаясь удара в тыл русской армии из г. Видина 20-тысячного корпуса Исмаил-бея, оставил крепость Рущук, предварительно уничтожив все укрепления.

В Закавказье 8 сентября 1810 г. русские войска разгромили лагерь Хусейн-Паши, стоявший впереди крепости Ахалкалаки. По

решению командующего казакам и татарам лагерь был отдан на разграбление; забрав все ценное, они быстро его покинули.

В состав Дунайской армии входили полки генерал-майора И. И. Исаева, подполковников Н. Д. Платова, П. В. Янова, А. И. Исаева, П. П. Попова, М. Ф. Карасева, Г. Л. Чернушкина; войсковых старшин А. Е. Сафронова, Ф. Ф. Мелентьева, М. А. Протопопова, А. А. Мартынова, А. Ф. Чикилева, М. А. Власова, Т. В. Ребрикова (до 30.06.1806); майоров С. М. Ежова, И. И. Андрианова и конно-артиллерийская рота полковника А. А. Карпова.

За успехи в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. награждены орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени генерал-майоры: Д. Е. Кутейников 2-й, П. Д. Иловайский 2-й, полковники: П. Т. Греков 8-й, В. А. Сысоев 3-й. Орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени пожалованы полковники: А. А. Карпов 2-й и чин генерал-майора за сражения при Браилове, Гирсове и Рассевате, Н. Г. Мельников 5-й, Н. С. Сулин 9-й, Г. А. Луковкин, подполковник И. И. Андриянов, майоры А. И. Исаев 4-й, В. А. Барабанщиков, войсковые старшины В. Д. Иловайский 12-й, Т. Д. Иловайский 11-й, сотник И. И. Попов.

За участие в русско-турецкой войне донские казаки получили награды: Орд. Св. Георгия 3-й степени – 7 человек; 4-й степени – 11 человек; Св. Владимира 1-й степени – 1 человек; Св. Владимира 3-й степени-4 человека; Св. Владимира 4-й степени – 23 человека; Св. Анны 1-й степени – 1 человек; Св. Анны 2-й степени – 14 человек; Св. Анны 3-й степени – 19 человек; Св. Анны 4-й степени – 8 человек; удостоены золотой саблей с надписью «За храбрость» – 17 человек; Высочайшее благоволение – 40 человек.

Общей награды Войско Донское не получило – знамен, знаков отличия, Высочайших грамот и т. д.

М. И. Платов получил чин генерала от кавалерии, другие получили чины генерал-майоров.

Русско-шведская война 1808–1809 гг. Заключение Тильзитского мирного договора коренным образом изменило политическое и военно-стратегическое положение на Европейском континенте. Многие вчерашние противники России стали ее союзниками, а ее недавние друзья – врагами. Тильзитский мирный договор подорвал международный авторитет императора Александра I, некоторые страны расценили договор как слабость Российской империи. Шведский король Густав IV, недовольный условиями Верельского мирного договора 1790 г., выступил за пересмотр границ между государствами. В 1802 г. Швеция была готова начать военные действия против России, но противоречия с Францией вынуждали ее выступать в союзе со свом восточным соседом. Поводом для открытия военных действий послужил отказ Швеции участвовать в континентальной блокаде – закрыть свои гавани для Англии. В конце

1807 г. Россия приняла решение в союзе с Францией и Данией начать войну со Швецией.

Командующим 24-тысячного экспедиционного корпуса император Александр I назначил героя войн екатерининской эпохи генерала от инфантерии, военного губернатора Остзейских губерний Ф. Ф. Буксгевдена. В состав корпуса Ф. Ф. Буксгевдена входили 2 эскадрона лейб-гвардии казачьего полка, Донские казачьи полки Лощилина, Исаева 2-го и Д. М. Киселева 2-го. В отличие от предыдущих военных кампаний боевые действия развернулись не в весенне–осенний период, а морозной и заснеженной зимой. 9 февраля 1808 г. корпус генерала от инфантерии Ф. Ф. Буксгевдена в составе трех дивизий под командованием генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова 1-го, генерал-лейтенанта кн. А. И. Горчакова и генерал-лейтенанта кн. П. И. Багратиона выступил к шведской границе и занял города Аборфорс и Ваза.

На рассвете 12 февраля в сильный мороз и метель казаки атаковали шведских драгун, опрокинули их и гнали до д. Форсби. В Форсбинском ущелье казаки и регулярная пехота под командованием генерал-майора В. В. Орлова-Денисова разгромили несколько шведских эскадронов и пехотный полк, что открывало путь на г. Гельсингфорс и к крепости Свеаборг. Для взятия Гельсингфорса и Свеаборга был сформирован отряд из донских казачьих полков и части кавалерии авангарда генерал-майора Н. М. Бороздина под начальством В. В. Орлова-Денисова. 18 февраля в сражении под Гельсингфорсом и его взятии казаки в результате быстрых атак захватили 19 пушек большие запасы оружия, пороха и провианта. Шведы даже не успели выстрелить из пушек – казаки завладели ими заряженными.

26 февраля отряд В. В. Орлова-Денисова подошел к Свеаборгу на усиление войск, блокировавших крепость. В его задачу входило тревожить противника по ночам, создавать фальшивые атаки, контролировать дороги, ведущие в крепость, перехватывать шведских разведчиков и курьеров. Плотное кольцо блокады, организованное Ф. Ф. Буксгевденом и прекрасно реализованное казаками и регулярными войсками под командованием генерал-лейтенанта Н. М. Каменского, дало блестящие результаты. 26 апреля крепость Свеаборг сдалась, русские войска взяли в плен 7503 солдат и офицеров, 2033 орудия, 340000 снарядов, 9000 ружей, много пороха, провианта, снаряжения и 110 судов. За время осады русские войска потеряли всего 6 убитых, 32 раненых, казаки – 1 убитого.

Дальнейшая военная кампания 1808 г. для русских войск оказалась неудачной. В Финляндии вспыхнуло народное восстание, финские и шведские партизанские отряды нападали на лазареты, провиантские команды, фуражиров, небольшие отряды русских войск, устраивали засеки, портили мосты, заваливали дороги, а

начавшееся половодье и распутица отрезали многие воинские части друг от друга, нарушали управление и связь. Тяжелые потери понес лейб-гвардии казачий полк, его эскадрон под командованием штабротмистра Фомина был ночью 13 июня захвачен врасплох жителями деревни Плелакса и почти весь перебит. Русские войска были вынуждены отступать на восток, оставляя ранее завоеванную Финляндию. 1 июля при дер. Плелакс (Плялакс) и 7 июля при г. Христиненштадт полк войскового старшины Д. М. Киселева и часть лейб-гвардии казачьего полка под командованием В. В. Орлова-Денисова разгромили шведский отряд численностью 700 человек и высадившийся с кораблей десант. Казаки захватили 7 чугунных пушек и обоз, уничтожили более 200 солдат и офицеров противника. В кампании 1808 г. казачьи полки понесли большие потери убитыми и раненными – около 20 % личного состава и 30 % строевых лошадей. За мужество и героизм, проявленные в этих боях, генерал-майор В. В. Орлов-Денисов пожалован орденом Св. Анны 2-й степени, украшенный алмазами, другие офицеры награждены орденами Св. Владимира, золотыми саблями с надписью «За храбрость», нижние чины – юнкера, унтер-офицеры и казаки Знаками Отличия Военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, а также получили по золотому рублю.

Осенью 1808 г. казаки полков Исаева 2-го и Лощилина при корпусе П. И. Багратиона участвовали (16 сентября) в разгроме шведского десанта под командованием бригадного генерала Боне при дер. Гельсинге вблизи г. Або. 15 октября корпус Н. А. Тучкова, наступавший к г. Иденсальми, был остановлен и отброшен шведами к г. Куопио. В его составе находилось 300 донских казаков. Заключенное в начале ноября 1808 г. перемирие со шведами, а затем неоднократные замены командования русской армии в Финляндии, приостановили боевые действия, но не решили ни одной из военно-стратегических задач, стоявших перед противниками. В феврале 1809 г. Александр I сменил верховное командование русских войск в Финляндии. Командовать южным корпусом русских войск вместо Витгенштейна стал П. И. Багратион. Центральный корпус вместо Д. В. Голицына возглавил генерал-лейтенант М. Б. Барклай де Толли, а Северным корпусом вместо Н. А. Тучкова 1-го – генерал-лейтенант П. А. Шувалов.

Главной задачей кампании 1809 г. являлось перенесение боевых действий на территорию Швеции, захват ее столицы и завершение войны. 6(18) марта русские войска перешли через реку Кюмень и двинулись на запад тремя колоннами вдоль побережья и по льду Ботнического залива. Северный корпус П. А. Шувалова (5000) двигался от Улеаборга на Торнео и Умео. Центральный – М. Б. Барклая де Толли (5000) – от Вазы на Кваркен-Умео, южный – П. И. Багратиона (20000) – от Або на Аландские острова и далее – на Стокгольм.

П. А. Шувалову и М. Б. Барклаю де Толли надлежало, соединившись, идти на усиление П. И. Багратиона. В авангардах Северного, Центрального и Южного корпусов шли казаки полков Лощилина, Киселева 2-го, и Исаева. Лейб-гвардии казачий полк, понесший большие потери, вышел из кампании 1808 г. и был отозван в Петербург для доукомплектования.

Корпус П. А. Шувалова захватил г. Торнео и, преследуя отступавших шведов, подошел к г. Каликс. На предложение русского командования сдаться, комендант города и командующий шведским корпусом генерал С. Гриппенберг ответил отказом. Тогда основные силы русских войск начали фронтальное наступление на Каликс, а колонна генерал-майора И. И. Алексеева пошла в обход по льду и отрезала корпусу С. Гриппенберга путь к отступлению. Одновременно М. Б. Барклай де Толли захватил г. Кварке и на шведском берегу г. Умео завершил окружение корпуса генерала С. Гриппенберга.

17 февраля 1809 г. войсковой старшина Д. М. Киселев сражение при Христиненштадте, «командуя авангардом в отряде, 1 июля встретил наступающего неприятеля мужественно и, ударив на батарею, взял три пушки и 7-го при Нерпесе стремительно преследовал неприятеля, 20-го при Плялаксе, сбив неприятельские аванпосты, неоднократными атаками расстраивал его покушения, 7 и 17 августа при Лапвирде, вспомоществуя своею предприимчивостью победе и получив контузию в грудь, не оставил поля сражения и примерной неустрашимостью ободрял подчиненных». Войсковой старшина Д. М. Киселев стал первым из донских казаков, награжденных в войне орденом Св. Георгия 4-й степени.

26 февраля 1809 г. в сражении на о. Бене есаул В. Г. Данилов был прикомандирован для разведывания против шведских войск. Заметив шведский бекет, состоявший из пехоты, конницы и милиции, он не дожидаясь подкрепления, напал на него, взял в плен унтер-офицера и 13 рядовых, отнял 2 трехфунтовые заряженные пушки на лафетах. За этот подвиг он пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени.

Казаки полка Киселева 2-го первыми ворвались в г. Умео и устроили перестрелку. Комендант г. Умео генерал-лейтенант граф В. О. Кронштедт оказался в растерянности – казаки в городе, и на льду Ботнического залива тысячи огней. Генерал В. О. Кронштедт сдал русским город Умео со всеми запасами и отвел свои войска на 200 верст к городу Гернезанду. 13 марта корпус генерала С. Гриппенберга, попавший между двух огней, сложил оружие. Всего сдались 7 тысяч солдат и офицеров, из них 1600 больных. Русскими трофеями стали 22 орудия и 12 знамен, военные склады (магазины) с продовольствием, снаряжением, оружием и порохом.

Южный корпус, которым командовал князь П. И. Багратион, насчитывал 15,5 тысяч пехоты и 2 тысячи конницы (четыре эскад-

рона гродненских гусар и донской казачий полк Исаева). Впереди войска П. И. Багратиона шли два авангарда: правый – генерал-майора Д. Д. Шепелева, левый – генерал-майора Я. П. Кульнева. Корпус П. И. Багратиона овладел Аландскими островами, в нескольких боях на льду Ботнического залива истребил защищавший их шведский корпус, захватив свыше 3000 пленных и 30 орудий.

Конница авангарда Я. П. Кульнева, не сходившего со льда в течение пяти суток, настигла возле г. Сигнальшера арьергард отступавших шведов. Казаки полка Исаева окружили одну колонну, свернувшуюся в каре, врезались в нее, отбили два орудия и взяли 144 человека пленными, потом нагнали второе каре, взяли еще две пушки. Гродненские гусары окружили отделившийся батальон Зюдерманландского полка (14 офицеров и 442 нижних чина с командиром во главе) и после недолгой перестрелки вынудили его сдаться. Общее число пленных, взятых Я. П. Кульневым, превысило силы его отряда, а все пространство снежной пелены Аландегафа было усеяно брошенными повозками, зарядными ящиками, оружием. 7 марта авангард генерал-майора Я. П. Кульнева достиг шведского берега вблизи г. Гриссельгама, в нескольких десятках верст от Стокгольма. В столице Швеции началась паника.

В то время как казаки авангарда генерал-майора Я. П. Кульнева захватывали плацдарм на шведском берегу, П. И. Багратион получил известие о совершенном в Стокгольме государственном перевороте. Гвардейские полки свергли короля Густава IV. Новым королем риксдаг избрал дядю Густава IV, герцога Зюдерманландского. Он вступил на престол под именем Карла XIII. Наступление трех русских корпусов на Швецию поставило ее в безвыходное положение. Поэтому новое правительство первым делом обратилось к русским с просьбой о перемирии. Однако перемирие являлось лишь предлогом для недопущения русских войск на территорию Швеции, мобилизации и перегруппировки сил, затягивания решения вопроса о мире.

В период весенне-летней кампании шведы неоднократно нарушали условия перемирия, стремясь выиграть время и получить военно-политические преимущества. Только активные действия корпусов П. И. Багратиона и М. Б. Барклая де Толли, прибытие новых резервов из России вынудили шведов подписать 5(17) сентября 1809 г. в г. Фридрихсгаме мирный договор.

§ 12. Донские казаки в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг.

Отечественная война 1812 г. явилась тяжелым испытанием для русского народа и государства. В апреле–мае 1812 г. русскому командованию стали поступать многочисленные агентурные сообщения, свидетельства путешественников, проезжавших через Францию, Германию, Австрию и Польшу, от местных жителей и посланных за границу казаков-разведчиков о передислокации французских войск к границам России. Император Наполеон подвозил продовольствие, снаряжение и боеприпасы, готовил суда, плоты, понтоны и лодки для форсирования р. Неман. Он предполагал нанести удары по всем пунктам, где располагались русские войска, захватить Курляндию и принудить 1-ю и 2-ю Западные армии к отступлению. В начале июня с целью дезориентировать русское командование Наполеон начал активное передвижение своих войск вдоль западной границы России. Главные силы «Великой армии» (440 тысяч при 900 орудиях) располагались вдоль Вислы и были нацелены на города Ковно и Вильно, чтобы разгромить вначале войска 1-й Западной армии, а затем окружить и уничтожить войска 2-й Западной армии.

11 июня французские войска приступили к наведению понтонных мостов через Неман, одновременно более 300 польских улан переправились на противоположный берег с целью провести разведку и рекогносцировку местности. Здесь они столкнулись с разъездом лейб-казаков, которые под натиском превосходящих сил отошли назад. На следующий день, с первыми солнечными лучами, лучшие части «Великой армии» численностью 218 тысяч солдат и офицеров при 527 орудиях под командованием Наполеона перешли границу Российской империи.

Французской армии противостояли 1-я западная армия (127 тысяч человек при 550 орудиях) под командованием генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли, развернутая по линии Россиены – Лида и 2-я Западная армия (48 тысяч человек при 170 орудиях) занимала позиции между Неманом и Бугом под командованием генерала от инфантерии П. И. Багратиона. Они прикрывали направления на Петербург и Москву. 3-я Западная армия (46 тысяч человек при 168 орудиях) под командованием генерала от кавалерии А. П. Тормасова располагалась в районе г. Луцка, защищала киевское направление. Отдельный корпус генерал-лейтенанта П. К. Эссена (18,5 тысяч человек) защищал направление Рига – Динабург.

Донское казачество приняло активное участие в борьбе против наполеоновских войск и его разгроме. Накануне вторжения французских войск в составе русской армии находилось 65 донских ка-

зачьих полков, из которых 27 полков и 2 конно-артиллерийские роты под общим командованием генерала от кавалерии войскового атамана М. И. Платова несли аванпостную и сторожевую службу на границе с Австрией и Польшей. В соответствии с приказом командующего 1-й Западной армией М. Б. Барклая де Толли, казаки в случае разрыва дипломатических отношений и начала военных действий должны были «узнавать заблаговременно обо всех неприятельских мероприятиях, беспокоить неприятеля денно и нощно, действовать ему в тыл и во фланги, стараться овладеть его транспортом и истреблять в тылу неприятельском все, что только может поспешествовать его действиям, отнимать у неприятеля все способы к продовольствию».

В начале войны перевес сил и стратегическая инициатива были в руках противника. Наполеон стремился окружить по отдельности 1-ю и 2-ю Западные армии, разгромить их в генеральном сражении, решить таким образом не только исход военной кампании, но всей войны в целом, продиктовать императору Александру I унизительные условия мирного договора. 16 июня 1812 г. М. Б. Барклай де Толли в рапорте Александру I отмечал, что казачьим полкам под командованием М. И. Платова поручено действовать в тыл и фланг неприятеля, переправившегося у Ковно, отступать через Лиду, Сморгоны к Свенциянам, где может, будет дано генеральное сражение Наполеону. На казачьи полки возлагалась сложная задача – прикрывать отступление 1-й и 2-й Западных армий, а также нести аванпостную, сторожевую и разведывательную службу. Одновременно казаки занимались эвакуацией припасов, оружия, амуниции, больных и раненых, аптек, казны, сопровождали обозы.

Русские войска, умело избегая окружения, с тяжелыми арьергардными боями отступали к Смоленску. В это время донские казаки под командованием М. И. Платова одержали первые победы над французскими войсками у д. Мир, Соловьевой переправы, Рудня, городах Романове, Красный и Смоленск. Первый большой успех пришел донским казакам 27 июня 1812 г. До этого дня казаки в многочисленных стычках с противником уничтожали его аванпосты, разведчиков и фуражиров, захватывали обозы, но никогда не участвовали в крупных операциях. Против казаков одновременно противостояли бригады польской кавалерии под командованием маршала Франции И. А. Понятовского, вестфальской и саксонской кавалерии под командованием бригадного генерала барона Франции М. В. Латур-Мобура и польского бригадного генерала К. Турно. В этом бою казаки применили испытанный прием – «вентерь», который неоднократно приносил им успех. По обе стороны пути наступления авангарда противника скрывались в засаде хорошо подготовленные и вооруженные казаки, перед фронтом противника выставлялся небольшой авангард, сзади которого неприметно располагались основные силы

и резервы. Теперь главная задача состояла в том, чтобы заманить противника в заранее приготовленную ловушку.

Утром 27 июня передовые части польской кавалерии наткнулись на казачьи посты, в результате скоротечного боя они опрокинули их и погнались за казаками по дороге к д. Мир в надежде на легкий и быстрый успех. В клубах пыли преследователи не заметили, как проскочили в деревню. Здесь их ожидала засада. Первым в бой вступил полк полковника В. А. Сысоева 3-го, к которому вскоре присоединились главные силы – полки под командованием М. И. Платова, подошедшие из с. Симаковки. Противник отчаянно сопротивлялся, пытался организованно отступать, но вскоре отступление превратилось в беспорядочное бегство. Подошедшее к польским уланам подкрепление было смято отступавшими частями и беспрестанно кружившими вокруг них донскими казаками, которые своими длинными пиками загоняли противника в болото, сбивали с коней, врезались в ряды уланов, рубили их саблями и стреляли из пистолетов. Более 15 верст казаки преследовали французов, которые оставили на поле боя свыше 300 убитых и раненых, 248 пленных солдат и офицеров.

На следующий день генерал К. Турно решил взять реванш и усиленная польскими уланами французская кавалерия выступила к д. Мир. Здесь в засаде и в перелесках ожидали казаки М. И. Платова. Наученные горьким опытом французы не кинулись вдогонку за отступавшими аванпостами казаков, а остановились на открытой местности перед деревней. М. И. Платов увидел, что не удалось заманить французов в ловушку, атаковал их «лавой», охватывая со всех сторон и отрезая путь к отступлению. С подоспевшими на помощь казачьими полками под командованием генерал-майора Д. Е. Кутейникова бригада М. И. Платова, бригада регулярной кавалерии и два пехотных полка под командованием генерал-лейтенанта И. В. Васильчикова завершили разгром французской кавалерии. Противник потерял на поле боя свыше 600 человек убитыми и ранеными. Победа при д. Мир позволила за двое суток 2-й русской армии отдохнуть, подтянуть отставшие обозы, произвести перегруппировку войск и организованно отступить к г. Несвижу и далее на соединение с 1-й Западной армией под командованием М. Б. Барклая де Толли.

Казачьи бригады под командованием М. И. Платова, генерал-майоров Н. В. Иловайского 5-го и И. К. Краснова 1-го, действуя в арьергарде 1-й и 2-й Западной армий, не позволяли противнику приблизиться к их основным силам, навязать свои условия ведения боя. «1 июля семь конных полков атаковали арьергард П. И. Багратиона под командованием М. И. Платова. Платов отбил две атаки и преследовал кавалерию до пехотных позиций. 8 июля В. А. Сысоев с 1000 казаками напал на французов, тем самым позволил русским батальонам, прибывшим из Борисова, отступить без потерь. Он из

засады атаковал конный полк врасплох и взял 9 офицеров и 200 рядовых, остальных преследовал, был остановлен в 5 верстах от Могилева неприятельской пехотой и артиллерией. 27 июля авангард Платова под командованием генерал-майора Денисова, при Молевом болоте смял два французских гусарских полка, которые отошли к Рудне. Прибывший Платов окружил неприятеля, смял его и гнал две версты; дальнейшее преследование было поручено генерал-лейтенанту графу П. П. Палену 3-му.

Скупые строчки хронологического указателя военных действий русской армии, рапорты и донесения командиров казачьих бригад и полков, командующих армиями дают неполное представление о роли, которую сыграло казачество в арьергардных боях, о героизме и мужестве донских офицеров и казаков.

В «Записках о 12-годе» С. Н. Глинки так описывается один из драматических эпизодов Отечественной войны, произошедший 24 августа. «За несколько дней до битвы Бородинской убит был под Колоцким монастырем донских войск генерал-майор Иван Кузьмич Краснов 1-й, который после отъезда М. И. Платова в Москву занял его место.

За отсутствием Платова Краснов начальствовал в авангарде донскими полками на высотах Колоцкого монастыря. Жестоким огнем действовали неприятельские и русские батареи; Краснов молнией пролетал с одного крыла на другое под тучей пуль, картечи и ядер. Его приметили с французской батареи и направили роковой удар. Раненная нога была так раздроблена и измята, что ее трудно было перевязать.

Между тем конница неприятельская усилилась с левого крыла, полки наши отдалялись. В то же время с ближайших батарей летели ядра. Надлежало спасать раненого не от смерти, а от плена. По дороге к Бородину Краснов, встретясь с генералом Иловайским 5-м, сдал ему начальство и сказал: «Отражай! Гони неприятеля, и я радостно умру!».

В Бородинском сражении 26 августа 1812 г. в составе русской армии участвовали 20 казачьих полков и 2 конно-артиллерийские роты. 25 августа войсковой атаман М. И. Платов, возвратившийся из Москвы, вступил в командование донскими казачьими полками. 14 казачьих полков и 2-я рота донской конной артиллерии войскового старшины П. В. Суворова составляли корпус под командованием М. И. Платова, казачьи полки были включены в кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта Ф. П. Уварова и располагались на правом фланге русской армии. Отдельный отряд генерал-майора А. А. Карпова численностью 8 казачьих полков входил в резерв левого крыла русской армии. Он прикрывал направление на Москву по Старой Смоленской дороге у с. Утицы. 1-я рота донской конной артиллерии майора П. Ф. Тацына была придана 2-й сводно-гренадерской дивизии генерал-майора М. С. Воронцова и на-

ходилась в линии полков, успешно отражала попытки противника овладеть Багратионовыми флешами.

Позиция русских войск при д. Бородино, считал М. И. Кутузов, «одна из наилучших. «Слабое место этой позиции с левого фланга, – писал полководец императору Александру I, – постараюсь исправить искусством.., имею я большую надежду к победе». 26 августа Наполеон нанес главный удар основной массой французских войск на д. Семеновское и Курганную высоту (батарею Раевского). Одновременно в обход д. Утицы в тыл русской армии был направлен кавалерийский корпус маршала Франции И. А. Понятовского, который встретил мощное сопротивление 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова и донских казаков А. А. Карпова. Уступив французам д. Утицы, а затем и Утицкий курган, русские войска остановили продвижение польских улан, укрывшись в Большом Утицком лесу. Вскоре казаки стали активно нападать на тылы и фланги противника, наносили ему ощутимый урон, расстраивая колонны, поражая и захватывая в плен солдат и офицеров противника. В результате активной и хорошо организованной обороны корпус И. А. Понятовского понес большие потери и вынужден был остановиться и более не принимал решительных наступательных действий до конца сражения.

В этот день донские казаки активно включались в другие боевые операции русской армии. На правом фланге отдельные отряды полковников М. Г. Власова и С. Ф. Балабина, отправленные накануне для наблюдения за неприятелем, «постоянно его тревожили и поражали довольно». Казаки под командованием М. И. Платова с восходом солнца выступили из лагерного расположения и последовали на левый фланг неприятельской армии. Нападая на кавалерию и пехоту противника, донские казаки искали слабые места в его боевых порядках, уничтожали разведчиков, канониров и фуражиров, наблюдали за передвижением французских войск под командованием Е. Богарне. Вскоре казаки обнаружили броды через реку Колочу, М. И. Платов отправил к М. И. Кутузову принца Э. Гессен-Филипштадского с просьбой разрешить казакам «совершить диверсию в тыл противника». Полковник К. Ф. Толь доложил М. И. Кутузову предложение донского войскового атамана, после изучения и оценки оперативной и стратегической обстановки в центре и на левом фланге русской армии главнокомандующий отдал приказ Ф. П. Уварову и М. И. Платову переправиться через р. Колочу и ударить во фланг и тыл французской армии. Начался знаменитый рейд казаков атамана М. И. Платова.

Это решение, как писал впоследствии участник Бородинского сражения (генерал-майор российской службы), в дальнейшем выдающийся немецкий военный ученый и теоретик К. Клаузевиц,

было принято между 8 и 9 часами утра. Сражение находилось еще в первой стадии своего развития. Не было никакой возможности предвидеть в какой-либо мере его конечный исход. К полудню казаки М. И. Платова и кавалеристы Ф. П. Уварова переправились через р. Войну (приток р. Колочи) и атаковали противника. Французская кавалерия отступила, но пехота, построившаяся в каре, встретила казаков и кавалеристов Уварова сильным ружейным огнем. Неоднократные атаки лейб-казаков под командованием генерал-адъютанта В. В. Орлова-Денисова не приносили успеха.

К этому времени в центре и на левом фланге русской армии сложилась напряженная обстановка. Противник, неся огромные потери, заметно потеснил корпуса Н. А. Тучкова, генерал-лейтенанта П. П. Коновницына, захватил д. Утицу и Утицкий курган, артиллерийским огнем почти полностью уничтожил батарею генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского, захватил Багратионовы флеши. Положение русских войск усугублялось тем, что накануне Бородинского сражения генерал от кавалерии Л. Л. Беннигсена самовольно изменил расположение войск на левом фланге, поставив корпус Н. А. Тучкова фронтом к противнику, тем самым сорвал запланированный М. И. Кутузовым маневр. Корпуса генерал-лейтенантов К. Ф. Багговута и А. И. Остермана были брошены на поддержку левого фланга и центра, резервы русской армии стали быстро таять. В штабе М. И. Кутузова с надеждой и нетерпением ожидали вестей от М. И. Платова и Ф. П. Уварова. Мучительно долго тянулись минуты и часы ожидания.

Вдруг на другой стороне реки Колочи – на левом фланге французской армии началась сильная стрельба, рассыпались стройные ряды колонн, артиллеристы и канониры, бросая зарядные ящики, разбегались и прятались в зарослях кустарника и в перелеске. Казалось, из ниоткуда возникали казаки, они вихрем проносились между расстроенными рядами неприятельской пехоты, стреляли из ружей и пистолетов, врезались на полном скаку в боевое охранение обозов, а где не могли достать противника саблями, жалили его своими длинными пиками. На левом фланге противника началось смятение, вице-король Италии Э. Богарне чуть не попал в плен казакам, под ним была убита лошадь, погиб один из его адъютантов. Он вынужден был приостановить перевод резервов 4-го французского корпуса к д. Захарьино и д. Бородино. Наполеон, не зная реальной численности просочившихся казаков М. И. Платова и кавалеристов Ф. П. Уварова, считал, что «хитрый лис», как он называл М. И. Кутузова, решил обмануть его, направив в тыл французской армии крупные части кавалерии и пехоты. Наступление французской армии в центре и на правом фланге было остановлено, на поддержку вице-короля Италии Э. Богарне Наполеон направил две колонны численностью свыше 23 тысяч человек. Почти 2 часа потребовалось императору Франции для выяснения

оперативной обстановки и только в 14 часов начать третью атаку на Багратионовы флеши и с. Семеновское. Время было упущено.

Незначительная, на первый взгляд, передышка позволила М. И. Кутузову подтянуть резервы, произвести перегруппировку войск, укрепить свои позиции в центре и на левом фланге. В это время казаки М. И. Платова и кавалеристы Ф. П. Уварова, не поддержанные пехотой и артиллерией, наткнулись на нарастающее сопротивление многократно превосходившего по численности противника, бросились уничтожать и грабить его обозы. Вскоре казаки, захватив с собой пленных и добычу, вернулись в расположение своих частей, французы не рискнули их преследовать. Э. Богарне, выставив оцепление и боевое охранение, практически оставался в бездействии вторую половину дня, опасаясь нового прорыва или обходного маневра казаков. К 18 часам русские войска уже прочно удерживали позиции от д. Горки до Старой Смоленской дороги, с которых артиллерийским огнем уничтожали пехоту и кавалерию противника. Постепенно с наступлением ночи прекратились атаки, замерли артиллерийская канонада и ружейные выстрелы, русские и французы укрепляли свои позиции, приводили в порядок оружие и амуницию, санитары оказывали помощь раненым, а погребальные команды хоронили погибших солдат и офицеров. Моросило. С восходом солнца обе стороны готовились возобновить сражение.

В ночь после сражения М. И. Кутузов, тщательно оценивая обстановку, считал возможным продолжать его на следующий день. Но по мере поступления донесений о численности погибших и раненых солдат и офицеров, о расположении и количестве резервов, о состоянии артиллерийского парка главнокомандующему становилось ясно, что необходимо оставить позиции при д. Бородино и отступать к Москве, изматывая противника в тяжелых арьергардных боях. Казакам поручалось вводить противника в заблуждение, наблюдать за его передвижением и прикрывать отступление русской армии. Командовать арьергардом поручили М. И. Платову. В 2 часа по полуночи русские войска незаметно покинули Бородинские позиции и отступили к Можайску.

После оставления Москвы казаки активно действовали в арьергардах, не давали противнику приблизиться к армии, нарушали его коммуникации, собирали разведывательные данные, несли аванпостную и сторожевую службу. При освобождении Москвы от французов донские полки из отряда Ф. Ф. Винценгероде первыми вошли в город, спасали его от разрушения и пожаров, предотвратили взрыв кремлевских стен и башен.

Донские казаки сражались в партизанских отрядах генерал-майора Ф. Ф. Винценгероде, полковника Д. В. Давыдова, капитана А. Н. Сеславина, донского полковника И. Е. Ефремова кн. Н. Д. Кудашева и др. Партизанские действия русской армии

начались 21 июля 1812 г., когда после соединения армий под Смоленском М. Б. Барклай де Толли сформировал летучий отряд из 3 донских, Ставропольского калмыцкого и Казанского драгунского полков под командованием Ф. Ф. Винценгероде. Командующий поставил перед ними задачу – действовать в районе Духовщины «непрерывно беспокоить левый фланг противника, уничтожать его отдельные партии, перехватывать курьеров и совершать другие партизанские действия».

Развернувшаяся борьба русского народа против наполеоновских войск вызвала стихийное создание отрядов народного ополчения, массовый сбор денег, продовольствия и снаряжения для армии. Призыв правительства об организации ополчения получил широкий отклик на Дону, где в короткие сроки были сформированы 26 казачьих полков, которые под командованием генерал-майора А. В. Иловайского 3-го прибыли 29 сентября под Тарутино.

В ходе контрнаступления русской армии особенно отличились отряды М. И. Платова, генерал-адъютанта В. В. Орлова-Денисова, генерал-майоров А. В. Иловайского 3-го, Н. В. Иловайского 5-го, А. А. Карпова 2-го. В боях под Малоярославцем донские казаки удерживали город до подхода корпусов генерала от инфантерии Д. С. Дохтурова и Н. Н. Раевского, а затем совместно с войсками генерала от инфантерии М. А. Милорадовича в сражении под Вязьмой разгромили войска маршалов Франции И.-Н. Мюрата и М. Нея. При форсировании противником р. Березины, а также во время его преследования до г. Вильно и г. Ковно русские уничтожали остатки французской армии, захватили в боях последние французские пушки и обоз.

В декабре 1812 г. донские казаки перешли границу Российской империи – начался освободительный поход русской армии. Оценивая участие донского казачества в Отечественной войне, М. И. Кутузов писал: «Почтение мое войску Донскому и благодарность к подвигам их в течение кампании 1812 года, которые были главнейшей причиной к истреблению неприятеля, лишенного вскоре всей кавалерии и артиллерийских лошадей, следовательно, и орудий, неусыпными трудами и храбростью Донского войска; сия благодарность прибудет в сердце моем... Сие чувствование завещаю я и потомству моему...».

После разгрома наполеоновских войск в Отечественной войне русское правительство решило перенести боевые действия на территорию Европы, чтобы добиться окончательной победы над Наполеоном.

В начале 1813 г., согласно «Расписанию всей действующей русской армии по алфавиту войск», в составе армии находилось 60 донских казачьих полков и 2 роты донской конной артиллерии. В кампании 1813 г. донские казаки в авангарде русской армии под коман-

дованием войскового атамана генерала от кавалерии М. И. Платова, генерал-майора А. И. Чернышева, генерала от кавалерии П. Х. Витгенштейна, генерал-лейтенанта Ф. В. Остен-Сакена, генерал-майора Ф. Ф. Винценгероде, генерал-майора Ф. К. Теттенборна участвовали в осаде крепостей Данциг, Модлин и Торунь, в освобождении герцогства Варшавского, Пруссии, Саксонии, Вестфалии, 16 германских государств, входивших в состав Рейнского союза (Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт, Лихтенштейн и другие). 20 февраля 1813 г. после тяжелых боев донские казаки в составе отряда А. И. Чернышева освободили Берлин от французских войск.

К марту 1813 г. Наполеону удалось почти полностью восстановить численность и боеспособность своей армии и перейти в наступление. В ходе сражений 20 апреля при г. Лютцене и 8–9 мая при г. Баутцене французские войска нанесли поражение русским войскам и их союзникам, заняли Дрезден. Казалось, что никогда не опускалась звезда над горизонтом и не тускнела слава французского императора, его войска готовы были вновь доказывать преданность великому полководцу.

Осенью 1813 г. военно-стратегическая обстановка в Европе изменилась. Сложилась новая антифранцузская коалиция, которая имела мощную армию и артиллерию, она насчитывала 492 тысячи человек и 1383 орудия. Однако из-за неумелого и нерасторопного управления и командования армиями, двойственной позиции Австрии, союзники 14–15 августа под Дрезденом потерпели поражение и понесли серьезные потери. Донские казаки принимали участие в этом сражении в составе арьергарда русской армии, а затем прикрывали союзные войска при отступлении в Богемию. 4–7 октября под Лейпцигом произошло генеральное сражение, получившее название «Битвы народов». В нем французские войска потерпели сокрушительное поражение. В сражении под Лейпцигом участвовали Лейб-гвардии донской казачий полк под командованием В. В. Орлова-Денисова, а также 32 донских казачьих полка и 2 конно-артиллерийские полуроты, они внесли огромный вклад в разгром наполеоновских войск.

К началу 1814 г. силы союзников увеличились почти вдвое, они начали наступление в глубь Франции, на Париж. Несмотря на численный перевес Наполеону удалось одержать ряд побед над союзными войсками и даже оттеснить их за Рейн. Вскоре в сражениях при Бар-Сюр-Об, Лаоне, Арси-Сюр-Об он потерпел поражение, 18 марта Париж капитулировал. Донские казаки в составе русской армии вступили на улицы Парижа, а спустя месяц начали возвращаться домой.

За подвиги, совершенные в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах, были награждены донские старшины, офицеры и генералы орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени – 11; 4-й степени – 43.

Войско Донское получило коллективные награды: пожаловано в 1817 г. Георгиевское знамя; лейб-гвардии казачьему полку – Георгиевский штандарт, серебряные трубы за 1812 г. и подвиг при Лейпциге (спасение Императора Александра от плена); Атаманскому полку – Георгиевское знамя, Георгиевский штандарт и Георгиевский бунчук за подвиг 1812–1814 гг.; Донским казачьим полкам Грекова (Жирова), Власова 3-го, Иловайского 11-го, Грекова 18-го, Дячкина – Георгиевские знамена за 1812 г.; Донским казачьим полкам Мельникова 4-го и Мельникова 5-го – Георгиевские знамена за – Краон и Лаон 1814 г., с надписью «За отличие»; 1-й Донской конно-артиллерийской роте – золотые петлицы за 1812–1813 гг.; 2-й конно-артиллерийской роте – золотые петлицы за 1812–1814 гг.

§ 13. Донские казаки в войнах России на Кавказе и в Закавказье

В период русско-иранских и русско-турецких войн первой трети XIX в. обстановка на Кавказе резко обострилась. Участились набеги западных адыгов на кубанские станицы, лезгин на грузинские селения, чеченцев и аварцев на русские крепости и городки по Тереку и Сунже. В июле 1826 г. иранские войска без объявления войны напали на русский лагерь вблизи урочища Мирак, а Аббас-Мирза с 30-тысячным войском вторгся в Карабахское и Талышское ханства, намереваясь совершить поход в Грузию. Отдельные иранские отряды двинулись на Ленкорань, Баку, Кубу и Нуху, их поддержали горская феодальная знать и духовенство. Аббас-Мирза осадил крепость Шушу, а Эриванский сардар Амир-хан занял Елизаветполь (Гянджу). Русские войска оказались в сложном положении. Командовавший Отдельным Кавказским корпусом генерал от инфантерии А. П. Ермолов направил против Амир-хана отряд под командованием генерал-майора кн. В. Г. Мадатова, ему были приданы донские казачьи полки под командованием походного атамана генерал-лейтенанта В. Д. Иловайского 3-го. Отряд В. Г. Мадатова 3 сентября 1826 г. разбил войска Амир-хана на р. Шамхор и занял Елизаветполь. «В воздаяние усердной службы и личного мужества» генерал-майор В. Г. Мадатов был награжден чином генерал-лейтенанта. При штурме и взятии города отличился хорунжий полка Г. А. Сергеева 1-го Степан Федорович Еремкин. Он отбил одно орудие, за что «в воздаяние личного мужества и храбрости» был пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени.

Аббас-Мирза снял осаду крепости Шуша и двинулся против В. Г. Мадатова. 13 сентября под Елизаветполем русские войска под

командованием В. Г. Мадатова и прибывшего к нему на помощь генерала от инфантерии И. Ф. Паскевича разгромили 35-тысячный армию Аббас-Мирзы и отбросили ее за Аракс. В этих боях отличились полки Молчанова 2-го, Г. А. Костина 4-го, Г. А. Сергеева 1-го и В. Д. Иловайского 3-го. Одновременно отряд под командованием генерал-майора Д. В. Давыдова, в составе которого находился донской казачий полк подполковника Андреева 1-го, совершил рейд во внутренние районы Ирана. Но оперативный успех не удалось развить из-за отсутствия резервов, в том числе отставания подкреплений из 6 донских казачьих полков и 1 донской конно-артиллерийской роты, нехватки продовольствия и снаряжения. В сражениях под Елизаветполем и Шамхором решился исход кампании 1826 г.

В начале 1827 г. командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал от инфантерии А. П. Ермолов предложил план военной кампании. Русские войска должны быстро продвинуться во внутренние районы Ирана с целью разгромить и уничтожить живую силу противника, не давать ему возможности собрать и подтянуть подкрепления, города и крепости не штурмовать, а оставить их в тылу, организовав длительную осаду. План А. П. Ермолова отвечал сложившейся военно-оперативной обстановке на Кавказе и, несмотря на сопротивление И. Ф. Паскевича, он был утвержден начальником Главного штаба генералом от инфантерии И. И. Дибичем. Вскоре генерал А. П. Ермолов был отстранен от должности и подал в отставку, реализация плана была возложена на нового командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала от инфантерии И. Ф. Паскевича.

В конце марта 1827 г. донские казачьи полки А. А. Карпова 2-го и Андреева 1-го выступили в составе отряда генерал-майора К. Х. Бенкендорфа 2-го в поход на Эриванское ханство. Оставив обозы, взяв продовольствия на четверо суток, отряд К. Х. Бенкендорфа 2-го под прикрытием казаков быстрым передвижением достиг Эчмиадзина и выбил 10–11 апреля иранские войска из города и монастыря. Спустя неделю казаки разгромили курдскую конницу во главе с Гассан-пашой, которая считалась в иранской армии непобедимой, достигли крепости Сардар-Аббад, 27 апреля подошли к городу Эривань и начали его осаду. За успешные действия против иранских войск А. А. Карпов 2-й был пожалован орденом Св. Анны 2-й степени и удостоен высочайшего благоволения. К. Х. Бенкендорфу 2-му император Николай I пожаловал чин генерал-лейтенанта.

Осада Эривани продолжалась, но много сил и времени отвлекала курдская конница под командованием Гассан-паши, действовавшая на коммуникациях и в тылу русских войск. 8 мая 1827 г. донские казаки, поддержанные черноморцами, переправились в брод и вплавь через реки Занга и Абарань, столкнулись с курдской

конницей. В результате сильного натиска казаков курды дрогнули и побежали. На протяжении почти 25 км до крепости Сардар-Аббада казаки преследовали неприятеля, утонуло и было уничтожено более 600 курдов, Гассан-паша спасся благодаря резвости своего коня. Посланный к генералу И. Ф. Паскевичу донской есаул Греков с известием о разгроме отряда Гассан-паши, получил орден Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Успехи казаков позволили генералу И. Ф. Паскевичу перегруппировать войска и направить их на Нахичевань, 26 июня город взяли без боя. Но осаде и взятию Эривани мешала сильная крепость Аббас-Абад, находившаяся в тылу русских войск и являвшаяся крупным опорным пунктом иранцев в Нахичеванском ханстве. В крепости находилось свыше 2000 иранских солдат и 18 орудий.

В течение 29 июня – 6 июля русские войска, успешно отражая нападения иранской конницы с тыла, осаждали крепость Аббас-Абад. На помощь осажденным в крепости командующий иранскими войсками наследник персидского престола Аббас-Мирза направил 17 тысяч конницы и отряд 8 тысяч пехоты для нанесения удара в тыл русским войскам. 4 июля вблизи урочища Джеван-Булак произошло сражение, в котором отличились донские полки генерал-лейтенанта В. Д. Иловайского 3-го, полковника И. К. Шамшева 2-го, полковника А. А. Карпова 2-го, генерал-майора Г. А. Сергеева 1-го, донская казачья № 3 рота конной артиллерии под командованием войскового старшины И. К. Полякова. Основные силы противника были разгромлены, что предрешило исход всей кампании. За хорошо организованную и блестяще проведенную атаку донских казачьих полков генерал-лейтенант В. Д. Иловайский 3-й был награжден золотой табакеркой, усыпанной бриллиантами с портретом императора Николая I.

В течение сентября донские полки Андреева, Сергеева 1-го и Шамшева проводили разведку в близи Эривани, изучали расположение верков, измеряли толщину крепостных стен, помогали возводить туры и фашины, отвлекали своими действиями иранцев от осадных работ, проводившихся русскими солдатами, охраняли коммуникации и хозяйственные транспорты от набегов курдов, перекрывали все направления выхода иранских войск из крепости. В ночь на 1 октября начался штурм Эривани. В передовой цепи располагались донские казачьи полки Андреева и Шамшева под общей командой генерал-майора А. И. Красовского. Иранские войска под начальством Гассан-паши совершили вылазку из крепости, попытались прорваться из окружения, но преследуемые казаками, были отброшены назад. Вслед за ними, буквально по пятам, русские войска пошли на штурм. Через пробитые бреши и через открытые ворота местными жителями русские войска вошли в город. В плен сдалось свыше 3 тысяч иранских войск, захвачено 45 орудий. В течение последующей

двух недель русские войска заняли крепость Меренд (3 октября), а затем и северную столицу Персии – город Тавриз (14 октября). Иранское правительство предложило начать мирные переговоры. 10 февраля 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор – русско-иранская война завершилась.

За участие в войне император Николай I пожаловал 23 февраля 1828 г. войску Донскому Георгиевское знамя, а также донским казачьим полкам А. А. Карпова 2-го, Г. А. Сергеева, С. А. Леонова знамена «за отличие в Персидскую и Турецкую войны в 1827, 1828 и 1829 годах», донской № 3 роте конной артиллерии знаки отличия на головные уборы и золотые петлицы на офицерские мундиры. Главнокомандующий генерал от инфантерии И. Ф. Паскевич получил графский титул и почетную приставку Эриванский.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. Не успела закончиться русско-иранская война, как 14 апреля 1828 г. началась новая русско-турецкая война, в которой участвовали 36 донских казачьих полков и 3 роты конной артиллерии. Турецкий султан направил на Дунайский театр военных действий армию численностью 150 тысяч человек, на Кавказ – 50 тысяч человек. Русское командование направило на Дунай 95-тысячную армию фельдмаршала П. Х. Витгенштейна. Перед ним ставилась задача занять Молдавию, Валахию и Добруджу, овладеть Шумлой и Варной. На Кавказском театре располагался 25-тысячный корпус русских войск генерала И. Ф. Паскевича. Русские войска намеревались занять Карский и Ахалцихский пашалыки (районы).

В русско-турецкую войну войско Донское выставило 36 полков и 3 конно-артиллерийские роты. В боевых действиях на Дунае участвовало примерно 2/3 полков и 2 роты конной артиллерии, остальные части воевали на Кавказе. Походным атаманом казачьих полков на Дунайском театре военных действий был герой Отечественной войны 1812 г. генерал-лейтенант В. А. Сысоев. Под его командованием казачьи полки боролись с турецкими отрядами, проникавшими на русский берег Дуная, а в январе 1829 г. вместе с регулярными войсками казаки отбросили турецкие войска с большими потерями от города Праводы, совершали экспедиции в районы Базарджика, Чембикиой, Казаналит, Кующук и Дена Клер. Кампания 1828 г. на Дунае протекала вяло, противники проводили постоянные разведки боем, искали слабые места в обороне, на транспортных коммуникациях, в защите крепостей. Император Николай I высказал недовольство неспособностью генерал-фельдмаршала П. Х. Витгенштейна проводить широкие наступательные операции на Балканах и отправил его в отставку. Новым главнокомандующим на Дунае был назначен генерал от инфантерии И. И. Дибич.

В мае начались энергичные действия русской армии, казаки участвовали в обороне крепости Праводы, рейде к Силистрии и

Шумле, что позволило ослабить натиск турецких войск, снять осаду Праводы и навязать туркам сражение в открытом поле. 30 мая состоялось сражение под Кулевчами, явившимся крупнейшей боевой операцией всей войны на Балканах. Донские казаки приняли активное участие в разгроме и преследовании неприятеля, в развитии оперативного успеха и перехода русских войск во всеобщее наступление.

При движении русской армии на с. Кеприкиой и с. Дервиш-Киой донской казачий полк П. Д. Бакланова первым вплавь переправился через реку Камчик, захватил на берегу противника плацдарм, способствовал переправе 6-го и 7-го корпусов русской армии. Турки во время этой операции потеряли 5 пушек, 6 знамен и бежали к г. Аспро, который 8 июля был захвачен донскими казаками полков Бакланова, Ежова, Борисова, Ильина и Чернушкина. Донские казачьи полки, действуя в авангарде русских корпусов, захватили г. Мисемврию и Бургас, нанесли тяжелое поражение туркам под г. Сливно и вышли к Андрианополю. За этот подвиг командир полка подполковник П. Д. Бакланов был награжден орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени, а полку пожаловано знамя с надписью: «За отличие в Турецкую войну в 1828–1829 годах». Есаул И. Д. Протопопов «за отличие при взятии Бургаса» также был пожалован орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

Бригада донских казаков под командованием генерал-майора И. И. Жирова разгромила турецкую конницу под Адрианополем, 8 июля город сдался без боя. Отличились во многих делах и лейб-гвардейцы. Один эскадрон охранял императорскую главную квартиру и ставку Николая I, другие участвовали в боях с турками, особенно они показали себя 14 июля при деревне Мадирда. Ротмистр И. И. Краснов получил орден Св. Владимира 4-й степени с бантом. Турки предложили начать переговоры о мире.

В это время донскими казачьими полками на Кавказе командовал походный атаман генерал-майор С. А. Леонов. Они были разделены на три бригады под командованием полковников Победнова, Г. А. Сергеева и генерал-майора Н. С. Завадовского, при кавалерии состояла рота донской конной артиллерии № 3 войскового старшины И. К. Полякова. Донские казачьи полки, по распоряжению И. Ф. Паскевича придавались действующей армии, на линии оставались небольшие разъезды и пикеты. На первом этапе войны главной задачей казачьих полков была охрана коммуникаций, штабов, карантинов, сопровождение транспорта, борьба с турецкими лазутчиками, конвоирование арестантов.

14 июня 1828 г. бригада донских казаков под командованием Г. А. Сергеева перешла р. Арпачай и вступила в Турцию. В течение нескольких дней бригады Г. А. Сергеева и С. А. Леонова оттеснили

турок и первыми подошли к городу Карсу. Из крепости вышла турецкая конница и стала на болотистой равнине, преграждая движение русских войск к городу. Казаки совместно с Нижегородским драгунским полком отбросили турок от крепости, а затем разгромили большую часть турецкой конницы. Отличились полки Г. А. Сергеева и С. А. Леонова. Турки потеряли 20 человек пленными, 100 убитыми и свыше 200 ранеными. Началась осада Карса.

Под огневым прикрытием и охраной казаков проводились рекогносцировки местности, строились укрепления. Ранним утром 23 июня русские войска начали штурм Карса. Часть казаков бригады С. А. Леонова действовали в передовых цепях в пешем строю, другие прикрывали артиллерийские батареи, которые метким огнем тревожили противника, уничтожали его орудия, пехоту и кавалерию. В это время отряд полковника Бородина при поддержке казаков напал с тыла на укрепления Карса, захватил форштадты, а затем и весь город. За отличные действия под Карсом донской артиллерии командир роты И. К. Поляков был произведен в подполковники. Карс капитулировал, но русские войска еще долго не могли войти в город – свирепствовала чума.

В начале августа 1828 г. русские войска, переправившись через реку Куру, подошли к городу Ахалцих. В авангарде двигался отряд под командованием полковника А. А. Карпова 2-го. Они захватили с. Ахалкалаки, с. Гертвиса и вплотную подошли к Ахалциху. Сюда же подошел 35-тысячный корпус Киос-паши и 8-тысячный отряд Мустафа-паши. 4 и 5 августа русские войска отражали беспрерывные атаки турок и вместе с тем строили укрепления для артиллерийских батарей. Орудия донской конной артиллерии метко поражали противника, а казаки совместно с Нижегородскими драгунами разгромили конницу Киос-паши. За отличие в этом бою подполковник И. К. Поляков был пожалован орденом Св. Анны 2-й степени.

С 6 по 11 августа русским войскам удалось окружить Ахалцих и разгромить основные силы Киос-паши и Мустафа-паши. Казаки полков Г. А. Сергеева, С. А. Леонова и А. А. Карпова 2-го с помощью драгун и улан захватили свыше 500 пленных, 2 орудия и 5 знамен. Генерал от инфантерии И. Ф. Паскевич предложил туркам сдать крепость, но получил отказ. 15 августа русские войска пошли на штурм, казаки проводили отвлекающие атаки. Донские артиллеристы осыпали крепость картечным огнем. Через пролом в стене в город устремилась пехота, казаки и артиллерия. Вскоре после ожесточенного боя город был полностью захвачен русскими войсками.

Донские казачьи полки смело производили отвлекающие атаки и не позволили отрядам Киос-паши и Мустафы-паши оказать помощь осажденным. За умелое руководство огнем донской роты конной артиллерии подполковник И. К. Поляков был пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени. «За поражение трехбунчужно-

го Коса Магомет паши и Мустафа-паши, завладение 4-мя неприятельскими лагерями и контрапрошными креплениями при осаде крепости Ахалцыха, взятии ея 15-го числа штурмом и 16-го – при занятии цитадели этой крепости» походный атаман генерал-майор С. А. Леонов награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В боях за Ахалкалаки отличился «прикосновенный к заговору» декабристов сотник В. Д. Сухоруков. Ему был пожалован орден Св. Владимира 4-й степени с бантом, а за сражение при Ахалцихе 9 августа он был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». По поручению И. Ф. Паскевича сотник В. Д. Сухоруков собрал материалы и подготовил историческое описание о русско-турецкой войне 1828–1829 гг., которые были изъяты у него при аресте и высылке с Кавказа на Дон.

В это же время отряд генерал-майора кн. А. Г. Чавчавадзе, в состав которого входил донской казачий полк подполковника П. Т. Басова, освободил от турецких войск Баязетский пашалык (район) и 28 августа взял крепость Баязет.

В 1829 г. донские казачьи полки и русские войска под командованием генерал-майоров П. В. Попова и Ф. С. Панютина защищали от турок крепости Ахалцих и Баязет, где проявили мужество и героизм казаки полков Г. А. Сергеева и И. К. Шамшева. При Баязете казаки полка И. К. Шамшева своими смелыми вылазками и рейдами в тыл турецких войск наводили ужас на осаждавших, не позволяли противнику строить постоянные артиллерийские позиции на господствовавших высотах, а батареям вести прицельный огонь по крепости. Особенно отличились казаки 20 июня, защищая от турок позиции Восточной батареи, которая в течение дня пять раз переходила из рук в руки. Единственному из всех донских казачьих полков за отличия в боях во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. полку И. К. Шамшева было пожаловано полковое Георгиевское знамя с надписью «За оборону крепости Баязет 20 и 21 июня 1829 года». Другие казачьи полки получили белые знамена за общее отличие в боях.

19–20 июня в сражении при урочище Каинлы и деревне Милли-Дюза русские войска под командованием И. Ф. Паскевича одержали блестящую победу, разгромили 20-тысячный турецкий корпус и пленили его командующего Гагки-пашу, захватили 2000 пленных, 28 орудий и 19 знамен. Донская рота конной артиллерии № 3 поддерживала русские войска при наступлении на турецкие укрепления, а донские полки Леонова, Фомина, Сергеева, Карпова 2-го и Басова вели активную разведку, сдерживали неприятеля на флангах, а затем преследовали его до полного уничтожения. В сражении 19 июня отличился есаул Иван Никифорович Краснов. Он, командуя сотней 27 Донского казачьего полка, участвовал в преследовании и разбитии Эрзерумского сераскира вблизи селения Каинлы,

отбил у неприятеля 2 орудия и был ранен шашкой в ступню ноги. За этот подвиг он получил орден Св. Георгия 4-й степени.

Победа была столь убедительной, что турки не могли далее активно противостоять русским войскам, вскоре пали крепости Эрзерум, Хниса, Бейбурт и Гасан-Кала. В этих боях проявили мужество и героизм казаки полка А. А. Карпова 2-го, за что командир полка произведен в генерал-майоры и удостоен высочайшего благоволения, а полк награжден знаменем с надписью «За отличия в персидскую и турецкую войны 1827, 1828 и 1829 годов». Командир роты донской конной артиллерии подполковник И. К. Поляков, раненный в бою при ущелье Чороха, остался в строю. При штурме г. Харт орудия артиллерийской роты под его командованием помогли подавить сопротивление турецкой артиллерии и захватить русским войскам город. За отличия в этих боях подполковник И. К. Поляков был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость».

Успех сопутствовал русским войскам и на Дунайском театре военных действий. Они разгромили 40-тысячную турецкую армию под командованием Решид-Паши, блокировали, а затем освободили Силистрию. Исход войны был предрешен.

Спустя несколько дней пришло известие о начале переговоров о мире между Россией и Турцией, боевые действия прекратились. 2(14) сентября 1829 г. правительство Турции заключило Адрианопольский мирный договор.

За отличие в боях русско-турецкой войны 1828–1829 гг. генерал-майору С. А. Леонову, подполковнику И. К. Полякову, войсковому старшине Г. И. Студеникину, подполковнику П. Д. Бакланову, есаулу И. Д. Протопопову и есаулу И. Н. Краснову император Николай I пожаловал ордена Св. Георгия 4-й степени. Другие офицеры и старшины получили ордена Св. Владимира, Св. Анны и Св. Станислава различных степеней, награды золотым оружием с надписью «За храбрость», повышение в чинах, высочайшие благоволения и высочайшие благодарности.

1 октября 1829 г. император Николай I учредил серебряные медали «За Персидскую войну 1826, 1827 и 1828 гг.» и «За русско-турецкую войну 1828-1829 гг.», которую вручали всем участникам войны – генералам, штаб и обер-офицерам, солдатам, старшинам и казакам. Медаль носили на Георгиевской ленте на левой стороне груди.

За подвиги, совершенные в русско-иранской и русско-турецкой войнах, император Николай I пожаловал войску Донскому 25 февраля 1832 г. Георгиевское знамя с Георгиевскими лентами и надписью: «Верноподданному Войску Донскому за оказанные заслуги в продолжение кампании против Персиян в 1826, 1827 и 1828 и против Турок в 1828 и 1829 годах». Одновременно были пожало-

ваны казачьи полки: 22 августа 1829 г. донскому казачьему полку полковника И. К. Шамшева знамя, с изображением на сине-голубом поле с одной стороны креста спасителя, с другой – знака ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, с Георгиевским крестом в копье, георгиевскою лентою и серебряными кистями, с надписью: «За оборону крепости Баязета 20 и 21 июня 1829 года». 6 апреля 1830 г. пожалованы знамена Донским казачьим полкам с надписью: «За отличие в Турецкую войну в 1828 и 1829 годах» полковника Рыковского, полковника Чернушкина 2-го, полковника Борисова 1-го, полковника Золотарева 4-го, полковника Ильина, полковника Бакланова, генерал-майора Бегидова, подполковника Платова 2-го. Знамена имели изображения на сине-голубом поле с одной стороны Креста Спасителя, с другой – государственного герба, с серебряными лентами и кистями.

6 апреля и 22 сентября 1830 г. пожалованы знамена, с надписью: «За отличие в Персидскую и Турецкие войны в 1827, 1828 и 1829 годах» донским казачьим полкам полковника П. Т. Басова, генерал-майора С. А. Леонова, генерал-майора А. А. Карпова и генерал-майора Г. А. Сергеева. Рисунки на всех знаменах одинаковые с предыдущими.

Кавказская война 1801–1864 гг. была самой длительной, которую вела Российская империя за свою историю, являлась частью Восточного вопроса. Он возник в конце XVШ в. в связи с распадом Османской империи и борьбой европейских государств Англии, Франции, России и Австрии за раздел ее владений. В современной исторической литературе в понятие и содержание Кавказская война включаются русско-иранские 1804–1813 гг., 1826–1828 гг., русско-турецкие 1806–1812 гг., 1828–1829 гг. и 1853–1856 гг. (Крымская война) войны, а также борьба России за присоединение Восточного и Северо-западного Кавказа.

Донское казачество принимало активное участие в присоединении Кавказа, которое своими корнями уходит в далекую древность. После разгрома Астраханского ханства южная граница Московского государства протянулась по р. Терек, сюда в 1567 г. в Терский городок переселились стрельцы, донские, волгские и запорожские казаки, они заложили Терское казачье войско. В XVI–XVП вв. терские и донские казаки неоднократно совершали походы в составе русских войск против горцев, в частности кумыкского шамхала Тарковского, во время персидского похода 1722–1723 гг. 12 донских казачьих полков осуществляли прикрытие корпуса под командованием императора Петра I при штурме и взятии Дербента и Баку, в ходе русско-турецких войн XVШ в., преследуя неприятеля, донские казаки неоднократно проникали далеко за Кубань и в предгорья Кавказа. Одновременно донские казаки заселяли и осваивали степное Предкавказье, несли кордонную, сторожевую и аванпостную службу на Кавказской линии.

Добровольное присоединение Грузии к России в 1801 г. не успокоило Кавказ, некоторые члены царской грузинской семьи подняли мятеж, нападения лезгин на Грузию, закубанских горцев и чеченцев на Кавказскую линию не прекратились, что потребовало усиления войск в этом регионе. На Кавказскую линию донские казачьи полки отправлялись регулярно с ее основания в 1735 г., вначале в составе 5 полков, а к 1853 г. в Кавказской армии состояли 21 полк и рота конной артиллерии.

Кавказская война коренным образом отличалась от военных кампаний начала XIX в. и Отечественной войны 1812 г. Боевые действия велись русскими войсками против местного горского населения. Оно постоянно выступало против самодержавия под различными религиозными и национально-освободительными лозунгами, а также с иранскими и турецкими войсками, которым давно были знакомы сложный рельеф местности и тяжелые природно-климатические условия. На наш взгляд, Кавказскую войну не следует сводить только к решению военно-оперативных задач, столкновению России и горских народов на конфессиональной основе, колониальной политике самодержавия на Кавказе, политике геноцида горских народов и выселению их в Османскую империю. Проблема значительно шире и сложнее, ее суть заключается в том, что с середины XV в. Кавказ становится ареной столкновений различных цивилизаций – восточной, азиатской и европейской. Учитывая, что в эпоху средневековья религия являлась господствовавшей формой идеологии, то борьба между ними приобретала различные формы борьбы христианства с исламом, православия с мусульманством.

Включение народов Поволжья и Сибири в состав России в XVI–XVII вв. протекало достаточно мирно, быстро и не так болезненно, как на Кавказе. В этот период уровень развития государственности, феодальных отношений, экономики, идеологии и религии в Московском государстве был выше, чем у народов Поволжья и Сибири, но не настолько высок, чтобы имевшийся разрыв порождал сильные конфессиональные, социальные и военные противоречия. К тому же они не имели мощной идеологической и материальной поддержки, как народы Кавказа, принявшие ислам, со стороны Ирана и Турции. Ко времени включения Кавказа в орбиту московской, а затем и российской внешней политики, разрыв, в цивилизационном развитии народов Кавказа и России быстро нарастал в пользу последней (выше формы организации государственности, уровень социальных отношений, развития экономики, военного дела и т. д.). Отсюда стремление Российского государства навязать горским народам путем открытого военного, религиозного и экономического давления свое миропонимание и устройство (свой уровень цивилизации), которые вписывались бы в систему

существовавших общественных отношений. В свою очередь следует учитывать, что горские народы Северного Кавказа в своей нише развивавшейся цивилизации не представляли единого целого в экономическом, социальном, идеологическом и конфессиональном плане. Этим, по нашему мнению, объясняется во многом разновременность и разнохарактерность движения горских племен, их отношений между собой, с Турцией, Ираном и Россией, путей вхождения в состав последней.

Эти факторы вносили коррективы в тактику боевых действий и управление казачьими полками. Донские казаки несли службу на Кавказской линии одновременно с российскими регулярными и поселенными войсками – Астраханским, Терским, Кавказским линейным и Черноморским. Они были разбросаны кордонами по Кавказской и Лезгинской линиям, отражали набеги горцев, несли аванпостную, сторожевую и почтовую службу, сопровождали в командировках фельдъегерей, генералов и офицеров регулярной армии.

Практически не проходило дня, чтобы горцы не нападали на русские крепости, станицы и аулы, казачьи разъезды и пикеты, не захватывали пленных и не отгоняли скот. Так, в августе 1801 г. лезгины, находившиеся на службе и жаловании Ахалцыхского турецкого паши, спустились в Грузию и через урочище Хиоби и напали на д. Херцхиулы. Отряд казаков и мушкетеров отбросил горцев и преследовал их до границы. В начале 1802 г. осетины, подстрекаемые грузинскими царевичами Александром и Теймуразом, вторглись в Грузию и прервали сообщение с Тифлисом по Военно-Грузинской дороге. Для отражения неприятеля вышел отряд под командованием генерал-майора Ф. Ф. Симоновича, в котором участвовала сотня донского полка Щедрова 2-го. Они выступили из с. Цхинвали и быстро достигли осетинской деревни Джавы. Попытки горцев остановить движения отряда генерал-майора Ф. Ф. Симоновича не увенчались успехом. Прибыв в д. Джавы, генерал Ф. Ф. Симонович послал к осетинам парламентеров, а затем и воинскую команду в составе небольшого отряда казаков и пехоты с пушкой с требованием, чтобы они покорились и присягнули на верность русскому царю. Осетины, не ожидавшие быстрого перехода через ущелья и горы русских войск, приняли присягу. Взяв аманатов (заложников) и двигаясь от селения к селению, отряд Ф. Ф. Симоновича успокоил осетин, живших по рекам Паце и Большой Лиахве.

Не всегда успех сопутствовал донским казакам и русским войскам. В октябре 1802 г. горцам удалось отбить лошадей у казаков полка войскового старшины Горбикова у станицы Державной на р. Кубани. Все попытки казаков вернуть награбленное, оказались безрезультатными. Более того, в перестрелке с горцами погиб один казак и несколько было ранено. В январе 1805 г. из-за нерасторопности войскового старшины И. Ефремова и неоперативного управ-

ления полком отряд под командованием генерал-майора В. С. Гулякова был окружен горцами в Закатальском ущелье, генерал погиб, русские войска и казаки понесли большие потери. Часто неудачи сопутствовали донским казакам полка Арканцева в 1809–1810 гг. в боях против чеченцев. Известный дореволюционный исследователь Кавказской войны В. А. Потто отмечал, что названные выше обстоятельства служили нередко основанием для командиров отрядов и начальников экспедиций, направлявшихся против горцев, не привлекать донские казачьи полки. Казаков можно было встретить в качестве вестовых, ординарцев, денщиков, прислуги у генералов, штаб и обер-офицеров.

Безусловно, эффективность участия и использования донских казаков в боевых операциях зависели от их боевой подготовки и подготовки командиров полков. С 1816 г. на Кавказскую линию прибыли первые казачьи полки, которые участвовали в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии, в частности полки В. А. Сысоева, З. Г. Попова, К. И. Харитонова и др. Они имели опыт борьбы не только с регулярными частями наполеоновской армии, но и навыки партизанской войны, которые очень пригодились на Кавказе. В 1817–1819 гг. донские казаки отбросили горцев от крепости Грозной, разгромили большой отряд адыгов и шапсугов на р. Белой, совершили несколько дерзких рейдов в районы горной Чечни и Дагестана. Дела заметно изменились к лучшему, когда в мае 1823 г. походным атаманом донских казачьих полков был назначен герой Отечественной войны генерал-майор В. Д. Иловайский. За участие в боях и походах против горцев император Николай I присвоил ему 22 августа 1826 г. чин генерал-лейтенанта, а за героизм и мужество, проявленные в Джеванбулакском сражении, наградил бриллиантовой табакеркой с портретом императора.

В период русско-иранских и русско-турецких войн первой трети XIX в. обстановка на Кавказе была сложной: частые набеги западных адыгов на кубанские станицы, лезгин на грузинские селения, чеченцев и аварцев на русские крепости и городки по Тереку и Сунже. После окончания русско-иранских и русско-турецких войн боевые действия на Кавказе не прекращались. Борьба против политики российского самодержавия на Кавказе протекала под религиозными лозунгами и облекалась в различные формы. В конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. в Чечне и горном Дагестане широкое распространение получил мюридизм, одно из направлений ислама, где высшими ценностями являются безусловное подчинение приверженцев их наставникам (шейхам, пирам, ишанам, устазам), презрение к мирской жизни, самоуничижение, беспрекословное выполнение норм шариата.

Идеологам мюридизма удалось объединить разноязычные народы Кавказа, придать своему движению организованность и сплочен-

ность. С одной стороны, это привело к расколу народов Кавказа по конфессиональному признаку, а также к отмежеванию части исламского населения от фанатичных приверженцев мюридизма – с другой. В это же время сложилось теократическое государство – имамат, во главе которого в 1834 г. стал выдающийся военный, политический и религиозный деятель Шамиль. При нем военные действия на Кавказе приобрели ожесточенный и затяжной характер.

В 1830 г. донские казачьи полки под командованием С. А. Леонова участвовали в походах против Чарских и Белоканских лезгин, благодаря которым Джаро-Белоканская область была окончательно присоединена к России, позднее в отряде С. А. Леонова в экспедициях за Кубанью против шапсугов и адыгейцев. С середины 30-х годов Лезгинская линия (от Закаталами до Кварели) становится театром активных боевых действий на восточном Кавказе. Здесь в 1834 г. при штурме и захвате аулов Старый и Новый Гоцатль, где предположительно находился Шамиль, отличились донские полки под командованием нового походного атамана генерал-майора Г. А. Сергеева. Шамилю удалось скрыться, наступило непродолжительное затишье. К 1836 г. он объединил под своей властью горные районы Чечни и почти всю Аварию и вновь выступил во главе крупных вооруженных отрядов, нападая на русские войска и поселения.

Весной 1836 г., как вспоминал участник боев на Кавказской линии генерал-лейтенант Я. П. Бакланов, отряд горцев численностью 360 человек напал на казачье укрепление на р. Чамлык с целью захватить и отогнать полковых лошадей. Сотня казаков под командованием Я. П. Бакланова выступила навстречу противнику, который вдруг бросился в бегство. Казаки начали преследование и наткнулись на превосходящие силы горцев. Донцы заняли оборону и выдерживали многочисленные атаки чеченской конницы, при этом ружейным огнем отсекали ее от густых зарослей леса. Пошел дождь, намокли пистолеты и ружья, надежда оставалась только на пики и сабли. Я. П. Бакланов принял решение атаковать противника, удар в пики был настолько сильным и неожиданным, что горцы не выдержали и отступили. Почти 15 верст казаки преследовали и поражали противника. Через р. Лабу переправилось не более 60 горцев, около 300 человек были убиты и ранены. За этот бой Я. П. Бакланов был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Против горцев начальник Кубанской линии генерал-лейтенант Г. Х. Засс направил экспедицию, в составе которой находились донские казачьи полки Власова, Жирова, Шрамкова и др. В 1837 г. русские войска разгромили несколько отрядов Шамиля, заставили его принять русское подданство, присягнуть на верность императору Николаю I и отпустить заложников. Но через год Шамиль вновь поднял восстание. В 1839 г. донские полки в составе русских отря-

дов были направлены в южный Дагестан и усмирили восставших, другой отряд осадил резиденцию Шамиля – аул Ахульго. Во время одного из боев Шамиль был ранен и бежал в Чечню, где в 1840 г. восстание разгорелось с новой силой.

В это время начались выступления против России адыгских племен. Практически, движение горцев распространилось от Каспийского до Черного моря, они захватили укрепления Лазаревское, Вельяминовское, Николаевское и Михайловское. За три года боев Шамилю удалось одержать несколько крупных побед, занять Аварию и ряд районов Дагестана, расширить территорию имамата более чем в 2 раза. В 1843 г. в отрядах Шамиля насчитывалось свыше 20 тысяч человек.

Многие неудачи и просчеты русского командования на Кавказской линии объяснялись неэффективным использованием казачьих войск и боевого опыта казаков. Ветераны наполеоновских войн ушли в отставку, а для большинства донских казаков и офицеров 30–50-х годов служба на Кавказе являлась первым боевым крещением. В этих условиях правительство решило опираться на традиционные и многократно оправдывавшие себя методы борьбы с горцами. Оно увеличило численность Кавказской армии до 200 тысяч человек, в том числе за счет дополнительных 10 донских казачьих полков и полуроты конной артиллерии. Одновременно проводилось массовое переселение донских казаков на Кавказскую линию. По данным дореволюционного историка И. В. Тимощенкова, с 1845 по 1865 гг. с Дона на Терек, Сунжу, Лабу и Кубань переселилось 2811 семей, т. е. свыше 10000 человек. Для улучшения оперативным управлением войсками, подвоза продовольствия и снаряжения на Кавказскую линию и в Закавказье русское командование развернуло широкомасштабное строительство дорог и укреплений, началась массовая вырубка лесов с целью ограничить передвижение и укрытие отрядов Шамиля в горах. В этих мероприятиях донские казаки принимали активное участие.

Положительные сдвиги в боевой подготовке и управлении донскими казачьими полками наметились во второй половине 40-х – начале 50-х годов, когда в 1846 г. командиром Донского № 20 полка, а затем в 1850 г. начальником всей кавалерии левого фланга Кавказской линии был назначен генерал-майор Я. П. Бакланов. Он опирался на опыт и знания, полученные в Новочеркасском учебном полку в 1838–1845 гг. Генерал Я. П. Бакланов провел многочисленные преобразования вначале в своем, а затем в других полках. Он доукомплектовал полки казаками, вернул их из многочисленных командировок и служб у различного начальства денщиками, вестовыми, ординарцами, прислугою и дядьками (воспитателями малолетних детей генералов, офицеров и статских чиновников). Походный атаман улучшил строевую, физическую и боевую подготовку, возобновил тактические занятия с офицерами и урядниками, реорганиз-

зовал структуру полков, выделив в их составе пластунские, ракетные, саперные, учебные, санитарные и вспомогательные команды. Результаты проведенных мероприятий не замедлили сказаться – с участием донских казачьих полков были одержаны победы над горцами возле аула Хасавюрт, укрепления Куринского, у реки Мичик, в горной Чечне и Дагестане, в экспедициях генерала от инфантерии кн. М. С. Воронцова и генерал-майора барона К. К. Врангеля. Резко сократились потери полков во время боевых действий и от многочисленных болезней. В 1846 г. полк Я. П. Бакланова один из первых на Кавказской линии использовал при штурме чеченских укреплений ракеты и горные мортиры. С 1845 г. по 1853 г. донские казачьи полки под начальством Я. П. Бакланова отбили у горцев более 12 тысяч голов крупного рогатого скота и свыше 40 тысяч овец.

Движение горцев против российского самодержавия получило широкий размах в период Крымской войны 1853–1856 гг. Шамиль при поддержке Англии и Франции установил связь с турецким командованием, чтобы совместными усилиями разгромить русские войска в Закавказье. В августе 1853 г. за несколько дней до объявления войны Турцией Шамиль решил прорвать Лезгинскую укрепленную линию возле с. Закаталы, выйти на равнину, но был отброшен в горы русскими войсками и казаками Донского № 17 казачьего полка под командованием войскового старшины Полякова. Спустя два месяца донские казачьи полки под командованием Я. П. Бакланова разгромили чеченские отряды в Ханкальском ущелье и не допустили создания горцами укреплений по течению р. Аргун. В 1854–1856 гг. русские войска совершили против горских аулов Халин, Висен, Галгай, по р. Джалке и Аргун ряд удачных экспедиций, в их составе находились донские казачьи полки под общим командованием Я. П. Бакланова.

На завершающем этапе Кавказской войны русское командование, с одобрения правительства, признало необходимым «с целью дальнейшего предотвращения кровопролития разрешить всем желающим горцам переселиться в единоверную Турцию». На донские казачьи полки легла еще одна задача – оказывать содействие переселенцам, охранять их имущество и сопровождать во время передвижения к местам сборных пунктов, к крепостям и укреплениям на Черном море, откуда они направлялись в Османскую империю.

Массовые вырубки лесов, уничтожение сенокосных угодий и посевов хлеба, отгон скота у горцев в 1856–1859 гг., а также активные боевые действия экспедиций под командованием барона К. К. Врангеля и генерала от инфантерии генерал-адъютанта кн. А. И. Барятинского окончательно переломили ход Кавказской войны. Большинство чеченских аулов покорились и присягнули на верность русскому царю, Шамиль с небольшой группой мюридов бежал в Дагестан, в аул Гуниб. Против него был направлен отряд под командованием К. К. Врангеля, в составе которого

находились Донские № 6 и 81 казачьи полки. Отряд окружил аул Гуниб и 25 августа 1859 г. заставил Шамиля сложить оружие.

Пленение Шамиля, успокоение Чечни и Дагестана еще не означали окончания Кавказской войны, в течение последующих пяти лет основные военные события происходили на западном Кавказе. Донские полки участвовали в экспедициях против адыгов, шапсугов, абадзехов, натухайцев и убыхов. 21 мая 1864 г. русские войска сломили последние очаги сопротивления горцев и заняли урочище Кбаада в верховьях р. Мзымты. Кавказская война завершилась, западный и восточный Кавказ был присоединен к Российской империи.

За участие в Кавказской войне император Александр II наградил войско Донское Георгиевским знаменем с надписью «За Кавказскую войну» (Грамота 4 октября 1868 г.). 7 мая 1845 г. пожаловано Донскому казачьему № 38 полковника Номикосова полку Георгиевское знамя с надписью: «За примерную храбрость, оказанную при победе над скопищами горцев, 3 июня 1844 года, при селении Галли».

Для награждения генералов, офицеров, солдат и казаков, принимавших участие в боевых действиях на Кавказе в 1859–1864 гг., император Александр II учредил 12 июля 1864 г. наградной крест «За службу на Кавказе». В зависимости от чина награждались золотым, серебряным, из светлой бронзы или уменьшенным из светлой бронзы крестом. Крест за службу (Знак Отличия) «За службу на Кавказе» 1864 г. носился без ленты, как и Кульмский крест, на левой стороне груди, за бортом пуговиц.

§ 14. Донское казачество в войнах с Османской империей в середине и во второй половине XIX в.

Борьба за господство на Ближнем Востоке являлась важнейшим направлением во внешней политике России и Турции, многих европейских государств. К середине XIX в. Англия и Франция вытеснили Россию с рынков Ближнего Востока, подчинили своему влиянию Турцию. Попытки правительства императора Николая I договориться с Англией и Францией о разделе сфер влияния оказались безуспешными. Опасаясь усиления позиций России на Ближнем Востоке, Англия и Франция заключили тайный договор о совместных действиях против России и поддержке Турции. 4(16) октября 1853 г. Османская империя объявила войну Российской империи. Донские казаки участвовали в боевых действиях на Кавказском, Крымском и Дунайском театрах.

В Крымскую войну 1853–1856 гг. войско Донское выставило 87 конных полков и 14 конно-артиллерийских батарей. Как и в Отечественную войну 1812 г., было сформировано ополчение, которое наряду с действующими полками активно участвовало в боевых действиях в Крыму и на Кавказе.

К началу войны в Отдельном Кавказском корпусе находились одна Донская артиллерийская батарея из 8 орудий и 21 Донской казачий полк общей численностью 16457 генералов, штаб, обер-офицеров и казаков. Тяжелые боевые действия развернулись в Закавказье. 2(14) ноября 1853 г. донские казачьи полки в составе отряда генерал-майора И. М. Андроникова у с. Баяндур и 6–7 (18–19) ноября у с. Ацхур разгромили 40-тысячный Ардаганский отряд турецкого военачальника Абди-Паши, который стремился прорваться через Боржомское ущелье к Тифлису. 19 ноября (1 декабря) казаки участвовали в сражении при Башкадыкларе в составе отряда генерал-майора В. О. Бебутова, который уничтожил главные силы турок (36 тысяч человек и 46 орудий). Наступившая зима прервала военные действия.

К весне 1854 г. турецкая армия под командованием Мустафы-Зариф-паши получила подкрепление, ее численность составляла около 120 тысяч человек, в мае она перешла в наступление. 27 мая (8июня) 12-тысячный турецкий авангард выдвинулся к Батуми. Ему преградил путь 3-тысячный русский отряд под командованием генерал-майора И. М. Андроникова. Возле с. Нигоити они отбросили турецкий авангард, а 4(16) июня, получив подкрепление, русские и турецкие войска вновь завязали сражение на р. Чолок. Русское командование умело расположило свой 13-тысячный отряд и артиллерию, а глубокие фланговые атаки казаков не позволяли противнику развернуть свою кавалерию. Русские войска разгромили 34-тысячный Батумский отряд, не допустили захвата турками Батуми. В этом сражении отличился Донской казачий № 11 полк, которому 11 марта 1855 г. было пожаловано Георгиевское знамя с надписью «За отличие в сражении против турок 4 июня 1854 г. за р. Чолоком».

17(29) июля русские войска численностью 3,5 тысячи человек под командованием генерал-лейтенанта К. К. Врангеля во встречном бою на Чингильском перевале разгромили 20-тысячный турецкий корпус, защищавший г. Баязет. В составе отряда К. К. Врангеля находились 7 сотен Донских казачьих № 4 и № 23 полков. Конная атака Донского казачьего № 23 полка под командованием полковника П. С. Хрещатицкого предрешила исход сражения. В нем отличился войсковой старшина И. И. Костин, которому был пожалован орден Св. Георгия 4-й степени. Два дня спустя русские войска взяли Баязет. 25 сентября 1855 г. Донской казачий № 23 полк награжден Георгиевским знаменем с надписью «За отличие в сражении против турок 17 июля 1854 г. на Чингильских высотах».

Перелом в военных действиях в Закавказье наступил 24 июля (5 августа) в сражении у с. Кюрюк-Дара. На г. Александрополь турки двинули свои главные силы – около 60 тысяч человек и 64 орудия, на помощь генерал-лейтенанту К. К. Врангелю подоспел отряд генерал-майора В. О. Бебутова численностью 18 тыс. человек и 72 орудия. В этом сражении отличились донские артиллеристы. В Высочайшей грамоте о награждении орденом Св. Георгия 4-й степени командира Донской конно-артиллерийской батареи № 7 полковника Филиппа Семеновича Долотина отмечалось, Вы, командуя батареею «на нашем левом фланге, в самом начале боя принудили к отступлению 12 легких турецких орудий, потом, действуя против этих орудий с фланга, заставили их отъехать за фронт своих колонн, вслед затем выдвинули батарею свою на 80 сажень от двух неприятельских колонн, атаковавших нашу кавалерию и картечными выстрелами, отразив их атаки, способствовали к переходу нашей кавалерии в наступление; наконец, совершенно расстроив действием своей батареи правый неприятельский фланг, довершили конечное его поражение». 30 августа 1856 г. получила награду и Донская конно-артиллерийская легкая № 7 батарея – Георгиевский штандарт с надписью «За отличие в 1854 году». В этом сражении огромное мужество и героизм проявили казаки Донского казачьего № 20 полка. Они первыми ворвались в расположение турецких войск, захватили 3 знамени, пушки и свыше 200 пленных. 30 августа 1856 г. император Александр II пожаловал Донскому казачьему № 20 полку Георгиевское знамя с надписью «За отличные подвиги в сражении при Кюрюк-Дара 24 июля 1854 г.».

Разгром турецкой армии возле с. Кюрюк-Дара стал важной военной и политической победой русских войск. Турецкая армия отказалась от активных боевых действий в Закавказье, но и русская армия, измотанная непрерывными сражениями, вынуждена была перейти к стратегической обороне. Весной 1855 г. боевые действия возобновились. Русские войска подтянули резервы, пополнились новыми казачьими полками и артиллерией, командовал донскими полками походный атаман генерал-майор Я. П. Бакланов. Войска под начальством генерала от инфантерии Н. Н. Муравьева, оттеснив Баязетский и Ардаганский турецкие отряды к г. Эрзеруму, начали осаду г. Карса. Она продолжалась почти полгода и 16(28) ноября гарнизон Карса капитулировал. Решающую роль во взятии Карса сыграли донские казаки. Боевые действия в Закавказье завершились победой русской армии.

Разгром турецкого флота в Синопском сражении эскадрой адмирала П. С. Нахимова 18(30) ноября 1853 г. ускорил вступление в войну Англии и Франции на стороне Турции. 23 декабря 1853 г. (4 января 1854 г.) флот союзников вошел в Черное море, начал продвижение на Варну, Одессу и Крым.

2(14) сентября 1854 г. англо-французские войска высадили десант в районе Евпатории. В Крым из Мариуполя форсированным маршем выступила казачья бригада под командованием генерал-майора Ивана Никифоровича Краснова. Казаки несли аванпостную и сторожевую службу в районах Евпатории, Бахчисарая и Севастополя. Русские войска под командованием адмирала А. С. Меншикова 8(20) сентября на р. Альме потерпели поражение, отошли к Севастополю, а затем к Бахчисараю, бросив на произвол судьбы город. Но некоторые донские казаки остались в Севастополе, участвовали в 349-дневной обороне. Среди героев Севастопольской обороны выделялся донской казак Осип Иванович Зубов. Формулярный список казака дает яркое представление о его жизни, службе и подвигах. О. И. Зубов родился в 1800 г. в станице Перекопской, в 1823 г. вступил на службу казаком в полк подполковника М. Е. Киреева, затем семь лет служил в полку полковника П. С. Хрещатицкого в Царстве Польском, в 1832 г. по высочайшему повелению награжден золотой медалью «За спасение погибающих» и деньгами в сумме 50 руб. ассигнациями (спас беременную женщину из огня во время пожара). О. И. Зубов воевал на Кавказе в составе полка генерал-майора И. И. Жирова, по истечении двадцати пяти лет службы вышел в отставку в 1848 г.

С началом Крымской войны О. И. Зубов подал прошение и вернулся на службу, был определен в Донской казачий № 67 Маркова полк. После сражения на р. Альме полк покинул Севастополь, О. И. Зубов остался на 3-м бастионе, которым командовал контр-адмирал А. И. Панфилов. 25 ноября 1854 г. О. И. Зубов с матросами П. М. Кошкой, И. Кузьменко и А. Болотниковым уничтожили английскую батарею на Зеленой горе, захватили в плен 7 солдат и одно орудие. За этот подвиг О. И. Зубову был пожалован Знак отличия Военного ордена (Георгиевский крест).

5 декабря 1854 г. казак О. И. Зубов и матрос П. М. Кошка провели к английской батарее отряд численностью 150 матросов. Отряд напал на батарею и разгромил ее, в бою О. И. Зубов получил ранение в висок, но не покинул место сражения. Возвращаясь в расположение своей части, О. И. Зубов увидел английского штаб-офицера, во время короткой стычки захватил его в плен. По ходатайству кн. Васильчикова О. И. Зубова произвели в урядники, а по Высочайшему повелению ему и матросу П. М. Кошке пожалованы Благословенные кресты.

Благословенный крест – редкая, особая награда, дар императрицы Александры Федоровны. Она прислала в начале Крымской кампании в армию 12 крестов для раздачи храбрым воинам на поле брани. Благословенный крест серебряный, по размеру совпадает с наперстным наградным крестом для духовенства. Носился Благословенный крест на шее на Андреевской (голубой) ленте. На нем кроме распятия (по средине), изображены по углам святые:

Архистриг Михаил, Георгий Победоносец и Николай Чудотворец. На обратной стороне надпись: «Бог нам прибежище и сила, а спасет крест».

Вместе с матросами О. И. Зубов участвовал во многих вылазках в тыл противника. 6 июня 1855 г. после 4-й бомбардировки Севастополя английские и французские войска численностью 44 тысячи человек предприняли штурм бастионов Корабельной стороны, но были отбиты с огромными потерями. За отличие в сражении О. И. Зубову пожалован Георгиевский бант, но 24 июня донской урядник получил контузию в голову и отправлен в госпиталь, оттуда на Дон.

В 1858 г. урядник О. И. Зубов вступает в Донской казачий № 14-й полк и командируется на Кавказ. О его дальнейшей службе ничего не известно.

Военные действия в Крыму приняли позиционный характер. С целью их активизации англо-французское командование разработало план вспомогательных операций на Азовском море. Предполагалось в результате высадки десанта захватить города Ейск, Бердянск, Мариуполь, Геническ, Таганрог и другие населенные пункты, в которых сосредоточилось большое количество продовольствия и снаряжения для снабжения русских войск в Крыму и на Кавказе. В случае успеха коренным образом менялась оперативно-стратегическая обстановка в Крыму и на Восточном побережье Черного моря, противник получал продовольственные запасы и перерезал пути снабжения русских войск, угрожал внутренним губерниям Российской империи. Для достижения этой цели союзники создали экспедиционный корпус численностью 16400 солдат и офицеров, 11 полевых батарей, а также флот, состоявший из 57 паровых судов французской и английской эскадр.

Вся тяжесть защиты Приазовья легла на плечи немногочисленных гарнизонов городов и донских казаков. 12 мая 1855 г. союзная эскадра вышла из Камышевой бухты, прошла Керченский пролив и достигла Керчи. Взорвав пороховые погреба и уничтожив продовольственные и вещевые склады, немногочисленные русские войска покинули город. Вскоре без боя англичане и французы захватили г. Еникале. Первый успех окрылил союзников, и они рассчитывали на его развитие. 20 мая флотилия в составе 11 пароходов и большого количества мелких вспомогательных судов подошла к Таганрогу.

Оборона Таганрога и северо-восточного Приазовья была возложена на походного атамана донских казачьих полков генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Краснова. Еще задолго до появления англо-французского флота в Азовском море генерал-лейтенант И. И. Краснов принял меры по охране побережья и защиты населенных пунктов. От Мариуполя до Таманского полуострова были расставлены казачьи пикеты, разработана система сигнализации и оповещения. Они

следили за передвижением противника, не позволяли ему высаживать на побережье десанты, проводить разведку и рекогносцировку местности. В марте 1855 г. И. И. Краснов подкрепил Таганрогский гарнизон – передислоцировал из Новочеркасска Донской казачий № 68 полк. Появление противника на рейде Таганрога не стало неожиданностью для русского командования и казаков, они готовились защищать город.

21 мая к эскадре союзников подошло подкрепление – 7 пароходов и большое число вооруженных малых судов. К русскому командованию в Таганрог англо-французское командование прислало парламентеров, они потребовали сдать город и вывести из него войска. В противном случае англичане и французы обещали подвергнуть город артиллерийскому обстрелу, высадить десант и захватить Таганрог. Генерал-лейтенант И. И. Краснов, присутствовавший на встрече с англо-французскими парламентерами, заявил в ответ на ультиматум: «Пусть попробуют взять! Военная честь запрещает сдать город без боя». Он предложил союзникам не подвергать город бомбардировке, а выйти в поле и силой оружия решить, кому сегодня владеть Таганрогом. 23 мая после ожесточенной бомбардировки города противник начал высадку крупного десанта численностью до 300 человек. Под прикрытием кустарника десант начал подниматься в город, но был встречен ружейным огнем роты гарнизонного полубатальона под командованием подполковника Македонского. Не имея возможности остановить десант ружейным огнем, русские стрелки бросились в штыковую атаку и опрокинули противника в море. Он вынужден был искать спасение на шлюпах.

Командир Донского казачьего № 66 полка Кострюков поступил так же, как и генерал-лейтенант И. И. Краснов. Он отказался сдать Мариуполь англо-французским войскам. Союзники подвергли город бомбардировке и неоднократно пытались высадить десант на берегу Кальмиусского лимана. Казаки отразили все попытки противника захватить плацдарм и развить оперативный успех. С конца мая до начала июля противник непрерывно обстреливал приазовские города, пытался на шлюпах и баркасах высадиться и закрепиться на побережье. В это же время русское командование подтягивало в Приазовье дополнительные силы. В Таганрог подошла Донская казачья № 2 легкая артиллерийская полубатарея, затем были передислоцированы Донские казачьи № 70, 74 и 76 полки, сформировано из жителей городов ополчение, из внутренних губерний страны направлялись регулярные войска.

Утром 12 июля генерал-лейтенант И. И. Краснов получил сообщение от командира Донского казачьего № 70 полка подполковника Демьянова, что в гирлах Дона недалеко от Кривой косы села на мель английская канонерская лодка «Джаспер». Командир просил прислать две пушки, при поддержке которых хотел овладеть анг-

лийским кораблем, находившимся в семидесяти саженях от берега. И. И. Краснов направил в помощь подполковнику Демьянову казаков под командованием подполковника Божковского и две пушки. Сильный восточный ветер, который казаки называли «Астраханец», выгонял воду из Дона в море. Уровень воды в реке понизился и «Джаспер» опрокинулся на бок. Между командой канонерской лодки и казаками завязалась перестрелка, продолжавшаяся до вечера. На помощь к англичанам пытался подойти 18-пушечный корвет, но мелководье не позволяло ему войти в гирла Дона, он ограничился обстрелами казаков из корабельных пушек. Подполковники Демьянов и Божковский собрали команду охотников, которые под огнем противника вплавь добрались до канонерской лодки. Когда казаки взобрались на нее, то они увидели, что корабль брошен на произвол судьбы, а команда поспешно на шлюпах удаляется к корвету. Казаки сняли с «Джаспера» флаги, пушки и боеприпасы, а затем подожгли канонерскую лодку. В этом бою, как отмечал генерал-лейтенант И. И. Краснов, отличились командиры полков Демьянов и Божковский, войсковой старшина Афанасьев, есаул Кутейников, сотник Стоцкий и его сын – сотник Николай Краснов. Захват и уничтожение донскими казаками канонерской лодки «Джаспер» окрылили гарнизон и население Таганрога, укрепили их моральный дух.

Однако союзники не оставляли надежду на успех. В течение июля – начала августа противник неоднократно обстреливал город и пытался высадить десант в различных районах Восточного Приазовья. Все попытки оказывались безуспешными. Защитники Таганрога получили подкрепление. Из Ростова были доставлены восемь 24-фунтовых карронад, которые тотчас установили на сооруженные батареи. Подошла резервная бригада под командованием генерал-майора барона фон Э. Х. Лейна. 19 августа на рейде Таганрога вновь показалась англо-французская эскадра и начала бомбардировку города. В ответ заговорила русская береговая артиллерия, огонь был неожиданный, энергичный и меткий, эскадра быстро удалилась в море на безопасное расстояние. В последующие дни союзники пытались обстреливать город, но береговая артиллерия не подпускала их на расстояние прицельного выстрела. Последняя артиллерийская дуэль состоялась 31 августа, которая чуть не закончилась трагически для И. И. Краснова. Английское ядро приземлилось в двух шагах от генерала. «Это было последнее ядро, – отмечал в своих воспоминаниях генерал-лейтенант И. И. Краснов, – упавшее на таганрогскую землю». Вечером того же дня англо-французская эскадра покинула таганрогский рейд и навсегда удалилась в море. За успешную защиту Таганрога и Восточного Приазовья генерал-лейтенант И. И. Краснов был пожалован орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами.

Хорошо организованная оборона Азовского побережья расстроила планы противника – ни один город Приазовья, охранявшийся казаками, не был захвачен. Защита Таганрога и уничтожение английской паровой канонерской лодки «Джаспер» стали одной из легендарных страниц Крымской войны и участия в ней донского казачества.

Организационно и технически отсталые русские войска противопоставили современным армиям Европы мужество и героизм солдат, офицеров, генералов и адмиралов, донских казаков, но они не предотвратили поражения Российской империи в Крымской войне. Крымская война завершилась заключением 30 марта 1856 г. Парижского мирного договора, по которому России запрещалось иметь военный флот в Черном море и крепости на побережье. Во время подписания мирного договора разгорелись споры вокруг г. Севастополя, военно-морской базы российского Черноморского флота. Страны-победительницы настаивали на превращении его в свободный, открытый для иностранных судов порт. Такое положение делало южные границы России незащищенными. Успешные боевые действия в Закавказье и взятие донскими казаками Карса, давало козыри российской дипломатии. После длительных и сложных переговоров г. Карс «поменяли» на г. Севастополь. Город Карс возвращен Турции, Севастополь остался российским городом, закрытым для иностранного мореплавания.

26 августа 1856 г. император Александр II пожаловал войску Донскому Георгиевское знамя с надписью «За храбрость и примерную службу в войну против французов, англичан и турок в 1853, 1854, 1855 и 1856 годах... как знак новой воинской почести, к числу прочих регалий, дарованных войску Августейшими нашими предками». Донским казачьим батареям № 13, № 14 пожалованы знаки отличия на головные уборы с надписью «За отличие в 1854 году».

Для награждения донских казаков, офицеров и генералов, участников Крымской войны, правительство отчеканило и отослало 187909 медалей в войско Донское. Носилась медаль на ленте орденов Св. Георгия Победоносца, Св. Андрея Первозванного, Св. Владимира.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Предшествовавшая Крымская война (1853–1856 гг.) и заключение Парижского мирного договора (1856 г.), затем его денонсация в 1870 г. обострили отношения между Россией и Турцией. Подъем национально-освободительного движения народов Балканского полуострова и восстания против турецкого владычества в 1875 г. в Боснии и Герцеговине и в 1876 г. в Болгарии изменили коренным образом военно-политическую ситуацию на Ближнем Востоке. Борьба славянских народов получила широкую поддержку в Российской империи, на войну с турецкими войсками формировались и направлялись добровольцы,

собирались и переводились денежные средства, закупалось и посылалось оружие и продовольствие. В 1877 г. русское правительство, заручившись нейтралитетом Австро-Венгрии и Румынии, помогая славянским народам, перешло к открытым военным действиям. Император Александр II 12(24) апреля 1877 г. объявил войну Османской империи. Началу войны предшествовала международная конференция в Константинополе, на которой Россия выступила с проектом предоставления автономии Боснии, Герцеговине и Болгарии. Но, Османская империя, поддерживаемая Англией, отвергла 7(19) апреля 1877 г. российский проект.

Боевые операции развернулись на Балканах и в Закавказье. Русское командование предполагало разгромить турецкую армию в Болгарии. Для решения военно-стратегических задач была сформирована и направлена на Балканский театр военных действий 185-тысячная русская армия под командованием великого князя Николая Николаевича (Старшего). Ему противостояла 170-тысячная турецкая армия под командованием Абдул Керим-паши.

На Кавказском театре была сосредоточена 100-тысячная русская армия под командованием великого князя Михаила Николаевича. Она должна наступать в западной Грузии и западной Армении – Батум, Ардаган, Карс, Баязет. В Закавказье действовала турецкая армия численностью около 90 тысяч человек под командованием Ахмет Мухтар-паши.

В составе 285-тысячной русской армии воевало 53 донских казачьих полка и 24 конно-артиллерийские батареи, всего около 42 тысячи человек.

Русские войска начали наступление 12 апреля, в день объявления войны. Первыми пересекли государственную границу и форсировали р. Дунай донские казаки № 29-го полка полковника Пономарева. Они заняли Барбошский железнодорожный мост через р. Серет, а 13 апреля г. Браилов. Спустя год, 18 апреля 1878 г. Донскому казачьему № 29 полку был высочайше пожалован Георгиевский штандарт с надписью «За быстрое наступление и взятие Браилова 13 апреля 1877 года». Захват плацдарма имел большое военно-стратегическое значение для форсирования Дуная регулярными войсками и артиллерией, развертывания частей и соединений по фронту и вглубь территории противника. В последующее время донские казачьи полки № 21,23,29 и другие несли аванпостную и сторожевую службу, вели разведку, занимались фуражированием и заготовкой продовольствия среди мирного населения.

15(27) июня 14-я пехотная дивизия – передовой десантный отряд российской армии под командованием генерал-майора М. И. Драгомирова – перешла Дунай в районе Зимницы-Систово и вступила на землю Болгарии. Разведку и прикрытие переправы обеспечивал донской казачий № 23 полк подполковника Бакланова. Для реши-

тельного наступления на Балканы сил русской армии было недостаточно. Великий князь Николай Николаевич (Старший) принял решение о выделении 12-тысячного Передового отряда под командованием генерал-лейтенанта И. В. Гурко для наступления на Балканы, фланги прикрывали 45-тысячный Восточный (Рущукский) и 35-тысячный Западный отряды. Остальные войска располагались вдоль Дуная или находились на подходе.

Выполнение главной задачи возлагалось на Передовой отряд. Он должен был захватить проходы на Балканах, выступить к Тырнову и овладеть городом, затем выдвинуться на Шейново, Эски-Загра и Адрианополь. Конечной целью был захват Константинополя. В состав Передового отряда вошли донской казачий № 30 полк полковника Д. И. Орлова и Сводная казачья бригада полковника Чернозубова, включавшая донские казачьи № 21 и 26 полки полковников Курнакова и Д. Краснова.

Разведка, проведенная донскими казаками у г. Тырново, обнаружила неготовность турецкого гарнизона защищать крепость. Было принято решение захватить Тырново. 25 июня (7 июля) в результате артиллерийской дуэли, а затем и скоротечного ожесточенного боя первыми ворвались в Тырново казаки донского казачьего № 26 полка Д. Краснова. Они захватили большие запасы продовольствия и боеприпасов. Занятие Тырново русскими войсками открывало путь на Константинополь, но на северо-западе Болгарии в районе Плевны находился крупный турецкий гарнизон, ему на помощь двигались из Видина войска Осман-паши. Турецкие войска, фактически, угрожали тылам и коммуникациям русских войск.

Командование русской армии приняло решение овладеть горными перевалами Балканского хребта – Хаинкиойским, Шипкинским, Травненским и Твардицким, а затем захватить Плевну. 2 июля 1877 г. при взятии Хаинкиойского перевала отличился сотник А. П. Галдин. Он, как отмечалось в представлении к награде орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й ст., «атаковал с одною своею спешенною сотнею укрепленную позицию, занятую вчетверо сильнейшим неприятелем, овладел этими укреплениями и перевалом и отбросил неприятеля с высот». Спустя 3 дня (5 июля) на Шипкинском перевале сотник А. П. Галдин «лично водил части в бой на укрепленные места и первым взошел в одно из них (высоту Бедек. – *А. А.*)».

Занятие высоты Бедек коренным образом меняло оперативно-стратегическую обстановку вокруг Шипкинского перевала, русские войска могли наступать на него с юга и севера. Однако в результате несогласованных действий генерал-адъютанта Н. И. Святополк-Мирского и генерал-лейтенанта И. В. Гурко попытки дважды захватить перевал оказались неудачными. Русские войска понесли большие потери убитыми и ранеными.

В бою за северный проход Шипкинского перевала отличились казаки донского казачьего № 30 полка полковника Давида Ивановича Орлова из отряда генерал-адъютанта кн. Н. И. Святополк-Мирского. Они захватили перевал Янины, центр и правый фланг позиций противника, сбили неприятеля с нескольких высот, но не смогли занять перевал. Местность вокруг него была сильно укреплена 14 таборами и 8 орудиями, казаки вынуждены были отступить. Угроза совместного штурма перевала с юга и севера вынудила начальника турецких позиций Халюсси-пашу покинуть в ночь с 18-го на 19-е июля Шипкинский перевал, бросив своих раненых, большие запасы продовольствия и вооружения, а также 9 пушек.

После форсирования Дуная перед Восточным отрядом была поставлена задача овладеть крепостью Рущук, а затем, прикрывая южный фланг Передового отряда, контролировать юго-восточные районы Болгарии, освобождая их от турецких войск. В состав Восточного (Рущукского) отряда вошли донской № 12 казачий полк полковника Р. А. Хрещатицкого, две сотни донского казачьего № 37 полка полковника Иловайского, донская № 5-я и донская № 19-я конно-артиллерийские батареи. Со второй половины июля ожесточенные бои развернулись в 10–12 верстах от крепости Рущук у д. Кадикиой. Селение неоднократно переходило из рук в руки противников, турецкие войска, имея численное и оперативное преимущество, заставили Восточный (Рущукский) отряд в начале сентября отступить и занять оборону возле д. Трестеннике. Донские казаки продолжали отражать вылазки неприятеля на передовые цепи русской обороны, несли аванпостную, разведывательную и сторожевую службу.

Большего успеха добился Западный отряд под командованием генерал-лейтенанта Н. П. Криденера. Перед ним была поставлена задача взять крепость Никополь и выдвигаться на Плевну. 3(15) июля войска Западного отряда овладели Никополем, в боевых действиях отличились донской казачий № 9 полк полковника Нагибина и донская казачья № 2-я конно-артиллерийская батарея под командованием подполковника В. К. Рытикова. Во время штурма крепости казаки полка Нагибина прикрывали наступление пехоты. Казаки неоднократно спешивались, поражали противника метким огнем и преследовали его до самой крепости.

Подполковник В. К. Рытиков за сражение под Никополем был пожалован орденом Св. Георгия 4-й ст. В наградном представлении указывалось, что он «занял почти недоступную для артиллерии позицию и двумя орудиями, под личным своим начальством, обстреливал через р. Осму неприятельскую батарею, заставив ее замолчать и сняться с позиции, чем бесспорно способствовал успеху дела».

Сухие строчки наградного представления не раскрывают драматизма и накала сражения. Об этом более подробно написано в «Материалах для истории Донской артиллерии».

Во время штурма Никополя солдаты Вологодского пехотного полка, двигавшиеся во главе штурмовой колонны отряда генерал-лейтенанта Ю. И. Шильдер-Шульднера, попали под обстрел турецкой артиллерии, а затем были отброшены башибузуками за селение Мусселсу. Донская казачья № 2 конно-артиллерийская батарея подполковника В. К. Рытикова находилась в резерве командира корпуса генерал-лейтенанта Н. П. Криденера.

Командир батареи, наблюдая сражение, неоднократно обращался к командиру корпуса с просьбой оказать помощь Вологодскому пехотному полку, но получал отказ. Только после того, как турецкая артиллерия практически накрыла пехотный полк массированным огнем, генерал Н. П. Криденер разрешил подполковнику В. К. Рытикову покинуть резерв. Взяв с собой 1-й взвод сотника Савченкова, командир батареи и казаки на ремнях подняли орудия на скалу и заняли скрытную позицию. Перемещение артиллеристов было замечено турками, они открыли по ним пушечный и ружейный огонь. Казакам удалось без потерь выйти на линию огня и начать обстрел турецких батарей. Вскоре турецкие батареи были смяты, и подполковник В. К. Рытиков, не дожидаясь приказа командующего корпуса, сменил позицию. Он выдвинул орудия впереди цепей Вологодского пехотного полка и открыл огонь по турецким позициям.

Подполковник В. К. Рытиков принял смелое и опасное решение. Турецкая артиллерия была вооружена более мощными и дальнобойными английскими орудиями, вести с ними дуэль можно было только на расстоянии выстрела русских пушек при условии быстрого маневрирования и слаженных действий казаков батареи, умелого использования рельефа местности. В результате огня пушек сотника Савченкова 2 турецкие батареи были уничтожены, наступавшая турецкая пехота рассыпалась по местности, солдаты Вологодского пехотного полка бросились вперед и при поддержке казаков донского казачьего № 9 полка Нагибина овладели мостом через р. Осму. Как свидетельствуют «Материалы для истории Донской артиллерии», когда подполковник В. К. Рытиков и казаки вернулись в расположение своей части, командир корпуса генерал-лейтенант Н. П. Криденер, завидев командира батареи, встал и подошел к нему, снял шапку и поклонился до земли. Окружавшая генерала свита, представители различных иностранных государств, находившиеся при штабе, стали поздравлять с победой Рытикова, Савченкова и казаков. Вскоре русские войска заняли Никополь. В плен сдались 7 тысяч турок во главе с Гассан-пашой, около тысячи турецких солдат и офицеров погибли в сражении. Потери русских войск превысили 1300 человек.

12(24) июля в селении Карагач командир батареи подполковник В. К. Рытиков, сотник Савченков и казаки его взвода были представ-

лены императору Александру II, который пожелал узнать, «какой взвод так лихо вылетел на позицию под Никополем?». Они получили Высочайшее благоволение императора, а также были пожалованы подполковнику В. К. Рытикову орден Св. Георгия 4-й степени, сотнику Савченкову – орден Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

С взятием Никополя перед русским командованием открывались возможности без боя занять Плевну и продвигаться на Софию. 30 июня (12) июля по приказанию генерал-лейтенанта И. В. Гурко в крепость была направлена полусотня казаков донского казачьего № 30 полка под командованием есаула Афанасьева. Немногочисленный турецкий гарнизон не ожидал нападения, и после короткого ожесточенного боя сдался. Казаки обезоружили две полуроты турецкой пехоты, а затем вернулись в Тырново, проделав за три дня 250 верст. Из-за несогласованности действий и медленного передвижения русских войск, Осман-паша, двигавшийся с 30-тысячным корпусом из Албании, раньше, на рассвете 7(19) июля, ввел войска в Плевну.

8(20) и 18(30) июля, 30 августа (11 сентября) русские войска, плохо подготовленные к штурму Плевны, потерпели полное поражение и понесли крупные потери. В штурме Плевны принимали участие казаки Донских казачьих № 9 полковника Нагибина, № 34 подполковника Короченцева полков и донские казачьи № 2 подполковника Рытикова, № 4 войскового есаула Персианова и № 8 полковника Власова конно-артиллерийские батареи.

Потерпев поражение под Плевной, русское командование изменило план боевых действий, оно начало длительную блокаду крепости. В период осады Плевны донские казаки взаимодействовали с румынскими войсками и болгарскими ополченцами при обороне 6-го осадного участка, а также взятии Гривицкого редута № 2. В то же время они участвовали в отражении атак турецких броненосцев, двигавшихся по Дунаю, на помощь своим войскам. В боях на Дунае отличился сотник Князев, который с казаками-охотниками 14 и 15 мая руководил огнем румынской артиллерийской батареи. Казаки повредили один турецкий броненосец, другим не позволили захватить русские суда, стоявшие у причалов.

В обороне Шипкинского перевала 21–26 августа участвовали 10 казачьих сотен. Особенно прославились казаки Донского казачьего № 23 полка подполковника Бакланова и 1-й взвод Донской казачьей № 10 конно-артиллерийской батареи подполковника Солунского. Совместно с болгарскими ополченцами и подошедшими на помощь солдатами 4-й стрелковой бригады и 14 пехотной дивизии они отражали натиск во много раз превосходивших по численности войск Сулеймана-паши. Донские казаки получили высокую оценку командования, а также многочисленные русские, румынские и болгарские награды. Русские войска сохранили стратегическую инициативу в своих руках.

Донские казачьи полки и конно-артиллерийские батареи, участвовавшие в штурме Плевны, заслужили самые высокие похвалы командования. По мнению генерал-лейтенанта М. Д. Скобелева, казаки принесли наибольшую пользу. О высоких боевых качествах донской кавалерии высоко отзывались историки русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Куропаткин и П. Баженов.

28 ноября Осман-паша вывел войска из Плевны в надежде вырваться из окружения, но попал под мощный артиллерийский и ружейный огонь. Осман-паша и 10 пашей, свыше 2000 офицеров и 45 000 солдат сдались в плен. Русские войска захватили 77 орудий противника, вошли в Плевну. 23 декабря Западный отряд генерала Гурко, перейдя в тяжелейших условиях Балканы, освободил Софию.

14(26) ноября на Южном участке фронта турецкие войска атаковали левый фланг Рущукского отряда в направлении с. Мечки и с. Трестенник. В этих сражениях активно действовала донская казачья артиллерия, в особенности 5-я, 19-я и 21-я батареи, которые подвергли неприятеля массированному огню, разгромили его батареи, не позволили турецким войскам прорваться к осажденному в Плевне Осман-паше. Отличилась донская казачья № 21 конно-артиллерийская батарея под командованием войскового старшины Д. Г. Дукмасова. Как отмечалось в наградном представлении, «он, заняв возле деревни Мечки позицию, открыл такой меткий фланговый огонь по неприятелю, что дал полную возможность перейти нашей пехоте в наступление и заставил замолчать две неприятельские батареи. В продолжение всего боя, выстрелами, вверенной ему батареи, нанес громадный урон неприятелю». За этот подвиг Д. Г. Дукмасов был награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Донской казачьей № 21-й конно-артиллерийской батарее за участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. пожалованы знаки отличия на головные уборы с надписью «За отличия 30 ноября 1877 года».

В сложнейший период войны – при штурме и взятии Шипки казаки оставались в авангарде русской армии. 25 декабря 1877 г. Дивизии М. Д. Скобелева и Н. И. Святополк-Мирского получили распоряжение выступить из села Травны по направлению в г. Крестец и занять Шипку. 26–27 декабря при Шипке-Шейново они окружили и взяли в плен 30-тысячную армию Вессель-паши, которая закрывала южный выход из Шипкинского перевала. В этом сражении отличились казаки Донских казачьих № 9 и 30 полков под командованием полковников Нагибина и М. И. Грекова, (заменил Д. И. Орлова, назначенного 13.08.1877 г. командующим 1-й бригады 2-й Казачьей дивизии).

26 декабря в сражении при деревне Иметли корпус генерал-лейтенанта М. Д. Скобелева, двигавшийся на Шейново, встретив сильное сопротивление турок, остановился. М. Д. Скобелев напра-

вил во фланг и тыл неприятеля две сотни казаков и солдат Владимирского пехотного полка под командованием хорунжего донского казачьего № 9 полка Петра Архиповича Дукмасова. Они отбросили противника и заняли господствующие высоты, это позволило отряду перестроиться и продолжать наступление. 27 декабря казачий отряд П. А. Дукмасова с 12-й ротой Казанского пехотного полка занял турецкие передовые траншеи, захватил пороховой погреб, патроны, ружья, амуницию и продовольствие. Быстрая атака казаков и пехотинцев происходила на глазах командира корпуса М. Д. Скобелева, который представил всех ее участников к наградам. Хорунжему П. А. Дукмасову был пожалован орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

После занятия русскими войсками Филипполя широкомасштабные боевые действия прекратились. Донские казачьи № 1, 9, 23 и 30 полки двигались в авангарде корпуса генерал-лейтенанта М. Д. Скобелева на Адрианополь. 4 января полк Д. Краснова под Карагачем настиг турецкий отряд и захватил 23 орудия. 6 января 1878 г. возле деревни Караджилар казаки заметили отступавшего противника, который выводил артиллерию и обоз из селения под прикрытием пяти таборов (полков). Командир № 30-го полка полковник М. И. Греков направил в тыл и во фланги отступавшего противника сотни войскового старшины Антонова, есаулов Апостолова, Галдина и сотника Кубинцева. Турки встретили казаков сильным ружейным огнем. Казаки перестроились и бросились на противника в пики. Неоднократно спешиваясь и вступая в рукопашный бой, казаки разделили отступавшие колонны, заставили турок бросить артиллерию и обоз. В сражении под Караджиларом казаки захватили практически всю артиллерию Сулейманапаши – 54 орудия, а также более 200 пленных. За этот подвиг командиру полка полковнику М. И. Грекову был пожалован орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, а полку пожаловано Георгиевское знамя с надписью: «За Шипку, Ловчу, двукратный переход через Балканы и взятие 50 орудий при Караджиларе в 1877 и 1878 годах». 280 казакам полка пожалованы знаки Отличия Военного ордена.

8 (20) января русские войска заняли Адрианополь, а 19 февраля (3 марта) был подписан Сан-Стефанский мирный договор.

За подвиги, совершенные казаками в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., император Александр II пожаловал:

17 апреля 1878 г. – лейб-гвардии Атаманскому е. н. Высочества наследника цесаревича полку и № 6 Донской казачьей е. н. в. Наследника цесаревича батарее – права и преимущества, присвоенные войскам старой гвардии.

Георгиевские штандарты: – Донскому казачьему № 29 полку с надписью «За быстрое наступление и взятие Браилова 13 апреля 1877 года».

– Донскому № 30 полку с надписью «За Шипку, Ловчу, двукратный переход через Балканы и взятие 50 орудий при Караджиларе в 1877 и 1878 годах».

Георгиевские штандарты, с прибавлением к имеющимся ныне надписям новых об отличиях, оказанных в 1877 и 1878 годах:

– Донскому казачьему № 26 полку, с надписью «За отличие в Турецкую войну в 1828 и 1829 годах и за двукратный переход через Балканы в 1877 году».

Георгиевские серебряные трубы с надписями «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов»: Донской казачьей № 9 батарее.

Георгиевские серебряные трубы с прибавлением к имеющимся надписям новых об отличиях, оказанных в 1877 и 1878 годах: Донской казачьей № 6 батарее с надписью «За усмирение Венгрии в 1849 году и за отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов».

Знаки отличия на головные уборы с надписями: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов»:

– Донским казачьим № № 8, 9, 12, 13, 15, 17 и 18 полкам.

– Донской казачьей № 1 артиллерийской батарее.

– Донской казачьей № 5 артиллерийской батарее, с сохранением 1-му взводу и прежней надписи « За отличие в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах»; Изменение 23 окт. 1879 г. «За отличие в войнах с Персиею 1826 и 1827 и Турциею 1828–1828 и 1877–1878 годов».

– Донской казачьей № 21 артиллерийской батарее.

«За Шипку в 1878 году»:

– Донскому казачьему № 23 полку.

– Лейб-гвардии Казачьего Е. И. Величества полка: 1,3 и 4 эскадронам с надписью «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов», 2-му эскадрону с надписью «За Ловчу 5 июля 1877 года».

– Донскому казачьему № 21 полку с надписью «За двукратный переход через Балканы в 1877 году».

Знаки отличия на головные уборы с надписями «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов»:

– Донским казачьим артиллерийским батареям № 13, № 14 , с сохранением 1-му взводу и прежней надписи «За отличие в 1854 году».

Георгиевские серебряные трубы:

– Донской казачьей артиллерийской № 8 батарее с надписью «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов».

Знаки отличия на головные уборы с надписью ««За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов»:

– Донским казачьим артиллерийским № № 4 и11 батареям.

30 августа 1879 г. император Александр II пожаловал «в память заслуг, оказанных донскими полками и батареями в продолжение минувшей войны 1877 и 1878 годов, в знак особого монаршего благоволения ко всему войску Донскому» Георгиевское знамя

с надписью «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов», с сохранением и прежней надписи под орлом «1570–1870». 20 декабря 1880 г. знаками отличия на головные уборы с надписями: «За Никополь и Плевну 3 июля 1877 года» пожалованы Донская казачья артиллерийская № 2 батарея, с сохранением 1-му взводу и прежней надписи «За отличие в Турецкую войну 1828–1829 годов».

§ 15. Общественно-политическая мысль и борьба на Дону в XVIII–XIX вв.

Российская империя вступила в новый XIX в. уверенно и твердо укрепившись от Балтийского моря на западе до Тихого океана на востоке, от Белого моря на севере до Кавказских гор и Черного моря на юге. Государство не воевало, казалось, что после больших и малых войн и многочисленных походов второй половины XVIII в. наступил долгожданный мир. Непродолжительная передышка не принесла облегчения донским казакам. Они охраняли западные границы России, несли кордонную службу на Кавказской линии и службу внутренней стражи в Петербурге и Москве.

Своими действиями император Павел I показывал, что его главное желание установить прочный и долгий мир, успокоить страну, улучшить хозяйство и быт своих подданных. Но неискушенный во внешнеполитических делах, связанный предшествовавшими договорами и обязательствами, император не сумел преодолеть лабиринты дипломатии, до конца освободиться от влияния Пруссии, Австрии, Англии, Франции и других европейских государств. 1 октября 1800 г. Англия захватила о. Мальту и отказалась признать протекторат России над орденом Св. Иоанна Иерусалимского, а императора – его магистром. Последовал разрыв дипломатических отношений России с Англией и сближение ее с Францией. В плане реализации российско-французских договоренностей император Павел I направил 12 января 1801 г. донских казаков в поход к Оренбургу, чтобы они через Хиву и Бухару достигли Индии и напали на английские учреждения. На Дону было объявлено поголовное ополчение, и 41 казачий полк общей численностью 22 тысяч человек, две роты конной артиллерии под командованием войскового походного атамана М. И. Платова, недавно освобожденного из Петропавловской крепости, выступили в поход. Почти за три месяца казаки прошли более 700 верст. 23 марта 1801 г. в с. Мечетном Саратовской губернии они получили известие о смерти императора Павла I и рескрипт императора Александра I о возвращении домой.

Не менее сложные и драматические события разворачивались в это время на Дону. 5 сентября 1800 г. «бит нещадно» полковник

Евграф Осипович Грузинов, после чего он умер. Спустя три недели на Сенной площади войсковому старшине И. И. Афанасьеву, казакам И. Д. Колесникову, З. П. Касмынину и В. П. Попову отрубили головы, а также наказали кнутом других казаков «за предерзкие речи против императора». 26 октября в г. Черкасске засечен до смерти кнутом поручик Петр Осипович Грузинов. Многочисленные казни завершили дело братьев Грузиновых.

Евграф, Петр, Афанасий и Роман Грузиновы служили в лейб-гвардии донском казачьем полку при императоре Павле I в Гатчине. Большим влиянием в полку и авторитетом у Павла I пользовался командир эскадрона Евграф Грузинов, который оказал помощь наследнику престола в день смерти императрицы Екатерины II 6 ноября 1796 г. при его следовании из Гатчины в Петербург. В дальнейшем он выполнял различные секретные поручения Павла I и в 1798 г. был зачислен в его свиту. Перед донским казачьим полковником открывалась блестящая карьера, ему были пожалованы земли и крестьяне в Минской и Тамбовской губерниях, он любимец императора. Но не прошло и года, как Е. О. Грузинов был арестован и предан суду. При его аресте были обнаружены две «зловредные бумаги» и «зловредные книги», в которых обосновывалась необходимость уничтожения крепостного права и установления республики в России. К следствию по делу Е. О. Грузинова привлекли свыше 25 казаков и чиновников, служивших с ним в Гатчине и проживавших на Дону. На допросах в Войсковой канцелярии они неоднократно заявляли, что Е. Грузинов, отказываясь от подаренных ему императором Павлом I крестьян, говорил: «...хочу собрать большие силы и завладеть Стамбулом и островами, учредить Сенат и закон премудрый, неизменяемый для всех под солнцем живущих, и был полезен так, чтобы никто из настоящих и будущих людей на землях, его бы не отторгнул,.. населить город разных вер и наций людьми и установить между ними согласие в верах и единодушие,.. земля казачья заселена господскими слободами, а мы ничего не имеем, только один дом на земле, вступился было за отечество Пугач, но его сломили, вступился было также Фока и Рубцов, но их высекли. Я не так как Пугач, но еще лучше сделаю, как возьмусь за меч, так вся Россия затрясется». Взгляды Е. О. Грузинова отражали отношение основной массы казачества к самодержавию, к политике, которую проводило правительство на Дону, направленной на ограничение его политической самостоятельности, прав и привилегий.

Дело Грузинова получило широкий отклик на Дону в среде дворянства и казачества. В августе – сентябре 1800 г., как отмечали современники, в Черкасске «была сильная тревога, слишком заметная для простого народа». Среди казаков широко распространялись «критические стихи», в которых осуждалась политика Ека-

терины II и Павла I по отношению к войску Донскому, позиция войскового атамана А. В. Иловайского во время восстания Е. Пугачева и волнений казаков в 1792–1794 гг.

Одновременно в Черкасске состоялись собрания чиновников и дворян, они обсуждали дело Грузиновых и события последнего времени. Чиновники горячо высказывали различные мнения, вплоть до того, что необходимо ворваться в тюрьму и освободить арестованных силой. Первое собрание ограничилось отправлением депутации к войсковому атаману В. П. Орлову с целью узнать, есть ли указ об аресте Грузиновых. Второе собрание разогнал генерал И. И. Репин. Прибывший на собрание чиновник для особых поручений объявил от его имени, что если старшины и дворяне не разойдутся, то они будут лишены чинов и дворянства и сосланы в Сибирь. Участники собраний решили, что лучше спокойно жить, владея крепостными и огромными земельными наделами, и разъехались по своим имениям, не сделав ни одного практического шага.

Казни и наказания плетьми состоялись. Чтобы не возбуждать никаких слухов и разговоров и боясь широко народного движения на Дону, правительство и Войсковая канцелярия представили дело Грузиновых и их товарищей как погибших случайно, «по навету врагов» и в результате невыполнения приказа о помиловании генералами С. А. Кожиным и И. И. Репиным. Вопросы, прозвучавшие в деле Грузиновых, не остались без внимания правительства, стали одной из причин посылки на Дон комиссии генерал-адъютанта А. И. Горчакова.

В 1818–1820 гг. широко развернулось движение крестьян миусских и сальских слобод против крепостного права, во время которого вновь в протоколах Государственного Совета и Войсковой канцелярии появились фамилии казненных Евграфа и Петра Грузиновых. Во время следствия о восстании крестьян выяснилось, что Петр Петрович Грузинов (хорунжий из дворян станицы Старо-Черкасской, однофамилец казненных братьев. – *А. А.*), казак З. Пиданов и губернский регистратор Гутовский распространяли среди крестьян копии царского указа от 10 декабря 1819 г., по которому «они еще вернее могут искать вольность». При аресте П. П. Грузинова были найдены различные бумаги, среди них копии указа «Об отыскивании вольности» и «19 черных прошений разным людям и об отыскивании свободы». Правительство понимало, какое влияние могли оказать на казачество фамилия Грузиновых и эти письма на крестьянское движение. В 1821 г. статс-секретарь Н. Н. Муравьев, предполагая, что хорунжий П. Грузинов является родственником казненных, направил запрос Московскому генерал-губернатору Дурасову о службе братьев в лейб-гвардии донском казачьем полку во время его нахождения в Москве и Пе-

тербурге. Последовал ответ, что кроме Афанасия «остальные уже не находятся в живых». П. П. Грузинова, лишенного чинов и дворянства «по немолодым летам», сослали в Сибирь на поселение, а З. Пиданова и Гутовского после наказания плетьми отправили в Нерчинск на рудники.

Духовная жизнь донского общества как и в стране переживала мощный подъем, обусловленный победой русского народа в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. Донской генерал Г. А. Попов в своих воспоминаниях «Мое прошедшее или воспоминание одного простого смертного» отмечал, что «общий моральный уровень донского края высоко поднялся, поддерживаемый, с одной стороны, чувством собственного достоинства и заслуг, с другой – образованием во время многолетних походов по Европе и практическою наглядностью ко всему хорошему в просвещенных странах. На Дон внесена была целая масса новых понятий, идей и привычек, которые не могли не подействовать благотворно на самомельчайшие отношения в общественном и частном быту обитателей. И, – то всего важнее, – прочувствовано всеми до мозга костей теснейшее сочление Дона с сердцем святой Руси... Донские помещики, участвовавшие в европейских войнах и возвратившиеся с высоким значением и в больших чинах, жили на барскую ногу, давали блестящие балы, были весьма гостеприимны... Некоторые имели собственные оркестры... Всякое новое сочинение Пушкина ловилось нарасхват, затверживалось и разлеживалось по рукам. Знакомились серьезно с Байроном, Ламартина знали наизусть, как и Пушкина. Не забывали и Дельвига».

В связи с деятельностью созданного в 1819 г. Комитета для разработки «Положения об управлении войском Донским» в войске Донском сложилась оппозиция против представителей правительства в составе Войсковой канцелярии генерал-адъютанта кн. А. И. Чернышева и В. И. Болгарского. Донская аристократия боялась, что в результате деятельности комитета будут уничтожены ее права и привилегии на владение землей и крестьянами. Мелкопоместные и беспоместные чиновники, рядовые казаки надеялись, что принятые решения ограничат олигархическое правление старшин, приведут к улучшениям в быту и на службе.

По всем важнейшим вопросам – о проведении землемерных работ, по военному и гражданскому устройству, об ограничении доступа в дворянство и выселении крестьян с войсковых и станичных земель в Миусский округ – А. И. Чернышев и В. И. Болгарский встречали резкое сопротивление со стороны войскового атамана А. К. Денисова и некоторых членов комитета. Опираясь на поддержку императора Александра I и председателя департамента Военных дел Государственного Совета А. А. Аракчеева представителям правительства на Дону удалось сломить сопротивление оппозиции и отстранить вой-

скового атамана А. К. Денисова от власти. Чтобы отставка выглядела обоснованной и убедительной, не вызвала возмущения среди казаков, А. И. Чернышев обвинил А. К. Денисова в упущениях по службе при введении винного откупа, в бездействии во время крестьянского движения в 1818–1820 гг., в поддержке донских помещиков, которые агитировали своих крестьян против выселения их в Миусский округ, в неоднократных попытках некоторых членов донского комитета и представителей местной аристократии подкупить В. И. Болгарского, вручить ему взятку. 27 января 1821 г. император Александр I отстранил А. К. Денисова от власти, на его место был назначен герой Отечественной войны 1812 г. генерал-лейтенант А. В. Иловайский. Из состава комитета вывели генерал-лейтенанта А. А. Карпова и генерал-майора И. Черевкова, поддерживавших А. К. Денисова. Участников подкупа строго наказали, одних лишили «чинов и дворянства», других вне очереди выслали на службу на Кавказ.

Донская знать не смирилась с наступлением правительства на их права и привилегии, в Новочеркасске состоялись тайные собрания, на которых обсуждались вопросы, затрагивавшие интересы донского дворянства: о признании правительством донского дворянства и его организаций, о запрещении покупать крепостных крестьян и переводить их на Дон, о поземельных владениях, о предстоявших всеобщих выборах дворянства областного и окружных депутатов и др. А. И. Чернышев узнал о совещании, состоявшемся 28 февраля 1823 г. в доме генерал-майора О. В. Иловайского. В нем приняли участие почти все служилые и отставные генералы, многие крупные и средние чиновники: генерал-лейтенанты Н. В. Иловайский и А. А. Карпов, генерал-майоры В. Д. Иловайский, Г. Д. Иловайский, Г. А. Луковкин, С. Г. Греков и многие окружные депутаты. Вскоре последовал высочайший рескрипт императора Александра I с объявлением выговора участникам собрания.

Дворянская аристократия не смирилась. В конце марта 1823 г. участники собрания решили направить в Петербург члену Государственного Совета кн. И. В. Васильчикову или графу В. В. Орлову-Денисову депутацию с просьбой защитить казачьи права и привилегии. В действительности, как отмечал наказной атаман И. А. Андрианов, чиновники отстаивали прежде всего свои интересы и об общем благе Войска Донского никогда не мыслили. Чтобы не накалять обстановку на Дону и «обуздать неповиновение и вольнодумство в крае», правительство отложило проведение дворянских выборов «до утверждения нового о войске Положения» и установило негласный надзор за генералами – участниками собрания.

Репрессии в отношении участников собрания и должностные перемещения в управлении, последовавшие за указом Александра I, вызвали сильное недовольство на Дону. Декабрист Д. И. Завалишин в своих воспоминаниях отмечал, что в 20-е годы на Дону

«начало образовываться, нечто тайного общества, оставшегося неизвестным при следствии о декабристах. Это не было тайное общество по тем понятиям, которые господствовали в Европе и России, но все же основой его было стремление к самоуправлению, хотя оно выражалось, соответственно, казачьим понятиям, в своеобразной форме...»

Правительство не было уверено в спокойствии на Дону. Присяга Константину Павловичу, затем события в Петербурге 14 декабря 1825 г. породили различные слухи и толки. Вечером 14 декабря военный министр А. И. Татищев послал войсковому атаману А. В. Иловайскому распоряжение, в котором требовал, «чтоб войско Донское приведено было сколь возможно поспешнее к присяге на верность подданства е. и. в. государю Николая Павловичу». 26 декабря, через три дня после получения распоряжения, практически все войско Донское присягнуло Николаю I. В начале января 1826 г. правительство потребовало также от донских чиновников подписки о непринадлежности к тайным масонским ложам и невыезде за пределы края без разрешения войскового атамана.

В конце 1825 – начале 1826 г. в г. Новочеркасске под руководством сотника В. Д. Сухорукова возникло тайное общество «Литературные собрания и вечера», в которое вошли сын войскового атамана, корнеты Н. А. Иловайский и Ф. И. Селиванов, сотники В. Поснов и Н. С. Петровский, штаб-лекарь А. Бушман, войсковой старшина Н. Поляков, есаулы А. Кушнарев и М. Кучеров, урядник А. А. Ягодин. На собраниях присутствовали командиры рабочих казачьих полков З. Е. Егоров и Ф. Е. Балабин, полицмейстер П. С. Хрещатицкий, хорунжий Т. Д. Древянников, поручик Н. И. Иловайский и др. Кроме чтения разных книг, журналов и рукописей исторического содержания, преимущественно о героическом прошлом донского казачества, «бывали в обществах суждения и споры о разных материалах, относящиеся до нравственности и политики».

Одной из тем, которой касались члены общества, являлось следствие, суд и казнь декабристов. О существовании тайного общества стало известно правительству, но оно не возбудило новый политический процесс. Это объясняется, вероятно, тем, что многие члены общества «Литературные собрания и вечера» были связаны по службе с председателем Донского комитета генерал-адъютантом А. И. Чернышевым, который являлся членом, а затем и председателем Тайного следственного комитета по делу декабристов. А. И. Чернышев не хотел, чтобы его имя хотя бы в какой-то степени упоминалось с именами донских офицеров, сочувствовавших заговорщикам.

В войске Донском сложилась сильная оппозиция против представителей центральной власти, на сторону которой перешли войсковой атаман А. В. Иловайский и некоторые чиновники,

служившие в Петербурге при генерал-адъютанте А. И. Чернышеве. Они составили записку «О невыгодах проекта Положения об управлении войском Донским», в которой содержалась резкая критика проекта «Положения» и деятельности комитета во главе с генерал-адъютантом А. И. Чернышевым. 10 августа 1826 г. во время коронации в Москве войсковой атаман А. В. Иловайский вручил записку императору Николаю I. Для ее изучения царь утвердил Особый комитет под председательством генерал-адъютанта И. И. Дибича.

Спустя некоторое время И. И. Дибич вернул Николаю I этот документ с обширными пояснениями А. И. Чернышева. Последний, в частности, обвинил атамана в желании пересмотреть проект Положения на Дону, разработать и утвердить для себя законы, независимо от Государственного Совета, вернуться к выборам представительных органов, в стремлении «отдалить совершенно введение нового положения и удержать те порядки, кои столь ему приятны». В ходе следствия по делу записки А. В. Иловайского выяснилось, что в ее составлении участвовали В. Сухоруков, А. Кушнарев, К. Колесников, Ф. Селиванов, В. Поснов и «другие университетские питомцы». Последовала расправа с авторами записки и участниками оппозиции. Войсковой атаман А. В. Иловайский был отстранен от должности, осужден и сослан в Могилев на Днепре. Другие участники, обвиненные в различных упущениях по службе, отправлены на Кавказ.

Однако никакие репрессии не могли прекратить недовольство и брожение в крае. В донесении от 29 июля 1827 г. войсковой атаман Д. Е. Кутейников извещал генерал-адъютанта А. И. Чернышева о положении на Дону: «В Новочеркасске делаются тайные и явные неблагонамеренные сходбища насчет перемены в войсковом правлении... в оных участвуют полицмейстер, пристава и квартальные, которые на той стороне (на стороне отстраненного войскового атамана А. В. Иловайского и участников оппозиции. – *А. А.*), следовательно на них полагаться весьма сомнительно, их надо поскорее переменить другими».

В действительности, правительство не собиралось ущемлять интересы донского дворянства. Оно стремилось лишь за счет ограничения крупнейшего землевладения наделить другую часть этого сословия – мелкопоместных и беспоместных чиновников, а также улучшить материальное положение казачества. «Положение об управлении войском Донским» 1835 г. разрешило многие поставленные задачи, изменило систему гражданского и военного управления, казачьего и дворянского землевладения и землепользования, но не внесло успокоения в умы и души казаков и дворян.

Для претворения «Положения» в жизнь в Новочеркасск приехали в 1835 г. бывший член Донского комитета сенатор В. И. Бол-

гарский и статский советник А. Я. Княжин. Они встретили здесь сильное сопротивление дворянско-чиновничьей аристократии. Правительство, опасаясь новых оппозиционных выступлений донского дворянства и волнений казачества, придвинуло к границам Донской земли регулярные войска. В этих условиях прошли выборы в Войсковое правление и Войсковой суд, окружные и местные органы власти и управления, работы по обмежеванию потомственных дач дворян, пожизненных и срочных участков чиновников, частичное переселение крестьян из казачьих округов на Миус и Сал.

Бюрократизация государственной деятельности при Николае I принимает широкий размах, она становится составной частью общественного сознания и общественной мысли. По яркому выражению современников, «Россией управляли столоначальники», а от русского языка «несло мертвечиной». Образ службиста-канцеляриста и казенный стиль, господствовавший в делопроизводстве, становятся нормой повседневного поведения и общения. Эти процессы получили распространение и на Дону, прежде всего в войсковых и окружных органах управления. Они вызывали неприятие просвещенной и патриотически-настроенной части донского общества. В 1838 г. в недрах Атаманской канцелярии был разработан устав общества «Это» (вероятно, старшим членом канцелярии полковником И. С. Ульяновым), целью которого была борьба за чистоту русского языка, за возрождение в канцелярии казачьих традиций управления. Устав общества «Это» написан с глубоким знанием канцелярской жизни и с большой долей сарказма, некоторые его параграфы являются отражением и критикой бюрократического делопроизводства, деятельности отдельных войсковых чиновников. К сожалению, не известно, развернулась ли деятельность общества «Это» или устав так и остался неосуществленным прожектом – сохранившиеся в архиве источники не дают никаких свидетельств.

Новый подъем общественной мысли и политического движения в войске Донском начался в конце 50-х годов XIX в. в связи с намечавшейся крестьянской реформой. В 1858 г. донские казаки – студенты Харьковского университета дали отпор нападкам и бесчинствам чиновника учебного округа Салтыкова и его сослуживцев (пользовавшихся покровительством полиции), за что были высланы под конвоем на Дон «под надзор войскового атамана». В ответ 280 студентов подали прошения об увольнении. Опасаясь волнений в университете, правительство вернуло студентов-казаков в Харьков.

В 1859 г. Военное министерство вынесло на обсуждение Государственного Совета проект об изменении поземельных владений донского казачества и дворянства, а также на заседаниях звучали предложения о роспуске казачьих войск Российской империи и переводе казаков в разряд государственных крестьян. Эти сведе-

ния дошли до войска Донского, просочились на страницы газет и журналов, стали предметом активного обсуждения в Войсковой канцелярии, на станичных кругах, в областном и окружных дворянских депутатских собраниях. На Дону сложились два течения, которые назывались русской и казацкой партиями. Первая – боролась за сохранение прав и привилегий дворянства на землю, считала возможным уменьшить или отменить воинскую повинность для высшего сословия, выступала за разрешение на Дону частной собственности на землю, с правом ее продажи иногородним и поселения их в крае. Вторая – подозрительно относилась к предполагаемым и проводимым преобразованиям правительства, считала, что с уменьшением воинской повинности уничтожатся поземельные и другие права и привилегии казачества, стремились к сохранению сложившегося положения на Дону.

Оценивая ситуацию, сложившуюся в крае к 1861 г., начальник штаба войска Донского генерал-адъютант кн. А. М. Дондуков-Корсаков писал военному министру Д. А. Милютину: «Последствия известны Вашему превосходительству: преувеличенные опасения всех сословий на Дону о видах правительства на уничтожение войска, сборы в станицах, адресы дворянства, повсеместное общее неудовольствие края и т. д.». Войсковой наказной атаман генерал от кавалерии М. Г. Хомутов выехал в Петербург за помощью. Только благодаря срочно принятым мерам по предотвращению волнений удалось удержать выступления в крае «в границах самого строгого порядка и законности».

Итак, развитие общественного движения и общественной мысли на Дону протекало в русле общероссийских процессов, открытое противостояние между донским казачеством и самодержавной властью в XVII–XVIII вв. сменилось борьбой идей и взглядов на современное положение и будущее казачества. Выразителями казачьей идеологии становится просвещенное донское чиновничество и дворянство, а главным вопросом, вокруг которого разворачивалась борьба, является сохранение казачества как военного служилого сословия, его демократических традиций, прав и привилегий. Однако понимание этого вопроса и путей его решения в правительственных кругах, у донского просвещенного чиновничества и донской дворянской аристократии было различным.

Самодержавие рассматривало донское казачество как составную часть вооруженных сил Российской империи, отсюда стремление правительства обеспечить высокий жизненный уровень казачества за счет сохранения и увеличения казачьего землевладения и землепользования, желание провести реорганизацию военного и гражданского управления, ограничить олигархическое правление старшин, превратить его в замкнутое служилое сословие. Донская дворянская аристократия, захватившая войсковые и станичные

земли и поселившая на них крепостных и беглых крестьян, старалась представить собственные узкосословные интересы как интересы всего казачества, а борьбу за дворянские права и привилегии – как общеказачье оппозиционное движение центральной власти.

Донская интеллигенция и патриотически-настроенное чиновничество выступали против политики правительства, направленной на уравнение войска Донского с другими губерниями России, против обращения казачества «в регулярство», с одной стороны, произвола и олигархического правления местной аристократии – с другой. Будущее казачества они видели в сохранении и укреплении казачьих демократических традиций – восстановлении деятельности войскового круга как высшего органа народовластия, возвращении к выборности должностных лиц, прекращении расхищения войсковых и станичных земель и ограничении дворянского поместного и условного землевладения и землепользования, развитии казачьего военного искусства и сохранении самобытного уклада жизни.

§ 16. Культура донского казачества в XVIII–XIX вв. Физический облик, одежда, семья, пища

В процессе формирования казачества складывалась и развивалась его самобытная культура. Располагаясь на стыке цивилизаций, казачество впитывало достижения культур различных народов, приспосабливало их для свое военной, гражданской и повседневной жизни. В XVIII в. современное описание казаков, их одежды и нравов оставил комендант крепости Св. Димитрия Ростовского генерал-майор А. И. Ригельман. «Они (казаки. – *А. А.*) почти все смуглого и румяного лица, волосы черные и черно-русые, острого взгляда, смелы, хитры, остроумны, храбры, горды, самолюбивы, пронырливы и насмешливы. Волосы на головы вокруг подстригают, ходят с бородами, а некоторые, оставляя усы, бреют. Болезней мало знают, наибольшая часть умирает против неприятеля и от старости. Платье носят почти совсем татарское, штофное и суконное, кафтан и полукафтанье или бешмет, и штаны широкие, и сапоги и шапки черкесские, опоясываются кушаками. Жены их лица круглого и румяного, глаза темные, большие, собою плотные, черноволосые ж, к чужестранным неприветливы». Следует сказать, что так описывал А. И. Ригельман низовых казаков, проживавших на Дону от Раздорского городка вниз по Дону до Черкасска.

В XVIII – начале XX в. донское казачество в физико-антропологическом отношении заметно различалось, что подтверждает-

ся данными обследований населения Области Войска Донского в 1912–1913 гг. Верховые казаки во внешнем облике, одежде и быту сближались с населением центральных русских уездов. Темно- и русоволосые, в значительной степени светлоглазые, высокорослые, с развитой мышечной мускулатурой, обладавшие большой физической силой, говорящие по-русски, (по-московски), они чаще других призывались в лейб-гвардии казачий и Атаманский полки, конвой е. и. величества. Значительные физико-антропологические различия объясняются многими причинами, на одну из них, главную, указал А. И. Ригельман. В 1778 г. он писал: «С самого начала пребывания своего, как сказывают сами (казаки. – *А. А.*), не имели жен и терпеть их не могли, но как стали за добычею отходить, от турок, Кумык, Крымцев, Кубанцев, Черкес, от разных горских татар и из прочих мест всякую пажить и людей, в том числе и женский пол, оных стали брать за себя и сожительствовать с ними».

Уменьшение военной опасности способствовало становлению и развитию казачьей семьи, а включение Земли Войска Донского в состав Российской империи – регулированию семейно-брачных отношений на основе имперского права. Первая, документально зафиксированная казачья свадьба на войсковом круге, относится к 1641 г. В 1715 г. царь Петр I отменил венчание и разводы казаков на войсковом круге, установил возраст вступления в брак, для юношей 20 лет и девушек 17 лет, определил степени родства, свойства, а также духовного родства, которые препятствовали заключению брака. Он потребовал, чтобы таинства брака казаки освящали по церковным канонам и обрядам. Однако не только казаки, но и многие старшины не выполняли императорские указы. В конце XIX в. М. Харузин писал, что «казацкий брак на майдане просуществовал еще до самого конца XVIII века».

В 1745 г. императрица Елизавета Петровна попыталась прекратить многоженство в казачьей среде. В грамоте, присланной войсковому атаману Д. Е. Ефремову, она потребовала, чтобы казакам не разрешалось вступать в брак более 4 раз, нарушителей штрафовать и в церкви не венчать. При императрице Екатерине II на Войско Донское распространяется положение, принятое в регулярной армии, когда казаки, находившиеся на действительной полевой или внутренней по войску службе, должны получать разрешение на брак от полковых командиров. С 1775 г. венчание казаков должно проводиться в одной из церквей по месту жительства жениха или невесты, в обязательном присутствии обоих вступавших в брак. Развод, если для него не существовало объективных причин, осуждался церковью и государством, рассматривался нарушением священных уз брака.

В это время складывался и развивался донской свадебный обряд, он включал элементы русского, малороссийского, татарского

и черкесского обрядов. Свадьбу обычно играли осенью и зимой, к этому времени завершалась смена полевых и внутренних по войску полков, казаки освобождались от полевых работ. Весной редко устраивались свадьбы – время сева, вспашки зяби, сенокоса, подготовка к выходу на службу или на учения в летние лагеря. Свадьбе предшествовали выбор невесты, смотрины, сватовство, рукобитие, сговор, торг – символический выкуп невесты, девичник – последний праздник молодой девушки, «прощание с родителями», сбор приданного, «посажение каравая», «храбрый поезд» и т. д. Свадебный обряд освящался в церкви, сопровождался угощениями, песнями и танцами, в которых принимали не только близкие и друзья жениха и невесты, но и нередко вся станица. В зависимости от состоятельности родителей, свадебный пир часто длился неделю и более. Многие исследователи донской культуры отмечали, что казачьи обряды и обычаи чрезвычайно различаются в зависимости от местности, поселения, численности казачества, его этноконфессионального окружения. Они напоминали великороссийские, малороссийские или горские обыкновения.

Рождение и воспитание детей казаки считали священным долгом, который сопровождался церковными и казачьими традициями и обычаями, многие из них напоминают традиции кавказских народов. За полтора–два месяца до рождения ребенка будущая мать уходила из дома мужа в дом родителей, ее родители выбирали повитуху, которая принимала роды. После рождения ребенка мать находилась еще полтора месяца в доме родителей, за это время ее муж и его родители договаривались о крещении и «восприемниках» – крестных родителях ребенка. До середины XIX в. крестными родителями у казаков были преимущественно мужчины, позже мужчина и женщина – крестные отец и мать. Возвращение матери с ребенком в дом мужа представляло определенный ритуал и праздник для всей семьи. Мальчика в дом мужа приносил старший брат или мужчина со стороны матери, девочку – старшие сестры или ее мать. Часто казаки приторачивали люльку мальчика к седлу лошади и, взяв ее под уздцы, вели к дому отца. Люльку девочки клали на телегу и в сопровождении матери, ее родственников ехали к отцу.

Отец ребенка и его родители делали вид, что не знают повода посещения их родителями молодой матери. Родители матери поздравляли отца, дедушку и бабушку, всех родственников и присутствовавших «со счастьем, прибавлением и богатством» и после взаимных поздравлений и пожеланий вносили ребенка в дом, после чего начинался праздник и застолье. К этому времени отец готовил мальчику подарок – оружие, что-либо из конского снаряжения, казачьей одежды. Девочке дарили «на счастье и приданое» деньги, посуду, ткани, одежду. Дальнейшее воспитание детей сопровожда-

лось обрядами и подарками «на зубок», «пострижения первых волос», «посажения на коня», инициации – посвящения во взрослую жизнь, военное обучение, проводы на службу и т. д. В XIX в. эти традиции меняются, жена не покидает дом мужа, здесь же происходит рождение, крещение, воспитание детей. Семейная жизнь казачества, формирование ее традиций стали возможны только в обстановке относительной военной и политической стабильности в крае, развития хозяйственной жизни, создания благоприятных жилищных условий.

Пища. Донская кухня всегда отличалась большим разнообразием, обилием и питательностью, чему способствовали во многом природно-климатические условия, развитие земледелия, скотоводства, огородничества, бортничества, охоты и рыболовства. Большое влияние на структуру питания казаков, состав блюд, приемы и способы приготовления пищи оказывали традиции питания народов Азово-Черноморского бассейна, Кавказа, Нижнего Поволжья и Прикаспия.

Основой казачьего питания являлись, безусловно, местные продукты – рыба, мясо, молоко, яйца, ржаной и пшеничный хлеб, домашняя и дикая птица, овощи, фрукты, мед и т. д. Приготовление пищи, уход за детьми и родителями, обустройство дома ложились преимущественно на плечи женщин. А. И. Ригельман писал, что донские казаки «изрядные хозяева и домоводцы». Из местных продуктов казаки готовили большое количество блюд, все зависело от выдумки хозяйки, трудолюбия ее и мужа, материальных возможностей семьи. Донская казачья кухня отличалась от российской, но и внутри нее существовало многообразие подходов к приготовлению и употреблению пищи среди верховых и низовых казаков.

Описание донской кухни XVIII в. в монографии В. Д. Сухорукова дает прекрасное представление о меню и традициях казачьего застолья. «Казаки любили щеголять на званых столах, приглашая знакомых на крестины, именины, свадьбы и проч. Здесь бедный и богатый ставили на стол непременно полное число блюд. Обед начинали обыкновенно кругликом (пирогом) с рубленым мясом и перепелками; за сим следовало 8 или 10 холодных: студень, сек (филейная часть в разваре), лизни (языки), приправленные солеными огурцами; полотки из поросенка, гуся, индейки, все на разных блюдах; часть дикой свиньи в разваре, лебедь, соленый журавль и проч.; после холодных подавали также горячие до 10 блюд: щи, похлебку из курицы, сваренной с сарацинским пшеном и изюмом; моркву, т. е. суп из баранины, приправленный морковью; шурубарки (ушки), борщ со свининой, дулму, которой было три рода: из капусты с рубленым мясом, из огурцов и из баклажанов; лапшу, суп из дикой утки и проч. Все супы были приправлены луком. Соусы вовсе были исключены из наших обедов, а после супов

тотчас подавали жаркие: гуся, индейку, поросенка с начинкою, целого ягненка с чесноком, часть дикой козы, дрофу, диких уток, куликов и другую дичину, все также в особых блюдах. Телятины предки наши никогда не ели, почитая это за грех. Вместо пирожного подавали: блинцы, лапшевник, кашник, молочную кашу и, наконец, уре кашу из простого пшена, приправленную сюзьмою, т. е. кислым молоком. Оканчивался же стол десертом из свежих и сухих фруктов. Чтобы не обидеть хозяина, все гости должны были отведать все блюда. За всяким кушаньем пили мед, а дабы никто не отговаривался и всякий выпивал до дна, то с первого стакана начинались тосты. Первый за здравие государя: "Здравствуй, царь государь, в кременной Москве, а, мы, донские казаки, на тихом Дону". Потом следовал тост Войска Донского: "Здравствуй, войско Донское, сверху до низу, с низу до верху". Потом пили за здоровье атамана, гостей и проч. Десерт наш, по изобилию и вкусу фруктов, мог почитаться отличным: персики, абрикосы, виноград, разные роды вишен, груш, бергамот, яблоков и дули (груш), известных под именем персидских».

В повседневной жизни казачье меню было значительно скромнее. На Нижнем Дону казаки чаще ели украинские борщи, уху, птицу, рыбу вяленую, жареную, вареную, в тесте и т. д., на Верхнем – борщи и супы, каши. Употребляли много овощей, фруктов, зимой компоты их сушеных фруктов – взвары грушевые, абрикосовые, вишневые и т. д.

В это же время существовала и военная казачья кухня, которая мало чем напоминала домашнее питание. Формирование казачьих полков по милиционному принципу (полк формировался из одной или нескольких вблизи расположенных станиц и хуторов) способствовало складыванию односумничества – небольших групп казаков внутри полка (10–12 человек), объединенных родственными, соседскими или общинными (станичными, хуторскими) отношениями. В походах и войнах, на полевой службе за пределами Земли Войска Донского казаки получали кормовые деньги (в зависимости от чина), Односумники на кормовые деньги вскладчину покупали себе питание – хлеб, муку, крупу, сало, соль, лук, соленое мясо, сухофрукты, другие продукты. Это позволяло поддерживать определенный уровень питания, вне зависимости от материального положения казаков. При отсутствии в казачьих полках обозов, продукты, снаряжение, вооружение, боеприпасы перевозились с собой на второй, вьючной лошади, с начала XIX в. на запасных полковых лошадях.

В походах и войнах казаки чаще всего на кострах готовили кулеш – жидкую кашу из пшена, перловой крупы, муки, заправленный салом или мясом. В походах и на марше основной пищей казаков являлись сухари, сушеная рыба, вяленое мясо, сухофрук-

ты. Питание казаков с 30-х годов XIX в. в городах и на казарменном положении на местах постоянной дислокации снабжалось по нормам кавалерийских полков регулярной армии. Ежедневно они обеспечивались двухразовой (из двух перемен) горячей пищей или сухим продовольственным пайком.

Гражданская архитектура. Жилище. Казачий курень. До начала XVIII в. казачье жилище представляло собой земляные постройки, состоявшие из плетеной землянки с печью и базом, огороженным частоколом и засекою. В XVIII – XIX вв. происходят значительные изменения условий жизни, службы, быта, хозяйственного, культурного и конфессионального развития казачества. Они оказали большое влияние на жилище казаков, его архитектуру, внутреннюю планировку и функции. В это время наиболее распространенным типом жилища являлся курень – наземная срубная (реже каменная) двух–трехкамерная постройка. По мере уменьшения военной опасности казачьи городки и хутора переносили из низких затапливаемых мест в высокие сухие районы. Вода, ранее спасавшая казачьи поселения от набегов и разорений кочевников, теперь тормозила хозяйственное развитие, прежде всего земледелие. Курени строились на высоких деревянных или каменных подклетях в станицах и хуторах, они являлись постоянными домами с хорошими жилищными условиями. Характерной особенностью казачьих жилищ на подклетях (с низами) – это наличие «баляс» (обводной галереи, опоясывающей дом с двух–трех сторон). Балясы использовались не только в хозяйственно-бытовых, но и военных целях (при защите дома, спасении бегством и т. д.). Земляные постройки предназначались для сезонных полевых работ, укрывательства «новопришлых людей» в хуторах и поселках.

В развивавшихся старых и вновь создававшихся казачьих станицах изменялась планировка и расположение жилищ. Казачьи городки, хаотично построенные, скученные, часто горевшие, без улиц, с узкими дорожками, на которых едва могли разминуться всадники, уступали место в XVIII и особенно в XIX в. современной радиально-регулярной планировке. Безусловно, на нее оказывали влияние местные условия, но, чаще всего, на возвышенном месте в центре станицы строился храм, перед которым находилась широкая площадь, здесь же находились административные здания, в которых располагались станичное правление и присутственные места. От площади расходились улицы, которые прямо или извиваясь уходили в степь, спускались к реке, переправам и мостам, при куренях имелись огороды, нередко разделенные плетнями. Дома располагались фасадом к улице, почти перед каждым был небольшой палисадник с цветами. От улицы курень отделялся плетеной изгородью или забором с широкими воротами и калиткой.

Внутренняя планировка и убранство куреней верховых и низовых казаков отличалась значительно. Курени верховых казаков

напоминали крестьянские хаты среднерусских губерний, курени низовых казаков – татарские и малороссийские жилища. Во второй половине XVIII–XIX вв. сооружались большие пяти–шестистенные дома для многочисленной семьи, включавшей два–три поколения. Характерной чертой развития казачьих куреней становится взаимное заимствование наиболее лучших, функционально оправдывавших себя жилищных компонентов в архитектуре, планировке, использовании внутреннего и внешнего пространства.

Так об этом писал в начале XIX в. В. Д. Сухоруков: «Взойдите в середину дома: главная комната или зала всегда прибрана и готова для приема чужих; в переднем углу на божнице стоит ряд образов в богатых серебряных окладах, над коими висит зажженная лампада, а с божницы спускается пелена; по божнице и между образами висят в пучочках засохшие цветы и разные изображения, сделанные из цветной бумаги и колосьев. В углу под святыми стол, покрытый чистой скатертью. Около стен лавки, а в богатых домах на одной стороне несколько стульев, или раздвижных простого дерева, или разных с высокими спинками. Все стены увешены оружием и сбруей. Подле двери поставчик, сделанный на подобие шкапа со стеклянными дверцами, из-за которых видна разложенная в порядке серебряная посуда. Из залы дверь в спальню, а из сей последней в стряпную. Из сеней вход на чердак, где жили младшие в семействе. Хозяйка содержала весь дом в удивительной чистоте: недовольно того, что каждую неделю по одному и по два раза мыли полы, еще несколько раз в год обмывали все наружные и внутренние стены и потолки. Сия заботливость о чистоте составляет до сих пор отличительную черту в характере донского народа».

Во второй половине XIX – начале XX в. большая семья начинает делиться, («выводиться»), т. е. молодой семье создавался самостоятельный курень. Многие ученые, путешественники, офицеры и генералы российской регулярной армии, столичные чиновники, бывавшие в Земле Войска Донского, неоднократно отмечали, что казаки старались привносить в свои жилища и быт европейские черты, замеченные во время военных походов и войн, службы в Польше, Финляндии, Прибалтийских губерниях. После Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. многие донские генералы и штаб-офицеры строили большие усадьбы в Миусском, Донецком и Черкасском округах, которые, как отмечал в своих воспоминаниях А. Г. Попов, «не уступали российским дворянским имениям помещиков средней руки». В имениях донских помещиков имелись картинные галереи, собственные оркестры, песенные группы, ставились спектакли. Часто усадьбы возводились в стиле «николаевского ампира», строгого, пафосного, подчеркивающего мощь империи и силу ее подданных. Помещичьи усадьбы вписывались в окружающую природу, становились ее частью.

Ярким примером крупного дворянского жилого комплекса середины и второй половины XVIII в. является подворье атаманов Ефремовых. В 50-х годах был построен атаманский дворец, по примеру московских помещичьих усадеб, воздвигавшихся под влиянием елизаветинского барокко. Первый этаж строился из камня, второй – из дуба, он завершался портиком, объединявшим первый и второй этажи. На первом этаже находились служебные и вспомогательные помещения, на втором жилые покои. Во время пожара 1845 г. второй деревянный этаж полностью сгорел. Дворец воссоздали, надстроили второй каменный этаж, придали всему строению черты позднего (николаевского) классицизма. Во дворце 21 комната, общая площадь составляет 1000 квадратных метров. На территории подворья находились также помещение для охраны, кухня, склады, сарай с небольшой конюшней.

В 1756–1761 гг. напротив атаманского дворца Ефремовых возведена Донская домовая церковь (Донской божьей матери) в стиле московского барокко. Храм представляет собой «восьмерик на четверике», с вытянутым куполом, барабаном, который завершается «луковкой» с крестом. В XIX в. пристроили приделы Николая Чудотворца и Даниила Столпника, колокольню соединили с храмом. В храме находился богато украшенный трехрядный иконостас.

К гражданским каменным постройкам второй половины XVIII в. относится дом торговых казаков Жученковых в г. Черкасске. Двухэтажный дом построен в стиле казачьего куреня, но сочетает функции жилого и торгово-производственного помещения. Дом имеет глубокий фундамент, на который опираются толстые стены. На первом торговом этаже небольшие окна закрываются мощными решетками, дверь – кованная, железная, имеющая засовы и замки. На втором жилом этаже высокие трехстворчатые окна оберегаются железными ставнями, имеется небольшой деревянный балкон-портик, который поддерживается двумя квадратными кирпичными колоннами. Фасад здания украшен в процессе каменной кладки наличниками, пилястрами, имеет межэтажный пояс, сложный каменный карниз. По периметру здание окружает деревянная «галдарея». Следует сказать, что подобные постройки были редкими во второй половине XVIII – начале XIX в., господствовало деревянное зодчество.

В отличие от Черкасска, который застраивался хаотично, долгое время являлся городом-крепостью, новая столица войска Донского – Новочеркасск получила «регулярный план». Перед правительством и войсковой администрацией стояла сложная задача – превратить город в крупный политический и административный центр. План переноса и место строительства – Бирючий Кут для новой столицы войска Донского разработал инженер-генерал-лейтенант Ф. П. Деволан. Для обустройства Новочеркасска по указа-

нию войскового атамана М. И. Платова были сформированы два рабочих полка, на которые легла тяжесть возведения храмов, военных и административных зданий, мощения улиц, установления колодцев и водоводов, ливневых стоков. Первые каменные дома, строившиеся из песчаника и кирпича, сохраняли многие черты казачьего куреня. При строительстве военных зданий – казарм, войсковой типографии, конюшен, манежа использовались проекты подобных зданий С.-Петербурга.

После возвращения донских казачьих полков из Парижа в 1814 г. генерал от кавалерии, войсковой атаман граф М. И. Платов распорядился возвести на въезде и выезде г. Новочеркасска одинаковые триумфальные арки в честь победы русской армии над наполеоновскими войсками в Отечественной войне 1812 г. и участия в ней донского казачества. Арки построены в стиле позднего классицизма, их авторство приписывается Л. И. Руска, придворному архитектору, создателю многочисленных военных, гражданских и памятных сооружений в Петербурге и его окрестностях. Под руководством И. И. Руска (брата архитектора) и войскового архитектора К. К. Пейкора триумфальные арки были построены к 1819 г. Мощный пилон с арочным проемом окружают по периметру римско-дорические ордера (колонны) без каннелирования (вертикальных желобков на стволе колонны). Арка завершается аттиком, над которым возвышается бронзовая композиция. Она включает симметрично расположенные от боевых доспехов знамена, пушки, щиты, ядра, сабли и копья. На фасаде фигуры Славы открывают триумфальную арку.

Долгое время Триумфальные арки являлись единственными памятниками в Новочеркасске. Монументальное искусство делало только первые шаги в Земле Войска Донского. В 1853 г. к 100-летию со дня рождения генерала от кавалерии, войскового атамана М. И. Платова, «признательные донцы» поставили ему памятник в центре г. Новочеркасска (авторы-академики: А. А. Иванов, Н. А. Токарев, П. К. Клодт).

До конца 30-х годов XIX в. столица Войска Донского застраивалась медленно, сдерживала неопределенность ее настоящего и будущего местоположения. После смерти войскового атамана М. И. Платова его преемники – войсковые атаманы А. К. Денисов, А. В. Иловайский, И. А. Андрианов, Д. Е. Кутейников, неоднократно обращались к правительству с просьбой перенести донскую столицу ближе к Дону – в станицу Аксайскую, или построить новую на берегу реки в районе станиц Александровская-Сретенская. Петербургский чиновник, статский советник Н. Ф. Туровский, побывавший в 1841 г. на Дону, писал: «Новочеркасск расположен на горе весьма правильно, но беден хорошим строением; дома большей частью деревянные и содержатся дурно. Соборная церковь тоже деревянная, маленькая; вокруг нея несколько полуразрушенных памятников».

После того, как в 1839 г. окончательно решился вопрос о том, что столица Войска Донского не переносится на новое место, а остается на Бирючьем Куте, началась систематическая и массовая застройка Новочеркасска. В 1844 г. возводится здание Войсковых присутственных мест, 1846 г. – дом Общества Донских торговых казаков, 1850 г. – Дворянское собрание, 1854 г. – разбивается Александровский сад.

Здания Новочеркасска и станиц, в которых располагались административные, военные, судебные и иные учреждения, имели, прежде всего, функциональное назначение. Чаще всего они возводились по типовым проектам (в стиле позднего классицизма – «николаевского ампира»), но при их строительстве вносились определенные коррективы с учетом возможного использования. Так, Атаманский дворец, построенный в 1863 г. по проекту архитектора И. О. Вальпреда, рассчитывался на прием и проживание Высочайших особ во время посещения Новочеркасска и Земли Войска Донского. При Атаманском дворце возведена Симеоновская домовая церковь (в честь Симеона Персидского), он перестраивается, благоустраивается прилегающая к нему территория.

В середине и во второй половине XIX в. г. Новочеркасск приобретает все черты губернского города. В нем располагаются многочисленные административные здания, гостиницы, музей, магазины, лабазы, склады, базары, военные и гражданские учебные заведения, казармы, почты, особняки донского генералитета и офицеров, чиновников и духовенства, появляются водопровод, мощеные мостовые, освещение на улицах, строится железная дорога и т. д. За тридцать пять лет после посещения петербургским чиновником Земли войска Донского в Новочеркасске произошли разительные перемены. Генерал-лейтенант А. П. Чеботарев в своем дневнике отмечал в 1877 г.: «Всюду новые, весьма хорошей архитектуры большие дома; там и сям красуются вывески больших гостиниц, модных магазинов, фотографических кабинетов, булочных и других заведений, вызываемых современной потребностью общественной жизни. Все новочеркасские улицы хорошо вымощены камнем и содержатся чисто».

В конце 80-х – начале 90-х годов XIX в. в архитектуре города начинает господствовать и определять его лицо русский модерн. Создаются красивые особняки и административные здания, с функционально проработанным интерьером – окнами, лестницами, планировкой комнат, внутренним убранством и проч.

Церковная (храмовая) архитектура. Соборы Черкасска. В XVIII в. церковно-храмовая архитектура получила дальнейшее развитие, которую можно рассматривать в контексте включения Земли Войска Донского в состав Российской империи и проводимых в стране реформ. В предшествовавшее время на Дону строи-

лись деревянные церкви, которые неоднократно горели, разрушались, гибли от ветхости. Такое же положение было почти во всей стране, поэтому в 1700 г. царь Петр I запретил возводить деревянные церкви. В 1706 г. в Черкасске был заложен каменный Войсковой храм Воскресения Господня. Царь принял в его возведении самое активное участие, он определил проект, выделил деньги, подарил специальные дубовые доски для строительства фундамента, железо, церковную утварь, прислал московских мастеров. Строительство каменного храма преследовало, прежде всего, духовное подчинение донского казачества верховной власти, доказательства незыблемости позиций православия на южных окраинах России.

В 1719 г. войсковой храм был возведен и освящен, он стал центром архитектурного ансамбля Черкасска. Храм создан по классическим православным канонам – крестово-купольная церковь, под влиянием малороссийского (украинского) барокко, с характерными упрощенными формами и умеренными орнаментами. В 1749 г. в Московской мастерской выдающегося русского иконописца Егора Иванова Грека для Воскресенского храма построен иконостас (в технике резьбы по дереву). Иконы написаны в «ретроспективном» стиле «греческим письмом», для которого характерно сохранение традиций школы царских иконописных мастеров Оружейной палаты XVII в. Иконостас включает 125 икон, а также хоры, расписанные на сюжеты Евангелия и Библии. До 1805 г., переноса столицы войска Донского в Новочеркасск, Воскресенский собор являлся главным храмом казачества и в Земле Войска Донского, крупнейшим православным собором на юге России в XVIII в.

Рядом с собором в 1725–1730 гг. возводится шатровая колокольня высотой 48 метров, которая несет на себе черты Московского (нарышкинского) барокко. Колокольня – восьмерик на четверике, который завершает острый восьмигранный шатер с главкой и крестом. Перед колокольней размещены трофеи Азовского осадного сидения: створки крепостных ворот, две калитки и коромысло торговых весов, вывезенные из Азова казаками в 1642 г.

В середине XVIII в. в г. Черкасске были также выстроены каменные церкви Св. Петра и Павла (1751 г.), Донской Божьей матери (1761 г. – Домовая церковь атаманов Ефремовых), а также на хуторе ратном церковь Преображения Господня (1740 г.).

Соборы Новочеркасска, храмы казачьих станиц. В основе застройки г. Новочеркасска лежал «регулярный проект», который предусматривал широкие проспекты с бульварами. Они соединялись площадями, от них лучами расходились улицы. Огромное значение для укрепления позиций православной церкви на Дону имело церковное строительство. В 1805 г. на самом высоком месте Бирючьего Кута был построен деревянный войсковой собор Вознесения Господ-

ня. Каменный кафедральный войсковой собор возводился по проекту академика архитекторы А. А. Ященко с 1893 по 1905 гг.

В конце 80-х годов XIX в. в Области Войска Донского активно обсуждалась необходимость строительства нового кафедрального собора. В 1890 г. «Донские епархиальные ведомости» опубликовали проект и подробное описание Новочеркасского собора Вознесения Господня академика архитектуры А. А. Ященко. В проекте указывались высота, размеры и местоположение собора, количество куполов, предполагалось построить трехрядный деревянный позолоченный иконостас, стены алтаря покрыть живописью, в окнах алтаря поставить образа, писаные на стеклах и т. д. Рассчитывали возвести храм в течение 10–15 лет, его стоимость оценивалась в 1535000 рублей. Собор был полностью построен к началу XX в., главный иконостас освящен 6 мая 1905 г. – в день рождения императора Николая II.

Войсковой кафедральный собор поставлен в нововизантийском стиле, его росписи включали исторические сюжеты, связанные с жизнью донского казачества. На хорах и в зале для бесед написаны картины – сборы Ермака Тимофеевича в поход в Сибирь, пожалование войску Донскому знамени царем Михаилом Федоровичем Романовым в 1614 г., Азовское сидение в 1641 г., сборы царя Петра Великого под Азов в 1696 г., закладка первого собора в Новочеркасске в 1805 г., встреча войскового атамана М. И. Платова в 1814 г. по возвращению из Парижа, посещение императором Александром III с семьей г. Новочеркасска в 1887 г.

При обустройстве новой столицы донского казачества в начале XIX в. не хватало денег, казаки постоянно участвовали в войнах и кампаниях. Первые храмы Новочеркасска – Александро-Невской, Троицкий, Димитрия Солунского, Св. Николая и др. – это деревянные храмы или престолы, перевезенные из Черкасска в 1805–1810 гг. В середине и во второй половине XIX в. в Области Войска Донского широко развернулось церковно-храмовое строительство с учетом сформировавшихся к этому времени архитектурных стилей. Господствовавшим являлся эклектический стиль в архитектуре, который включал различные элементы неоклассицизма, византизма, русского модерна и тюдора. В г. Новочеркасске старые деревянные церкви заменяются каменными, в частности Константино-Еленинская церковь (1864 г.), возведенная для казаков рабочего полка, Михайло-Архангельский храм (1872 г.), Александро-Невская церковь (1891 г.) и др. Одновременно возводятся многочисленные каменные домовые церкви – при Архиерейском доме, Атаманском дворце, тюремном замке, учебных заведениях – Новочеркасской мужской гимназии, Мариинской Донской женской гимназии, Духовной семинарии и т. д.

В 1709 г. в Земле Войска Донского находилось 24 церкви, их них 2 монастырских и 5 часовен. Несмотря на указ царя Петра I,

в казачьих станицах в XVIII – начале XIX в. преобладало деревянное храмовое строительство из дубового леса, не хватало «мастеров каменного дела». Церкви постоянно горели, ветшали, возобновлялись на каменных фундаментах, возводились смешанными деревянно-каменными, но это не меняло коренным образом положение с их сохранностью. Сооружение каменных храмов началось в 70-х годах XVIII в., частности, в станицах Каменской, Клетской, Луганской, Калитвенской и др. В это время прослеживаются две тенденции: деревянные и каменные верхнедонские церкви возводились под влиянием московской архитектурной традиции, нижнедонские – малороссийской (украинской). Ко времени образования самостоятельной епархии Новочеркасской и Георгиевской (1829 г.) в Земле Войска Донского насчитывалось каменных храмов в Новочеркасске – 2, станицах – 53, слободах – 29, деревянных – 194. В 30-х годах XIX в. происходит унификация храмового строительства, теряется индивидуальность и стираются стилевые отличия. На возведение новых церквей Войско Донское получало из Св. Синода типовые планы, храмы незначительно различались величиной, отделкой, планировкой внутреннего пространства и т. д. Положение изменилось к лучшему во время церковной реформы императора Александра II.

Крепостная архитектура. Одним из направлений развития военной казачьей культуры является крепостная архитектура. В древней и средневековой Руси поселения, защищенные крепостью, находившиеся внутри крепостей, назывались городками. Можно говорить о том, что все казачьи городки, называвшиеся впоследствии станицами, являлись небольшими крепостями. В XVII–XVIII вв. в Земле войска Донского некоторые крепости строились казаками, другие правительством. Многие крепости завоевывались, сдавались противнику, вновь возводились, уничтожались, переносились на новые места правительством и казаками в зависимости от внешнеполитического положения страны и военно-стратегических задач, которые решались в период боевых действий в Подонье-Приазовье, Северном Причерноморье и Степном Предкавказье. В XVIII в. на Дону и в Приазовье существовали крепости Черкасская (г. Черкасск), Азов, Лютик, Каменный Затон, Сергиевская, Троицкая, Павловская, Донецкая, Скопинский форштадт (фортеция), Черепаха, Монастырский Транжемент, Св. Анны, Св. Димитрия Ростовского и др. На плечи казаков ложилась охрана многих крепостей и служба в составе крепостных гарнизонов.

Донские казаки вели постоянные боевые действия против азовцев, крымцев, турок, ногайцев и калмыков, их городки являлись не только средством пассивной защиты, но и активного нападения. Примером донской казачьей фортификации, первой крепостью был Черкасский городок, до середины XVIII в. выполнявший оборо-

нительные функции. Черкасский городок возник как крепость на острове в конце XVI в. (1570, 1585, 1593 гг.), был обнесен земляным валом, укрепленным тесом. Крепость представляла неправильный многоугольник с выступами, на которых располагались бастионы. Они были связаны между собой внешними и внутренними ходами сообщений, имели бойницы для нижнего и верхнего боя, внутри крепости находились склады продовольствия (хлебный магазин), пороховой погреб, помещение для размещения гарнизона во время ведения боя. Во взаимодействии с внешним порядком наблюдения и оповещения городок представлял слаженную систему защиты.

Внутри Черкасского городка-крепости располагались станицы, которых к середине XVIII в. насчитывалось 11, там же размещались жилые постройки, собор и храмы, атаманское подворье, войсковые учреждения. Очень высоко оценивал Черкасскую крепость сподвижник царя Петра I участник Азовских походов генерал-адмирал К. И. Крюйс. В 1703 г. он писал, что столица донского казачества имела удачное расположение – на острове среди Дона. Фортификационные сооружения Черкасска «изрядно укреплены бастионами и башнями старинной формы с 80 пушками», численность гарнизона «от 7 до 8 тысяч храбрых человек, конных, пеших и матросов, которые говорят по российски, турецки и казацки». Донские казаки, подчеркивал К. И. Крюйс, вооружены луками, стрелами, саблями и винтовками, «которыми очень скоро и метко стреляют». Собственных пушек казаки не имели, они пользовались только захваченными орудиями с турецких каторг и галер.

Большинство казачьих городков не имели подобных укреплений, их фортификация ограничивалась удобным островным положением, земляными валами, рвами, ямами-ловушками с расположенными внутри острыми кольями, подземными ходами, подкопами, пороховыми закладками, террасами, раскатами и т. д.

К середине XVIII в. Черкасская крепость потеряла свое военное значение и стала разрушаться. Ниже Черкасска по течению р. Дон были построены российские полевые укрепления и в 1749 г. основана крепость Св. Димитрия Ростовского, которая являлась крупнейшей на юге России. Крепость имела многочисленный гарнизон, была вооружена 238 орудиями и на протяжении полувека являлась тыловой базой русских войск. Различной оказалась судьба крепостей – Черкасска и Св. Димитрия Ростовского. В 1805 г. после переноса столицы из Черкасска в Новочеркасск, казачий городок превратился в поселение сельскохозяйственного типа – станицу. В 1811 г. крепость Св. Димитрия Ростовского с ее многочисленными форштадтами образована в уездный город Екатеринославской губернии г. Ростов-на-Дону.

Попытки войскового атамана С. Д. Ефремова воссоздать фортификационные сооружения Черкасска, построить каменные

стены и бастионы встретили сопротивление со стороны правительства. Оно рассматривало его действия как мероприятия, направленные на восстановление независимости и самостоятельности Войска Донского. Эти действия, а также злоупотребления по службе, взятки привели к отстранению войскового атамана от должности, он был арестован и осужден, сослан на вечное поселение в г. Пернов. По мере ослабления военной опасности казаки выходят за границы своих городков-крепостей, начинают активно заниматься скотоводством, земледелием и другими промыслами. Крепостные стены разрушаются, земляные валы распахиваются, станицы расстраиваются.

Живопись. Музыка. Под влиянием российского просветительства в середине XVIII в. в Земле Войска Донского складывается портретная живопись. В условиях культурного и национального подъема интерес к личности закреплялся в портретах, которые заменяли «парсуну» – персону. Одним из первых, дошедших до настоящего времени, является парадный портрет войскового атамана Д. Е. Ефремова. Портрет написан в середине 50-х годов XVIII в. иконописцем Киево-Печерской мастерской, вероятно, в 1750 г. во время отпуска атамана в Киев на моления. Затем последовала портретная галерея войсковых атаманов С. Д. Ефремова, А. И. Иловайского, В. П. Орлова, М. И. Платова, А. В. Иловайского, Д. Е. Кутейникова, многих войсковых старшин – А. Краснощекова, И. Ф. Платова, штаб и обер-офицеров, генералов войска Донского – графа В. В. Орлова-Денисова, генерал-лейтенанта Н. В. Иловайского 5-го, Я. П. Бакланова и др.

Войсковой атаман Д. Е. Ефремов в своем дворце создал крупную коллекцию картин, которая пополнялась и сохранялась его сыном и родственниками. При С. Д. Ефремове в коллекцию поступили портреты императрицы Елизаветы Петровны, Петра II, императора Петра III, великой княгини Екатерины Алексеевны, другие картины петербургской и московской художественных школ.

После Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. император Александр I принял решение о создании Военной галерее в Зимнем дворце. Для галереи написаны 332 портрета в 1819–1828 гг. английским портретистом Дж. Доу при участии русских художников В. А. Голике, А. В. Полякова. В портретной галерее героев Отечественной войны 1812 г. выставлены портреты и донских генералов – войскового атамана генерала от кавалерии графа М. И. Платова, генерала от кавалерии графа В. В. Орлова-Денисова, генерал-лейтенант А. В. Иловайского 3-го, генерал-лейтенанта И. Д. Иловайского 4-го, генерал-майора Н. В. Иловайского 5-го, генерал-лейтенанта Д. Е. Кутейникова, генерал-лейтенанта А. А. Карпова и др. В построенном в 1863 г. Атаманском дворце в Новочеркасске при войсковом атамане ге-

нерале от кавалерии М. Г. Хомутове стали размещать портреты российских императоров, наследников престола как атаманов всех казачьих войск Российской империи, войсковых атаманов, позже многие из них были переданы в Музей истории Донского казачества.

Казаки любили пение, оно сопровождало их от рождения до смерти. Но особую роль песни играли в походах. Как отмечал В. Н. Королев, казаки, совершавшие морские походы на гребных судах на побережье Азовского, Черного и Средиземного морей, использовали песни для облегчения гребли, приспособленные к ее ритму. В дальнейшем кавалерийские донские песни заслонили ранний период казачьего хорового и ритмического пения, а потомки первых казаков не сохранили и не донесли его до времени, когда их можно было записать и исследовать. Упоминания о сольном и хоровом исполнении народных песен казаками на свадьбах, проводах, крестинах, вечеринках, девичниках и мальчишниках, на праздниках и в поле, на службе и в походах постоянно встречаются в записках, дневниках путешественников, в сочинениях исследователей Донской истории.

В первой половине XIX в. развивается полковая песня: полковые песни Лейб-гвардии казачьего и Атаманского полков, во время Кавказской войны полков Я. П. Бакланова, И. И. Жирова; донские войсковые и походные атаманы М. И. Платов, А. К. Денисов, И. К. Краснов, В. В. Орлов-Денисов, М. Г. Власов и другие становятся героями казачьих песен. К 70-м годам XIX в. большинство казачьих полков имели свои полковые песни и полковые марши.

На развитие казачьего пения и хорового исполнительства большое влияние оказывало храмовое строительство. При церквях прихожане создавали самодеятельные (клиросные) хоры, в стиле южнорусского распева исполняли псалмы, песнопения божественной литургии. В 30-х годах XVIII в. при войсковом Воскресенском соборе создается казачий хор, который возглавляли присланные из епархии Воронежской и Елецкой регенты. В 1775 г. по указанию войскового атамана генерал-майора А. И. Иловайского при Войсковом храме организуется Войсковая певческая капелла. К сожалению, нет сведений о составе капеллы – количестве басов, теноров, альтов, баритонов, об уровне исполнительского мастерства певчих, большинство солистов и хора являлись казаками, регентами – приглашенные из Воронежской и Елецкой епархии диаконы. По мнению Т. С. Рудиченко, Войсковая певческая капелла выполняла функции церковного и войскового военно-церемониального хора одновременно, в ее репертуаре были богослужебные и светские произведения. Первый профессиональный хоровой коллектив войска Донского во многом ориентировался на Петербургскую придворную капеллу.

Образование. Развитие просвещения и образования в Земле Войска Донского протекало в русле общероссийских культурно-просветительских процессов, но имело и свои особенности. До 90-х годов XVIII в. в крае не существовало светских учебных заведений, господствовало «домашнее образование» и «навычное обучение». Включение Земли Войска Донского в политическую, административную, военную и конфессиональную систему Российской империи, создание в крае войсковых и местных органов власти и управления требовали подготовленных военных и гражданских чиновников, священнослужителей. Они должны были, опираясь на имперское законодательство, а не на обычаи и традиции казачества, проводить политику правительства на военном поприще и в присутственных местах. Успех их деятельности во многом зависел от уровня образования, компетентности, профессионализма и личных качеств.

Формулярные списки генералов и офицеров войска Донского XVIII в. показывают, что за редким исключением, все имели домашнее образование, оно предусматривало владение навыками письма, чтения, знание основных правил арифметики. Многие казаки говорили на татарском языке, который на Дону имел широкое распространение и считался вторым по своему значению в повседневном общении после русского языка. Некоторые старшины, офицеры и генералы владели европейскими языками – французским, немецким и английским.

Грамотных людей постоянно не хватало, войсковая администрация начала проводить мероприятия по улучшению образования в Земле Войска Донского. По приказу войскового атамана А. И. Иловайского в 1787 г. была проведена перепись грамотных казаков, старшин, офицеров и генералов. Ее результаты показали, что среди рядовых казаков грамотность едва достигала 30 %, старшин и офицеров – 60–65 %. При таком уровне грамотности с большим трудом комплектовался офицерский корпус и чиновный аппарат по гражданскому ведомству. С подобными проблемами сталкивалось все российское государство. В 1782 г. императрица Екатерина II учредила Комиссию для заведения в стране народных училищ, спустя четыре года она утвердила «Устав народным училищам Российской империи», который позволил упорядочить систему образования. На основе «Устава» в губернских и уездных городах страны создавались по прусскому образцу Малые народные училища. С целью подготовки грамотных кадров в 1790 г. в Черкасске открылось первое светское образовательное учреждение – Малое народное училище. Содержание училища и общее руководство возлагалось на войсковую администрацию. Первым начальником Малого народного училища назначен П. А. Иловайский, сын войскового атамана А. И. Иловайского.

Обучение в Малом народном училище проводилось по 2-классной программе, ученики изучали Закон Божий, чтение, письмо, грамматику, рисование, арифметику и читали книгу «О должностях человека и гражданина».

2(13) октября 1793 г. Малое народное училище г. Черкасска получило статус Главного Народного училища (его еще называли Войсковое народное училище). Теперь обучение проводилось по 4-классной программе, добавились новые предметы – естественная история, география, физика, математика, иностранные языки, землеведение и промыслы и др. Книгами и учебными пособиями новое училище снабжалось Комиссией народных училищ через Войсковое Гражданское правительство. При училище открылась библиотека, она комплектовалась за счет войскового капитала и частных пожертвований. К 1861 г. в библиотеке насчитывалось свыше 9 тысяч книг, она являлась крупнейшей в Земле Войска Донского.

В 1805 г. Главное народное училище переводится в Новочеркасск, одновременно на основании «Устава учебных заведений» от 5 ноября 1804 г. оно преобразуется в войсковую гимназию. В учебную программу гимназии входили: математика, опытная физика, география, философия, всеобщая грамматика, психология и нравоучение, «изящные» науки, естественная история, латинский, немецкий, французский языки. Поначалу в ней обучалось 49 учеников, к 1830 г. их число возросло до 102. Войсковая гимназия подчинялась первому директору училищ и гимназий коллежскому советнику А. Г. Попову, входила в состав Харьковского учебного округа. Выпускники Новочеркасской гимназии обучались в императорских университетах, Московском училище землеведения, военных училищах и Академии Генерального штаба.

В начале XIX в. в Усть-Медведицкой, Нижнее-Чирской, Каменской, Аксайской и других станицах открываются народные училища, получившие вскоре статус окружных. В 1858 г., по данным Н. И. Краснова, в Земле Войска Донского насчитывалось 1 гимназия, 8 окружных и 27 приходских училищ.

В 1836 г. полковник И. И. Краснов выступил с предложением открыть в Новочеркасске военное училище по программе знаменитого Московского училища колонновожатых. На создание училища донские дворяне пожертвовали свыше 100 тысяч рублей, но денег явно не хватало для реализации поставленной цели, а правительство не спешило помогать войску Донскому. Училище не было создано, деньги, собранные на его открытие, Войсковой штаб направил на стипендии казакам, обучавшимся в Полтавском и Воронежском кадетских корпусах.

Наряду с мужским, в Земле Войска Донского в 1853 г. открывается первое женское учебное заведение – Мариинский институт благородных девиц, в 1859 г. Новочеркасская женская гимназия, в

станицах 4 женских училища. Все училища находились между собой в органической связи: приходские училища подчинялись смотрителю окружного училища, смотрители – директорам гимназий, а последние – университетскому правлению. В общую систему не входили только училища Синода.

Важную роль в морально-нравственном воспитании и образовании казаков играла православная церковь. Потребности донских приходов в грамотных священнослужителях не восполнялись выпускниками семинарий, присылавшимися из Воронежской и Елецкой епархии. В Земле Войска Донского всегда имелось много свободных приходов, вакансии в которых годами не заполнялись. Поэтому Войско Донское «по старине» избирало и назначало из казаков священнослужителей, что не устраивало правительство и Св. Синод. Они приступили к созданию местной системы духовного образования. По указу императрицы Елизаветы Петровны в 1746 г. в Черкасске открылась войсковая латинская семинария, которая просуществовала 12 лет и в связи с пожаром в 1758 г. была закрыта. Попытки Воронежских архиереев Кирилла и Иоанникия восстановить деятельность семинарии наталкивались на сопротивление войсковых атаманов Д. Е. и С. Д. Ефремовых. Только епископу Тихону Задонскому удалось в 1766 г. открыть в Черкасске духовное училище, но через три года оно закрылось из-за отсутствия средств. Прошло более 100 лет, прежде чем в 1868 г. в Новочеркасске открылась Донская духовная семинария. Первым ректором был назначен епископ Мефодий – кандидат богословия, выпускник Петербургской духовной академии.

Периодическая печать. В 1839 г. в Новочеркасске на основании правительственного постановления от 3 июня 1837 г. об учреждении в губерниях и областях Российской империи периодических изданий, стали выходить «Донские войсковые ведомости». Наряду с «Официальным», они имели с 1852 г. «Неофициальный отдел», в котором публиковали материалы по истории донского казачества, населенных мест края, фольклор, современные описания казачьей службы и быта.

На волне широкого общественного подъема в результате реформ императора Александра II в Области Войска Донского стали выходить многочисленные газеты, журналы, открывались книжные лавки, библиотеки, а также комиссии и комитеты, содействовавшие образованию, изучению местной истории, созданию литературных и драматических кружков, и музеев.

1 июля 1866 г. А. А. Карасев (сын сотника станицы Островской Усть-Медведицкого округа, выпускник юридического факультета Харьковского университета, присяжный поверенный в Новочеркасском суде) издал газету «Донской вестник» и открыл собственную типографию в Новочеркасске. В 1873–1879 гг. А. А. Карасев вы-

пускал «Донскую газету», которая была самым крупным изданием областного типа в России 70-х годов XIX в. На страницах газеты А. А. Карасев не только разоблачал невежество, угодничество, произвол донских чиновников, но и публиковал многочисленные материалы и документы по истории Дона и культуре казачества. В 1869 г. стали выходить в свет «Донские епархиальные ведомости». Донской статистический комитет, созданный в 1839 г. издавал свои «Труды», в которых содержались материалы по истории, этнографии, географии, топографии, состоянии сельского хозяйства и промышленности Донского края. В 60–70-е годы XIX в. на Дону была известна большая группа журналистов А. А. Карасев, Ф. К. Траилин, С. Ф. Номикосов, А. М. Савельев, М. Х. Сенюткин, Х. И. Попов и другие, которые оказывали большое влияние на культурную и общественно-политическую жизнь края.

Библиотеки. Развитие образования способствовало собиранию книг, созданию личных библиотек и библиотек учебных заведений. В XVIII в. войсковые атаманы Д. Е. Ефремов, С. Д. Ефремов, А. И. Иловайский, В. П. Орлов, генерал от кавалерии граф В. П. Орлов, войсковой судья генерал-майор Д. М. Мартынов имели книжные собрания, в которых, наряду с церковной литературой, большое место занимали светские сочинения. В 1800 г. в Черкасске во время обыска у полковника Е. О. Грузинова была найдена большая библиотека, в ней преимущественно содержались сочинения по философии, истории Греции и Рима, средневековой Европы, истории России XVIII в., политической экономии.

В то же время в Земле Войска Донского долгое время не существовало публичных библиотек. В 1799 г. войсковой атаман В. П. Орлов разрешил чиновникам, «нуждающимся для службы и дела», «всем благонадежным людям под расписку» брать книги из библиотеки Главного народного училища. Позже подобная практика сохранилась в связи с созданием в Новочеркасске гимназии.

Многочисленные обращения в 1821–1826 гг. сотника лейб-гвардии казачьего полка В. Д. Сухорукова, чиновников Войсковой канцелярии сотника Полякова, поручика А. Картушина к войсковым атаманам А. К. Денисову и А. В. Иловайскому об открытии в Новочеркасске публичной библиотеки не дали положительных результатов.

В 1860 г. в Новочеркасске открылась библиотека «Общества донских торговых казаков», в 1868 г. полковая библиотека Донского учебного полка (командир полка полковник В. А. Митрофанов). Но незначительные фонды, отсутствие подготовленных кадров, читальных залов и помещений для хранения литературы, не позволили развернуть их работу, превратить в публичные библиотеки. Только 1870 г. в Новочеркасске была открыта Войсковая Публичная библиотека «для населения города и всех желающих приобщиться к литературному чтению». Наряду с Новочеркасском, в окружных

станицах действовали еще 7 публичных библиотек, которые были центром культурной жизни казачества.

Историческое краеведение. В конце XVIII–XIX вв. развитие просветительства подталкивало казачество к изучению собственной истории, самопознанию казачьей культуры, формированию к ней устойчивого интереса, созданию специальных органов, занимавшихся собиранием, сохранением и изучением памятников истории казачества.

Внимание к истории и современному положению казачества привлекали сочинения В. Н. Татищева, Г. З. Байера, А. И. Ригельмана, М. М. Щербатова. Проводившиеся во второй половине XVIII в. академические экспедиции И. П. Фалька, П. С. Паласа, С. Г. Гмелина, И. А. Гильденштедта, Н. Я. Озерецковского в Земле Войска Донского, а затем публикации их дневников в России и на страницах европейских газет вызывали к казачеству неподдельный интерес. Донское казачество становится предметом научного исторического исследования после военных и административных преобразований Г. А. Потемкина, активного участия в войнах России второй половины XVIII – начала XIX в.

Донские казаки обладали широким историческим кругозором, достаточно глубокими сведениями о географии и топографии края, о народах сопредельных земель и стран, которые они посещали. Это находило отражение в различных источниках, географических картах, былях, рассказах и песнях. Выявление и фиксация сведений определялись прагматическими задачами – проведением успешных военных походов и обороной от набегов кочевников.

Интерес к истории Донского края зародился в XVI–XVII вв., что объясняется ролью, которую играло казачество в социально-политической жизни и международных отношениях Московского государства, Османской империи и Крымского ханства. В этот период сведения о крае и казачестве были поверхностными и фрагментарными, они складывались преимущественно на основе личных наблюдений русских и иностранных дипломатов, купцов и агентов торговых компаний, путешественников, фиксировались в различных записках, письмах, дневниках, донесениях, в делопроизводственной документации и других источниках.

Первые попытки изложить историю Донского края, раскрыть возникновение донского казачества и показать его роль в жизни Московского государства относятся к концу XVI–XVII вв., в частности в записках иностранцев Т. Бэнистера, Д. Дэкета, А. Дженкинсона, Ж. Маржарета, Д. Горсея, И. Массы, Э. Челеби, Я. Стрейса и русских дипломатов И. Новосильцева, В. Даудова, купца Ф. Котова и др. В это же время появились карты Московского государства А. Вида, И. Ляцкого, С. Герберштейна, Г. Сансона, Н. Витсена, И. Массы, Г. де Боплана, составленные на основе русских источни-

ков. На них изображались Подонье-Приазовье, населенное татарами, черкасами, ногайцами и казаками, а также с начала XVII в. казачьи городки по р. Дон и ее притокам.

После Азовских походов 1695–1696 гг. и включения Донской земли в состав Российского государства история края и его населения стала рассматриваться в контексте российской истории, как ее неразрывная часть. Наряду с историческим началось географическое и картографическое исследование края, появились первые атласы р. Дон и Восточного Приазовья К. Крюйса, П. Брегмана, Х. Ругелла и списки казачьих городков, составленные донскими атаманами и русскими путешественниками. Донская земля изучалась и самими казаками, сохранились многочисленные свидетельства в делах Посольского, Поместного и других приказов об изъятых у казаков картах и чертежах, составленных по распоряжениям войсковых и походных атаманов. Использовались также казаками морские и географические турецкие и венецианские карты, захваченные во время походов за зипунами.

Одним из первых шагов по пути становления исторического краеведения на Дону во второй половине XVIII в. была многолетняя и плодотворная деятельность коменданта крепости Св. Дмитрия Ростовского генерал-майора А. И. Ригельмана. Его материалы о донском казачестве легли в основу его исследований «История или повествование о донских казаках». Под его руководством и при непосредственном участии создается архив крепости, а также проводится работа по спасению войскового архива от затоплений и пожаров в г. Черкасске.

Важным этапом в изучении Донского края явились Генеральное и ведомственные межевания Российской империи, в процессе которых оставлялись карты земли войска Донского и ее округов, экономические примечания, включавшие сведения о численности населения, развитии сельского хозяйства, промыслов и торговли, о замечательных событиях и исторических памятниках на территории края.

Практически, в XVI–XVIII вв. формируется корпус источников по истории Донского края, закладываются основы исторического краеведения в стране по линии государственных учреждений, научно-просветительских обществ и организаций и по инициативе частных лиц.

Интерес казачества к своему прошлому и истории края заметно повысился в конце XVIII – начале XIX вв., что было связано с его активным участием во внешнеполитических мероприятиях Российского государства, реорганизацией органов власти и управления, уравнением казачьих чинов с армейскими, формированием дворянства. Выходят в свет первые исследования по истории войска Донского, подготовленные А. Г. Поповым – директором учи-

лищ и гимназий войска Донского, о культуре, быте и традициях казачества Е. Кательникова «Историческое сведение Войска Донского о Верхнее – Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний, 1818 года декабря 31 дня Евлампия Кательникова».

В связи с деятельностью комитета по разработке положения об управлении Войском Донским в 1819–1825 гг. и по заданию генерал-адъютанта кн. А. И. Чернышева под руководством В. Д. Сухорукова начинается систематическое выявление, собирание и изучение материалов по истории края с целью создания исторического и статистического описаний земли войска Донского. Историческое краеведение становится составной частью деятельности Войсковой канцелярии и окружных учреждений. Главной задачей в это время становится собирание и спасение материалов, находившихся в многочисленных станичных архивах и крепости Св. Дмитрия Ростовского. Работы В. Д. Сухорукова по истории донского казачества, опубликованные в «альманахе «Русская старина» в 20-х годах XIX в., получили широкое признание не только на Дону, но и в Петербурге. А. С. Пушкин высоко оценил сочинения донского историка (они познакомились на Кавказе в 1829 г.), приглашал его к сотрудничеству в журнале «Современник».

Развернувшаяся в России во второй половине XIX – начале XX в. работа по написанию историй воинских подразделений, способствовала созданию полковых музеев, составлению офицерами полков исторических описаний частей и подразделений войска Донского, в частности, лейб-гвардии казачьего е. и. в. полка, Атаманского полка, и строевых полков, донской конной артиллерии, памяток донских полков.

В помощь Статистическому отделению Совета Министерства внутренних дел в губерниях, наместничествах и областях создавались на основании «высочайше утвержденных правил» статистические комитеты, на которые возлагались не только административные, но и научные задачи. К числу первых принадлежали статистические комитеты, основанные в 1835 г. в Таганроге и в 1836 г. в области войска Донского. Его открытие состоялось в Новочеркасске 16 июля 1839 г. под председательством войскового наказного атамана генерал-лейтенанта М. Г. Власова. В состав комитета были избраны 57 членов и членов-корреспондентов, в том числе известные историки и исследователи Донской земли есаулы В. Д. Сухоруков, В. П. Поснов, войсковой старшина А. К. Кушнарев и др.

Донской статистический комитет руководствовался в своей деятельности «Положениями о губернских и областных статистических комитетах», утвержденными Министерством внутренних дел и Государственным Советом в 1834 г. и 1860 г. Кроме представления ежегодных статистических отчетов и сведений в Министерство

внутренних дел и Военное министерство Донской статистический комитет издавал труды по истории, топографии, статистике, о торговле и промышленности, сельском хозяйстве края. Они публиковались в «Памятных книжках», «Адрес-календарях», «Трудах» и «Сборниках» области войска Донского статистического комитета, выходили в свет отдельными изданиями. Всего было опубликовано 79 книг, 1 карта, большое количество статей в периодической печати.

По поручению Донского статистического комитета во второй половине XIX в. систематически проводились этнографические, исторические и археологические экспедиции, обследования станичных архивов и передача их материалов на хранение, в созданный Х. И. Поповым в 1866 г., в Новочеркасске Войсковой исторический архив. В начале XX в. он являлся одним из крупнейших архивохранилищ Российской империи.

В процессе собирательской и научной деятельности был накоплен огромный исторический материал о земле войска Донского, который использовался в сочинениях Н. И. Краснова, С. Ф. Номикосова, Х. И. Попова, при составлении «Толкового словаря живого великорусского языка» и «Пословиц русского народа» В. И. Даля, издании русских народных сказок А. Н. Афанасьева и др.

С 30-х годов XIX в. по указанию Герольдии Сената Войсковая канцелярия и областное дворянское депутатское собрание приступили к созданию «Областной книги донского дворянства». В среде донского чиновничества и казачества, получившего права высшего сословия на основании указа 1798 г. императора Павла I об уравнении казачьих чинов с армейскими, началось массовое движение за причисление к высшему сословию. Создавались и восстанавливались родословия казачьих и донских дворянских родов, собирались материалы по военной и гражданской истории войска Донского, в которых отмечались самодержцами и правительством заслуги казаков и старшин различными пожалованиями и поощрениями, наградами российскими и иностранными орденами, оружием и знаками отличия военного ордена, высочайшими благоволениями и т. д. Эта большая и кропотливая работа способствовала возникновению донской генеалогии и геральдики, публикации многочисленных произведений о донских дворянских родах, в частности Л. М. Савелова, В. Н. Мартынова, А. В. Романович-Славатинского.

Усиление во второй половине XIX в. интереса в обществе к прошлому страны способствовало возникновению в губерниях и областях исторических, этнографических, литературных и других музеев. В 1884 г. под руководством Х. И. Попова энтузиасты-краеведы приступили к созданию музея казачества. Первые коллекции музея посетители увидели в 1890 г., а его открытие состоялось 20 ноября 1899 г. в специально построенном здании. В музее действовали

доисторический, исторический, естественно-исторический отделы, а также особое отделение войсковых регалий, библиотека и исторический архив.

Вопрос об открытии местного музея в г. Ростове-на-Дону был впервые поставлен в Городской думе в 70-х годах XIX в., но только в 1893 г. за счет частных пожертвований и коллекций эта идея получила реальное воплощение. В связи с приходом к руководству музея Н. П. Балагурова и М. Б. Краснянского широко развернулась его научно-просветительская, собирательская и издательская деятельность. В 1909 г., по инициативе М. Б. Краснянского, в городе открылось Ростово-Нахичеванское-на-Дону Общество истории, древностей и природы, его деятельность поддержали интеллигенция и предприниматели.

Силами Войсковой администрации и при поддержке частных лиц с 20-х годов XIX в. начались археологические исследования Недвиговского и Елизаветовского городищ, поселения Танаис, скифских курганов по нижнему и среднему течению р. Дон. Наиболее заметных успехов достигли экспедиции под руководством В. Д. Сухорукова, А. К. Кушнарева, А. А. Мартынова, П. М. Леонтьева, Х. И. Попова и А. А. Миллера, материалы которых вошли в коллекции донских и крупнейших российских музеев, опубликованы в периодической печати.

В 1904 г. в Новочеркасске начал действовать «Донской епархиальный церковно-исторический комитет», созданный с целью изучения прошлой жизни и современного состояния донских монастырей и приходских церквей, религиозной жизни края. Его поддержали Донской статистический комитет, музей истории донского казачества, войсковая администрация и архиепископ Донской и Новочеркасский Афанасий. Председателем комитета избрали известного писателя и историка, инспектора Донской духовной семинарии А. А. Кириллова. В соответствии с уставом комитета широко развернулась работа по описанию архивов церквей, монастырей, епархиальных учреждений, по изучению местных церковных обычаев, обрядов и преданий, по сбору материалов церковной археологии и археологии края.

Одновременно при Донской духовной семинарии открылось Древлехранилище, в которое поступали памятники донской церковной старины, а также книги, акты, грамоты, рукописи и т. д., относившиеся к истории донского края. Научно-исследовательская и собирательская деятельность комитета освещались на страницах «Донских епархиальных ведомостей», а также специально созданного для этой цели издания «Донская церковная старина».

Заметный перелом в развитии краеведения наступает в 80-е годы XIX в. С этого времени изучение Донского края протекает по инициативе государственных и войсковых организаций, научно-просветительских учреждений, частных лиц. Складываются

различные направления в донском краеведении – история донского края как история населения, его хозяйства и быта, культуры, общественного сознания; генеалогия и геральдика, историческая география и топография, этнография, церковная история, светская и церковная археология, история населенных мест и др.

Необходимо отметить, что краеведение на Дону до этого времени развивалось как казачье сословное, представители других сословий и групп населения практически не принимали участия в изучении истории края. Только после вхождения в 1887 г. Ростовского уезда с городами Ростов и Нахичевань и Таганрогского градоначальства в состав Области Войска Донского значительно увеличилось число краеведов, расширился их сословный состав. Создаются различные краеведческие общества с четко очерченным кругом проблем и задач как в системе исторических российских организаций, так и по инициативе местного населения.

Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. В начале XVIII в. духовная культура донского казачества переживала потрясения – в результате петровских реформ и дальнейших мероприятий правительства она втискивалась в «прокрустово ложе» сословности. Менялся менталитет казачества, его картина окружающего мира. Многое, что сохранилось «от веку», разрушалось или приспосабливалось в течение последующих столетий к социально-политическим реалиям, создавались новые представления о своем месте и роли в жизни, государстве, религии, обществе. Огромный пласт повседневного быта, закрепившийся в заговорах, оберегах, поверьях, приметах, народной медицине, казалось, застыл во времени и пространстве. Заговоры и обереги, являясь частью фольклора, близки к загадкам, поговоркам, пословицам и быличкам, широко использовались в донской народной медицине.

Основное место в повседневной бытовой культуре казачества занимают заговоры, как наиболее распространенные и часто встречающиеся в составе донского фольклора. Они же являются составной частью народной медицины. Заговоры выделяются полнотой состава, организованностью частей, относительно развитой сюжетной линией и разнообразием элементов, возможностью обозрения всего заговорного знания. В заговорах всегда имеется сюжетная часть, где присутствуют пространство и время, человек и окружающий его растительный и животный мир, мифические образы и силы. Заговоры и обереги сопровождали казаков от рождения до смерти. Заговорами лечились казаки от болезней (лечение зубной боли, ангины, лишая, и т. д.), от сглаза, скуки, печали, порчи, их использовали для спасения скота и птицы. Заговаривали казаков, отправлявшихся на службу или на войну, и делали обереги от беды, пули и сабли, а также на спасение имущества от пожара и наводнений, на удачу в делах, любви и т. д.

Знахарки и знахари, шептуньи, «бабушки», целительницы и целители проживали, практически, во всех станицах, были широко известны. Они сохраняли народную мудрость, уходившую корнями в седую древность, передавали свое искусство из поколения в поколение. Характерной чертой их занятий было двоеверие (христианство и язычество) и бескорыстие. Важным условием положительного результата, чтобы «помоглось», они считали веру в бога и в навыки, которые они знали «исстари». Свои действия они сопровождали молитвами и магическими ритуалами, с использованием ладана, воды, воска, пшена, угля, нитки, свечей, сала, водки, волос, травы и проч.

Широко в станицах практиковалось изгнание злых сил: злых духов и колдунов, для чего привлекали кресты, иконы, молитвы, травы, свечи, использовали многочисленные переодевания в новые или разные одежды и т. д. На протяжении XVIII–XIX вв. происходит определенная деградация (обеднение, упрощение) донских заговоров. Она коснулась, прежде всего, вербальной (словесной, содержательной), а затем и вещно-акциональной (действенной, процедурной) части, что отражало изменения в менталитете казачества.

В течение многих столетий народная медицина занимала важное место в жизни казачества, она являлась подчас единственной возможностью и формой лечения населения. Казачество, находясь на перекрестке цивилизаций, сформировало свою уникальную природную аптеку, создало приемы и методы лечения ран и болезней, закрепило медицинские знания в опыте и определенной системе представлений. В народной медицине широко использовались растения, отвары, растирки, продукты питания и т. д., а также различные способы лечения болезней. Знахарки и целители лечили огнестрельные и колото-режущие раны, ангину, жар, бессонницу, грыжи, икоты, лишай, сибирку, и многие другие болезни. Казаки по разному называли болезни: колючая, горючая, скорбящая, ветряная, ночная, ползучая и т. д. При «замаливании» болезней использовали христианские символы – кресты, христианские мощи, разные иконы, молитвы, а также языческое «сопровождение» – травы, отвары, мази, растирки, кости животных и птиц, камни, металл, небесные объекты, кровь животных и человека, желчь и проч.

Огромный пласт казачьей духовной культуры представляют поверья и приметы. Поверья о предметах, пище, времени, животных и птицах, о жизни и смерти, приметы о погоде и природе тесно связаны с различными этапами жизни казаков, они являлись отражением их врожденного сознания. Приметы о погоде и природе на «солнце», «росу», «дым», «воду», «облака» и проч. поддерживали повседневную и хозяйственную жизнь казаков. Наблюдения за животными и приметы «на животных» и «зверей» помогали

оберегать свою жизнь, дом, имущество, предотвращать болезни и падеж скота и т. д. Казаки знали многочисленные приметы и широко ими пользовались.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. – Новочеркасск, 1891–1894. – Т. 1–3.

2. Герои Отечественной войны 1812 года. – СПб., 1899. – Т. 2.

3. Донские дела. – СПб., 1898. Кн. I; 1906. Кн. II; 1907. Кн. III; 1913. Кн. IV; Пг., 1917. Кн. V.

3. Донские казаки в 1812 году: сб. документов / отв. ред. А. П. Пронштейн. – Ростов н/Д, 1954. – С. 28–29.

4. Земля в судьбах донского казака. Собрание историко-правовых актов. 1704–1919 гг. / сост. Н. Коршиков. – Ростов н/Д, 1998.

5. *Краснов Н. И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. – СПб., 1863.

6. Материалы для истории войска Донского. Грамоты, собранные И. Прянишниковым. – Новочеркасск, 1864.

7. Материалы Донского комитета // Сборник Российского исторического общества. – СПб., 1877. Т. 21; 1891: Т. 78; 1906. Т. 121.

8. Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба. Отд. I. Т. XIII–XVII. Боевые действия в 1812 году. – СПб., 1910–1911.

9. *Поликарпов Н. П.* Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года // Труды МОИРВИО. Ч. 1. Т. IV. – М., 1912.

10. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1825–1856.

11. Положение об управлении Донского войска. Изд. 2-е. – СПб., 1842. Ч. 1–3.

12. *Ригельман А. И.* История о донских казаках: переизд. – Ростов н/Д, 1992.

13. Сборник материалов, извлеченных из архива е[го] и[мператорского] в[еличества] канцелярии. – СПб., Вып. VI. 1893; Вып. VIII. 1896; Вып. IX. 1899.

14. Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1834 гг. – Новочеркасск, 1891.

15. *Сухоруков В. Д.* Историческое описание Земли войска Донского. Комментарии, дополнения и вступительная статья Н. С. Коршикова и В. Н. Королева. – Ростов н/Д, 2001.

16. *Харкевич В.* Действия Платова в арьергарде Багратиона в 1812 году. Кавалерийские бои при Мире и Романове. – СПб., 1901.

17. Хрестоматия по истории Подонья – Приазовья. Кн. 1. С древнейших времен до XVII столетия / сост. М. И. Кравцов, Б. В. Лунин и др. – Ростов н/Д, 1941.

Обязательная

1. *Агафонов А. И.* Область войска Донского и Приазовье в дореформенный период. – Ростов н/Д, 1986.

2. *Гуржиева И. П., Соколенко М. Е.* Донской парадный портрет: XVII–XIX вв. – М., 1993.

3. Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. Социальные отношения, управление, классовая борьба / под ред. А. П. Пронштейна. – Ростов н/Д, 1977.

4. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года: учеб. пособие. – Ростов н/Д, 2001.

5. *Коршиков Н. С.* Дворяне и графы Платовы. – Ростов н/Д, 2006.

6. *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 года). – Ростов н/Д, 1998.

7. *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI- середина XVII века // История СССР. – 1986. – № 4.

8. *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. – Ростов н/Д, 1961.

9. *Рыблова М.А.* Традиционные поселения и жилища донских казаков. – Волгоград, 2002.

10. *Рыблова М. А.* Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. – Волгоград, 2006.

11. *Рябов С. И.* Земля Донская в XVII веке. – Волгоград, 1992.

12. *Сватиков С. Г.* Россия и Дон (1549–1917 гг.). – Белград, 1924.

Рекомендуемая

1. *Агафонов А. И.* История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). – Ростов н/Д, 2001.

2. *Агафонов А. И.* Советская историография Донского края эпохи феодализма в начальный период становления и развития (1917 – первая половина 30-х годов) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1993. – № 1–2. – С. 34–47.

3. *Агафонов А. И.* История Дона эпохи феодализма в современной советской исторической литературе // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. – 1990. – № 3. – С. 68–80.

4. *Астапенко М.* Донские казачьи атаманы. – Ростов н/Д, 1996.

5. *Дулимов Е. И., Цечоев В. К.* Происхождение государства и права у народов Дона и Северного Кавказа. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006.

6. Казаки России (прошлое, настоящее, будущее). – М., 1992.

7. Казачество России: прошлое и настоящее: сб. статей РАН ЮНЦ. – Ростов н/Д, 2006.

8. Казачество России: прошлое и настоящее: сб. статей РАН ЮНЦ. – Ростов н/Д, 2008.

9. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. – Ростов н/Д, 1992.

10. *Лесин В. И.* Бунтари и воины. – М., 1999.

11. *Лесин В. И.* Ваше Величество! Это казаки! – М., 2007.

12. *Маркедонов С. М.* Государевы слуги или бунтари-разрушители? (к вопросу о политических отношениях донского казачества и российского государства) // Консерватизм и традиционализм на Юге России. Южнороссийское обозрение. – 2002. – № 9. – С. 130–150.

13. *Черницын С. В.* Донское казачество: этнический состав и этнические процессы (XVIII–XIX вв.): дис. ... канд. истор. наук. – М., 1992.

14. *Чижикова Ю. А.* Институт атаманства на Дону (конец XVI – начало XX вв.): дис. ... канд. истор. наук. – Ростов н/Д, 2007.

Часть III
ДОНСКИЕ КАЗАКИ В XX в.

§ 1. Донские казаки в русско-японской войне 1904–1905 гг.

Начало войны. В конце XIX в. Англия, США и Япония приступили к разделу большого, но слабого Китая на сферы своего влияния. Обеспокоенное возросшей политической, военной и экономической активностью вблизи своих границ и стремясь не упустить собственную выгоду, русское правительство также заметно активизирует свою внешнюю политику на Дальнем Востоке. В 1891 г. начинается строительство стратегической Транссибирской железнодорожной магистрали от Челябинска до Владивостока.

После поражения Китая в войне с Японией 1894–1895 гг. Россия выступила с требованиями ограничения японских притязаний. В 1896 г. был подписан русско-китайский договор о строительстве участка Транссиба от Читы до Владивостока через Маньчжурию. Через два года Россия арендует у Китая два важных порта на Ляодунском полуострове – военный порт-крепость Люйшунь, переименованный в Порт-Артур, и торговый порт Даляньвань (Дальний). Активное проникновение России в Китай, а также борьба за сферы интересов в Корее привели к серьезному обострению отношений с Японией, проводившей агрессивный захватнический курс в этом регионе.

Япония, хорошо подготовившись к войне, решила разрешить противоречия с Россией военным путем. К ведению войны на Дальнем Востоке страна и армия были не готовы.

В ночь на 26-е января 1904 г., без объявления войны, японские корабли внезапно атаковали стоявшую на рейде Порт-Артура русскую эскадру и нанесли ей существенный урон. Началась русско-японская война.

Первоначально в войне участвовали казачьи части только казачьих войск Востока страны (Забайкальского, Амурского, Уссурийского, позже Сибирского, Уральского и Оренбургского). Позднее на театр военных действий прибыл Кубано-Терский казачий полк.

Донские казаки на начальном этапе войны. В соответствии с приказом Военного министра от 25 июня 1904 г. началась мобилиза-

ция личного состава 4-й Донской казачьей дивизии, которую планировалось отправить на фронт. В состав этой дивизии входили 19-й, 24-й, 25-й и 26-й Донские казачьи полки, общей численностью в 118 офицеров и 3047 казаков. В них служили казаки из 35 станиц Войска Донского. В дивизию был включен и 3-й Донской казачий артиллерийский дивизион в составе 2-й и 3-й шестиорудийных Донских батарей общей численностью около 600 человек. Командовал 4-й Донской казачьей дивизией генерал-лейтенант М. Н. Телешов. Командиром 1-й бригады дивизии являлся генерал-майор М. П. Стоянов. В эту бригаду входили 19-й и 24-й Донские полки под командованием войскового старшины П. Г. Пахомова и войскового старшины В. В. Попова. Командование 2-й бригадой дивизии осуществлял генерал-майор Ф. Ф. Абрамов. В эту бригаду входили 25-й и 26-й Донские полки под командованием полковника В. И. Медведева и войскового старшины М. В. Багаева. Командиром 3-го Донского артдивизиона был полковник В. И. Кузнецов.

В короткие сроки 4-я Донская казачья дивизия была полностью укомплектована личным составом, вооружена, снаряжена и подготовлена для отправки в Маньчжурию.

16 августа в Персиановских военных лагерях под Новочеркасском в присутствии самого Николая II состоялся торжественный смотр 4-й Донской дивизии. На следующий день казаки отбыли на фронт.

По прибытию в Маньчжурию в начале октября дивизию включили в состав Западного отряда русской армии. На донские полки была возложена ответственная задача охраны всего ее правого фланга.

Получив приказ о проведении глубокой разведки и совершении конных набегов на части левого фланга японской армии с последующим выходом в ее тыл на южном направлении, 17 октября казаки 19-го, 24-го и 25-го полков при поддержке орудий 3-го Донского артдивизиона двинулись в наступление на деревни Фудядуанзу и Лидиутунь. Встретив сильное сопротивление находившихся там японцев, три сотни 19-го Донского полка спешились и атаковали неприятеля, выбив его из первой деревни. Хорунжий Полковников вместе с несколькими казаками-добровольцами осуществил разведку в занятую неприятелем деревню Лидиутунь, установив его численность и занимаемые позиции. Это позволило организовать наступление основных сил. Но японцы, имея превосходство в живой силе и особенно в артиллерии, упорно оборонялись. Отчаянная атака в конном строго 3-й сотни 19-го полка во главе с есаулом Косоротовым в тыл японцам сначала принесла успех, но затем, после ранения есаула, остановилась. В это же время сотни 24-го Донского полка осуществили успешную разведку боем на другом фланге, у

деревни Цинзятунь. Выполнив в целом поставленную задачу, части 4-й Донской дивизии возвратились на исходные позиции. За проявленные в этих боях мужество и героизм 41 казак был награжден почетной боевой наградой – солдатским орденом Знаком отличия Военного Ордена (Георгиевским крестом) IV-й степени.

В период позиционных военных действий на фронте донские казачьи части осуществляли разведку и кавалерийские налеты на тылы противника в районе населенных пунктов Хунхэ, Нючьжуан и ряда других.

Набег на Инкоу. С целью дезорганизации тыла и снабжения японской армии русское командование решило осуществить кавалерийский рейд на важную базу снабжения японцев – порт и железнодорожную станцию Инкоу. Для этой цели был сформирован специальный кавалерийский отряд из 72-х сотен и эскадронов и 22 артиллерийских орудий. В состав этого отряда под командованием генерала П. И. Мищенко вошла и 4-я Донская казачья дивизия.

26 декабря 1904 г. отряд Мищенко тремя колоннами в сопровождении довольно большого обоза, ограничивавшего подвижность отряда, выступил в поход. 28 декабря казаки 19-го Донского полка совместно с забайкальцами и драгунами разгромили две роты японцев и заняли г. Ньючжуань. На следующий день были уничтожены еще три роты неприятеля, захвачено более 500 арб с различными запасами, во многих местах испорчено железнодорожное полотно.

Перед началом ночного штурма Инкоу 30 декабря Донские полки выполняли отвлекающий маневр, а затем присоединились к основным силам. В авангарде атакующих шли казаки 1-й сотни 19-го Донского полка, 5-й сотни 25-го Донского полка и 3-й сотни 26-го Донского полка. Казаки сражались геройски. Но неудовлетворительная подготовка штурма, вялые и нерешительные действия командования отряда, прорыв в город японских подкреплений, привели к неудаче. Безрезультатно закончилась и вторая атака. Инкоу взять не удалось. Отряд Мищенко начал отход, который прикрывали донские казаки. Во время отступления они мужественно отбили несколько атак превосходящих сил неприятеля, понеся немалые потери убитыми и ранеными. В целом рейд окончился неудачей, затруднить переброску сил и снабжение японской армии не удалось.

В ходе этого рейда казаки много раз демонстрировали образцы мужества и героизма. Многие из них получили благодарности командования и были отмечены боевыми наградами. Так, за совершенные подвиги подъесаул 26-го Донского полка Ф. К. Миронов был награжден орденом Св. Анны III-й степени (всего за время

участия в войне будущий командир 2-й Конной армии был удостоен 4-х боевых орденов).

Наступление на Сандепу. В начале января 1905 г. командование русской армии принимает решение о наступлении 2-й Маньчжурской армии на левый фланг 2-й японской армии в общем направлении на деревню Сандепу с целью флангового удара и выхода в тыл всей японской армии. В авангарде наступления, начавшегося 12 января, шел конный отряд генерала Мищенко. В его составе находились и 25-й и 26-й Донские казачьи полки. По приказу командира отряда, казаки 25-го Донского полка атаковали и заняли деверню Ланцгоу. Их дальнейшее продвижение было остановлено сильным огнем неприятеля. В это же самое время генерал Мищенко решил нанести удар в тыл японским частям, для чего приказал одной смешенной сотне 25-го полка продолжать наступление вперед на деревню Уцзяганзе, а 26-му Донскому полку обойти эту деревню с юга. Казаки этого полка в конном строю лавой атаковали неприятеля. Но взять деревню с ходу не удалось. После некоторой заминки казаки 1-й сотни полка в пешем строю решительной атакой выбили японцев из деревни, ожесточенный бой за которую длился более 4 часов. Утром 13 января отряд Мищенко ударил в тыл японцами. Особенно успешно при этом действовали донские казаки 25-го и 26-го полков и особенно отважные артиллеристы 3-го Донского артдивизиона, один взвод которого вплотную приблизился к позициям неприятеля и с минимального расстояния открыл огонь по врагу. Японцы в панике отступили. Казаки в этот же день заняли несколько важных населенных пунктов. На следующий день генерал Мищенко получил благодарность командующего 2-й Маньчжурской армии «за молодецкие действия» 12–13 января казаков его отряда. По пять казаков каждой сотни, участвовавших в атаке на неприятельские укрепленные пункты, было награждено Георгиевскими крестами IV-й степени. Развивая достигнутый успех, донские полки 14 января продолжили наступление и создали угрозу тылу японских войск. Против казаков неприятель в спешном порядке направил целую 8-ю пехотную дивизию. В результате ожесточенного встречного боя с превосходившими силами врага казаки вынуждены были остановить наступление. 15 января казаки вели очень тяжелый бой с многочисленными японскими частями возле деревни Сандепу. Ход сражения под Сандепу явно склонялся в пользу русской армии. Но неожиданно ее командующий генерал Куропаткин отдал приказ об отходе... Позже военно-историческая комиссия Генерального штаба по изучению русско-японской войны пришла к заключению, что действия конников отряда генерала Мищенко под Сандепу представляют собой «прекрасный образец боевых действий кавалерии

в условиях Дальневосточного театра военных действий и современной военной науки». За мужество и героизм, проявленные в боях за Сандепу, 65 донских казаков были награждены Георгиевскими крестами IV-й степени. Это была заслуженная высокая оценка боевых действий личного состава донских полков.

Казачьи части на завершающем этапе войны. После ожесточенных боев под Сандепу полки 4-й Донской казачьей дивизии были отведены в тыл. Но их отдых длился недолго. Обеспокоенное активными действиями небольших конных японских отрядов в глубоком тылу русской армии, ее командование 4 февраля отправляет все донские казачьи части для охраны тыловых коммуникаций и борьбы с неприятельскими диверсионными отрядами. 4-я Донская дивизия прибыла в район станции Гунжулин и приступила к выполнению охранных функций. Позже на казаков была возложена тяжелая и ответственная задача контролировать большие территории Монголии с целью недопущения проникновения японских и совместно действовавших с ними многочисленных местных хунхузких (разбойничьих) банд через Монголию на Харбин. Отряды донских казаков были распределены по огромным просторам монгольских степей и несли постоянную трудную охранно-патрульную службу. Постоянно происходили вооруженные стычки казаков с хунхузкими шайками. Но и в этих крайне непростых условиях донские казаки стойко переносили все трудности и тяготы военной службы. Здесь донские части находились до конца войны.

31 августа 1905 г. между Россией и Японией было заключено перемирие. 5 сентября в американском городе Портсмунте был подписан мирный договор. Завершилась тяжелая и неудачная для России русско-японская война.

Однако части 4-й Донской казачьей дивизии не были отправлены на Дон и вплоть до зимы несли сложную охранную службу в районе Харбина, где находились деморализованные и полуразложившиеся солдатские полки бывшей Маньчжурской армии. Казаки охраняли склады, дороги, государственные учреждения, мирное население от грабежей и разбоев. На Дон казаки возвратились только в марте 1906 г.

После учреждения в начале 1906 г. особой медали за участие в войне с Японией все казаки 4-й Донской казачьей дивизии и 3-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона были награждены светло-бронзовыми, медалями т. е. II-й степени. Высшими боевыми солдатскими наградами – Георгиевскими крестами было награждено 403 казака. Мужество и героизм 23 донских казачьих офицеров было отмечено орденами Св. Равноапостольного Князя Владимира, Св. Станислава и Св. Анны разных степеней.

Участвовавшие в войне донские казаки продемонстрировали свои лучшие боевые и морально-нравственные качества, высокую военную выучку и мастерство, стойкость, мужество, отвагу, героизм. Ни один казак не сдался добровольно в плен неприятелю, не дезертировал с фронта. Даже в самых сложных ситуациях казаки сохраняли выдержку и хладнокровие, не поддавались панике. Вместе с тем, война выявила и недостатки в военной подготовке казаков и особенно казачьих офицеров.

В период войны донские казаки с честью выполнили свой долг перед Родиной.

§ 2. Донское казачество и революция 1905–1907 гг.

Казачьи части в борьбе с революционными выступлениями. Трагические события 9 января 1905 г. в Петербурге стали прологом первой русской революции. В бурные революционные катаклизмы в той или иной мере были вовлечены практически все социальные слои российского общества. Не стало исключением и донское казачество.

Для борьбы с революционным движением, стихийными и организованными народными выступлениями правительство, кроме полиции и жандармерии, все чаще и чаще стало использовать части регулярной армии. Это, естественно, затронуло и казачьи подразделения. Так, уже во время «кровавого воскресенья» 9 января против участников народного шествия были направлены 19 пехотных полков, гвардейский экипаж и 8,5 сотен Лейб-Гвардии Казачьего и Атаманского полков.

Осенью 1905 г. в правительственных кругах встал вопрос о гораздо более масштабном и значительно активном использовании казачьих частей и подразделений для борьбы с различными антиправительственными выступлениями. Первого ноября последовало «Высочайшее повеление» о мобилизации 18 сотен третьей очереди Оренбургского, 24 сотни второй очереди Донского и 6 пластунских батальонов Кубанского казачьих войск. Причем казаки всех этих подразделений призывались в армию исключительно для использования по поддержанию порядка в различных регионах страны в качестве полицейской силы. Во многом это было поистине беспрецедентное решение, поскольку оно шло в прямой разрез не только с давно установленным и строго соблюдавшимся до этого времени порядком направления мобилизуемых льготных казачьих частей только на фронты различ-

ных войн, но и даже с действовавшим законодательством. Согласно имевшего законодательный статус «Устава о воинской повинности Донского казачьего войска» 1874 г. мобилизация и вывод с территории Донской области казачьих частей и подразделений второй и третьей очередей в мирное время не допускались, а использоваться или, как говорилось в «уставе», употребляться они должны были только в войне с внешним врагом. Однако данное обстоятельство не смущало правительственных чиновников, сильно обеспокоенных, прежде всего, вопросами ликвидации всех и революционных, и откровенно погромных народных выступлений.

31 декабря 1905 г. последовала «Высочайшая благодарность» донскому казачеству за ревностную службу. В результате массовых призывов в армию в Донском войске к началу 1906 г. были полностью мобилизованы все части и подразделения второй очереди, за исключением только казачьих артиллерийских батарей. Чуть позже в этом же году мобилизовались даже и некоторые третьеочередные донские части (35, 36, 41-й полки). Всего же во время революции после всех проведенных мобилизаций в армии находилось 39 донских полков (лейб-гвардейский атаманский, лейб-гвардейский казачий, 1, 36, 41-й Донские казачьи полки и 36 отдельных донских сотен (1-я – 36-я отдельные Донские казачьи сотни) позже сотни с 13-й по 36-ю включительно были сведены в 1, 2, 3, 4-й Сводно-Донские казачьи полки.

В период революции казачьи части и подразделения привлекались, как и все другие армейские формирования, для выполнения самых разных заданий – от разгонов митингов и демонстраций, борьбы с забастовщиками и стихийными выступлениями крестьян до охраны важных объектов и даже отдельных помещичьих имений и усиления полиции для простого патрулирования и поддержания порядка в городах. И казаки, как правило, беспрекословно выполняли все приказы командования. Одной из основных причин такого поведения казаков в период революционных катаклизмов 1905–1907 гг. являлось то обстоятельство, что в это время в их сознании практически полностью доминировали такие морально-нравственные принципы, как высокое чувство ответственности, верность воинскому долгу и присяге, исполнительность, неукоснительное следование всем существовавшим законодательным установлениям. При этом можно особо отметить, что из наиболее значимых для них являлся, безусловно, воинский долг и все связанные с ним установки, не без основания олицетворявшиеся в сознании казаков с общей глубокой и высокой идеей служения Родине. Поэтому отношение казачества к армейской службе было очень серьезным и ответственным, а сама она рассматривалась им

как одна из форм выполнения государственных обязанностей. Незыблемыми представлялись казакам и все основы существовавшего политического строя и государственного устройства.

Все это вместе взятое, а также и целый ряд других важных факторов сугубо практического характера, о чем будет сказано ниже, способствовали активному привлечению казачьих частей различными государственными структурами для «внутренней службы». И казачьи части, как правило, неукоснительно исполняли все получаемые приказы. Уже в начале 1905 г. многие казачьи подразделения направляются на борьбу с революционными выступлениями. Так в период Февральской стачки в г. Ростове-на-Дону 17 февраля 1905 г. казаки разогнали полуторатысячную демонстрацию рабочих. 7 ноября казачьи разъезды вызывались на усиление полиции, разгонявшей митинговавших рабочих и работниц ростовских табачных фабрик. В декабре казачьи сотни совместно с другими частями армии участвовали в вооруженных столкновениях с рабочими Владикавказских железнодорожных мастерских, на баррикадах в районе рабочих кварталов на Темернике и на железнодорожном вокзале в г. Ростове-на-Дону.

Почему же правительство с такой охотой прибегали к использованию именно казачьих подразделений? Правящие круги исходили из целого ряда серьезных предпосылок, начиная от идейно-политических воззрений казаков и их моральных качеств, и заканчивая факторами сугубо практического свойства. Во-первых, когда против манифестантов, забастовщиков или демонстрантов бросались пешие солдатские части, то это зачастую приводило к многочисленным жертвам и, как следствие, к усилению возмущения и революционной активности масс. Об этом, в частности, со всей очевидностью свидетельствовал кровавый опыт трагических событий в Петербурге 9 января 1905 г. и во многих других городах страны. Во-вторых, конные подразделения являлись наиболее мобильными и их можно было очень быстро направить в любые отдаленные районы, города и особенно села, охваченные волнениями. Ну, а поскольку казачьи полки и сотни составляли большую часть всей кавалерии русской армии, то вполне объяснимо то обстоятельство, что против восставших довольно часто использовались именно казаки. Эффективность действий кавалеристов была таковой, что иногда даже толпу в пять тысяч человек рассеивали взвод полицейских, полувзвод конных жандармов и взвод казаков, т. е. всего 70–100 человек.

В целом казачьи части, безусловно, внесли свой «вклад» в дело подавления различных революционных выступлений. В то же время не следует впадать в крайность и утверждать, что, например,

«казаки подавили революцию», «задушили свободу», играли роль «опричников», «нагаечников» и т. п. Их доля в общем количестве войск, брошенных правительством на различные «усмирения», была далеко не преобладающей и составляла на разных этапах революции всего 15–25 %.

Оппозиционные антиправительственные выступления казаков. Несмотря на то, что основная масса армейского казачества послушно исполняла все приказы по «наведению порядка», с течением времени в его среде вполне отчетливо назревало недовольство возложенными чуждыми жандармско-полицейскими обязанностями. Более того, в некоторых случаях дело доходило до открытого неповиновения и даже до антиправительственных выступлений. Характерно это было не только для армейского казачества, хотя именно в его среде отмечалось большинство таких случаев, но и для станичного. На Дону уже в самом начале мобилизации казаков второй и третьей очередей в целом ряде станиц они не являлись на мобилизационные пункты, заявляя при этом, что «не хотят защищать помещиков». Такое поведение известных своей дисциплинированностью и исполнительностью казаков являлось событием поистине экстраординарным.

В октябре 1905 г. из Воронежской губернии домой на Дон самовольно ушли казаки 3-го Сводно-Донского полка. Тогда же от несения полицейской службы отказались казаки 5-го Донского казачьего полка. Накануне декабрьского 1905 г. вооруженного восстания в Москве официальными органами отмечались серьезные колебания в находившемся в городе 1-м Донском казачьем полку, а митинги и общее настроение казаков 1-й и 3-й сотен этого полка некоторым революционным лидерам внушали даже определенную надежду на то, что они примут участие в готовившемся восстании. Позже, уже во время самого восстания в Москве для выполнения своих целей, командование смогло привлечь только часть казаков этого полка, сведенных в отряд под командованием войскового старшины Краснушкина. Причем в борьбе с восставшими казаки этого отряда, как позже отмечали и официальные лица, и даже некоторые революционеры, проявляли «большую гуманность».

Немало разного рода брожений и открытых выступлений произошло в казачьих частях в 1906 г. В июле происходит событие, что называется из ряда вон выходящее: расположенная близ г. Бахмута Донская казачья сотня вступила в настоящий бой с пытавшимися разогнать митинг рабочих драгунами одного из кавалерийских полков. По посланной на подавление крестьянского выступления в Старицком уезде Тверской губернии армейской части открыли огонь находившиеся там казаки из состава прибывшей с фронта

4-й Донской казачьей дивизии. На защиту рабочих с оружием в руках встали казаки одной из сотен 3-го Донского казачьего полка, расквартированного в г. Вильно. В июне–июле 1906 г. казаки 3-й отдельной Донской казачьей сотни и 2-й сотни 41-го Донского казачьего полка отказались участвовать в подавлении забастовки рабочих Рутченковских рудников в Донбассе. Также в июле сотник 22-го Донского казачьего полка И. И. Минаев уговорил казаков двух сотен этого полка отказаться от направления на завод «Никополь» в Мариуполе. Позже все эти случаи стали предметом судебного разбирательства, в ходе которого на скамье подсудимых оказались 25 казаков 3-й отдельной Донской казачьей сотни, 47 казаков 2-й сотни 41-го Донского казачьего полка. Отдельный судебный процесс состоялся над сотником И. И. Минаевым. Летом–осенью этого же года отмечались многочисленные случаи отказов казаков-донцов разгонять рабочие демонстрации в Лодзи, Вильно, Донбассе и других местах.

Постоянно усиливавшееся внутреннее недовольство казаков использованием их в качестве полицейской силы нашло свое весьма красноречивое выражение в многочисленных обращениях и требованиях казаков к властям, а также в так называемом «приговорном движении», отмечавшемся как среди армейского, так и среди станичного казачества. Особенно они активизировались после созыва 1-й Государственной Думы. На имена депутатов от казачьих областей стали поступать многочисленные заявления и «приговоры», т. е. постановления казаков, в которых содержались настоятельные просьбы об освобождении их от несения несвойственных и чуждых им полицейских обязанностей. Например, казаки 31-го Донского казачьего полка в своем письме донским депутатам Думы отмечали, что они «с радостью пошли на войну (с Японией. – *В. Т.*)», но их задержали внутри страны и отправили нести полицейскую службу, а это, по мнению казаков, «позор и срам вообще казачьему званию». А в обращении в Думу казаков 1-го Сводно-Донского полка говорилось: «Молим уволить нас от полицейской службы, которая противна нашей совести и которая оскорбляет достоинство нашего славного Донского войска». В самой Государственной Думе группой депутатов был сделан специальный запрос правительству, в котором говорилось о незаконности мобилизации казачьих частей и подразделений льготных очередей для привлечения их к внутренней полицейской службе. Этот вопрос специально обсуждался и в самой Думе. Так при его рассмотрении на заседании Думы 13 июня 1906 г. выступило 13 депутатов, большинство из которых возмущалось направлением казаков на ликвидацию массовых народных выступлений, что, по их мнению, делало казаков ненавистными для народа. Донские депутаты 1-й Государственной Думы Ф. Д. Крюков,

М. П. Араканцев и В. А. Харламов выступили инициаторами думского запроса правительству о демобилизации казачьих льготных частей.

Драматические события, получившие большую известность и вызвавшие значительный общественно-политический резонанс как на Дону, так и далеко за его пределами, произошли в окружной станице Усть-Медведицкой. 17 мая 1906 г. станичным атаманом был собран станичный сход казаков, на котором в соответствии с поступившими указаниями войсковых властей планировалось составить «приговор» об имущественном и семейном положении мобилизованных казаков льготных очередей. По сути дела данный документ должен был одобрить призыв этих казаков в армию для несения «внутренней» службы. Однако в ходе станичного схода многие казаки выступили категорически против этого. Большое воздействие на собравшихся оказали страстные речи подъесаула Ф. К. Миронова и дьякона Н. Бурыкина. Сход практически единогласно отказался от навязываемого ему официального «приговора» и постановил не пускать находившихся на льготе казаков на службу. Более того, был составлен совершенно иной по содержанию «Наказ Усть-Медведицкой станицы Донским казакам», в котором среди прочего говорилось о том, что полицейская служба недостойна звания казака, охрана помещичьих имений и интересов фабрикантов противны казачьим взглядам, и содержалось требование «...казаков на службу не только не отдавать, но и возвратить уже забранных в полки 2-й и 3-й очереди». Этот, так называемый, «Усть-Медведицкий приговор», а тогдашняя печать и современники именно так называли «Наказ Усть-Медведицкой станицы Донским казакам», получил довольно большую известность и вызвал соответствующую реакцию и у казаков, и у официальных лиц, и в различных общественных слоях в страны.

Аналогичный по содержанию «наказ» был принят и на сходе казаков еще одной донской станицы Усть-Быстрянской. В нем даже содержались более радикальные политические требования: провозглашение конституционной монархии, а Думу высшим законодательным органом.

Таким образом, бурные события революции 1905–1907 гг. самым непосредственным образом затронули и вовлеченное в них в той или иной степени и армейское, и станичное казачество. При этом и сами события, и уроки, извлеченные из них казаками, не прошли для них бесследно. Непосредственно в период резолюции в сознании казачества весьма отчетливо обозначились две противоречивые тенденции. С одной стороны, верность гражданскому и воинскому долгу, присяге, идеям законности и правопорядка, а с

другой – обозначившееся внутреннее чувство известной солидарности со многими требованиями основной массы народа, нежелание выполнять насильно навязанные чуждые и ненавистные душе жандармско-полицейские функции. Но подавляющее большинство казаков, несмотря на серьезные внутренние переживания, послушно выполняло приказы командования по борьбе с революционными выступлениями, стойко выносило все тяготы возложенных полицейских обязанностей и негативные оценки своей роли и конкретных действий по «наведению порядка» в стране со стороны довольно широких слоев либерально настроенной общественности. В то же самое время революция достаточно серьезно повлияла на вполне определенные, хотя в значительной степени еще отчетливо не проявлявшиеся, изменения в некоторых традиционных устоявшихся идеологических и общественно-политических взглядах казачества, а отчасти даже в его общем мировоззрении.

§ 3. Войско Донское перед Первой мировой войной

Административное устройство, население, управление, экономика, землевладение. Область Войска Донского занимала обширную территорию около 3 тыс. квадратных верст. В административно-территориальном отношении она делилась на 9 округов: Черкасский, Первый Донской, Второй Донской, Усть-Медведицкий, Хоперский, Донецкий, Сальский, Ростовский и Таганрогский. Административным центром области являлся г. Новочеркасск. На ее территории располагались 5 городов, 1 посад, 134 казачьих станиц, включая 13 калмыцких, 163 крестьянских волостей.

К 1914 г. в области проживало около 4 млн человек, из которых без малого 1,5 млн казаков (42 % всего населения области), около 1 млн коренных крестьян (23,5 %), 1,1 млн иногородних (29 %). На Дону жили представители более 40 наций и народностей.

Высшим должностным лицом в Войске являлся назначаемый императором наказной атаман. Он назначал атаманов отделов. Внутренний порядок управления в войске основывался на «Положении об общественном управлении станиц казачьих войск» 1891 г. Основной административной единицей в войске являлась станица. В административную систему станичного управления входили станичный сход, фактически представлявший собой формально запрещенный традиционный казачий круг, а также избираемые на нем всеми казаками-домохозяевами станицы станичный атаман и члены станичного суда. Всеми внутренними делами ста-

ницы ведало станичное правление в составе станичного атамана, его помощника, писарей и казначея. В компетенцию двух членов станичного суда, избираемых на три года, входило рассмотрение местных тяжб, различных ссор и проступков казаков.

Донская область имела довольно развитую экономику. Ведущее место в ней занимал аграрный сектор (земледелие и скотоводство). Доминирующее положение в нем имело зерновое хозяйство. Накануне войны область занимала третье место в стране по объемам вывозимого хлеба. Успешно развивались и такие отрасли сельскохозяйственного производства, как садоводство, огородничество, табаководство, виноградорство. Важную роль играло рыболовство. Основным направлением скотоводства было мясное. Значительные масштабы имело и коневодство. Ведущими районами скотоводства и коневодства являлись Второй Донской, Усть-Медведский и Сальский округа.

Высокими темпами в области развивалась промышленность. Промышленное производство сосредотачивалось, главным образом, в Таганрогском, Донецком и Ростовском округах. Крупные металлургические заводы располагались в Таганроге, Сулине, Макеевке.

К 1914 г. область занимала второе место в стране по добыче каменного угля. Постоянно увеличивались объемы производства пищевой и легкой промышленности, особенно сельхозперерабатывающей и табачной.

В Донской области успешно функционировали различные кредитно-финансовые учреждения, оперировавшие значительными объемами финансовых средств. Некоторые из них, как например Азово-Черноморский банк, являлись крупнейшими в стране. Бурными темпами росла внутренняя и внешняя торовля, через порты Ростова и Таганрога, особенно зерном и другой сельхозпродукцией (почти ежегодно только за границу донского хлеба продавалось на огромнейшую по тем временам сумму в 100 млн рублей). Однако в общем объеме крупных капиталов, оперировавших в области, наряду с большой долей отечественного (64,8 %) и особенно иностранного (28,7 %), размеры капиталов казаков-предпринимателей были весьма скромными (6,5 %). Это являлось следствием, среди прочего, негативного отношения правительственных структур к занятию казаками торгово-предпринимательской деятельностью.

Все земли в области делились на войсковые, являвшиеся собственностью Войска; частновладельческие, принадлежавшие частным лицам (помещикам и иным); земли городов, монастырей. Войско Донское владело 12 млн десятин земли, что составляло порядка 77,3 % всей территории области. Вся войсковая земля подразделялась на три основные категории: на юртовую, предна-

значенную на отвод станицам, на частные наделы генералов, офицеров и чиновников Войска, и на разные войсковые надобности, и на так называемый войсковой запас. Каждой станице отводился земельный участок (юрт), для обеспечения наделов всех казаков данной станицы, исходя из установленной законодательной нормы в 30 десятин на каждую взрослую мужскую душу войскового сословия. Все станичные земли закреплялись в общинном владении и не могли передаваться в чью-либо собственность. Из общего количества земли, отведенной той или иной станице, выделялись отдельные участки под так называемые общественные нужды (под станичные сенокосы, выгоны для скота, дороги и т. п.).

Положение казачества. В силу исторически сложившегося положения казачество играло доминирующую роль во всей общественно-политической сфере Области Войска Донского. В соответствии с действовавшим законодательством казаки в полном объеме обладали избирательными правами при выборе в местные станичные органы казачьего самоуправления.

На Дону существовала особая форма землевладения и землепользования, которая оставалась практически неизменной вплоть до Первой мировой войны. Все казачьи земли на территории области юридически на праве собственности принадлежали непосредственно Войску. При этом прав купли-продажи войсковой земли казаки не имели. В области существовала система надельного землепользования. По достижении 17 лет каждый казак получал положенный ему по действовавшим юридическим нормам «Положения» 1835 г. земельный пай (надел) размером в 30 десятин. Однако в силу естественного прироста казачьего населения и ограниченного общего количества земли в области к 1914 г. в среднем в Войске на казачий пай приходилось порядка 13,5 десятин земли, из которых только около 11 десятин являлось пригодной для земледелия (так называемой «удобной»).

С течением времени среди казачества увеличивалась социальная дифференциация. Накануне Первой мировой войны более 24 % всех казачьих хозяйств являлись бедняцкими, около 52 % – средняцкими, около 24 % – кулацкими. Неуклонному росту имущественного расслоения и ухудшению общего уровня благосостояния основной массы казачества самым непосредственным образом способствовало постоянное увеличение расходов и на выполнение казаками законодательно оформленных многочисленных повинностей, связанных с этим существенных материальных издержек. Основной обязанностью казаков являлась всеобщая длительная и тяжелая воинская служба. Даже после сокращения ее срока в 1909 г. на 2 года, она продолжалась целых 18 лет. Из них

один год казаки находились в «приготовительном» (т. е. подготовительном) разряде, 12 лет – в «строевом» разряде, подразделявшемся на три очереди по 4 года каждая, 5 лет – в «запасном» разряде. Непосредственно на действительной службе в армии казаки находились 4 года, будучи в первой очереди строевого разряда. Даже после прихода из армии и зачисления во второю очередь они сохраняли полную мобилизационную готовность, держали строевого коня, все необходимое обмундирование и снаряжение, регулярно проходили тренировочные военные сборы и по первому приказу сразу же вновь отправлялись на военную службу.

По закону, отправляясь на службу в армию, каждый казак обязан был за свой счет приобрести строевого коня, стоившего очень дорого, холодное оружие, полный комплект необходимого снаряжения и обмундирования (седло, сбрую, полушубок, шинель, мундиры парадный и строевой, сапоги, рубахи и т. п.). Для того чтобы «справить службу», каждому казаку накануне I-й Мировой войны требовалось порядка 250–300 рублей. По тому времени это была весьма значительная сумма, существенно превышавшая целый годовой доход середняцкого казачьего хозяйства. Поэтому необходимые финансовые средства казачьи семьи копили в течение многих лет. Но вынужденная экономия на необходимых хозяйственных расходах, не говоря уже о личных, существенно осложняла экономическое положение не только бедняцких, но и середняцких казачьих хозяйств, негативно сказывалась на общем благосостоянии основной массы казачества.

Казаки очень серьезно относились ко всем возложенным на них обязанностям, особенно к выполнению воинского долга. При этом служба в армии рассматривалась ими как форма государственной службы, реализация незыблемого для казачества принципа служения Отечеству.

Казаки также обязывались постоянно поддерживать высокий уровень боевой и мобилизационной готовности, выполнять постойную и подводную повинности, осуществлять дежурство на собственных конях и подводах при станичных правлениях, нести местную охранную, конвойную и пожарную службу, безвозмездно работать на так называемых общественных работах по уборке урожая зерна и сена для станичных общественных хлебных и кормовых запасов, строительству дорог, мостов, общественных зданий административных, образовательных учреждений.

В то же время личных и подземельных налогов казаки не платили. За счет бюджета станицы они пользовались бесплатным медицинским обслуживанием и правом на получение начального образования. Уровень грамотности среди донского казачества был очень

высокий и составлял без малого 69 %, в том числе более 85 % среди казаков и 48 % среди казачек. (В целом по стране уровень грамотности тогда составлял только около 21 %.)

Таким образом, накануне войны общий уровень развития политических, социальных и экономических отношений в Войске Донском являлся довольно высоким. Значительных объемов достиг экономический потенциал Войска в целом и казачьих хозяйств в частности, хорошо развивалась социальная сфера. Имевшиеся в Войске проблемы и противоречия, в частности в области взаимоотношений казачьего и неказачьего населения, социально-экономического положения казачьих хозяйств, межэтнических взаимоотношений, социально-классовых антогонизмов, хотя и имели известную остроту, но не оказывали доминирующего влияния на его текущую жизнедеятельность и направления дальнейшего развития.

§ 4. Культура донского казачества в начале XX в.

Донская культура начала XX века базировалась на достижениях предыдущей эпохи, в рамках которой происходило освоение и укоренение на Дону основных форм европейской культуры, таких как литература, театр, профессиональное музыкальное творчество, изобразительное искусство, публицистика, литературно-художественная критика.

Другая особенность этого периода состояла в том, что донская культура влилась в русскую, стала ее органической частью. Это проявилось в открытии филиалов различных российских организаций и обществ и активном включении донской интеллигенции в деятельность столичных обществ (Русское географическое общество, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Товарищество передвижных художественных выставок). Установление связей с культурными центрами России способствовало возвращению на Дон талантливой молодежи, получившей образование в крупнейших университетах и других учебных заведениях России. Импульсом для подъема культуры стало создание в конце века новых административных округов и включение в состав Войска Таганрога (1887) и Ростова (1888), обладавших значительным творческим потенциалом.

Естественное развитие культуры на Дону происходило до начала Первой мировой войны. В ходе войны и последовавшей за ней революцией постепенно разрушается созданная система духовных ценностей, утрачиваются существовавшие формы художественного

творчества. После 1920 г. в России казачья культура находится на «нелегальном» положении, но развивается в эмиграции.

Образование и наука. Первым специальным светским учебным заведением в системе высшего образования явился Алексеевский донской политехнический институт, открывшийся в 1907 г. Донские казаки неоднократно ставили вопрос об открытии на Дону технического вуза и выражали желание оказывать материальную поддержку его строительству. Еще в 1906 г. они передали на сооружение института 22 тысячи рублей, а еще 200 тысяч пожертвовали донские предприниматели. Уже после принятия решения Войско Донское в 1907 г. добилось в военном министерстве выделения из войскового капитала 500 тысяч рублей на устройство Донского политехнического института (ДПИ).

Характерно, что в то время предусматривалось принимать на учебу в ДПИ ежегодно 150 человек, из них 50 % должны были набираться только из «коренных обитателей Области Войска Донского», а остальные 50 % – из иногородних. Плата за обучение составляла 50 рублей, а первый набор в ДПИ выявил свыше 1000 желающих поступить в первый донской вуз, т. е. конкурс с учетом предоставляемых льгот составлял 7 человек на одно место. Кстати, дополнительно в первом наборе 17 человек стали слушателями по рекомендации Министерства торговли и промышленности и наказного атамана А. В. Самсонова.

Костяк профессорско-преподавательского контингента ДПИ составили сотрудники Варшавского политехнического института, закрытого властями из-за студенческих волнений в начале 1906 г., но вскоре осенью 1908 г. после возобновления занятий в Варшаве многие профессора вернулись обратно. Среди первых профессоров ДПИ мы видим таких известных ученых, как знаменитые математики Д. Д. Мордухай-Болтовской, М. Ф. Зимин, Г. Ф. Вороной, гидротехник В. И. Дейч, архитектор Б. С. Рогуйский, минералоги П. П. Сущинский и Б. Б. Полынов, зоолог В. П. Быков, ботаники В. М. Арциховский и И. В. Новопокровский. Первую лекцию первым студентам прочел в ДПИ профессор, член-корреспондент Петербургской Академии наук Георгий Федосеевич Вороной.

Первоначально институт не имел собственного комплекса зданий и казачество прилагало максимум усилий, чтобы обеспечить первых студентов всеми необходимыми помещениями и лабораториями. Только в 1911 г. 9 октября была проведена церемония закладки первого камня в основание вуза в одном из красивейших городских мест – Николаевском саду. С этого момента началось строительство грандиозного архитектурного комплекса корпусов ДПИ, которое завершилось только к 1930 г., и то благодаря ак-

тивному вмешательству известного государственного деятеля тех лет Л. Б. Каменева.

На момент образования институт включал четыре факультета: горный, механический, химический, инженерно-мелиоративный. Инженерно-мелиоративный факультет, надо заметить, был первым в России, а его выпускники стали пионерами всех последующих поколений мелиоративных кадров, получивших высшее образование в нашей стране.

Вслед за Донским политехническим институтом вскоре появились еще одиннадцать высших учебных заведений, среди которых следует выделить классический университет, созданный в Ростове-на-Дону в 1915 г. на основе эвакуированного Варшавского университета. Все вместе эти вузы составили достаточно стройную систему высшего образования, которая учитывала специфику края, необходимость насыщения его специалистами определенного профиля и пожелания самого казачества. Студентов готовили по индустриальным, аграрным, торгово-коммерческим, медицинским, гуманитарным, в том числе педагогическим специальностям. Женщинам тоже предоставили возможность получать высшее образование.

В рассматриваемый период можно выделить целый ряд известных исследователей, обращавшихся к изучению донской истории: А. А. Карасева, И. И. Краснова, А. И. Савельева, Е. И. Савельева, М. Х. Сенюткина. Огромную организаторскую работу выполнил Харитон Иванович Попов – основатель и первый директор Донского музея в Новочеркасске, в котором были собраны многие исторические памятники: грамоты и отписки, археологические находки, оружие, знамена, боевые трофеи, станичные архивы. Он одним из первых исследовал остатки хазарской крепости Саркел (Белая Вежа) у станицы Цимлянской, подготовил к изданию в 1903 г. полный текст книги В. Д. Сухорукова «Историческое описание Земли Войска Донского», издал сборник «Акты, относящиеся к истории Войска Донского», выпустил целый ряд исторических трудов, среди которых «Краткий очерк Донского казачества» и «Донской атаман Ермак Тимофеевич».

Постоянное расширение возможностей для получения образования обеспечило выходцам Дона успешную творческую деятельность во многих отраслях естествознания. Имя полярного исследователя, сына рыбака с хутора Кривая Коса Г. Я. Седова знает весь цивилизованный мир. Велик вклад в русскую науку выдающегося ученого-геолога И. В. Мушкетова. Первый русский профессор географии А. Н. Краснов – уроженец станицы Каргинской. Он путешествовал по Кавказу, Средней Азии, Китаю, Японии, Цейлону, острову Яве и основал ботанический сад в Сухуме, где культиви-

ровал тропические растения. Среди выходцев Дона немало известных медиков своего времени, таких как А. В. Ходин; профессор Военно-медицинской академии Л. Г. Попов; профессор Военно-медицинской академии, автор 50 научных публикаций С. М. Васильев; профессор Военно-медицинской академии И. Н. Горелов; профессор, автор многих научных публикаций по судебной медицине Д. П. Косоротов; патологоанатом Н. Ф. Мельников-Разведенков, участвовавший в мумификации тела В. И. Ленина.

Больших успехов добились уроженцы Дона в военно-инженерном деле. М. И. Кучеров изобрел военный прожектор особой конструкции и упростил способ добывания кислорода. Заслуги ученого-артиллериста генерала А. С. Платова позволили ему занять должность начальника Михайловской артиллерийской академии. Инженерная мысль донцов буквально перешагивала пределы края, оставляя и много полезного на своей родине. Так, В. И. Иванов усовершенствовал процесс добывания соли в Бахмуте, а А. В. Миненков изобрел особый способ извлечения ртути.

Периодическая печать и библиотеки. Стремительное распространение грамотности и природная любознательность донцов вызывали потребность в получении разного рода знаний. Эти запросы удовлетворяла, прежде всего, периодическая печать – газеты и журналы. Одним из самых популярных и авторитетных периодических изданий была газета «Приазовский край», выходившая в Ростове-на-Дону с 90-х годов. Примечательно, что сотрудники газет были и жители городов, в первую очередь Новочеркасска, и корреспонденты из донских станиц.

Сочетание литературного творчества с журналистикой можно назвать одной из характерных черт донского литературного процесса. В частности, Ф. Д. Крюков с 1909 г. был сотрудником Петербургского «Русского богатства»; Л. С. Серафимович (Попов) начал свою журналистскую карьеру в Ростовском «Приазовском крае», затем перешел в «Донскую речь».

Периодика не могла в полной мере удовлетворить интересы читателей, поэтому возникла потребность в общественных библиотеках. В Новочеркасске первая библиотека открылась в 1859 г. Ее учредителем стало Общество донских торговых казаков. За пользование книгами надо было платить. В 60-х годах библиотеки появляются в двух окружных станицах – Нижне-Чирской и Усть-Медведицкой, позже в Константиновской. Параллельно развивается книготорговля. В 1876 г. в Новочеркасске создается Общество распространения полезных книг, имевшее книжные склады во многих пунктах. Книжные магазины открывались при библиотеках и коммерческих клубах. Позже подобные отделы появляются

в самых неожиданных торговых заведениях (например в галантерейном магазине или посудной лавке).

Литература. В конце XIX в. на Дону складываются и развиваются самобытные литературные традиции. Широкую известность приобрела творческая деятельность Ф. Д. Крюкова, которого впоследствии рассматривали как одного из возможных авторов «Тихого Дона». Выдающийся донской прозаик родился в станице Глазуновской, но учился и работал в Петербурге, причем активная общественная деятельность способствовала избранию его депутатом 1-й Государственной думы. Печататься Ф. Д. Крюков начал с 1892 г., один за другим публикуя в российских газетах и журналах прекрасные рассказы о жизни и быте донского казачества. Ранние исторические рассказы посвящены «бунташной» разинской и булавинской старине: «Гулебщики» (1892), «Шульгинская расправа». В 1896 г. Ф. Д. Крюков пишет один из лучших своих рассказов «Казачка», где проявляет себя как мастер психологического портрета. С замечательной достоверностью переданы речь и образ мысли казаков, обаяние и консерватизм казачьего быта. Особо плодотворно складывалось сотрудничество Ф. Д. Крюкова с журналом «Русское Богатство», который редактировал В. Г. Короленко. В 1909 г. донской писатель перешел туда на постоянную работу. Первая его книга очерков и рассказов под названием «Казацкие мотивы» вышла в 1907 г., а перед самой войной, в 1914 г., в Московском книгоиздательстве писателей появилась вторая прижизненная работа «Рассказы».

Музыкальное и театральное творчество. Навыки игры и пения казаки приобретали в общеобразовательных учебных заведениях, занятиях с частными учителями и, конечно, в практическом участии в деятельности хоров, оркестров, ансамблей. По-прежнему важную роль в приобщении к хоровому пению играла церковь. Во многих храмах действовали прекрасно звучавшие хоры. Особым мастерством отличался хор войскового Воскресенского собора в Черкасске.

Пение и музыка становятся обязательными дисциплинами во всех средних и в большинстве начальных учебных заведений. О навыках пения и репертуаре можно судить по учебным пособиям. Знание погласиц (кратких интонационных оборотов), молитв, простых песнопений праздников (тропарей) было обязательным для каждого ученика. Разучивались и светские сочинения: «Многая лета» Д. С. Бортнянского, «Боже, царя храни» А. Ф. Львова.

Новый период в профессиональной подготовке музыкантов начался с открытием в Ростове в 1896 г. Отделения Императорского Русского музыкального общества (ИРМО). В музыкальных клас-

сах обучали игре на фортепиано, скрипке, виолончели, контрабасе, флейте, кларнете, трубе, валторне.

Для музыкально одаренных детей в Ростове открывается в 1900 г. музыкальное училище. В 1908 г. создаются специальные музыкальные классы в Новочеркасске. С их успешной деятельностью связаны имена талантливых композиторов, музыкантов-педагогов Ф. И. Попова, М. Ф. Гнесина, а также знатока донского песенного фольклора А. М. Листопадова. Выпускники-отличники музыкального училища получили право работать учителями музыки, дирижерами хоров. Все окончившие училище могли сделать карьеру преподавателя общеобразовательных дисциплин в приходских и начальных училищах.

Хотя в Новочеркасске, благодаря Мариинскому институту и частным школам, также появляются свои солисты, музыкальная слава донской столицы по-прежнему была связана с хоровым и оркестровым исполнительством. Триумф хорового искусства стал очевидным во время празднования следовавших один за другим юбилеев (1911 г. – 100-летие войсковых хоров, 1912 г. – 100-летие Отечественной войны 1812 г., 1913 г. – 300-летие Дома Романовых и др.). Наряду с Войсковым (включавшим оркестр) и Архиерейским профессиональными хорами, существовали и любительские в учебных заведениях всех типов: Новочеркасской духовной семинарии, духовном училище, гимназии, юнкерском училище, кадетском корпусе.

Уроки пения в школах занимали до четырех часов в неделю, правда, репертуар не отличался разнообразием. Его составляли духовные сочинения Д. С. Бортнянского, А. Ф. Львова, П. И. Турчанинова, хоры из оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя», гимн «Боже, царя храни», казачьи и солдатские песни. Следует напомнить, что учащиеся, как правило, знали и круг богослужения, включавший огромное число песнопений.

Оркестровых музыкантов, как и в последней трети XIX в., обучали в двух школах – войсковых и атаманских. Школа атаманских музыкантов готовила инструменталистов для привилегированных гвардейских частей. С 1899 г. Войсковой оркестр (музыкантский хор) начинает давать самостоятельные концерты с солистами – пианистами, скрипачами, виолончелистами. Концертный сезон оркестра планировался так, что наибольшее число выступлений приходилось на теплое время года (с весны до осени), в то время как зима была театральной. Казачьи и солдатские походные песни юноши приготовительного разряда осваивали непосредственно перед службой под руководством вахмистра. Отправляясь в полк, казак нередко имел рекомендации «песельника». Многие солдаты и казаки возвращались со службы с навыками игры на духовых

(труба, кларнет) и ударных инструментах (бубен, барабан, трензель, тарелки). Со второй половине XIX в. оркестры существовали уже во всех полках и артиллерийских батареях российской армии. В штате были обязательные команды песенников и музыкантов (оркестрантов). Хотя военные артисты проходили службу и получали армейские специальности наравне с другими, в мирное время они меньше задействовались в изнуряющих тренировках, вместо этого упражняясь в искусстве.

Театр на Дону развивался в условиях антрепризы – частной инициативы и вложений. Антрепренер (чаще актер или режиссер) нанимал помещение, набирал труппу, формировал репертуар и гастрольную политику. Особенностью театра того времени была потребность в разносторонних актерах; им нередко приходилось играть в драматических спектаклях, петь, танцевать, поскольку в репертуаре были и драма, и оперетта, и балет.

В начале XX в. Новочеркасский театр стал одним из лучших в провинции во многом благодаря усилиям и таланту Н. Н. Синельникова. Ему удавалось сочетать в репертуаре развлекательные и серьезные пьесы, привлечь талантливых актеров – В. Ф. Комиссаржевскую, Н. П. Рощина-Инсарова, А. И. Медведеву, К. А. Каратыгина. В Таганроге развивался по преимуществу театр музыкальный, причем ежегодно здесь работала приглашаемая итальянская оперная труппа.

Изобразительное искусство. Со второй половины XIX в. на Дону появляется профессиональное изобразительное искусство. Безусловно, этот факт связан с длительной и целенаправленной политикой войсковой администрации в области народного просвещения. Большое значение имело то обстоятельство, что благодаря меценатам у провинциалов появлялась возможность знакомства с высшими образцами художественного гения. Так, в Таганроге благодаря Н. Д. Алфераки, вернувшемуся в 1860 г. из Петербурга, появилось более сотни картин, среди которых были творения Рубенса, Веласкеса, Брюллова, Айвазовского. В Ростове торговцы хлебом и меценаты Генч-Оглуевы имели коллекцию картин, которую иногда выставляли публично. В итоге выросла целая плеяда талантливых художников: И. И. Болдырев, М. Б. Греков, И. И. Дубовской, Н. Н. Дубовской, И. Л. Калмыков, Н. И. Карпов, А. З. Краснушкин, И. И. Крылов, К. В. Попов, К. А. Савицкий, М. С. Сарьян.

В 80-х годах в Новочеркасске сложилась группа художников – последователей творческих идей Товарищества передвижных художественных выставок. Ее возглавил член Петербургского товарищества Н. Н. Дубовской. Очень важной стороной деятельности Товарищества была организация художественных выставок в про-

винциальных городах России, а также вовлечение в орбиту своих художественных интересов молодежи из провинции. В начале века художники К. А. Савицкий, Н. Н. Дубовской, И. И. Крылов продолжали линию, начатую во второй половине XIX в., художниками-передвижниками.

Особого внимания заслуживает творческая деятельность Н. Н. Дубовского, который в истории русской живописи известен как выдающийся пейзажист. Он стремился донести с помощью своего искусства красоту родного края и тем самым пробудить интерес к истокам народной жизни (картины «Мишкина балка» и «Родина»). В знак признания заслуг художника его избрали академиком Академии художеств, а с 1911 г. он стал профессором мастерской пейзажа. Им созданы неповторимые эпически-обобщающие образы русской природы (картины «Притихло», «Радуга», «Зима»). Великолепны марины (морские пейзажи) Н. Н. Дубовского – «Море» и «Утренний бриз». Его творчество и сегодня поражает вечностью и актуальностью тематики, открытым душевным взглядом человека на окружающий мир.

Неисчерпаемость народных талантов в живописи поддерживалась кропотливой и самоотверженной работой преподавателей. Именно они отыскивали «алмазы» в казачьих станицах и превращали их в «бриллианты изобразительного искусства». Среди них надо отметить таких художников-педагогов, как В. К. Моргунов (станица Каменская), И. П. Масалов (станица Усть-Медведицкая), В. А. Груздев (станица Урюпинская).

Накопление произведений изобразительного искусства выдвинуло задачу их сохранения и пропаганды. С этой целью в конце 90-х годов XIX в. в Таганроге создается при активном содействии А. П. Чехова первый художественный музей. На Дону появляются и талантливые скульпторы, среди которых необходимо отметить Д. К. Бударина и С. Г. Королькова.

§ 5. Донские казачьи депутаты в 1-й Государственной Думе

Неуклонно усиливавшееся в стране в 1905 г. революционное движение самого разного характера вынудило царя и его правительство пойти на значительные уступки в плане частичной демократизации общественно-политической жизни. 17 октября 1905 г. был издан Манифест императора Николая II, в котором говорилось о «даровании населению незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свобо-

ды, совести, слова, собраний и союзов», а также о предоставлении широким слоям населения избирательных прав при выборах в Государственную Думу. С этого времени никакой закон в стране не мог вступить в силу без одобрения Государственной Думой. По сути дела, с изданием данного манифеста в России завершался период правления в виде неограниченной монархии.

В марте 1906 г. состоялись выборы в 1-ю Государственную Думу. Они были не прямыми и не всеобщими. В соответствии с действовавшим сложным и отчасти даже запутанным законодательством, Область Войска Донского в плане выборов депутатов в Государственную Думу была полностью приравнена к обычной российской губернии. Поэтому выборы в ней должны были проходить на общих основаниях, а депутаты в Думу избирались, как и во всех губерниях, от территории и по соответствующим четырем куриям избирателей (помещиков, буржуазии, рабочих, крестьян). Выборы были не прямыми (для крестьян – четырехстепенные, для рабочих – трехстепенные, для дворян и буржуазии – двухстепенными). Непосредственно депутатов Думы избирали выбранные от каждой курии специальные выборщики. Так все казачье население Области Войска Донского, имевшее избирательные права, выбирало 79 выборщиков, которые, в свою очередь, уже избирали депутатов Думы.

В таком же положении, как и Донская, оказались Оренбургская и Астраханская казачьи области. А во всех других казачьих областях страны выборы проходили по особым избирательным правилам, в соответствии с которыми депутаты в Думу здесь избирались непосредственно от казаков того или иного Войска.

В 1-ю Государственную Думу от Области Войска Донского всего было избрано 12 депутатов. Из них 6 депутатов представляли непосредственно донское казачество. Партийная принадлежность донских казачьих депутатов была следующей: 2 из них являлись членами партии конституционных демократов (кадетов), 1 – примыкающим к этой партии, 2 входили в «Прогрессивную партию мирного обновления» (прогрессистов), 1 был членом так называемой «трудовой группы» (трудовиков). Наиболее известными и авторитетными среди казачьих депутатов были: один из донских казачьих кадетских лидеров учитель Новочеркасской женской гимназии В. А. Харламов, товарищ (заместитель) прокурора Таганрогского окружного суда М. П. Араканцев, писатель Ф. Д. Крюков. Вместе с большинством депутатов Государственной Думы от других казачьих войск страны они активно выступили против использования царским правительством казачьих частей для борьбы с различными народными выступлениями. В результате от имени депутатов Думы правительству был направлен официальный запрос о законности

мобилизации казачьих частей и подразделений льготных 2-й и 3-й очередей строевого разряда для привлечения их к «внутренней», т. е. полицейской службы. Этот думский запрос красноречиво свидетельствовал о незаконности действий правительства по привлечению казаков к полицейской службе и вызвал большой общественный резонанс в стране, особенно в казачьей среде. Причем данный вопрос, очень сильно волновавший большинство казаков, особенно льготных очередей, по инициативе казачьих депутатов особо обсуждался в Государственной Думе 13 июня 1906 г. При его рассмотрении выступило 13 депутатов, большинство из которых возмущалось направлением казачьих войск на подавление массовых народных выступлений. По справедливому мнению казачьих депутатов это приводило к негативному отношению населения к казакам и даже, по их словам, «делало казаков ненавистными для народа». На этом же заседании Государственной Думы с большой и яркой речью, посвященной «казачьему вопросу» в целом, выступил и известный донской литератор и общественный деятель Ф. Д. Крюков. Он очень аргументированно и убедительно показал полную несостоятельность утверждений о якобы особой жестокости казаков и их «баснословных привилегиях», раскрыл истоки этих легенд. Причем все его заявления были подтверждены точными цифрами и конкретными фактами. Выступление Ф. Д. Крюкова с думской трибуны вызвало большое внимание и бурное обсуждение в разных слоях русского общества.

В то же время трое других депутатов Думы от донского казачества выступили против большинства казачьих депутатов, осуждавших привлечение казаков к полицейской службе, и заявили о необходимости при рассмотрении данного вопроса «уповать на волю государеву», т. е. исходить из государственных интересов и соответствующих решений императора и его правительства.

По результатам состоявшихся слушаний Государственная Дума приняла решение образовать специальную парламентскую комиссию для рассмотрения вопроса об обоснованности использования казачьих частей в качестве полицейской силы и освобождении казаков от выполнения полицейских обязанностей. В состав этой довольно представительной думской комиссии вошло 33 депутата. Однако работа данной комиссии не была завершена и не привела к каким-либо конкретным результатам.

Донские казачьи депутаты 1-й Государственной Думы М. П. Араканцев, Ф. Д. Крюков, В. А. Харламов выступили инициаторами особого думского запроса правительству о немедленном роспуске, т. е. демобилизации всех льготных казачьих частей, состоявших из казаков 2-й и 3-й очередей и призванных в армию для «поддержания порядка внутри империи» (т. е. для

несения полицейской службы). Этот официальный запрос Думы также вызвал большой интерес и значительный отклик в казачьей среде, несмотря на то, что и его правительство практически проигнорировало.

Донские казачьи депутаты немалое внимание уделяли и вопросу расширения самоуправления в казачьих областях. И хотя каких-либо конкретных результатов в данном плане в 1-й Думе им добиться не удалось, сами по себе данные устремления разделялись значительной частью казачества, особенно казачьей интеллигенции. 4 донских депутата вошли в думскую группу «Союза автономистов», в составе которой объединились многие депутаты от национальных меньшинств. Одним из основных программных требований этой группы являлась децентрализация государственного управления, которая должна была быть осуществлена на установленных специальными законами принципах широкой автономии всех областей страны и общих демократических началах. При этом объемы и масштабы данной автономии должны были устанавливаться в соответствии с мнением населения каждой отдельной области или национально-территориальной административной единицы страны. Члены группы особое внимание обращали на тот факт, что настаивая на принципах «представительства», т. е. самоуправления, а не национальных особенностях областей, они стремятся не к их национальной обособленности, а к децентрализации государственного управления от высших органов власти к местным.

8 июля 1906 г., всего через 72 дня после начала ее работы, царь распустил 1-ю Государственную Думу заявив, что она не успокаивает народ, а разжигает страсти.

§ 6. Казачьи депутаты во 2-й, 3-й и 4-й Государственных Думах

Накануне и в ходе состоявшихся в феврале 1907 г. выборов во 2-ю Государственную Думу правительство предпринимало большие усилия с целью обеспечения избрания в нее консервативно настроенных депутатов. Но его расчеты не оправдались, 2-я Дума оказалась еще более оппозиционной императору и правительству, чем предыдущая.

В состав 2-й Государственной Думы от Области Войска Донского вошло 11 депутатов (Панфилов, Петровский, Ушаков, Ворон-

ков, Петров, Каклюгина, Нестеров, Араканцев, Харламов, Фомин, Афанасьев). Из их числа непосредственно от донского казачества было избрано 6 депутатов, 4 из которых являлись членами кадетской партии.

При обсуждении в Думе общеполитических вопросов большинство донских казачьих депутатов занимало оппозиционные правительству позиции. В частности, они поддержали требования политической амнистии и отмены смертной казни.

Но все свое основное внимание они, объединившись вместе с кубанцами в так называемую «Казачью группу» в Думе, сосредоточили на попытках постановки и выработки путей решения имевших, по их мнению, первостепенное значение для казачества проблем – порядка воинской службы казаков и внутреннего войскового управления в плане расширения казачьего самоуправления. Донские депутаты разработали и внесли в Думу на рассмотрение 4 законопроекта: «Об изменении порядка наряда на службу казаков», «Об изменении срока действительной службы в казачьих войсках», «О реформе станичного управления», «Об отмене положения о станичных плодовых табунах». 2 из этих 4 законопроектов были рассмотрены депутатами Думы.

Кроме этого, донскими казачьими депутатами был разработан и особый законопроект о существенном видоизменении высшего войскового управления. В соответствии с ним, все высшее войсковое управление должно было разделяться на органы правительственной власти, функции которых определялись бы исключительно потребностями общегосударственного управления общероссийским законодательством, и органы местного казачьего самоуправления, получавшие значительные властные права и управленческие функции. Во главе каждого казачьего войска должен был находиться войсковой атаман, избираемый всем казачьим населением и утверждаемый императором. Атаман являлся бы высшим должностным лицом в войске и контролировал бы законность действий всех органов местного казачьего самоуправления. Главным органам высшего казачьего самоуправления должен был стать войсковой круг (рада, сбор, съезд), делегаты которого также должны были избираться всем казачьим населением на 3 года. В его ведение передавались бы все вопросы «местных казачьих нужд», прежде всего казачье землевладение и землепользование, хозяйственные войсковые дела, особенно связанные с отбыванием казаками воинской повинности. Кругом должен был избираться главный войсковой исполнительный органа – войсковое правительство. И хотя данный законопроект его разработчики не успели внести на обсуждение в Думе, сам факт его появления и особенно содержание вызвали

вполне определенный общественный отклик, прежде всего в среде казачьей интеллигенции всех казачьих войск страны.

По настоянию казачьих депутатов 2-й Государственной Думой была принята специальная рекомендация («пожелание») правительству относительно расширения функций казачьего самоуправления. Она предусматривала немедленное введение в казачьих областях широкого местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права всего казачьего населения, выделение из ведения военного управления гражданских, культурных, экономических вопросов казачьей жизни, передачу их органам местного казачьего самоуправления, а также изъятие органов гражданского казачьего управления из ведения военного министерства. Но данное пожелание Думы правительство оставило без внимания, поскольку оно значительно умаляло прерогативы государства в области существовавшей системы высшего управления в казачьих войсках.

После роспуска царем 3 июня 1907 г. 2-й Государственной Думы и издания нового избирательного закона, количество выборщиков и, соответственно, избираемых ими депутатов Думы от рабочих и крестьян сократилось на половину.

В 3-ю Государственную Думу, работавшую в период с ноября 1907 г. по июнь 1912 г., от Донской области вошло 12 депутатов. 6 из них являлись кадетами, а другие 6 человек относились к умеренно-правым. В то же время в целом по стране большинство получили представители правых партий. Казачество в ходе этих выборов в основном поддерживало казаков-кандидатов от «Прогрессивной партии мирного обновления» и кадетской партии. Избранный донскими казаками в Думу И. Н. Ефремов даже стал председателем думской фракции прогрессистов. Таким образом, большинство донского казачества на данных думских выборах продемонстрировало свою довольно либеральную политическую ориентацию. Это достаточно красноречиво свидетельствовало о весьма значительных изменениях в общественно-политических умонастроениях казаков, традиционно считавшихся опорой самодержавия и прочной базой консервативных сил.

Донские казаки-депутаты 3-й Думы выступили с инициативой создания из казачьих депутатов от всех казачьих войск страны особой «казачьей группы». Ее бессменным руководителем стал В. А. Харламов. В качестве лидера данной думской группы он выступал в Думе более 20 раз. В центре внимания донских казачьих депутатов этой Думы являлся вопрос об организации земства на Дону. Но несмотря на все их усилия, решить его им не удалось. В 3-й Думе донские депутаты-казаки активно выступали и за реформирование управления казачьими войсками на демократических

началах. Они добивались незамедлительного введения в казачьих областях широкого самоуправления на основе всеобщего избирательного права, передачи всех гражданских, экономических и культурных вопросов из ведения военного управления местным органам казачьего самоуправления. Ими был разработан соответствующий специальный законопроект. Он, в основном, повторял основные положения аналогичного законодательного предложения, выработанного депутатами-казаками 2-й Думы. При этом, правда, он был гораздо более умеренным и предусматривал, в частности, надзор атамана за законностью действий выбранных властей в той или иной казачьей области и за действиями станичных казачьих администраций. В соответствии с данным законопроектом предусматривалось образование в казачьих областях окружных собраний, члены которых должны были избираться всем мужским казачьим населением, проживающим на территории конкретного округа. Окружное собрание в свою очередь должно было избирать членов администрации данного округа. Правительство выступило решительно против этого законопроекта. Особенно значительные возражения последовали от военного министерства, опасавшегося потерять имевшиеся у него большие властные полномочия по отношению к казачеству. В результате данный законопроект принят не был. С небольшими изменениями он был внесен депутатами от казачества в следующую 4-ю Государственную Думу, работавшую с ноября 1912 по февраль 1917 г. Но и в ней он не получил поддержки, поскольку и правые консервативные и левые либеральные депутаты Думы возражали, исходя из собственных политических соображений, против предоставления казачеству значительного не только высшего, но и местного самоуправления. Данная проблема оставалась нерешенной вплоть до Февральской революции 1917 г.

В 4-ю Государственную Думу от Области Войска Донского было избрано 8 человек, в том числе М. Ф. Воронков, И. Н. Ефремов, Е. Д. Логвинов, А. А. Назаров, А. П. Саватеев, В. А. Харламов, Ф. Ф. Черячукин. Активно работала в Думе «казачья группа», ядром которой, как и в прошлой Думе, являлись донские казаки-депутаты. Руководил ею по-прежнему В. А. Харламов. Члены этой группы развернули большую деятельность по выработке необходимых законопроектов и практическому осуществлению важнейших, по их мнению, для казачества преобразований в плане предоставления казачьим областям самого широкого самоуправления и изменения порядка воинской службы казаков. Однако, как и ранее, данные проблемы, в силу известных причин, им решить так и не удалось. Во время работы в 4-й Думе члены «казачьей группы» проявили себя как инициативные, грамотные, ответственные, политически зрелые депутаты.

Таким образом, донские казаки-депутаты 1–4 Государственных Дум осуществляли довольно значительную и важную для казачества парламентскую политическую деятельность, которая в целом вызывала положительный общественный резонанс в казачьей среде. Они много раз поднимали в Думе самые злободневные для казаков проблемы, разрабатывали и вносили на парламентское обсуждение соответствующие законопроекты. Однако в силу ограниченных реальных законодательных функций самой Думы, отсутствия у нее необходимых рычагов воздействия на правительство, внутренних политических противоречий между различными думскими фракциями и депутатами, их деятельность не принесла сколько-нибудь существенных конкретных результатов.

§ 7. Донские казаки в Первой мировой войне

Начало войны. Казаки в сражениях 1914 г. 19 июля 1914 г. Германия объявила войну России. В течение нескольких последующих дней в войну вступили остальные члены Антанты и Тройственного союза. Всего в Первой мировой войне, названной современниками «Великой», участвовало 38 государств с населением 1,5 млрд человек.

К началу войны в армии находилось 19 полков, в которых служили донские казаки (лейб-гвардии атаманский и казачий, 1–17-й Донские казачьи полки. Все они являлись полками первой очереди). Главной задачей русской армии в первые дни войны являлось прикрытие приграничных рубежей и обеспечение сосредоточения и развертывания основных сил. Кавалерийские и казачьи части получили приказ срочно выдвинуться к границе. Сложную и ответственную задачу прикрытия своей территории и разворачивавшейся армии успешно выполнили, в частности, 9-й, 10-й, 13-й и 15-й Донские полки 1-й Донской казачьей дивизии, 15-й и 17-й Донские полки 2-й Сводно-Казачьей дивизии, а также 11-й Донской полк.

Быстрыми темпами шла мобилизация донских полков второй очереди. Уже на восьмой (!) день мобилизации на фронт стали прибывать части 3-й, 4-й и 5-й Донских казачьих дивизий.

Донские казаки одними из самых первых вступили в бой с врагом. Всей стране стал известен подвиг казаков 3-го Донского полка К. Крючкова, В. Астахова, И. Щеголькова и М. Иванкова, разгромивших в жарком бою 30 июля целый немецкий кавалерийский взвод из 27 человек. За этот подвиг К. Ф. Крючков первым

среди солдат русской армии был награжден почетной боевой наградой – Знаком отличия Военного Ордена (Георгиевским крестом) 4-й степени. Остальные казаки были удостоены Георгиевских медалей. Симптоматичен и тот факт, что первым из офицеров русской армии, награжденных высшим боевым орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия, оказался сотник 1-го Донского казачьего полка С. В. Болдырев.

В первой победе, одержанной над немцами в войне у восточно-прусского городка Гумбиннена, отличились казаки 39-го Донского полка. В тяжелой и кровопролитной Восточно-Прусской наступательной операции, трагически закончившейся для 2-й русской армии, мужественно сражались казаки 1-го, 6-го, 21-го, 22-го, 40-го, 47-го и 48-го Донских полков. Так, 1-й Донской полк совершил успешную атаку против неприятельских частей у г. Алленштейн и вызвал панику в немецком тылу. Казаки 47-го и 48-го Донских полков нанесли поражение противнику в районе городов Альтенгаузена, Прейсиш-Эйлау и Фридланда.

Лейб-Гвардии Атаманский полк в составе Казачьей гвардейской бригады совершил успешный рейд по тылам противника в районе г. Новогрудок. Затем донские казаки-гвардейцы Атаманского и Казачьего полков сражались на самых ответственных участках фронта в составе различных сводных конных отрядов, подчинявшихся непосредственно командованию 1-й, 2-й и 9-й армий. В числе немногих частей 2-й армии, с боями вырвавшихся из окружения, были 6-й, 21-й и 40-й Донские полки.

Многие донские полки отличились в сражениях на Юго-Западном фронте. Так, казаки 16-го и 17-го Донских полков 2-й Сводно-Казачьей дивизии в ходе ожесточенного боя у м. Городок 4 августа остановили продвигавшуюся вглубь нашей территории 5-ю кавалерийскую дивизию австро-венгерской армии, считавшуюся одной из самых лучших, а ночью полностью ее разгромили в ожесточенном сражении у г. Сатанова.

В один из решающих моментов знаменитой Галицийской битвы в ходе боев под Томашевым в очень тяжелом положении оказался 19-й армейский корпус 5-й армии. Он был окружен неприятелем и над ним нависла угроза полного уничтожения. Положение спасла неожиданная для врага отчаянная атака полков 1-й и 5-й Донских казачьих дивизий в тыл 2-й австро-венгерской армии. Австрийцы были разбиты и отброшены. Чуть позже в этих же напряженных Томашевских боях казаки 1-й Донской дивизии отличились в столкновениях у Недзелински и Баламутовки, где они даже захватили неприятельскую артиллерию.

В одном из самых крупных в ходе всей войны Варшаво-Ивангородском сражении в октябре 1914 г. отлично действовали казаки лейб-гвардии 6-й Донской казачьей батареи.

К концу 1914 г. в находившихся на фронте донских частях сражалось 75 тысяч казаков. Всего же к этому времени в армию было мобилизовано более 90 тысяч казаков. Процент мобилизованных донских казаков по отношению к общей численности казачьего населения Дона намного превосходил аналогичные показатели среди других слоев населения страны.

В первый год войны казаки отважно и стойко сражались на всех фронтах (Северо-Западном, Юго-Западном, Кавказском), продемонстрировали высокий уровень боевой подготовки и воинского мастерства.

Казаки на фронтах войны в 1915 году. Германское командование решило нанести сокрушительное поражение русской армии и добиться выхода России из войны. В начале 1915 г. началось немецкое наступление в Восточной Пруссии, а весной и летом – в Галиции и Польше. И без того тяжелое положение русской армии осложнялось нехваткой боеприпасов, особенно снарядов и вооружений, в частности тяжелых орудий.

В период кровопролитных оборонительных боев казачьи полки и дивизии направлялись на самые ответственные участки фронта. Так, на Северо-Западном фронте стойко сражались казаки 27-го, 28-го и 29-го Донских полков, разгромившие вклинившиеся в русские позиции на стыке 5-й и 6-й армий немецкие части.

Отмечались и случаи не совсем удачных действий донских полков. Во время известного Горлицкого прорыва неприятельских войск в апреле 1915 г. на Юго-Западном фронте из-за просчетов командования русской армии и нерешительных действий командиров донских частей, 16-й и 17-й Донской полки 2-й Сводно-казачьей дивизии и 18-й, 20-й, 30-й и 32-й полки 3-й Донской дивизии не смогли выполнить поставленных им задач и отступили.

В тяжелых боях казачьи части несли большие потери. Так, спасая от поражения части 1-й армии, 14-й Донской казачий полк только в одном бою 3 июля 1915 г. потерял более 160 человек убитыми и ранеными. А в ожесточенных столкновениях с неприятелем в августе в районе г. Вильно Лейб-Гвардии Казачий полк потерял более 70 % своего личного состава. Для кавалерийских частей такие потери были практически невиданными.

После того, как ценой огромных усилий было остановлено немецкое наступление и в октябре стабилизировался русско-германский фронт, многие донские полки, как и другие кавалерийские части, были отведены в тыл. В условиях вынужденного бездейст-

вия казаки стали добровольно вступать в так называемые «партизанские» отряды, организуемые для разведывательных и диверсионных действий во вражеском тылу. Из казаков разных донских полков и отдельных сотен было сформировано 13 таких отрядов. Отважно действовали казаки отрядов подъесаула 9-го Донского полка И. Перфирова, сотника 26-го Донского полка В. Чернецова, подъесаула 27-го Донского полка Н. Голубова и др. Многие казаки-партизаны за совершенные подвиги награждались высокими боевыми наградами. Среди наиболее отличившихся из них были даже полные Георгиевские кавалеры. Так за участие в многочисленных успешных боевых делах Георгиевских крестов и Георгиевских медалей всех четырех степеней был удостоен казак из хутора Поповского Еланской станицы Егор Каменев.

К концу 1915 г. в армии находилось 60 донских казачьих полков, 6 донских пеших батальона, 23 отдельные и 54 особые донские сотни, 56 донских казачьих конвоев общей численностью более 100 тысяч человек.

Донские части в боях 1916 г. Крупнейшим сражением войны явилась четырехмесячная Галицийская битва 1916 г., одним из главных событий которой стал победоносный прорыв русской армии в направлении на г. Луцк.

22 мая 1916 г. 4 армии Юго-Западного фронта одновременно перешли в наступление. В их рядах наступали и 17 донских полков и 19 особых донских сотен. Главный удар наносила 8-я армия под командованием донского казака генерал-лейтенанта А. М. Каледина. В частях армии находились 12-й, 16-й, 37-й, 51-й Донские казачьи полки, 10-й Донской казачий артиллерийский дивизион, а также 2-я, 10-я, 22-я, 24-я и 52-я особые Донские казачьи сотни. По плану командования казачьи части, после прорыва мощных вражеских укреплений пехотой, должны были совершить глубокий рейд в тыл противника и тем самым довершить его окончательный разгром. Однако пехотные части не смогли прорвать хорошо укрепленные вражеские позиции и на помощь им командование вынуждено было направить спешенных донских казаков. Проявив невиданное мужество и массовый героизм казаки, в непривычном для конников пешем строю, смело атаковали неприятельские окопы и успешно преодолели все его укрепления. Уже 25 мая русские войска взяли г. Луцк. 4-я австро-венгерская армия была полностью разгромлена. Однако задуманных командованием кавалерийских рейдов в тыл отступающего противника в центре и на правом фланге 8-й армии осуществить так и не удалось. Действия кавалерии серьезно осложняла и труднопроходимая болотистая местность.

На направлении главного удара 7-й армии успешно действовали 7-й, 40-й, 49-й и 53-й Донские полки 6-й Донской казачьей дивизии и 7-й Донской казачий артдивизион в составе 14-й и 15-й Донских батарей. Особо отличились казаки 7-го Донского полка, занявшие несколько важных населенных пунктов и 8 мостов через реку Стрыпа. Это позволило всей 7-й армии успешно форсировать эту реку и продолжить преследование отступающего противника. Особенно успешно при этом действовали 49-й и 53-й Донские полки. В составе 9-й армии громили врага части 1-й Донской казачьей дивизии.

В июле совместно с другими частями переброшенного сюда Гвардейского кавалерийского корпуса в наступление перешли и Лейб-Гвардии Атаманский и Казачьи донские полки Гвардейской казачьей бригады генерал-майора Орлова. Вынужденные сражаться в пешем строю в сложных условиях болотистой местности казаки-гвардейцы с честью выполнили все полученные приказы. В тяжелых боях в августе на реке Стоход отличились 16-й и 17-й Донские полки 2-й Сводно-Казачьей дивизии.

Донские казаки внесли немалый вклад в победы русской армии в 1916 г.

Донские казаки на завершающем этапе войны. К 1917 г. в армию было мобилизовано практически все военнообязанное казачье мужское население. В ее рядах находились, по официальным данным, 113742 донских казака. К этому времени в армии было 60 конных донских полков, включая Лейб-Гвардии Казачий и Лейб-Гвардии Атаманский, 36 из которых были сведены в 9 Донских казачьих дивизий, 6 Донских пеших батальона, сведенных в Донскую казачью пешую бригаду, 36 Донских казачьих батарей, сведенных в 3 гвардейских и 14 обычных конно-артиллерийских дивизиона, 23 отдельных и 55 особых Донских казачьих сотен, 58 Донских казачьих конвоев полусотенного состава, 36 запасных казачьих сотен и 3 запасные казачьи артиллерийские батареи.

Несмотря на длительное нахождение на фронте и практически постоянное участие в боях, донские части сохранили свой большой военный потенциал и были одними из самых боеспособных в русской армии. Даже в период всеобщего развала армии, начавшего после Февральской революции, казачьи части оставались дисциплинированными и организованными. Не коснулось их и такое крайне негативное явление, как дезертирство. За весь период войны, вплоть до демобилизации, среди казаков не оказалось ни одного дезертира.

Во время войны донские казаки многократно демонстрировали героизм и мужество. Об этом, в частности, свидетельствовали многочисленные благодарности командования казачьим частям, хва-

лебные отзывы о казаках многих военачальников. Высокую оценку их боевых качеств и воинского мастерства давали даже представители высшего командования противника, например немецкий генерал-фельдмаршал Маккензен. Красноречивым подтверждением больших боевых заслуг донских казаков является тот факт, что только наиболее почетных и высоких военных наград – Георгиевских – за годы войны были удостоены 193 казачьих офицера и более 37 тысяч рядовых казаков. Причем многие из них имели по нескольку таких наград.

О высоких моральных качествах донских казаков, верности воинскому долгу и присяге свидетельствовали их весьма незначительные потери пленными и пропавшими без вести. Так, без вести пропавшими числилось 54 офицера и 2453 казака, а пленными всего 32 офицера и 132 казака.

Показателем хорошей военной подготовки и воинского мастерства казаков является и весьма низкий, особенно учитывая масштабы и активность участия в боях, уровень их безвозвратных и санитарных потерь: убито 183 офицера и 3444 казака, ранено 777 офицеров и 11898 казаков.

В период долгой и очень тяжелой войны, постоянно находясь на передовой линии фронта и участвуя в ожесточенных и кровопролитных боях, донские казаки продемонстрировали личный и массовый героизм, мужество, воинскую доблесть, большое военное мастерство, высокие морально-психологические качества. В очередной раз они продемонстрировали безоговорочную верность гражданскому и воинскому долгу, беззаветную любовь к Отчизне.

§ 8. Донское казачество и Февральская революция

Восстание в столице и казачьи полки Петроградского гарнизона. К моменту стихийного революционного взрыва в Петрограде, ставшего прологом Февральской 1917 г. революции в России, в составе войск столичного гарнизона находились 1-й и 4-й Донские казачьи полки. Они были расквартированы непосредственно в городе незадолго до революции по личному распоряжению Николая II и соответствующего приказа Ставки Верховного Главнокомандования русской армии. Общая численность этих донских полков была около 2 тысяч человек.

Но несмотря на свою относительную малочисленность, отлично подготовленные в военном плане и имевшие большой боевой опыт, казаки этих частей представляли весьма серьезную боевую силу. К

тому же воинский авторитет донских казачьих частей и в армии, и среди населения был очень высоким.

Буквально с самого начала массовых волнений в столице донские полки одними из первых среди частей Петроградского гарнизона были направлены командованием на совместное с полицией рассеивание стихийных митингов и демонстраций. Уже в первый день восстания в столице 23 февраля казаки вместе с полицейскими и жандармами выполняли все приказы по поддержанию порядка в разных частях города.

Утром следующего дня казачьи разъезды по приказу взяли под свой контроль наиболее важные административные и транспортные объекты Петрограда. Казаки, таким образом, послушного выполняли приказы командования. В то же время они внимательно наблюдали за происходившими событиями, пытались разобраться в их сущности. В их сознании начинает происходить борьба между чувствами долга, верности присяге и явным нежеланием действовать против народа, выступать в качестве жандармско-полицейской силы. И первые результаты всех этих противоречивых чувств начали проявляться уже в самом скором времени. Так, в середине дня 24 февраля казаки 3-й и 6-й сотни 1-го Донского полка были направлены на разгон митинговавшей толпы на Знаменской площади и послушно выполнили этот приказ. Однако уже к вечеру этого же дня они отказались выполнять приказы о разгоне демонстрантов и помогать конной жандармерии. Заметившие это демонстранты стали кричать им «Ура!», а казаки отвечали им полонами. К концу дня 24 февраля в настроениях большинства казаков 1-го и 4-го Донских полков стали преобладать тенденции устраниться от непосредственного вмешательства в происходившие события, по возможности не участвовать в активных действиях против демонстрантов.

25 февраля многотысячные колонны демонстрантов направились к центру города. Путь им, по приказу командования, преградили полиция, казачьи сотни и солдатские части. Казаки невольно были вовлеченными в самую гущу событий, оказались перед очень трудным выбором – исполнять приказы или не идти против народа. И хотя в этот день большинство казаков дисциплинированно исполняло приказы командования, было отмечено несколько случаев их открытого неповиновения начальству. Так во время митинга на Знаменской площади казаки 6-й сотни 1-го Донского полка не только не стали выполнять приказы по борьбе с манифестантами, а наоборот, поддержали их и силой разогнали бывшие там полицейские отряды. От выполнения приказов по борьбе с восставшими открыто отказались казаки 4 из 6 сотен

1-го Донского полка. Сильные колебания отмечались и в позициях казаков 4-го Донского полка. А 27 февраля все казаки этих полков вместе с другими частями Петроградского гарнизона перешли на сторону восставших. Расчеты царских властей на использование казаков в качестве грозной и послушной силы для борьбы с восставшими полностью провалились.

Смена власти на Дону. После получения официальных сообщений о революции и об отречении Николая II от престола наказной атаман М. Н. Граббе провел совещание высших чинов донской областной администрации с руководством ведущих общественных организаций, представителями предпринимательских кругов. В то же время каких-либо конкретных решений на этом совещании принято не было. 2 марта 1917 г. на состоявшемся в г. Новочеркасске заседании президиума Донского военно-промышленного комитета с участием ряда ведущих общественных деятелей области было принято решение о создании Донского исполнительного комитета (ДИК) как органа Временного правительства в области.

Председателем ДИК был избран депутат 4-й Государственной Думы, председатель «Союза общественных деятелей» области, член кадетской партии А. И. Петровский. Спустя некоторое время по предписанию ДИКа М. Н. Граббе передал все свои властные полномочия избранному членами ДИКа временным войсковым атаманом Войска Донского Е. А. Волошинову.

В марте в городах, поселках и во многих крестьянских волостях в качестве местных правительственных органов образовались соответствующие гражданские исполнительные комитеты. Зачастую они, хотя и являлись местными органами высшей официальной власти в стране в лице Временного правительства, возникали весьма стихийно, по инициативе представителей общественности, представлявших разные социальные слои. Возглавляли их, в основном, члены кадетской партии, в отдельных случаях – меньшевики и эсеры. Они обладали конкретными властными полномочиями и пользовались и соответствующей поддержкой населения. Одновременно с исполнительными комитетами в городах и селах создавались Советы рабочих и крестьянских депутатов. Они, естественно, не обладали официальными властными полномочиями, но имея необходимую социальную поддержку, также выступали в качестве конкретных властных органов. Весьма распространенными в сельских районах области были и различные крестьянские комитеты (волостные, гражданские, народные, земельные).

Но в донских станицах этих организаций практически не было. Вся местная исполнительно-распорядительная власть по-прежне-

му полностью сосредотачивалась в органах казачьего самоуправления – станичных правлениях во главе с атаманами.

В качестве высшего должностного правительственного лица на Дон прибыл назначенный Временным правительством комиссаром области кадет В. М. Воронков.

Таким образом, в Области Войска Донского сложилась довольно разнообразная система местного управления, включавшая в себя самые различные органы. В отличие от большинства районов страны, где образовалось двоевластие в лице органов власти Временного правительства и Советов, на Дону фактически сложилась своеобразная ситуация многовластия. На местах, несмотря на определенное внешнее разнообразие властно-исполнительных органов, реальные властные полномочия были сосредоточены у органов казачьего управления. При этом они фактически не претерпели каких-либо существенных изменений, функционировали на прежних основаниях и пользовались большим авторитетом у казаков.

Отношение казаков к революции. Свершившаяся Февральская революция, крушение самодержавия и стремительно последовавшие значительные события в центре и на местах буквально шквалом обрушились на армейское и станичное казачество, вызвав в его среде существенную растерянность и замешательство. В наибольшей степени революционная стихия затронула казаков-фронтовиков. Они с большим удивлением и непониманием смотрели на митинговавшие солдатские полки, образование в армейских частях комитетов.

Постепенно у казаков стали проходить чувства растерянности и неопределенности. Казаки, внимательно смотревшие на все происходившие вокруг события, с течением времени сами начинают принимать участие в армейской общественно-политической жизни: посещать солдатские митинги, слушать нахлынувших в армию агитаторов разных политических партий и организаций, активно обсуждать важные политические проблемы. В то же время в казачьих полках, по сравнению с солдатскими, сохранялись все установленные строгие порядки, дисциплина и исполнительность. Авторитет и влияние офицеров в них были по-прежнему высоки. Более того, именно к ним обращались рядовые казаки за разъяснениями по интересовавшим их вопросам «текущего политического момента».

В казачьих частях, как и во всех других подразделениях русской армии, стали образовываться комитеты разных уровней (сотенные, полковые, дивизионные). Но в отличие от аналогичных солдатских организаций, они не имели какой-либо политической направленности, занимались в основном различными хозяйственными и другими частными текущими вопросами. Председателями этих комите-

тов казаки, как правило, избирали офицеров. Какого-либо общественно-политического воздействия на казаков комитеты не оказывали, хотя само существование выборных органов в казачьих частях, участие в их работе самих казаков способствовало демократизации фронтового казачества.

Станичное казачество отнеслось к Февральской революции также очень настороженно. Более того, революция и вызванные ею радикальные изменения в государственно-политическом устройстве страны, прежде всего свержение царя и ликвидация самодержавия, у казаков-станичников пожилого возраста, по сравнению с призванными в армию казаками, вызвали очень бурные и противоречивые чувства. Это было не просто неожиданное ошеломление, сильная растерянность, непонимание, а настоящий морально-психологический шок для всех без исключения казаков старших возрастов: на их глазах рушилась не только царская власть и ее порядки, прочно устоявшиеся в казачьем мировоззрении и казавшиеся вечными и незыблемыми, рушились, по их мнению, все многовековые устои жизни, соответствующие общественно-политические и мировоззренческие установки. К тому же во всем происходившем они разбирались очень слабо. И хотя на смену государственной власти казачье станичное население отреагировало внешне в общем весьма спокойно, в его умах и настроениях царила полная неразбериха. Спустя некоторое время на смену чувству растерянности пришли неуверенность и беспокойство. И это было понятно, поскольку казаки понимали, что крушение старой государственной власти, вполне вероятно, могло повлечь за собой и кардинальные изменения всех сложившихся порядков и установлений. Они небезосновательно опасались за свое положение, за свои права, за свое место и роль в общественно-политической и социально-экономической жизни страны в целом и Области Войска Донского в частности. Казаки с тревожной настороженностью ожидали дальнейшего развития событий в стране и в своей области.

§ 9. Донское казачество в период между Февральской и Октябрьской революциями

Образование на Дону высших органов казачьего управления. Уже в марте 1917 г. Временное правительство, учитывая доминировавшие среди казачества настроения, приступило к рассмотрению вопроса о преобразованиях в системе самоуправления в казачьих областях. Стремясь заручиться широкой социальной поддержкой со стороны казачества, правительство официально заявило, что местное управление в казачьих войсках будет реорганизовываться на началах самого широкого самоуправления. 14 марта был издан приказ военного министра «О реорганизации местного гражданского управления казачьего населения», в котором говорилось, что ввиду установления нового государственного строя, намечается скорейшая отмена всех ограничений прав казаков, не оправдывающихся условиями их военной службы, реформирование местного управления казачьими войсками на основе большего самоуправления.

Правительство, отвечая на поступившие в его адрес многочисленные обращения лидеров казачьей общественности, официально разрешило воссоздание в казачьих войсках высших органов казачьего самоуправления в виде Войсковых кругов и избираемых на них высшего должностного лица войска – Войскового атамана, и высшего исполнительно-распорядительного органа – Войскового правительства. О необходимости скорейшего образования высших органов казачьего самоуправления говорилось и в резолюциях I-го Общеказачьего съезда, проходившего в Петрограде 23–29 марта с участием делегатов от всех казачьих войск страны. На съезде также было заявлено о приветствии завоеванной революцией свободы, поддержке Временного правительства, необходимости ведения войны до победного конца, запрете использования казачьих частей для борьбы с любыми народными выступлениями, объявлении всех казачьих земель с их недрами, лесами, рыбными и иными угодьями историческим достоянием казачества и неприкосновенной собственностью каждого конкретного казачьего войска.

В апреле 1917 г. в г. Новочеркасске состоялся казачий съезд Войска Донского. Его участники приняли решение о скорейшем созыве Войскового круга как высшего представительного органа власти войска.

26 мая в г. Новочеркасске начал работу I-й Большой Войсковой круг Войска Донского, на нем присутствовали 444 делегата от донских станиц и 224 делегата от казачьих армейских частей.

Избранный председателем Круга преподаватель истории Каменской гимназии, проявивший себя неординарным общественно-политическим деятелем еще накануне и в период своего участия на Общеказачьем съезде и отличным организатором во время подготовки казачьего Войскового съезда и самого Круга, М. П. Богаевский, открывая его первое заседание, торжественно объявил о начале работы Войскового круга «после перерыва в 196 лет». Делегаты приняли постановление о том, что Круг является единственным правомочным органом высшего управления Войском Донским, а выборный атаман – его высшим должностным лицом. 18 июня делегаты круга большинством голосов избрали Войсковым атаманом героя войны генерала А. М. Каледина. Атаман возглавил образованный высший орган исполнительной власти – Войсковое правительство. Таким образом, в Войске Донском были образованы высшие структуры казачьего управления в лице представительно-законодательного (Круга) и исполнительного (Правительства) органов. Важное место в структуре главных органов казачьей власти занимал пост высшего должностного исполнительного лица – Войскового атамана.

В июне 1917 г. в Петрограде состоялся Второй Всероссийский учредительный казачий съезд, в работе которого принимало участие около 6000 делегатов от всех казачьих войск страны, кроме Забайкальского. На съезде было объявлено об образовании союза казачьих войск страны. В постановлениях съезда содержались требования «единой и сильной власти в стране», правительство призывалось к более активным действиям «по прекращению анархии на фронте и в тылу». Съезд полностью одобрил образование высших органов казачьего самоуправления, выборы Войсковых атаманов во всех казачьих войсках, в том числе, естественно, и в Донском, их политику и практические действия.

Войсковой атаман А. М. Каледин и Донское Войсковое правительство развернули активную деятельность по практическому осуществлению постановлений 1-го Большого круга Войска Донского. Это вызвало недовольство комиссара Временного правительства в области и Донского исполнительного комитета, посчитавших, что высшие органы казачьего управления стремятся сосредоточить в своих руках всю власть в Донской области. Но все их претензии остались без ответа. Атаман и правительство Войска Донского настойчиво и целенаправленно проводили свою политику, реализовывали комплекс конкретных мероприятий по поднятию дисциплины в находившихся на территории области казачьих частях, борьбе с различными анархистскими проявлениями со стороны крестьян, солдат и рабочих, максимальному сосредоточению у себя

реальных властных полномочий во всей Области Войска Донского. И в этом они добились конкретных результатов.

Летом 1917 г. в стране осложнились внутриполитическая ситуация. Причины июньского политического кризиса, искусственно прерванного начавшимся наступлением русской армии на Юго-Западном фронте, устранены не были, а провал наступления только усугубил ситуацию.

Спонтанный взрыв недовольства солдат некоторых частей столичного гарнизона, вылившийся в демонстрации и вооруженные столкновения на улицах города 3–4 июля, а также попытка большевиков воспользоваться сложившейся ситуацией и открыто захватить власть, привели к острейшему политическому кризису.

В тяжелые для Временного правительство июльские дни казаки, находившихся в Петрограде 1-го и 4-го Донских полков, как и большинство частей гарнизона, остались верны присяге и правительству. Как наиболее надежные и боеспособные эти полки одними из первых были направлены на борьбу с антиправительственным выступлением. Казаки приняли участие в его подавлении. Среди жертв вооруженных столкновений с обеих сторон оказалось и 7 донских казаков. Их хоронили с большими почестями как павших за свободу и демократию. А в траурной похоронной церемонии приняли участие даже члены Государственной Думы и Временного правительства. Для усиления правительственных позиций в столице в Петроград в срочном порядке направляются надежные войска. Среди них был и 14-й Донской казачий полк, прибывший в город 6 июля и в образцовом порядке демонстративно прошедший по центральным столичным мостовым.

Таким образом, в период июльского политического кризиса и вооруженного антиправительственного пробольшевистского выступления в Петрограде казаки столичного гарнизона полностью и действенно поддержали Временное правительство. Об однозначной солидарности с правительством заявили и казаки находившихся на фронте армейских частей, и станичное казачество и, конечно же, руководство донской казачьей администрации во главе с атаманом и членами Войскового правительства.

Казаки и корниловское выступление. В стране нарастал серьезный общественно-политический и экономический кризис. Усиливались дезинтеграция, анархия в тылу и на фронте, резко падала дисциплина в воинских частях, армия организационно разлагалась и становилась практически небоеспособной. В такой ситуации возрастала политическая активность радикальных сил разной направленности. После временного поражения леворадикальных политических организаций во главе с большевистской партией в период июльско-

го выступления политическую инициативу попытались перехватить правые, в авангарде которых шел армейский генералитет.

В ночь с 26 на 27 августа Верховный Главнокомандующий армией генерал Л. Г. Корнилов объявил о том, что намерен взять власть в стране в свои руки. По его приказу на Петроград двинулся 3-й конный корпус под командованием генерала А. М. Крымова, в состав которого входили 1-я Донская казачья дивизия, Уссурийская конная дивизия, Кавказская туземная (так называемая «дикая») дивизия. В этот же день генерал Корнилов выпустил специальное обращение к казакам страны с призывом поддержать его действия.

Казаки 9-го, 10-го, 13-го и 15-го Донских полков 1-й Донской казачьей дивизии, выполняя приказ Главковерха, продвигались в направлении столицы. Они оказались в самом центре событий начавшегося острого политического кризиса, вызванного корниловским выступлением. Позиции этих казаков были довольно двойственными: с одной стороны, они демонстрировали верность присяге, воинскому долгу и выполняли полученный приказ, а с другой – цели подхода были для них неясными, они во многом не понимали сущности происходящих событий, внимательно смотрели на политические настроения и поведение солдат и гражданского населения, опасались «пойти против народа». Видя, что основная часть населения и солдат отрицательно относится к выступлению генерала Корнилова, казаки начинают сомневаться в правильности полученного приказа о движении на Петроград, стремятся уклониться от его дальнейшего выполнения. В это время в части III-го конного корпуса стали прибывать посланцы от Временного правительства, ЦИКа Советов, агитаторы социалистических партий и стали разъяснять казакам и горцам корпуса антизаконность действий Корнилова. Казаки замитинговали и отказались от дальнейшего выполнения приказа о продвижении к столице. Корниловское выступление провалилось. Основной причиной такого исхода стала позиция воинов 3-го конного корпуса, прежде всего казаков. Причем выступление Корнилова было ликвидировано уже 30 августа и не только без какой-либо вооруженной борьбы, а даже без единого выстрела.

Во время событий августовского политического кризиса А. М. Каледин находился в деловой поездке на севере Донской области и не имел возможности высказать свое отношение к корниловскому выступлению. Находившиеся в г. Новочеркасске товарищ (заместитель) донского атамана М. П. Богаевский и другие члены Войскового правительства уклонились от каких-либо официальных заявлений относительно происходивших событий, заняли выжидательную позицию.

Но еще в период выступления в столичной, а затем и в местной печати появились сообщения о том, что донской атаман присоединился к Корнилову и поддерживает его выступление. Достоверность этой газетной информации никто не проверял. Однако глава Временного правительства А. Ф. Керенский издал распоряжение об отстранении А. М. Каледина от должности Войскового атамана, его аресте и придании суду. Возникло так называемое «дело Каледина» о его якобы непосредственном участии в Корниловском выступлении. Для рассмотрения этого «дела» 5 сентября в Новочеркасске открылся 2-й Большой Войсковой Круг. Присутствовавший на нем А. М. Каледин прямо и честно заявил, что разделяет политические взгляды генерала Корнилова и предложенные им меры для пресечения анархии на фронте и в тылу, однако никакого участия в корниловском выступлении не принимал. После детального рассмотрения всех обстоятельств «дела Каледина», 10 сентября делегаты приняли постановление, полностью оправдывающее донского атамана. Круг также потребовал от Временного правительства официального сообщения с опровержением слухов «о мятеже на Дону». Невиновность Каледина подтвердила и прибывшая на Дон специальная правительственная комиссия.

Во время августовского политического кризиса подавляющее большинство фронтового и станичного казачества не только не поддержало, но и в основном даже осудила корниловское выступление. Казаки высказались в пользу Временного правительства. Тем самым они не только способствовало быстрому и бескровному краху данного выступления, но отчетливо продемонстрировали свои политические позиции в плане поддержки существовавших революционно-демократических порядков. Праворадикальные политические идеи не нашли у них одобрения. Лидеры донского казачества во главе с атаманом А. М. Калединым, хотя и разделяли данные политические идеи, тем не менее, вынуждены были учитывать позиции основной массы казачества и молчаливо согласиться с политическим выбором, который сделало большинство казаков в период августовского кризиса.

Таким образом, во время июльского политического кризиса казаки 1-го и 4-го Донских полков приняли самое непосредственное участие в подавлении большевистского выступления в столице и с оружием в руках поддержали Временное правительство. Такие же политические позиции против леворадикальных политических сил во главе с большевиками и в пользу правительства заняло подавляющее большинство фронтового и станичного казачества. В сложный период августовского политического кризиса поведение казаков 1-й Донской дивизии 3-го конного корпуса самым непо-

средственным образом способствовало провалу всего корниловского выступления, а его осуждение основной массой казаков-фронтовиков и станичников свидетельствовало об их в целом отрицательном отношении к политическим установкам праворадикальных сил. Летом 1917 г. донское казачество в целом высказалось в пользу доминировавших тогда в обществе революционно-демократических политических идей и установившегося в стране после Февральской революции политического строя. Это свидетельствовало о довольно существенной общей демократизации его политических взглядов и обусловленных ими политических позиций.

§ 10. Казачество и Октябрьская революция

Донское армейское казачество и восстание большевиков в Петрограде. К моменту большевистского восстания в Петрограде в октябре 1917 г. в составе столичного гарнизона находились 1-й, 4-й и 14-й Донские казачьи полки общей численностью 3200 человек. В относительной близости к городу, но в разных местах на довольно большой площади – от Новгорода до Ревеля (Таллина) и Витебска – были рассредоточены части 3-го конного корпуса. Непосредст венно в распоряжении командира корпуса донского генерала П. Н. Краснова в районе города Остров Псковской губернии находилось только 18 сотен разных полков 1-й Донской казачьей и Уссурийской конной дивизий общей численностью чуть более 2 тысяч казаков при 16 орудиях. В Финляндии, также в относительной близости к столице, был расквартирован 23-й Донской казачий полк. Казачьи воинские формирования, несмотря на свою небольшую численность, в то время представляли собой весьма серьезную военную силу. Они имели высокий уровень военной подготовки, большой боевой опыт, хорошее вооружение и отличались завидной организованностью и дисциплинированностью.

В 20-х числах октября обстановка в Петрограде стала накаляться. Руководство большевистской партии развило активную деятельность по подготовке к открытому выступлению с целью захвата власти. Одним из основных органов по реализации планов большевиков стал образованный по их инициативе на совещании представителей воинских частей столичного гарнизона 21 октября Петроградский военно-революционный комитет (ВРК). Руководимый большевиками ВРК стал устанавливать свой контроль над находившимися в городе воинскими частями и подразделениями,

на смену правительственным комиссарам посылаются комиссары ВРК. Единственными частями, где их не приняли, были донские полки. Казаки тем самым отказались от подчинения ВРК, руководимому большевиками.

Сразу же после начала большевистского выступления в ночь с 24 на 25 октября Керенский отдал приказ о безотлагательном направлении в Петроград 1-й Донской казачьей дивизии, 23-го Донского казачьего полка. Командование Петроградского военного округа направляет приказ о срочном подходе к Зимнему дворцу для непосредственной защиты Временного правительства 1-го, 4-го и 14-го Донских казачьих полков. Однако казаки этих полков, ввиду неясности для них ситуации в городе, выполнить поступивший приказ не спешили. В течение всей ночи с 24-го на 25-е октября они вели телефонные переговоры со штабом Петроградского военного округа и членами правительства относительно их прихода к Зимнему. В итоге многочасовых переговоров и неоднократных категорических приказов Временного правительства на Дворцовую площадь к Зимнему дворцу прибыло только три сотни 14-го Донского полка. Утром 25 октября командиры всех трех донских полков доложили членам правительства, что общим решением полковых комитетов казаки отказываются выступать на защиту правительства без поддержки пехотных армейских частей. Данное условие казаки выдвинули далеко не случайно. За ним скрывалась не столько сугубо военная подоплека (боязнь самостоятельного выступления ввиду своей малочисленности и отсутствия вооруженной поддержки со стороны пехотных полков), сколько, скорее, политическая. Для казаков «пехота», состоявшая из крестьян и рабочих, являлась выразителем соответствующих политических взглядов и позиций основной массы населения страны. Поэтому говоря о возможности каких-либо действий в пользу правительства только совместно с пехотой, казаки, тем самым, присоединялись к воле народа, выразителем которой, по их мнению, могли служить солдаты столичного гарнизона.

В ответ на многочисленные приказы и даже уговоры казаков выступить на защиту правительства днем 25 октября в Зимний прибыла делегация 1-го, 4-го и 14-го Донских полков. Министры стали уговаривать казаков прийти на помощь правительству. Но в ответ казаки вновь категорически заявили, что будут действовать только вместе с пехотой.

Поскольку солдатские части уже подчинялись большевистскому ВРК и, естественно, идти на помощь правительству не собирались, казаки в поддержку правительства так и не выступили.

Более того, около 10 часов вечера 25 октября с Дворцовой площади в казармы ушли три сотни 14-го Донского полка.

Таким образом, казаки донских полков столичного гарнизона в период большевистского восстания заняли нейтральные позиции. Это самым непосредственным образом сказалось на его общем ходе, быстроте, бескровности и конечных результатах.

26 октября в штаб Северного фронта в г. Пскове прибыл бежавший из Петрограда Керенский и отдал очередной категорический приказ о направлении полков 3-го конного корпуса в Петроград. Командиру корпуса генералу Краснову удалось собрать шесть сотен 9-го Донского полка и четыре сотни 10-го Донского полка, насчитывавших всего около 700 человек. Днем первые эшелоны с казаками отправились в путь. 27 октября около Гатчины к ним присоединилось еще две сотни 10-го Донского полка. И с этими крайне незначительными силами Керенский и Краснов начали наступление на Петроград.

Настроения двигавшихся к столице донских казаков так же, как и противостоящих им красногвардейцев, солдат и матросов, были далеко не воинственными. Приказ о наступлении на Петроград они выполняли с большой неохотой. Цели этого похода оставались для них во многом неясными, а путь преграждали большевистски настроенные солдаты гарнизонов пригородов столицы. Казаки пытались разобраться в сущности происходившего, найти ответы на мучившие их вопросы о том, а что же происходит, не начинается ли братоубийственная война, каково отношение ко всему происходящему большинства народа.

После занятия 27 октября Гатчины казаки заколебались, в ряде случаев между казаками и красногвардейцами и солдатами Петроградского ВРК начались братания. Но они все еще не вышли из повиновения командованию и, хотя и с большой пехотой, на следующий день возобновили продвижение к столице. 28 октября красновский отряд занял Царское Село. Одновременно среди казаков стало усиливаться недовольство относительно дальнейшего наступления на Петроград. Значительному усилению их критических настроений способствовало и то обстоятельство, что несмотря на все приказы Керенского, к ним не присоединилась ни одна пехотная солдатская часть. По их мнению получалось, что казаки одни идут против обороняющих Петроград красногвардейцев и солдат частей ВРК, т. е. идут «против народа». В конце дня 29 октября к Краснову явились члены комитета 1-й Донской дивизии и прямо заявили, что казаки отказываются идти дальше без пехоты. С большим трудом генералу удалось убедить их в необходимости продолжать продвижение к столице. Утром 30 октября казачьи сотни возобновили наступ-

ление. Под Пулковым между ними и отрядами Петроградского ВРК произошел бой, после которого казаки в виду своей явной малочисленности и очевидного нежелания принимать участие в боевых действиях против красногвардейцев и солдат, сначала отошли в Царское Село, а затем в Гатчину. В этом бою казаки потеряли 3 человека убитыми и 28 ранеными. Потери частей ВРК составили около 400 человек.

Вечером 31 октября из Гатчины в Царское Село, занятое революционными отрядами, отправилась делегация казаков с предложением прекратить военные действия и начать переговоры. На следующий день в Гатчину к казакам прибыла делегация ВРК. На состоявшихся переговорах казаки заявили о нежелании участвовать в братоубийственной гражданской войне. В соответствии с подписанным мирным соглашением казаки прекращали военные действия и подлежали свободному пропуску на Дон. Поход Керенского-Краснова на Петроград окончился полной неудачей.

Начало антисоветского движения на Дону. 25 октября в г. Новочеркасск пришли официальные сообщения о вооруженном выступлении большевиков в Петрограде. В этот же день атаман А. М. Каледин отправил телеграммы Временному правительству, в штаб Верховного Главнокомандующего, атаманам всех казачьих войск страны, командирам армейских подразделений Донской области и всех находившихся на фронте и в тылу казачьих частей, в которых говорилось о том, что Войсковое правительство считает захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым и что оно готово оказать всемерную поддержку Временному правительству. 26 октября М. П. Богаевский направил телеграмму на имя Керенского с приглашением членов Временного правительства в Новочеркасск «для восстановления и укрепления государственной власти». Таким образом, с первых же дней революции руководство Войска Донского заявило о решительном осуждении большевистского восстания, поддержке Временного правительства, непризнании провозглашенного на 2-м съезде Советов рабочих и солдатских депутатов нового Советского правительства и стремлении бороться с ним всеми имеющимися силами. Область Войска Донского становится одним из оплотов антисоветского движения. Подавляющее большинство фронтового и станичного казачества также осудило большевистское восстание в столице, захват власти большевиками и поддержало заявления и политические позиции Войскового правительства во главе с атаманом Калединым. Развернувшиеся в стране события в значительной мере в очередной раз ошеломили большинство донских казаков. Чуть ли не каждый день приходили известия, носившие самый противоречивый характер. Они получа-

ли различную интерпретацию и оценку казаков. Быстрое изменение внутриполитического положения, свержение Временного и образование Советского правительства, начавшиеся новые революционные изменения не могли не затронуть казачество и весь его жизненный уклад.

И казаки это хорошо понимали. Они с большой настороженностью и тревогой наблюдали за всем происходившим. В то же время от активного вмешательства в начавшееся политическое и военное противоборство сторонников и противников новой советской власти они стремились уклониться. Поддержав в целом политические заявления атамана и Войскового правительства, казачество, особенно казаки-фронтовики, явно не спешили оказывать им немедленную практическую поддержку с оружием в руках.

Военно-политическое противоборство в Донской области в конце 1917 – начале 1918 г. и позиции казачества. Осенью 1917 г. противоборствующие стороны в центре страны и на местах не имели в своем распоряжении значительных вооруженных сил. Поэтому они приступили к мобилизации всех своих сторонников.

В ноябре на Дон прибыли видные политические и военные деятели страны, решившие вести борьбу с Советским правительством. Среди них были П. Н. Милюков, А. И. Гучков, М. В. Родзянко, генералы Л. Г. Корнилов, М. В. Алексеев, А. И. Деникин, А. С. Лукомский и др. Под руководством Корнилова и Алексеева стали формироваться добровольческие отряды для борьбы с Советской властью. Они объединялись в составе так называемой «Алексеевской организации», позже получившей название Добровольческой армии.

В ноябре находившиеся в г. Ростове-на-Дону сторонники советской власти с помощью прибывших в город водным путем отрядов революционно настроенных моряков Черноморского флота подняли восстание и захватили власть в городе. Атаман А. М. Каледин отдал приказ верным ему казачьим частям ликвидировать выступление местных пробольшевистких сил и взять город. Но казаки тех немногих частей, которые находились в это время в Донской области, этот приказ не выполнили. С большим трудом атаману и членам Войскового правительства удалось убедить некоторую часть казаков начать наступление. С помощью отрядов Добровольческой армии немногочисленные казачьи части 2 декабря заняли г. Ростов-на-Дону.

В период со 2 по 12 декабря в г. Новочеркасске проходил 3-й Большой Войсковой круг. Его делегаты приняли постановление о непризнании советского правительства и о необходимости продолжения с ним борьбы. Стремясь предотвратить возможный раскол и даже открытое противоборство между казачьим и крестьянским населением области, создать более сильный антибольшевистский фронт, делегаты

круга поддержали предложение атамана Каледина об образовании объединенного казачье-крестьянского правительства Донской области на основе равного (паритетного) представительства в нем от казаков и от крестьян. Возглавил это паритетное правительство, в которое вошли по 7 членов от казаков и крестьян, М. П. Богаевский.

В декабре 1917 г. на Дон стали возвращаться с фронта казачьи части. Атаман и правительство рассчитывали опереться на них в своей борьбе с советской властью. Но большинство казаков-фронтовиков не хотело участвовать в развернувшемся противоборстве. В такой ситуации атаман Каледин объявил о создании добровольческих правительственных отрядов. Они получили название партизанских. В них вступали, в основном, учащаяся молодежь (юнкера, кадеты, гимназисты, студенты). Всего было создано 16 таких отрядов, численностью от 30 до 250 человек. Малочисленные партизанские отряды В. Чернецова, Э. Семилетова, Д. Назарова и других казачьих офицеров благодаря своей мобильности и внезапности действий вместе с Добровольческой армией сдерживали наступавшие на область советские части. Казачьи полки в основном заняли нейтральные позиции: с одной стороны, они не хотели, чтобы в пределы Донской области входили вооруженные советские отряды, а с другой – не хотели ни с кем воевать.

В январе 1918 г. представители ряда донских полков собрались в станице Каменской и объявили себя съездом фронтового казачества. Было объявлено об образовании Донского казачьего военно-революционного комитета (ВРК). Казачий ВРК, возглавляемый Ф. Г. Подтелковым, потребовал от атамана Каледина и донского правительства передать ему всю полноту власти в Донской области. В ответ на это партизанский отряд Чернецова занял Каменскую. К этому времени практически все казачьи полки «самораспустились», казаки-фронтовики разошлись по домам. Но несколько сот революционно настроенных казаков-фронтовиков из разных полков вошли в отряд войскового старшины Н. Голубова, заявившего о поддержке казачьего ВРК. 20 января у станции Глубокая отряд Голубова вместе с красногвардейцами, вступившими в область советских сил, разбил партизанский отряд Черенцова. После этого голубовский отряд начал наступление на Новочеркасск. Атаман А. М. Каледин, видя, что казаки отказываются от вооруженной борьбы с советскими отрядами, 29 января сложил с себя полномочия и застрелился.

Избранный новым донским атаманом генерал А. М. Назаров обратился к казачеству с призывом «встать на защиту Дона» и объявил мобилизацию. Но казаки не откликнулись.

В феврале 1918 г. в г. Новочеркасске собрался 4-й Малый круг Войска Донского. Его делегаты приняли решение начать перегово-

ры с командованием советских войск. Тем временем 23 февраля (по новому стилю) советские отряды заняли г. Ростов-на-Дону. 25 февраля отряд Голубова без боя выступил в г. Новочеркасск. Войсковой круг был разогнан. Атаман А.М. Назаров и председатель круга Е. А. Волошинов были арестованы и 3 марта расстреляны. Еще накануне сдачи г. Новочеркасска около 1,5 тысяч донских партизан во главе с походным атаманом П. Х. Поповым решили продолжить борьбу и ушли в Сальские степи (позже их поход получил название «степного»).

На Дону установилась советская власть. 23 марта 1918 г. была провозглашена Донская советская республика.

Основная масса казачества, отказавшись от поддержки Круга, Войскового атамана и Войскового правительства, заняла своеобразную позицию вооруженного нейтралитета. Казаки, естественно, не перешли на сторону советской власти, а внимательно и с большой настороженностью смотрели за всеми ее действиями. Но такое положение сохранялось очень недолго. Уже в марте на Дону заполыхали антисоветские восстания казаков.

§ 11. Донская советская республика

Советская власть на Дону. Весной 1918 г. советская власть на Дону существовала только в городах и крупных станицах. В остальных населенных пунктах все осталось по-прежнему. Власть была у тех же станичных атаманов и станичных правлений, которые лишь изменили свои названия: стали именоваться советами, ревкомами, а атаманы – председателями советов. Казаки продолжали доверять своим местным органам самоуправления. Небольшая часть казаков-фронтовиков открыто встала на сторону советской власти.

Многие вернувшиеся с фронта казаки сохранили оружие и в случае конфликта с новой властью готовы были применить его. Все это делало обстановку в казачьих областях напряженной.

Казаки стремились сгладить противоречия с другими слоями населения. Так, 5 марта 1918 г. в станице Великокняжеской, центре Сальского округа, «казаки всенародно просили простить им старые грехи» (расстрелы 1905 г.). Было целование и обещание жить дружно с иногородними и остальным населением». Приблизительно тогда же идеолог низового богатого казачества М. П. Богаевский, бежавший после падения калединского режима в Сальские

степи, сдался советским войскам и заявил, что «борьба, которая ведется сейчас в Сальском округе, далее совершенно немыслима, и ее необходимо во что бы то ни стало немедленно кончить». Это был переломный момент, когда можно было считать, что открытое сопротивление советской власти на Дону закончилось.

Вопрос о «войне с Доном» сошел с повестки дня большевистского правительства, но сама по себе война на Дону не была закончена. Известно, что В. И. Ленин весной 1918 г. гражданскую войну считал закончившейся той победой, которой завершилось триумфальное шествие новой власти по стране. Однако сразу же с установлением советской власти на Дону начались мятежи.

С установлением Советской власти в промышленных и административных центрах Донской области наступил период, который в масштабе всей России В. И. Ленин характеризовал так: «... кончилось победоносное шествие революции, вступившей в полосу тягостных переживаний и даже поражений». На повестку дня выдвигалась задача «организовать управление Россией» и «создать условия, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия».

Преобразования Советской власти на Дону начались в условиях экономического упадка, усугубленного военными действиями. Так, в окружной станице Каменской «не было ни одного аршина мануфактуры... не было абсолютно ни одного фунта керосина».

Казачий Военно-революционный комитет, 19 января 1918 г. признавший Совет народных комиссаров, слился 19 февраля 1918 г. с Военно-революционным комитетом, образованным в Ростове в ноябре 1917 г., и создал единый Областной военно-революционный комитет. Казаки – члены ВРК верили в революционность казачества, стремились опереться на все казачество, за исключением кулаков, и, в случае обострения классовых противоречий, указывали местным органам власти на нежелательность «искусственно обострять отношения в среде казачества и нарушать казачье братство». Политработник А. Фролов докладывал в Центральный комитет, что застал в это время на Дону «политику казакоманства», политику «выдвигания казаков на все ответственные места».

23 марта 1918 г. Областной военно-революционный комитет объявил об образовании «самостоятельной Донской советской республики в кровном союзе с Российской Советской Республикой». Главой правительства новой республики стал казак Ф. Г. Подтелков. Сделано это было в тот период, когда толкования понятия «федерация Советской республики» были самые различные. И причины создания новой республики были разные. Во-первых, советская власть учитывала популярность среди казачества идеи автономии в решении ряда внутренних вопросов, особенно аграрного. Во-вторых, при-

ближение германских войск к Донской области при неопределенной границе между Россией и Украиной заставляли «сделать Дон барьером на их пути». Донская советская республика была включена в систему советской федерации на правах автономной единицы.

Традиционно считается, что донские казаки являются «этнографической группой», которым «Декларация прав народов России» гарантировала «свободное развитие». Но в тот период стремление к автономии и собственной казачьей государственности, основанных на сознании казачьей «особенности», издревле присущей казакам, нашло выражение в идее, что казачество является отдельной народностью. Так, Совет союза казачьих войск заявил 7 декабря 1917 г., что казачество не потерпит «всякого внешнего постороннего давления», именно руководствуясь «демократическими началами самоопределения народностей».

Советская власть поначалу очень осторожно подходила к таким вопросам. 11(24) ноября 1917 г. вышел декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов. Тем не менее казаки как сословие получили представительство в Советах, где наряду с определением «рабочих, крестьянских, солдатских» сохранилось «и казачьих депутатов». Заключая соглашение с представителями вставшего против Каледина фронтового казачества, советское командование, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, взяло за основу положение о федерации, которое представляло право участвовать в федерации для областей, «отличающихся особым бытом и национальным составом».

Военно-революционный комитет упразднил органы старой казачьей администрации и разработал инструкцию о порядке выборов и структуре местных Советов, стремясь вовлечь в них казаков вместе с рабочими и крестьянами.

Однако весной 1918 г. с организацией советской власти на местах возникли сложности. Многие станицы вообще не признали советскую власть. К апрелю 1918 г. на Дону, по данным В. Н. Сергеева, было создано около 120 советов, считая городские станичные и хуторские, в то время как на Дону было 134 станицы и 2272 хутора. «...По захолустным хуторам, а таковых на Дону огромнейшее большинство, «советов» не было», – считали современники. Некоторые станицы из признавших советскую власть сделали это формально. Черкасский окружной атаман сообщал впоследствии Краснову, что «почти все станичные и хуторские атаманы во время господства большевиков на Дону номинально числились комиссарами, но ни на минуту не забывали поддерживать казачьи интересы».

Органы центральной и областной власти не уделяли достаточно внимания организации местной власти, а также пропаганде и

агитации. Современники указывали на полное отсутствие газет и политической литературы, «нелепейшие и невероятнейшие слухи и сплетни» в казачьих хуторах, отношение к казачеству характеризовалось как «небрежное».

В большинстве хуторов коммунистов вообще не было. Знаменитый «Отряд защиты прав трудового казачества», созданный в Москве и предназначенный для агитации, насчитывал 150 человек, чуть больше, чем по одному человеку на казачью станицу.

С другой стороны, в условиях самоустранения казаков от активной общественной жизни, перехода их на позиции нейтралитета, организацию местных органов советской власти брали на себя иногородние. С мест сообщалось, что иногда там, «где о каком-либо преобладании «русского», «иногороднего», пришлого населения над казачьим и речи быть не может, в советах преобладают «иногородние», «русские» элементы населения над местным казачьим».

Особой сложностью на Дону отличался земельный вопрос. В. И. Ленин 17(30) января 1918 г. телеграфировал В. А. Антонову-Овсеенко: «Относительно земельного вопроса на Дону советую иметь в виду текст принятой позавчера на съезде Совете резолюции о федерации Советских республик». Согласно прав автономии, Донское советское правительство поставило вопрос о земле перед населением области, издав 26 февраля 1918 г. манифест: «Пусть на местах повсюду обсуждается земельный вопрос в интересах трудового казачества и крестьянства и в соответствии с принятым Всероссийским съездом законом о земле». Этим правительство стремилось сгладить трения между массой крестьянства и казачества.

Если 5-й пункт «Декрета о земле», гласивший: «Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются», в определенной мере успокаивал казаков, то инструкция при «Основном законе о социализации земли» от 27 января 1918 г. требовала, «чтобы при выработке нормы землепользования в расчет брались не только подлежащие распределению бывшие частновладельческие земли, но и все находившиеся в пользовании крестьян земли, как то: надельные и купчие». Для казаков многих станиц юга области это означало значительную урезку личного надела. Малоземельного неказачьего населения здесь было больше, чем казаков. А у последних запасная юртовая земля уже была поделена, но размер пая превышал среднеобластной показатель в 1,5 раза.

Казачество сознавало неравенство сил и готово было на уступки в определенных рамках. Так, делегат от хутора Тозлуков Манычской станицы на 1-м съезде Советов Донской республики зачитал наказ: «Как бы ни постановил Областной совет, то хотя бы нам,

казакам, и досталось по одной десятине, лишь бы не пролить кровь христианскую».

Однако такие заявления были редки. Вопрос о переделе земли в области не был решен, так как к единому мнению казаки и крестьяне не пришли. На местах начались стихийные попытки крестьянства разрешить земельный вопрос в свою пользу. Советская печать сообщала, что «кое-где начинается насильственный захват земель». «Иногороднее пришлое крестьянство приступило к обработке... войсковой запасной земли и излишков земли в юртах богатых южных станиц». Крестьяне, арендовавшие землю у казаков, «переставали платить арендную плату, они повсеместно восставали против сословных привилегий казачества».

Не дожидаясь решения вопроса о земле съездом, как рекомендовал В. И. Ленин («...пусть полномочный съезд городских и сельских Советов всей Донской области выработает сам свой аграрный законопроект и представит на утверждение Совнаркома. Будет лучше»), местные исполнительные комитеты конфисковывали войсковые запасные, частновладельческие земли. Так, Новочеркасский исполком 16 марта 1918 г. постановил: «Земля, не принадлежащая казакам и крестьянам, должна быть взята станичными и волостными отделами при Советах...».

В станицы посылались инструкторы, имевшие целью убедить казаков в целесообразности преобразований. Так, в станице Новониколаевской Таганрогского округа «инструктор Волошинов настаивал на немедленном слиянии казаков и крестьян с немедленным разделом земли и имущества между теми и другими». На войсковых и частновладельческих землях создавались коммуны. Коммуна была создана на территории Западного конезаводства. Незасеянная земля конезаводства передавалась в обработку «самому обездоленному войной классу без различия – казак он или не казак», решено было из помещичьих экономий создавать культурные центры.

Обострение продовольственного положения страны поставило перед областным ВРК вопрос о помощи голодающим районам. Определенные меры были предприняты, но наладить отгрузку продовольствия с Дона в широких масштабах весной 1918 г. не удалось. Сказалась сложность политической обстановки и слабость аппарата, население неохотно шло на поставки хлеба. Донской продовольственный комитет центральным продорганам в хлебе отказал и предложил, опираясь на кооперативы, произвести в весеннюю навигацию самостоятельную заготовку. Кроме того, комитет просил прислать ему мануфактуру, оконные стекла, кожу.

Все больший накал приобретала в области так называемая вторая социальная война – борьба сельского пролетариата с сельской

буржуазией. В Центральной России в этот период классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще не вылилось наружу. Этот процесс развился летом и осенью 1918 г. На Дону этот процесс начался раньше. Уже 19 февраля 1918 г., до занятия советскими войсками Ростова и Новочеркасска, в Таганроге Окружной съезд Советов постановил конфисковать «весь инвентарь, живой и мертвый, всех хозяйств, пользующихся наемным трудом. 26 февраля 1918 г. областной ВРК приказал местным советам обложить «имущих» чрезвычайным налогом и ввести прогрессивно-подоходный и поимущественный налог. В марте 1918 г. в станице Урюпинской на 156 местных «буржуев» была наложена контрибуция в 400 тысяч рублей. В станице Ермаковской на зажиточных возложили контрибуцию в 150 тысяч рублей. В станице Великокняжеской начали реквизиции в хозяйствах, имевших состояние более чем на 50 тысяч рублей. В «Известиях ВЦИК» указывалось, что еще «до декрета о комитетах бедноты подобные организации в атмосфере ожесточенной классовой борьбы на Дону уже были».

Все эти меры усилили сопротивление зажиточных казаков. И властью на Дону принимались меры к его подавлению. Был предпринят ряд конкретных ударов: Красногвардейские отряды начали производить обыски и разоружать станицы и хутора, выявлять и арестовывать сторонников контрреволюции. Нарастание сопротивления обострило борьбу. По белогвардейским данным, тогда было расстреляно около 300 офицеров, из них 200 в Новочеркасске и около 400 «жителей». Однако действия эти распространялись лишь на местность, ближайшую к революционным центрам.

В целом центральное советское правительство пыталось вести по отношению к казачеству осторожную политику, стремясь перетянуть его середняцкие слои на свою сторону, но присущий крестьянскому движению элемент стихийности, требования донских крестьян о немедленном улучшении условий их жизни вносили диссонанс в упорядоченность этой политики.

Как указывали современники, иногородный кулак в борьбе за захват земли развил бешеную шовинистическую агитацию против казачества вообще, а местная советская власть, по слабости опиравшаяся на тех же крестьян, положение исправить не могла. В станичных советах, состоявших из иногородных, «часто слышалось... что казаков надо расказачить, вырезать лампасы и так далее». Подавляя контрреволюционные выступления, некоторые местные деятели действовали по принципу: «Если карать, так карать! Если должны быть жертвы, то хоть половина Новочеркасска».

Не все советские работники проявляли достаточно такта в отношениях с казаками, были среди них просто авантюристы.

Чтобы удержать за собой в сложной ситуации казачество, необходимо было добиться, чтобы казаки увидели и почувствовали известное улучшение своей жизни. С этой целью, а также для того, чтобы быстрее восстановить такой важный аграрно-сырьевой район, как Дон и Северный Кавказ, от которого во многом зависел продовольственный вопрос для всей России, Советское правительство выделило огромные средства. Как докладывал член ЦИК Донской республики В. Изварин, в распоряжении местной власти было около 1000 паровых и нефтяных машин, около 300 тракторов, 90 вагонов мануфактуры. Отсутствие хозяйственных навыков и начавшаяся германская оккупация не дали советским работникам возможности использовать эти средства. Бедственное экономическое положение области не могло улучшиться, и весной 1918 г. при советской власти оно не улучшилось. 18 апреля 1918 г. газета «Донские известия» в своей передовой статье отметила, что ввиду общего экономического кризиса, одной из причин которого было занятие немцами Донецкого бассейна, усилилась активность контрреволюционеров.

На юго-востоке России разрастанию гражданской войны способствовало вторжение германских агрессоров, которые стремились через территорию Дона выйти к нефтеносным районам Кавказа. Приближение немцев к границам Дона благоприятствовало местной контрреволюции. Оно оттянуло на себя значительные силы красногвардейских отрядов, действовавших в западной части Донской области, и их влияние на казачьи районы ослабло. В промышленных центрах на Дону создавались отряды социалистической армии. Только лишь в Ростове, Сулине, Таганроге, Александровске-Трушевском с 15 марта 1918 г. в эти отряды вступили 23,5 тысяч человек. Но большая их часть была еще в стадии формирования.

К середине апреля 1918 г. внешнеполитическое положение Донской советской республики ухудшилось. Советские украинские войска вели бои с немцами в непосредственной близости от границ Дона. Уже 13 апреля 1918 г. главком В. А. Антонов-Овсеенко предупреждал командующего армией Р. Ф. Сиверса: «Ваш отход в Россию недопустим ни в каком отношении». Все-таки под давлением германской армии отходившие с Украины советские отряды стали вступать на территорию Дона. Наименее дисциплинированные отступали, как правило, первыми. Примкнувшие к ним анархисты и просто бандиты творили различные беззакония, в том числе грабили у казаков семенной хлеб. Все это существенно обострило отношения казачества с советской властью.

Советское правительство осознавало всю опасность вторжения германских империалистов в Донскую область, что отрезало бы

центральные районы России от юга страны. Учитывалась и возможность соединения сил германского империализма с силами донской контрреволюции. В то же время советское руководство ни на минуту не забывало «о главном и решающем – о необходимости всемерно локализовать вооруженное столкновение с Германией, не дать ему разрастись в германо-советскую войну». Согласно телеграмме за подписью В. И. Ленина, было решено, что советские украинские войска при вступлении на территорию РСФСР будут разоружаться, чтобы лишить германское командование повода перейти границу вслед за ними.

Однако предотвратить германское вторжение на Дон не удалось. 23 апреля 1918 г. немецкие войска перешли границу Донской советской республики. 29 апреля они заняли станцию Чертково, чем перерезали прямую железнодорожную связь Ростова с Москвой. 1 мая с боем был занят Таганрог. Делегация в составе чрезвычайного комиссара на юге России Г. К. Орджоникидзе и главкома войск Донской республики В. С. Ковалева, направленная к германскому командованию добиться прекращения военных действий, цели своей не достигла, причем немцы объявили о намерении занять Ростов. Положение советской власти на Дону стало критическим.

Казачьи восстания. На Дону период с февраля по май 1918 г., период преобразований, проводимых советской властью, характеризуется изменением отношения различных слоев донского казачества к этим преобразованиям и к самой советской власти. Белогвардейцы в своих мемуарах отметили, что «со второй половины февраля месяца в станицах и хуторах началось пассивное сопротивление советской власти». Первые признаки нового отношения к Советам проявились в центре казачьей верхушки – Новочеркасске. Уже 7 марта 1918 г. председатель областного ВРК Ф. Г. Подтелков заявил: «Мы оставили Новочеркасск, который пришелся нам не по душе, и пришли в Ростов, где у нас больше сочувствующих».

Осознавая слабость своих сил, казаки начинают налаживать сношения с офицерством. Первое зафиксированное вооруженное столкновение с советской властью было именно на этой почве – 21 марта 1918 г. казаки Луганской станицы освободили 34 арестованных офицера. Донское офицерство тоже выказало желание объединить силы. Активный участник тех событий генерал Денисов вспоминал: «Словом, казаки ждали и искали руководителей, лица, чувствующие в себе силы быть руководителями... казаков, – искали сами себе работу, не выявляя своего лица». К концу марта 1918 г. почти в каждой станице появились представители офицерства, «будущие руководители тайно готовящихся

восстаний». Но это были единицы, и пока «сеть этих самородных и самобытных агентов» ширилась и вела тайные соглашения, начались стихийные вооруженные выступления. 18(31) марта 1918 г. вспыхнул мятеж в Суворовской станице 2-го Донской округа. 20 марта (2 апреля) – в Егорлыкской станице, через два дня – в Кагальницкой и Хомутовской станицах Черкасского округа.

Казаки-середняки, как и обычно, сначала колебались, дальнейшее развитие преобразований поставило казаков-середняков в прямую оппозицию к советской власти.

Беднейшее казачество приняло участие в преобразованиях там, где они проводились советской властью. Так, в коммунах, образованных на землях Западного конезаводства, «соединились в общем труде и казаки, и крестьяне». Правда, участие казаков не было таким активным, как участие крестьян. Статья «На суд народа» в газете «Донские известия», в которой коммунары описывали разгром их хозяйства, подписана 4 казаками, 2 калмыками и 18 крестьянами.

В связи с тем, что иногородные крестьяне перестали платить за аренду и стали пользоваться землей безвозмездно, отшатнулась на сторону зажиточных и часть казачьей бедноты, которая сдавала землю в аренду. Отказ иногородных от арендных платежей лишал ее значительной части доходов.

У казаков-фронтовиков революционное настроение заметно понизилось, как только они разошлись по домам. В. А. Антонов-Овсеенко вспоминал: «Еще в Питере, на казачьих совещаниях, я убедился насколько ревниво относятся даже передовые революционные станичники к вопросу о распоряжении землей казачьих областей. Они прямо ставили вопрос о том, что распорядителем этих земель должно быть само казачество...». Революционность казаков-фронтовиков была временной. В некоторых станицах, после своего возвращения, фронтовики стали главенствовать в «общественной жизни», они добились самых ограниченных преобразований внутри общины. Станичные дела решались общим собранием всех граждан станицы, были отменены станичные повинности, упразднены станичные суды, ревизионные комиссии.

Добившись своих целей или в случае обострения основных классовых противоречий, значительная часть молодежи забыла о разногласиях со «стариками» и офицерами. И когда 23 марта 1918 г. в Новочеркасске советская власть начала регистрацию офицеров, казачьи части, ранее воевавшие против Каледина (10-й полк и 6-й пеший батальон), требовали ее отмены и даже грозили применить оружие.

Нарастание классовой борьбы в целом по области, политика Донского советского правительства, взявшего курс на борьбу с кулачеством, обострили противоречия внутри казачества, и в апреле 1918 г. казак-большевик В. С. Ковалев, характеризуя взаимоотношения между казачьей беднотой и зажиточной верхушкой, констатировал: «Когда шли бороться советские войска с Калединым, эта пропасть не была заметна, а теперь она обнаружилась».

Показателем отношения казачества к советской власти стал 1-й съезд Советов Донской республики, проходивший 9–14 апреля 1918 г. в г. Ростове-на-Дону.

5 округов с преобладающим казачьим населением прислали на съезд 154 делегата (1-й Донской – 34, 2-й Донской – 14, Усть-Медведицкий – 53, Хоперский – 13, Сальский – 40 делегатов). И столько же (154) прислал один Таганрогский округ, где неказаки составляли 89 % сельского населения. Эти цифры показывают степень советизации казачества по сравнению с неказачьим населением. Так, Хоперский округ, имея более 240 тысяч населения, прислал всего 13 делегатов. Если учесть, что 1 делегат избирался от 5 тысяч населения, то представлены были приблизительно 65 тысяч. Некоторые округа соблюдали нормы представительства. Делегация Донецкого округа, где неказачье население составляло 51,1 %, состояла из 137 человек, из которых 64 были казаки – представители станиц. Но полнота представительства не свидетельствует о прочности новой власти. Так, в делегацию округа входили 4 казака-делегата Усть-Белокалитвенского станичного совета и один иногородный от той же станицы. У иногородного на мандате, «за отсутствием советской власти» в станице, стояла печать рабочего комитета Свинаревского рудника. Из 24 делегатов от северных станиц Донецкого округа по меньшей мере 6 впоследствии стали известны как станичные атаманы и офицеры.

В продолжение борьбы с богатыми слоями казачества на съезде Советов республики была принята резолюция: «Для полного торжества советского правительства необходимо победоносно закончить разрастающуюся на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества». В. И. Ленин отметил, что «в этих словах заключается самое верное определение задач революции. Именно такая борьба и по всей России стоит теперь на очереди».

Съезд высказался за признание Брестского мира, констатировал, что Донская республика – часть РСФСР. Однако не все делегаты считали советскую власть окончательно установившейся и признанной. Один из них заявил, что они собрались, чтя «решить сейчас, под какую власть мы должны пойти и стать в ее распоряжение».

При выборах в Центральный исполнительный комитет выяснилось, что большая часть казаков, сторонников Советской власти, находилась под влиянием левых эсеров. При выдвижении кандидатов в списках левых эсеров было 22 казака, в этом числе Ф. Г. Подтелков и М. В. Кривошлыков, в списке большевиков – 16 казаков, среди них В. Ковалев, И. Дорошев, И. Ермилов. Но если сравнить результаты голосования казаков в Учредительное собрание с этими цифрами, видно, что к апрелю 1918 г. произошел заметный сдвиг революционно-настроенных казаков с позиций эсеров на позиции большевиков.

Делегаты съезда дружно голосовали за большевиков и левых эсеров. Но воля большинства не всегда определяется результатами голосования или опроса. Так, от Верхне-Донского округа в ЦИК республики были выбраны два казака (оба от партии левых эсеров). Один из них, К. Ф. Мрыхин, был расстрелян в составе экспедиции Подтелкова, другой, Я. С. Родин, принимал участие в суде над этой экспедицией.

Казаки – члены ЦИК стремились сгладить разрастающийся конфликт трудового казачества с советской властью, разрешить его. Председатель президиума съезда В. Ковалев заявил: «Пусть каждый казак знает, что съезд не занимается гражданской войной». Тем не менее Ф. Г. Подтелков в своем выступлении противопоставил казачьи округа пролетарским центрам: «... говорят, что нужно выбирать из округов, но ведь из округов-то на нас идут, чтобы разогнать штыками и пулеметами. Они идут на две те партии, которые хотят провести в жизнь идею трудового народа».

На съезде были созданы руководящие органы Донской советской республики. Во главе Донского ЦИКа стал казак-большевик В. С. Ковалев. Правительство (Донсовнарком) возглавил казак Ф. Г. Подтелков, проходивший по списку левых эсеров.

Таким образом, обострение классовых противоречий на Дону, связанное с проводимыми преобразованиями, привело к тому, что зажиточное казачество стало на позиции, враждебной советской власти, но основная масса казаков все еще колебалась.

Первым ярким проявлением колебаний массы казачества стала «голубовщина». Часть красных казаков, находившихся в Новочеркасске и участвовавших ранее в боях с Калединым, стала в оппозицию к областному ВРК, их командующий Голубов начал агитацию об избрании его атаманом и даже пытался провести мобилизацию против советской власти. Настроение этих войск характеризовалось повышенным вниманием к судьбе бывшего товарища (заместителя) председателя Войскового правительства М. П. Богаевского, сдавшегося 17 марта 1918 г. М. П. Богаевский – «педагог-историк, беспар-

тийный, но с ярко выраженным народническим оттенком» находился на Новочеркасской гауптвахте и имел возможность выступать перед казаками гарнизона. Он призывал казаков и крестьян прекратить междоусобицу, причем «разрешение народных интересов он видел в эволюционном процессе». Прежние взгляды его заключались в следующем: «казакам управление в духе исторических традиций, войска автономны, земли неприкосновенны...».

Голубовская авантюра была ликвидирована почти без выстрела. М. П. Богаевский был переведен в Ростов, но его имя с тех пор стало одиозным. «...открытые... выступления против советской власти начались с того времени, как Голубов начал брататься с Богаевским», – подметили современники. Сразу же после голубовской авантюры, 14 апреля 1918 г. «горсть казаков пригородных станиц» захватила Новочеркасск под предлогом освобождения М. П. Богаевского. Восстания вспыхивают сразу в нескольких местах. В Новочеркасске мятежники сформировали свое правительство – Совет обороны, переименованный впоследствии во Временное Донское правительство.

На первых порах Временное Донское правительство значительным авторитетом не пользовалось. 15 апреля 1918 г. оно пыталось занять у местных капиталистов хотя бы 2 млн рублей, но получило отказ. В это же время казаки 1-го Донского округа обратилось к генералу Краснову с просьбой принять руководство восстанием. Краснов ответил: «Я казакам не верю и никакого дела с ними иметь не желаю».

Наступление советских войск вынудило повстанцев бежать из Новочеркасска. Для казаков, не прекращавших вооруженной борьбы, начался период накапливания и консолидации сил, который для наиболее организованных «низовцев» выразился в «Заплавском сидении» 18 апреля – 6 мая 1918 г. – собирании и реорганизации сил в районе станицы Заплавской. В то же время велась самая широкая агитация среди середняцкой и бедняцкой массы казачества, нередко выливавшаяся в лозунг «За Советы без коммунистов». Шел лихорадочный поиск союзников, вплоть до делегаций к «гайдамакам», которые были направлены 28 апреля казаками Гундоровской станицы. Делегация не нашла «гайдамаков», но встретила немецкие войска, к которым не побрезговала обратиться за помощью.

Во время первых неудачных выступлений, 10 апреля делегация от 11 станиц 2-го Донского округа прибыла в «Отряд Вольных донских казаков» генерала П. Х. Попова с просьбой спешить на помощь. 27 апреля делегация восставших казаков южных станиц Черкасского округа, отрезанных от «заплавцев» разливом Дона, прибыла в Добровольческую армию к генералу Алексееву. «Приезд этой

делегации окончательно решил вопрос о дальнейшем направлении движения Добровольческой армии», – вспоминали современники.

Получив известия о начавшихся мятежах, отряд генерала П. Х. Попова 15 апреля вышел из Сальских степей и 20 апреля достиг окружного центра 1-го Донского округа – станицы Константиновской. Некоторые мятежные станицы округа, не спрашиваясь у Временного Донского правительства, двинули свои отряды на соединение с «партизанами» генерала Попова.

23 апреля 1918 г. Временное правительство послало к генералу Попову делегацию во главе с председателем правительства Г. П. Яновым. И хотя обе «высокие стороны» встретились «весьма холодно», интересы борьбы с советской властью теперь возобладали над противоречиями между «партизанами» и восставшим низовым казачеством. 24 апреля 1918 г. Временное Донское правительство «для пользы дела и успешности борьбы» передало высшее командование и полноту военной власти генералу Попову, сохранив за собой до созыва Круга спасения Дона всю полноту гражданской власти. И хотя генерал П. Х. Попов был «непопулярен» (между ним и командованием «Заплавской группы» сохранились «неприязненные отношения»), повстанцы все-таки пошли на это, так как массовой активной поддержки казаков-середняков пока не имели (из всех донских станиц лишь 10 поддержали восстание), а за Поповым стояла Добровольческая армия.

Среди большинства казачества, особенно среди фронтовиков, сохранялись еще сильные антиофицерские и антипомещичьи настроения. При соединении повстанцев Черкасского округа с отрядом Попова многие казаки, примкнувшие к восставшим, заколебались. Некоторые дружины даже были разоружены. Но все же объединение значительно усилило мощь повстанцев. По мнению очевидцев, к концу апреля 1918 г. советские «отряды уже были значительно слабее казаков, и только хорошее вооружение давало перевес в силах».

К моменту выхода германских войск к границам Дона местные казачьи силы находились в процессе консолидации под руководством проантантовски настроенных офицеров и генералов, имели полковую организацию и насчитывали до 10 тысяч штыков и сабель (данные на 25 апреля 1918 г.), а с повстанцами северных и восточных округов – до 17 тысяч (данные на 18 апреля 1918 г.).

Руководство Донской советской республики решило в своей борьбе с немецким наступлением и местной контрреволюцией опереться на казаков менее зажиточных северных округов, которых оно считало более революционными. Глава Донского совнаркома Ф. Г. Подтелков во главе мобилизационной комиссии выехал на се-

вер области проводить мобилизацию. Но по дороге Подтелковская экспедиция была разоружена восставшими казаками Верхнее-Донского и Усть-Медведицкого округов. По приговору военно-полевого суда экспедиция была расстреляна, Ф. Г. Подтелков и М. В. Кривошлыков повешены.

В конце апреля 1918 г. донские повстанцы объективно вступают в оперативно-стратегическое взаимодействие с германскими войсками. Дерущиеся с немцами украинские советские войска впервые ощутили это взаимодействие 25 апреля. 6 мая 1918 г. объединенные силы донских повстанцев, пользуясь трудным положением советских войск, начали наступление на Новочеркасск и 8 мая при помощи офицерского отряда полковника Дроздовского заняли этот город. В тот же день германскими войсками и белоказаками, наступавшими с двух сторон, был занят г. Ростов. На этом продвижение немецких войск вглубь Донской области временно прекратилось.

Правительство Донской советской республики перебралось из Ростова сначала на Север области, затем в станицу Великокняжескую, где пыталось организовать борьбу с казачьим восстанием. Опорой его в этой борьбе стали донские крестьяне. Глава ДонЦИКа В. С. Ковалев возглавил 1-ю Донскую стрелковую дивизию Красной Армии из донских крестьян.

После захвата казаками Великокняжеской Донское советское правительство уехало в Царицын, где 12 августа 1918 г. приняло решение о самороспуске с 1 сентября. 30 сентября 1918 г. ВЦИК постановил – считать деятельность Донского советского правительства ликвидированной.

§ 12. Всевеликое Войско Донское

Круг спасения Дона. «Круг спасения Дона», собравшийся 11 мая 1918 г. в Новочеркасске, сформировал новую власть на Дону.

Не надеясь до конца на массовую поддержку, восставшие казаки обеспечили себе большинство самой избирательной системой, согласно которой станица выдвигала на Круг одного делегата, а полк или дружина, выставленные станицей против большевиков, – двух делегатов. Председателем Круга и его товарищем (заместителем) были избраны члены Временного Донского правительства. «Тон задавала “черкасня”, депутаты ближайших к городу станиц,

так как их больше всего собралось». Проанализировав расстановку сил на Круге и убедившись в своем превосходстве, низовая казачья интеллигенция начала проводить свою, не согласованную с «партизанами» политику. Первым шагом был принудительный заем в 4, 2 млн рублей у местных капиталистов. В противовес руководителю донской служилой верхушки генералу Попову, представители «Заплавского сидения» выдвинули генерала П. Н. Краснова «как старшего по службе из донских генералов». Решающую роль в этом выдвижении сыграл командующий Южной группой войск, фактически штурмовавший Новочеркасск, полковник С. В. Денисов, который во время Мировой войны долгое время служил под командованием П. Н. Краснова.

Командующий Добровольческой армией генерал Деникин, стремясь взять под свой контроль донских повстанцев, послал на Круг своего претендента в Донские атаманы – брата калединского сподвижника, генерала Африкана Богаевского, но тот опоздал к началу выборов.

Краснов выступил с докладом, который должен был стать программой деятельности Круга. Программа предусматривала привлечение на свою сторону всех слоев казачества, Тезис «казачество стоит вне партий» стремился затушевать классовые противоречия внутри сословия, тезис «все силы на восстановления старины» идеализировал добуржуазные “патриархальные отношения “вольных степей” и должен был придать движению некий ореол романтизма. Тезис «казачество участвует в освобождении русского народа от большевизма» определял цели объединения, но, учитывая отсутствие единства взглядов по этому вопросу среди казаков, Краснов уточнил непосредственно цели военных действий – выход на линию Царицын – Поворино – Лиски.

Взаимоотношения с антисоветскими силами были оговорены в тезисе «все, кто против большевиков, – наши союзники». Отношение к немецким войскам, которые, будучи в данный момент антибольшевистской силой, подходили под разряд «союзников», было выражено туманно: «с немцами войны быть не может, но казачество – свободно».

В интересах казачьего сообщества было высказано требование об утверждении всех прав казачества при «восстановлении России». Домогательства казачьей верхушкой большей самостоятельности выразились в тезисе, что донской атаман будет непосредственно подчиняться лицу, возглавляющему центральную власть.

Гарантом воплощения в жизнь всех этих идей Краснов считал создание постоянной казачьей армии.

16 мая 1918 г. П. Н. Краснов был избран донским атаманом 107 голосами против 23. Других претендентов на этот пост не было. Лишь 1 голос был подан за социалиста П. Агеева.

Делегации, посланные Красновым к германскому командованию, хотя и оговаривали неприкосновенность донских границ, основной целью имели заключение соглашения о военной и политической поддержке в обмен на поставки Доном продовольствия для Германии. На вопрос, долго ли немецкие войска пробудут на донской земле, Краснов удовлетворился туманным ответом, что немцы уйдут, «как только увидят, что на Дону восстановился полный порядок».

Диктатура генерала Краснова. Летом 1918 г. донские казаки во главе с атаманом П. Н. Красновым занимают всю территорию Дона и вместе с Добровольческой армией генерала А. И. Деникина помогают восставшим кубанским казакам. В августе 1918 г. к восстанию присоединяются астраханские казаки.

На Дону вспышка классовой борьбы привела к переходу казачества (в том числе и части бедноты) в южных округах на сторону белых, в северных, более однородных в классовом и сословном отношении, округах казаки были склонны к нейтралитету, но подчинялись мобилизации. Подобный поворот событий замедлил политическое размежевание внутри сословий. Крестьянство на Дону единодушнее, чем где бы то ни было в России, было всецело на стороне Советов. Низовые казачьи станицы (Бессергеневская, Мелеховская, Семикаракорская, Есауловская, Нагаевская, Кагальницкая и др.) выносили приговоры о выселении иногородных. Беженцы с Дона сообщали, что «кадеты вырезают крестьянское население». Война приобрела сословную окраску.

При всех боевых качествах казаки-повстанцы, как и во времена крестьянских войн, освободив свою станицу, не хотели идти дальше, и «поднять их на энергичное преследование противника не представлялось возможным. Все пока держалось на исключительной доблести и самопожертвовании офицеров, учащейся молодежи и особенно стариков, своим авторитетом влиявших на фронтовиков». Восставшие хотели бороться с большевиками, но ничего не имели против Советов. Как считали современники, «восставая, казаки меньше всего думали об устройстве своего государства. Восставая, ни на минуту не забывали того, что можно помириться, коль скоро советская власть согласится не нарушать их станичного быта». Поэтому еще Временное Донское правительство, отменив большевистские декреты, поспешно объявило об оборонительном характере войны и курсе на примирение классов: «Намерение Временного правительства – не выходить за пределы области, но отстаивать ее территорию в исторических границах. Как будет закончена борьба, будет созван

большой Круг и съезд неказачьего населения». Было и обращение к рабочим, «которые найдут в правительстве охрану труда».

Краснов, человек, несомненно, талантливый, на посту атамана повернул дело гораздо «круче», он сумел проявить не только великолепные организаторские, но и незаурядные дипломатические способности.

Круг Спасения, объявивший о своем временном статусе до созыва Большого Войскового Круга, всю полноту власти по управлению областью и ведению борьбы с большевизмом вручал атаману. Как залог своего избрания на атаманскую должность, Краснов настоял в разработанных им самим основных законах на исключительно властных атаманских полномочиях. Из 50 статей здесь 8 – прямо указывали на них, еще 7 так или иначе подчеркивали его ведущую и координирующую роль в создании и деятельности различных центральных ведомств.

Так, «власть управления Войском во всем ее объеме принадлежит Войсковому атаману в пределах всего Всевеликого войска Донского», «атаман утверждает законы, и без его утверждения никакой закон не может иметь силы», «атаман назначает как председателя совета управляющих отделами, так и самих управляющих отделами...», «атаман есть высший руководитель всех сношений Всевеликого войска Донского с иностранными государствами», он же – «верховный вождь Донской армии и флота». Что же касается личной ответственности, то в этом отношении Краснов предпочел «остаться один вне критики Круга или Кругом назначенного правительства».

Отличительными чертами достаточно жесткой формы правления было то, что атаман руководил внешней и внутренней политикой, являлся верховным вождем армии и флота, объявлял осадное положение, заключал мир, а законы, принимаемые в войске, не имели силы без его утверждения. Формально атаман не являлся главой правительства, но при нем был создан Совет управляющих, который тоже не являлся правительством в прямом смысле этого слова. Это был деловой кабинет атамана, не обладающий законодательной инициативой. Совет был полностью подчинен Краснову и решал лишь насущные проблемы войска.

Проводимая Красновым внешняя политика, как уже было сказано выше, в основном определялась реальностью германского присутствия в низовьях Дона.

Взаимоотношения «доно-германские» теснейшим образом переплетались со взаимоотношениями «доно-украинскими». В области внешней политики Краснов первым делом потребовал от ведомства иностранных дел «войти в немедленные дипломатические сноше-

ния с Киевом» и поставил ближайшую задачу – выяснить отношение к Войску со стороны Украины. Украина к тому времени была официально признана независимым государством и Германией, и советской Россией.

Несмотря на общие интересы, донское правительство сразу же вступило с гетманом в конфликт. Стремясь укрепиться по линии Дона и в Донецком угольном бассейне, немцы поддерживали претензии гетманского правительства на Таганрогский и Ростовский округа Донской области, так как там якобы 67 % населения составляли украинцы (на самом деле – 27 %). Взамен гетман предлагал донским казакам... устье Волги. Между тем эти округа давали 70 % всего налогового дохода Войска Донского, 81 % добываемого угля, на их территории располагалось 86 % фабрик, заводов и других предприятий области. Донское правительство сразу же заявило, что «считает Ростов и Новочеркасск в Донской области. Присутствие германских войск не означает оккупацию или украинизацию этих городов», и начало тяжбу с гетманом за Таганрогский округ. Зная истинную цену «Украинской державе», донские делегации и сам атаман в основном переговоры вели с немцами, а гетманское правительство иногда с презрением называли «неудачным экспериментом на живом народном организме».

Еще одним фактором, предопределившим интерес Дона к Украине, был вопрос о вооружении. В области снабжения армии оружием главными источниками были трофейная добыча и получение от немцев. Немцы же брали оружие на русских складах, захваченных ими на Украине и частично переданных в ведение гетмана Украины. Как считал один из первых исследователей истории гражданской войны Н. Какурин, «контрреволюционный Дон извлек для себя гораздо больше пользы от соседства с германской оккупационной зоной, чем Украина, захваченная ею». Хотя главной целью оккупации Дона немцами являлось ограбление и колонизация земель, максимальное выкачивание материальных ресурсов для усиления немецкой военной машины, но ограблению в основном подверглись Таганрогский и Донецкий округа, где подавляющую часть населения составляли крестьяне. Казачьи станицы пострадали в единичных случаях. Краснов развернул действительно «взаимовыгодную торговлю», приравняв 1 марку к 75 донским копейкам. За 1 русскую винтовку с 30 патронами немцам давали пуд ржи или пшеницы. Подобную цену на оружие трудно назвать высокой.

Во внутренней политике Краснов опирался на привилегированное казачество. Будучи монархистом по убеждениям, он, придя к власти, очень круто взял «вправо». Приказом № 1 было объявлено, что Всевеликое Войско Донское «управляется на твердых основа-

ниях Свода законов Российской империи...». Все законы Временного правительства и декреты СНК отменялись. Объяснялось это тем, что «все перемешалось в мозгах несчастных русских граждан, и многие не знали, что представляет из себя закон правительства Львова или Керенского, а что – декрет Ленина. Атаман счел необходимым вернуться к исходному положению – до революции». Однако резкое недовольство, которое вызвал этот приказ у большинства казаков (атаман отметил, что в основном «против» была донская интеллигенция), заставил уже через неделю издать приказ № 12, в котором объявлялось, что отменяя законы Временного правительства, донские власти «не думали посягать на свободу граждан». Пункт приказа, отменяющий законы Временного правительства, объявлялся временным: «Всевеликое Войско Донское, благодаря историческим событиям поставленное в условия суверенного государства, стоит на страже завоеванных революцией свобод. Все законы Временного правительства, укрепляющие Русскую государственность и способствующие укреплению и процветанию края, лягут в основу жизни Всевеликого Войска Донского. В наикратчайший срок законы, охраняющие права населения и общественных организаций, будут проведены в жизнь». В конечном итоге в специальной декларации 5 июня 1918 г. «впредь до образования в той или иной форме Единой России» Войско Донское объявлялось «самостоятельной демократической республикой».

Первоначальные монархические жесты атамана и жестокий террор (даже кадеты, «сочувствуя идее создания сильной власти на Дону, сожалели по поводу первых поспешных шагов»), создавали впечатление крайней реакционности режима. Однако при ближайшем рассмотрении видно, что основная власть принадлежала «беспартийному», но эсеровски настроенному (с поправкой на сословную обособленность) Кругу, который настоял на введении всеобщего избирательного права для казаков и казачек и натравливал атамана на донских помещиков и служилую верхушку. По мнению современников, «Круг – «сборище старых вахмистров, станичных атаманов и, в лучшем случае, “химических офицеров”... слепо шел за небольшой группой вожаков-интеллигентов казакоманского направления». Казакоманы же «по большей части были порождением керенщины» и «как пародия на меньшевиков и эсеров, были соглашателями по натуре». Официальных членов эсеровской партии среди членов Круга почти не было, меньшевиков было единицы. Кадеты же составляли атаману оппозиция «справа», хотя с самого начала Краснов пытался привлечь их к тесному сотрудничеству и предлагал войти в правительство местному кадетскому лидеру и миллионеру Н. Е. Парамонову. Парамонов отказался, требуя, чтоб

из правительства убрали одиозных контрреволюционеров и ввели его сторонников. Краснов на это не пошел, и Парамонов с Харламовым (местные кадетские лидеры) отныне стали во главе оппозиции.

Внутренние вопросы Круг в основном решал единогласно, расхождения были по вопросу о степени зависимости Дона от будущей Великой, Единой и Неделимой России и по «внешним» вопросам. «Дон раскололся на ориентации», – писал Краснов, – все хлеборобы и большинство интеллигенции (т. е. потенциальные эсеры. – *А. В.*) были за немцев, кадеты и многочисленные политические беженцы – за союзников».

Пользуясь тем, что в Круге формальных членов партий были единицы, Краснов в черном теле держал все общественные организации.

Будучи ставленником зажиточных казаков-низовцев, Краснов послушно травил лидеров донской служилой верхушки – «степных генералов» и уцелевших «партизан».

Однако, будучи ставленником зажиточных низовцев, Краснов не во всем выражал интерес выдвинувших его казаков. С самого начала подыгрывая настроению Круга, атаман заявил, что «путь спасения Дона лежит в окончательном его отделении от Матушки-России», но с первых шагов деятельности генерала Краснова намечается расхождение его с войсковым Кругом по основным политическим вопросам. Целью Краснова было втянуть казачество в затяжную войну с советской Россией и в итоге повести его на Москву. Атаман чувствовал, что у него нет силы заставить пойти, и потому делал все возможное, чтобы пошли сами.

Пытаясь установить авторитарный режим, Краснов писал, что у него четыре врага: «...наша донская и русская интеллигенция, ставящая интересы партии выше интересов России, мой самый страшный враг». Затем шли: генерал Деникин, иностранцы – немцы или союзники и большевики, которых атаман якобы боялся меньше всего.

Самыми энергичными мерами налаживалась экономическая жизнь области. От управляющих отделом финансов и торговли и промышленности Краснов требовал создать «стройную систему налогового обложения», напечатать свои ассигнации и заменить ими марки Временного правительства. Предполагалось развитие свободной торговли, «добиваясь понижения цен конкуренцией, но не нормировкой цен», было дано указание «призвать к жизни кооперативы и дать им возможность самого широкого развития». Краснов писал, что у императора Вильгельма он «просил машин, фабрик, чтобы опять-таки как можно скорее освободиться от опеки иностранцев». Предполагалось развивать «новые отрасли промышленности с наилучшим современным техническим оборудованием», разрабатывались проекты Волго-Донского и Донецко-Днепровского каналов.

Земельный вопрос предполагалось если не разрешить, то сгладить. Своего рода источником земли стали земли всех, кто ушел с красными. Было приказано засеять все пустующие участки земли помещиков засеять, используя пленных красноармейцев, а урожай сдать в казну. «Выработать максимальную норму частного землевладения и правила отчуждения земли для выдачи безземельным».

В области внутренней политики был снижен возрастной ценз для казаков, право голоса получили казачки. За период красновского правления было открыто 8 гимназий и много начальных школ. Поезда на территории войска Донского ходили строго по расписанию, и даже извозчики брали за проезд по дореволюционным расценкам. Тем не менее, в бюджете «доходы покрывали 46 % расходов, а 57 % расходов шли на армию».

Донская армия. Борьба с большевиками изначально велась повстанческими дружинами, которые сразу же стали переформировываться в полки.

Изначально решено было из казаков 1918–1919 «годов присяги» создать постоянную армию в 3 конные дивизии и 1 пешую бригаду, а «для охраны станиц и городов составить конные и пешие сотни из казаков 1912–1917 годов», «по мере успокоения войска распускать по домам для мирных работ всех казаков остальных возрастов».

Во время войны предполагалось иметь 36 конных и 8 пластунских полков, 18 конных, 4 мортирные и 4 гаубичные батареи. Они сводились в дивизии, корпуса и фронты. Одна из дивизий именовалась «пограничной» и предназначалась для охраны границ Всевеликого Войска Донского.

В реальности в условиях гражданской войны в прифронтовой полосе казачьи станицы выставляли в строй всех, способных носить оружие. Количество полков приблизилось к 100. Большинство из них из-за нехватки лошадей были пешими – пластунскими.

Донская армия к осени 1918 года имела Донскую флотилию, авиационные и броневые дивизионы, военно-химическую службу. Шире стало применяться производство в офицеры за боевые заслуги, офицерство моложе 31 года теряло право на отставку.

Особым предметом гордости Краснова и его помощников служила «молодая армия» срочной службы, созданная из казаков 1918–1919 «годов присяги» В августе она состояла из 3 конных, 1 пластунской дивизии и насчитывала 18 352 человека, а в сентябре – уже 25 000 бойцов. Вымуштрованная «молодая армия» не знала дезертирства и партизанщины. Краснов берег ее, не посылал на фронт, чтобы впоследствии вести на Москву.

Количество войск неуклонно увеличивалось: в начале мая Донское командование уже имеет 17 тысяч организованных бойцов

при 21 орудии против 70 тысяч большевиков. К 1 июня 1918 г. донской атаман располагал уже 49 тысячами человек.

В конечном итоге, преодолев местнические настроения повстанцев, к лету 1918 г. Краснов, по мнению белогвардейцев, имел, «около 100 тысяч вполне удовлетворительной в общем и прекрасной по частям армии». Даже летом в условиях полевых работ, то распуская, то призывая казаков различных возрастных групп, он смог постоянно держать на фронте 50-тысячное войско.

Для несения тыловой службы было привлечено все население, включая стариков, женщин и детей, на которых также лежали все заботы по хозяйству. Видевший белое движение изнутри, журналист Г. Раковский считал, что восстание казаков имело «характер широкого народного движения в общероссийском масштабе». А. И. Деникин, характеризуя казачье восстание на Дону, отметил: «Донской армии по существу не было: был вооруженный народ. Точнее, вооруженный класс...».

Неслучайно в начале июня 1918 г., делая заметки к плану доклада о борьбе с голодом, В. И. Ленин отметил две главные силы в стране, противостоящие большевикам: «чехословаки, Краснов».

К осени 1918 г. донские полки вышли к границам Дона и повели наступление на ближайшие «русские» города – Царицын, Камышин, Воронеж. Рядовые казаки шли за границы Войска неохотно. Но Краснов обещал, что захват этих городов необходим для надежного прикрытия границ Дона, что взяв их, можно будет начать с большевиками переговоры о мире.

Конец Красновского режима. На Большом войсковом Круге Краснов в августе–сентябре 1918 г. был избран Донским атаманом на 3 года.

Программа большинства Круга так и не была сформулирована окончательно. Идеологи казачества «так и не могли выработать определенной казачьей социально-экономической программы, программу... заменяла романтика», считали современники. Тем не менее, не имея собственной четкой позитивной программы, большая часть Круга все же воспротивилась монархическим выпадам своего ставленника. Особенно непреклонно была настроена Донская армия. На войсковом Круге в августе 1918 г. представитель Донецкого округа заявил: «... у казачества на местах и на фронте головы закружились от того, что здесь в Новочеркасске слишком рано запели «Боже, царя храни».

В ноябре 1918 г. в связи с революцией в Германии и уходом германских войск ухудшилось положение на фонтах Донской армии, оставшейся временно без иностранной поддержки.

Главным своим «компаньоном» страны Антанты, начавшие борьбу с советской Россией, считали руководство Добровольческой армии, так как «хотели говорить о старых долгах с теми, над знаменами которых витала тень прежней России». Донских казаков «союзники» тоже не хотели выпускать из-под своего контроля. 7(20) декабря 1918 г. генерал Пуль писал Краснову, что «его правительству выгодно единение среди генералов и подчинение Краснова Деникину».

В начале 1919 г. Красная Армия наступала, и спасение было лишь в объединении сил контрреволюции; кроме того, реальную материальную помощь от иностранного капитала теперь можно было получить только через Деникина. Попытки Краснова договориться помимо Деникина с кубанской казачьей верхушкой о военной помощи не удались. В Кубанской Раде действительно была очень сильная оппозиция Деникину, но высшее кубанское офицерство, в том числе и атаман Кубани Филимонов, было настроено проденикински. После прибытия в порты Черного моря «союзнических» транспортов и удачных для «белых» боев со второй половины 1918 г. позиции «добровольцев» на Кубани были очень сильны. «Просьба о помощи удовлетворена, но высылку частей предоставляю главкому», – туманно ответил Краснову кубанский атаман Филимонов.

8 января на станции Торговой Краснов был вынужден признать верховное командование Деникина. В феврале 1919 г. Круг принял отставку генерала Краснова, скомпрометировавшего себя как лидера «немецкой ориентации». Казаки, ставшие под знамена борьбы с большевиками, не поддержали его, так как атаману «не удалось дать своим избирателям главного, что ожидалось – мира и спокойствия», – считали современники.

§ 13. Красные казаки

Создание первых красных казачьих частей. Сразу же после Октябрьской революции был создан Казачий Комитет, а затем Казачий отдел при ВЦИК, представлявший в высшем законодательном органе советской власти казачество. Казачий отдел должен был осуществлять «непосредственное руководство организационной, политической работой среди трудящихся казаков».

Временами отдел претендовал на общее руководство политикой в Донской области, заявляя, что он, «работая в центре, выпрямлял политику» Советского правительства «по отношению к казачьим областям, устраняя ее крайности». Иногда Казачий отдел был склонен рассматривать себя как агитационный орган.

Так, 8 октября 1919 г. его члены писали В. И. Ленину: «Казачий отдел всегда существовал в виде вывески революционного казачества, с одной стороны, чтоб знали про него у Деникина и Дутова, с другой – знал бы и пролетариат, что не все поголовно казаки сражаются в рядах белогвардейцев».

Вторжение германских войск на территорию области и новое обострение гражданской войны ускорили расслоение казачества. С самого начала нового периода гражданской войны часть казачьей бедноты оказала вооруженное сопротивление белым и немцам, вступила в Красную Армию. Расчеты показывают, что зависимость числа казаков, ушедших в Красную Армию, от числа бедняцких хозяйств в станицах, откуда ушли казаки, была очень высока.

Казачья беднота присоединялась к отступающим от немцев советским частям, как только те вступали на территорию станиц. Так, едва Тираспольский отряд Красной Армии вступил в Донскую область и прошел около 30 верст, белогвардейская разведка уже выявила в его рядах несколько казаков.

Из казаков, присоединившихся к отступающей 5-й армии К. Е. Ворошилова, был сформирован Донецкий кавалерийский полк. С активизацией контрреволюции в южных округах с появлением там Добровольческой армии, усилился приток казачьей бедноты в Красную Армию и в существующие уже в том районе казачьи краснопартизанские отряды. В Стальной дивизии Д. Жлобы были сформированы Южно-Донской советский и 2-й Донской крестьянско-казачий пехотные полки, куда вошли отряды молодых казаков станицы Мечетинской.

В северных и северо-восточных районах области, где условия были более благоприятные для формирования советских частей, организация красного казачества приняла форму мобилизации, причем в некоторых местах почин этот исходил от казачьей бедноты. 9 мая 1918 г. Михайловский станичный Совет Хоперского округа постановил: «... произвести мобилизацию в станице Михайловской тех годов, которые укажет Окружной исполнительный комитет. Копия передана... на предмет доклада центральной Советской власти о порядке сформирования вновь 1-го Донского казачьего полка». Во 2-м Донском округе, «в станицах Верхне-Курмоярской, Потемкинской и Нагаевской казаки сами мобилизуют пять годов на защиту трудового народа». В июне 1918 г. началась мобилизация в Сальском округе в крестьянско-казачий социалистический полк. Началась мобилизация крестьян и казаков в Усть-Медведицком округе.

Дело мобилизации осложнялось отсутствием оружия и снаряжения. Все это было выделено советским правительством, но так и не успело к месту назначения. «Отказ города Царицына в выдаче

оружия заставляет не только опустить руки, но и распустить мобилизованных казаков и солдат», – докладывал известный красный казак Миронов. В целом мобилизация не дала ожидаемых результатов, но часть мобилизованных казаков осталась в рядах Красной Армии.

Несмотря на мобилизацию, основу казачьих отрядов в Усть-Медведицком округе в мае–июне 1918 г. составляли добровольцы, уступавшие количественно красноармейцам-неказакам. Так, в Михайловской дружине, ставшей основой для формирования Усть-Медведицкой советской дивизии, 4 июня 1918 г. числилось 263 человека, из них 63 казака из 15 станиц Усть-Медведицкого и Хоперского округов. И впоследствии, когда дружина была развернута в Усть-Медведицкую бригаду, в нее входили 3 сотни казаков и 14 рот иногородных. Не все бедняцкое казачество и не сразу стало с оружием в руках на сторону советской власти. Член Казачьего отдела ВЦИК Ф. Чекунов отмечал колебания в станице Раздорской-на-Медведице в начале лета 1918 г.: «Молодые же казаки, особенно из бедняков, ругают всех: и Краснова, и своих станичников-богатеев, и Советы, и не знают, где правда».

Часть казачьей бедноты считала врагами помещиков и офицеров, но доверяла своим богатым станичникам. Сказалась неспособность бедноты возглавить трудовое казачество и неподготовленность последнего идти за беднотой в классовой борьбе. Призыв Ф. Чекунова в Раздорской станице «сделать выборы в Совет из беднейших элементов, показался сначала смешным». Сказывалась усталость от войны.

Большое значение имела белогвардейская агитация. В Казачий отдел ВЦИК докладывали: «На казаков сильно действует провокация, что у казаков русские отберут землю и казаков вышлют в Сибирь». Проводилось и религиозное давление. В станице Старочеркасской на молебне во время белогвардейской мобилизации были преданы проклятию все, кто не хотел браться за оружие.

Некоторые казаки-бедняки из отдаленных хуторов просто выжидали, но не смогли уклониться от белогвардейской мобилизации. Как сообщали казаки хутора Хлебного Качалинской станицы: «хутор по правую сторону реки Дон, поэтому нам нельзя было сразу перейти на сторону советских войск», казаков от 17 до 48 лет белые взяли в армию, а остальных мужчин отправили в Новочеркасскую тюрьму. Попав на фронт, такие казаки не решались перейти к красным вдали от дома, ждали, когда советские войска подойдут к их хуторам. Осенью 1918 г. казаки-бедняки центральных округов, прибывшие под Царицын, подбрасывали красноармейцам письма, в которых просили наступать сильнее.

Красновские указы за переход к красным лишали казачьего звания и пая земли. Уходя из станицы к красным (к августу белые захватили почти всю территорию Донской области), казак автоматически становился сельским пролетарием. Борьба лично для него теперь превращалась в борьбу за землю. Таким образом, прежде чем уйти в Красную Армию и тем самым лишиться всего своего состояния, казак колебался и уходил, если был твердо убежден в своей правоте или, по крайней мере, в победе Красной Армии. Но став в ряды красноармейцев, новоявленный пролетарий был более надежен, чем мобилизованный крестьянин.

Развитие и обострение гражданской войны, мобилизация в белую армию принуждали казачью бедноту к активности.

В июне–сентябре 1918 г. казаки-бедняки поодиночке и группами перебегают из белой армии и с территории, занятой белыми, в советские войска. 18 июня 1918 г. 35 казаков станицы Кепинской во главе с М. Ф. Блиновым бежали от белой мобилизации, предварительно перебив приехавших мобилизовать офицеров. Эта группа послужила основой для кавалерийской бригады 23-й Усть-Медведицкой дивизии.

Разгром белогвардейцев под Царицыным в августе 1918 г. увеличил поток перебежчиков, что позволило члену РВС 10-й армии писать И. В. Сталину 31 августа 1918 г.: «Наши дела на фронте идут хорошо. Не сомневаюсь, что пойдут еще лучше (качество разлагается окончательно)». Однако колебания казачьей бедноты еще продолжались. Нарком по военным делам Донской республики Е. А. Трифонов в августе 1918 г. указывал на массовые переходы казаков из лагеря в лагерь. «И вот казачья беднота стоит в страшном смущении и не знает, под кого ей пойти: под генералов и помещиков, к которым она питает яростную ненависть, или под московских комиссаров и красноармейских командиров, на которых она озирается с большой опаской и недоверием».

Только в сентябре–октябре 1918 г. красные казачьи отряды сводятся окончательно в полки, но и в сентябре в полках ряд приказов пестрит параграфами об исключении из списков казаков, «бежавших в кадеты», и о зачислении «перебежчиков от кадет». Так, из 20 казаков, состоявших в 1919 г. в ячейке сочувствующих во 2-м Донском революционном полку, в мае 1918 г. в полк поступил 1 человек, в июле – 4, в августе – 3, в сентябре – 10, в октябре – 2 человека.

Больше всего казачьей бедноты в Красную Армию дали,округа, где советская власть проводила мобилизацию, – Хоперский и Усть-Медведицкий. Округа, в которых неказачье население намного превышало казачье (Ростовский, Таганрогский, Черкасский), красных казачьих полков не дали. Борьба с общекрестьянским движением за

уравнительное перераспределение земли на какое-то время затормозила раскол казачества этих округов. Отдельные красные казачьи части не появились также в тех округах, в которых казачье население намного превышало неказачье, и расположенных в стороне от пролетарских центров и от пути, по которому отступали из Донской области советские отряды (1-й Донской и Верхне-Донской округа).

Особенности красного казачьего движения. Процент неказачьего населения в северных округах был невысок, расслоение среди казачества было не так сильно, как на юге, антипомещичьи, антиофицерские настроения в станицах, особенно в малоземельных, были сильнее. Сказывались экономические связи. Характерным в данном случае является постановление хутора Абрамова Арчадинской станицы Усть-Медведицкого округа от 30 мая (12 июня) 1918 г., посланное в слободу Михайловку, в котором казаки раскаивались, что присоединились к «кадетским» войскам, просили, чтобы их считали братьями и разрешили приезжать торговать. Такая тенденция имела распространение в масштабе целых станиц. Так, Белогвардейская газета «Донская волна» в статье «Соседки Царицына» обвиняла станицы Иловлинскую и Качалинскую 2-го Донского округа в измене казачеству, причиной чему была экономическая связь станиц с Царицыным. Обе станицы были заклеймены словом «базарники». Советская власть при подсчете своих сторонников всегда учитывала этот фактор, полагая, что верхние округа, связанные непосредственно экономически с внутренней Россией, главным образом с Царицыным, могут дать большие силы в Красную Армию.

Ведение хорошо налаженного товарного хозяйства в своих районах было под силу лишь обеспеченным казакам. Это и породило случаи, когда зажиточные казаки в затянувшейся борьбе за буржуазно-демократические преобразования вступали в Красную Армию, а их менее зажиточные станичники, не имевшие прочных экономических связей с городом, этим преобразованиям противились. Подобный несколько парадоксальный на первый взгляд критерий деления на «красных» и «белых» вызвал суждения об отсутствии классового расслоения на Дону. Один из членов Казачьего отдела ВЦИК в апреле 1920 г. докладывал: «Классового же расслоения на Дону нет, да и не могло быть. Среди красного казачества встречается немало зажиточных казаков, тогда как бедняки находятся в рядах кадетской армии. В станице Михайловской Хоперского округа все богатые казаки находились в рядах Красной Армии, а беднота на противоположной стороне». Исходя из этого, некоторые работники считали, что казаки становились в ряды противоборствующих сил исклю-

чительно из-за причин субъективного характера: мобилизации, ошибок власти, умелой агитации. Следовательно, контрреволюционные выступления казаков рассматривались только как результат «перегибов» местной и центральной советской власти.

Воззвания о том, что красные борются за передачу помещичьей земли казакам без выкупа, а Краснов обещает отдать ее казакам за выкуп за счет войсковой казны («за вашу же землю будут платить помещикам вашими же деньгами»), были рассчитаны на самые широкие массы казачества. Стремясь собрать в свои ряды как можно больше казаков, мелкобуржуазная демократия стремилась использовать даже их сословные заблуждения. Тот же Ф. К. Миронов писал в Реввоенсовет Республики Л. Д. Троцкому, что «лучше заняться революционным казакоманством, чем предоставить эту работу Краснову».

К концу 1918 г. стало очевидно, что примерно 80 % боеспособных казаков сражается с большевиками и около 20 % сражается на стороне большевиков.

Большевики создавали казачьи полки зачастую на базе старых полков царской армии. Так, на Дону в большинстве своем ушли в Красную Армию казаки 1, 15 и 32 Донских полков.

Красные казачьи полки отличались высокой боеспособностью. Сами белые признавали: «Эти изменники представляют собой лучшие боевые части красных».

Значительную часть красных казаков составляли добровольцы. Так, в 124-м стрелковом полку, состоявшем из хоперских казаков, добровольцев было 50 %. Из 22 казаков, входивших в ячейки сочувствующих 2-го Донского революционного полка (Усть-Медведицкий округ), лишь 1 был мобилизован, остальные вступили в Красную Армию «по политическим убеждениям» и «из чувства сострадания к пролетариату», 3 бежали в Красную Армию от белогвардейской мобилизации. Основу красных казачьих полков составляла фронтовая молодежь, из 22 казаков ячейки 2-го Донского полка лишь 4 не участвовали в боях с немцами, так как служили в запасных частях. Но были у красных и казаки средних лет: в 124-м стрелковом полку были добровольцы до 40 лет, а в 3-м казачьем полку (Хоперский округ) были все почти «старики». Полки эти не были чисто казачьими. Так, 1-й Донской казачий полк (Усть-Медведицкий округ) на 90 % состоял из казаков, остальные 10 % были иногородные.

По роду занятий красные казаки были, более или менее, едины. Из 22 сочувствующих 2-го Донского полка 20 указали, что они хлеборобы, 1 – торговец, 1 – чернорабочий, работавший ранее на торфяном болоте.

Среди казачьей бедноты были сильны военные традиции казачества. Было стремление сохранить прежние названия войсковых частей, в которых они служили еще при царе. Так, был возрожден 1-й Донской революционный казачий полк (Хоперский округ) на базе 1-го Донского казачьего полка царской армии. 1 и 2 революционные Донские полки в Усть-Медведицком округе в момент сформирования носили номера «15» и «32» в честь полков старой армии.

В полках была развита партизанщина. Во 2-м Донском революционном казачьем полку во время формирования «бойцы добровольно записались по сотням, кто в какую хотел». В том же полку существовали сотенные суды, присуждавшие в том числе и к телесным наказаниям. Сильны были местнические настроения, которые, по мнению С. М. Буденного, «насаждались прежде всего командирами отрядов». Так, революционные казаки 2-го Донского округа «дрались храбро и самоотверженно. Но дальше своей станицы уходить не хотели...». В красных казачьих полках Усть-Медведицкого округа «масса бойцов в большинстве не отдавала себе отчета в происходящей политической борьбе и за что они воюют», единственный твердо усвоенный ими лозунг был «бей буржуев и офицеров». Все это привело к тому, что значительная часть казачьей бедноты северных округов в начале гражданской войны пошла не столько за большевиками, сколько за местными казачьими революционерами, в частности за Ф. К. Мироновым.

В ячейке 2-го Донского революционного полка из 22 казаков 3 указали на то, что они большевики, но билетов не имеют и в организации не состоят, а еще 3 отождествляли партию большевиков с Красной армией и советской властью.

Переход казачьей бедноты на сторону большевиков. К зиме 1918–1919 гг. значительная часть бедняцкого казачества с территории, занятой советскими войсками, прифронтовой полосы и частично из глубокого белогвардейского тыла стала с оружием в руках на сторону советской власти. В начале зимы 1918–1919 гг. Казачий отдел ВЦИК докладывал: «Жители территории, занятой красновцами, например станиц Трехостровяыской, Сиротинской, Старо-Григорьевской, Ново Григорьевской и других, просят нас в письмах, чтоб мы скорее шли освобождать их от засилия Краснова, так как им перейти на нашу сторону нельзя». Казаки говорили: «Видим мы всю несправедливость наших офицеров, но мы бессильны, если бы скоро наступали советские войска, то мы бы давно сдались». Наступление советских войск, начатое 4 января 1919 г. и приведшее к освобождению большей части территории Донской области, было решающим фактором перехода оставшейся части казачьей бедноты на сторону советской власти.

С. М. Буденный утверждал, что в начале 1919 г. «беднейшие казаки почувствовали себя виноватыми в том, что сразу не стали на сторону советских войск, и даже стыдились уже, что они казаки».

Увеличился приток добровольцев в Красную армию. К середине февраля 1919 г. в 23-й стрелковой дивизии была сформирована сотня из пленных казаков и возбуждался вопрос о формировании полков «ввиду большого количества... пленных и перебежчиков-казаков», которые заявили об их желании служить в советских войсках.

В полосе наступления 10-й армии молодые казаки переходили на сторону советских отрядов «одиночками, группами и целыми полками при полном вооружении».

В первой половине 1919 г. Казачий отдел ВЦИК считал, что все казачество в процентном отношении разделено на следующие группы: красных казаков – 30 %, определенной белогвардейщины – 20 %, «трудового казачества, затемненного белогвардейцами и находящегося в тисках белогвардейщины и иногороднего кулацкого элемента – 50 %». Более поздние данные подтверждают эти цифры. К июлю 1919 г. красные казаки составляли 30 тысяч человек. Учитывая, что в случае войны Донское войско могло выставить около 100 тысяч бойцов, а беднота составляла до 25 % среди казаков юго-востока России, можно сделать вывод, что к этому времени основная масса донской казачьей бедноты перешла на сторону советской власти.

Количество красных казачьих полков в это время существенно не увеличилось. В кавбригаде 23-й стрелковой дивизии, куда особенно охотно вступали казаки, был сформирован лишь один полк – 3-й кавалерийский. Много казаков-добровольцев пошло на пополнение прежних полков, иногда – неказачьих. Так, в июле 1919 г. 382 казака (отряды Шамова и Ермакова) были влиты в 1-й Курский кавполк.

Переход подавляющей массы казачьей бедноты на сторону Красной армии был завершен летом 1919 г., когда генерал Деникин начал наступление и советские войска стали отходить с территории Донской области. Некоторые казаки-бедняки уходили вместе с красными полками целыми семьями. Так, из станицы Федосеевской ушло 200 семей. Политотдел Юго-Восточного фронта характеризовал 1-й Донской революционный полк: «В боевом отношении полк очень хорош. Состав полка – донские казаки-добровольцы, вступившие в ряды Красной Армии во время отступления нашей армии с Донца». Советские работники из казаков собирались в отряды и присоединялись к регулярным частям. 15 июля 1919 г. целый эскадрон из совработников Верхне-Донского округа был влит

в Камышинский кавполк. В июле 1919 г. реввоенсовет Южного фронта мобилизовал мужчин-беженцев из Донской области в возрасте от 18 до 37 лет. Будучи прекрасным в боевом отношении материалом, полки казачьей бедноты еще долго сохраняли сословные пережитки. Характеризуя тот же 1-й Донской революционный полк, политком бригады отмечал, что не было случая невыполнения приказа, но наблюдается обмен лошадей у населения, а также желание, чтобы политкомами сотен были только казаки.

Но некоторое количество бедноты все еще продолжало оставаться в рядах белогвардейцев. Часть казаков-бедняков Верхне-Донского округа, участвовавшая в Вешенском восстании, боявшаяся мести со стороны советской власти, часть бедноты Черкасского, Ростовского, Таганрогского и отдельных мест Донецкого округа, куда не дошли весной 1919 г. советские войска, перешли на сторону советской власти гораздо позже, вместе с основной массой казаков-середняков. Деклассированные элементы казачества, которые по имущественному положению «оценивались как беднота, но жили на нетрудовые доходы, перешли в ряды Красной армии во время решающих побед над белогвардейцами и интервентами.

С разгромом Донской армии и занятием Донской области советскими войсками казачья беднота на местах не была еще достаточно объединена и организована. Из Верхне-Донского округа сообщали, что «полного расслоения не произошло и не удалось объединить бедноту вокруг РКП(б)» Политическая линия Центра по отношению к казачеству рассматривала «основной базой Советской власти на Дону рабочий класс, беднейшее(!) крестьянство и, отчасти, иногородних...». Тем не менее, беднейшее казачество приняло активное участие в советском строительстве. Его представители входили в Донисполком. Высок был процент казачьей бедноты в местных органах власти. Так, в Верхне-Донском окружном исполкоме летом 1920 г. 66 % членов были казаки, из которых 90 % указали в анкете, что не имеют собственности.

Летом 1920 г., когда в связи с неурожаем, продразверсткой и врангелевскими десантами проявились колебания различных слоев казачества, казачья беднота, хотя голодала и имела подавленное настроение («три года обещали, но ничего не дали»), оставалась на позициях советской власти.

§ 14. Донские казаки в поисках «третьего пути»

Казаки и «третий путь». Слабое классовое расслоение казаков на севере области наложило определенный отпечаток на некоторые красные казачьи полки. «Сотнями сдавались казаки там, где к ним (правда, под угрозой) подсылались старики для возврата на поля и огороды И сотнями отходили там, где от обстрела загорался хутор, где пули и снаряды визжали над пашней...»,– сообщал один из командиров.

Казаков северных округов, оказавшихся в рядах Донской армии, терзали те же сомнения. Зачастую они не видели причин жестокой и кровопролитной войны.

Со своей стороны, в декабре 1918 г. Донбюро РКП(б) выпустило листовку «Пока еще не поздно, казаки!», а реввоенсовет Республики – воззвание к офицерам и казакам белой армии. Оба документа призывали казаков расходиться по домам и обещали им прощение.

Решающим событием, подтолкнувшим недовольных фронтовиков к открытому выступлению против Краснова, послужило наступление Красной армии, начавшееся 4 января 1919 г. Первые 3 дня кровопролитных боев в районе действий 8-й и 9-й армий стали переломными в настроении мобилизованных казаков северных округов. Реальные тяготы войны пересилили смутные тревоги о потере привилегий, и фронтовое казачество округов, наиболее пострадавших от войны, 7 января начинает бросать позиции и группами расходиться по домам. Противодействие карательных отрядов заставило фронтовиков сплотиться и действовать целыми полками.

Центром аптикрасновских выступлений становится 28-й Верхне-Донской полк (ранее пеший, сформированный из безлошадных бедняков всего округа). Выгнав из полка офицеров, казаки 28-го полка решили для выполнения своих планов заручиться поддержкой населения всего округа. С этой целью 3 пешие сотни полка двинулисъ на свою окружную станицу Вешенскую, изгнали оттуда штаб Северного фронта белых, что существенно нарушило управление войсками, и 18 января 1919 г. собрали сход станицы, который вынес приговор: «Просить казаков 28-го полка послать теперь же из своего полка делегацию на Северный фронт для переговоров по поводу перемирия с красными. Кроме того, послать делегатов по этому вопросу в Красную гвардию». Переговоры о мире велись с советским командованием от лица станиц и сводились к неприкосновенности границ области.

Советское командование предложило казакам стать в ряды Красной армии или «немедленно сдать оружие... и военное имущество, выдать всех подстрекателей к войне между трудовым казачеством и Советской властью, а также командный состав». Со-

ветское командование предупреждало: «Необходимо уничтожение буржуазии и всего бывшего офицерства, которое толкает трудовое казачество на братскую войну, поэтому война с этими элементами будет продолжаться до полной победы...». На подобные требования казаки отвечали уклончиво, переговоры затягивались. 27 января 1919 г. командующий 8-й армии М. Н. Тухачевский приказал продолжать наступление, «не ожидая переговоров с казаками».

Верхнедонские казачьи полки частью разошлись по домам, не оказывая сопротивления красным, частью с боями отступили с казаками низовых станиц. Станицы, надеявшиеся на мир и нейтралитет, встречали красноармейцев хлебом-солью и выносили резолюции с громкими революционными фразами. Однако разведка Московской рабочей дивизии докладывала 3 февраля 1919 г.: «Некоторые из полков, хотя и желают Советской власти, но с условием, если будут сохранены у них правлением вольности и мелкая собственность, в противном случае будут снова организоваться без офицеров и продолжат борьбу».

3 февраля 1919 г. командующий войсками Хоперского округа доносил Краснову: «...теперь мы находимся в агонии сжатые с фронта и флангов, свалены утомлением и чудовищными размерами сыпного тифа... Повторяю, хоперцы доказали свою верность, но человеческим усилиям есть предел». В начале февраля 1919 г. начались массовые сдачи в плен казаков Хоперского и Усть-Медведицкого округов. Пленные казаки распускались по домам, некоторые части даже полностью не обезоруживались.

В рассматриваемый период казаки-середняки этих округов из состояния войны с советской властью на какое-то время перешли на позиции нейтралитета, временно благожелательного к советской власти, что не удовлетворяло до конца ни самих казаков, ни советские органы. В этом проявился пресловутый «третий путь», который стихийно искали многочисленные крестьянские массы, не желая подчиниться ни открытой контрреволюции, ни диктатуре пролетариата, принявшей искаженные формы.

Но в целом, по мере продвижения советских войск на юг, враждебное настроение местного казачества усиливалось. В середине марта красная разведка донесла: «Главным образом противник несет потери от боев, процент дезертирства заметно уменьшился». Отойдя за естественные водные преграды – Донец и Маныч, Донская армия, опираясь на помощь белых кубанских частей и Добровольческой армии, прекратила отход. К этому времени Донская армия сократилась и стала более однородной по своему составу. В начале марта 1919 г. из 56 тысяч декабрьского состава 9 тысяч открыто выступили против Краснова, 16 тысяч перешли на сторону большевиков, 15 тысяч были

расформированы, но ряды армии не покинули, и 16 тысяч оставались надежным оплотом в продолжающейся борьбе с большевиками. Всего же в рядах Донской армии осталось около 30 тысяч человек.

Расказачивание. Начиная наступление на Юге, большевики надеялись существенно облегчить положение страны. 3 апреля 1919 г. В. И. Ленин говорил: «...все завоевания, которые наша Красная армия сделала на Украине и на Дону... дадут самое существенное облегчение для внутреннего положения, дадут хлеб и уголь, продовольствие и топливо». На территории, занятой советскими частями, вводилась продразверстка, которая «изымала "излишки" хлеба по существу без компенсации их промышленными товарами». Еще в конце 1918 г. В. И. Ленин предполагал ускорить борьбу с голодом путем переселения части голодающего населения из северных и центральных губерний на юг. Весной 1919 г. массы переселенцев двинулись на восток и на юг, в том числе и на Дон, спасаясь от голодной смерти. Закрепляя этот объективный процесс, советская власть декретировала переселение после того, как оно фактически началось. 24 апреля 1919 г. СНК издал Декрет «Об организации переселения в производящие губернии и Донскую область». Помимо облегчения продовольственного положения, он преследовал определенные политические цели – заселить Дон крестьянами, ослабить и разложить тем самым казачество.

Политика РКП(б) по отношению к казачеству постоянно менялась. Весь 1918 г., пока страна оставалась в политической изоляции, власть заигрывала с казачеством, справедливо опасаясь его, стремилась поставить себе на службу или хотя бы нейтрализовать.

Учитывая мнение Казачьего отдела ВЦИК, 31 мая 1818 г. СНК РСФСР издал декрет «Об организации советской власти в казачьих областях», который устанавливал порядок организации власти и норму представительства казаков во ВЦИКе; 7-й параграф Декрета оставил казакам юртовые станичные земли, а 9-й параграф предписывал приступить к формированию казачьих частей Красной армии, принимая во внимание все бытовые и военные особенности казаков.

Попытки местных советских работников опереться на все трудовое казачество продолжались приблизительно до сентября 1918 г., до тех пор, пока не завершилось разделение казаков прифронтовой полосы (беднота переходила в Красную армию, мобилизованные красными середняки бежали к белым, многочисленные переходы с одной стороны на другую создали иллюзию колебания казачества в целом). В августе 1918 г. нарком Донской республики Е. А. Трифонов предлагал создать Краевое советское правительство под местным наименованием «Войсковой Круг Советского казачьего вой-

ска», чтобы посредством этого органа вырвать трудовое казачество из-под влияния казачьей верхушки.

Отчасти это диктовалось слабостью и малочисленностью казачьей бедноты. Говоря о комитетах бедноты, «Известия ВЦИК» указали: «...эти комитеты, заранее надо сказать, в казаках будут малыми и слабыми организациями».

3 сентября 1918 г. СНК РСФСР издал «Декрет о создании походного круга Войска Донского», который должен был стать войсковым правительством, в его состав должны были войти представители от советских казачьих полков и освобожденных от белогвардейцев донских станиц. Декрет подписали наркомвоен Троцкий, Петровский и управделами СНК Бонч-Бруевич. Комментируя Декрет, Казачий отдел ВЦИК заявил, что создание Круга диктовалось участившимся переходом белоказачьих полков на сторону Советской власти и самоорганизацией казачьего населения Дона в отряды для борьбы с белыми.

Однако дальнейший переход части середняков к белым и новое наступление Краснова на Царицын приостановили созыв походного Круга. Кроме того, организация подобного органа власти не способствовала бы, по мнению ряда советских руководителей, укреплению союза между неказачьим революционным населении области и казачьей беднотой. Реввоенсовет 10-й армии (Сталин, Ворошилов, Минин) телеграфировал 10 сентября 1918 г. во ВЦИК, что «самое название «Казачий Круг» было враждебно красным бойцам». Решено было отложить созыв Круга до окончательного освобождения Дона от контрреволюции, о чем Я. М. Свердлов предупредил съехавшихся делегатов телеграммой: «Поезжайте в свои части, ведите агитацию, сражайтесь всей доблестью за Советскую власть».

Член Донского советского правительства С. Васильченко писал Я. М. Свердлову 28 сентября 1918 г.: «Так распространилось у казаков убеждение о необходимости поголовного истребления иногородних (Дон для донцов), так, в свою очередь, крестьяне и советские войска стали думать о необходимости поголовного истребления казаков».

Однако отталкивать казаков советская власть все еще боялась. Не случайно Декрет о казачьем советском правительстве – Походном Круге – совпал по времени с Декретом о красном терроре.

В октябре 1918 г мотивируя необходимость нанесения удара на Южном фронте, главком Вацетис в докладе В. И. Ленину и Я. М. Свердлову ставил конечной целью этого фронта «укрепить в Донской области власть революционного казачества, стоящего на платформе советской власти».

Но в ноябре 1918 г. ситуация изменилась. Революция в Германии вселяла надежды на развитие с нетерпением ожидаемой большевиками мировой революции, по сравнению с которой революция в России была лишь первым этапом. Необходимость в заигрывании с массами казачества отпала. 24 января 1919 г. Оргбюро ЦК, руководимое Я. М. Свердловым, разработало циркулярное письмо об отношении к казачеству. Это письмо предписывало «беспощадный массовый террор» к казакам, принимавшим прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью. Свою роль, видимо, сыграли и доклады Донбюро РКП(б), органа, созданного для нелегальной работы в белом тылу, о настроении масс, «алчущих теперь восстановления советской власти». И приостановлена была директива 16 марта 1919 г. Пленумом ЦК именно «ввиду явного раскола между северным и южным казачеством на Дону», после того как Пленум заслушал мнение члена ЦК Г. Я. Сокольникова о том, что в Донской области есть резкая разница между севером и югом, что и делает излишним вмешательство извне.

Ситуация в области и без циркулярных писем, требующих репрессий, была напряженной. Вступая на территорию Донской области, казачья беднота, находившаяся в рядах Красной армии, шла на обострение классовой борьбы. Казаки 2-го Донского революционного полка, возмущенные контрреволюционной агитацией в хуторе Большом, «начали расправу с местными жителями, зарубив до 20 стариков». Когда начался Вешенский мятеж, где основную массу мятежников составляли середняки, командир 5-го кавдивизиона (бывший 3-й казачий им. Степана Разина полк) заявил, что «давно казаки рвутся показать этим мерзавцам перебежчикам от Краснова, как устраивать восстания против Красной армии».

Эти настроения конечно же совпадали с новым курсом партии на обострение классовой борьбы в казачьих областях, выразившимся в директиве Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г.

Следует отметить, что Казачий отдел ВЦИК стремился возглавить становление советской власти на освобожденной территории. «Трудовое казачество, бросай ряды Краснова. Становись в наши ряды. Наведем мы порядок на Дону!» – писал в воззвании Казачий отдел. Председатель отдела М. П. Мошкаров после поездки по Дону писал: «Необходимы вожди из самих казаков...». Однако красная казачья беднота, бывшая в меньшинстве и по отношению ко всему донскому казачеству, и ко всем революционным силам области, не имела ни достаточной политической активности, ни достаточного уровня организации, чтоб возглавить советское строительство. Как сообщалось с мест, партийные организации в станицах в основном состояли из рабочих и крестьян. Казачий отдел ВЦИК не имел

необходимого влияния на развитие событий на Дону. Не был предотвращен ряд перегибов и преступлений. В августе 1919 г. газета «Известия ВЦИК» писала: «Говорят, теперь Казачий отдел ВЦИК забил задним числом тревогу... Задним числом любой отдел умен. А вот спрашивается, где были наши красные казаки... И зачем они сидят, что смотрят, если не видят вовремя таких вещей».

С установлением советской власти в станицах начались преобразования. Войсковая собственность на землю отменялась. Помещичьи имения превращались в советские хозяйства, был создан ряд коммун и артелей. Было запрещено хранение и использование всех денежных знаков, кроме советских, что ударило не только по зажиточному, но и по всему казачеству. Все предметы первой необходимости брались на учет, на основные продукты была введена карточная система. В станице Вешенской ревком «постановил конфисковать землю и земледельческие орудия у богатых слоев населения».

Руководство освобожденными территориями до созыва районных съездов Советов и выборов исполкомов возлагалось на Отдел гражданского управления при Южном фронте. На местах организовывались временные чрезвычайные органы диктатуры пролетариата – военно-революционные комитеты.

Неоднородность состава населения области внесла свои особенности в советское строительство. Разложение и ослабление белого казачества подталкивали донское крестьянство на борьбу с привилегированными землевладельцами-казаками. Весной 1919 г. член Донбюро РКП(б) С. И. Сырцов докладывал: «Ненависть против казаков, на которых крестьяне привыкли смотреть как на классовых врагов, только теперь находит свое выражение... Победы Красной армии вдохнули уверенность в крестьян, и они начинают расправу с казачеством».

Единого мнения об отношении к казачеству у местного советского руководства не было. Одни («группа Ковалева») преувеличивали революционность казачества, настаивали «на политике соглашения с казачеством... предоставить право на общем съезде казачества установить земельные порядки». Другие («группа Сырцова») огульно обвиняли казачество в контрреволюционности, требовали в «кратчайший срок и без шатаний провести ряд экономических мероприятий, подрывающих силу казачества и тем самым покончить с казачеством».

Группа работников во главе с Сырцовым считала, что «крестьяне в массе (за исключением небольшого процента отъявленных кулаков) представляют тот элемент, на который партии в борьбе с казачеством придется опираться...». Во главе ревкомов, окружных и станичных, ставились «элементы, наиболее пострадавшие от Краснова». Часто этими «элементами» «инструкция о терроре

понималась как полное уничтожение казачества», а руководящим принципом служило – «чем больше вырежем казачья, тем скорее утвердится советская власть на Дону». Классовая борьба обострялась решительными мерами по изъятию «хлебных излишков», причем «зачастую не учитывались различия между хозяйствами кулаков и трудящихся крестьян и казаков».

В такой сложной и взрывоопасной обстановке местные власти начали воплощать в жизнь циркулярное письмо о массовом терроре. Расстрелять успели от 300 до 600 казаков. Казаки ответили массовым антибольшевистским восстанием.

Верхнее-Донское восстание. Расказачивание на севере области вызвало самые серьезные последствия, поскольку большинство бывших красновцев (подлежавших репрессиям, согласно директиве) с оружием в руках разошлось по домам и осталось в тылу Красной Армии.

Положение осложнялось тем, что на территории северных округов активно работало белогвардейское подполье, готовилось восстание. Задолго до восстания на севере области Донская армия имела план прорыва конной группы на помощь мятежникам. Начальником штаба восставших стал бывший начальник разведывательного отдела штаба Северного фронта белых подъесаул И. Г. Сафонов.

Подготовка белогвардейским подпольем восстания совпадало со стихийными вооруженными выступлениями казаков. Восстание началось в ночь с 10 на 11 марта 1919 г. в районе станиц Казанской и Вешенской под белыми повязками. Его политическая программа, судя по воззваниям, не распространялась далее «освобождения от гнета коммунистической власти». Первым мероприятием повстанцев было восстановление всех денежных знаков, отмененных советской властью.

Ориентируясь на настроение казаков и учитывая недавнее выступление против Краснова, повстанческое руководство сменило лозунги: «Мы подчиняемся власти Советов, но власть эта должна быть избираема из среды своего населения, должна знать все нужды и особенности быта, быть истинной выразительницей воли народа. Долой коммуну и расстрелы! Да здравствует народная власть!». Белые повязки были заменены красными, а затем белыми и красными крест-накрест. Подобные мероприятия подкреплялись мобилизациями. Во главе восстания стали казачьи сословные советы и выборное командование повстанческой армии.

Повстанческое руководство, выбираемое большинством голосов, состояло, в основном, из офицеров военного времени – выходцев из учителей и прочей казачьей общественности, которая, по мнению очевидцев, болталась «в дебрях половинчатости», и была заражена «духом авантюризма и просто демагогии».

Силы восставших казаков составляли до 15 тысяч вооруженных и экипированных призывных возрастов и до 10 тысяч стариков, подростков, иногда женщин.

Попытки подавить восстание ни к чему не привели, хотя подавление шло в крайне жестокой форме. Пленных не брали. Кроме того, советские войска практиковали процентный расстрел населения станиц и хуторов, которое не принимало участия в восстании. Из-за отсутствия патронов повстанцы бросались на пулеметы с холодным оружием и гибли тысячами.

Это не могло нарушить реформы, которые повстанцы проводили на подконтрольной им территории. Белогвардейская печать сообщала: «Восставшие обсуждали земельный вопрос и пришли к решению разделить помещичью землю и войсковую между казаками и крестьянами».

Отношение казачества северных округов к восставшим было неоднозначным. Большинство казаков Хоперского и Усть-Медведицкого округов восстание не поддержало. В целом ряде станиц организовали дружины и оборонялись от повстанцев. Значительная часть их сражалась не ради коммунистических идеалов, а потому что была уверена в поражении восстания. Действительно, когда положение на фронте изменилось, некоторые дружины казаков-добровольцев, пройдя свою станицу, переходили на сторону белых.

Учитывая, что угроза наступления международного империализма в союзе с белогвардейцами не устранена, а казачество в данный момент является «кадром живой силы контрреволюции», Донбюро РКП(б), вдохновленное кроме всего прочего началом революции в Венгрии, 8 апреля разработало свою резолюцию по директиве Оргбюро ЦК от 24 января 1919 г., меры которой были приостановлены, но не отменены. Резолюция предполагала уничтожение «верхов казачества активно контрреволюционных, распыление и обезвреживание рядового казачества» путем «частных мобилизаций», «формальную ликвидацию казачества». Предполагались экономические меры с целью подорвать экономическую мощь станиц.

22 апреля 1919 г. ЦК утвердил резолюцию Донбюро РКП(б), она стала директивным документом, выражающим курс партии по казачьему вопросу и открыто декларирующим официальное расказачивание. 3 июня 1919 г. в телеграмме в РВС Южного фронта В. И. Ленин писал о необходимости твердо держать курс в основных вопросах, но предупреждал от перегибов, рекомендуя «поблажки в привычных населению архаических пережитках».

Идея «третьего пути» просуществовала среди повстанцев приблизительно до мая 1919 г. К этому времени противоречия внутри лагеря повстанцев обострились. Воззвания мятежников запестре-

ли черносотенными лозунгами. Но другая часть повстанцев готова была примириться с советской властью и перейти на ее сторону. 2 мая 1919 г. начались переговоры. Представители отдельных казачьих повстанческих полков предлагали большевикам мир на условиях установления советской власти согласно Конституции РСФСР, с правом выборов в местные советы, без назначения комиссаров. Они согласны были идти с оружием в руках на фронт против Краснова (не знали, что он уже смещен) при условии, что на местах «для порядка» будут оставлены повстанческие и советские войска. Командование Южного фронта не приняло условия повстанцев. Им было предложено сдаться, сложить оружие и выдать командиров.

5 мая 1919 г., когда стали известны условия советского командования, руководители восстания послали делегатов за Донец, на Войсковой круг, с заявлением, что казаки «с нетерпением ждут времени, когда они смогут соединиться с Донской армией». Общий язык был найден. На заседании Войскового Круга 19 мая 1919 г. его председатель В. А. Харламов отметил, что расхождение между белыми и повстанцами в «форме народоправства» «существенного значения не имеет: важно лишь, что восставшие идут по одной дороге с нами». Неправильная политика командования Южного фронта по отношению к пленным (сдающиеся колонны встречались огнем) привела к тому, что, когда белые прорвали фронт, повстанческая армия влилась в Донскую почти в полном составе. 23 июня 1919 г. она была расформирована.

Между тем международная обстановка изменилась. Поражение революции в Венгрии, отдаление мировой революции заставили партию большевиков пересмотреть свое отношение к казачеству. Казачий отдел ВЦИК собрал материалы о причинах поражения Красной армии в Донской области, о «перегибах» и преступлениях местных властей и представил его на рассмотрение ЦК РКП(б) и Президиума ВЦИК. 16 августа 1919 г. в «Известиях ВЦИК» было опубликовано обращение ВЦИК и СНК к трудовым казакам всех казачьих войск. В воззвании отмечалось, что рабоче-крестьянское правительство «не собирается никого расказачивать насильно, оно не идет против казачьего быта, оставляя трудовым казакам их станицы и хутора, их земли, право носить какую хотят форму (например лампасы)», однако часть казачества, даже в рядах Красной армии, не сразу прекратила попытки пойти «третьим путем».

«Мятеж Миронова». Одним из последних проявлений колебаний красных казаков стал так называемый «мироновский мятеж». Донской казачий корпус формировался в Саранске Ф. К. Миро-

новым из мобилизованных в мае–июне 1919 г. казаков северных округов, которые пошли на «сборные пункты не из-за симпатий к советской власти, а скорее убоялись гражданской воины на своей земле». Сам командующий корпусом Ф. К. Миронов, очень популярный среди казачества, выражал интересы середняцких масс крестьянства и казачества, недовольных порядками военного коммунизма, но обеспокоенных успехами генерала Деникина. Неверно было бы относить на счет одного Ф. К. Миронова те события, которые впоследствии приняли облик мятежа. Бывший с проверкой в корпусе член Казачьего отдела ВЦИК Козюбердин высказал мнение, что «Миронов есть тревожно мятущаяся душа огромной численности среднего крестьянства и казачества».

В корпусе господствовали настроения, присущие в этот период многим казакам в рядах Красной армии, имевших свое смутное представление о советской власти, с которым уживался лозунг «Дон для донцов». Они считали политику центральных органов главной причиной поражения весной – летом 1919 г. на Дону, «обвиняя центр за насаждение комиссаров, совершенно незнакомых с укладом жизни казаков, которые своей политикой только разорили и обобрали, ничего им не дав».

24 июня 1919 г. Ф. К. Миронов писал В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому и М. И. Калинину: «...политическое состояние страны властно требует созыва народного представительства, а не одного партийного...». 31 июля 1919 г. он обратился еще с одним письмом к В. И. Ленину, в котором предлагал «заговорить не американскими журналистами, а с русскими социалистическими партиями: меньшевиками и эсерами».

С падением Венгерской советской республики и успехами казачьей конницы Мамонтова настроение красных казаков изменилось. Одни, имевшие опыт борьбы с белыми, сплотились вокруг политработников. А только что мобилизованные казаки заколебались – Миронов отражал их настроения. Его воззвание так и гласило: «... земле и воле грозит смертельная опасность, которой не миновала и Венгерская революция». Выход он видел в следующем: «Чтобы спасти революционные завоевания, остается единственный путь – свалить партию коммунистов», что, по его мнению, должно было сплотить всю массу крестьянства и казачества против помещичьей контрреволюции генерала Деникина.

Не на высоте оказались политработники корпуса, в большинстве своем казаки, некоторые в прошлом – казачьи офицеры. Настроения в корпусе они сводили лишь к агитации Ф. К. Миронова, который, в свою очередь, обвинял их в преступлениях на Дону. Споры между Ф. К. Мироновым и политработниками, тайно от него требовавши-

ми расформировать корпус, привели к самовольному выступлению Ф. К. Миронова на фронт с частью корпуса 24 августа 1919 г.

В поход под лозунгом «Долой Колчака и Деникина, долой коммунистов и комиссаров, да здравствует Советская власть и свободная торговля» ушло около 2 тысяч человек, 940 бойцов корпуса остались в Саранске или вернулись туда, передумав идти на фронт. Командный состав корпуса разделился следующим образом: 35 % остались в Саранске. 12,3 ушли с Мироновым, но раздумали и вернулись, 52,7 % (в том числе командир дивизии и три командира полка) ушли и не вернулись. В походе приняли участие донские крестьяне из стрелкового полка при корпусе и 43 % их командного состава.

С самого начала выступления многим казакам «знамя, поднятое Мироновым, казалось совершенно мрачным и программа выступления непонятной», но они выступили в поход, так как корпус шел на Дон, где они думали на месте выпутаться из сложившегося положения. Когда мятежный корпус был встречен конницей Буденного, шедшей в погоню за генералом Мамонтовым, казаки-мироновцы сдали оружие без сопротивления и немедленно «предложили командиру советского конного корпуса взять их на службу к себе».

Добровольцы из рядовых казаков были приняты в корпус С. М. Буденного, а над инициаторами выступления состоялся судебный процесс. На суде Ф. К. Миронов и другие подсудимые признали, что нарушили дисциплину и самовольно выступили на фронт. Трибунал приговорил 11 подсудимых во главе с Мироновым к расстрелу, но ходатайствовал перед ВЦИК о помиловании. Сам Миронов просил ходатайствовать о помиловании, «чтобы мы, а особенно я, могли отдать все силы наши и умы на борьбу с буржуазией за диктатуру пролетариата». Ф. К. Миронов с товарищами был помилован, а затем реабилитирован.

Сразу же после ареста Миронова Троцкий написал «Тезисы о работе на Дону», которые были утверждены ЦК 30 сентября 1919 г. Теперь отношение советской власти к различным слоям казачества зависело от поведения самих этих слоев: «Мы возьмем под свое решительное покровительство и вооруженную защиту те элементы казачества, которые делом пойдут нам навстречу. Мы дадим возможность оглядеться и разобраться тем слоям и группам казачества, которые настроены выжидательно... Мы будем беспощадно истреблять все те элементы, которые будут прямо или косвенно оказывать поддержку врагу или чинить затруднения Красной армии».

Важнейшим военно-политическим мероприятием, содействовавшим привлечению колеблющегося трудового казачества на сторону Советов, явилось формирование в Красной армии иных

кавалерийских соединений, в составе которых были целые полки из казаков. Основу этих частей на Юго-Восточном фронте (1-й конный корпус Буденного, конно-сводный корпус Думенко, конная группа 9-й армии) составляли полки, ранее сформированные из неказаков, но изменившие состав за счет пополнения потерь перебежчиками, добровольцами и пленными казаками. Продолжалась политика классового расслоения казачества. В декабре 1919 г. 7-й съезд Советов провозгласил неприкосновенность земель казаков-середняков, обещал трудовому казачеству землю помещиков и кулаков и обратился к нему с призывом переходить на сторону Красной армии. Тем самым была продекларирована новая политика партии на союз с казаком-середняком на основе совместной борьбы с помещиком и кулаком.

§ 15. Поражение донских казаков в борьбе с большевиками

С Деникиным на Москву. Выбор нового атамана был компромиссным. Им стал ставленник Деникина, ветеран Добровольческой армии, но в то же время родной брат идеолога донского казачества М. П. Богаевского – А. П. Богаевский. Новый атаман туманно заявил, что он – «искренний сторонник народоправства», хотя и был обласкан царем, но не любил Распутина и не допустит, «конечно, того тяжелого прошлого». Генерал Деникин оказал влияние и на судьбы «степных генералов», все они были восстановлены на высших командных должностях в Донской армии.

Таким образом, период, соответствующий «демократической контрреволюции», на Дону завершился. Попытка зажиточных казаков добиться господства в регионе не удалась. Развитие классовой борьбы заставило их признать главенство общерусских кадетско-монархических антибольшевистских сил и примкнуть к ним. Внешне Донское правительство демократизировалось. Места царских гвардейцев Янова, Денисова, Краснова заняли либералы Харламов, Сидорин и такой же гвардеец Богаевский. Явственно отныне не было видно борьбы «ориентации», поутихла монархическая агитация. Но «в политике не так важно, кто отстаивает непосредственно взгляды. Важно, кому выгодны эти взгляды, эти предложения, эти меры». Отныне Донская армия в составе вооруженных сил юга России принимала участие в походе на Москву. «Только взяв Москву, казаки будут иметь право на отдых»,– заявил новый атаман.

Признание донским казачеством главенства Деникина не было безоговорочным. Значительная часть казачества была готова заключить мир с «Советами» на условиях признания Дона самостоятельным государством. Впоследствии, в эмиграции, казаки обвиняли Деникина в том, что он лишил их такой возможности. «В начале 1919 г. большевики предлагали казакам такой же почти мир, как и Эстонии, Латвии и Финляндии. Предложение это к казакам не дошло, будучи отвергнуто Деникиным».

Летом и в начале осени 1919 г. угроза разгрома донских казаков советскими войсками уменьшилась. Вместе с тем возросло недовольство казаков усилением донских помещиков и затянувшейся войной. Постоянные столкновения вызывала политика деникинского Особого Совещания, направленная на ограничение прав отдельных казачьих областей, в том числе и на вывоз продуктов и естественных богатств за границу или в другие области.

Среди донской верхушки, усиленной в тот период переходом большинства казаков на сторону антибольшевистских сил, вновь окрепли тенденции сепаратизма, все больший авторитет приобретала преобразовавшаяся из «немецкой ориентации» группа «федералистов». Борьба велась теперь между «федералистами» и «автономистами», или точнее – «самостийниками» и «централистами»

Конфликт между деникинским режимом и рядовыми донскими казаками назревал медленнее и протекал в более скрытой форме. Генерал Деникин обещал сохранить все казачьи привилегии, а проденикинское Донское правительство начало проводить на Дону земельную реформу согласно закону от 14 июля 1919 г., который включал пункт о принудительном отчуждении частновладельческих и церковных земель «для удовлетворения малоземельных казаков и крестьян». И хотя вопрос о земле не был разрешен этим законом, а земельные противоречия были лишь слегка затушеваны, но казаки поддерживали закон, так как сами стремились к сглаживанию, а не к разрешению классовых противоречий.

Попав в русло интересов всероссийских антибольшевистских сил, часть донской верхушки стала преодолевать свою сословную ограниченность. При Краснове интересам классовым был придан вид интересов национальных. «Большевизму атаман противопоставил шовинизм, интернационалу – яркий национализм», – писал Краснов в своих мемуарах. С приходом к власти кадетов председатель Круга Харламов заявил, что «управление должно опираться на веру, доверие и симпатии населения страны», намекая на неказачью половину населения области. Готовясь к походу на Москву, антибольшевистские силы Юга были заинтересованы в сосредоточении под их знаменами всех слоев населения, недовольных ком-

мунистическими преобразованиями. Харламов подчеркивал необходимость сойти с позиции «казачьего сословного демократизма», отличительной особенностью которого, по его мнению, являлось отсутствие полного равноправия крестьянства с казачеством. Большинство Круга оценило необходимость объединения всех антисоветских сил, но привлечь на свою сторону крестьян решило за счет помещиков. Закон о земле, принятый Кругом в июле 1919 г., как мы видим, обещал наделение конфискованной частновладельческой землей не только казаков, но и коренных крестьян.

Среди командования Донской армии значительную часть теперь составляли офицеры, произведенные из урядников за боевые отличия. Деникину они особо не доверяли. Осенью 1919 г. генерал Деникин вынужден был увещевать Войсковой Круг продолжить войну с советской Россией.

Резкое недовольство значительной части казачества вызвало требование Деникина участвовать в походе на Москву. Эта часть казаков оказала пассивное сопротивление, выступала с пацифистскими лозунгами, дезертировала, но настроения эти не выражались ярко и открыто. Летом 1919 г. донские казаки, наряду с кубанскими, все еще были главным источником живой силы в армии Деникина, и когда Красная армия начала августовское (1919 г.) наступление, количество казаков-беженцев от советских войск было несравненно больше, чем зимой 1918–1919 г. Если зимой 1918–1919 гг. их было 1850, то в августе–сентябре 1919 г. – 21470.

Советское командование считало, что «положение красных в Донской области было вполне аналогичным нахождению во вражеской неприятельской стране; чем дальше шло продвижение, тем большую озлобленность и отпор вызывало оно со стороны казачества». Наступление, в конечном счете, было остановлено.

В это же время 4-й Донской корпус под командованием генерала К. К. Мамонтова прорвал фронт советских войск и ушел в глубокий рейд, нарушив управление войсками Южного фронта красных. По дороге мамонтовские казаки пытались поднять население против большевиков и в то же время грабили города и железнодорожные станции. Корпус вернулся из рейда благополучно, привел с собой целую дивизию перебежчиков, казаки захватили огромную добычу, но серьезно повлиять на ход военных действий так и не смогли.

Разгром казаков в борьбе с большевиками. В начале осени 1919 г. большинство белоказачьих войск вышли за пределы Донской Области, и здесь, вне ее пределов, в результате ожесточенных боев осенью 1919 г. белоказачьи войска потерпели ряд поражений, что существенно повлияло на их настроение. Усилились пацифистские настроения среди фронтовиков. С. М. Буденный указал на

конец рейда Мамонтова как на переломный момент в настроениях казаков. Сказывался и собственнический инстинкт казаков-мамонтовцев, стремившихся сохранить «добычу». Настроения эти распространились и на «стариков». В конце ноября 1919 г. пленные сообщали: «...старики за последнее время часто поговаривают о прекращении междоусобной войны».

Казаки северных округов, по чьей территории фронт прокатился по 6–8 раз, были разорены и заинтересованы в скорейшем прекращении войны. К 1920 г. количество рабочих рук в казачьих хозяйствах сократилось на 60 %. Количество волов в казачьих хозяйствах убавилось на 48–60 %, лошадей – на 75 %.

Жестокие карательные меры Донского правительства привели лишь к увеличению числа перебежчиков в Красную армию. Однако переход на сторону Красной армии или сдача в плен не означали для казаков выхода из войны. Пленных теперь красное командование по домам не распускало, да и бои велись большей частью не на территории области, а отправляться на принудительные работы вглубь голодающей России было не лучшим выходом для казаков. Волей-неволей большинство перебежчиков и пленные становилось в ряды Красной армии. Так, из 1041 пленного и перебежчика, зарегистрированных в штабе 8-й Красной армии с 1 по 14 декабря 1919 г., 763 вступили в Красную армию и лишь 272 отправились на принудительные работы.

Подобные настроения не были распространены в районах, ранее восставших против советской власти, население которых боялось мести со стороны Советов. «Жители из хохлов за Советы, а казаки почти все против Советов», – докладывала советская разведка об этих станицах. С учетом этих настроений и был составлен план разгрома Деникина. В частности И. В. Сталин, член РВС Южного фронта, предполагал, что «поход в среде, враждебной нам, в условии абсолютного бездорожья – грозит нам полным крахом. Не трудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц...». Ударная группировка Красной армии двинулась западнее Донской области, и это движение оправдало себя. На харьковском и донбасском направлении белоказаки отступали почти без сопротивления, также были оставлены ими северные округа. Этот период характеризуется новым массовым приливом казаков в ряды красной кавалерии. С 1 ноября 1919 г. по 15 февраля 1920 г. количество кавалерии в 1-й Конной, 8, 9 и 10-й армиях, сражающихся против донских белоказаков, увеличилось с 12 029 до 19 299 сабель. «Увеличение состава нашей конницы, превышавшее рост белой кавалерии,

происходило за счет укомплектований сдавшимися казаками, взятыми в плен и переходившими на нашу сторону...», – отмечали красные военачальники. С выходом белоказачьих войск на территорию южных округов положение изменилось. «Отход за Дон и некоторая передышка вдвое увеличили силы Донской армии...». По мнению К. В. Агуреева, после взятия 1-й Конной армией Ростова Деникин все еще имел превосходство в коннице. Это была последняя попытка донских казаков противостоять советской власти с оружием в руках. Определенным образом сказывались и антиденикинские настроения среди казаков Кубани. Советская разведка сообщала: «Кубанцы к себе донских казаков не пускают, и последним остается упорно защищаться».

Ожесточенные бои шли с переменным успехом, причем главком С. С. Каменев считал обстановку на юге в январе 1920 г. «крайне тяжелой и даже более». 6 февраля 1920 г. В. И. Ленин говорил, что ситуация под Ростовом и Новочеркасском «создает опасность, что Деникин можем оправиться». В этот решающий момент красная кавалерия оказалась на высоте. В конечном счете кавалерийское сражение под станицей Егорлыкской решило «дальнейшую участь Кавказского фронта» – отборные корпуса белой казачьей конницы, значительную часть которых составляли донцы, были разгромлены, потерпели военное поражение от Красной армии.

В этот период, когда войска генерала Деникина начали терпеть поражение от Красной армии и угроза разгрома антибольшевистских сил на юге возросла, зажиточное казачество уже разочаровалось в руководстве кадетской партии, в свою очередь подчинившейся «правым беспартийным» генералам. На I Всероссийском съезде трудовых казаков В. И. Ленин отметил, что «наши враги бесконечно более могущественные, потерпели поражение потому, что между ними не было, не могло быть и не будет единства, и каждый месяц борьбы с ними для них означал распад внутри их лагеря». Выход из положения часть донской верхушки видела в консолидации сил донского, кубанского и терского казачества. 28 октября 1919 г. В. И. Ленин констатировал: «В тылу у Деникина восстания. Сейчас против него идут даже зажиточные казаки».

Первым шагом, по мнению этой части казачьей верхушки, должно было стать объединение белого казачества юга России. В декабре 1919 г. возникает мысль об образовании Верховного казачьего Круга Дона, Кубани и Терека. 5 января 1920 г. в Екатеринодаре Верховный казачий Круг, во главе которого стояли «федералисты» и «автономисты», начал разрабатывать конституцию Союзного Казачьего государства.

С отходом казачества Деникин мог лишиться главного источника живой силы в своей армии, и он пошел на уступки.

17(30) декабря 1919 г. Деникин упразднил Особое совещание. 16(29) января 1920 г. он обратился к казачеству с декларацией, обещавшей самое широкое самоуправление казачьих областей. Представителям казачества предлагалось участвовать в общегосударственном правительстве. Представители Антанты со своей стороны «нажали» на «федералистов». «Не верьте тому, кто говорит, что счастье Кубани и Дона в том, чтобы они были отдельными государствами»,– объявил английский генерал Хольман со страниц «Вестника Донской армии» 13 февраля 1920 г.

Окончательно договориться между собой «течения» внутри белого лагеря не успели. Отступление белогвардейцев превратилось в бегство. Массы казаков в белой армии были деморализованы и, проиграв войну, склонялись к признанию советской власти. Советская разведка сообщала, что между казаками «ведутся разговоры об окончании войны, так как победить советские войска у них нет надежды». Настроения этой части казачества выразил член Войскового Круга «социалист» П. Агеев. Указывая, что «практика большевизма изменилась...», он заявил: «Нам нужно возможно скорее прекращение гражданской войны, нам нужен мир со всеми, дабы спасти наш край и народ от окончательной гибели... Когда приходится выбирать между откровенной монархической реакцией и советским режимом, наш выбор падает на второе».

Но по пути к этому выбору часть середняков прошла еще один этап – «зеленых», которые, обещая мирное разрешение конфликта, «сманивали к себе утомленное войною казачество».

6(19) марта 1920 г. командование Донской армии вело переговоры с «зелеными» в станице Смоленской. Донцам было предложено вести совместные переговоры с красными о заключении мира с условием независимости казачьих земель, советовали удерживать фронт, который нужен был как сила, опираясь на которую, можно было заключить мир. Во время переговоров и после них часть донских казаков бежала в горы к «зеленым» («зеленые» – банды дезертиров), которые обещали не воевать с донцами, и уже вместе с «зелеными» вступали в переговоры с советскими войсками. Некоторые затем оставили «зеленых» и сдавались Красной Армии. 25 марта 1920 г. в станице Смоленской из «зеленой» армии перешло около 500 казаков с лошадьми и вооружением. Это были казаки Верхне-Донского округа. Большая часть Донской армии вышла в порты Черного моря, 1/4 часть ее (более 10 тыс.) была переправлена в Крым, остальные (вместе с

беженцами около 100 тыс. человек) были брошены белым командованием на берегу и сдались Красной Армии.

Зимой 1919–1920 гг. Советская власть установилась на большей части территории Донской области. «Если крестьянство пришло к Советской власти через те положительные приобретения, которые оно получило от октябрьского переворота, то трудовое казачество приходит к Советской власти через те потери, которые оно понесло в гражданской войне», – писали «Известия ВЦИК». Одновременно среди казачьего населения области была развернута большая политико-просветительная работа «под лозунгом установления порядка и возвращения к мирному труду».

На настроениях казачества сказывалась разруха, вызванная войной и беженским движением. Так, в хуторе Шумилине Казанской станицы на 600 дворов осталось 6 лошадей. Инструктор Казачьего отдела ВЦИК сообщал из 2-го Донского круга, что казаки стали убеждаться, что «другого выхода нет, кроме как смириться с Советской властью и всецело отдать себя на служение таковой... и вот бедное и среднее трудовое казачество, чтобы загладить свое прошлое преступление... спешат доказать, что действительно совершили преступление не по своей воле...».

Советские и партийные органы продолжали политику привлечения на свою сторону казаков-середняков на основе совместной борьбы с помещиками и кулаками. «Необходимо... чтобы казаки запачкали свои руки в офицерской земле»,– заявил председатель Казачьего отдела ВЦИК Д. Полуян. Лозунги этого периода были рассчитаны на середняков. «Советская власть борется за освобождение казачества от пауков-коннозаводчиков, которые хотят отнять землю у трудовых казаков», – провозглашал 28 декабря 1919 г. съезд представителей станицы Кременской.

Но середняки, уже признавая советскую власть, не до конца доверяли ей и требовали, чтобы строительство на местах осуществлялось представителями местной казачьей бедноты, полагая, что в таком случае оно будет протекать независимо от диктатуры пролетариата. В многочисленных прошениях они просили прислать к ним их земляков, служивших в Красной армии. Казаки 4-й кавдивизии 1-й Конной армии, отражая эти настроения, также просили, «чтобы работники, посылаемые в казачьи области, были знакомы с бытом и условиями жизни казачьих областей». «Только осторожная политика спасет строительство в казачьих областях», – считали они.

Поворот в настроениях казака-середняка, начавшийся осенью 1919 г., оформился к февралю – марту 1920 г. Казачий отдел ВЦИК считал, что «созванный в феврале 1920 г. Первый Всероссийский съезд Трудового казачества окончательно оформил этот

поворот в настроении и сознании трудового казачества и зафиксировал его в ряде резолюций, которые легли потом в основу советского строительства в казачьих областях». Выступая на съезде, В. И. Ленин сказал: «...в конце концов и крестьяне, и трудовое казачество, которые долгое время оставались потусторонниками, теперь перешли на сторону рабочих и крестьян, и только это в последнем счете решило войну и дало нам победу». Съезд высказал мнение по вопросу безусловно важному для самоопределения казачества. «Казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа»,– констатировали делегаты. Делегаты обратились к советской власти с просьбой, чтобы пленные казаки, попавшие к белым «по своему невежеству или но принуждению», были амнистированы и распущены по домам.

Учитывая пожелание съезда, советское командование вело переговоры о сдаче с прижатыми к морю белоказачьими частями на самых гуманных условиях. Группа генерала Морозова, куда входили части 2 и 4-го Донских корпусов, сдалась на условиях предоставления свободы всем казакам, кроме уголовных преступников. Даже инициаторам и руководителям восстаний «в виде особой милости» разрешалось вступить в Красную армию. В мае 1920 г. пленным трудовым казакам была объявлена амнистия. Они распускались по домам, лица моложе 35 лет должны были вступить в Красную армию.

Донцы и Врангель. Переправившиеся в Крым представители зажиточного казачества по инерции продолжали свою политику конфронтации с Деникиным и «добровольцами». Первый номер издаваемого в Крыму «Донского вестника» предсказывал: «Гражданская война закончится не порабощением одной области другою, а мирным соглашательством всего русского народа. Он прогонит всех захватчиков власти как справа, так и слева». В свою очередь «добровольческое» окружение Врангеля всячески оттесняло генералитет Донской армии и членов Донского правительства от участия в общем командовании. В состав Военного Совета при Врангеле вошли 3 представителя Донской армии и 15 «добровольцев». Донские войска, «недовольные политикой Врангеля, оттиравшего донское командование от участия во власти, открыто выражали свое недовольство, поговаривая, что лучше было бы на известных условиях сдаться Красной армии». Донские лидеры не учитывали, что они уже лишились массовой поддержки казаков, реальной силы, которая заставляла «единонеделимцев»-врангелевцев терпеть эсеровские и «самостийные» выпады донской верхушки.

Врангель использовал высказывания «Донского вестника» как повод для расправы с лидерами донского казачества. В апреле

1920 г. он издал приказ, в котором объявил: «...газета («Донской вестник») восстанавливает казаков против неказачьих частей юга России, разжигая классовую рознь в населении и призывает казаков к измене России...». Командование Донской армии было отстранено и отдано под суд, а его полки, сведенные в корпус, во всех отношениях подчинялись только Врангелю. Донской атаман Богаевский теперь имел лишь право инспектировать их.

Получив такой удар, лидеры белого казачества вынуждены были временно смириться. Хотя врангелевские десанты на территории казачьих областей не дали белогвардейцам массовой поддержки казачества, все-таки казаки составляли большую часть «Русской армии» Врангеля. Рекомендуя М. В. Фрунзе на должность командующего Южным фронтом, В. И. Ленин так мотивировал его кандидатуру: «Фрунзе говорит, что изучал фронт Врангеля, готовился к этому фронту, знает (по Уральской области) приемы борьбы с казаками».

Все же среди рядовых казаков было брожение, «начавшееся еще на Кубани под влиянием неудач и агитации». «Демократическая группа» Войскового Круга пошла на контакт с крымскими подпольщиками «по вопросу о прекращении гражданской воины», но «быстрый темп ликвидации Крымской эпопеи» помешал казакам наладить переговоры.

С разгромом Врангеля донская казачья верхушка не сложила оружия. Даже будучи временно отрезанными от армии Врангеля, не имея возможности пробиться из Таврии в Крым, 1-я и 2-я Донские дивизии не хотели сдаваться в плен и намеревались пробиться в Донскую область. Пробиться им все же удалось, и в ноябре 1920 г. 30-тысячный Донской корпус ушел в эмиграцию вместе с армией генерала П. Н. Врангеля.

Красные казаки в 1920 г. С признанием основной частью казаков Советской власти изменился состав красной кавалерии. Изменения эти проявились не сразу. Еще в конце 1919 г. наиболее активную надежную часть красных казаков составляли уроженцы северных округов. Из 134 казаков, посланных поздней осенью 1919 г. на курсы политработников, 59 были хоперцы, 30 – Усть-Медведицкого округа, 26 – 2-го Донского округа. Сдача белоказачьих армий и привлечение пленных на борьбу с Врангелем и белополяками, что Ленин рекомендовал делать «архиэнергично», привели к тому, что казаки составляли большинство красной кавалерии на этих фронтах и служили основным источником ее пополнения, причем среди красных казаков преобладали донцы. Появились целые полки из казаков низовых округов, такие как 120-й кавполк из уроженцев 1-го Донского круга.

Из частей с преобладанием казаков была создана 2-я Конная армия, во главе второй поставили популярнейшего среди середняков Ф. К. Миронова. Но все же красные казачьи полки сохранили ряд особенностей. Инспектируя 2-ю Конную армию, комиссия сделала вывод, что у бойцов «понимание сущности советской власти в особенности коммунизма, своеобразно и далеко от действительности... несознательная верность советскому строю... отчасти верность советской власти через командира («прежде командир потом советская власть») несомненно вредное явление, которое должно быть устранено...». Такое положение в полках сказывалось на боеспособности. Неслучайным было поражение летом 1920 г. корпуса Жлобы, состоявшего в большинстве из казаков. Причем попав в плен к Врангелю, некоторые жлобинцы заявили: «Мобилизуете – будем драться у вас против большевиков, попадем в плен обратно к ним, мобилизуют они – будем у них».

В целом же красные казаки внесли весомый вклад в разгром Врангеля и белополяков. Из красных донских казаков, погибших на фонтах гражданской войны, 52,5 % пали в 1920 г., причем 29 % всех погибших за годы войны были убиты летом 1920 г., когда корпус Жлобы (впоследствии 2-я Конная армия), состоявший из казаков, вел бои на врангелевском, а 1-я Конная армия – на польском фронтах.

Гражданская война стала настоящей трагедией казачества. Большевики вели с ними войну на уничтожение. «Белые» опирались на них, как на главный источник живой силы своих армий, но в трудную минуту оставляли без поддержки. Весь период гражданской войны длилось скрытое противостояние казачьей верхушки, которая хотела после победы над большевиками закрепить за собой особое положение в государстве, и белого генералитета, который подозревал казаков в стремлении отделиться от России, добиться федерального устройства России и автономии для казачьих войск. Дрязги в верхах разлагающе действовали на фронтовиков.

В гражданской войне «белые» армии потерпели поражение. Их вожди не смогли найти общего языка с основной массой населения страны – с крестьянами и рабочими. Казачество разделило это поражение. Потери казаков в гражданской войне были огромны. На Дону из 1 млн 500 тысяч человек казачьего населения потери составляли 250 тысяч. Каждый шестой житель станицы, каждый третий мужчина, а если отбросить стариков и детей, то каждый взрослый мужчина – вот потери донских казаков в гражданской войне.

§ 16. Установление советской власти на Дону

Положение в области после гражданской войны. Хозяйство Дона было в состоянии развала. Посевные площади составляли 48 % довоенных. Лошадей осталось 45 %, коров 65,4 %. Количество плугов сократилось на 28,8 %.

Страшнее были людские потери. Количество рабочих рук в сельском хозяйстве области сократилось на 60 %. Даже к 1926 г. половина казачьего населения области состояла из детей и подростков до 16 лет.

С установлением советской власти повторялись прежние ошибки в казачьей политике. «...В первые годы победы советской власти иногородний сел немного на шею казаку, – считал А. И. Микоян. – Надо отметить, что победа советской власти преломилась в голове станичного населения как победа иногородних над казаками».

Положение внутри Донской области в 1920 г. было сложным. Признание середняком советской власти еще не означало окончания классовой борьбы. «Война переменила фронт и формы. Теперь она воюет торговлей, мешочничеством, она сделала его интернациональным»,– считал В. И. Ленин. Не было и двух мнений о причинах признания казаком-середняком советской власти. «Мы победили Сибирь, Дон, Кубань», – говорил В. И. Ленин 7 апреля 1920 г. Реально власть в казачьих районах опиралась на военные гарнизоны – 1 и 2 Донские стрелковые дивизии общей численностью более 8000 человек и на созданную 11 февраля 1920 г. донскую милицию.

Перед областным съездом Советов Дона была поставлена задача закрепить на местах союз казачества с крестьянами и рабочими, сделать союз действительно неразрывным. Советская власть закрепила пожелания делегатов съезда трудового казачества законодательно. «25 марта 1920 г. В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома «О строительстве Советской власти в казачьих, областях», на основании которого во всех казачьих областях... устанавливались общие органы власти, предусмотренные Конституцией РСФСР и положениями ВЦИК».

Советская власть пресекала попытки стихийного разрешения земельных конфликтов. 7 марта 1920 г. была опубликована «Декларация по земельным отношениям», согласно которой земля считалась общегосударственным фондом, надельные, юртовые и купленные обществами земли оставлялись в пользовании местных трудовых казаков или крестьян, «которые пользова-

лись таковыми на праве аренды». Помещичьи земли конфисковывались.

Сокращение населения области за счет павших в гражданской войне, разруха, сокращение тяглового скота резко уменьшили количество земли, которую возможно было обработать. В июне 1920 г. на областной партийной конференции делегаты с мест сообщали, что «земли очень много, а населения наполовину нет», зато «продовольственный вопрос самый острый, самый больной из всех вопросов».

В апреле–мае в хутора и станицы стали возвращаться немногочисленные казаки, служившие в белых и сдавшиеся Красной армии, но отпущенные домой по амнистии навсегда или на время. Советские работники тревожно сообщали: «...в станицы и хутора возвращаются беженцы и военнопленные, среди которых немало бывших главарей и активных работников белой армии, ведется активная агитация против советской власти, а также усиленно распространяется шпионаж». Однако в существовавших на территории Дона «бандах» преобладали группы уголовников и дезертиров. В мае–июне советские воинские части и специальные вооруженные отряды Областной комиссии по борьбе с дезертирством провели ряд операций в низовых округах и ликвидировали до 50 % числившихся на учете бандитов.

Противники большевиков, уцелевшие на территории Дона, сформировали в Новочеркасске «Штаб спасения Дона», который к началу июня создал сеть подпольных организаций в низовых казачьих округах. Общая численность членов достигала 2 тысяч человек. Но рядовые казаки оставались «тяжелы на подъем».

Летом 1920 г. казаки, оставшиеся на территории Дона, вновь заколебались, недовольные продразверсткой и встревоженные активизацией Врангеля. Работник 2-го Донского округа Детистов докладывал: «Если весной политическое настроение округа можно было назвать хорошим, то теперь его нельзя назвать и удовлетворительным», местные продотделы стали брать на учет, а затем и реквизировать хлеб, скот и фураж, и тут население стало «прислушиваться и задумчиво посматривать в направлении Черного моря, не пошлет ли бог чего лучшего». В Черкасском и 1-м Донском округах появились отряды «врангелевской ориентации» до 400 штыков и сабель. 3 августа В. И. Ленин писал И. В. Сталину: «Из Кубани и Донобласти получаем тревожные, даже отчаянные телеграммы о грозном росте повстанческого движения. Настаиваем на ускорении ликвидации Врангеля».

Вспышку колебаний вызвал десант полковника Назарова, который смог пройти от Азовского побережья до центра 1-го Дон-

ского округа – станицы Константиновской. Реальной поддержки Назаров не получил. За все время к нему присоединилось 130 казаков. Остальные недовольные не верили в свои силы, ждали, что их «освободят». Так выразились два старика Суворовской станицы: «Если мы тут безо время свой собственный фронт откроем, то неизвестно, что из этого выйдет». Большинство же казаков не верило в победу над Советской властью и не желало войны.

В сентябре 1920 г. с территории Украины границы Донской области переходили отряды Махно, но и к ним присоединились единицы казаков.

Местные власти, как и прежде, оказались не на высоте. Центральная власть, как могла, подкрепляла местные силы «работниками из центра». Так, руководить «наиконтрреволюционнейшим» Верхнее-Донским округом направили бывшего председателя Казачьего отдела ВЦИК М. Мошкарова. В массе местные органы формировались зачастую из дезертиров-красноармейцев. Летом в Верхнее-Донском округе пришлось сменить почти все погрязшее в пьянстве начальство, разогнать местную милицию, начальник, которой Кондратьев торговал приблудными волами, в пьяном виде застрелил секретаря станичного Совета, «а милиция следовала по стопам своего начальства». Бывший председатель Казачьего отдела ВЦИК ничего не мог поделать, так как сам оказался больным неврастенией.

В конце лета из округа предупреждали, что «если появится искра, то будет и пламя». Такая же ситуация складывалась в Усть-Медведицком округе, где в некоторых станицах продразверстка превышала наличные продукты. Искры вспыхивали, но пламя, как видим, пока так и не разгорелось.

Осенью ситуация в области усугубилась из-за чрезвычайно низкого урожая, особенно это касалось северных округов, которые практически превратились в потребляющие районы. Начались первые бунты против продразверстки.

К концу 1920 г. были ликвидированы основные фронты гражданской войны.

В декабре 1920 г. совещание Казачьего отдела ВЦИК и представителей областей констатировало: «Ныне, после почти «той работы по строительству советской власти в казачьих областях, процесс объединения трудового казачества с рабочими и крестьянами подходит к концу». Однако член Казачьего отдела Плотников отметил: «Казачий вопрос еще не разрешен, закончена война, заканчивается, можно сказать, политическая сторона по объединению работы. Экономическая же ломка старого уклада жизни и старых производственных условий в большинстве казачьих об-

ластей Республики начинается лишь теперь, и она еще серьезнее, чем предыдущие периоды».

Вспышка повстанческого движения на Дону в 1920–1922 гг. Беззащитный, опустевший Дон грабили и разоряли.

Население сопротивлялось как могло. Вместе с казаками восстали крестьяне в слободе Сухой Донец Верхнее-Донского округа. Такой же мятеж начался в слободе Ефремово-Степановке Донецкого округа. Его возглавил полковник Смелов-Аржеусов.

Зима 1920–1921 гг. была самой тяжелой. Из Верхнее-Донского окружного исполкома сообщали: «Вся продовольственная работа в округе проводится в невозможной уродливой форме и неправильно... В силу трехлетней войны в пределах округа и полного его разрушения в силу ничтожного количества хлеба в округе, неправильной раскладки и полного неурожая получилось что-то бесподобное. Например, накладывают на хутор разверстку в 500 пудов, в хуторе же от разверстки 1919 г., каковая выполнялась, и от прежних годов осталось 100–120 пудов. И как граждане не могут выполнить разверстки, то у них у всех, как у бедняка, так и у середняка, забирают весь хлеб до пуда по всему округу... В хуторе имеется 160–170 овец и наложена разверстка на шерсть в 60 пудов... В настоящее время власть в округе ни на кого не опирается, а держится на штыках».

Не выдержав подобных издевательств, восстают станичные гарнизоны, набранные из местных жителей. 18 декабря 1920 г. восстали караульный батальон и караульная сотня в слободе Михайловке Усть-Медведицкого округа. Командир караульного батальона Вакулин выдвинул лозунг «Долой комисародержавие, долой коммунистов, да здравствует истинно народная советская власть». 22 декабря повстанцы захватили окружную станицу Усть-Медведицкую. Их силы выросли до 1750 бойцов.

Советские войска к 30 декабря вытеснили отряды Вакулина в Саратовскую губернию. В это же время подавили мятеж в Донецком округе. До 500 повстанцев погибло или было ранено. Смелов-Аржеусов застрелился.

Опасаясь новых выступлений, органы ВЧК ОГПУ арестовали бывшего командующего 2-й Конной армией Ф. К. Миронова, ехавшего в Москву принимать должность инспектора кавалерии Красной армии и заехавшего в родной округ. Миронова обвинили в организации нового заговора против советской власти и отправили в Москву. Будучи в заключении Ф. К. Миронов не придумал ничего лучшего, как предложить «вождям политическим поделиться властью с вождями военными». 2 апреля 1921 г. он был расстрелян по постановлению Коллегии ВЧК.

Однако новые волнения начались уже на востоке области. Во второй половине января 1921 г. до 500 человек объединились под руководством есаула Попова в Сальском округе. Неподалеку, в Орловке, разрозненные группы повстанцев организовали «Великое войско Донское» во главе с генералом Сизовым-Донским.

9 февраля на Украине восстали 3 эскадрона 1-й Конной армии во главе с популярным комбригом Г. С. Маслаковым. Повстанцы объявили себя союзниками Махно и двинулись на Дон. 18 февраля они перешли донскую границу. Здесь их силы удвоились и достигли 700 сабель. 21 февраля они заняли станицы Заплавскую и Бессергеневскую, где выпустили всех арестованных, порубили коммунистов и раздали населению хлеб из ссыпных пунктов, а затем двинулись в 1-й Донской округ. Высланный из Новочеркасска отряд перешел к Маслакову. Маслаковцы вышли в районы, где в 1918 г. были сформированы первые отряды Думенко и Буденного, где зародилась 1-я Конная армия, и уничтожили здесь советскую власть. Их власть распространилась от Константиновской до Цимлянской и Платовской. Советская разведка доносила: «Состав банды – донские и кубанские казаки, донские хохлы и небольшой отряд великороссов. Настроение банды бодрое и воинственное, население относится сочувственно».

Очередная (3-я) областная партийная конференция приняла решение вычистить местные Советы от «кулацких элементов», сторонников повстанцев, и пополнить Советы за счет демобилизованных красноармейцев, «повести решительную борьбу с кулачеством, задавив его политически и экономически». Но количество повстанцев росло и к марту 1921 г. составляло 5000 человек.

14 марта в станице Вешенской восстал караульный эскадрон под командованием Я. Фомина, который зимой 1918–1919 гг. взбунтовал 28-й казачий полк против Краснова, а позже служил в Красной армии.

В это время советские органы усиленно распространяли среди населения решения X съезда партии большевиков о замене продразверстки продналогом и свободной торговле излишками. Значительная часть сторонников Маслакова, бывшие красноармейцы, узнав о последних решениях большевистского руководства, стала расходиться по домам.

К середине апреля в Верхне-Донском округе разбили отряд Фомина. К концу мая в Донской области остались лишь мелкие вооруженные повстанческие группы. Лишь отряды уголовников и проникшие в область отряды повстанцев других губерний сопротивлялись дольше других.

Летом 1921 г. последовала новая вспышка недовольства и восстаний на почве начавшегося голода. В низовьях Дона объединились подпольные группы офицеров. В Сальском округе волновались части 14-й кавалерийской дивизии. На Верхнем Дону сопротивлялись разбитые, но не уничтоженные сторонники Фомина.

Чтобы погасить недовольство, советские органы снизили размер продналога на Дону. Если по продразверстке в 1920 г. надо было собрать 20 млн пудов хлеба, то в 1921 г. планировали собрать всего 6,43 млн пудов. Кроме того, на территорию Дона и территории других казачьих областей была передислоцирована 1-я Конная армия. На ее базе был создан Северо-Кавказский военный округ. Возглавил его К. Е. Ворошилов.

Донская область расчленялась. Верхние и восточные казачьи округа – Хоперский, Усть-Медведицкий и 2-й Донской – передавались в состав создаваемой Царицынской губернии. Примерно половина казачьего населения Дона была оторвана от своих собратьев, проживавших в Верхнее-Донском округе (сам этот округ потерял 4 станицы), в низовьях Дона и по Донцу. В это же время две большие низовые станицы – Луганская и Ново-Николаевская – отходили к Украине.

В июле–августе 1921 г. началось новое наступление на повстанческие силы. В итоге к концу года в Ростовском и Черкасском округах повстанческое движение подавили окончательно. В Сальском и 1-м Донском округах остались 4 отряда общей численностью не более 215 штыков и сабель. В Верхнее-Донском округе оставался Фомин со своими сообщниками. К концу декабря все вооруженные формирования, кроме отрядов Фомина, не носили политической окраски. В это время советская пресса объявила: «Политический бандитизм в Донской области перестал быть сейчас острым вопросом».

В 1922 г. ситуация на Дону несколько стабилизировалась. 17 марта был опубликован Декреит ВЦИК и СНК «О едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства», предусматривавший замену 13 различных форм налогового обложения единым продналогом в мере эквивалентной пуду пшеницы или ржи. Но при всех послаблениях на Дону продналог все равно собирался продотрядами, в состав которых входили пулеметные команды. 26 марта Областное Военное Совещание объявило неделю «добровольной явки». Всем явившимся и сдавшим оружие «бандитам» объявлялось прощение. Эти условия распространялись и на руководителей отрядов, которые обеспечат добровольную сдачу своих отрядов со всем оружием и имуществом. В конце марта – начале апреля 1922 г. советские войска провели еще одну масштабную операцию по разгрому «банд». Отряды Фомина были

вытеснены, наконец, с территории области. Несколько мелких отрядов рассеялись. Летом органы ВЧК разгромили еще несколько подпольных центров и вооруженных групп.

3 июля 1922 г. вышло постановление ВЦИК и СНК «О признании недействительным кабальных сделок», предлагавшее безвозмездно возвратить трудящимся имущество, скупленное у них во время голода по ценам ниже 50 % законной стоимости. Казакам и крестьянам, попавшим в кабальную зависимость от своих богатых соседей, это принесло большое облегчение.

27 июля ДонГПУ заявило на страницах советской печати: «Вопрос о бандитизме в Донобласти можно считать решенным. Банд, как известных группировок с политической окраской, на территории Донобласти в настоящее время не имеется».

В августе 1922 г. из Верхне-Донского округа сообщали: «Общее политическое положение округа вполне удовлетворительное. Отношение казачества к власти, ее распоряжениям и действиям достаточно сознательное».

Свидетельством возрождения хозяйственной жизни области стало расширение озимого клина на территории области. Казаки вспахали 288 тысяч десятин, или 134,8 % планового задания. Весной 1923 г. на Дону засеяли на 60 % больше земли, чем в 1922 г. Увеличение посевной площади шло темпами, которых не было нигде в России.

В 1922 г. многие казаки, уходившие за границу и испробовавшие эмигрантской жизни, стали возвращаться на родину. За 1921–1924 гг. 23 тысяч казаков (из 30 тыс. эмигрантов Донского корпуса) вернулись на Дон. Всех их ждала в недалеком будущем горькая судьба.

В целом в 1922 г. сложилось впечатление, что казачество смирилось со своей судьбой, все силы направляет на восстановление разрушенной экономической жизни и не помышляет о какой-либо борьбе и вообще о политической деятельности.

§ 17. Донские казаки в эмиграции

Устройство донских эмигрантов за границей. Первые казаки-эмигранты появились в странах Черноморского бассейна еще весной 1920 г., после Новороссийской катастрофы войск генерала Деникина. Около 2000 казаков и примерно 500 воспитанников Донского кадетского корпуса имени императора Александра III покинули родину в это время. Казаки осели в Болгарии, Греции, Сербии и Турции. Кадетский корпус вывезли в Египет.

Основная масса эмигрантов пересекла российские рубежи в конце 1920 г.

По первоначальным подсчетам, вместе с войсками генерала Врангеля ушли из Крыма за границу 28,5 тысяч донских казаков. Из них примерно 22 тысячи были строевыми и остальные 6,5 тысяч – гражданскими лицами. Первоначально беженцы расселились в Турции, Греции, Сербии, Болгарии. Большая часть казаков, входивших в состав воинских частей, расположилась в Чаталджинском районе Турции, часть была отправлена на Лемнос, и незначительная часть изначально отправилась в Сербию. Помимо означенных стран, значительное число казаков (в основном гражданских лиц) ушло в Грузию. Многие казаки, оказавшиеся после сдачи в Новороссийске в рядах Красной армии, перешли на сторону поляков и остались в Польше (около 2500 человек). Некоторые не успели перейти к полякам, но после разгрома войск Тухачевского под Варшавой отступили на территорию Германии и были там интернированы (около 1000). Примерно 500 казаков судьба забросила в эмиграцию в Китай.

В целом количество эмигрантов-донцов достигло 35 тысяч.

Генерал Лукомский считал, что по количеству эмигрантов, «по сравнению с другими слоями населения, казачество стоит на первом месте». Одних лишь боеспособных казаков за границей в 1921 г. было 12 тысяч.

Первоначально судьба эмигрантов была в ведении французского военного командования, так как казаки ушли в эмиграцию с территории, которая была признана зоной французских интересов (Крым, Украина, Донбасс). С лета 1921 г. эмигрантами вплотную занялась Лига Наций, учредившая пост верховного комиссара по делам русских беженцев.

Первые годы эмиграции стали временем выбора. Во-первых, перед казаками-эмигрантами встал вопрос – оставаться ли за границей или вернуться на Родину. Во-вторых, для тех, кто выбрал жизнь за границей, встал вопрос о стране проживания. В-третьих, неизбежно надо было решать вопрос об источниках существования.

Попытки вернуться на родину проявились сразу же, как только казаки увидели, в каких условиях их будут содержать за границей. Французское командование не желало содержать за свой счет огромную массу вооруженных людей и не препятствовало возвращению казаков в советскую Россию. Донское командование тоже не желало уговаривать маловеров и колеблющихся. Около 9 тысяч донских казаков вернулись на родину еще в 1921 г. Большую роль сыграло то, что большевики в ноябре 1921 г. объявили полную

амнистию всем рядовым участникам белого движения. В 1922 г. среди эмигрантов стали возникать Союзы возвращения на Родину. Правительства стран, где расселились эмигранты, способствовали созданию таких союзов, так как считали казаков опасным элементом, который может вмешаться во внутреннюю жизнь этих стран. Тогда же Лига Наций обязалась оплатить все издержки, связанные с возвращением казаков в Россию. Этим настроениям поддались даже генералы. Так, группа донских военачальников во главе с известным генералом А. Секретевым подписалась под обращением «К войскам белых армий», в котором содержался призыв возвращаться на родину и объявлялось о признании советской власти. Наиболее активно процесс реэмиграции протекал среди казаков, поселившихся в Болгарии. Пик его приходится на 1922 г. Реэмиграция продолжалась и позже, но уже единичная. К концу 20-х годов за границей оставалось всего около 15 тысяч донских казаков.

Выбирая место жительства, оставшиеся за рубежом донцы, отдали предпочтение славянским странам – Болгарии, Чехословакии, Польше и Сербии, до 4 тысяч остались в Турции. Позже донцы стали переселяться во Францию, США, Канаду.

Ушедшие за границу казаки долгое время сохраняли прежнюю военную организацию – Донской корпус под командованием генерала Ф. Ф. Абрамова и учреждения донской государственности (Донской атаман и Донское правительство). Атаманы и правительства Дона, Кубани и Терека объединились для совместных действий в эмиграции и создали Объединенный совет Дона, Кубани и Терека.

Военная организация и военная дисциплина способствовали коллективному выживанию в тяжелейших условиях зимы 1920–1921 гг., поскольку французы давали на содержание казачьих войск мало, а с марта 1921 г. объявили о прекращении снабжения. Нарушителей отчисляли из военных лагерей и переводили на беженское положение.

С весны 1921 г., после соответствующих переговоров казачьих руководителей с правительствами славянских и других европейских стран, казаки стали переходить на «самообеспечение», получать работу.

С 1 сентября 1922 г., согласно приказу генерала Врангеля, Донской корпус перешел на «трудовое положение».

Большинство казаков были сельскими жителями, земледельцами и работу могли найти в сельском хозяйстве. Беженцы по несколько человек нанимались батраками в хозяйствах чехов, сербов и болгар. Так, в Чехословакии казаки составляли 80 % россий-

ских эмигрантов, работающих в сельском хозяйстве. Сохранившие воинскую дисциплину части всем составом работали на строительстве дорог, лесозаготовках. В Германии они привлекались к добыче торфа. Позже, освоившись на новом месте, казаки стали работать на заводах, рудниках. Так, Гундоровский Георгиевский полк в полном составе был объявлен «рабочим полком» и трудился в Болгарии на рудниках, добывал уголь. На территории Польши казаки занимались рыбной ловлей на морском побережье. В воинских частях, занимающихся таким коллективным трудом, сохранялось общее пищевое довольствие, причем на нем числились не только казаки, но и их жены и дети. В Югославии казаков привлекли в качестве пограничной стражи к службе на границе с Венгрией. Некоторые офицеры поступили на службу в полицию.

Незначительное количество казаков, не имевшее какой-либо профессии и растерявшее иные навыки, кроме военных, сразу же записалось во французский иностранный легион.

Все это время существовали и функционировали вывезенные за границу учебные заведения. Они финансировались правительством Югославии. Также оплачивалась учеба казаков, поступивших в высшие учебные заведения Югославии. До 300 молодых казаков направились в 1921 г. в Чехословакию и поступили в высшие учебные заведения. Местные реакционные круги оказали им значительную материальную поддержку, поскольку видели в них непримиримых борцов с коммунистами. 87 % казаков-студентов получали стипендию от чехословацкого правительства. Подавляющее большинство казаков-эмигрантов, имеющих высшее образование, приобрели его за границей. Казаки-студенты объединились в Общеказачью студенческую станицу, которая получила в Чехословакии статус юридического лица.

Постепенно на смену воинским формам объединения приходит создание эмигрантами хуторов и станиц в других странах. Станицы стараются при помощи совместной работы улучшить материальное положение своих членов, повысить их культурный уровень и оказать моральную поддержку. Было объявлено, что станицы создаются в целях объединения и сплочения казаков за границей. Однако значительная часть казаков, оторвавшись от своих частей и своих станичников, жило разрозненными группами по 15–20 человек.

В конце 20-х годов в связи с ухудшением экономического положения в Европе проявляется тенденция у казаков перебраться во Францию, где условия жизни считались лучше, или уехать в Латинскую Америку, где была возможность получить землю и вести свое хозяйство.

Казачья интеллигенция объединяется в творческие сообщества в Белграде, Париже, Праге, Софии, Варшаве, например «Литературная казачья семья» (Прага), «Кружок казаков-литераторов» (Париж).

Поскольку большая часть эмигрантов состояла из достаточно молодых людей, неженатых или оставивших семьи на родине, а женщин среди донских эмигрантов было очень невелико, с первых лет эмиграции стали возникать браки между казаками и местными женщинами.

Уже в середине 20-х годов у казаков, рассеявшихся по Европе, появляется опасение ассимиляции. С целью противодействия ей создаются общества по изучению казачества (Чехословакия). Функционируют Историческая комиссия Всевеликого войска Донского и Донской казачий архив. Архив был вывезен из Новочеркасска и с 1921 г. хранился в Белграде, затем в 1925 г. был переведен в Прагу. А Донская историческая комиссия была учреждена приказом атамана А. П. Богаевского в марте 1923 г. там же, в Белграде, и приступила к сбору и публикации материалов по «новейшей истории» донского казачества. Председателем этой комиссии стал В. А. Харламов.

Казаки с самого начала эмиграции создавали духовые и струнные оркестры, любительские театры. Некоторые здания в районах, где казаки компактно проживали, переделывались ими в церкви.

Большой популярностью за рубежом пользовались казачьи хоры. Созданный в Праге в 1927 г. Донской казачий хор им. М. И. Платова под руководством Н. Ф. Кострюкова с неизменным успехом выступал по всей Европе и в США. Не меньшей популярностью пользовался донской казачий хор С. А. Жарова.

Для сохранения воинского мастерства казаки создавали школы фехтования. Огромной популярностью у европейцев и жителей США пользовались созданные казаками группы джигитов, объездившие весь мир и выступавшие в цирках. Но одновременно для поддержания физической формы казаками создавались секции по распространенным в Европе видам спорта (например футбольные).

Казачья интеллигенция издавала большое количество газет и журналов, в которых пыталась разобраться в причинах поражения в гражданской войне, оценивала положение казаков в эмиграции и на родине, публиковала литературно-художественные и исторические произведения. Наиболее известные журналы: «Вольный Дон» (Болгария), «Вольное казачество» (Чехословакия – Франция), «Казачий голос» (Франция), «Казачество» (Чехословакия), «Казачьи думы» (Чехословакия), «Родимый край» (Франция), «Казачий

журнал» (Франция). Многие талантливые донцы проявили свои дарования в это время – П. Ф. Крюков, Н. Туроверов, Ю. Гончаров, И. Колесов.

Политическая борьба среди донской эмиграции. Главным противником казаков, оказавшихся в эмиграции, оставалась советская власть. Казаки четко определили свою позицию в мировой расстановке классовых сил: «Если теперешний мир в. социально-экономическом отношении поделился на два враждующих лагеря: с одной стороны, мир "буржуазный", "капиталистический", а с другой – "советско-коммунистический" или "социалистический", то мы выбираем первый. Без частной инициативы и права собственности человека на продукты своего труда невозможно хозяйственное развитие и процветание никакой страны», – заявляли лидеры эмигрантской организации «Вольное казачество».

Однако продолжить открытую борьбу с большевиками казаки-эмигранты не имели возможности. Этому препятствовали, в первую очередь, правительства тех стран, в которых беженцы из России нашли приют.

Своеобразной отдушиной политическим страстям стала борьба между политическими группировками казачества, оказавшегося за рубежом. Этому способствовало то, что среди казачьей верхушки, и особенно среди казачьей интеллигенции, все еще сосуществовали сторонники монархии, кадетов и эсеров.

Вместе с тем продолжалась тенденция объединения казаков юга России, нашедшая отражение в создании еще в начале 1920 г. Верховного Круга Дона, Кубани и Терека. Оказавшись за рубежом, атаманы и правительства этих казачьих территорий продолжили свои союзнические отношения. 14 января 1921 г. ими был создан Объединенный совет Дона, Кубани и Терека. Вступившие в совет обязались действовать совместно по вопросам военным, политическим, внешних сношений, устройстве беженцев. Образовалось, таким образом, своего рода объединенное правительство в изгнании.

В июне 1923 г. Объединенный совет Дона, Кубани и Терека утвердил «Основные положения казачьей платформы», которая предполагала борьбу за свержение коммунистической власти, озвучивала старую деникинскую идею «непредрешенчества» (вопрос о форме правления в России решит сам народ) и подтвердила высказанную еще П. Н. Красновым идею, что до образования всенародно признанной российской общегосударственной власти казачьи области будут существовать как самостоятельные государственные образования, опираясь на свои законы. Борьба с большевиками мыслилась под единым военным командованием, но казаки считали своей прерогативой борьбу с большевиками на своих территори-

ях. Что касается устройства казачьей жизни после грядущей победы над большевиками, то Платформа обещала отстаивать позиции широкого местного самоуправления казачьих войск с сохранением за войсками прав на землю и недра. Позже казачьи лидеры в эмиграции объявили, что после победы над большевиками передадут свою власть людям, избранным всем казачьим населением.

Для помощи казакам-беженцам Объединенным советом был создан комитет Казачья помощь.

В 1924 г. в Париже была создана общественная организация, стремящаяся объединить всех казаков за границей – Казачий союз. В своих программных документах Казачий союз практически не расходился с Объединенным советом. Предполагалось, что он объединит образовавшиеся за рубежом казачьи станицы и другие виды объединений казаков. В 1925 г. в Казачий союз входили уже 68 казачьих организаций. Возглавил союз последний глава донского правительства Н. М. Мельников. Союз имел свой печатный орган. Главенствующую роль в Казачьем союзе играли донские казаки.

В 1933–1934 гг. в Казачьем союзе произошел раскол. Казачья «общественность» оттеснила от руководства Союзом донского атамана А. П. Богаевского, который вскоре и умер.

Казаки, оказавшись в эмиграции, продолжали борьбу с помещичьей монархической контрреволюцией, обвиняя ее как главного виновника поражения. Объединенный совет Дона, Кубани и Терека не участвовал в 1926 г. в Зарубежном съезде представителей российской эмиграции, который состоял из сторонников конституционной монархии и который провозгласил национальным вождем российской эмиграции великого князя Николая Николаевича. Донской атаман (вместе с другими атаманами) заявил, что казаки поддержат Николая Николаевича, если его «позовет русский народ», но до четкого и ясного волеизъявления русского народа атаман не рискнул выказать поддержку великому князю от имени донских казаков.

В целом русских монархистов поддержали единицы оказавшихся в эмиграции донских казаков, среди них наиболее заметными фигурами были два бывших атамана – П. Н. Краснов и граф М. Х. Граббе.

Наиболее последовательным борцом с русскими монархистами и кадетами стал Общеказачий сельскохозяйственный союз, созданный в 1921 г. в Константинополе (затем переместился в Болгарию и позже – в Прагу) и официально имевший целью объединить рядовую массу казаков-эмигрантов на базе производительного сельхозтруда. Однако впоследствии Общеказачий сельскохозяйственный

союз принял самое активное участие в организации возвращения казаков на родину. Во главе этого союза стояли носители эсеровских взглядов, такие как П. Р. Дудаков, Б. Н. Уланов. Общеказачий сельскохозяйственный союз стал конкурентом Объединенного совета Дона, Кубани и Терека в борьбе за влияние на массы казаков-беженцев.

В 1923 г. председателем Общеказачьего сельскохозяйственного союза был избран бывший командующий Донской армией генерал В. И. Сидорин (ранее разжалованный и изгнанный из армии Врангелем). В союз вошли известные донские генералы Т. М. Стариков и И. Ф. Быкадоров. В союз с этого времени стали принимать также уроженцев казачьих земель, но не казаков по происхождению.

Еще одной явно про-эсеровски настроенной организацией стал Союз возрождения казачества, возникший одновременно с Общеказачьим сельскохозяйственным союзом по инициативе тех же деятелей (Б. Уланов, П. Дудаков и др.), но с явно политическими целями. Причем Союх возрождения казачества планировал использовать Общеказачий сельскохозяйственный союз как свою социальную и материальную базу.

Союз возрождения казачества боролся и с русскими монархическими движениями и со своим Объединенным советом Дона, Кубани и Терека. В то же время он поддерживал тесные отношения с партией социалистов-революционеров. Недовольные зависимостью от эсеров члены союза создали свою организацию – Союз единства казачества, где ведущую роль играли те же Уланов, Сидорин и Быкадоров. В отличие от Объединенного совета оба эти союза мыслили будущую Россию федерацией, куда казачьи войска войдут как отдельные штаты наравне с другими народами (таким образом опять вспыхнул спор «автономистов» и «федералистов»).

Позже и Союз единства казачества раскололся на две группы – в одной главенствовали донские военные, в другой – донские студенты, возглавляемые Б. Улановым.

В середине 1920-х годов за рубежом сформировалось «вольноказачье движение», члены которого ставили своей задачей создание независимого общеказачьего государства «Казакии», которое должно было протянуться по всему югу России и включить в себя территорию всех крупных казачьих войск. Идейным обоснованием создания такого государства должно было стать осознание казаками, что они издавна были отдельным славянским народом, а не возникли как военное сообщество на базе беглых крепостных крестьян. Эта идея тоже была не нова. Ее еще до революции выдвигал донской историк Е. Савельев.

Вольно-казачье движение являло собой некое объединение донских и кубанских казаков, поставивших целью создание мощной националистической организации. От донских казаков в движение вошли те же генералы Быкадоров и Стариков и поэт Колесов.

Для подготовки идейного обоснования требований создания единого казачьего государства было создано две организации – Общество изучения казачества и Литературная семья.

В 1927 г. движение оформилось в Союз вольного казачества, носивший политический характер. У Союза появился печатный орган – журнал «Вольное казачество».

Вольное казачество предполагало борьбу за освобождение Дона и других казачьих земель от российской власти, создание Казакии – объединения казачьих республик и «оказачивание» всего населения, проживающего на территории казачьих войск.

Это движение, предполагающее после победы над большевизмом фактически отделение юга России от основной части страны, вызвало большой интерес в молодом польском националистически настроенном государстве. Поляки стали снабжать вольно-казачье движение средствами, и, благодаря этому, вольно-казачье движение стало одним из обеспеченных казачьих политических структур.

Однако наличие средств спровоцировало борьбу лидеров движения за руководство и спровоцировало целый ряд расколов. В 1928 г. из вольно-казачьего движения выделилась группа проживавших в Чехословакии казаков во главе с И. Колесовым и В. Глазковым. В 1929 г. из Союза вольного казачества вышла кубанская организация во главе с инженером И. Билым. После ухода И. Билого руководители донской, терской и калмыцкой вольно-казачьих организаций создали Союзный комитет вольного казачества. Но широко известный журнал «Вольное казачество» остался в руках организации Билого. Лишь в 1933 г. «вольные казаки» создали новый орган движения журнал «Казакия».

Некоторая часть донской интеллигенции, объединившаяся вокруг журнала «Дон», считала, что отдельной казачьей нации не существует, но в то же время отстаивала идею полной независимости Донской республики от России после победы над большевиками и образования некоего союза республик, таких как Дон, Кубань, Украина, Грузия, Армения, Азербайджан и др., что получило бы название «Черноморской Антанты».

Во Франции в 1931 г. вольно-казачье движение создало Лигу возрождения казачества, которая повела борьбу против войсковых атаманов и правительств, обвиняя их в предательстве интересов казачества.

Венцом вольно-казачьего движения стало создание в 1937 г. в Болгарии Союза казаков-националистов и журнала «Вольный Дон». Одним из лидеров казаков-националистов стал руководитель Верхне-Донского восстания есаул П. Н. Кудинов.

В целом донское казачество составило значительную самобытную общность среди российской эмиграции. Казаки легче, чем другие слои эмигрантов, адаптировались к условиям жизни за рубежом, но при этом сохраняли свои обычаи, самобытную культуру, институты власти и общежития. Политические страсти не оставили верхи казачества и казачью интеллигенцию. Пребывание казаков за границей первые несколько десятков лет отмечено активной политической и общественной деятельностью. Казаки-эмигранты продемонстрировали высокий уровень унесенной с собой традиционной культуры и внесли заметный вклад в литературу и искусство.

§ 18. Культура казачьей эмиграции в 1921–1941 гг.

Центрами казачьей интеллигенции были Прага, Белград, София, Париж и Харбин. Особое место в этом отношении занимала Прага. Здесь казаками были созданы такие организации, как Общество изучения казачества, Общество кубанских журналистов и писателей и др. Общество кубанцев в ЧСР при содействии чехословацкого правительства оказывало материальную поддержку казакам, желающим закончить высшие и средние учебные заведения. Благодаря этому около 300 казаков получили дипломы инженеров, врачей, экономистов.

В культуре русского зарубежья видное место занимает художественная проза и поэзия казаков-эмигрантов. Среди казаков было немало талантливых писателей и поэтов, таких как П. Краснов, Н. Келин, Г. Щавель, А. Пивень, В. Курганский, Н. Туроверов, А. Грызов (А. Ачаир). Большинство литературных произведений казаков-эмигрантов пронизывала тоска по Родине и вера в возвращение домой. Они публиковались в многочисленных журналах и газетах, в которых определенная доля материалов отводилась для литературно-художественных и исторических произведений. В Праге издавался литературный и общественно-научный ежемесячник «Казаки», в Париже выходил историко-литературный сборник «Кубанская старина и современность».

В произведениях казачьих художников слова иногда сказывался недостаток профессионализма. Это отмечали критики из среды самого казачества. Так, один из поэтов казачьего зарубежья Иван Колесов (донской казак) в своей статье «Опыт критического разбора» писал: «Следя по журналам за произведениями казачьих поэтов, невольно приходишь к мысли, что большинство из них, если не все, имеют очень туманное представление о законах стихосложения. Не только ритм, но и рифмы в их произведениях часто играют в чехарду! Неудивительно, Профессионалов среди них нет, да и не может быть. Стихи пишут только тогда, когда Божья искра, таящаяся в поэте, заставит его урвать кусочек времени от погони за куском хлеба и излить свои думы и переживания на бумагу». Далее он пишет, что помимо нехватки времени, нет также и возможности учиться литературному мастерству при помощи книг, так как «многие живут вдали от городов (библиотек), а купить не хватает средств. Единственная возможность в настоящее время двинуть казачью поэзию вперед и изучить ее законы – делиться в журналах теми сведениями, какими кто располагает, подвергать разбору произведения казачьих поэтов и так, поправляя друг друга, изучать уже установившиеся законы стиха и создавать новые».

Казаки создавали литературные объединения и общества. Так, в 1937 г. в Париже был создан «Кружок казаков-литераторов», в состав которого входил один из наиболее известных поэтов казачьего зарубежья Н. Н. Туроверов. Ранее подобные литературно-художественные объединения были созданы в Праге в 1925 г. («Литературная казачья семья») и Харбине в 1926 г. («Чураевка»).

В публицистических произведениях часто затрагивались вопросы-размышления о настоящем положении казачества на родине и в эмиграции, о причинах поражения в гражданской войне. Это было связано с попытками казачьей интеллигенции найти свой особый (казачий) путь в сложившихся условиях. Отсюда вытекает и возросший интерес к истории казачества. Через изучение прошлого казачества, его места и роли в истории России казаки-эмигранты стремились сохранить на чужбине свои обычаи, традиции и уклад.

Для эмигрантских работ по проблемам истории казачества были характерны три особенности.

Во-первых, большинство казаков-эмигрантов, писавшие на исторические темы, рассматривали свои труды как часть более общей работы по изучению духовной культуры казачества, его обычаев. Отсюда вытекала и нередкая идеализация казачества, преувеличение его особой роли в российской истории, излишнее противопоставление и подчеркивание превосходства казаков по сравнению с другими слоями российского общества.

Во-вторых, работы по истории казачества писали в основном не профессиональные историки, а казачьи офицеры и генералы, другие представители казачьей интеллигенции, искренне стремившиеся осмыслить опыт недавнего прошлого (особенно периода гражданской войны) и помочь читателям (рядовым казакам) разобраться в событиях отечественной истории (П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро, А. П. Филимонов, В. Г. Науменко, И. Ф. Быкадоров, И. Г. Акулинин, Г. В. Енборисов, А. В. Зуев). Их работы предоставляли не сугубо научные труды, а чаще историческую публицистику и мемуары, хотя среди авторов были и профессиональные историки и архивные работники (С. Г. Сватиков, П. А. Скачков, В. А. Харламов).

В-третьих, для многих авторов (особенно для монархистов и самостийников) их исторические труды были подчинены политической и идейной борьбе в среде эмиграции.

Всю эмигрантскую литературу можно разделить на три группы.

К первой относятся работы монархистов из числа казаков, в которых явно идеализируется политика царизма последних столетий, совершенно игнорируются реальные противоречия между русскими царями и казачеством (донским, в частности), а жизнь последнего при царском режиме освещается только в розовых тонах. Такая позиция особенно характерна для П. Н. Краснова.

Ко второй группе относятся сочинения И. Г. Аулинина, С. Г. Сватикова, П. А. Скачкова и других авторов, стоявших на идейных и политических позициях, близких к умеренному крылу казачьей эмиграции. Для них характерны большая объективность при анализе событий, более взвешенная оценка сложных и противоречивых отношений казачества и Российского государства, использование довольно широкого круга источников. Особую известность и популярность среди эмигрантов получили труды С. Г. Сватикова по истории донского казачества.

Третью группу составляют работы самостийников, представителей вольно-казачьего движения. Они поставили цель доказать, что казаки – потомки особого племени Восточной Европы, равнозначные великороссам, украинцам и белорусам. Самостийники представляли одно из направлений демократического казачьего движения, но с претензией доказать теоретически и исторически развитие казачества как особого этноса. Подобные идеи обосновывались, в частности, в трудах И. Ф. Быкадорова. В послевоенные годы (1950–1960 гг.) с этих концептуальных позиций были написаны работы П. К. Харламова, Г. В. Губарева и А. А. Тордеева.

Стремление казачьей творческой интеллигенции с помощью печатных изданий и живого слова делиться своими переживаниями

и мыслями, да и вообще вести культурно-просветительную работу, было в первую очередь связано с необходимостью поддерживать национальное самосознание казаков-эмигрантов, которое в отрыве от родины постепенно начинало гаснуть. «Слабая культурно-просветительская работа между казаками, находящимися в глухих деревнях, некрепкая связь с ними, дает свои плоды, – отмечал журнал «Казачья земля», – у некоторых заметны признаки начавшейся ассимиляции с местным населением».

Особенно быстрый процесс ассимиляции наблюдался в Болгарии, Чехословакии и Польше, что было связано, в первую очередь, с близким по культуре славянским населением этих стран. Ассимиляции способствовало и то обстоятельство, что почти 90 % казаков-эмигрантов составляли мужчины, многие из которых были холостыми. Они оседали за границей, женившись на местных уроженках, и постепенно утрачивая свои традиции, перенимали местные обычаи.

Ассимиляционные процессы стремились сдерживать различного рода культурные организации и общества взаимопомощи казаков-эмигрантов. В частности, целью созданного в Чехословакии в 1921 г. Общества кубанцев была «организация взаимопомощи кубанцев, проживающих в пределах ЧСР и состоящих членами общества, на почве трудовых и культурных интересов». Для достижения поставленной цели предполагалось, помимо всего прочего, открытие библиотек, общеобразовательных курсов и школ, издание книг и брошюр, проведение культурных вечеров. Подобные вечера проводились, в основном, в праздничные и воскресные дни на квартирах казаков, в казармах казачьих полков, в ресторанах и в помещениях, принадлежащих различным казачьим организациям. Основной целью таких вечеров было стремление отдохнуть в кругу своих соотечественников, послушать родные казачьи песни, поделиться друг с другом своими переживаниями. Иногда вечерам придавался благотворительный характер с тем, чтобы помочь либо отдельным казакам-эмигрантам и их семьям, либо казачьим организациям.

Вообще традиция проведения различного рода культурных вечеров была характерна для всей российской эмиграции, но казачество придавало ей особенный колорит. Вот как описывает подобные встречи казаков-эмигрантов профессор Гарримановского института Джон Хазард: «Долгое время казаки собирались в определенном районе Нью-Йорка на свои праздники, ежегодные собрания. Мужчины – в традиционной форме и с холодным оружием, женщины – в национальных одеждах, с красивыми прическами. Их песни и танцы вызывали искреннее восхищение американцев».

Большую роль в сохранении национального самосознания российских, в том числе и казачьих, эмигрантов играла церковь. Православие было нитью, связывавшей их с родиной. И неслучайно, куда бы ни забрасывала судьба казаков, всюду открывались церкви или часовни. Многие казаки с удовольствием пели в церковных хорах. Причем, в Болгарии, в Греции и в других странах многие местные жители приходили послушать и увидеть церковную службу, проводившуюся в казачьих храмах. В целом православие оставалось неотъемлемой частью культуры и быта казачества за рубежом.

В немалой степени консервация самосознания казаков в эмиграции должна была способствовать сохранению и распространению знаний об их историческом прошлом. Такая же задача стояла перед Донским казачьим архивом и Историческими комиссиями Всевеликого войска Донского и Кубанского казачьего войска, целью которых было собирание и публикация материалов и документов, касающихся жизни казаков за рубежом, а также по истории Дона и Кубани.

В воспитании молодого поколения казаков в эмиграции многое сделали казачьи учебные заведения. В Александрию (Египет) был эвакуирован и начал действовать Донской имени императора Александра III кадетский корпус. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев возобновили свою работу Донской женский (Мариинский) институт и 2-й Донской кадетский корпус. В Болгарии восстановили свою работу кубанские школы, преобразованные позже в сельскохозяйственные училища.

Российское казачество в эмиграции стремилось сохранить такие казачьи традиции, как военно-техническое обучение, физическая и спортивная подготовка молодежи, чествование заслуженных казаков (в частности георгиевских кавалеров), т. е. все то, что называется военно-патриотическим воспитанием.

Неотъемлемой и самобытной частью культуры казачьего зарубежья были знаменитые казачьи хоры. Они являлись довольно неординарным событием для жителей Европы и Америки. Казаками были созданы немало групп певцов и танцоров, которые пользовались необычайно высоким успехом у западной публики. Были группы, состоявшие из одних певцов или танцоров. Однако чаще всего они выступали в смешанном составе. Конечно, коллективы сильно разнились по своей профессиональной подготовке. Некоторые из них были известны практически во всем мире. Так донской казачий хор имени атамана М. И. Платова, созданный в Праге в 1927 г., за время своего существования побывал со своими концертами в более 65 странах. И везде, судя по газетным отчетам, имел громадный успех. О плодотворной деятельности хора свидетельст-

вует то, что буквально через два года, прошедших с момента его образования, он уже праздновал свой тысячный концерт: «...в самом большом и блестящем концертном зале Праги... состоялся юбилейный тысячный концерт донского хора имени генерала Платова. Огромный зал был переполнен. Многим не удалось попасть за недостатком мест на это редкое торжество. Присутствовал дипломатический корпус, представители русской и иностранной печати, литературно-художественный мир Праги. Платовцы пели с большим подъемом и изумительной стройностью. Публика встречала и провожала каждое выступление восторженными, долго несмолкаемыми рукоплесканиями».

С 1931 г. платовский хор выступал и работал в основном в США по контракту с компанией «Коламбия концерт корпорейшн», с помощью которой издал много граммофонных пластинок. Большая заслуга в создании платовского хора и в его долголетней, успешной работе принадлежит его организатору и руководителю Н. Ф. Кострюкову. Не имея специального музыкального образования, он был талантливым любителем-самородком.

Не менее известен был западной публике (не говоря уже о казаках) донской казачий хор, руководителем и организатором которого являлся С. А. Жаров. Об этом говорит тот факт, что в 1931 г. С. А. Жаров был торжественно введен в русско-американскую палату славы, основанную конгрессом русских американцев «для чествования выдающихся русских деятелей, внесших значительный вклад в науку, технику, литературу, искусство и общественную жизнь США».

В первой половине 1920-х годов получил широкую известность кубанский хор под руководством Г. Таранца, в состав которого входили и несколько танцоров, вызывавших бурю восторга своими выступлениями у европейской публики.

Составной частью культуры казачества являлась джигитовка. Особую известность получили группы джигитов под руководством генерала И. Д. Павлюченко и есаула И. Н. Сиволобова. Джигитовка так же, как и казачьи песни, являлась открытием для западной публики. Впоследствии казаки чаще стали создавать смешанные группы, что давало возможность познакомить западного зрителя с широким спектром казачьей самобытной культуры. Так, в состав группы сотника С. И. Проценко входили 50 джигитов, 35 певцов, 5 танцоров и 30 музыкантов.

Яркие выступления донских и кубанских джигитов привлекли внимание продюсеров американских киностудий. В конце 1920-х годов в Голливуде были поставлены несколько фильмов с участием казаков, в том числе «Воскресенье» и «Казаки» по Л. Н. Толстому и

картина «Последний бой», где казаки довольно неплохо исполнили роль индейцев.

Казачья эмиграция внесла определенный вклад и в развитие русского театрального искусства на чужбине. Это связано, прежде всего, с именем донского офицера, поэта и режиссера С. Ф. Сулина. Еще в феврале 1921 г. на острове Лемнос он создал Донской корпусный театр, в дальнейшем переехавший в Болгарию (г. Ямбол) и действовавший там под названием Русский драматический театр. С февраля 1921 г. по январь 1924 г. театр, руководимый С. Ф. Сулиным, дал 112 спектаклей. В основном ставились пьесы, популярные комедии и драматические этюды по произведениям русских классиков А. П. Чехова, А. Н Островского, Н. В. Гоголя.

В целом среди казаков-эмигрантов было немало художников, скульпторов, актеров, ученых и многих других деятелей культуры и науки, внесших свой вклад в культуру зарубежных стран и российской эмиграции. При этом представители казачьей диаспоры пытались сохранить свои культурно-бытовые традиции, имевшие особенный и неповторимый колорит, во многом отличный от культуры общероссийской эмиграции.

Из числа художников-эмигрантов следует выделить К. В. Попова. Он родился в станице Михайловской, получил среднее образование в Новочеркасске и поступил в Московскую школу живописи, ваяния и зодчества (ныне академия). После революции вернулся в Новочеркасск и участвовал в белом движении. Эмигрировал вместе с Атаманским военным училищем на греческий остров Лемнос. Будучи в эмиграции, два года учился в Академии художеств в Болгарии. Академия командировала его в Рим (Италия). Там он продолжал совершенствоваться в искусстве, а на жизнь зарабатывал, расписывая декорации в театре «Констанца». С 1926 г. К. В. Попов переехал во Францию. Очень плодотворно в этот период он работает в Парижской Гранд-опера. Им мастерски выполняются декорации к постановкам балета Анны Павловой, Веры Немчиновой, для работ Войцеховского. Он увлеченно трудится над подготовкой спектаклей парижской труппы Московского Художественного театра и русской оперы под руководством Церетели. С большим старанием художник содействует успеху выступлений хора Агренева-Славянского и многих других коллективов. Оказавшись в Нью-Йорке, готовит декорации для оперного театра. С 1936 г. переезжает в Аргентину. Здесь он выполнил роспись стен и потолка в театре «Бабилония», общей площадью 5 тысяч квадратных метров, а также создал панно во «Дворце танца», где среди различных национальных танцев запечатлел искрометный порыв своих соотечественников-казаков.

§ 19. Общественно-политическое и экономическое положение донского казачества в 1920–1930-х гг.

В страшные годы кровопролитной братоубийственной Гражданской войны донское казачество в полной мере испытало на себе все выпавшие на его долю тяготы. Активно и практически поголовно участвуя в сражениях этой войны в составе «белой» и «красной» армий, пережив невиданную по масштабности и жестокости поистине бесчеловечную большевистскую политику «расказачивания», однозначно характеризуемую в настоящее время как самый настоящий геноцид, донские казаки понесли огромные людские потери. Так если в начале 1917 г. численность донского казачества составляла 1 млн 507 тысяч 178 человек, то, согласно данным переписки населения 1926 г., оно насчитывало всего только 750 тысяч 402 человека. То есть за период Гражданской войны численность донских казаков сократилась на 50,4 %, больше чем на половину! Прямые безвозвратные жертвы казачества на полях сражений и особенно от «красного» террора, эпидемий, голода в процентном отношении к общей численности населения во много раз превзошли аналогичные показатели всех других народов бывшей Российской империи. Особенно много в эти годы от болезней, лишений, массового террора погибло ни в чем не повинного мирного казачьего населения – казаков-стариков, казачек и казачат. Очень большими были и понесенные казаками материальные убытки. Причем весь этот печальный итог оказался во многом одинаковым и для вовлеченных в смертельные схватки «белых» и «красных» казаков, для тех, кто в длительных и мучительных колебаниях безуспешно искал свой особый «третий путь» в революции и гражданской войне.

Кроме колоссальных людских и экономических потерь, казачество понесло и во многом невосполнимые моральные утраты. Прежде всего к ним следует отнести важнейшие этносоциальные и морально-нравственные основы казачества как этноса (народа).

Протекавшие в казачьей среде объективные социально-экономические процессы уже к началу XX столетия породили немалые проблемы и даже некоторые кризисные проявления во внутренней сословной организации казачества. Но они не оказали никакого отрицательного влияния на имевшиеся во всех областях казачьей жизни элементы собственно этнического (народного) характера. Политика же советского правительства, проводимая по отношению к казачеству в годы Гражданской войны, не только привела к полной ликвидации его сословной организации и всех связанных с ней конкретных проявлений, но и нанесла сокрушительный удар со-

циально-этническим основам казачества. При этом проходившие в его среде активные этнические процессы формирования и развития казачества как этноса (народа) были не просто приостановлены, а искусственно прерваны насильственными мерами. Общий большевистский курс на решительное уничтожение «привилегированного» казачьего сословия преследовал своей конечной целью полную ликвидацию всех социальных и этнических особенностей казачества, нивелировку казаков по отношению к окружавшему их неказачьему населению. Причем ни о каких существеннейших различиях между присущими казачеству социально-классовыми (т. е. сословными) и этносоциальными (т. е. этническими) элементами никто даже не задумывался. Более того, проводимая большевиками политика террористического «расказачивания» и все ее практические проявления в первую очередь били по этнической специфике казачества (массовый огульный террор ко всему населению, в том числе и ко многим и многим тысячам сугубо гражданских лиц только на том основании, что они казаки; переселение на казачьи территории жителей центральных российских губерний; насильственная «перекройка» границ бывшей Области Войска Донского путем передачи ее больших территорий соседним губерниям, как например, включение больших по рамерам II-го Донского, Усть-Медведского и части Хоперского округов в 1921 г. в состав Царицинской губернии, части Таганрогского округа – Донецкой губернии, Украины, позже часть Сальского округа – Калмыкии, с целью фактического, как тогда говорили, «распыления» казачьего населения; переименование казачьих станиц в села; строжайший запрет на ношение традиционной казачьей одежды, в частности шаровар с лампасами; целенаправленное выведение из обихода самого слова «казак»).

После Гражданской войны, после полного упразднения всех внешних и внутренних элементов сословной организации казачества, политика советской власти по отношению к нему изменяется и приобретает характер скрытого расказачивания. Под скрытым расказачиванием понимается целенаправленная деятельность центральных и местных советских партийно-государственных органов с целью ликвидации всех присущих казачеству специфических этнических признаков. Другими словами, в результате осуществления комплекса различных мероприятий должны были быть полностью уничтожены все этнические свойства казачества, характеризовавшие его как этнос (субэтнос, народ). А поскольку эти безусловно существовавшие у казачества признаки невозможно было ликвидировать исключительно административно-карательными мерами, то начинают реализовываться рассчитанные на перспективу планы их постепенного окончательного изживания. На со-

хранившиеся особенности этнического самосознания казаков, их культуры и быта постоянно оказывалось соответствующее практическое воздействие. Внешне же официальные власти пытались представить дело таким образом, будто бы всех этих особенностей этнического порядка у казаков вовсе не существует.

В 1920-х годах большевики, как это позже признавали даже и их некоторые лидеры, осуществляли политику «огульного», т. е. всеобщего преследования и всяческого притеснения казачьей общности, включая, в частности, и игнорирование очевидного факта самого существования «красных» казаков. Эта политика осуществлялась в основном методами лишения казаков политических и гражданских прав, повышенного налогообложения казачества, значительного ограничения его участия в общественной жизни. Казачья молодежь не допускалась к поступлению в высшие и средние специальные учебные заведения, особенно в военные училища, на рабочие факультеты вузов и техникумов, в станицах было существенно сокращено общее количество школ. Обо всем этом открыто говорилось в официальных выводах специальной комиссии Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков) по изучению вопроса о положении казачества в начале 1925 г. (известные факты массового заложничества семей казаков-повстанцев и бессудных расстрелов, проводившихся во многих казачьих областях в 1921–1922 гг., отмеченные членами данной комиссии ЦК РКП(б), говорят о том, что это было самое настоящее «расказачивание»).

Даже когда в большевистской политике по отношению к казачеству намечалось некоторое смягчение, как это было например в середине 1920-х годов, ее общая антиказачья направленность оставалась прежней. Так например, в избранный на I Северо-Кавказском краевом съезде Советов, проходившем в феврале 1925 г., в Краевой комитет Советов вошли 31 крестьянин и только 1 (!) казак. В решениях апрельского 1925 г. Пленума ЦК РКП(б), знаменовавших смягчение политики по отношению к казачеству, отмечалось, что общая политика партии в отношении деревни в условиях казачьей жизни должна была проводиться с учетом местных особенностей и традиций, а игнорирование «особенностей казачьего быта и применение насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций» признавалось недопустимым. В то же время Пленум указал на необходимость классового подхода к казачеству и высказался против предложения вынести обсуждение вопроса о казачестве на более высокий уровень – на Всероссийский съезд Советов. Таким образом, признавая наличие «остатков казачьих традиций» и бытовых отличий казаков, большевистское руководство по-прежнему

смотрело на казачество исключительно как на особого рода крестьянство. После этого Пленума казакам разрешили носить лампасы и другие элементы традиционной казачьей одежды. Многочисленные же особенности казаков этнического характера либо вообще не замечались, либо безосновательно причислялись к проявлениям казачьей сословности. При этом вполне закономерный вопрос о том, чем же объяснялась такая живучесть особенностей внутренней жизни казачества спустя много лет после полной ликвидации сословной организации казаков и упразднения вытекавших из нее казачьих прав и обязанностей, оставался без ответа. Что же касается внутренней сущности, основного содержания советской политики по отношению к этим особенностям, то о них можно судить даже по официальным партийно-государственным документам того времени. Например, в Постановлении Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета Советов «О работе Советов в бывших казачьих областях Северо-Кавказского края» от 25 августа 1925 г. и в разработанном на его основе специальном циркуляре окружным исполкомам говорилось о необходимости всем партийным и советским органам проводить целенаправленную работу по устранению «казачьих бытовых особенностей». В постановлении подчеркивалось, что «казак не должен видеть и здесь издевательства и насмешек, ни голых приказов и насилия... Исключая случаи, требующие применения немедленных административных мер, нельзя забывать, что переработка была – дело культуры, что ее единственное оружие здесь – только воспитание сознательности казачьих масс». Документ, как видим, весьма красноречиво свидетельствует о том, какими методами велась «работа» советских органов среди казачества до этого времени.

После начала коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания против казачества вновь усилились прямые репрессии. Так в приказе Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), известного «преемника» печально памятной Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, от 2 февраля 1930 г. указывалось на необходимость ликвидации так называемого «контрреволюционного актива», в состав которого были отнесены не только зажиточные казаки и крестьяне, но и все без исключения бывшие белогвардейцы и казаки, вернувшиеся ранее на родину из вынужденной эмиграции. В тогдашних условиях бывшей Донской области это означало физическую ликвидацию наиболее образованной части казачества, являвшейся, среди прочего, и носителем казачьего самосознания, культуры, морально-нравственных основ.

По предложению известного партийного деятеля Л. Кагановича и в соответствии с принятым в декабре 1932 г. решением совместно-

го заседания Бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и Комиссии ЦК ВКП(б), не выполнившие плана поставок государству хлеба казачьи станицы заносились на так называемые «черные доски». На практике это означало полную изоляцию этих станиц, прекращение подвоза товаров, свертывание в них всей внутренней торговли, арест всех подозреваемых в «саботаже» жителей. Для казаков этих станиц все это выливалось в повальные всеобщие реквизиции всего продовольствия, в плотное оцепление этих станиц войсками и массовой гибелью от голода всех их жителей. Таких «чернодосочных», полностью вымерших станиц было 13 на Кубани и 4 на Дону.

Только в апреле 1936 г., ввиду нарастания в мире военной угрозы, были отменены все существовавшие ограничения в отношении воинской службы казачества. В это же время принимается и решение о формировании донских, кубанских и терских казачьих кавалерийских дивизий. Тогда в Красной армии существовали национальные кавалерийские части (башкир, татар) и казачьи полки как бы приравнивались к ним. В феврале 1937 г. в Северо-Кавказском военном округе была создана сводная кавалерийская дивизия в составе Донского, Кубанского, Терско-Ставропольского казачьих полков и полка горских национальностей. Эта дивизия с большим успехом участвовала в параде 1 мая 1937 г. на Красной площади в Москве. В то же время ни о каком воссоздании утраченных и развитии сохранившихся этно-культурных особенностей казачества никто даже и не заикался. Казачество просто объявили «советским».

Таким образом, в масштабе осуществления террористической политики «расказачивания» в годы Гражданской войны реализация целенаправленного курса на скрытое расказачивание в 1920–1930-х годах привела к очень большим негативным последствиям во всех областях жизни казачества, отрицательно сказались на изменении его самосознания, основополагающих мировоззренческих принципов, традиционных казачьих морально-нравственных нормах и представлениях, культурных и бытовых особенностях и хозяйственного уклада казаков. Существованию и развитию казачества как особой этносоциальной общности был нанесен очень сильный, во многом невосполнимый урон. Серьезные отрицательные последствия самым непосредственным образом сказались и на всех без исключения элементах традиционной культуры донского казачества, что привело к утрате многих основных понятий, принципов, структур и явлений, определявших его внутреннее этническое содержание. Однако и после всех этих негативных изменений донское казачество все же сохранило свои основные этносоциальные признаки, казачье самосознание, культуру, что и стало основой его последующего возрождения.

§ 20. Донское казачество в Великой Отечественной войне

22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на Советский Союз. На нашу страну, на всех советских людей обрушились смертельная опасность и тяжелейшие испытания.

С началом Великой Отечественной войны в стране развернулось массовое добровольческое движение. Уже в июле 1941 г. в Сталинградской области, большую часть которой составляли земли бывшего Войска Донского, и в Ростовской области начинается формирование Донских казачьих добровольческих кавалерийских дивизий. Центром формирования дивизии в Сталинградской области была станица Михайловская, а в Ростовской – г. Сальск. Сформированная в Сталинградской области добровольческая казачья дивизия стала именоваться 15-й Донской казачьей кавалерийской дивизией. Ею командовал сначала полковник Н. Ф. Цепляев, а с осени – полковник С. И. Горшков. Образованная в Ростовской области другая добровольческая казачья дивизия получила наименование 116-й Донской казачьей кавалерийской дивизии, командовал которой в начале полковник П. В. Стрепухов, а с осени – генерал-майор Я. С. Шарабурко. Особенностью данных дивизий было не только то, что основная масса их личного состава состояла из донских казаков-добровольцев, а и то, что вступившие в них казаки-добровольцы по разным законным причинам (пожилой или, наоборот, молодой возраст, состояние здоровья, официальная «бронь», т. е. освобождение от призыва в вооруженные силы в виду важности профессиональной деятельности) не подлежали мобилизации в армию. Тем не менее, все они по зову совести решили идти на смертельную битву с врагом. Причем многие из них шли вместе со своими сыновьями. Так, казак станицы Морозовской И. А. Хомутов, сам уже будучи в преклонном возрасте, вступил в добровольческую дивизию вместе со своими сыновьями – 14 летним Александром и 16 летним Андреем. Казак станицы Березовской, ветеран 1-й мировой и гражданской войн, полный Георгиевский кавалер К. И. Недорубов вступил в казачье ополчение вместе с сыном Николаем (К. И. Недорубов за совершенные подвиги одним из первых казаков-добровольцев стал Героем Советского Союза). Казак Вышкварцев вступил в один из казачьих полков народного ополчения вместе со своей женой и сыном. И таких примеров было очень много.

В Ростовской области формировались 35-я, 38-я, 52-я и 68-я кавалерийские дивизии, подавляющее большинство личного состава

которых также составляли казаки. В то время, естественно, никто практически не проводил никакой грани между казачьим и неказачьим населением, поэтому во всех этих соединениях, включая и добровольческие казачьи, плечом к плечу сражались не только казаки, но и все остальные жители края. В то же самое время огромное число потомственных донских казаков воевало в самых разных пехотных, кавалерийских, артиллерийских и иных частях и подразделениях Красной Армии. Непреложным фактом являлось наличие казаков в качестве основной массы личного состава 15-й и 116-й Донских добровольческих казачьих кавалерийских дивизий.

Буквально в первые же дни войны в жестокую схватку с врагом вступили донские казаки 210-й моторизированной дивизии, сформированной незадолго до войны на базе упраздненной, как и многих других кавалерийских частей в связи с механизацией армии, 4-й Донской казачьей кавдивизии. Героически сражались и казаки частей и подразделений 1-го и 5-го кавалерийских корпусов.

Казаки мужественно сражались с фашистами на различных участках фронта. Беспримерную стойкость в крайне сложных условиях лета-осени 1941 г. проявили бойцы и командиры 35-й, 38-й, 52-й, 66-й и 68-й кавдивизий. Так, укомплектованная преимущественно казаками из Пролетарского, Шахтинского, Азовского, Сальского районов Ростовской области 68-я кавдивизия во время поспешного отступления в октябре–ноябре 56-й армии и оставления г. Ростова единственной из всех ее соединений не отошла за Дон, остановила врага под Новочеркасском. Чуть позже она перешла в наступление и 29 ноября выбила противника из Ростова, полностью освободив столицу Донского края.

Весной 1942 г. 15-я и 116-я Донские казачьи кавдивизии вместе с двумя кубанскими добровольческими казачьими дивизиями вошли в состав 17-го казачьего кавалерийского корпуса, которым тогда командовал генерал-майор М. Ф. Малеев. В июне командиром корпуса был назначен генерал-майор Н. Я. Кириченко. В конце июля – начале августа 1942 г. казачий корпус вел тяжелые и кровопролитные оборонительные бои на Кубани, на левом берегу реки Ея. Сдерживая натиск намного превосходящих сил противника, имевшего абсолютное превосходство в танках и самолетах, казаки стойко оборонялись и наносили ему значительные потери. Так, только за четыре дня боев с 30 июля по 2 августа казаки-добровольцы уничтожили более 4000 гитлеровцев, свыше 100 автомашин, 15 танков и много другой военной техники.

Мужественная оборона казаков на этом важном участке фронта задержала продвижение немецко-фашистских войск в направлении Краснодара, позволила ряду соединений Северо-Кавказского

фронта избежать окружения, отойти и закрепиться на новых оборонительных рубежах, сыграла существенную роль в срыве планов германского командования разгромить советские войска в междуречье Дона и Кубани.

Особенно отличились казаки в боях у станиц Кущевской и Шкуринской, где они в ходе конной контратаки наголову разгромили врага, уничтожив около 1800 гитлеровцев и много боевой техники. Затем корпус сдерживал наступление немцев на Туапсинском направлении. Успешные боевые действия казачьего добровольческого корпуса в районе станиц Кущевской, Шкуринской, Канеловской помимо военно-стратегического имели и большое морально-политическое значение. Они свидетельствовали о высоких боевых и моральных качествах казаков, вселяли в ряды сражавшихся в очень трудных условиях и терпевших поражение войск Северо-Кавказского фронта веру в возможность выдержать натиск сильного врага и одержать над ним победу. В середине августа 1942 г. Ставка Верховного Главнокомандования указывала командующему Северо-Кавказским фронтом: «Добейтесь того, чтобы все наши войска действовали как 17-й кавкорпус».

В передовой статье газеты «Красная звезда» за 22 августа 1942 г. отмечалось, что казаки 17-го кавалерийского корпуса «...служат примером для всех защитников Юга.., в трудные дни покрыли себя славой смелых, бесстрашных бойцов за Родину и стали грозой для немецких захватчиков». За проявленные мужество и героизм 555 казаков 25 августа были награждены орденами и медалями.

За боевые заслуги 27 августа 17-й казачий кавкорпус был преобразован в 4-й Гвардейский казачий кавалерийский корпус. 15-я Донская казачья кавдивизия стала 11-й Гвардейской Донской казачьей кавалерийской дивизией, а 116-я Донская казачья кавдивизия – 12-й Гвардейской Донской казачьей кавалерийской дивизией. По решению Ставки Верховного Главнокомандования от 20 ноября 1942 г. образовался новый 5-й Гвардейский казачий кавалерийский корпус в состав которого вошли 11-я и 12-я Гвардейские Донские казачьи кавалерийские дивизии, 63-я кавалерийская дивизия и отдельные корпусные части. Командиром корпуса был назначен генерал-майор А.Г. Селиванов. И уже 24 ноября, не получив времени на проведение внутренних организационных мероприятий и необходимых подготовительных действий, корпус получил боевой приказ о спешном выдвижении на один из самых трудных участков Северной группы войск Закавказского фронта. В первых числах декабря части корпуса вели ожесточенные бои с наступавшим противником, а затем перешли в контрнаступление и создали угрозу выхода в тыл важной моздокской группировки противника. Стремясь остановить

казаков, немцы бросили против них значительные силы, усиленные большим количеством танков. В период с 23 по 26 декабря бойцы корпуса отбивали яростные атаки гитлеровцев. Так 25 декабря противник при поддержке 45 танков дважды атаковал позиции 12-й казачьей дивизии, а на порядки 11-й казачьей дивизии он бросил 60 танков. Но казаки выдержали все удары, уничтожили большое количество танков и пехоты врага и не отошли с занимаемых рубежей. На следующий день немцы восемь раз атаковали полки 11-й кавдивизии, но казаки не отступили ни на шаг. 3 января 1943 г. 5-й казачий кавкорпус начал быстрое наступление. Победы казаков были отмечены благодарностью Военного Совета Закавказского фронта. Освободив Ставрополье, в 20-х числах января корпус вышел к границам Ростовской области. 7 февраля были освобождены города Новочеркасск, Азов, Батайск, Шахты. Преодолевая яростное сопротивление врага, выдержав тяжелый бой с его танковыми силами у Батайска, корпус подошел к Ростову. В ночь с 8 на 9 февраля части 11-й кавдивизии заняли его пригород станицу Нижне-Гниловскую, но затем были двинуты на преследование противника. 14 февраля Ростов освободили полки 28-й армии. Преследуя отступающего противника, 5-й Донской казачий кавкорпус начал кровопролитные бои по прорыву сильно укрепленных позиций немцев на р. Миус. За одержанные победы над врагом, проявленные доблесть и мужество при освобождении Северного Кавказа 11-я и 12-я Донские казачьи кавдивизии были награждены орденами Боевого Красного Знамени. Сотни бойцов и командиров корпуса получили высокие правительственные награды.

Но победа далась большой ценой. Части корпуса понесли серьезные потери. Командование корпуса решило обратиться к казакам Дона с призывом прислать пополнение. Текст письма с отчетом о пройденном боевом пути и призывом о направлении казачьего пополнения в корпус коллективно составлялся и обсуждался на собраниях в частях. Подписать его было доверено выбранным всеми казаками наиболее заслуженным воинам корпуса. Данное обращение нашло живой отклик на Дону. Вместо планировавшихся 5 тысяч человек пополнения в корпус прибыло 10,5 тысяч новобранцев, в том числе более 7 тысяч потомственных донских казаков.

Партизанское движение на Дону. В период временной оккупации Ростовской области немецко-фашистскими захватчиками в тылу врага мужественно боролись тысячи партизан и подпольщиков. Уже осенью 1941 г. на Дону, на случай возможной оккупации области, организуются партизанские отряды, группы подпольщиков, создаются базы будущих партизанских формирований с за-

пасами оружия, снаряжения, продовольствия. В короткое время было сформировано 83 партизанских отряда общей численностью около 3300 человек.

Особенно активно партизанская борьба развернулась летом и осенью 1942 г. В это очень трудное для страны время донские партизаны и подпольщики, постоянно рискуя собственной жизнью, беззаветно боролись с врагом. Особенно успешно действовали пять партизанских отрядов на южном побережье Таганрогского залива, два отряда («Отважный – 1» и «Отважный – 2») в Неклиноском районе области, три («Азовский», «Александровский – 1-й» и «Александровский – 2-й») в Азовском районе. Смело и решительно действовали партизаны отряда «Донской казак» Мигулинского района. Так, партизанка этого отряда Екатерина Мирошникова организовала в немецком тылу несколько подпольных групп, которые вели активно разведывательную и диверсионную деятельность, осуществляли связь между ними и командованием партизанского отряда. Во время выполнения очередного задания немцы схватили Е. Мирошникову и поле 8 дней пыток казнили отважную партизанку, не выдавшую никого из своих товарищей. Сообщая в Москву о подвиге юной партизанки, командование отряда «Донской казак» отмечало, что «Катя – это тоже Зоя Космодемьянская. Очень хотелось, чтобы молодежь узнала о подвиге своей землячки, молодой казачки-комсомолки, отдавшей свою жизнь за Родину, и боролись бы с врагом так, как боролась и ненавидела врага Катя Мирошникова».

29 июля 1942 г. Центральный штаб партизанского движения, утвердив план областной парторганизации о развертывании массовой партизанской борьбы в оккупированных районах Ростовской области, рекомендовал учитывать вероятность заигрывания немцев с казаками и ставил задачу присутствия в каждом партизанском отряде потомственных казаков. Предлагалось также, учитывая отсутствие в области лесных массивов, создавать конные партизанские отряды. Южному штабу партизанского движения рекомендовалось подбирать специальные группы из надежных казаков для заброски в действовавшие партизанские отряды на агитационную работу среди казачьего населения оккупированных районов.

Казаки-партизаны отряда «Гроза» в конце декабря 1942 г. – начале января 1943 г. вели бои с немцами в станице Семикаракорской. Заняв станицу, партизаны удерживали ее до подхода частей Советской армии. А через три дня, 7 января, они совершили неожиданный налет на станицу Раздорскую и также обороняли ее до подхода регулярных советских войск. За неделю ожесточенных боев 35 казаков отряда уничтожили около сотни гитлеровцев и бо-

лее 60 полицаев. И таких примеров мужественной борьбы с врагом донских партизан было очень много.

Казаки на фронте и в тылу в 1943–1945 гг. Неустанно трудились во имя победы труженики Дона. Помимо каждодневной напряженной работы по производству необходимой фронту промышленной и сельскохозяйственной продукции, буквально сразу после освобождения Ростовской области донские жители стали оказывать масштабную безвозмездную помощь продовольствием и одеждой проходящим частям Красной армии, особенно кавкорпусам. Поддерживая патриотический почин населения, 25 февраля 1943 г. руководство Ростовской области приняло специальное постановление «О принятии шефства над 5-м Гвардейским казачьим кавалерийским корпусом». В соответствии с ним предусматривалось развернуть широкую кампанию по набору в корпус новых добровольцев. Областному военкомату поручалось отбирать из числа призываемых в армию жителей области казаков и направлять их в корпус. Область обязывалась обеспечивать корпус дополнительным продовольствием и фуражом. Над каждым полком корпуса устанавливалось шефство конкретных районов области.

Жители Дона включились в массовое патриотическое движение по сбору средств на производство вооружений для армии. За короткое время, весной 1943 г. они сдали более 15 млн рублей на строительство танковой колонны «Донской казак». Казаки просили передать ее 5-му Донскому казачьему корпусу поскольку, как писалось ими в письме на имя Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, «этот корпус особенно близок сердцу наших людей, ибо в рядах его – донские казаки, преимущественно добровольцы». Затем были собраны средства на постройку еще трех танковых колонн. Всего за годы войны донскими жителями в Фонд обороны было сдано собственных средств на сумму более 110 млн рублей. Донские труженики внесли значительный вклад в общую победу над врагом.

Продолжая наступление, 5-й Донской корпус 8 сентября 1943 г. прорвал оборонительную линию противника на р. Кальмиус и занял его важный укрепленный пункт город Волноваху. Приказом Верховного Главнокомандующего от 10 сентября 1943 г. были отмечены успешные боевые действия казаков корпуса, а 11-й Донской казачьей кавалерийской дивизии присвоено почетное звание «Волновахская» и объявлена благодарность ее личному составу. Выполняя ответственный приказ командования, в конце декабря 1943 г. корпус двинулся в 700-километровый марш и 19 января 1944 г. вышел в заданный район сосредоточения для участия в Корсунь-Шевченковской наступательной операции. 26 января он вступил в бой и через 5 дней соединился с частями 27-й армии,

замкнув, таким образом, кольцо окружения крупной группировки немецко-фашистских войск. После этого части корпуса приняли активное участие в ее полном разгроме. 11 немецких дивизий были уничтожены или пленены. За большие боевые заслуги в этой крупной, сложной и ответственной операции 5-й Донской казачий кавкорпус был награжден орденом Боевого Красного Знамени, его 11-я дивизия – орденом Богдана Хмельницкого, а 12-я и 63-я дивизии получили почетные наименования «Корсуньских». Сотни казаков были награждены орденами и медалями, а Н. Сапунов и А. Иринин были удостоены звания Героев Советского Союза.

После этого корпус был направлен на освобождение Молдавии. Совершив напряженный марш, он с ходу форсировал реку Южный Буг и принял участие в Уманско-Ботошанской наступательной операции. С 21 августа по 8 сентября 1944 г. под командованием генерал-майора С. И. Горшкова 5-й Донской казачий корпус в составе конно-механизированной группы активно участвовал в крупнейшей Яссо-Кишиневской наступательной операции, освобождал города и села Молдавии и Румынии. С осени 1944 г. части корпуса сражались с упорно оборонявшимся противником в предгорьях Карпат, на равнинах Трансильвании, в городах Венгрии. Особенно тяжелые бои они вели в ходе Дебреценской операции, занятия городов Дебрецен и Ньиредьхаза. За достигнутые победы и занятие этих важных пунктов корпус получил две благодарности Верховного Главнокомандующего, а 37-й Донской казачий кавполк и 184-й артполк корпуса – почетные звания «Дебреценских».

В декабре 1944 г. части корпуса форсировали р. Дунай и приняли самое непосредственное участие в окружении сильно укрепленной венгерской столицы г. Будапешта. Отборные немецкие, в том числе эсэсовские, и венгерские части мощной Будапештской группировки упорно оборонялись. На ее деблокирование и прорыв окружения немецкое командование бросило крупные силы, основной ударной мощью которых являлись эсэсовские танковые дивизии. В результате сильного контрудара в районе озера Балатон противнику удалось рассечь надвое соединения 3-го Украинского фронта и создать реальную угрозу прорыва к окруженному Будапешту. В образовавшуюся брешь навстречу наступавшей танковой группировке врага в составе дивизий СС «Мертвая голова», «Викинг» и 1-й танковой в спешном порядке были переброшены все части 5-го Донского корпуса, усиленные пятью противотанковыми артиллерийскими полками. На участке между озером Веленце и рекой Дунаем развернулось ожесточенное сражение. Ценой огромного мужества и стойкости, понеся значительные потери, казакам корпуса удалось оставить противника и нанести ему существенный

урон в бронетехнике и живой силе. Особенно отличились бойцы 37-го Донского казачьего полка, проявившие массовый героизм. 27 января 1945 г. войска 3-го Украинского фронта перешли в наступление. Будапешт пал. За проявленную доблесть в сражении за Будапешт 13 февраля 5-й Донской казачий кавкорпус получил очередную благодарность Верховного Главнокомандующего, а 5 апреля ему было присвоено почетное звание «Будапештский». В марте части корпуса вели упорные бои у озера Балатон, а затем участвовали в Надьканижской наступательной операции. Успешные боевые действия корпуса были отмечены еще одной благодарностью Верховного Главнокомандующего. В апреле – начале мая 1945 г. корпус принял участие в Венской наступательной операции, совершив стремительный рейд в район Австрийских Альп к городу Фишбаху. Здесь он и закончил свой боевой путь.

За время войны части 5-го Гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса участвовали в сражениях за освобождение Северного Кавказа, Дона, Донбасса, Таврии, Правобережной Украины, Молдавии, геройски бились на территории Румынии, Венгрии, Югославии, Австрии. Бойцы корпуса, только по учтенным данным, уничтожили более 59 тысяч и взяли в плен около 24 тысяч солдат и офицеров противника, огромное количество неприятельской техники, орудий и пулеметов. Корпус был награжден орденом Боевого Красного Знамени, получил 8 благодарностей Верховного Главнокомандующего, удостоен почетного звания «Будапештский». Около 32 тысяч солдат и офицеров корпуса были награждены боевыми орденами и медалями, а 11 человек стали Героями Советского Союза.

Казачий коллаборационизм. В период войны военно-политическое руководство фашистской Германии предпринимало неоднократные настойчивые попытки привлечения на свою сторону донского казачества, создания казачьих военных формирований в составе вермахта. На путь сотрудничества с германскими властями встали некоторые известные белоэмигранты, в частности бывший донской атаман генерал П. Н. Краснов, генералы А. Г. Шкуро, С. Н. Краснов, Д. М. Силкин и др. Они являлись убежденными и непримиримыми идейно-политическими противниками большевистской партии и советского государственного строя и посчитали возможным для борьбы с ними заключение политического альянса с руководством фашистской Германии.

Осенью 1942 г., на временно оккупированной территории Ростовской области немецкие власти приступили к формированию так называемых казачьих частей. Первоначально к вступлению в них агитировались преимущественно казаки, однако спустя короткое

время в них стали записывать всех желающих, включая дезертиров и перебежчиков из Красной армии и даже уголовных элементов. Большинство из них, естественно, не имело никакого отношения к казачеству.

Для привлечения в эти формирования собственно казаков на Дон в ноябре 1942 г. приезжала группа бывших белогвардейских генералов и офицеров во главе с племянником бывшего атамана П. Н. Краснова генерал-майором С. Н. Красновым. Генерал П. Н. Краснов обратился с письменным воззванием к казакам, в котором призывал их к сотрудничеству с гитлеровцами. В г. Новочеркасске был образован так называемый штаб Войска Донского, который должен был координировать работу по привлечению добровольцев. Возглавил его произведенный немцами в полковники, а генералом Красновым в походные атаманы С. В. Павлов. Но несмотря на активнейшую поддержку оккупационных властей, формирование «казачьих» частей шло очень медленно и с большим трудом. К началу 1943 г. на Дону в городах Новочеркасске и Шахтах было сформировано только по одному «казачьему» полку малого 3-х эскадронного состава каждый. Вопрос о том, составляли ли большинство в них казаки, вплоть до настоящего времени остается открытым.

В ноябре 1942 г. немецкому полковнику Гельмуту фон Панвицу было поручено формирование из казачьего населения Дона, Кубани и Терека, а также из числа советских военнопленных «казачьих» частей для несения охранных функций и борьбы с партизанами. Для выполнения аналогичных задач в Белоруссии и на Украине тогда же в г. Шепетовке стали создаваться военные формирования из числа изъявивших желание служить у немцев советских военнопленных. Некоторые из этих отрядов, охранявших железные и шоссейные дороги, также назывались «казачьими». Но вступившие в них бывшие бойцы Красной Армии, заявившие о своем казачьем происхождении, довольно часто переходили к партизанам. В 1943 г., по данным Главного Разведуправления РККА, на сторону партизан перешло 1645 «добровольцев-казаков». Осенью этого же года все сформированные из военнопленных и «добровольцев» воинские части, в виду их низкой боеспособности и явного пожелания сражаться со своими соотечественниками, были переброшены с Восточного фронта на Балканы и во Францию.

В апреле 1943 г. в Восточной Пруссии полковнику Панвицу за счет активного привлечения в свои формирования советских военнопленных и дезертиров, удалось сформировать «казачью» дивизию в составе двух кавалерийских бригад, включавших 6 кавале-

рийских полков малого состава. Два из них назывались «Донскими». В августе дивизия была отправлена в Югославию для несения охранной службы и борьбы с местными партизанами.

Вместе с отступавшими с Дона и Северного Кавказа в начале 1943 г. немецкими войсками уходили и два «казачьих» отряда под командованием Павлова и Духопельникова, а также семьи «добровольцев». Из них была образована группа походного атамана во главе с Павловым. Позже в нее вошли беженцы с Кубани и Терека. Основную массу этой группы составляло гражданское население. С января 1944 г. группа, или так называемый «Казачий Стан», перемещается к г. Львову, а затем в Польшу. Оттуда в августе–сентябре 1944 г. беженцы были отправлены в Северную Италию в район г. Триеста на поселение и возможной борьбы с местными партизанами. После гибели Павлова Стан возглавил Т. И. Доманов.

Летом 1944 г. после неудачного покушения на Гитлера, организованного генералитетом резервных и тыловых армий, все тыловые германские части были выведены из состава вермахта и подчинены непосредственно рейхсфюреру СС Гиммлеру. 4 ноября переподчинена была и находившаяся в Югославии «казачья» дивизия Панвица, 25 февраля 1945 г. она была преобразована в 15-й «казачий» корпус СС, в который также вошли подразделения власовской РОА и украинский батальон СС и немецкие танковые части. Это преобразование носило сугубо формальный характер. Корпус воевал на фронте и никаких эсесовских «спецопераций» не осуществлял.

30 марта 1944 г. приказом германского военно-политического руководства было образовано Главное управление казачьих войск, которое должно было являться основным административно-политическим органом уже оставленных немецкими войсками казачьих областей юго-востока Европейской России. Во главе этого управления был поставлен П. Н. Краснов. В феврале 1945 г. штаб этого управления во главе с Красновым перебрался в «Казачий Стан». В апреле–мае 1945 г. после того, как местные итальянские власти предложили членам Стана сдать оружие и покинуть территорию страны, Стан перебазировался в Австрию в район г. Лиенца. Занявшие этот район английские оккупационные власти, несмотря на клятвенное обещание британского генерала Дэвиса, приняли решение о передаче всех членов «Казачьего Стана» советским органам. В конце мая – начале июня 1945 г. англичане арестовали и передали контрразведке 3-го Украинского фронта генералов П. Краснова, С. Краснова, Шкуро, Головко и других, а также всех 2426 старших и младших офицеров. Насильно выданы были и все гражданские беженцы. Такая же

участь постигла и личный состав 15-го корпуса Панвица. В общей сложности англичане передали советским властям свыше 20 тысяч человек. Больше половины из них составляли гражданские лица с Дона, Кубани, Терека. В СССР часть из них была осуждена, а другая часть отправлена на спецпоселения (в 1948 г. эти спецпоселенцы также были осуждены и отправлены в лагеря).

В январе 1947 г. в Москве состоялся суд над руководителями «казачьих» антисоветских политических организаций и командирами изменнических воинских частей. По приговору суда, 17 января П. Краснов, Шкуро, Доманов, Панвиц были казнены, другие обвиняемые получили длительные сроки заключения.

В период Великой Отечественной войны донское казачество по зову сердца встало на защиту Родины. Основной движущей силой при этом являлось для него высокое чувство патриотизма. Казаки мужественно выдержали все выпавшие на них тяжести и невзгоды военного лихолетья, героически сражались с врагом на фронте, неустанно трудились в тылу во имя Победы. Даже новое поколение казачества, выросшее уже при советской власти и впитавшее в себя соответствующие политико-идеологические, мировоззренческие установки, в годы войны продемонстрировало традиционные для казаков морально-нравственные принципы патриотизма, защиты Отечества, верности присяге и гражданского долга, смелости и отваги, беззаветного служения Родине. Конечно, в то время очень многие, правда с разной долей искренности, разделяли и советскую идеологию. Но доминирующими в их сознании являлись, безусловно, именно патриотические чувства. Даже у той крайне мизерной части казаков, в том числе белоэмигрантов, которая из корыстных или идеологических побуждений сотрудничала с гитлеровцами, были собственные, хотя и весьма своеобразные, патриотические взгляды, в частности мифические надежды на возможность создания на Дону независимого казачьего государства. Другое дело, что они не смогли или не захотели подняться над своими политико-идеологическими взглядами, в которых полностью доминировали радикальные антибольшевистские и антисоветские установки.

В целом участие донского казачества в Великой Отечественной войне, его мужественная борьба с немецко-фашистскими захватчиками стало еще одной яркой страницей в его славной истории.

§ 21. Возрождение донского казачества

Казачье движение, точнее движение за возрождение казачества, возникло в конце 1980-х годов. Первые его проявления и отдельные организационно-структурные образования возникли в различных историко-культурных и общественно-патриотических организациях, которые довольно активно развивались по мере ослабления жестких политико-идеологических теоретических и практических установок в период осуществления в стране так называемых «перестроечных» преобразований. В Ростовской области, в частности, такими общественными организациями являлись Донской военно-исторический клуб имени М. И. Платова, учредителями которого выступили Областной музей краеведения, областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, литературное объединение (товарищество) «Шолоховский круг», историко-культурное общество «Стародонье». Позднее образовались и первые казачьи организации «Казачий Круг Дона» и «Вседонской Круг».

Мощным толчком для дальнейшего развития и, что самое главное, начала организационного оформления казачьего движения стало создание весной 1989 г. казаками, проживавшими в столице, первого землячества московских казаков. Оно стало фактически первой казачьей организацией в стране как таковой. Тем самым было положено начало бурному процессу образований казачьих организаций практически по всей стране.

В общем и целом начальный период казачьего движения, этап его зарождения, характеризовался большой общественной активностью его участников и значительным, причем все увеличивавшимся, интересом к нему широких слоев как казачьего, так и неказачьего населения страны. Особенно это было характерно для районов традиционного проживания казачества. В то же время на данном этапе казачье движение еще не приобрело большую социальную базу, не стало массовым и организованным. Вполне определенный и все увеличивавшийся интерес к нему проявляли органы власти и управления различных уровней, прежде всего областных и местных, отчасти и силовые ведомства.

Спустя совсем немного времени после своего организационного оформления, официальной регистрации в установленном тогда порядке, члены московского землячества срезу же развернули активную и целенаправленную работу по подготовке Учредительного Круга с целью объединения разворачивавшегося казачьего движения всей страны.

И уже в июне 1990 г. в Москве состоялся Большой Учредительный Круг. Его делегаты приняли решение об образовании «Союза казаков» страны, утвердили его Устав, приняли специальное обращение «К братьям – казакам!». Атаманом Союза казаков был избран А. Г. Мартынов. Делегаты также избрали членов совета атаманов и атаманского правления. В качестве основополагающих принципов и основных направлений практической деятельности Союза казаков были определены: историческое и духовное возрождение казачества как самобытной этнической формации; социальная защита трудящихся традиционных казачьих областей и округов; поощрение предприимчивости и инициативы в производственной деятельности, возрождение на этой основе казачьей культуры. В духовной сфере провозглашалась свобода совести и вероисповедания, возрождение народных праздников и обрядов. В социально-экономической сфере провозглашалась ориентация на традиционный уклад жизни народа, полную свободу выбора тех форм хозяйствования, которые позволяли наиболее полно удовлетворить материальные и духовные потребности каждого человека. Приветствовалось объединение членов казачьих организаций в акционерные общества, кооперативы, фермерские ассоциации, создание независимых хозяйственных структур материального снабжения земледельцев и сбыта произведенной ими сельхозпродукции. Также провозглашалась цель добиваться установления особого режима землепользования в местах исторического проживания и хозяйственной деятельности казачьих этнических групп, создания специального Казачьего Земельного банка для обеспечения восстановления, бережного сохранения и использования земель. Декларировались задачи возрождения традиционного военно-спортивного воспитания детей, создания казачьих школ, гимназий, конно-спортивных баз, укрепление традиционного уклада жизни казачьей семьи.

В июне 1990 г. состоялся 1-й (организационный) Большой Круг казаков г. Волгограда, участники которого провозгласили создание общественной организации «Волгоградский округ Донских казаков». Позже формируется Совет атаманов Волгоградского, Хоперского и Усть-Медведского округов Волгоградской области.

На состоявшемся в ноябре 1990 г. в г. Ростове-на-Дону I-м Большом съезде (Круге) казаков Дона был образован «Союз казаков Области Войска Донского», который был провозглашен общественно-патриотическим движением и историческим приемником Войска Донского. В принятой Кругом Программе Союза казаков ОВД содержалось 11 разделов, отражавших основные цели и направления деятельности данной организации (участие в государственном и общественном самоуправлении; средства массовой информации и

издательская деятельность; культурно-историческая деятельность; связь с казаками за рубежом; сотрудничество с церковью; союз с армией; взаимоотношения с политическими организациями и движениями; экология и землепользование; общежитие донских казаков; организационная структура; собственность и денежные средства).

Таким образом, на протяжении второго этапа своего развития в период 2-й половины 1990 – лета 1991 г. происходило организационное оформление казачьего движения. Одновременно с новой силой осуществлялось существенное увеличение внешних масштабов и усиление внутреннего развития казачьего движения. Окончательно структурируется как само движение, так и его центральные и местные управленческие структуры. Казачье движение начинает постепенно политизироваться. Однако на данном этапе казачьи организации и в правовом, и в фактическом плане являлись исключительно общественными организациями. В движении, в его центральных управленческих органах и непосредственно на местах в регионах обозначается внутренняя оппозиция. Она вызревает по причинам политико-идеологических разногласий («красные» и «белые» казаки и соответствующие идеологические установки, отношение к советской власти, КПСС, «демократам» и «коммунистам»), а также из-за властных амбиций и борьбы за лидерство целого ряда руководящих казачьих деятелей.

После августовских 1991 г. политических событий начинается новый этап в развитии казачьего движения, продолжавшийся до середины 1990-х годов. Процессы, происходившие внутри движения в это время, были довольно сложными и противоречивыми.

В развитии казачьего движения на Дону наблюдается весьма значительный приток в казачьи общества большого числа казаков, их потомков, сторонников идей казачьего возрождения. В результате в начале 1990-х годов движение становится по-настоящему массовым. Это, естественно, существенно увеличивается его общественное значение. А повышение социального статуса казачьего движения поставило на повестку для усиление его роли во всей общественно-политической жизни регионов, особенно на территориях бывших казачьих областей.

Постепенно движение начинает приобретать даже статус всероссийского общественно-политического уровня. К нему уже со значительно большим вниманием относятся и общество, и властно-управленческие органы областных и даже центральных всероссийских рангов.

Одновременно с большим ростом масштабов и численности казачьего движения происходит развитие и определенное завершение

формирования его идеологии, практических направлений деятельности, устойчивых взглядов и представлений не только руководителей, но и основной рядовой массы его участников. Все эти тенденции развития казачьего движения, протекавшие в нем внутренние процессы, отразили специально проведенные социологические исследования.

Так, важные данные о процессах возрождения донского казачества, казачьем движении, отношении к нему не только со стороны общественности, но и рядовых жителей Ростовской области были получены в результате проведенного в середине 1992 г. исследования российской социологической службой «Мониторинг». Выясняя общую численность казачьего населения, социологи исходили из того, что в настоящее время тот или иной человек может быть идентифицирован с казачеством по критериям личного (родового, кровного) происхождения, самоидентификации (самосознание о его принадлежности к казачеству, четкое представление о том, что «я – казак, (казачка)», внешней идентификации. В результате проведенного опроса респондентов на вопрос: «Относите ли Вы себя к казачеству? Да или нет?» 28 % из них ответили однозначно утвердительно, 60 % – отрицательно, более 10 % – затруднились с ответом. Одновременно использованный метод внешней идентификации, т. е. выяснение, сколько у опрашиваемых знакомых казаков, дал усредненный показатель в 28,3 %. То есть если численность проживающего в Ростовской области донского казачества составляет порядка 28 % от всего населения области, то общее количество казаков составляет здесь более миллиона человек. 51 % из них проживал в городах области, а 49 % в сельской местности (в то же время приведенные данные вплоть до настоящего времени являются предметом дискуссии. Это же относится и к определению общей численности казаков и их потомков в целом по стране).

Большой и болезненной проблемой казачьего движения стал его организационный раскол. В 1993 г. в противовес Всероссийскому «Союзу казаков» некоторые донские казачьи лидеры организовали «Союз казачьих войск России и Зарубежья». Аналогичные деструктивные процессы происходили и на местах в регионах. Так, на Дону в 1994 г. в противовес «Союзу казаков Области Войска Донского» было создано «Всевеликое Войско Донское». Раскол затронул и низовые казачьи организации, их членов. Противостояние внутри казачьего движения подпитывалось как борьбой за власть и влияние лидеров казачества, так и во многом искусственно нагнетавшимися, в том числе и извне, политико-идеологическими противоречиями по вопросам прошлого и настоящего казачества.

В то же время серьезно усиливается политизация казачьего движения. При этом на значимую роль в политической жизни страны стали претендовать не только довольно многочисленные лидеры центральных, но и региональных казачьих организаций. В политическую борьбу втягивались и широкие массы рядового казачества. Одновременно представители самых разных политических движений и партий предпринимали активные попытки непосредственного влияния на казачьи организации всех уровней. В результате «розыгрыша казачьей карты» само казачье движение во многом стало заложником масштабных и зачастую недобросовестных политических игр различных общественно-политических сил. В такой ситуации небезучастными по отношению к движению являются и органы государственной власти и управления всех уровней. На высшем государственном уровне принимается целый ряд законодательно-распорядительных актов по отношению к казачьему движению, большинство которых являлось весьма непродуманным и носило популистский характер. Примерами могут служить Указ Президента РФ «О мерах по реализации Закона Российской Федерации "О реабилитации репрессированных народов" в отношении казачества» от 15 июня 1992 г., Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации казачества» от 16 июля 1992 г., Указ Президента РФ «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества» от 15 марта 1993 г., Постановление Правительства РФ «О концепции государственной политики по отношению к казачеству» от 22 апреля 1994 г. С целью осуществления Государственной политики по отношению к казачеству 1 июля 1994 г. создается специальный орган – Совет по делам казачества при Президенте РФ. В этих документах говорится о поддержке государством движения за возрождение экономических, культурных, патриотических традиций и форм самоуправления казачества, о земельных отношениях с казаками и особом режиме землепользования в казачьих областях, создании казачьих частей и подразделений в составе Вооруженных сил РФ. В политике государства по отношению к казачеству в то время отчетливо обозначилась тенденция привлечения его на государственную службу. За это казакам обещались различные льготы, прежде всего в области землепользования.

В середине первой половины 1990-х годов лидерами и идеологами казачьего движения с новой силой озвучиваются идеи о возможности и необходимости создания казачьих национально-территориальных образований. Особый размах декларативно-теоретическая деятельность в данном плане велась лидерами донско-

го казачества. Ими даже разрабатываются и принимаются разные конкретные программные документы по этому крайне непростому вопросу. Они вызвали немалую обеспокоенность и весьма болезненную реакцию государственных структур, а также неказачьего населения традиционных казачьих областей. Но немалая часть казаков, членов разных организаций, эту идею активно поддержала. В казачьих областях усиливается общественно-политическое брожение, отмечается рост общественно-политической напряженности. Данное обстоятельство с новой силой стимулирует законотворческое и практическое прикладное развитие государственной политики по отношению к казачьему движению.

Казачество и вопрос о его государственной службе. В течение следующего этапа развития казачьего движения доминирующей тенденцией становится курс на его тесное взаимодействие с государством в плане законодательного оформления и фактического функционирования государственной службы членов казачьих организаций.

Важное, рубежное значение для законодательного оформления государственной службы казачества и фактического вхождения казачьих организаций в структуру государственных органов имел Указ Президента РФ «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации», вышедший 9 августа 1995 г. В нем говорилось, что «в целях придания организационного характера движению за возрождение российского казачества» принималось временное положение о государственном реестре казачьих обществ. После утверждения порядка привлечения членов казачьих обществ к несению государственной и иной службы федеральным органам исполнительной власти предписывалось обеспечить необходимые условия для привлечения в установленном порядке членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, к несению государственной и иной службы, а также представить членам указанных казачьих обществ экономические и иные льготы в соответствии с федеральным законодательством. Органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления рекомендовалось, исходя из государственных интересов и потребностей регионов, принять меры по созданию условий для привлечения в установленном порядке членов внесенных в государственный реестр казачьих обществ к государственной службе, оказывать содействие в предоставлении им экономических и иных льгот в соответствии с действовавшим законодательством. Таким образом, казачье движение становилось под непосредственный контроль государства, его центральных и местных органов, а казачьи общества, члены которых заявили о своем желании нести государственную службу, вносились в специальный

государственный реестр и по сути становились своеобразными государственными структурами. Введение реестра, полярное отношение к нему различных центральных, региональных и местных организаций, самого казачества с новой силой раскололо казачье движение. Казаки разделились на «реестровых» и «общественных», т. е. на тех членов различных казачьих всероссийских, региональных и местных казачьих организаций, которые выразили желание работать на государственной службе, и тех, кто выступил решительно против этого, против общего подхода государства к движению за возрождение казачества как к одному из элементов общей внутренней государственной политики.

Государство практически окончательно определилось с содержанием и основными приоритетами своей политики по отношению к казачьему движению. Началась активная работа по выработке законодательной базы «реестровых» казачьих организаций, их места в общей государственной структуре. Вышел целый ряд президентских указов регламентировавших условия и порядок несения членами казачьих обществ государственной и иной службы: «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» от 16 апреля 1996 г.; «Об экономических и иных льготах, предоставляемых казачьим обществам и их членам, взявшим на себя обязательства по несению государственной и иной службы» от 16 апреля 1996 г.; «Об утверждении положения о порядке формирования целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации и режиме его использования» от 8 июня 1996 г.; «Об утверждении типового договора о несении государственной и иной службы членами казачьих обществ» от 13 июня 1996 г.; «О проведении эксперимента по невойсковой охране отдельных участков государственной границы Российской Федерации» от 19 июня 1996 г. Создается специальный высший государственный орган по управлению «реестровыми» казачьими организациями – Главное управление казачьих войск при Президенте РФ. Уставы основных «реестровых» организаций регистрируются в 1996 г. особыми Указами Президента РФ. Вскоре в государственном реестре казачьих организаций числилось 10 войсковых и 5 отдельных самостоятельных окружных и отдельских казачьих обществ, насчитывавших более 490 тысяч членов. Они располагались на территориях 46 краев, республик, областей и других субъектов Российской Федерации.

Таким образом, казачье движение окончательно разделяется на общественное и реестровое, а основной вектор его дальнейшего развития поворачивается в сторону теснейшего взаимодействия с

государством, государственной службы казаков. Данный поворот означал начало качественно нового и довольно своеобразного дальнейшего развития всего движения по возрождению казачества. В полной мере это, конечно же, относилось и к казачьему движению на Дону.

§ 22. Донское казачество на рубеже XX–XXI вв.

Казачье движение в конце 1990-х годов. После официальной регистрации специальным Указом Президента РФ Устава Войскового казачьего общества «Всевеликое Войско Донское» 17 июня 1997 г., данная организация вошла в государственный реестр казачьих обществ, а ее члены взяли на себя обязанности по несению государственной и иной службы. В результате казачье движение на Дону оказалось представленным двумя большими организациями с одинаковым названием «Всевеликое Войско Донское»: одна общественная во главе с атаманом Н. И. Козициным, а другая – фактически государственная реестровая во главе с атаманом В. Ф. Хижняковым. Различая между ними заключались не столько в плане формально-правового статуса, сколько в подходах к сущностному содержанию всего движения по возрождению казачества. Руководство первого «Войска Донского» продолжало отстаивать в качестве приоритетных идеи этносоциальных составляющих в центре процессов возрождения казачества с упором на широкую общественную и культурную деятельность, а второго реестрового «Войска Донского» прямо заявило о необходимости теснейшей взаимной связи процессов казачьего возрождения с практическими интересами государства в рамках государственной политики по отношению к казачеству. В адрес лидеров и членов реестрового войска стали звучать упреки в том, что взятый ими курс на прямое «огосударствление» казачьего движения является весьма ограниченным по своему содержанию и формам и является якобы бесперспективным. В ответ на это реестровые казаки заявляли, что теснейшее взаимодействие с государством, имеющее, безусловно, и очевидные издержки, тем не менее позволит всему казачьему движению получить мощную государственную административно-политическую и материальную поддержку и в конечном итоге – прочный фундамент своего существования и практической деятельности.

Фактическое существование двух потенциально различных по своему формально-правовому статусу и во многом по внутреннему

содержанию организаций и основным направлениям деятельности казачьих объединений существенно сказывалось на осложнении развития всего движения по возрождению донского казачества. Рядовые казачьи массы, активно участвовавшие в движении, в значительной мере оказались разобщенными и дезориентированными. Существование в общественно-политической жизни Дона двух казачьих объединений негативно сказывалось и непосредственно на них самих, их руководителях и членах. Практически все попытки их лидеров к поиску компромиссов, точек соприкосновения для дальнейшей совместной плодотворной работы и, таким образом, создания реальных предпосылок для объединения, ввиду принципиальных расхождений, заканчивались безрезультатно. В такой ситуации страдало само дело развития казачьего движения.

Однако уже скоро время стало расставлять все по своим местам. Казаки и широкая донская общественность стали судить о каждом из этих казачьих организаций по их практическим делам. Официальные власти стали активно поддерживать «реестровое» Войско. В октябре 1997 г. Президент РФ утвердил кандидатуру В. Ф. Хижнякова на посту атамана реестрового «Всевеликого Войска Донского». Атаманы округов этого войска были утверждены на своих должностях распоряжением начальника Главного Управления казачьих войск при Президенте РФ генерала А. П. Семенова. А губернатор Ростовской области В. Ф. Чуб в своих письмах к главам местных администраций области предложил рассмотреть и утвердить кандидатуры соответствующих окружных атаманов в качестве одних из их официальных заместителей или советников-консультантов по вопросам казачества.

К концу 1997 г. реестровое «Всевеликое Войско Донское» включало в себя 14 округов, в том числе 9 округов в Ростовской области и 5 округов в Волгоградской области. В состав войска официально входило порядка 50 тысяч человек. Но фактически в конкретной его жизнедеятельности принимало участие в несколько раз больше казаков.

Развивались, хотя и довольно трудно, новые сферы жизнедеятельности Войска. Так, довольно противоречивые оценки и мнения как самих участников движения по возрождению донского казачества, так и общественности вызвал принятый в сентябре 1999 г. закон Ростовской области «О муниципальных казачьих дружинах». При этом, безусловно, сказывались такие факторы, как само содержание этого закона и то, что он был единственным в своем роде в стране в целом. В соответствии с данным законом на местах в районах и городах области по решению соответствующих администраций могли создаваться муниципальные казачьи

дружины, основной функцией которых являлась деятельность по охране общественного порядка. Положительными аспектами их работы были позитивное влияние на улучшение местной криминогенной обстановки, создание рабочих мест для членов казачьих обществ, конкретная полезная и нужная их деятельность. В настоящее время в составе этих дружин числится около 1200 казаков (800 в Ростовской области и 400 в Волгоградской), они участвуют примерно в 3500 различных специальных мероприятиях совместно с сотрудниками ОВД, а также в раскрытии преступлений. Спорными являлись концептуальное обоснование задействования казаков в этих дружинах, их взаимосвязь с процессом возрождения казачества как таковым, особенно с его этносоциальной составляющей, влияния на отношение общественного сознания большинства населения области к казачьему движению в целом сквозь призму самого явления «казак-дружинник блюститель общественного порядка».

Двойственными были и характеристики образованного в соответствии с постановлением Главы администрации Ростовской области «Донского регионального Фонда возрождения казачества». Несмотря на столь громкое название, данный фонд на практике способствовал решению весьма локальных вопросов, связанных, в основном, с регулированием административных и кредитно-финансовых взаимоотношений членов казачьих структур, занимающихся производством сельхозпродукции с местными администрациями и финансовыми учреждениями. На практике, к сожалению, и административно-правовые, и кредитно-финансовые возможности данного фонда оказались довольно ограниченными. Существенными недостатками этого фонда являлись и очевидная узость сферы его практической деятельности, и изначальная ориентация на сотрудничество только с реестровыми казачьими обществами. В результате на практике идея данного фонда серьезной и масштабной реализации и, как следствие, позитивного влияния на весь процесс казачьего возрождения, фактически не получила. 30 октября 1999 г. Большой круг реестрового «Всевеликого Войска Донского» практически единогласно избрал атаманом В. П. Водолацкого. Одновременно он является и заместителем Главы администрации Ростовской области по вопросам казачества и экологии и главой Представительства Ростовской области при Правительстве Российской Федерации. К концу 1990-х годов движение по возрождению донского казачества преодолело важный этап своего развития, в течение которого был сделан значительный шаг вперед в плане наполнения процесса казачьего возрождения конкретным содержанием. В то же время серьезной проблемой казачьего движения, среди прочего, явилась его разобщенность.

«Всевеликое Войско Донское» в начале 2000-х годов. К началу 2000-х годов на Дону насчитывалось несколько десятков различных казачьих организаций. Только официально зарегистрированных было около 50 разных общественных и культурных казачьих объединений. Данное обстоятельство серьезно осложняло развитие всего казачьего движения. Значительный шаг вперед по преодолению его разобщенности был сделан по инициативе атамана ВКО «Всевеликое войско Донское» В. П. Водолацкого. Накануне 6-го Большого Круга «Всевеликого Войска Донского» в 2000 г. по его инициативе состоялось совместное совещание лидеров и атаманов практически всех существовавших казачьих организаций. На нем было принято решение образовать «Национальный Совет Донских казаков» в качестве высшей организационной структуры всех казачьих организаций Дона. В «Совет», являющийся фактически общественной организацией, на добровольных началах вошли практически все донские казачьи объединения. Он стал по настоящему консолидирующим объединенным органом, представлявшим интересы всех входивших в него казачьих организаций вне зависимости от их численности, программных целей и приоритетных направлений деятельности. В рамках практической работы «Национального Совета Донских казаков» стали разрабатываться конкретные мероприятия по укреплению единства всех казачьих структур, их совместной деятельности по борьбе с противоправными действиями на территориях Ростовской и Волгоградской областей, особенно с наркопреступностью, контролю за миграционными процессами, обеспечению общественной безопасностью. Большое внимание проблемам объединения всех казачьих организаций, единства всего казачьего движения было уделено в ходе работы самого ВКО «Всевеликое Войско Донское».

В 2001 г. во Всевеликое Войско Донское официально вошли Воронежский казачий округ, Липецкое и Калужское казачье землячества.

Важным событием для всех участников движения по возрождению казачества стал состоявшийся в августе 2002 г. Съезд Донских казаков. Он стал важной вехой в процессе реального объединения казачьих организаций путем выработки направлений и форм их практической деятельности в общем деле возрождения казачества. Многие противоречия, существовавшие между общественными и реестровыми казачьими структурами, были преодолены или существенно сглажены. Правда полностью разрешить проблему единства казачьего движения на Дону в силу ряда как объективных, так и собственно субъективных факторов, ее сложности и многоаспектности, не удалось разрешить и в этот раз. Однако значительный успех в данном направлении был очевиден.

Большую и очень важную работу ВКО «Всевеликое Войско Донское» ведет по пропаганде здорового образа жизни среди молодежи. В его различных спортивных секциях занимается более 20 тысяч подростков. Одним из приоритетных направлений деятельности является профилактика потребления наркотических средств и довольно серьезная борьба с их распространением. Членами казачьих дружин Азовского, Веселовского, Октябрьского, Тацинского, Дубовского, Боковского, Константиновского, Обливского, Песчанокопского, Зерноградского районов, городов Волгодонска, Новочеркасска, Сальска, Новошахтинска ежегодно пресекаются тысячи случаев сбыта наркотиков, выявляются десятки наркопритонов, порядка тысячи человек, занимающихся сбытом и изготовлением наркотических средств. В структуре Войска активно функционирует специальный орган – Управление по координации работы и борьбе с распространением наркотиков.

Войском совместно с Департаментом по делам казачества и казачьих учебных заведений осуществляется масштабная и целенаправленная работа по развитию казачьего образования, расширению сети казачьих учебных заведений (кадетских корпусов, гимназий, лицеев, школ). В настоящее время функционирует 8 казачьих кадетских корпусов в Ростовской области и 6 кадетских корпусов в Волгоградской области. В более 120 учебных заведениях Дона реализуется казачий региональный компонент.

Важное место в работе с молодежью отводится патриотическому воспитанию, повышению культурно-образовательного уровня, пропаганде физкультуры и спорта. Действуют 9 казачьих молодежных центров военно-патриотического воспитания. Казачье молодежное движение «Донцы» объединяет в своих рядах более 20 тысяч человек.

В декабре 2005 г., после долгих лет разработки, редакций и согласований, наконец-то был принят федеральный закон «О государственной службе российского казачества». Несмотря на многие его недоработки и некоторую противоречивость, данный закон позволил окончательно сформировать правовое поле деятельности реестровых казачьих организаций. В то же время данный закон вызвал неоднозначные оценки казачества. Его противники прямо заявили о подмене по сути всего казачьего возрождения только государственной службой казачества.

Участники движения по возрождению донского казачества проводят большую и плодотворную работу по развитию казачьей культуры.

Таким образом, к концу 1990-х – началу 2000-х годов движение по возрождению донского казачества стало важным явлением об-

щественной жизни Ростовской и Волгоградской областей. Донское казачество проявило себя как массовая созидательная и в целом конструктивная социальная сила. Несмотря на многочисленные и сложные проблемы как внутреннего, так и внешнего планов, казачье движение достигло значительных и довольно успешных результатов в своем развитии. Постоянно расширяется социальная база движения, растет его внутренняя организация, ширились направления и масштабы деятельности. Несомненными являются успехи в культурной и образовательной сферах жизни казачества.

Несмотря на то, что основной центр тяжести движения по возрождению донского казачества в настоящее время сосредоточен в сфере деятельности реестрового «Всевеликого Войска Донского», оно поступательно развивается не только в области расширения государственной службы казаков, но и в других областях казачьей жизнедеятельности.

В самом конце 1990-х – начале 2000-х годов была проведена значительная и очень нужная работа по объединению различных казачьих организаций в рамках Национального Совета Донских казаков. Однако проблема единства казачьего движения, к сожалению, сохраняется.

В настоящее время донские казаки, являющиеся как членами реестровых, так и общественных казачьих организаций, осуществляют большую и многогранную позитивную деятельность. Заметно вырос общественно-политический и общий социальный статус казачьего движения. Возрос его общественный и государственный авторитет. Большее внимание ему стало уделять и государство. В то же время государственная политика по отношению к казачеству продолжает оставаться далеко не целенаправленной и отчасти внутренне противоречивой.

§ 23. Казачьи органы местного территориального самоуправления на современном этапе

В период возрождения донского казачества на территориях Ростовской и Волгоградской областей стали образовываться казачьи местные органы территориального самоуправления. В соответствии с Уставом Ростовской области, принятым в апреле 1996 г., первоначальными объединениями казаков являлись хуторские и станичные казачьи общества, которые получали статус одной из форм территориального общественного самоуправления.

Во всех городах и районах Ростовской области вскоре были разработаны специальные нормативные акты, содержащие определения самого понятия, общие положения и конкретные функции и полномочия органов местного территориального самоуправления. Соответствующие правовые нормы были внесены в Уставы всех муниципальных образований области. Так, например, в «Положении о территориальном общественном самоуправлении Аксайского района» местный орган территориального общественного самоуправления определялся как «самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории муниципального образования (микрорайонов, кварталов, улиц, дворов и других территориях) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив в вопросах местного значения непосредственно населением или создаваемым им органам территориального общественного самоуправления». Такие органы образовывались, в частности, в Аксайском районе с 1995 г. Они создавались на сходах граждан или кругах местных казачьих обществ. Должностные лица данных органов избирались всеми присутствующими на этих сходах или кругах жителями конкретного населенного пункта путем тайного голосования. Первоначально практическая работа этих органов территориального общественного самоуправления осуществлялась на основе положений и норм уставов местных казачьих обществ, регистрировавшихся как органы территориального самоуправления.

Впоследствии стали разрабатываться в официальном порядке собственные уставы данных управленческих образований. Основными задачами их деятельности в начальный период функционирования являлись контроль за распределением земель под гражданское, индивидуальное и промышленное строительство, решительная борьба с самозастроем и самовольным отчуждением для этого земли, регламентация выделения местных земельных массивов под садово-огородные товарищества. Позже, после принятия районного Положения «О выборных органах территориального общественного самоуправления», они получили весьма существенные права в плане управления социально-экономическими процессами на своей территории, разработке и принятию программ и планов конкретной деятельности в этом направлении, утверждению отчетов о выполнении заданий социально-экономического развития данного муниципального образования.

Органы территориального общественного самоуправления стали создаваться и активно действовать и в городах. Так, после принятия Городской Думой г. Ростова-на-Дону в сентябре 1997 г. местного Положения «О территориальном общественном самоуправлении»

данные органы были созданы, по инициативе казачьих обществ, в Ленинском и Советском районах города.

Работу в данном направлении поддерживало и руководство Войскового казачьего общества «Всевеликое Войско Донское». В августе 1997 г. была принята специальная концепция деятельности отдела самоуправления Войска. В соответствии с ней этому отделу поручалось: содействовать реализации самостоятельного управления и собственных инициатив в вопросах местного значения непосредственно населением (казаками), в соответствии с уставами муниципальных образований и областными законами; контролировать организацию и проведение выборов органов территориального самоуправления казаков и выполнение принятых на их кругах и сходах решений; оказывать помощь в создании программ политического и экономического сотрудничества казачества и администрации муниципальных образований, программ деятельности органов территориального общественного самоуправления по социально-экономическому развитию конкретных местных территорий; участвовать в заседаниях представительных органах местного самоуправления при рассмотрении вопросов, затрагивающих интересы органов территориального самоуправления; способствовать передаче части полномочий местных администраций казачьим обществам-органам территориального самоуправления, а в местах компактного проживания казаков – местным атаманским правлениям. Однако процесс массового образования и активной деятельности органов территориального общественного самоуправления, к сожалению, не получил широкого распространения. По мнению специалистов, основными причинами этого являлись отсутствие целостной и продуманной государственной политики в данном направлении, ее целенаправленности и постоянства и, как следствие, необходимой всесторонней федеральной и областной законодательной и нормативной баз. Отрицательно сказывалась и низкая активность в вопросах образования и работы органов территориального и общественного самоуправления местного населения, что не позволяло распространить действенное самоуправление на весь тот или иной населенный пункт и, естественно, на всех его жителей. Важной негативной причиной являлось и отсутствие постоянного и необходимого финансирования деятельности органов самоуправления и казачьих обществ, что не позволило им стать реальными управленческими органами на местах. Большая проблема заключалась и в неверном концептуальном подходе к решению вопроса организации сельского местного самоуправления, которое по окончанию срока полномочий народных депутатов сельских районов и населенных пунктов

фактически было ликвидировано в 1996 г. А попытки совместить на одной и той же территории того или иного района или населенного пункта местные администрации как первичные органы управления данного муниципального образования и органы территориального общественного самоуправления, не имевшие необходимого управленческого потенциала, опыта работы и оказавшихся на практике неспособными непосредственно участвовать и даже влиять на региональное управление, на практике не были поддержаны населением. Некоторые участники казачьего движения, внесшие собственный вклад в его идеологию и практику, высказали интересную идею о том, что восстановление реального местного самоуправления и ход в этом контексте процесса возрождения казачества может начаться с восстановления местной общины. При этом они особо отметили, что казачество, как единственная активная сила, объединенная в общества в сельской местности, может выступить в роли организатора в восстановлении местного самоуправления. Главной задачей в этом направлении они называли восстановление казачьих обществ как органов сельского управления, к сфере которого можно отнести многие вопросы экономического и социального развития конкретных сельских населенных пунктов.

Помимо государственно-политических факторов и обусловленных ими нормативно-законодательных основ образования и механизмов практической деятельности органов территориального самоуправления важнейшим элементом их жизнедеятельности являются вопросы финансирования. Одним из наиболее перспективных направлений финансового обеспечения органов территориального самоуправления может стать формирование системы их самофинансирования. Данная система, в свою очередь, должна основываться на прочной собственной экономической базе. Это позволит обеспечить полноценность функционирования и устойчивость органам самоуправления. Финансово-экономическими источниками формирования такой экономической базы, по мнению специалиста областной администрации И. И. Золотарева, участвующего в руководстве донским казачьим движением, могли бы стать денежные поступления от земельного налога с населения за владение им земельными и имущественными паями. К тому же это позволило бы гораздо более эффективно контролировать процессы местного землепользования и землевладения. Следующим источником мог бы стать доход от более рационального использования земель, предоставляемых местным казачьим обществам, включенных в государственный реестр, целевого земельного фонда, а также земель, закрепленных за администрациями населенных пунктов. Одной

из эффективных форм их использования могла бы стать передача этих земель в аренду наиболее производительным и конкурентоспособным предприятиям или отдельным гражданам. Таким образом, только передача части связанных с оборотом земли управленческих функций явилась бы серьезным и постоянным источником поступления средств для функционирования органов самоуправления. Другими источниками могли бы стать также использование недвижимого и движимого имущества, находящегося в собственности местных администраций или муниципальных образований, путем создания на его базе собственных предприятий или сдачи его в аренду. Перспективным является и развитие непосредственно на местах предприятий бытового обслуживания.

Позитивный опыт организации особых по своей форме, характеру функционирования и направлениям деятельности казачьих обществ накоплен в традиционных казачьих органах Волгоградской области. Здесь при окружном казачьем обществе «Волгоградский округ» созданы автономные некоммерческие организации (АНО) с широким спектром хозяйственной деятельности. Особенно эффективно работали АНО «Волгодонагропродкомплект» и АНО «Бережь». Например, деятельность АНО «Бережь» осуществлялась в области добычи и использования водных биоресурсов на основе областного «Временного положения о порядке распределения общих допустимых уловов водных биологических ресурсов». Имея закрепленное в законодательном порядке право приоритетного выделения квот на улов рыбы, координационный совет казачьих организаций Волгоградской области в 2000 г. начал осуществлять производственную деятельность по промысловому вылову рыбы в водоемах области. При этом главной целью его деятельности стало привлечение коренных жителей донских районов, т. е. казаков и их потомков, к работе по лову, переработке рыбы и поставке рыбных продуктов в продовольственный фонд области. Работа координационного совета казачьих организаций началась практически «с нуля», без необходимых финансовых и материально-технических ресурсов. Отсутствовали не только необходимые денежные средства, места базирования, плавучие средства, орудия лова, но даже и подготовленные профессиональные кадры. Тем не менее, уже в самом скором времени работники координационного совета казачьих организаций области, опираясь на имевшиеся скромные ресурсы и производственные возможности АНО «Бережь» и некоторых рыболовецких обществ, на договорных взаимовыгодных началах привлекли к работе необходимые материально-технические средства и кадры, обеспечили довольно значительные объемы вылова рыбы на Цимлянском водохранище и ее переработку на рыбзаводах

Волгограда, Краснослободска, Волжского. Всего за путину 2001 г. казачьи общества выловили, переработали и реализовали около 70 тонн рыбы. С целью расширения масштабов и увеличения эффективности хозяйственной деятельности стала проводится работа по привлечению к ней других казачьих обществ и созданию целой ассоциации казачьих рыбодобывающих обществ. Причем деятельность в данном направлении велась не только в Волгоградской области, но и за ее пределами. К совместному сотрудничеству стали привлекаться казачьи общества Астраханской и Нижегородской областей, Ставропольского края.

Первыми и очень важными итогами функционирования автономной некоммерческой организации «Бережь» стали создание и деятельность на принципах полного самофинансирования во многом принципиально нового по своему содержанию социально-экономического образования, весьма успешно решавшего непростые проблемы не только финансово-экономической, но и значительной по своему содержанию и масштабам работы социальной направленности в интересах немалого количества жителей близлежащих станиц и хуторов. К тому же казачьи общества и образованные при них автономные некоммерческие организации все доходы от своей хозяйственной деятельности, после необходимых отчислений в виде налогов и заработной платы, направляли на расширение собственного экономического воспроизводства, увеличение объемов материально-технических ресурсов и финансовых средств, а самое главное – на реализацию посильных социальных программ разной направленности в интересах всех своих членов и их семей. Немаловажным является и то обстоятельство, что члены казачьих обществ и работники их некоммерческих организаций рассматривают основные средства производства своей хозяйственно-экономической деятельности, например земли или водоемы, не в качестве источника сиюминутного получения максимальных доходов от их эксплуатации, а в плане их наиболее рачительного использования с расчетом на долгосрочную перспективу, сохранения их производственно-хозяйственного потенциала для своих потомков.

По мнению исследователей истории и современного развития казачества, идеи возрождения традиционных казачьих общественных структур, основанных на общинных принципах, являются довольно перспективными. Но они могут успешно воплощаться в жизнь при обязательном выполнении некоторых условий. Прежде всего создающиеся общинные структуры не должны противоречить существующему федеральному и местному законодательству. Главным требованиям при образовании таких общин должно быть добровольное желание казаков и иных жителей станиц и хуторов объединиться

под общей эгидой общинного самоуправления. При создании общин необходим серьезный и всесторонний учет местных природно-географических, экономических, культурно-исторических, этнических, демографических и иных факторов, которые позволили бы выбрать наиболее оптимальные формы хозяйствования, землепользования и распределения сельскохозяйственных площадей.

§ 24. Культура казачества в постсоветский период

В постиндустриальную эпоху общественные процессы изменяются под качественным влиянием информационной среды, а потому важнейшим аспектом культурного казачьего ренессанса следует признать последовательное воссоздание специальных образовательных учреждений, предпринятое в течение последних 15 лет.

Образование. Приоритетным направлением деятельности областных властей и казачьих структур является разработка регионального казачьего компонента в образовании. 27 января 2000 г. атаман В. П. Водолацкий издал приказ за № 3 «О некоторых мерах по организации образования в Войске». В начале августа этого же года Законодательное собрание Ростовской области приняло решение «Об утверждении региональной программы поддержки казачьих обществ на 2000–2001 годы», которое создало экономическую основу развития казачьего образования. Наконец, в декабре 2000 г. Министерство образования Ростовской области совместно с отделом образования Войска разработали инструктивное письмо «О присвоении областного статуса «казачье» дошкольным учреждениям, казачьим классам, школам, казачьим гимназиям и другим учебным заведениям, которое стало нормативно-правовым документом для казачьих учебных заведений. В 2000 г. на территории области казачий компонент был введен в шести образовательных учреждениях. В. П. Водолацкий с помощью областных организаций добился, чтобы из федеральной целевой программы государственной поддержки казачьих обществ на 1999–2001 гг. было выделено 7 109 000 рублей, которые впоследствии были направлены Донскому Императора Александра III кадетскому корпусу, Вешенской мужской казачьей школе им. М. И. Платова, казачьей гимназии им. Я. П. Бакланова, Казачьему профессионально-техническому училищу № 107 (г. Волгодонск), средним школам № 2 (г. Каменск), № 23 (г. Шахты), № 15 (г. Ростов-на-Дону), Каменскому военно-историческому клубу, Алексеевскому кадетскому корпусу (Волгоград-

ская область), казачьей школе г. Калач-на-Дону. Полученные средства были израсходованы на закупку технических средств обучения, оборудования для учебных классов, учебных пособий.

В дальнейшем из региональной программы поддержки казачьих обществ на 2000–2001 гг. были выделены около 400 тысяч рублей на организацию учебы руководителей казачьих обществ, проведение научно-практических конференций по вопросам образования и возрождения культуры казачества, на подготовку и издание учебников по истории Донского казачества и на разработку учебно-методических рекомендаций по изучению истории и культуры Донского казачества.

В 2002 г. из бюджета Ростовской области было выделено 5 214 тысяч рублей на финансирование казачьих учебных заведений. На них подготовлены и изданы учебники по истории Донского казачества, ведется разработка учебно-методических рекомендаций по изучению истории и культуры донского казачества, приобретена учебная литература по программам, реализующим казачий компонент, а также школьная мебель, спортинвентарь, учебное оборудование.

К началу 1990-х годов сложились все объективные и субъективные предпосылки, необходимые для восстановления и расширения сети кадетских корпусов. Среди них выделялись: необходимость повышения уровня образования и приведения его в соответствие с мировыми стандартами; потребность в определении правильных стиля и методов национально-государственного, нравственного и эстетического воспитания; необходимость создания демократического, гражданского, цивилизованного российского общества; нужда в подготовке кадров для государственной службы, которые бы имели соответствующее образование.

У истоков возрождения кадетских корпусов в стране стояло донское казачество. В октябре 1991 г. в Новочеркасске открылся Донской Императора Александра III кадетский корпус, который унаследовал наименование, атрибутику и традиции своего предшественника, существовавшего в этом городе с 1883 по 1920 г., а затем до 1933 г. находившегося в Сербии.

30 сентября 1994 г. постановлением губернатора был решен вопрос о выделении помещений Донскому кадетскому корпусу и о придании ему статуса государственного областного учреждения полного общего образования. В результате различных переформирований был освобожден комплекс зданий прежней школы-интерната № 28 и отдан в распоряжение кадетского корпуса. Получив статус государственного военно-учебного заведения, Донской ка-

детский корпус стал получать бюджетное финансирование, набрал новый штат, укрепил офицерский состав.

Культура. Культурное возрождение донского казачества осуществляется преимущественно в форме художественной самодеятельности, постепенно обретающей профессиональный характер. Важную роль в указанном процессе играет целенаправленная поддержка со стороны областного правительства и казачьих структур, а также многочисленных меценатов. Одним из результатов подобного плодотворного сотрудничества следует признать регулярное проведение казачьего фестиваля детской художественной самодеятельности «Веселый курень». Он уже стал традиционным, а впервые был проведен 23 апреля 1997 г. в Каменске-Шахтинском, где собрались 39 фольклорных детских коллективов из 16 территорий Ростовской области.

Одним из самых насыщенных периодов в культурной жизни возрожденного казачества стал 2001-й год, который начался с VI традиционного фестиваля детских самодеятельных коллективов «Веселый курень», который прошел в марте в Азове. Фестиваль охватил широкий спектр детского творчества: хореография, музыкальное и хоровое искусство. Он стал хорошей школой для юных артистов, показавших высокий уровень исполнительского мастерства. Как и в предыдущие годы, ярким событием не только для казаков Дона, но и для казаков всех регионов России, стал литературно-фольклорный фестиваль «Шолоховская весна». Праздник способствовал сближению культур разных народов, возрождению, сохранению и развитию культурных традиций Донского края, укреплению межрегиональных связей.

В дни празднования 360-летия Азовского осадного сидения прошло одно из самых ярких событий 2001-го года – Межрегиональный фестиваль казачества «Казачье братство». Его участниками стали известные фольклорные коллективы, ансамбли песни и пляски из стран Содружества Независимых Государств: Азербайджана, Армении, республики Беларусь, Казахстана, Молдовы, Украины, а также Калмыкии, Череповца и Чукотского автономного округа России.

Свой первый юбилей – пятилетие – отметил фестиваль самодеятельных коллективов «Заиграем песню во станице», который прошел в станице Боковской и по организации и проведению был на ступень выше предыдущих. Основная цель его – пропаганда лучших фольклорных традиций Дона, выявление талантливых коллективов и исполнителей донской народной казачьей песни, укрепление уже существующих фольклорных коллективов и создание условий для образования новых.

В первый день 11 коллективов северных территорий области показывали свое мастерство на сцене районного Дома культуры. Во второй день состоялся творческий вечер руководителя Войскового фольклорного ансамбля «Православный Дон», заслуженного работника культуры Российской Федерации Геннадия Вечеркина. На протяжении 15 лет этот замечательный человек продолжает линию предшествующих собирателей фольклора. Прекрасный музыкант, талантливый руководитель, он собрал и выпустил сборник «Песенное ожерелье Чира» – настольную книгу для самодеятельных коллективов и любителей казачьей песни. В него вошли песни, которые поют или, как говорят на Дону, «играют» в хуторах и станицах, расположенных в верховьях казачьей реки Чир.

Таких ансамблей за последнее время выросло много, старейшим из них является ансамбль песни и пляски донских казаков г. Азова: ему около полувека. Он сумел даже в советское время возродить, сохранить и пропагандировать лучшие образцы донского казачьего фольклора. В основу художественного творчества ансамбля положены народно-песенные и танцевальные традиции Дона. В его программе хоровые, протяжные, исторические и военные песни. Причем, танцевальные номера программы создавались с учетом характерных особенностей хореографической культуры казачьего края. За эти годы коллектив вырастил не одно поколение талантливых музыкантов, певцов, танцоров.

Первое признание к коллективу пришло в 1970 г., когда за большую концертную деятельность и высокое исполнительское мастерство ансамблю было присвоено звание народного. После этого он неоднократно становился лауреатом Всероссийских и Всесоюзных фестивалей художественного самодеятельного творчества, за что был награжден Большой Золотой медалью.

Следующая ступень – участие в съемках музыкального кинофильма «Песни России» в телевизионном туре по городам СССР. Дважды коллектив выступал по центральному телевидению, а во время съемок кинорежиссерами ГДР и ФРГ фильмов о донском крае он представлял песенное и танцевальное искусство Дона.

Азовским казакам рукоплескали лучшие концертные залы: Кремлевский Дворец съездов, Колонный зал Дома Союзов, Концертный зал им. П. И. Чайковского. За последующие 16 лет ансамбль участвовал в фестивалях и концертных поездках по Европе, был в Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Германии. Это были годы больших творческих свершений. В постановке танцевальных номеров, к примеру, принимали участие известные в стране мастера хореографического искусства: народный артист СССР, лауре-

ат Государственной премии Михаил Годенко, заслуженный артист РСФСР Аркадий Кондаков, Геннадий Десятой. Большая заслуга в успехе ансамбля принадлежит Валерию Иванову, руководившему им в то время.

Идут годы, меняются исполнители, но не стареют творения мастеров. Золотым фондом репертуара ансамбля являются «Там за курганом пики блещут», «У Дона, у реки», «Донские игрища». Яркий след в развитии и становлении ансамбля оставили замечательные музыканты: Василий Зыбайлов, Владимир Логинов, хормейстер Евгений Боев, балетмейстер Андрей Красуля.

В историю ансамбля яркой страницей вписаны такие события, как участие в торжествах, посвященных 80-летию М. А. Шолохова в Вешенской, в открытии выставки «Молодежь страны Советов» на ВДНХ СССР, в 1-м международном фольклорном фестивале в Москве, в международных фестивалях в Испании (дважды), Франции, Швейцарии, Латвии, на Канарских островах, а также на открытии Первых Всемирных юношеских игр в Москве.

Семь лет назад, в связи с 45-летием ансамбля, ему был присвоен статус муниципального. Последние два года XX столетия также для ансамбля были успешными: он стал лауреатом II Всероссийского фестиваля народного творчества «Салют Победы», а также участником заключительного гала-концерта его лауреатов на Красной площади.

Наконец, на III Всероссийском фестивале-конкурсе «Поет село родное» он показывает высочайшее мастерство и вновь становится лауреатом.

Многие специалисты, постоянно совершенствуя свое мастерство, достигли высочайшей культуры исполнения. А с приходом в коллектив известного балетмейстера-постановщика Геннадия Дыбовского программа выступлений была выстроена как сквозное единое действие. Непрерывность номеров создает целостность и упругий ритм всего выступления, уводит зрителя от привычной «концертной» формы.

В этом есть заслуга и нынешнего руководителя ансамбля Людмилы Николаевны Голиковой, которая руководит им последние три года. Людмила Николаевна – коренная дончанка. Закончила музыкальное отделение Азовского педучилища, долгие годы работала концертмейстером в школах города, а с 1985 г. стала солисткой ансамбля песни и пляски донских казаков г. Азова. Принимала участие во всех последних концертных программах. В 1992 г. создает ансамбль народной песни «Цвет лазоревый» при Азовском центре творчества молодежи. Вскоре ансамблю присваивают звание «образцовый».

С 1997 г. Л. Н. Голикова – хормейстер ансамбля песни и пляски донских казаков. Работая, продолжала учебу в Ростовском филиале Санкт-Петербургской академии культуры, которую закончила в 1998 г. На следующий год стала хормейстером знаменитого коллектива.

Сегодня в составе ансамбля работают 45 человек: солисты хора, танцоры балетной группы, музыканты оркестра. Они оттачивают мастерство, чтобы приумножить славу коллектива...

Следует отметить еще один самобытный народный ансамбль – «Лазорик», который создала 17 лет назад Светлана Анатольевна Муллокандова, руководящая им до настоящего времени. «Лазорик» – участник многих городских, областных и Всероссийских фестивалей и конкурсов, неоднократно представлял донское искусство на представительных фестивалях во Франции, Германии, Польше, Болгарии в составе казачьих делегаций.

Показательным в этом плане был второй войсковой фестиваль самодеятельности коллективов детского казачьего творчества, который прошел в Белой Калитве под патронажем Белокалитвенского юрта Донецкого округа. На детский фестиваль собрались 17 коллективов из 8 территорий Дона в возрасте от 8 до 14 лет. Участники фестиваля соревновались за победу в четырех номинациях: вокальная, хореография, народно-инструментальная музыка и солист-вокалист. А началось все с торжественной музыки, которую исполнял духовой оркестр Донского императора Александра III кадетского корпуса, выноса знамени Усть-Белокалитвенского юрта и исполнения гимна Войска Донского. В напряженной борьбе выявились победители престижного конкурса, которыми стали: в номинации вокально-хореографической – детский фольклорный ансамбль «Гулюшка» (г. Новочеркасск, руководитель ансамбля – Ю. Хачатурян), в хореографии – ансамбль «Солнечная радуга» (г. Гуково, руководитель – Ольга Чудкова) и ансамбль ДК им. Чкалова (г. Белая Калитва; руководитель – Любовь Гвозденко), в номинации народно-инструментальная музыка – детский ансамбль народных инструментов г. Гуково (руководитель – Владимир Чудков), среди солистов-вокалистов – Н. Бобырева из Белой Калитвы.

Казачья культура сохранила изначальную самобытность, несмотря на десятилетия жесткого идеологического прессинга. Именно она определяет истинный облик казачьего возрождения, способствуя восстановлению исходных основ высокой духовности и глубокого восприятия окружающей действительности. Процесс культурного ренессанса не выглядит простым, но именно он по-

зволит вернуться к истинным истокам и понять, что именно стоит возрождать и развивать потомкам славных казачьих родов. В определенном смысле, возрождение культуры – это становой хребет самого казачьего возрождения, успешность которого напрямую зависит от последовательного восстановления важнейших принципов духовной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. – М., 1924. – Т. 1–4.

2. *Голубинцев А. В.* Русская Вандея. Очерки гражданской войны на Дону. 1917–1920. – Мюнхен,1959.

3. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. – Минск, 2001. – Т. 1–5.

4. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. – Ростов н/Д,1992.

5. Казачий словарь-справочник / А. И. Скрылов, Г. В. Губарев. – Кливленд – Сан-Ансельмо, 1966–1970. – Т. I–III.

6. *Краснов П. Н.* Всевеликое войско Донское // Белое дело. Дон и Добровольческая армия. – М., 1994.

7. *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. – Л., 1927.

8. Крестная ноша. Трагедия казачества / авт.-сост. В. С. Сидоров. – Ростов н/Д, 1994.

9. *Поляков И. А.* Донские казаки в борьбе с большевиками. – Мюнхен, 1962.

10. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. – М., 1991.

11. *Филипп Миронов.* Тихий Дон в 1917–1921 гг. (сборник документов). – М., 1997.

Рекомендуемая

1. *Бабичев Д. С.* Донское трудовое казачество в боьбе за власть Советов. – Ростов н/Д, 1969.

2. *Борисенко И. П.* Советские республики на Северном Кавказе. – Ростов н/Д, 1930. – Т. 1–2.

3. *Берз Л. Н., Хмелевский К. А.* Героические годы. – Ростов н/Д, 1964.

4. *Венков А. В.* Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. – Ростов н/Д, 1995.

5. *Венков А. В.* Донская армия // Донской военно-исторический альманах. Вып. 1. – Ростов н/Д, 2006.

6. *Венков А. В.* Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. – Ростов н/Д, 1995.

7. *Венков А. В.* Донское казачество в гражданской войне. – Ростов н/Д, 1992.

8. *Воскобойников Г. Л., Прилепский Д. К.* Борьба партии за трудовое казачество. – Грозный, 1980.

9. Гражданская война в России: перекресток мнений. – М., 1994.

10. *Дедов И. И.* В сабельных походах. Создание красной кавалерии на Дону в годы гражданской войны и ее роль в разгроме контрреволюции на Юге России в 1918–1920 гг. – Ростов н/Д, 1989.

11. Донские казаки в прошлом и настоящем. – Ростов н/Д, 1998.
12. *Ермолин А. П.* Революция и казачество. – М.,1982.
13. *Зимина В.Д.* Крах германофильской монархической контрреволюции на Юге России в годы гражданской войны и интервенции. – Калинин, 1989.
14. Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. – М., 1988.
15. Казачество в революциях и гражданской войне. – Черкесск, 1988.
16. Казачий Дон: очерки истории: в 2 ч. – Ростов н/Д, 1995.
17. *Кириенко Ю. К.* Крах калединщины. – М., 1976.
18. Его же. Революция и донское казачество. – Ростов н/Д, 1988.
19. *Кислицын С. А.* Государство и расказачивание. 1917–1945. – Ростов н/Д, 1996.
20. Октябрь на Дону и Северном Кавказе. – Ростов н/Д, 1977.
21. *Сергеев В. Н.* Политические партии в южных казачьих областях России. 1917–1920 годы: в 3 ч. – Ростов н/Д, 1994.
22. *Трут В. П.* Казачий излом. Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революций 1917 года. – Ростов н/Д, 1997.
23. *Футорянский Л. И.* Борьба за массы трудового казачества в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март–октябрь 1917). – М., 1984.
24. *Футорянский Л. И.* Казачество России в огне гражданской войны (1918–1920 гг.). – Оренбург. 2003.
25. *Хмелевский К. А., Хмелевский С. К.* Буря над Тихим Доном // Исторический очерк о гражданской войне на Дону. – Ростов н/Д, 1984.
26. *Янчевский Н. Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. – Ростов н/Д, 1927.

Учебное издание

ИСТОРИЯ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Учебник для студентов высших учебных заведений

Редактор *Л. Г. Зайцева*
Корректоры *Г. А. Бибикова, Л. А. Багрянцева*
Технический редактор *Д. В. Свавицкая*
Компьютерная верстка *О. Ю. Лаврикова*
Дизайн обложки *О. В. Чурбанова*

Лицензия ЛР № 65-41 от 01.09.1999

Подписано в печать 11.08.2008.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 27,00.
Тираж 100 экз. Заказ № 101.

Издательство Южного федерального университета.
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.
Тел.: (863) 264-00-19.

Отпечатано в типографии ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1.